

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

2021 Том 12 № 3

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ГРАММАТИКИ И СЛОВАРЯ

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantic>

**Научный журнал
Издается с 2010 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61215 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Денисенко Владимир Никифорович,
доктор филологических наук,
профессор, РУДН,
Москва, Российская Федерация
E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Новоспасская Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук, РУДН,
Москва, Российская Федерация
E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Ответственный секретарь

Лазарева Олеся Викторовна,
кандидат филологических
наук, РУДН, Москва,
Российская Федерация
E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Беднарова-Гибова Клаудиа, доктор филологических наук, доцент, Институт британских и американских исследований Университета г. Прешов, Прешов, Словакия

Болдырев Николай Николаевич, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

Владимирова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет, доктор филологических наук, профессор, заслуженный профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Карасик Владимир Ильич, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

Красина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Беларусь

Монфорте Дюпре Роберто, доктор филологических наук, доцент, Университет Страны Басков, Витория-Гастейс, Испания

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Петров Александр Владимирович, доктор философских наук, профессор, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Талавера-Ибарра Педро Леонардо, доктор философии, профессор, Южный университет Штата Миссури, Джоуплин, Миссури, США

Темиргазина Зифа Какбаевна, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Республика Казахстан

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. СЕМИОТИКА. СЕМАНТИКА**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий (Ulrich's Periodicals Directory:

<http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Scopus, Electronic Journals Library CyberLeninKa, EBSCOhost, DOAJ.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» издается с 2010 г. и является периодическим рецензируемым научным изданием, входит в список журналов ВАК РФ. Журнал является международным и по составу редакционной коллегии, и по тематике и авторам публикаций.

Журнал углубляет и разрабатывает вопросы общей и частной теории языка; теорию речевой деятельности и речи; семиотические характеристики знаковых систем, единиц языка разных уровней и текста; семиотику и поэтику художественных текстов; функциональную семантику лексических и грамматических единиц; предлагает вниманию комплексное и сопоставительное исследование типологии категорий и единиц языка.

Журнал публикует статьи, доклады, рецензии и научную хронику исследований ведущих ученых различных областей гуманитарной сферы, а также материалы молодых ученых — докторантов, аспирантов и магистров. Материалы публикуются на русском и английском языках.

Правила оформления статей и другая информация о журнале размещена на сайте: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Каждая статья рецензируется анонимно двумя экспертами. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов.

Подписной индекс по каталогу Роспечати — 80555.

Электронный адрес: semioticj@rudn.ru

Литературный редактор: К.В. Зенкин
Компьютерная верстка: Ю.Н. Ефремова

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: semioticj@rudn.ru

Подписано в печать 15.09.2021. Выход в свет 30.09.2021. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 33,15. Тираж 500 экз. Заказ № 634. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2021

RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES, SEMIOTICS AND SEMANTICS

2021 VOLUME 12 No. 3

LINGUISTIC DOMINANTS OF GRAMMAR AND LEXICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3
<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Founded in 2010

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir N. Denisenko

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: denisenko-vn@rudn.ru

DEPUTY-EDITOR-IN-CHIEF

Natalia V. Novospasskaya

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Olesya V. Lazareva

RUDN University,

Moscow, Russian Federation

E-mail: lazareva-ov@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Kludia Bednárová-Gibová, University of Prešov, Prešov, Slovakia

Nikolay N. Boldyrev, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation

Tatyana Vladimirova, MSU n.a. M.V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation

Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Languages University, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Vladimir I. Karasik, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation

Elena Krassina, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Valentina Maslova, Vitebsk State University n.a. P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Roberto V. Monforte Dupret, University of Basque Country, Vitoria-Gasteiz, Spain

Marina Novikova, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Alexandr Petrov, Taurian Academy Crimean Federal University n.a. V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation

Vladimir Sinyachkin, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Pedro L. Talavera-Ibarra, Missouri Southern State University, Joplin, Missouri, USA

Zifa Temirgazina, Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

**RUDN JOURNAL OF LANGUAGE STUDIES,
SEMIOTICS AND SEMANTICS**
**Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(the RUDN University), Moscow, Russian Federation**

ISSN 2411-1236 (online); 2313-2299 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics>

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Scopus, EBSCOhost, DOAJ, Russian Index of Science Citation

Aims and Scope

“*RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*” elaborates and deepens the topics of general and special theory of language, speech activity and speech; semiotic features of sign systems and those of language units, belonging to different levels and texts; semiotics and poetics of literary texts; functional semantics of lexical and grammatical units; pays attention to complex and comparative typological research of language categories and units.

General goals and objectives of the journal, besides the development and propaganda of humanities, include the integral characteristics of paradigms of philological and humanitarian knowledge — symbolic and social paradigms, in particular. As to the application, methodology and complex, integral methods of theoretical research of language and society are being elaborated as well as the research in systemic linguistics and language modeling.

Academic Journal “RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics” was founded in 2010 (4 issues a year) and is a peer-reviewed journal on the list of the RF State Commission for Academic Degrees and Titles. It's an international journal regarding both the editorial board and contributing authors as well as research and topics of publications. Its authors are leading researchers possessing PhD and PhDr degrees, and PhD and MA students from Russia and abroad. The journal also introduces such sections as “Reviews”, “Scientific Reviews”, “Scientific Chronicles”.

Submission requirements and stylesheet guidelines are available online: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/about>

Each article is being reviewed anonymously (peer-reviewing) by two experts. The editorial board makes up a final decision on publication referring to the opinion of the reviewers.

Access to full-text files of issues and articles on the journal website is open to all users. Print issues are subscribed.

E-mail: semioticj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: semioticj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

The Peoples' Friendship University of Russia (the RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ГРАММАТИКИ
И СЛОВАРЯ

ОТ РЕДАКЦИИ

- Новоспаская Н.В., Лазарева О.В. (Москва, Российская Федерация).**
Лингвистические доминанты грамматики и словаря 537

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И ЛИНГВОСЕМИОТИКА

- Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. (Мытищи, Российская Федерация), Осипова А.А. (Москва, Российская Федерация).** Вариативность при диахроническом переводе текстов Библии 547

- Денисова Г.Л. (Тольятти, Российская Федерация).** Оценочная составляющая метафоры «верх — низ» в немецкой политической карикатуре 559

- Chesnokova O.S., Radović Marija, Kotenyatkina I.B. (Moscow, Russian Federation) (Чеснокова О.С., Радович М., Котеняткина И.Б. (Москва, Российская Федерация)).** Spanish South American and Brazilian Demonyms: Morphosyntactic Structure and Axiological Values (Испанские южноамериканские и бразильские демонимы: морфосинтаксическая структура и аксиологические ценности) 576

- Векшин Г.В. (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Герцев М.Н. (Долгопрудный, Российская Федерация), Лоскот Я.Е. (Москва, Российская Федерация).** Автоматическое выявление звуковых повторов в стихе: реализация силлабоцентрического подхода в программе Phonotext 597

- Комалова Л.Р., Голощапова Т.И. (Москва, Российская Федерация).** Алгоритмизация анализа сообщений социальной интернет-сети, в которых прослеживаются признаки речевого акта оскорбления 619

- Lacková M. (Zilina, Slovakia) (Лацкова М. (Жилина, Словацкая Республика)).** Morphological Peculiarities of Lexical Units of English Origin in Contemporary Russian Slang: Dictionary and Corpus Analyses (Морфологические особенности лексических единиц английского происхождения в современном русском сленге: словарный и корпусный анализ) 632

- Аль-Фоади Р.А. (Багдад, Ирак), Зарытовская В.Н. (Москва, Российская Федерация), Аль-Рознамачи Р.Х. (Багдад, Ирак).** Словообразовательная мотивация в русском и арабском языках и ее роль в достижении переводческой эквивалентности 652

- Filyasova Yu.A. (Saint-Petersburg, Russian Federation) (Филясова Ю.А. (Санкт-Петербург, Российская Федерация)).** English Career Terms Synonymy (Синонимия английских карьеро-ориентированных терминов) 669

- Цибизова О.В., Галанкина И.И. (Москва, Российская Федерация).** Англицизмы в молодежном сленге 2020—2021 гг.: опыт описания и анализа 684

- Зарипов Р.И. (Москва, Российская Федерация).** Метафорические образы будущего России в контексте конституционной реформы 2020 года на материале французских СМИ 699
- Косогорова М.А. (Москва, Российская Федерация).** Характеристики числительных в различных идиомах языка фула 714
- Наумова Е.А., Ананченкова П.И. (Москва, Российская Федерация).** Репрезентация социополитической трансформации в современной лексике японского языка 735

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И АНАЛИЗ ТЕКСТА

- Каменева В.А., Рабкина Н.В. (Кемерово, Российская Федерация).** «Этическая оценка» как одна из тактик актуализации стратегии делегитимизации в предвыборном дискурсе 743
- Лунькова Л.Н., Фролова Ю.И. (Коломна, Российская Федерация).** Лексико-грамматические способы выражения противительности в англоязычном художественном тексте 758
- Ларионова М.В. (Москва, Российская Федерация), Демкина А.В. (Буэнос-Айрес, Аргентинская Республика).** Хештег как лингвокогнитивная единица испанского политического дискурса 774
- Гладко М.А. (Минск, Республика Беларусь).** Инструменты формирования эмоциональной атмосферы в познавательном телепространстве 789
- Клещенко Л.Л. (Санкт-Петербург, Российская Федерация).** «Русский медведь» в испаноязычном медиадискурсе 806

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИКИ. СЕМИОТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Маслова В.А. (Витебск, Республика Беларусь).** Через синергетический союз лингвистики с другими науками — к новым проблемам и направлениям 823
- Маркелова Т.В., Новикова М.Л. (Москва, Российская Федерация).** Концептосфера «здоровье — болезнь»: культурный код 848
- Скрипник К.Д. (Ростов-на-Дону, Российская Федерация).** История семиотических идей: сигнифика леди Виктории Уэлби 875
- Лукин О.В. (Ярославль, Российская Федерация).** И.А. Бодуэн де Куртенэ, А. Шлейхер и «Beiträge Zur Vergleichenden Sprachforschung Auf Dem Gebiete Der Arischen, Celtischen Und Slawischen Sprachen» 888
- Yakimenko N.E., Qiu Xueying (Saint-Petersburg, Russian Federation) (Якименко Н.Е., Цю Сюэин (Санкт-Петербург, Российская Федерация)).** The Structure of the Dictionary Entry of the Educational Linguoculturological Dictionary of Russian Proverbs Against the Backdrop of Chinese Language Equivalents: Description Issues (Структура словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря русских пословиц на фоне китайских языковых эквивалентов: проблемы описания) 905
- Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Рыбаков М.А. (Москва, Российская Федерация).** Актуальные направления современной лингвистики с позиций системного подхода. Некоторые размышления об итогах научной стажировки в РУДН «Общая и частная методология филологической науки» 2019 года 918

CONTENTS

LINGUISTIC DOMINANTS OF GRAMMAR AND LEXICS

EDITORIAL NOTE

- Novospasskaya N.V., Lazareva O.V. (Moscow, Russian Federation).**
Linguistic Dominants of Grammar and Lexics 537

FUNCTIONAL SEMANTICS AND LINGUISTIC SEMIOTICS

- Khukhuni G.T., Valuitseva I.I. (Mytishchi, Russian Federation), Osipova A.A. (Moscow, Russian Federation).** Variation in Diachronic Translation of Bible 547
- Denisova G.L. (Togliatti, Russian Federation).** Valuation Component of Metaphor UP vs. DOWN in German Political Cartoon 559
- Chesnokova O.S., Radović Marija, Kotenyatkina I.B. (Moscow, Russian Federation).** Spanish South American and Brazilian Donyms: Morphosyntactic Structure and Axiological Values..... 576
- Vekshin G.V. (Saint-Petersburg, Russian Federation), Gertzev M.N. (Dolgoprudny, Russian Federation), Loskot Y.E. (Moscow, Russian Federation).** Automatic Detection of Sound Repetitions in Verse: Realising the Syllabocentric Approach in the Phonotext Program 597
- Komalova L.R., Goloshchapova T.I. (Moscow, Russian Federation).** Algorithmization of Potentially Insulting Speech Acts Analysis: Messages Posted on Social Network Site 619
- Lacková M. (Zilina, Slovakia).** Morphological Peculiarities of Lexical Units of English Origin in Contemporary Russian Slang: Dictionary and Corpus Analyses 632
- Al-Foadi R.A. (Baghdad, Iraq), Zarytovskaya V.N. (Moscow, Russian Federation), Al-Roznamachi R.H. (Baghdad, Iraq).** Motivation of Word Formation in Russian and Arabic Languages and its Role in Achieving Translation Equivalence 652
- Filyasova Yu.A. (Saint-Petersburg, Russian Federation).** English Career Terms Synonymy..... 669
- Tsibizova O.V., Galankina I.I. (Moscow, Russian Federation).** Loan Words from English in Youth Slang 2020—2021: Evidence of Description and Analysis 684
- Zaripov R.I. (Moscow, Russian Federation).** Russia's Future Metaphorical Images in the Context of Constitutional Reform of 2020 as Exemplified in French Media 699

Kosogorova M.A. (Moscow, Russian Federation). Numeral System in Various Fula Lects.....	714
Naumova E.A., Ananchenkova P.I. (Moscow, Russian Federation). Social Aspect of Socio-Political Changes in Japan and their Reflection in the Neologisms of Japanese	735
DISCOURSIIVE PRACTICES AND TEXT ANALYSIS	
Kameneva A.V., Rabkina, N.V. (Kemerovo, Russian Federation). “Ethical Evaluation” as a Tactics of Delegitimization strategy in the Pre-election Discourse.....	743
Lunkova L.N., Frolova Ju.I. (Kolomna, Russian Federation). Lexical-and-Grammatical Means of Expressing Oppositivity in an English Literary Text	758
Larionova M.V. (Moscow, Russian Federation), Demkina A.V. (Buenos Aires, Argentine Republic). Hashtag as a Linguocognitive Unit of Spanish Political Discourse	774
Gladko M.A. (Minsk, Republic of Belarus). Tools of Creating Emotional Climate in Knowledge-Based TV Space	789
Kleshchenko L.L. (Saint-Petersburg, Russian Federation) “Russian bear” in the Spanish-language Media Discourse	806
THEORY, METHODOLOGY AND HISTORY OF LINGUISTICS. SEMIOTICS AND LINGUOCULTUROLOGY	
Maslova V.A. (Vitebsk, Republic of Belarus). Through the Synergetic Union of Linguistics and Other Sciences — to New Challenges and Directions	823
Markelova T.V., Novikova, M.L. (Moscow, Russian Federation). «Health — Disease» Conceptual Sphere: Cultural Code	848
Skipnik K.D. (Rostov-on-Don, Russian Federation). The History of Semiotic Ideas: Victoria Lady Welby’s Significs	875
Lukin O.V. (Yaroslavl, Russian Federation). J. Baudouin de Courtenay, A. Schleicher and “Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen”	888
Yakimenko N.E., Qiu Xueying (Saint-Petersburg, Russian Federation). The Structure of the Dictionary Entry of the Educational Linguoculturological Dictionary of Russian Paremiias Against the Backdrop of Chinese Language Equivalentents: Description Problems	905
Valentinova O.I., Denisenko V.N., Rybakov M.A. (Moscow, Russian Federation). Topical Trends of Modern Linguistics with the Positions of the Systemic Approach. Some Thoughts on the Results of a Scientific Internship at RUDN University “General and Specialized Methodology of Philological Science”, 2019.....	918

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ГРАММАТИКИ И СЛОВАРЯ

LINGUISTIC DOMINANTS OF GRAMMAR AND LEXICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-537-546

УДК 81

Редакционная статья / Editorial article

Лингвистические доминанты грамматики и словаря

Н.В. Новоспасская, О.В. Лазарева✉

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
✉lazareva-ov@rudn.ru

Аннотация. В редакционной статье описываются принципы отбора материала номера и его преемственность уже опубликованным исследованиям. Статьи выпуска посвящены новым тенденциям исследования лексики и грамматики современных языков. Отмечаются такие тенденции синхронической лингвистики, как сопоставительные исследования языковой картины мира, аксиологический аспект в лингвистике слова, текста и дискурса; также представлены контрастивная лексикография, переводоведение, корпусная лингвистика, дискурсивные практики и анализ текста.

Ключевые слова: современные тенденции в лингвистике, корпусная лингвистика, аксиология, междисциплинарность, проблемы перевода, дискурсивные практики, текст

История статьи:

Дата поступления: 20.06.2021

Дата приема в печать: 01.07.2021

Для цитирования:

Новоспасская Н.В., Лазарева О.В. Лингвистические доминанты грамматики и словаря // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 537—546. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-537-546

© Новоспасская Н.В., Лазарева О.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

UDC 81

Linguistic Dominants of Grammar and Lexis

Nataliya V. Novospasskaya, Olesya V. Lazareva✉

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
✉lazareva-ov@rudn.ru

Abstract. The editorial describes the principles of selection of the issue's material and its continuity with already published research. The articles of the issue are devoted to new trends in the study of lexis and grammar in modern languages. Such tendencies of synchronic linguistics as comparative studies of the linguistic picture of the world, the axiological aspect in linguistics of word, text and discourse, as well as contrastive lexicography, translation studies, corpus linguistics, discourse practices and text studies are noted.

Keywords: modern trends in linguistics, corpus linguistics, axiology, interdisciplinarity, translation studies, text studies and discourse practices

Article history:

Received: 20.06.2021

Accepted: 01.07.2021

For citation:

Novospasskaya, N.V. & Lazareva, O.V. (2021). Linguistic Dominants of Grammar and Lexis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 537—546. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-537-546

Введение

Предлагаемый выпуск научного журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика» состоит из трех разделов, первый из которых — «Функциональная семантика и корпусная лингвистика» — составляют работы, объединенные объектом и методами исследования. Необходимо особо отметить, что ряд статей, представленных в данной части выпуска, принадлежит авторам, которые уже печатались на страницах нашего журнала и продолжают развивать заявленное направление лингвистических исследований.

Краткий обзор статей номера

В работе д.филол.н. Г.Т. Хухуни, д.филол.н. И.И. Валуйцевой (Мытищи, Российская Федерация) и д.филол.н. А.А. Осиповой (Москва, Российская Федерация) «Вариативность при диахроническом переводе текстов Библии» продолжается большая серия статей, посвященных различным аспектам переводов Библии (см., например, [1; 2; 3; 4]). В предлагаемой статье основное внимание авторы уделяют самому понятию вариативности и его связи с проблемой перевода, что может быть обусловлено языковыми и внеязыковыми, экстралингвистическими факторами, а также на то, что вариативность

перевода Священного Писания остается актуальной проблемой современной лингвистики.

В работе «Оценочная составляющая метафоры «верх — низ» в немецкой политической карикатуре», автор **д.филол.н. Г.Л. Денисова** (Тольятти, Российская Федерация) — известный исследователь феномена поликодового текста политической карикатуры [5; 6; 7; 8], в данном выпуске журнала представляет статью, в которой описывается реализация метафоры «верх — низ» как оппозиции *хорошее — плохое* и *невыполнимое — реальное*. Основным объектом анализа здесь избирается аксиологическая составляющая данной метафоры в языковом сознании немцев.

В статье **д.филол.н. О.С. Чесноковой, М. Радович** и **к.филол.н. И.Б. Котеняткиной** (Москва, Российская Федерация) «Spanish South American and Brazilian Demonyms: Morphosyntactic Structure and Axiological Values» («Испанские южноамериканские и бразильские демонимы: морфосинтаксическая структура и аксиологические ценности») рассмотрены семантика и деривационные грамматические особенности имен жителей в южноамериканском испанском и бразильском португальском языках. Статья является продолжением работы авторов в изучении ономастических средств вариантов романских языков Южной Америки [9; 10; 11].

В работе **д.филол.н. Г.В. Векшина** (Санкт-Петербург, Российская Федерация), **к.физ.-мат.н. М.Н. Герцева** и **Я.Е. Лоскота** (Москва, Российская Федерация) «Автоматическое выявление звуковых повторов в стихе: реализация силлабоцентрического подхода в программе Phonotext» предложен анализ лингвистической базы, алгоритмов и методики веб-приложения Phonotext, автоматически анализирующего и визуально формирующего отчет о звуковой композиции и звукосимволическом семантическом членении поэтического текста.

Д.филол.н. Л.Р. Комалова и **к.филол.н. Т.И. Голощанова** (Москва, Российская Федерация) в статье «Дифференцированный анализ речевого жанра «оскорбление» на материале сообщений социальной интернет-сети» рассматривают русскоязычные тексты интернет-ресурса «ВКонтакте» с позиции их принадлежности к незаконным действиям согласно юридическим трактовкам в уголовном, гражданском и административном кодексах.

Ph.D. Marta Latsková (Марта Лацкова) (Жилина, Словацкая Республика) в публикации «Морфологические особенности лексических единиц английского происхождения в современном русском сленге: словарный и корпусный анализ» на материале лексики онлайн-словаря сленга и текстового корпуса Russian Web 2011 (ruTenTen11), выборки, полученной с помощью поисковой функции Sketch Engine, проводит исследование морфологической адаптации англицизмов в русском сленге.

Коллектив авторов в составе **д.филол.н. Р.А. Аль-Фоади, Р.Х. Аль-Рознамачи** (Багдад, Ирак) и **к.пед.н. В.Н. Зарытовской** (Москва, Российская Федерация) в статье «Словообразовательная мотивация в русском и арабском языках и ее роль в достижении переводческой эквивалентности» обсуждают

актуальную лингвистическую проблему выделения наиболее значимых элементов неологизмов арабского языка для установления стандартов их образования в современных условиях словообразовательной активности, и, кроме того, дополнительно данный материал рассматривается в аспекте перевода и переводимости.

К.филол.н. Ю.А. Филясова (Санкт-Петербург, Российская Федерация) в работе “English Career Terms Synonymy” («Синонимия английских карьерно-ориентированных терминов») продолжает серию статей, посвященных различным ресурсам английского языка как языка для специальных целей [12; 13] и рассматривает проблему терминологической синонимии при формировании лексической системы определенной профессиональной области.

В работе **к.филол.н. О.В. Цибизовой** и **И.И. Галанкиной** (Москва, Российская Федерация) «Англицизмы в молодежном сленге 2020—2021 гг.: опыт описания и анализа» поставлена задача охарактеризовать новые английские заимствования, определить их лексические и грамматические особенности по сравнению с заимствованиями предыдущих периодов. Впервые молодежный сленг рассматривается в аспекте глобализационных процессов. В исследовании проведен анализ интернет-публикаций и данных словарей, результаты опросов информантов; дано диахроническое сопоставление, результат которого авторы прокомментировали рост количества англицизмов по сравнению с 2010-ми гг., появление ряда особенности формирования лексических значений и грамматикализацию новых лексических единиц.

К.филол.н. Р.И. Зарипов (Москва, Российская Федерация) продолжает серию работ [14; 15], посвященных метафорическим образам будущего России на материалах зарубежных СМИ. Описание метафорических выражений сфер-мишеней «Россия» и «Будущее России» показал, что западная политическая элита через французские средства массовой информации формирует пейоративный образ России как недемократической страны, лишенной будущего и обреченной на исчезновение. Предлагаемая работа «Метафорические образы будущего России в контексте конституционной реформы 2020 года на материале французских СМИ» приобретает особую актуальность в условиях нарастания геополитического противостояния и информационно-психологической войны.

В статье **к.ф.н. М.А. Косогоровой** (Москва, Российская Федерация) «Характеристики числительных в различных идиомах языка фула» исследуется система числительных в дисперсном языке фула, в работе представлены языковые данные шести крупнейших идиомов фула. Особое внимание автор уделяет классификации баз числительных на соматические, коммерческие и смешанные, поскольку эта область числительных для языка фула ранее не исследовалась и попадает под значительное контактное влияние.

В исследовании **к.с.н. Е.А. Наумовой** и **П.И. Ананченковой** (Москва, Российская Федерация) «Репрезентация социо-политической трансформации в современной лексике японского языка» посвящено изучению некоторых

социальных аспектов влияния общественно-политических изменений в Японии в 2010—2020 годах и их вкладу в появление неологизмов японского языка.

Второй раздел выпуска «Дискурсивные практики и анализ текста» открывает статья «“Этическая оценка” как одна из тактик актуализации стратегии делегитимизации в предвыборном дискурсе» **д.филол.н. В.А. Каменевой и к.филол.н. Н.В. Рабкиной** (Кемерово, Российская Федерация); авторы продолжают исследование политического дискурса [16; 17] и предлагают описание языковых приемов, объективирующих тактику делегитимизации на примере речей Джо Байдена во время предвыборной кампании 2020 года.

Д.филол.н. Л.Н. Лунькова и Ю.И. Фролова (Коломна, Российская Федерация) в статье «Лексико-грамматические способы выражения противительности в англоязычном художественном тексте» предложили исследование структуры пространственного, логического и грамматического противопоставлений, четко разграничивая понятия оппозиции и оппозитивности.

В публикации **к.филол.н. М.В. Ларионовой** (Москва, Российская Федерация) и **к.филол.н. А.В. Демкиной** (Буэнос-Айрес, Аргентинская Республика) «Хештег как лингвокогнитивная единица испанского политического дискурса» описаны результаты анализа особенностей испанского политического дискурса на материале интернет-публикаций правительства, министерств и ведомств Испании, посвященных противодействию коронавирусной инфекции. Статья продолжает серию работ авторов, посвященных испанскому политическому дискурсу [18; 19]. Авторы подчеркивают актуальность исследования и показывают осмысление хештега как дискурсивной единицы с точки зрения теоретического языкознания, теории дискурса, когнитивистики и прагмалингвистики. Одновременно уточняется статус хештега в качестве самостоятельной категории дискурса и объем его ключевых когнитивно-прагматических и языковых характеристик. В статье делается вывод о том, что в соответствии с функциональным критерием обоснована следующая таксономическая классификация хештегов: хештеги-прототипы ситуации или события, хештеги-концепты, хештеги-метафоры, хештеги-императивы и хештеги-перформативы.

В статье **к.филол.н. М.А. Гладко** (Минск, Республика Беларусь) «Инструменты формирования эмоциональной атмосферы в познавательном телепространстве» исследование проводится на материале телепередач различных жанров и тематических групп. Выявлено, что текстовые репрезентанты консультативно-инструктивных жанров релаксационной и гедонистической тематик конструируют зону впечатлений, удовольствия, а акценты познавательных текстов, описывающих способы поведения в ситуациях, сопряженных с опасностью, ориентированы на регулирование настроения и эмоций медиааудитории и конструируются на основе эмоционально-чувственной модальности, раскачивающей эмоции зрителя от негативных до положительных. Описаны триггеры, продуцирующие позитивные и негативные эмоции, как и инструменты их активизации в тексте (образ автора и образ адресата;

жанры повседневного общения, оформленные в дружески-неофициальном регистре; языковые средства).

В статье **к.п.н. Л.Л. Клещенко** (Санкт-Петербург, Российская Федерация) «“Русский медведь” в испаноязычном медиадискурсе» описывается роль метафоры с лексической единицей *медведь* как неофициального символа России, проецируемого в латиноамериканском политическом дискурсе. Специфика применения «медвежьей» метафоры в Латинской Америке определяется главным образом политическими ориентациями: левые традиционно рассматривают Россию как союзника, апеллируя к таким смыслам «медвежьей» метафоры, как сила, справедливость, способность стать защитником от агрессоров; правые привлекают «медвежью» метафору для маркирования левых политиков как предателей национальных интересов.

Третий раздел выпуска «Теория, история и методология лингвистики. Семиотика и лингвокультурология» открывает статья **д.филол.н. В.А. Масловой** (Витебск, Республика Беларусь) «Через синергетический союз лингвистики с другими науками — к новым проблемам и направлениям», в которой представлены новые грани лингвистических исследований, отличающиеся междисциплинарным, интердисциплинарным и интегративным характером. Результатами анализа можно считать следующие аспекты, которые могут сочетать объективный лингвистический анализ и степень их разработанности в семиотике, теологии, психологии, а именно: 1) глубинные семантико-прагматические процессы; 2) язык — средство выражения Божественной Истины; 3) язык и национальный характер.

В статье **д.филол.н. Т.В. Маркеловой** (Москва, Российская Федерация) и **д.филол.н. М.Л. Новиковой** (Москва, Российская Федерация) «Концептосфера «здоровье — болезнь»: культурный код» рассмотрены концепты ЗДОРОВЬЕ и БОЛЕЗНЬ с использованием ряда инструментов корпусного исследования языковых данных, что позволило получить их образные и ценностные (ценность и антиценность) характеристики. Статья является особенно заметной и актуальной в сложившихся социальных условиях.

В работе **д.филол.н. К.Д. Скрипника** (Ростов-на-Дону, Российская Федерация) «История семиотических идей: сигнифика леди Виктории Уэлби» охарактеризованы базовые идеи сигнифики, связь сигнифики с эволюционными идеями, содержащимися в лингвистике и естественных науках, при этом прослеживается процесс формирования сигнифики и подчеркивается, что ее основы лежат в описании различных примеров использования языка, предпринятом В. Уэлби на ранних этапах своего исследования. Автор использует метод компаративного анализа работ В. Уэлби и комментаторской литературы.

Статья **д.филол.н. О.В. Лукина** (Ярославль, Российская Федерация) «И.А. Бодуэн де Куртенэ, А. Шлейхер и «Beiträge Zur Vergleichenden Sprachforschung Auf Dem Gebiete Der Arischen, Celtischen Und Slawischen Sprachen» посвящена сотрудничеству И.А. Бодуэна де Куртенэ (13.03.1845—3.11.1929) с созданным А. Шлейхером и А. Куном журналом «Beiträge zur

vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen». В статье перечислены публикации И.А. Бодуэна де Куртенэ в указанном журнале, статьи А. Шлейхера, опубликованные в первом номере этого журнала, а также имена ученых, которые сыграли значительную роль в становлении и существовании этого журнала и в научной жизни двух лингвистов.

Публикация «Структура словарной статьи Учебно-лингвокультурологического словаря русских паремий на фоне китайских языковых эквивалентов: проблемы описания» была предложена **к.п.н. Н.Е. Якименко** и молодым ученым **Цю Сюэин** (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и посвящена описанию особенностей структуры и содержания словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря. Исследованы паремии русского и китайского языков, характеризующие понятия *бизнес, работа, труд и ремесло*; выявлены и описаны общие и национально-специфические ментальные установки культуры и их представление в учебном лингвокультурологическом словаре. Анализ материала указывает на семантические лакуны предметной сферы, которой посвящен словарь.

Последний раздел завершается статьей **д.филол.н. О.И. Валентиновой, д.филол.н. В.Н. Денисенко** и **к.ф.н. М.А. Рыбакова** (Москва, Российская Федерация) «Актуальные направления современной лингвистики с позиций системного подхода. Некоторые размышления об итогах научной стажировки в РУДН «Общая и частная методология филологической науки» 2019 года», посвященной обсуждению типовых для современной научной парадигмы вопросов с позиций системной лингвистики и применению системной методологии в целом.

Библиографический список

1. Хухуни Г.Т., Беляева И.Ф., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Перевод и переводы: история и современность (коллективная монография). М., 2018.
2. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Интерпретация реалий при переводе сакрального текста: языковой и экстралингвистический аспекты. 2019. Т. 23. № 2. С. 487—508. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-487-508
3. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Артемида или Диана? (Репрезентация персонажей античной мифологии в переводах Нового Завета) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 30—40.
4. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. «Пафос дистанции» при передаче священного писания: воспроизводить или снимать? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 1. С. 22—35. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-22-35
5. Денисова Г.Л. Обращенность карикатур периода Великой Отечественной войны к русской языковой личности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 1. С. 78—86. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-78-86
6. Денисова Г.Л. Прецедентные феномены в карикатуре Великой Отечественной войны как креолизованном тексте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 77—91. DOI: 10.17223/19986645/65/5

7. Денисова Г.Л. Противопоставление в карикатуре Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 42. С. 75—91. DOI: 10.17223/22220836/42/7
8. Денисова Г.Л. Репрезентация концепта ПОРАЖЕНИЕ ЗАХВАТЧИКА в карикатурах Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 61. С. 204—215. DOI: 10.17223/1998863X/61/21
9. Котеняткина И.Б. Своеобразие современного испанского языка Гватемалы: лексика // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 634—643. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-634-643
10. Chesnokova O.S., Radović M., Akhrenov A.V. The Role of Toponymic Periphrasis in Developing Professional Competence in Learning Spanish // Training, Language and Culture. 2020. Т. 4. № 1. С. 66—74. DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-1-66-74
11. Чеснокова О.С., Радович М. Катоиконимы стран тихоокеанского альянса: морфологическое и семантическое варьирование // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. С. 1017—1048. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1017-1048
12. Filyasova Yu.A. Professional English. Mineral Processing: Main Preparation Stages and Equipment. СПб., 2018.
13. Filyasova Yu.A. A Linguistic Analysis of Petroleum-Related English Research Article Titles // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 1. С. 120—134. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-120-134
14. Зарипов Р.И., Будаев Э.В. Метафорические образы настоящего и будущего России во французских СМИ: внешнеполитические аспекты // Политическая лингвистика. 2020. № 6 (84). С. 42—52. DOI: 10.26170/pl20-06-05
15. Будаев Э.В., Солопова О.А., Зарипов Р.И., Бойко А.В. Метафорический образ будущего России в зарубежных СМИ. СПб., 2021.
16. Каменева В.А., Рабкина Н.В. Метафорическое моделирование адресата политического дискурса с позиции уровневой референции // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 77—83. DOI: 10.26170/pl20-03-08
17. Каменева В.А., Рабкина Н.В. Метафоризация совещательного политического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 4 (450). С. 57—64. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10408
18. Larionova M.V., Demkina A.V. Lógica y pragmática del marco ‘Feminismo’ en discurso de Unidos Podemos // Andamios. 2020. № 17(42). P. 407—421. DOI: 10.29092/uacm.v17i42.749
19. Ларионова М.В., Демкина А.В. Политический дискурс испанской партии «Подemos»: рефреймирование как фактор дискурсивной эффективности // Язык и культура. 2021. № 53. С. 53—71. DOI: 10.17223/19996195/53/4

References

1. Khukhuni, G.T., Belyaeva, I.F., Valuytseva, I.I. & Osipova, A.A. (2018). *Translations: History and Modernity* (collective monograph). Moscow.
2. Khukhuni, G.T., Valuytseva, I.I. & Osipova, A.A. (2019). Cultural Words in Sacral Text and their Translation: Linguistic and Extra-Linguistic Factors. *Russian Journal of Linguistics*, 23(2), 487—508. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-487-508 (In Russ.).
3. Khukhuni, G.T., Valuytseva, I.I. & Osipova, A.A. (2020). Artemis or Diana? (the Representation of the Ancient Mythological Characters in New Testament Translations), *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2, С. 30—40. (In Russ.).
4. Khukhuni, G.T., Valuytseva, I.I. & Osipova, A.A. (2020). The Temporal and Chronological Distance in Translations of Holy Writ: to Preserve or to Eliminate? *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 22—35. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-22-35

5. Denisova, G.L. (2020). Appeal of the Great Patriotic War Cartoons to the Russian Language Personality. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 78—86. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-78-86 (In Russ.).
6. Denisova, G.L. (2020). Precedent Phenomena in the Great Patriotic War Political Cartoon as a Creolized Text. *Tomsk State University Journal of Philology*, 65, 77—91. (In Russ.). DOI: 10.17223/19986645/65/5
7. Denisova, G.L. (2021). Contrast in Political Cartoons of the Great Patriotic War. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 42, 75—91. DOI: 10.17223/22220836/42/7
8. Denisova, G.L. (2021). Representation of the Concept Aggressor's Defeat in Cartoons of the Great Patriotic War. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 61, 204—215. DOI: 10.17223/1998863X/61/21 (In Russ.).
9. Kotenyatkina, I.B. (2019). Lexical Peculiarities of the Modern Spanish Language of Guatemala. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(3), 634—643. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-634-643 (In Russ.).
10. Chesnokova, O.S., Radović, M. & Akhrenov, A.V. (2020). The Role of Toponymic Periphrasis in Developing Professional Competence in Learning Spanish. *Training, Language and Culture*, 4(1), 66—74. DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-1-66-74
11. Chesnokova, O.S. & Radović, M. (2020). Demyonyms in the Pacific Alliance Countries: Morphological and Semantic Variation. *Russian Journal of Linguistics*, 24(4), 1017—1048. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-1017-1048 (In Russ.).
12. Filyasova, Yu.A. (2018). *Professional English. Mineral Processing: Main Preparation Stages and Equipment*. St. Petersburg.
13. Filyasova, Yu.A. (2020). A Linguistic Analysis of Petroleum-Related English Research Article Titles RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 11(1), 120—134. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-120-134
14. Zaripov, R.I. & Budaev, E.V. (2020). Metaphorical Images of Russia's Present and Future in French Mass Media: Foreign Policy Aspects. *Political Linguistics*, 6(84), 42—52. DOI: 10.26170/pl20-06-05 (In Russ.).
15. Budaev, E.V., Solopova, O.A., Zaripov, R.I. & Boyko A.V. (2021). *Metaphorical Image of Russia's Future in Foreign Media*. St. Petersburg. (In Russ.).
16. Kameneva, A.V. & Rabkina, N.V. (2020). Metaphorical Modeling of the Recipient of Political Discourse from the Position of Level-Based Reference. *Political Linguistics*, 3(81), 77—83. DOI: 10.26170/pl20-03-08 (In Russ.).
17. Kameneva, A.V. & Rabkina, N.V. (2021). Functional Potential of the Discourse of Political Meetings. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 4(450), 57—64. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10408 (In Russ.).
18. Larionova, M.V. & Demkina, A.V. (2020). Lógica y pragmática del marco 'Feminismo' en discurso de Unidos Podemos. *Andamios*, 17(42), 407—421. DOI: 10.29092/uacm.v17i42.749
19. Larionova, M.V. & Demkina, A.V. (2021). Reframing as a Factor of Discourse Efficiency in Political Discourse of the Spanish Party Podemos. *Language and Culture*, 53, 53—71. DOI: 10.17223/19996195/53/4 (In Russ.).

Сведения об авторах:

Новоспасская Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов; заместитель главного редактора журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика»; e-mail: novospasskaya-nv@rudn.ru

Лазарева Олеся Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, ответственный секретарь журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика»; *e-mail*: lazareva-ov@rudn.ru

Information about the authors:

Natalia V. Novospasskaya, PhD in Philology, Associate-Professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Deputy-Editor-In-Chief of the Editorial Team of RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics; *e-mail*: novospasskaya-nv@rudn.ru

Olesya V. Lazareva, PhD in Philology, Associate-Professor of the General and Russian Linguistics Department, Philological faculty, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Executive Secretary of the Editorial Team of RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics; *e-mail*: lazareva-ov@rudn.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА И ЛИНГВОСЕМИОТИКА

FUNCTIONAL SEMANTICS AND LINGUISTIC SEMIOTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-547-558

УДК 81'255:801.736:27-23

Научная статья / Research article

Вариативность при диахроническом переводе текстов Библии

Г.Т. Хухуни¹, И.И. Валуйцева¹, А.А. Осипова²✉

¹Московский государственный областной университет,
141014, Российская Федерация, Мытищи Московской обл., ул. Веры Волошиной, 24

²Московский педагогический государственный университет,
19991, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1

✉assya@yandex.ru

Аннотация. Понятие вариативности принадлежит к числу наиболее часто используемых при рассмотрении вопросов, связанных с проблемами перевода. В той или иной степени она проявляется при межъязыковой передаче текстов самых различных жанров, однако, в первую очередь, с ней приходится сталкиваться при переводе художественных (в широком смысле слова) произведений. Указанный момент становится особенно очевидным в тех случаях, когда один и тот же исходный текст имеет несколько версий на другом языке (языках). Прежде всего, это относится к Библии, превосходящей остальные литературные памятники как по количеству существующих переводов на разные языки, так и по продолжительности традиции межъязыковой передачи. Названное обстоятельство обуславливает актуальность темы статьи. Несмотря на наличие большого количества работ, посвященных различным аспектам переводов Священного Писания, ряд моментов, связанных с наличествующей в них вариативностью, не может считаться полностью исследованным, что позволяет говорить о научной новизне статьи. Материалом исследования послужил ряд фрагментов версий, созданных на различных языках, для изучения которых применялся метод сопоставительного анализа. Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать следующие выводы: а) вариативность при передаче отобранных фрагментов может быть вызвана как объективными, так и субъективными факторами; б) наличие в оригинале так называемых «темных мест», дающих возможность неординарной интерпретации, приводит к существенным различиям при их репрезентации на языке перевода; в) стремление к прагматической

© Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

адаптации содержания для инокультурной аудитории в ряде случаев влечет за собой замену реалий, порой искажающую отраженную в исходном тексте действительность; г) в современных переводах могут отражаться моменты, связанные с политкорректностью, «инклюзивным языком» и т.п., не всегда соответствующие идеологии исходного текста.

Ключевые слова: вариативность, оригинал, перевод, Библия, диахронический, прагматический, реалия

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 1.06.2021

Для цитирования:

Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Вариативность при диахроническом переводе текстов Библии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 547—558. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-547-558

Введение

С середины XX века в специальной литературе часто стала мелькать (со ссылкой на Э. Кари) характеристика прошлого века как «века перевода». А его вторую половину (как и первые два десятилетия XXI столетия) можно было бы назвать и веком переводоведения, принимая во внимание, какое количество трудов, имеющих отношение к теории перевода, появилось за этот период и какой пестротой взглядов они характеризуются. Некоторые концепции и подходы к переводу, характерные для настоящего времени, можно найти в [1—6] и ряде других работ. Отметим, что здесь наблюдается своеобразный парадокс. С одной стороны, стало уже общим местом утверждение, согласно которому международным языком научной, технической и иной информации в наши дни является английский, на котором выходит львиная доля публикаций (обычно называют цифру в 80—85%) — обстоятельство, которое, казалось бы, не слишком способствует ни самой переводческой деятельности, ни разработке связанных с ней теоретических вопросов (разве что в плане передачи на глобальный язык оставшихся 20—15%, которые, вопреки господствующей тенденции, все еще продолжают появляться). Израильские коллеги заметили, что в наши дни «Бог не смог бы получить повышение ни на одном факультете Еврейского университета в Иерусалиме <...> потому что у него была всего лишь одна публикация, да и та не на английском» [4. С. 24—25]. С другой стороны, в суждениях современных переводоведов нередко наблюдается стремление ссылаться для обоснования выдвигаемых ими положений, идущих вразрез с традиционными представлениями о сущности и задачах перевода, именно на межъязыковую передачу речевых произведений, не относящихся к числу художественных. При этом утверждается, что «перевод художественной литературы является наиболее благоприятным материалом для создания субъективных, умозрительных, даже радикальных теорий,

нежизнеспособность которых было бы легко продемонстрировать, применив их к более утилитарным текстам» [5]. Однако когда автору процитированных строк показалось необходимым привести пример вариативности при передаче некоторого фрагмента, в его качестве был взят именно отрывок из художественного текста, переданного несколькими переводчиками. Разумеется, с проблемой выбора приходится иметь дело не только при передаче художественных произведений — но вряд ли можно оспорить тот факт, что именно в этом случае исследователь гораздо чаще располагает несколькими вариантами перевода, анализ которых и дает возможность прояснить на конкретном материале те или иные проявления переводческой вариативности.

Особенно показательны в этом отношении случаи, когда объектом изучения являются тексты, передача которых не только многократно осуществлялась, но и относится к разным эпохам, то есть когда перевод носит диахронический характер. И здесь совершенно уникальное место занимают переводы Библии — и по числу существующих версий (которое непрерывно возрастает), и по продолжительности традиции межъязыковой передачи (начиная с Септуагинты, создававшейся более 2000 лет тому назад). Несмотря на большое и постоянно пополняющееся число исследований, посвященных различным аспектам межъязыковой передачи Священного Писания, ряд моментов, относящихся к интересующей нас проблеме, не может считаться полностью изученным. Настоящая статья содержит попытку осветить некоторые из них.

Предварительные замечания

При всем разнообразии создававшихся во второй половине XX — начале XXI века переводоведческих концепций, отличия между которыми не раз анализировались как зарубежными, так и отечественными учеными, многие из них имеют одну общую черту, хотя и проявляющуюся в различной форме. Ее обычно характеризуют как уход от «текстоцентричности» ([9—10]), доходящий порой до тезиса о «ниспровержении исходного текста» [2. С. 164] и несколько парадоксального, на первый взгляд, положения, согласно которому может существовать и «перевод без переводных текстов» [5. С. 211].

Поскольку рассмотрение названных положений не входит в задачи данной работы, ограничимся указанием, что в предлагаемой статье перевод рассматривается, вслед за классиками отечественного переводоведения, именно как межъязыковое преобразование исходного текста в переводной. При выявлении причин, обуславливающих вариативность осуществляемой передачи, порой приводящих к довольно существенным расхождениям между теми или иными версиями, принимаются во внимание и факторы, не ограничивающиеся только внутритекстовыми моментами. В этом отношении представляется справедливым положение Л.С. Бархударова (70-е гг. XX в.), концепция которого иногда рассматривается как своего рода квинтэссенция «текстоцентричного» подхода». Он относил теорию перевода к «макролингвистике» и подчеркивал невозможность строить ее «на чисто лингвистической основе, без

учета экстралингвистических факторов, то есть явлений, лежащих вне структуры самого языка, хотя и непосредственно с ним связанных» [11. С. 30—31].

К «макролингвистическим» можно отнести и моменты, относящиеся к личности межъязыкового посредника, то есть имеющие в значительной мере субъективный характер. О том, что они могут сыграть весьма важную роль при выборе тех или иных средств передачи, писали многие авторы (ср. название одной из глав книги К.И. Чуковского: «Перевод — это автопортрет переводчика» [12. С. 31]). Применительно к переводам Священного Писания к этому могут добавиться и некоторые специфические моменты.

Исходный текст: проблема выбора

Обычно рассмотрение проблем межъязыковой передачи начинают с предпереводческого анализа текста оригинала, куда включают такие моменты, как сбор сведений о тексте, характеристика источника и реципиента, тип заложенной информации, коммуникативная задача перевода, жанр подлинника (подробнее см., в частности, [13. С. 324 —332]). Когда же речь идет о библейских переводах, им предшествует весьма важный в плане нашей темы вопрос: что именно считается оригиналом?

В принципе, он может встать при диахроническом переводе и по отношению к другим памятникам, если они имеют несколько редакций, а «каноничность» какой-либо из них не является общепризнанной. Однако в случае с переводами Библии, как показывает многовековая история их создания, на передний план нередко выдвигался такой момент, как *конфессиональная принадлежность* переводчика / переводчиков.

Исходным языком ветхозаветных книг, в полном соответствии с этнокультурной и религиозной средой, в которых они создавались, признается древнееврейский (вопрос о наличии в них фрагментов на арамейском в настоящей статье не затрагивается), новозаветных, соответственно — греческий (опять-таки оставляем в стороне дискуссию о наличии у Евангелия от Матфея предшествующей ему арамейской версии). Но в реальности дело обстоит несколько сложнее. Существующий ныне еврейский текст Библии — так называемый масоретский — сложился после того, как был выполнен перевод Ветхого Завета на греческий, что привело к определенным, достаточно существенным отличиям между ними. А поскольку на филологический спор — какая именно версия лучше сохранила «неиспорченный пратекст» — наслаивались и моменты религиозного противостояния, постольку уже в древности христианскими мыслителями высказывалась мысль о том, что греческий перевод «подлиннее» существующего еврейского оригинала. Об этом писал, в частности, Блаженный Августин, считавший, что создатель Вульгаты — Блаженный Иероним, поступил бы правильнее, взяв в качестве исходного не еврейский, а греческий текст Септуагинты, поскольку она по отношению к Ветхому Завету является наиболее авторитетным источником (*Septuaginta interpretum, quod ad Vetus Testamentum attinet, excellit auctoritas*) [14. P. 80].

Указанный момент отразился и на отечественной традиции переводов Библии. Именно на греческую версию опиралась церковнославянская Библия; на ее важнейшее значение для православной традиции указывал уже в наши дни митрополит Волоколамский Иларион. Он ссылаясь, в частности, и на то обстоятельство, что «Септуагинта может быть использована для воссоздания первоначального ветхозаветного текста в тех местах, где в стандартный еврейский (так называемый масоретский) текст вкрались ошибки» [15], уточняя при этом, что подобная оценка не означает пренебрежения другими версиями, прежде всего самой еврейской. Эта двойственность сказалась и на наиболее авторитетном в настоящее время Синодальном переводе, впервые вышедшем в свет в 1876 г., который «за пределами богослужения приобрел статус общецерковного или даже официального перевода Русской Православной Церкви». Вследствие этого — продолжаем цитировать митрополита Илариона — «Существуют расхождения между цитатами из Писания у Отцов; между Библией, принятой в греческой Церкви, и церковнославянской Библией; между церковнославянскими текстами Библии и рекомендованным для домашнего чтения русским Синодальным переводом» [15]. Таким образом, можно констатировать в данном случае ярко выраженную переводческую вариативность.

Если обратиться к западной традиции, то и здесь конфессиональная принадлежность автора могла оказывать весьма существенное влияние на выбор исходного текста, а соответственно, и на его межъязыковую передачу. Так, в католическом мире долго держалась традиция признавать «подлинной» латинскую версию Иеронима, автора которой Блаженный Августин упрекал за неверный выбор оригинала. К середине XX века к ней обратился Р. Нокс (известный, по преимуществу, как один из наиболее популярных создателей детективных романов), который подчеркивал, что «истинно католический» перевод, предназначенный для официального использования, может опираться только на Вульгату (for all official purposes a Bible translation must take the Vulgate as its standard) [16].

Впрочем, и там, где языковая вариативность не наблюдалась, а влияние конфессионального фактора могло не сказываться (во всяком случае, непосредственно), вариативность переводческая также не была исключена. Особенно это проявлялось в переводах Нового Завета. Подавляющее большинство отечественных переводчиков передавало его с исходного, то есть греческого языка. Но наличие многочисленных версий на греческом, критический пересмотр которых продолжается и до сих пор (см., например, [17]) приводит и к расхождению в тексте переводном. Например, отечественный читатель, знакомый с текстом Синодального перевода, при обращении к некоторым новым русскоязычным Библиям может обнаружить, что отдельные фрагменты в них выглядят по-иному, что уточняется в соответствующих примечаниях и комментариях. Ограничимся только одним примером. В Деяниях апостолов (28: 16) читаем: «Когда же пришли мы в Рим, то сотник передал узников военачальнику, а Павлу позволено жить особо с воином, стерегущим его», что аналогично церковнославянскому «Егда же приидохом в рим, сотник предаде

узники воеводе, павлу же повеле пребывати о себе, с соблюдающим его воином». В одной из современных версий, выпущенных Российским библейским обществом» [18], соответствующий отрывок выглядит иначе: «Когда же мы прибыли в Рим, Павлу было разрешено снять себе жилье и жить там с охранявшим его воином». Однако в примечании оговаривается: «В ряде рукописей “центурион передал заключенных префекту преторианской гвардии, а Павлу было разрешено”» [15]. Аналогично обстоит дело и в другом современном переводе — так называемой «Заокской Библии»: «Некот. рукописи добавляют: *и центурион передал узников префекту преторианской гвардии*» [19. С. 1642]. Отметим, что во всех рассмотренных версиях (как и в переводах на другие языки) по-разному репрезентировано и греческое слово *στρατοπέδαρχης*, что представляет собой иное проявление переводческой вариативности, связанное с передачей реалий.

«Темные места» как источник вариативности

При рассмотрении вопросов, относящихся к проблематике диахронического перевода (задолго до появления самого термина), большинство авторов обращало внимание на так называемые «темные места» в оригинале, которые либо допускают различное толкование, порой существенно влияющее на содержание соответствующего фрагмента, либо содержат единицы, значение которых неизвестно или недостаточно ясно. Рассуждения по этому поводу можно найти уже в классических трудах А.Ф. Тайтлера [20] и В. фон Гумбольдта [21], причем предлагавшиеся ими решения существенным образом различались.

В переводах Библии наиболее известным примером такого рода является передача знаменитого пророчества Исаии (Ис. 7: 14), дискуссия о котором нередко выходит за филологические рамки. Переводчикам Священного Писания приходилось сталкиваться и с другими случаями, когда исходный текст допускает возможность нескольких интерпретаций, что обуславливает и вариативность предлагаемых решений по его передаче. В последнее время с этой точки зрения стал привлекать внимание фрагмент из Второй книги Царств (12: 31), в котором рассказывается о том, как поступил царь Давид с жителями захваченных им аммонитских городов. В еврейской традиции и переводах на европейские языки это Вторая книга Самуила. Традиционная точка зрения, представленная в большинстве классических версий Библии на разных языках, включая Синодальный перевод и церковнославянскую Елизаветинскую Библию, говорит об их мучительной казни: «положил под пилы, под железные молотилки, под железные топоры и бросил их в обжигательные печи / положи на пилы и на трезубы железны и секиры железны, и превоздаше их сквозе пещь плинфяну». Однако существуют и иные интерпретации. С одной стороны, отмечалось, что соответствующее место оригинала может толковаться двояко — как в традиционном смысле, так и плане привлечения к принудительному труду: «поставил к пилам, молоткам и топорам» [22] (за информацию об этом издании приносим благодарность преподавателю

Академии Маймонида РГУ им. А.Н. Косыгина Ю.Д. Будман). Именно этот вариант наиболее распространен в современных переводах, включая новую версию латинской Вульгаты, хотя в некоторых из них также делается оговорка о возможности традиционного понимания [19. С. 437]. Добавим, что, опираясь на ряд представителей еврейской традиции, один из русских переводов, выполненный в Израиле, предлагает еще одну интерпретацию: «вывел и положил их под пилы и бороны железные, и под железные секиры; и таскали их по кирпичам улиц» [23].

Что касается наличия в оригинале единиц с неизвестным / неясным значением, то чаще всего при диахроническом переводе с ними приходится сталкиваться при передаче реалий. Как заметили в этой связи создатели одной из наиболее распространенных в наше время англоязычных версий Библии, существует целый ряд лексических единиц — от названий болезней до единиц измерения, точное значение которых установлено быть не может, вследствие чего переданы они могут быть лишь приблизительно [24], что становится богатым источником переводческой вариативности. Хорошо известен спор, относящийся еще к раннехристианской эпохе, какое именно растение — плющ или тыква упоминается в книге пророка Ионы, который вызвал, в частности, острую дискуссию между Блаженным Августином и Блаженным Иеронимом [25]. Не менее показателен пример со словом *kesita*, трактуемом в различных версиях — от древности до наших дней — самым различным образом: то в «натуральном» значении (сто овец / ягнят), то в качестве денежной единицы или единицы веса, за которые можно было приобрести участок земли или сто овец, то как монета / плитка серебра, на которой было выгравировано изображение овцы, то как слиток определенного веса, имеющий форму овцы... (подробнее см. [26]). В ряде переводов можно обнаружить и применение транскрипции / транслитерации (*kesita* / *kesita*), с комментариями или примечаниями, в которых представлено какое-то из перечисленных толкований.

Если в рассмотренных примерах расхождения в передаче обусловлены характером самого текста, провоцирующего переводческую вариативность, то возможны и случаи принципиально иного характера, когда какой-либо неоднозначности или неясности фрагмент текста не содержит, однако воссоздается он по-разному (нередко с вариантами, ни один из которых с исходным материалом не совпадает). Как правило, подобная вариативность вызывается соображениями прагматического характера, что особенно проявляется при передаче реалий.

Хлеб, рис или рыба? (вариативность и прагматическая адаптация)

В 90-е гг. XX века К.С. Данелиа, рассматривая древнегрузинские версии Священного Писания и говоря о том, что «в оригинале могут существовать <...> места, при передаче которых у нескольких переводчиков, работающих независимо друг от друга, не исключено практически полное совпадение»,

приводил в качестве примера словосочетание «хлеб наш насущный», относя его к числу тех, которые «могут быть переданы равноценными эквивалентами» [27. С. 8].

Однако в одной из недавних работ, посвященных библейскому переводу, именно этот «хлеб насущный» приводится в качестве примера весьма яркой иллюстрации вариативности передачи, обусловленной лингвокультурными причинами. Автор этого труда отмечает, что и со словом *насущенный* «не так все просто», уделяя основное внимание информации о народах, «основой питания которых традиционно был вовсе не хлеб. Они знают, что такое хлеб, но не называют хлебом еду вообще. Как следствие, в китайском переводе появился «рис наш насущный», а в переводе на язык алеутов, жителей островов на севере Тихого океана — «рыба наша насущная». Это самая основная пища в этих культурах, та, без которой просто нельзя прожить (в отличие от хлеба)» [28].

Не вдаваясь сейчас в вопрос о том, насколько такие замены, получившие теоретическое обоснование еще в работах Ю. Найды в середине XX века, позволят реципиентам составить сколь-нибудь отвечающее реальности представление о тех местах, где происходили описанные в Священном Писании события (особенно когда речь идет о *рисе*), заметим, что подобные субституции в последние десятилетия можно встретить не только в переводах, обращенных к китайцам или алеутам, но и имеющим в виду аудиторию, принадлежащую к западному миру. В одной из немецкоязычных версий [29], претендующих на близость к современному читателю, библейские персонажи уверенно оперируют метрами, килограммами, литрами и т.п. Вряд ли можно сказать, что для культуры, одной из важнейших основ которой в течение пяти веков была Библия Лютера, использованные в этой версии традиционные реалии-меры столь же чужды, как хлеб для алеутов. К прагматической адаптации и, соответственно, использованию таких вариантов передачи реалий, которые даже функциональными аналогами можно назвать лишь условно, примыкают и версии, где на «сглаживание» культурных лакун наслаивается стремление элиминировать и различия религиозные — с надеждой, что подобная тактика позволит устранить или, по крайней мере, смягчить эффект отторжения со стороны потенциальных потребителей перевода. Наглядным примером такого рода может служить так называемый «Восточный перевод», представленный в нескольких версиях для аудитории, исповедующей ислам (см. о нем [1], [30]). Одна из его версий предназначена для наиболее консервативной реципиентов и начинается со слов: «Вначале Аллах сотворил небо и землю» [31]. Синодальному: «Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него» (Мф. 3: 13) соответствует: «И вот из Галилеи к Иордану пришел Иса, чтобы пройти обряд погружения в воду у Яхии», и т.п.

«Политкорректная Библия»

В одном из разделов упомянутого выше доклада «О недопустимости вольных и тенденциозных переводов» митрополит Иларион, говоря о том,

«что в практике современных западных библейских переводов присутствуют вещи, для православного сознания неприемлемые», особо подчеркнул отрицательное отношение «к таким “политкорректным” версиям Писания, которые, вопреки прямому смыслу ветхозаветных и новозаветных текстов, пытаются при помощи заведомо ложных переводов легитимизировать то, что в Библии считалось безнравственным и греховным» [15].

Феномен политкорректности, действительно ставшей одной из наиболее заметных, а в известном смысле даже доминирующей чертой современной западной культуры, не мог обойти и переводы Священного Писания, проявляясь в различных формах. Отметим, что в докладе митрополита основное внимание уделено, в первую очередь, ее гендерному аспекту. Это вполне понятно, учитывая большое влияние «феминистического богословия», одним из проявлений которого стало стремление применять при создании версий Библии так называемый гендерно-нейтральный («инклюзивный») язык. В таком варианте устраняется использование по отношению к Богу местоимений и существительных, имеющих маскулинный характер, дополняются те места, где говорится о «братьях» упоминанием «сестер» и используются другие подобные приемы для создания текста, проникнутого «гендерным равноправием». Характеризуя эти версии, автор доклада замечает: «Данный феномен имеет отношение преимущественно к переводам Библии на английский язык, в котором Бог традиционно обозначается местоимением “Он” (He)» [15]; аналогичное неприятие вызывает у «феминизирующих» переводчиков / переводчиц и использование этого местоимения в качестве общего обозначения мужчин и женщин, чему создатели одной из таких версий посвятили достаточно обширный пассаж [24. P. VI—VII]. Однако приходится признать, что англоязычным миром дело не ограничивается, о чем свидетельствует, например, вышедшая в Германии «Библия на правильном языке» (*Bibel in gerechter Sprache*), создатели которой, не отрицая того, что Священное Писание действительно отражает патриархальный мир, утверждают, что «чисто филологический перевод» его является в наши дни неприемлемым и следует исходить из того, какие обозначения использовалось бы «в нашем сегодняшнем языке» (*in unserer heutigen Sprache*) [32. P. 10]. Примерно с тех же позиций выступают и создатели «Библии Радостной Вести» (*Gute Nachricht Bibel*), выполненной на основе принципов «динамической эквивалентности» Ю. Найды, которая порой выглядит как калька соответствующей англоязычной версии. Ее создатели сочли необходимым специально подчеркнуть, что это — первая немецкая версия, которая сделала наглядными значение и роль женщин, для чего используется и упомянутое выше добавление к «братьям» «сестер» в соответствующих местах [33]. Можно ли в подобных случаях говорить о собственно *переводческой вариативности* или речь о фактической *замене текста* — вопрос достаточно спорный.

Заключение

Существующие на различных языках версии Библии содержат большое количество примеров переводческой вариативности, что объясняется мно-

жественностью самих переводов, длительной традицией их осуществления и различными установками авторов, отражающими как объективные (собственно лингвистические и экстралингвистические) факторы, так и моменты субъективного характера, обусловленные личностью переводчика. В этой связи значительную роль играет выбор той версии, которая будет использоваться в качестве исходной, наличие в ней так называемых «темных мест», то есть фрагментов, допускающих различную интерпретацию, и лексических единиц с неустановленным или не вполне установленным значением, а также соображения прагматического характера, сказывающиеся, в первую очередь, при передаче содержащихся в оригинале реалий, иногда путем их замены. В последние десятилетия особо значимым источником переводческой вариативности можно считать идеи политкорректности, предусматривающие использование так называемого «инклюзивного языка», прежде всего — в гендерном аспекте. Поскольку в ряде случаев подобные версии представляют собой прямое отклонение от оригинала не только с лингвокультурной, но и мировоззренческой точки зрения, постольку они вызывают по отношению к себе неоднозначную реакцию. Вследствие этого возникает вопрос о самой возможности квалифицировать такого рода тексты как проявления *переводческой вариативности*, а не сознательной *подмены формы и содержания оригинала*, по отношению к которой само использование понятия «перевод» ставится под сомнение.

Библиографический список

1. Десницкий А.С. Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015.
2. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения: от языковой асимметрии к политической. М.: РВалент, 2015.
3. Baker M. In Other Words, A Coursebook on Translation. London and New York: Routledge, 2009.
4. Hatim B., Munday J. Translation. An Advanced Resource Book. London and New York: Routledge, 2009.
5. Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018.
6. Стайнер Дж. После Вавилонского смешения. Вопросы языка и перевода. М.: МЦНМО, 2020.
7. Беллос Д. Что за рыбка в вашем ухе? М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019.
8. Бузаджи Д.М. К вопросу об определении понятия «перевод» // Мосты. 2011. № 2(30). С. 44—55 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.thinkaloud.ru/science/buz-definition.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).
9. Алексеева И.С. Антропоцентризм и текстоцентризм в современной теории и философии перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 183—187.
10. Сдобников В.В. Инвариант перевода: миф или реальность? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2015/02/18/sdobnikov_v_v.-invariant_perevoda-mif_ili_realnost.pdf (дата обращения: 14.12.2020).

11. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частой теории перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
12. *Чуковский К.И.* Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб.: Аква-лон, Азбука-классика, 2008.
13. *Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004.
14. *Green R.P.H. Augustine.* De Doctrina Christiana. Oxford: Oxford University Press, 1995.
15. *Митрополит Иларион.* Переводы Библии: история и современность // Русская православная церковь. 26 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3394042.html> (дата обращения: 13.01.2020).
16. *Knox R.* Thoughts on Bible Translation // Trails of A Translator. Sheed & Ward, INC. New York, 1949. [Electronic resource]. Режим доступа: https://americancatholicpress.org/Msgr_Knox_Bible_Translation.html (дата обращения: 13.01.2021).
17. *Алексеев А.А.* Текстология Нового Завета и издание Нестле-Аланда. СПб.: Дмитрий Бу-ланин, 2012.
18. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современ-ный русский перевод. М.: Российское библейское общество, 2015.
19. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В современном русском переводе. Институт перевода Библии при Заокской духовной академии, 2015
20. *Tyler A.F.T.* Essay on the principles of translation. London: J.M. Dent & co.; New York, E.P. Dutton & Co, 1907.
21. *Humboldt W. von.* Einleitung // Aeschilos Agamemnon. Metrisch Übersetzt von Wilhelm Humboldt. Leipzig: Bei Gerhard Fleischer dem jungern., 1816. S. I—XXXVII.
22. *Even-Shoshan A.* Ha-milon he-hadash. V. VII. Jerusalem: Qiryat-Sefer, 1979.
23. ТаНаХ (Тора, Пророки, Писания). Перевод на русский язык Давида Йосифона. Иеруса-лим: Издательство «Мосад Рав Кук», 1975.
24. Holy Bible. New International Version. Grand Rapid, Michigan: Zondervan, 2011.
25. *Сушкова О.В.* И тыква, и плющ, и лоза виноградная // Церковь и время. 2009. № 3 (48). С. 169—184.
26. *Хухуни Г.Т., Осипова А.А.* «Неопределенные реалии» и их передача: об одном аспекте диахронического перевода // Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода. 2018. № 1. С. 96—108.
27. *Данелиа К.* Проблемы художественного языка и стиля по данным древнегрузинских пе-реводов Библии // Данелиа К., Апциаури Дж., Гоциридзе Д., Хухуни Г. Средневековый перевод и его особенности. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1992. С. 6—52.
28. *Десницкий А.С.* Сорок вопросов о Библии. М.: Даръ, 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Desnickij/sorok-voprosov-o-biblii/18_3 (дата обращения: 14.01.2021).
29. Hoffnung für alle. Basel: Brunnen Verlag, 2003.
30. *Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А.* Библейский перевод и проблема транскulturации: репрезентация реалий для исламской аудитории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования, языки и специальность. 2017. Т. 14. № 3. С. 359—368.
31. Священное Писание (Восточный перевод), версия с «Аллахом» (Carsa) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.biblegateway.com/versions> (дата обращения: 17.01.2021).
32. Bibel in gerechter Sprache. München: Gütersloher Verlagshaus. Gütersloh in Verlagsgruppe Random House. GmbH, 2011.
33. Gute Nachricht Bibel. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bibleserver.com/bible/GNB> (дата обращения: 17.01.2021).

Сведения об авторах:

Хухуни Георгий Теймуразович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики ГОУ ВО МО Московского государственного областного университета; *сфера научных интересов*: теория и история перевода, история языкознания, теория языка, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика; *e-mail*: khukhuni@mail.ru

Валуйцева Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ГОУ ВО МО Московского государственного областного университета; *сфера научных интересов*: теория перевода, теория языка, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика; *e-mail*: irinaiv-v@yandex.ru

Осипова Анна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода и коммуникации ФГБОУ Московского педагогического государственного университета; *сфера научных интересов*: теория и история перевода, сопоставительное языкознание, преподавание русского языка как иностранного; *e-mail*: assya@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-559-575
УДК 811.112.2'373:82-7:32

Научная статья / Research article

Оценочная составляющая метафоры «верх — низ» в немецкой политической карикатуре

Г.Л. Денисова

Тольяттинский государственный университет,
445020, Российская Федерация, Тольятти, ул. Белорусская, 14
✉ g.denisova@tltsu.ru

Аннотация. В карикатуре метафора «верх — низ» представляет оппозиции «хорошее — плохое», «больше — меньше», «невыполнимое — реальное». Целью статьи является описание оценочной составляющей рассматриваемых оппозиций с акцентом на знаке оценки и его основаниях в лексиконе немецкой языковой личности. Сложная природа карикатуры, которая определяется как поликодовый текст, и учет факта ее обращенности к языковой личности объясняют опору в ходе достижения поставленной цели на наработки в области когнитивной лингвистики и использование собственно лингвистических методов. В результате было установлено, что в пространстве политической карикатуры метафора представлена противопоставлением уровней — поверхность земли, выше уровня земной поверхности, ниже уровня земной поверхности, — которые демонстрируют закрепленный знак оценки (положительный или отрицательный) или приобретают его в контексте сообщения. Закрепленным знаком оценки отличаются оппозиции, которые тяготеют к метафоре «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз», что имеет основание в особой мыслительной модели (представлении об уровне устройстве мира), которая закреплена в лексиконе немецкой языковой личности во фразеологическом фонде языка, внутренней форме слова, традиционной сочетаемости слов. При реализации метафоры «невыполнимое ориентировано наверх ↔ реальное — вниз», основание которой образует бытовой прагматизм, закрепленный в немецких фразеологизмах, наблюдается отступление от вышеупомянутой модели, что требует от карикатуриста создания соответствующих опор для верного декодирования сообщения адресатом. Распределение знаков оценки между оппозиционными членами метафоры «больше ориентировано наверх ↔ меньше — вниз» обусловлено применяемой оценочной шкалой, что используется карикатуристом в игре со знаком оценки с целью оказания влияния на мнение адресата. Формируя оценочный знак оппозиционных членов метафоры, карикатурист опирается на представления, закрепленные в лексиконе немецкой языковой личности. В пространстве политической карикатуры данная особенность объединяет все рассмотренные случаи реализации метафоры «верх — низ».

Ключевые слова: креолизованный текст, карикатура, адресант, языковая личность, модальность, метафора, оценка

История статьи:

Дата поступления: 13.12.2020

Дата приема в печать: 02.02.2021

© Денисова Г.Л., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Денисова Г.Л. Оценочная составляющая метафоры «верх — низ» в немецкой политической карикатуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 559—575. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-559-575

UDC 811.112.2'373:82-7:32

Valuation Component of Metaphor UP vs. DOWN in German Political Cartoon

Galina L. Denisova

Togliatti State University,
14, Belorusskaya Str., Togliatti, Russian Federation, 445020
✉ g.denisova@tltu.ru

Abstract. In German political cartoon the metaphor UP vs. DOWN introduces oppositions GOOD vs. BAD, MORE vs. LESS, UNREALIZABLE vs. PRACTICABLE. The paper describes their valuation components accenting the positive or negative sign of oppositions and its base in lexicon of the German language personality. Complex nature of cartoons, which are polycode texts, and their appeal to the language personality allow application of cognitive linguistics and methods of traditional linguistics. The paper demonstrates that political cartoons different realizations of this metaphor are visualized by levels: earth surface, above it, and below it. Certain valuation signs are fixed in realizations that gravitate towards the metaphor GOOD IS UP — BAD IS DOWN based on the human idea of levels structure of the world, which is a specific cognitive model reflected in German phraseology, inner form of words, traditional word combinations. Deviation from this model takes place by realization of the opposition UNREALIZABLE IS UP — PRACTICABLE IS DOWN, which is based on everyday pragmatism fixed in German phraseology. In this case the cartoonist creates special supports for the addressee to achieve correct understanding of his message. Distribution of signs in the opposition MORE IS UP — LESS IS DOWN is determined by the employed valuation grade, used by the cartoonist in his play with valuation signs to influence addressee's opinion. Forming valuation signs of oppositions, the cartoonist bases on ideas reflected in the lexicon of the German language personality. This feature characterizes all realizations of metaphor UP vs. DOWN in political cartoons.

Key words: creolized text, political cartoon, addressee, language personality, modality, metaphor, valuation

Article history:

Received: 13.12.2020

Accepted: 02.02.2021

For citation:

Denisova, G.L. (2021). Valuation Component of Metaphor UP vs. DOWN in German Political Cartoon. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 559—575. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-559-575

Введение

Исследователи, работающие в области политической лингвистики, акцентируют оценочный характер сообщения в форме карикатуры [1], который традиционно объясняется яркостью использованных метафор, предлагающих

адресату видение одной концептуальной сферы в терминах другой [2. С. 4]. Подчеркивается, что метафора выражает определенное отношение к политической реальности, определенное восприятие и отражение этой действительности [3. С. 41] и является действенным средством воздействия на адресата сообщения [4], что, по замечанию В.К. Харченко, было отмечено еще Аристотелем [5. С. 39]. Указанные обстоятельства объясняют наш интерес к участию метафоры «верх — низ» в оформлении модальности сообщения в форме политической карикатуры и знаку оценки, который она выражает.

Следует обратить внимание на то, что исследования в области политической карикатуры ограничиваются, как правило, изучением структурных метафор [6—8], в то время как ориентационным метафорам, «организуящим целую систему концептов относительно другой системы» [9. С. 35], уделяется недостаточное внимание. Хотя такие работы есть, к примеру, на материале английского языка имело место исследование образной составляющей карикатур периода Великой депрессии в Америке, в которых использовались ориентационные метафоры «верх — низ» [10]. В нашей работе мы не ограничиваем исследуемый материал тематически и ставим своей целью определение особенностей актуализации оценочной составляющей метафоры «верх — низ» с акцентом на знаке оценки и участии ориентационной метафоры в оформлении модальности сообщения. В нашей работе также выявляются варианты представления метафоры «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз» в пространстве политической карикатуры.

Методы и материал исследования

Исследование осуществляется на материале политических карикатур Вальтера Ханеля, одного из ведущих немецких карикатуристов. Выборка его работ была сделана из собрания карикатур сайта *Stiftung Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland*¹.

Методологическим основанием к анализу материала стало определение карикатуры как креолизованного текста [11—16], который обращен к языковой личности [17], и представление о структуре языковой личности Ю.Н. Караулова [18. С. 238]. Исходя из данного представления, мы полагаем, что, создавая сообщение в форме политической карикатуры, художник опирается на тесное взаимодействие вербально-семантического (лексикон) и лингво-когнитивного уровней в структуре языковой личности и на фоновые знания носителя немецкого языка. Необходимость учета тесной взаимосвязи уровней в структуре языковой личности обуславливает разнообразие применяемых методов. В ходе исследования мы опираемся на наработки в области когнитивной лингвистики (используется возможность когнитивной интерпретации

¹ Режим доступа: <https://www.hdg.de/haus-der-geschichte/sammlung/karikatur> (дата обращения: 03.07.2020). Для просмотра изображения карикатуры, упомянутой в статье, надо зайти на сайт по указанному адресу, нажать на ссылку «Karikaturen in der Objektdatenbank», выбрать закладку «Neue Suche», скопировать в строку «Suchbegriffe» номер карикатуры и нажать на кнопку «Suche starten».

метафор [19. С. 206—207] и выявления признаков концепта через анализ единиц фразеологического фонда языка [19. С. 202]) и применяем собственно лингвистические методы (дефиниционный и семантический анализ).

Результаты исследования

Метафора «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз»

Анализ примеров ориентационных метафор, которые приводят авторы книги «Метафоры, которыми мы живем», подводит к выводу, что противоположности в ряде систем концептов имеют закрепленный знак оценки (положительный или отрицательный). В первую очередь, эта особенность характеризует оппозиционные члены метафоры «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз». Очевидно, что оценочная окрашенность и закрепленность знака оценки за определенным членом оппозиции данной метафоры предопределяется тем, что ее полярности представляют собой отношение по признаку ‘хорошо’ / ‘плохо’, что, как отмечает Е.М. Вольф, отражает оценочное отношение субъекта к объекту [20. С. 12].

В книге «Метафоры, которыми мы живем» отмечается тяготение ряда систем концептов к метафоре «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз», которая задает ориентацию наверх для общего позитивного состояния [9. С. 42]. Авторы книги отмечают, что к метафоре «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз» тяготеют ориентационные метафоры, структурирующие представления носителей английского языка о счастье и несчастье, благополучии, социальном статусе, добродетели и пороке. Дж. Лакофф и М. Джонсон объясняют такую согласованность общей внешней системностью. Примеры, подтверждающие данное положение на материале английского языка, детально изучил У. Наги [21].

В немецком языке обнаруживается аналогичная тенденция, что подтверждается примерами, которые мы находим в словарях немецкого языка:

«**благополучие ориентировано наверх ↔ трудности — вниз**»: *der Aufschwung der Wirtschaft* ‘подъем экономики’, *einen Aufschwung nehmen* ‘бурно развиваться’ [22. С. 154], *im Aufschwung begriffen sein* ‘идти в гору’ [23. С. 146], *der Fall eines Handelshauses* ‘банкротство торгового дома’ [22. С. 455], *die Sache ist ins Wasser gefallen* ‘дело расстроилось’ [23. С. 628];

«**высокий социальный статус соответствует верху ↔ низкий социальный статус — низу**»: *jemandem gewachsen (an Dat.)* ‘не уступать кому-либо’ (в уме, силе) [22. С. 552], *auf der Höhe sein* ‘быть на высоте’ [24. С. 294], *jemanden (bis) in den Himmel erheben* ‘превозносить кого-либо до небес’, *jemanden auf den Thron erheben* ‘возвести кого-либо на трон’ [22. С. 433], *jemandem hochhelfen* ‘поднять кого-либо’ [23. С. 510]; *hochgestellt* ‘высокопоставленный’, *hochkommen* ‘занять высокое положение’, *Hochmut kommt vor dem Fall* посл. ‘Кто высоко заносится, тому не миновать упасть’ [22. С. 639], *jemanden zu Fall bringen* ‘сместить кого-либо’ [22. С. 455];

«*счастье ориентировано наверх ↔ печаль — вниз*»: *die Stimmung heben* ‘поднимать настроение’, *sich erhoben fühlen* ‘чувствовать себя воодушевленным’ [23. С. 510], *ich konnte nicht den Mut aufbringen* ‘у меня не хватило духу’ [23. С. 185], *sich (wieder) aufraffen* ‘воспрянуть духом’ [23. С. 104], *niedergeschlagen sein* ‘быть в подавленном настроении’ [23. С. 504].

Следует отметить, что противоположности рассматриваемых систем концептов отличаются оценочной окраской с четко определенным знаком, что находит подтверждение в исследовательских работах. К примеру, А. Вежбицкая описывает концепт *glücklich* (*счастлив*), используя смысловой элемент ‘все **хорошо**’ [25; 26; 27. С. 170]. Оценочная окраска находит эксплицитное выражение в дефинициях номинантов концептов. К примеру, в определении лексемы *Glück* (*счастье*) положительный знак оценки эксплицитно выражается введением в дефиницию элемента *freudig* ‘*freudig-bewegter Zustand, in dem man sich befindet, wenn man die ersehnten ideellen oder materiellen Güter erlangt hat*’ ‘радостное состояние, в котором находятся, когда получают желанное нематериальное или материальное благо’ [28. С. 1613]. Отрицательный знак оценки в семантике лексемы *Kummer* (*печаль*) эксплицируется в дефиниции согласованными определениями перед существительным *Gemütszustand* и введением в дефиницию существительного *Schmerz*: ‘*trauriger, niedergedrückter Gemütszustand, seelicher Schmerz*’ ‘печальное, угнетенное состояние духа, душевная боль’ [28. С. 2256].

Выявленная тенденция закрепления определенного знака оценки в словарном фонде немецкого языка за членами оппозиций в системах концептов, которые тяготеют к метафоре «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз», в совокупности с особенностями визуализации ориентационных метафор в карикатурах наводит на мысль о следах представления об уровне устройства мира, которое имело место в культуре древних германцев [29. С. 131]. Оно согласуется и с современными религиозными представлениями носителей немецкой культуры. В данном представлении верхний мир противопоставляется нижнему, а между ними помещается мир людей. Можно предположить, что данное основание метафоры «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз» ушло в подсознание носителей немецкой культуры, но сохранило свою актуальность, так как закрепилось в языковом сознании (во фразеологизмах, во внутренней форме слова, в традиционной сочетаемости лексем), приобрело для носителей немецкого языка характер «культурной мыслительной модели» [30. С. 4].

Варианты представления метафоры «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз» в пространстве политической карикатуры

Осуществленный нами анализ свидетельствует о том, что в пространстве политической карикатуры противопоставление «верх — низ» в отношении к представлению об уровне устройства мира в том случае, когда речь идет

об оппозициях, тяготеющих к метафоре «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз», реализуется в нескольких вариантах:

(1) Противопоставление «*верх*» — *выше уровня земной поверхности* ↔ «*низ*» — *уровень земной поверхности*» иллюстрируется карикатурой 1983 года «Umsteigen, Madame!» («Пересадка, мадам!»)². Карикатура отражает период перехода к политике экономии во Франции в 1983 году, когда вследствие дефицита бюджета правительство Миттерана приостановило начатые социальные реформы (снижение пенсионного возраста, сокращение рабочей недели). Реплика, которая вынесена в заголовок карикатуры, приписывается изображенному на карикатуре Ф. Миттерану, который на момент создания карикатуры был президентом Франции. Миттеран обращается к молодой женщине во фригийском колпаке — Марианне (аллегорическое изображение республики), — возлежащей на ложе, которое вознесено на облако. Метафора «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз» поддерживается в этом фрагменте карикатуры проекцией изображения в лексикон немецкой языковой личности на фразеологизмы *im siebten Himmel schweben* ‘блаженствовать’, *wie im Himmel leben* ‘жить как в раю’ и *der Himmel auf Erden* ‘сказочное благополучие’ [24. С. 285—286].

Марианна испуганно смотрит на Миттерана, который просит ее спуститься с облака и приглашающим жестом указывает на лежанку йога у его ног, которая утыкана гвоздями острием вверх. Художник изображает Марианну с гротескно выпученными глазами, подчеркивая степень ее испуга и недоумения (ассоциация на фразеологизм *aus allen Himmeln fallen* ‘быть огорошенным’ [24. С. 286]). Сарказм художника находит выражение в украшении подушечек в изголовье лежанки лозунгом «*Vive la France*» ‘Да здравствует Франция’ и поддерживается возможной проекцией ситуации на афоризм «*Ein Augenblick, gelebt im Paradiese, wird nicht zu teuer mit dem Tod gebüßt*» ‘За миг один, но прожитый в раю, недорого и жизнью заплатить’ (Ф. Шиллер, Дон Карлос) [24. С. 54].

Изображенная художником ситуация ассоциируется с эпизодом библейского предания об изгнании из рая на землю, которая представляет «низ» в ориентационной метафоре, образующей основание рассматриваемой карикатуры. Вызывая у адресата сообщения ассоциацию на библейскую историю о лишении прежних благ и проклятии, произнесенном Богом — «в поте лица твоего будешь есть хлеб» [31. Стих 19], «со скорбью будешь питаться» [31. Стих 17], — художник ориентирует адресата на декодирование основной мысли сообщения.

Намек на другое событие новозаветной истории — восшествие Иисуса во плоти на небо (*Himmelfahrt*) — обнаруживаем в карикатуре 1992 года «*Also, dann Tschüss, Helmut...*»³ («Пока, Гельмут...»), которая посвящена выходу в

² EB-Nummer 1995/01/0001.3419

³ EB-Nummer 2011/09/0086.0021

отставку 18 мая 1992 года Г.Д. Геншера с поста министра федерального правительства. Его прощальная реплика, которая вынесена в заголовок карикатуры, обращена к Г. Колю — Федеральному канцлеру ФРГ с 1982 по 1998 год. Колю завален работой: он в поте лица переставляет огромные коробки с надписью *Probleme (проблемы)*, которые во множестве стоят перед ним на земле, обозначая «низ» 'плохое' ориентационной метафоры.

Другой член оппозиции ориентационной метафоры — «верх» 'хорошее' — обозначен в пространстве рисунка расходящимися в стороны облаками, в которые окутана вершина постаментов с надписью «*Dem großen Außenminister H.D. Genscher*» («Великому министру иностранных дел Г.Д. Геншеру»), на который по приставной лестнице восходит Геншер, прощально помахивая Колю рукой. Ассоциация данного члена оппозиции ориентационной метафоры с чем-то хорошим основывается на проекции изображения расходящихся облаков в лексикон немецкой языковой личности на фразеологизм *den Himmel offen sehen* со значением 'быть наверху блаженства, блаженствовать', который буквально переводится 'видеть небо отверстым' [24. С. 286] и на фразеологизм *in das Himmelreich kommen* 'попасть в рай' [28. С. 1830].

(2) Примером реализации оппозиции «*верх*» — *уровень земной поверхности* ↔ «*низ*» — *ниже уровня земной поверхности*» является карикатура 1993 года «*Die Rettung*»⁴ («Спасение»). Темой карикатуры стало бедственное положение оператора Федеральных железных дорог ФРГ *Deutsche Bundesbahn* после объединения с оператором железных дорог ГДР. «Низ» как член оппозиции ориентационной метафоры соотносится в пространстве карикатуры с дном глубокой ямы, в которой на груде вагонов рухнувшего туда поезда с надписью по борту *Bundesbahn* сидит беспомощный птенец. Характерно изогнутый вниз клюв позволяет идентифицировать в нем орла, который является центральным элементом на гербе Германии. Птенец с надеждой смотрит на подъемный кран на краю ямы, который маркирует «верх» в использованной в карикатуре ориентационной метафоре.

Тема карикатуры определяет основной акцент в изображении на члене оппозиции «низ» ориентационной метафоры: спасительный кран кажется слишком маленьким, чтобы справиться с поставленной задачей, а яма занимает почти все пространство карикатуры. Отрицательный знак оценки изображения ямы поддерживается значениями немецкого слова *Loch*, с которым ассоциируется изображение. Кроме прямого значения 'круглое или вытянутое углубление' лексема развивает оценочно окрашенные переносные значения 'темное, тесное помещение' и 'тюрьма' [28. С. 2386], что соотносится с представлением о долговой яме, которое имеет место в картине мира носителя европейской культуры.

(3) Визуализацию оппозиции «*верх*» — *выше уровня земной поверхности* ↔ «*низ*» — *ниже уровня земной поверхности*» наблюдаем в карикатуре

⁴ EB-Nummer 2011/09/0086.0240

1991 года «Das Sommerloch»⁵ («Летняя бездна»). На карикатуре изображен немецкий Михель (персонифицированное воплощение немецкого народа), главным отличительным признаком которого, по замечанию А.С. Медякова, является заостренный кверху ночной колпак на голове [32. С. 147]. Михель стоит на верхнем трамплине вышки для прыжков в воду, вглядываясь вниз в округлости шестерки в надписи «16% Mehrwert» (16% прибавочной стоимости), в центре которой закручивается водоворот, в который ему предстоит прыгнуть. Цифровое обозначение в совокупности с заголовком карикатуры задает направление на определение темы карикатуры: повышение налогового бремени летом 1991 года. Особенности определения крайних точек «верх — низ» в пространстве карикатуры, в нашем представлении, несет дополнительную коннотацию: *скачкообразное, резкое* повышение налогов. «Низ» определяется бездонностью водоворота (нем. *Strudel, Wirbel*), который ассоциируется с затягиванием в глубину и опасностью для человека (отрицательный знак оценки), о чем свидетельствуют примеры из словарей сочетаемости слов и толковых словарей: *der Strudel zog ihn in die Tiefe* ‘водоворот тянул его в глубину’ [28. С. 3640]; *der See hat gefährliche Strudel (Wirbel)* ‘на озере опасные водовороты’ [33. С. 622]. Следует отметить, что лексемы *Strudel* и *Wirbel* развивают переносное значение на основе той же ориентационной метафоры и с сохранением того же знака оценки: *ich suchte mich vergebens aus dem Strudel der Ereignisse herauszuhalten, zu retten* ‘я безуспешно пытался вынырнуть (спастись) из водоворота событий’ [33. С. 622]. Рассматриваемая карикатура является примером визуализации ориентационной метафоры «верх — низ» в направлении от хорошего к плохому.

Скачкообразное изменение экономического положения в стране в благоприятном для нее направлении (от плохого к хорошему) — тема карикатуры 1976 года «*Ohne Titel*» (*Der Aufschwung ist da!*)⁶ («Без названия» Экономический подъем!), на которой изображены люди в официальных костюмах, которые пытаются выбраться из глубокого ущелья («низ»).

«Верх» в пространстве рисунка намечается действиями смельчаков, которые начали подъем наверх. Они карабкаются вверх по приставным лестницам, покоряют высоту подобно альпинистам, пытаются взлететь на крыльях, прикрепленных к рукам, поднимаются в небо в корзине воздушного шара, взлетают на самолете, стартуют на ракете и летят, ухватившись за лапы огромного орла, на груди которого красуется надпись *Bonn*, а кого-то поднимают наверх подъемным краном. Визуальная репрезентация экономического подъема поддерживается возможной проекцией изображенных действий в лексикон немецкой языковой личности на глаголы и существительные, в семантической структуре которых обнаруживается сема ‘*движение вверх*’, к примеру: ‘*взлететь*’ *auffliegen, aufsteigen*; ‘*поднимать*’ *aufheben*; ‘*взлет*’

⁵ EB-Nummer 1995/01/001/0338

⁶ EB-Nummer 1995/01/0001.0160

Aufschwung, *Aufstieg*; ‘подъем’ *Aufhebung*, *Auffahrt*; ‘восхождение’ *Aufgang*, *Aufsteigen* — *auf-* ‘in Richtung nach oben’ [34. С. 84].

Таким образом, в пространстве политической карикатуры ориентационные метафоры, тяготеющие к метафоре «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз», визуально представлены противопоставлением уровней: поверхность земли, выше уровня земной поверхности, ниже уровня земной поверхности. В условиях реализации ориентационных метафор, тяготеющих к метафоре «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз» оценочный знак уровня определяется системой координат, создаваемой художником в пространстве карикатуры, в которой самый нижний уровень получает отрицательный знак оценки.

Метафора

«невыполнимое ориентировано наверх ↔ реальное — вниз»

Для носителя немецкого языка оценочная составляющая метафоры «невыполнимое ориентировано наверх ↔ реальное — вниз» закреплена на лексико-семантическом уровне в оппозиции фразеологизмов: *in den Wolken schweben* ‘витать в облаках, быть оторванным от действительности’ [24. С. 628], *Luftschlösser bauen* ‘строить воздушные замки’, *etwas ist aus der Luft gegriffen* ‘что-либо взято с потолка, лишено всякого основания’ [24. С. 381] ↔ *auf der Erde bleiben* ‘сохранять чувство реальности, не отрываться от земли’ [24. С. 156].

Особенность распределения знаков оценки между противоположностями «верх — низ» в рассматриваемой системе концептов иллюстрируется карикатурой 1996 года «Die Erde hat ihn wieder — Schuster, bleib bei deinem Leisten...»⁷ («Снова на земле — Сапожник, занимайся своим делом...»). Карикатура посвящена изменению политики концерна *Daimler-Benz AG*⁸ с середины 1980-х по 1995 год. Карикатура состоит из трех рисунков. На крайнем левом рисунке изображен логотип концерна — трехлучевая звезда, заключенная в круглую обводку⁹, — которая устремляется в космос: направление движения вверх обозначается инверсионным следом, который остается за логотипом. Смысловое содержание этого рисунка декодируется с опорой на фоновые знания адресата сообщения: смелые планы концерна, связанные с расширением сферы влияния и экспансией в аэрокосмическую промышленность. Изображение проецируется в лексикон немецкой языковой личности на фразеологические единицы *ein aufgehender Stern* ‘восходящая звезда, восходящее светило’, *jemandes Stern ist im Aufgehen* ‘чья-либо звезда восходит, кто-либо восходящая звезда’ [24. С. 539].

⁷ EB-Nummer 2011/09/0086.0138

⁸ Ныне не существующая немецкая автомобилестроительная компания, которая занималась производством автомобилей и двигателей внутреннего сгорания.

⁹ Сегодня этот логотип украшает легковой автомобиль «Мерседес-Бенц».

След, который остается за логотипом на втором рисунке, отмечает его падение вниз и проецируется в лексикон немецкой языковой личности на фразеологизмы *j-s Stern ist am Sinken* ‘чья-либо звезда закатывается’ и *j-s Stern ist gesunken* ‘чья-либо звезда закатилась, чья-либо слава померкла’ [24. С. 539], констатируя безуспешность попытки, предпринятой концерном.

На крайнем правом рисунке автомобиль, маркированный логотипом концерна, стоит на земле, создавая ассоциацию на фразеологизм *wieder festen Grund unter den Füßen spüren* ‘снова обрести почву под ногами’ [24. С. 238], который выражает положительную оценку сложившегося положения дел. Особую роль во фразеологизме играет наречие *wieder*, которое указывает на то, что через определенное время снова было достигнуто прежнее состояние ‘*drückt aus, dass etwas nach einem gewissen Zeitraum erneut geschieht, ein früherer Zustand, Tatbestand von neuem besteht*’ [24. С. 4345]. В контексте рассматриваемой фразеологической единицы наречие предполагает проблемный период, который предшествовал моменту речи. Ассоциативная связь с приведенным фразеологизмом подкрепляется в первой части подписи к карикатуре «*Die Erde hat ihn wieder*», которую можно рассматривать как его переложение. В подписи имеет место наречие *wieder*, а слово *Erde* и словосочетание *fester Grund unter den Füßen* обозначают одно и то же понятие.

Положительная оценка приземленного подхода к делу, к которому апеллирует последний рисунок, акцентируется паремией во второй части подписи к карикатуре «*Schuster, bleib bei deinem Leisten...*», эквивалентами которой в русском языке составитель словаря «6000 deutsche und russische Sprichwörter» считает следующие паремии: *Знай, чеботарь, свое кривое голенище. Знай, сверчок, свой шесток. Знай, кошка, свое лукошко. Если не поп, не суйся в ризы* [35. С. 249]. Рассматривая немецкую паремию, отмечаем признаки, повторяющиеся и в ее русских эквивалентах. Высказывание включает обращение. Обращение оформлено 2-м лицом единственного числа, которое определяется как «доверительное» *du* (оно поддерживается притяжательным местоимением *dein*), которое сокращает дистанцию между собеседниками. Другими словами, высказывание имеет характер дружеской рекомендации, истинность которой закреплена в паремии, потому что была доказана практическим опытом не одного поколения.

Итак, распределение знаков оценки между противоположностями метафоры «невыполнимое ориентировано наверх ↔ реальное — вниз» определяется через систему ценностей бытового прагматизма, закрепленного во фразеологическом фонде немецкого языка, в котором отрыв от реальности оценивается отрицательно, а приземленность в решении вопросов — положительно. Принимая во внимание специфику распределения положительного и отрицательного знаков оценки между противоположностями «верх — низ», художник вводит в карикатуру опоры для адресата (в рассмотренном примере в вербальной ее части), обеспечивающие верность декодирования сообщения.

Метафора

«больше ориентировано наверх ↔ меньше — вниз»

Рассматривая примеры, которые иллюстрируют ориентационную метафору «больше ориентировано наверх ↔ меньше — вниз» в книге «Метафоры, которыми мы живем», мы не наблюдаем вышеупомянутую закрепленность знака оценки за определенным членом оппозиции. В нашем представлении данный факт объясняется неоднородностью физических и социальных оснований ориентационных метафор, которая подчеркивается авторами книги «Метафоры, которыми мы живем» [9. С. 42].

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на тот факт, что отсутствие жесткой закрепленности знака оценки у метафоры «больше ориентировано наверх ↔ меньше — вниз» используется В. Ханелем для игры со знаком оценки. Пример такой игры со знаком оценки мы находим в карикатуре 1996 года «*Ohne Titel*» (*FDP, Steuersenkungen und Haushaltsloch*)¹⁰ — «*Без названия*» (*СвДП, снижение налогов и дыра в бюджете*). На рисунке художник изображает немецких политиков — членов Свободной демократической партии, — свалившихся в глубокую яму. В дно ямы воткнута табличка с надписью «*Steuersenkungen*» ‘снижение налогового бремени’, на ее верхнем краю расположен указатель с надписью «*Haushaltsloch*» ‘дыра в бюджете’. Обе лексемы обозначают непредметные явления и являются примерами ориентационной метафоры.

Иллюстрируя композиту *Haushaltsloch*, художник обращается к внутренней форме слова, к прямому значению ее второй непосредственно составляющей, которая может употребляться самостоятельно как существительное *Loch*, используемое в прямых значениях ‘дыра’, ‘пролом’, ‘промоина’ для обозначения углубления в земле. Презентация абстрактного понятия путем изображения предметно представляемого элемента внутренней формы слова служит созданию комического эффекта и активизирует в сознании адресата сообщения метафору «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз» (часть действующих лиц расположены ниже уровня земли), в которой второй член оппозиции соотносится с жестко закрепленным отрицательным знаком оценки.

Композита *Steuersenkungen* соотносится с метафорой «больше ориентировано наверх ↔ меньше — вниз» и вне контекста употребления обозначает с позиции адресата сообщения, который является налогоплательщиком, положительное явление. Вместе с тем, размещая табличку с надписью «*Steuersenkungen*» на дне глубокой ямы, изображающей дыру в бюджете, и выстраивая причинно-следственную связь между снижением налогового бремени и ухудшением финансового положения государства, художник заставляет адресата сообщения изменить свое мнение, меняет знак оценки этого явления на отрицательный.

¹⁰ EB-Nummer 2011/09/0086.0411

Выражение аффективной оценки

В нашем представлении, некоторые карикатуры, в основании которых лежит ориентационная метафора «верх — низ», несут ярко выраженную аффективную оценку, которая соотносится с экспрессивным выделением признака на основе оппозиции признаков ‘эмоциональность’ / ‘рациональность’ [20. С. 12]. Определяющим для данного оценочного отношения к объекту речи является то, что «установление интенсивности проявления признака имеет субъективный характер, так как устанавливается с точки зрения субъекта» [36. С. 140].

Именно такой характер имеет оценочная составляющая карикатуры 1994 года «Ohne Worte»¹¹ («Без названия»), темой которой стала возрастающая ответственность ФРГ в вопросах международной политики. Большую часть рисунка занимает облако, с которого Г. Коль¹², Р. Шарпинг¹³ и К. Кинкель¹⁴ удрученно взирают на голые камни и бомбы с горящими бикфордовыми шнурами, разбросанные на земле под облаком. С земли к облаку представлены лестницы как приглашение спуститься с небес на землю, изображение которых в совокупности с надписью на указателе в их направлении «*Weltengagement*» («К решению международных проблем») позволяет адресату определить тему сообщения.

Противоположности «верх — низ» намечаются в пространстве рисунка изображением облака и поверхности земли, израненной взрывами снарядов. Знак оценки оппозиционных членов определяется наложением изображения на метафору «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз». Положительный знак оценки первой противоположности поддерживается проекцией изображения в лексикон немецкой языковой личности на фразеологизм *wie im Himmel leben* ‘жить как в раю, блаженствовать’ [24. С. 286]. Отрицательный знак ее оппозиционного члена — проекцией изображения разрушений на поверхности земли на фразеологизмы *kein Stein blieb auf dem anderen* ‘камня на камне не осталось’ [24. С. 536]; *keinen Stein auf dem anderen lassen* ‘камня на камне не оставить’ [24. С. 537].

Апеллируя к внутренней форме немецких фразеологизмов *ein himmelweiter Unterschied* ‘огромная разница, (как) небо и земля’ [24. С. 287], *himmelweit entfernt sein von etwas* ‘совершенно не совпадать с чем-либо’ [24. С. 287], художник передает разительное отличие между благополучием Германии и положением дел в Европе, на территории которой шла Боснийская война (весна 1992 — 14 декабря 1995).

Другим примером выражения аффективной оценки является карикатура 1992 года «*Sie sitzen so weit weg — ich kann sie überhaupt nicht verstehen!*»

¹¹ EV-Nummer 2011/09/0086.0154

¹² В 1982—1998 году — федеральный канцлер Германии.

¹³ В 1991—1994 год — премьер-министр Рейнланд-Пфальца. Депутат бундестага с 1994 по 2005 год.

¹⁴ В 1993—1998 годах являлся вице-канцлером Германии.

(«Вы сидите так далеко — я не в состоянии Вас понять!»), которая посвящена переговорам между представителями работодателей и Объединением немецких профсоюзов (*DGB*) о повышении зарплат на 10,5 %. У стульев, на которых сидят представители сторон за столом переговоров, ножки разной длины. У стула, на котором сидит представитель профсоюзов, чрезмерно длинные ножки, за счет чего персонаж практически упирается головой в потолок. Длина ножек стульев, на которых сидят договаривающиеся, иллюстрирует абсолютное отсутствие точек соприкосновения в их представлениях о возможности достижения договоренности. То, что речь идет о несовпадении их представлений, эксплицируется в подписи к карикатуре модальным глаголом *können* в сочетании со смысловым глаголом *verstehen*, который обозначает ментальное действие. Подпись к карикатуре не позволяет определить, какой из сторон принадлежит сформулированная в ней оценка. Но очевидна эмоциональность оценки, которая подчеркивается словосочетанием *so weit weg* и полным отрицанием возможности понять собеседника, которое передается сочетанием наречия *überhaupt* с последующим отрицанием перед смысловым глаголом: невозможность достижения договоренности осознается обеими сторонами.

Рассматривая вышеназванную карикатуру «*Sie sitzen so weit weg — ich kann sie überhaupt nicht verstehen!*», нельзя не отметить, что в ней совмещаются разные системы концептов, в основании которых лежит ориентационная метафора «верх — низ». С одной стороны, ориентационная метафора ассоциируется с аффективной оценкой ‘разительная разница’, ‘абсолютное отсутствие точек соприкосновения’. С другой стороны, модальность сообщения автор оформляет, ориентируясь на метафору «невыполнимое ориентировано наверх ↔ реальное — вниз», в ценностной системе которой положительную оценку получает последний элемент. Изображая представителя профсоюзов на стуле с невероятно длинными ножками, художник акцентирует отсутствие у профсоюзов правильной оценки положения дел в экономике страны и подчеркивает отсутствие возможности для выполнения выдвигаемых требований.

Таким образом, в пространстве политической карикатуры аффективная оценка является дополнительной коннотацией, средством усиления эмоционального заряда сообщения и соотносится со значением ‘разительная разница’. Знак оценки оппозиционных членов определяется системой оценок ориентационной метафоры, на которую накладывается данная коннотация.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что, оформляя модальность сообщения в форме политической карикатуры, художник использует закрепление положительного или отрицательного знака оценки за оппозиционными членами метафор, в основании которых лежит отношение «верх ↔ низ».

Оппозиционные члены ориентационных метафор, в основании которых лежит отношение «верх — низ», демонстрируют закрепленный (положительный или отрицательный) знак оценки или приобретают его в контексте сообщения за счет наложения на другую метафору.

Закрепленным знаком оценки отличаются оппозиционные члены ориентационных метафор, которые тяготеют к метафоре «хорошее ориентировано наверх ↔ плохое — вниз», что имеет основание в особой «культурной мыслительской модели» носителей немецкого языка, которая восходит к представлению об уровне устройства мира древних германцев. Данное представление закреплено в лексиконе немецкой языковой личности: во фразеологическом фонде языка, внутренней форме слова, традиционной сочетаемости слов. В пространстве карикатуры данные ориентационные метафоры реализуются в противопоставлении уровней — поверхность земли, выше уровня земной поверхности, ниже уровня земной поверхности, — в системе координат которых нижний уровень соотносится с отрицательным знаком оценки.

Закрепление положительного знака оценки за нижним уровнем (поверхность земли) наблюдается при реализации метафоры «невыполнимое ориентировано наверх ↔ реальное — вниз». Особенность распределения знаков оценки в данной метафоре обусловлена системой ценностей бытового прагматизма, закрепленного во фразеологическом фонде немецкого языка, в котором приземленность в решении вопросов оценивается положительно. Ориентация на ценностные представления, закрепленные в немецких фразеологизмах, требует от карикатуриста создания соответствующих опор (например, в подписи к рисунку) для верного декодирования сообщения адресатом карикатуры.

Распределение знаков оценки между оппозиционными членами метафоры «больше ориентировано наверх ↔ меньше — вниз» обусловлено оценочной шкалой, применяемой в сообщении, что может использоваться карикатуристом в игре со знаком оценки. Используя средства карикатуры, художник акцентирует внимание адресата на причинно-следственных связях, оказывает влияние на его мнение, предлагая в своем сообщении шкалу оценки, которая может отличаться от той шкалы оценок, на которую обычно ориентируется адресат.

Отношение «верх — низ» может использоваться в пространстве карикатуры для выражения аффективной оценки, которая интерпретируется не через оппозицию признаков 'хорошо' / 'плохо', а соотносится с экспрессивным выделением признака, акцентируя выход за пределы его нормы. Знак оценки оппозиционных членов определяется в данном случае системой оценок ориентационной метафоры, на которую накладывается данная коннотация.

Формируя оценочный знак оппозиционных членов метафоры, карикатурист опирается на представления, закрепленные в лексиконе немецкой языковой личности. В пространстве политической карикатуры данная особенность объединяет все рассмотренные случаи реализации метафоры «верх — низ».

Библиографический список

1. *Вольская Н.Н.* Оценка и ее функции в креолизованном тексте карикатуры // Медиаскоп. 2017. Вып. 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.mediascope.ru/2272> (дата обращения: 03.07.2020).

2. *Kovecses Z.* Metaphor: A Practical Introduction. New York: Oxford University Press. 2002.
3. *Керимов Р.Д.* Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации. Кемерово: Кемеровский государственный университет. 2015.
4. *Скороходова Е.В., Бродянская Е.А.* Креолизованный текст в современных СМИ как формирование оценки события и эмоции у читателей // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 242—245.
5. *Харченко В.К.* Функции метафоры. М.: ЛКИ, 2007.
6. *Кипина М.А., Плотнокова М.В., Тулайкина С.С.* Жертва русского медведя: образ Украины во французской политической карикатуре 2014—2018 гг. // *Сопоставительная лингвистика.* 2018. № 7. С. 26—33.
7. *Иванова Е.А.* Образ современной Европы в политической карикатуре // *Политическая лингвистика.* 2018. № 4 (70). С. 77—86.
8. *Дехнич О.В., Середина Е.В.* Метафоризация визуального компонента в современной американской политической карикатуре // *Вестник Южно-Уральского государственного университета.* Серия: Лингвистика. 2019. Т. 16. № 1. С. 5—10. DOI: 10/14529/ling190101
9. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / под. ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
10. *Шустрова Е.В.* Ориентационные метафоры в американской карикатуре времен Великой депрессии // *Политическая лингвистика.* 2015. 3 (53). С. 65—73.
11. *Kloepfer R.* Komplementarität von Sprache und Bild. Am Beispiel von Comic, Karikatur und Reklame // Roland Posner (ed.) *Zeichenprozesse: semiotische Forschung in den Einzelwissenschaften.* Wiesbaden: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion, 1977. P. 129—145.
12. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180—196.
13. *Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003.
14. *Ворошилова М.Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2013.
15. Dugalich N.M. Political cartoon as a genre of political discourse // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. № 9 (1). С. 157—172. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172
16. Denisova G.L. Text categories of messages in the form of a political cartoon. *SHS Web of Conferences* 69. 2019. 00031. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900031>
17. *Денисова Г.Л.* Обращенность карикатур периода Великой Отечественной войны к русской языковой личности // *Вопросы когнитивной лингвистики.* 2020. № 1. С. 78—86. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-78-86
18. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
19. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток — Запад, 2007.
20. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М.: КомКнига, 2006.
21. *Nagy W.* Figurative Patterns and Redundancy in the Lexicon. Ph. D. dissertation. San Diego: University of California at San Diego, 1974.
22. *Moskalskaja O.I.* Das große deutsch-russische Wörterbuch. Erster Band. М.: Russische Sprache, 1997.
23. *Leping E.I.* Russisch-deutsches Wörterbuch. М.: Russische Sprache, 1976.
24. *Binowitsch L.T., Grischin N.N.* Deutsch-russisches phraseologisches Wörterbuch. М.: Russische Sprache, 1975.
25. *Wierzbicka A.* Defining emotion concepts // *Cognitive Science.* 1992. № 16. P. 539—581.
26. *Wierzbicka A.* Talking about emotions: Semantics, culture, and cognition // *Cognition and Emotion.* 1992. № 6 (3/4). P. 285—319.
27. *Зализняк А.А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // *Ключевые идеи русской языковой картины мира.* М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 153—174.
28. *Klappenbach R., Steinitz W.* Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: in 6 Bänden. Berlin: Akademie, 1981—1985.

29. Негреев И.О. Древнескандинавский образ мирового древа Иггдрасиль: функции и значение // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 2. С. 131—138.
30. Jäkel O. Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereicher Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang, 1997.
31. Библия онлайн. Режим доступа: <https://bible.by/verse/1/3/> (дата обращения: 03.07.2020).
32. Медяков А.С. От крестьянина до архангела: образ немецкого Михеля в годы Первой мировой войны // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2018. № 63. С. 146—166.
33. Agricola E. Wörter und Wendungen. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1979.
34. Kempcke G. Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: in 2 Bänden. Berlin: Akademie, 1984.
35. Graf A.E. 6000 deutsche und russische Sprichwörter. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag, 1960.
36. Денисова Г.Л. Когнитивный механизм сравнения: текстовый потенциал (на материале немецкого языка). Saarbrücken, 2013.

References

1. Vol'skaya, N.N. (2017). Assessment and its function in a creolized text cartoons. *Mediascope*, 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2272> (accessed: 3 July 2017).
2. Kovecses, Z. (2002). *Metaphor: A Practical Introduction*. New York: Oxford University Press.
3. Kerimov, R.D. (2015). *Metaphorical anthropomorphism in social-political communication*. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet. (In Russ.).
4. Skorokhodova, E.Yu. & Borodyanskaya, E.A. (2020). Creolized text of the modern mass media as a means to form reader's emotional-evaluative attitude. *Philology. Theory & Practice*, 13(3), 242—245. (In Russ.). DOI: 10/30853/filnauki.2020.3.50
5. Kharchenko, V.K. (2007). *Functions of Metaphor*. Moscow: LKI. (In Russ.).
6. Kipina, M.A., Plotnikova, M.V. & Tulaykina, S.S. (2018). Victim of Russian bear: Image of Ukraine in French political cartoons 2014—2018. *Sopostavitel'naya lingvistika*, 7, 26—33. (In French).
7. Ivanova, E.A. (2018). The image of modern Europe in a political cartoon. *Political Linguistics*, 4(70), 77—86. (In Russ.).
8. Dekhnich, O.V. & Seredina, E.V. (2019) Metaphorization of visual component in modern American political cartoon. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 16(1), 5—10. DOI: 10/14529/ling190101. (in Russ.).
9. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004). *Metaphors We Live By*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
10. Shustrova, E.V. (2015). Up vs. down and forward vs. backwards oppositions in American political cartoon: The Great depression period. *Political Linguistics*, 3(53), 65—73. (In Russ.).
11. Kloepfer, R. (1977). Komplementarität von Sprache und Bild. Am Beispiel von Comic, Karikatur und Reklame. In: Roland Posner (ed.) *Zeichenprozesse: semiotische Forschung in den Einzelwissenschaften*. Wiesbaden: Akademische Verlagsgesellschaft Athenaion. pp. 129—145.
12. Sorokin, Yu.A. & Tarasov, E.F. (1990). Creolized texts and their communicative function. In *Optimization of Speech Influence*. Moscow: Nauka. pp. 180—196. (In Russ.).
13. Anisimova, E.E. (2003). *Text Linguistics and Intercultural Communication (on Basis of Creolized Texts)*. Moscow: Academia. (In Russ.).
14. Voroshilova, M.B. (2013). *Political Creolized Text: Keys of Understanding*. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ. (In Russ.).
15. Dugalich, N.M. (2018). Political cartoon as a genre of political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(1), 157—172. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172

16. Denisova, G.L. (2019). Text categories of messages in the form of a political cartoon. *SHS Web of Conferences* 69. 00031. URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900031> (accessed: 3 July 2017).
17. Denisova, G.L. (2020). Appeal of the Great Patriotic War cartoons to the Russian language personality. *Issues of Cognitive Linguistics* 1, 78—86. (In Russ.). DOI: 10.20916/1812-3228-2020-1-78-86
18. Karaulov, Yu.N. (2010). *Russian Language and Language Personality*. Moscow: LKI Publ. (In Russ.).
19. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2007). *Cognitive Linguistics*. Moscow: AST: Vostok-Zapad (In Russ.).
20. Vol'f, E.M. (2006). *Functional Semantics of Valuation*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).
21. Nagy, W. (1974). *Figurative Patterns and Redundancy in the Lexicon* [dissertation]. San Diego: University of California.
22. Moskalskaja, O.I. (1997). *Das große deutsch-russische Wörterbuch*. Erster Band. Moskau: Russische Sprache.
23. Leping, E.I. (1976). *Russisch-Deutsches Wörterbuch*. Moskau: Russische Sprache.
24. Binowitsch, L.T. & Grischin, N.N. (1975). *Deutsch-russisches phraseologisches Wörterbuch*. Moskau: Russische Sprache.
25. Wierzbicka, A. (1992). Defining emotion concepts. *Cognitive Science*, 16, 539—581.
26. Wierzbicka, A. (1992). Talking about emotions: Semantics, culture, and cognition. *Cognition and Emotion*, 6(3/4), 285—319.
27. Zaliznyak, A.A. (2005). Happiness and enjoyment in Russian language picture of world. In: *Key Ideas of Russian Language Picture of the World*. Moscow: Yazuki slavyanskoi kul'tury. pp. 153—174. (In Russ.).
28. Klappenbach, R. & Steinitz, W. (1981—1985). *Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: in 6 Bänden*. Berlin: Akademie.
29. Negreev, I.O. (2012). The old Scandinavian image of the world tree Yggdrasil: Functions and meaning. *Evrasiya: duchovnye traditsii narodov*, 2, 131—138. (In Russ.).
30. Jäkel, O. (1997). *Metaphern in abstrakten Diskurs-Domänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereicher Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang.
31. The Bible. URL: <https://bible.by/verse/1/3/> (accessed: 3 July 2017). (In Russ.).
32. Medyakov, A.S. (2018). From peasant to archangel: The image of the German Michael during the First World War. *Dialogue with Time. Intellectual History Review*, 63, 146—166. (In Russ.).
33. Agricola, E. (1979). *Wörter und Wendungen*. Leipzig: Bibliographisches Institut.
34. Kempcke, G. (1984). *Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: in 2 Bänden*. Berlin: Akademie.
35. Graf, A.E. (1960). *6000 deutsche und russische Sprichwörter*. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer Verlag.
36. Denisova, G.L. (2013). *Cognitive Mechanism of Comparison: Text Potential*. Saarbrücken. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Денисова Галина Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» Тольяттинского государственного университета; *сфера научных интересов*: медиалингвистика, политическая лингвистика, когнитивная лингвистика, теория текста; *e-mail*: g.denisova@tltsu.ru ORCID: 0000-0002-4238-7587. eLIBRARY SPIN-код: 9732-9593

Information about the author:

Galina L Denisova, Dr. of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Theory and Methods of Teaching of Foreign Languages and Cultures at Togliatti State University; *Research interests*: Media linguistics, Political linguistics, Cognitive linguistics, Text theory; *e-mail*: g.denisova@tltsu.ru ORCID: 0000-0002-4238-7587. eLIBRARY SPIN-code: 9732-9593

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-576-596

UDC [811.113.3:811.134.3]’373(8)

Research article / Научная статья

Spanish South American and Brazilian Demonyms: Morphosyntactic Structure and Axiological Values

Olga S. Chesnokova✉, Marija Radović, Irina B. Kotenyatkina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

✉tchesnokova-os@rudn.ru

Abstract. This article contributes to the study of the grammar, semantics, expressive values of a very special onymic category, inhabitants' names, or demonyms. The authors examine and compare demonyms in two varieties of Romanic languages — South American Spanish and Brazilian Portuguese from both a multi-modal point of view and empirical evidence (synchronic and diachronic data) and systemize them by concentrating on their morphosyntactic distinctive features and semiotic content. The perspective revealed in this paper aims to study, define and analyze the main tendencies in the creation of denominative adjectives functioning as demonyms, to establish the parameters of discrepancies and convergences regarding demonyms of the region in question. The authors based on analyzing the motivation sources, grammar formulae, suffix combinations, socio-cultural varieties and the occurrence of homonymy, as well as their significance, axiological values in forming a group identity and the stereotypes they might lead to. The methodology has included semiotic, cognitive, historic and comparative analysis — a synchronic conceptual transdisciplinary analysis. The results of the study confirm the premise that the demonym suffixes randomly alternate in derivation processes, but also demonstrate the existence of other morphological and pragmatic trends while outlining the role of demonyms in migration processes, formation of a linguistic landscape and axiological values.

Key words: demonyms, morphosyntax, axiological values, South America, Spanish, Brazilian Portuguese

Article history:

Received: 01.03.2021

Accepted: 15.04.2021

For citation:

Chesnokova, O.S., Radović, Marija & Kotenyatkina, I.B. (2021). Spanish South American and Brazilian Demonyms: Morphosyntactic Structure and Axiological Values. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 576–596. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-576-596

© Chesnokova O.S., Radović Marija, Kotenyatkina I.B., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК [811.113.3:811.134.3]373(8)

Испанские южноамериканские и бразильские демони́мы: морфосинтаксическая структура и аксиологические ценности

О.С. Чеснокова✉, М. Радович, И.Б. Котеняткина

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
✉tchesnokova-os@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию грамматики, семантики, выразительных средств особой онимической категории — имен жителей или демони́мов. Авторы исследуют и сравнивают демони́мы в двух романских языках: южноамериканском испанском и бразильском португальском с разных точек зрения, опираясь на эмпирические (синхронные и диахронические) данные и систематизируют их, концентрируясь на их морфосинтаксических отличительных особенностях и семиотическом содержании. Перспективу дальнейших исследований авторы видят в изучении, определении и анализе основных тенденций в создании отыменных прилагательных, функционирующих как демони́мы, для установления параметров несоответствий и совпадений в отношении демони́мов рассматриваемого региона. Анализ проведенного исследования в формировании групповой идентичности и стереотипов, к которым они могут привести, опирается на анализ источников мотивации, грамматических правил, суффиксных комбинаций, социокультурных разновидностей и наличия омонимии, а также аксиологической значимости демони́мов. Методология включает семиотический, когнитивный, исторический и сравнительный, а также синхронный концептуальный междисциплинарный анализ. Результаты исследования подтверждают предположение, что суффиксы демони́мов случайным образом чередуются в процессах образования, но также демонстрируют существование других морфологических и прагматических тенденций, подчеркивая роль демони́мов в процессах миграции, формировании языкового ландшафта и аксиологических ценностей.

Ключевые слова: демони́мы, морфосинтаксис, аксиологические ценности, Южная Америка, испанский, бразильский португальский

История статьи:

Дата поступления: 01.03.2021

Дата приема в печать: 15.04.2021

Для цитирования:

Чеснокова О.С., Радович М., Котеняткина И.Б. Испанские южноамериканские и бразильские демони́мы: морфосинтаксическая структура и аксиологические ценности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 576—596. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-576-596

Introduction

Demonyms are directly related to toponymy and represent an integral part of the lexicon and toponymic vocabulary of every language. However, the formation of this lexicon as well as its current condition and frequency in texts and discourses depend on the typology of a particular language, its history, linguistic contacts and

national rhetoric tradition. This investigation aims at studying South American demonyms from Argentina, Chile, Paraguay, Uruguay, Peru, Ecuador, Bolivia, Colombia, Venezuela and Brazil basing on the cartographic materials, dictionaries, diverse types of texts, and surveys of native speakers. The fact that serves as a theoretical premise is that in contemporary Romance philology Spanish and Portuguese are perceived as a set of parameters of differences and convergences [1—4]¹. In other words, toponyms can be studied as markers of the way speakers of different varieties of Spanish and Portuguese perceive the world, which combines the goals of traditional onomastic geography and studies in dialectology and semiotics and draws particular attention to national toponymic systems and their consecutive comparison.

The essence of this study consists in revealing the linguistic versatility in South American countries through its evidence in the field of toponymy as well as the formation of demonyms, productivity of suffixes and formation of metaphorical demonyms or toponymic nicknames.

DEMONYMS AS A PART OF TOPONYMIC LEXICON AND THEIR DISCURSIVE POTENTIAL

Definition and formation of demonyms

Before we turn to discussing in detail the practical results of our study, there is a need to outline the slight dissents that exist about the demonym as a term.

The Spanish Royal Academy defines demonym as follows:

From lat. *gentilicius*, der. *de gentilis* ‘which belongs to one nation or lineage’.

1. adj. About an adjective or a noun: the one denoting the relation to a geographical area.

2. adj. Pertinent or related to peoples or nations.

3. adj. Pertinent or related to a lineage or a family.

The term *demonym* is the English equivalent for the Spanish word *gentilicio* and applies to an inhabitant or a native of a particular place, and is derived from a toponym. However, the word *gentilic* is defined by Webster’s dictionary of English in a narrower sense, as a noun or an adjective that denotes an ethnic or a national affiliation. In Spanish this term applies not only to inhabitants of certain places but is also used as a denominative adjective, i.e., the one derived from a geographic denomination.

According to Morera and García Padrón, gentilic words have a primary (“pertinent or related to”, “native of”) and, sometimes, a secondary meaning (descriptive, classified as a noun — *las menorquinas, el afgano, la malagueña*). In addition, these authors distinguish various traits attributed to people called by their

¹ Buarque de Holanda Ferreira, A. (1986). *Novo dicionário da língua portuguesa*. Rio de Janeiro: Nova Fronteira. (In Portuguese).

demonyms: 1) moral qualities (*bárbaro, fenicio*); 2) physical or psychological traits (*flaca como una francesa; paciente como un chino*); 3) attitudes or behaviors (*furia española, flema británica*); 4) amount of property (*rico como un godo*); 5) sexual practices (*sodomita, lesbiana*); 6) ideological or religious position (*política francesa, diplomacia vaticana*); 7) economic or professional activities (*banquero suizo, asistente filipina*); 8) language or linguistic variety (*gabacho*); 9) attire, clothes, jewelry (*saboyana*); 10) object, tool, currency (*boliviano, carabela portuguesa*); 11) food or drink (*paella valenciana, boloñesa, macedonia*); 12) music or dance (*granadina, malagueña*); 13) games and sporting activities (*fútbol americano, baraja española*); 14) objects of art or craft (*punto tunecino, tela indiana*); 15) established school or institute (*cirenaico*) [5. P. 463—65].

On the other hand, Almela Perez distinguishes the apophantic and the semantic aspect of demonyms and adds that the semantic aspect implies the possibility of the triple meaning, including the identifier, the subclassifier, and the analogue [6. P. 16].

It is well known that in the course of history the evolution of the lexicon and grammar of Spanish were immensely affected by Latin, which is seen from the examples of the most typical Spanish suffixes for demonyms, i.e., **-ano, -ana** (Latin: *-anus/-ana/-anum*); **-ense** (Latin: *-ensis*); **-ino, -ina** (Latin: *-inus/-ina/-inum*); **-eño, -eña** (Latin: *-ineus/-inea/-ineum*) [7].

It must be said that the founder of contemporary Romance philology in Russia G.V. Stepanov asserted in the 1970s that in the process of toponymic derivation suffixes for demonyms in Spanish are chosen not according to specific rules, but are influenced by the existing linguistic tradition, i.e., an inconsistent alteration of the most productive suffixes occurs [3. P. 256]. This hypothesis has been also stated by Chilean authors Kordić and Fajardo, who claim that it is impossible to guess the suffix that will form the demonym for each place name [8. P. 418].

Demonyms as indicators of social and cultural practices

Demonyms reflect complex relations among culture codes, multilingual and social creativity and can be considered as a clear example of Translanguaging, the transforming and transdisciplinary mind process that goes much more beyond (transcends) language [9]. The field of demonyms is closely connected to the way we are recognized as a society and to the existing social stereotypes and models of treating regional groups. Demonyms represent a flexible and constantly evolving system. For example, after the collapse of the Soviet Union, a new demonym *россияне* [rossiyánie] emerged as referring to the residents of the Russian Federation. In certain regions of ex-Yugoslavia new words were invented to denote their residents belonging to different ethnicities such as *Bosniaks/Bosniacs*.² On the other hand, the demonym *Yugoslav* is now being used to refer to the mentioned period of history and can be used in a nostalgic sense by the peoples populating this area.

² *Bosniaks/Bosniacs* is the demonym used to denote Muslim population of Bosnia and Herzegovina.

Demonyms typically present a flexible category. Due to global migration process, the place of birth does not always coincide with the place of residence or space of popularity of a person [10]. For instance, according to her citizenship, a popular Latin American writer, *Isabel Allende*, is *Chilean*, but *Peruvian (peruana)* by her birthplace. Diverse types of texts and discourses in Spanish and Portuguese abound with demonyms in these languages. In general, Spanish and Portuguese demonyms are difficult to translate into, for example, Slavonic languages. Slavonic languages morphosyntactic recourses permit Spanish and Portuguese demonyms formation, but they sound rather artificial for Slavonic languages native speakers. Which is why in many cases Slavonic languages native speakers prefer descriptive constructions, but not demonyms: *житель Боготы* ‘inhabitant of Bogota’ instead of *боготинец* for *bogotano* ‘Bogotan’; *житель Сантьяго* or *stanovnik Santjaga* ‘inhabitant of Santiago’ instead of *сантьягец* for *santiaguino*.

A special approach to demonyms consists in studying them in a dialogue of cultures, which is a form of Translanguaging as well. These considerations go back to the ideas of dialogue suggested by the great Russian thinker M.M. Bakhtin in his work “The Aesthetics of Verbal Creativity”, that in the multicultural interactions one of the cultures puts questions to another one, and due to such issues, one culture opens its depths to another one; in our case, this corresponds to the low frequency of similar demonyms in Slavonic tongues [11].

The following example from media discourse perfectly underscores the multiplicity of culturally marked examples of demonyms:

‘Nace la cátedra García Márquez en la Universidad Central’

En honor a la memoria de nuestro Nobel de Literatura, la Universidad Central de Bogotá inaugura este martes — cuando el autor **cataquero** cumpliría 91 años—, la cátedra Gabriel García Márquez, que cada año, durante un día, rendirá tributo a su pensamiento (1)³.

‘The Central University opens a new Department named by García Márquez’

In honour of the memory of our Nobel Prize Winner in Literature, the Bogota’s Central University inaugurates on Tuesday — exactly when the **cataquero** author would turn 91 — the Gabriel García Márquez Department that will for a day give tribute to his thinking each year.

To decipher and interpret the demonym *cataquero* applied to the Colombian Nobel Prize, one needs to know that *Cataca* is the short form of the toponym *Aracataca*, Marquez’ native city: “Its name goes back not to the people but to the river named *ara* in the Chimila language and to *Cataca*, which is the word the community used to identify the indigenous governor. Which is why the natives call the city not *Aracataca* but as it should be called, i.e., *Cataca*”.⁴ That’s the way to decipher the

³ Nace la cátedra García Márquez en la Universidad Central. El Tiempo, 4 de marzo de 2018. URL: <https://www.eltiempo.com/cultura/musica-y-libros/universidad-central-inaugura-catedra-garcia-marquez-189704> (accessed: 19.09.2020). (In Spanish).

⁴ García Márquez, G. (2002). *Vivir para contarla*. Bogotá: Editorial Norma. P. 53.

expression *cataquero writer* referred to the Colombian Nobel Prize winner in the context of his autobiography and in other Colombian culturally bound texts.

SOUTH AMERICAN TOPONYMY AS A SOURCE IN THE FORMATION OF DEMONYMS

Needless to say that the nation and language are the basic characteristics of ethnic and cultural identity. Every nation in Latin America is a complex alloy of distinct ethnic elements. The significance of toponymy of the countries of Latin America is difficult to disregard given that it often reveals the influence of substrate idioms on the etymology of geographic names and brings to light the already disappeared characteristics of place names [12—14]. In semiotic studies of place names the emphasis is put on analysing their position among the diverse systems of signs and on interpreting place names along semantic, syntactic, and pragmatic lines as the three basic dimensions of signs. In terms of semiotics, place names reflect and catalog the space. According to Yu.M. Lotman, the semiotics of space is of key importance to the formation of “the image of the world” for a specific culture. The interpretation of life through culture is inevitably based on the formation of the model of the universe and space [15. P. 205].

Place names can actually be viewed as the all-encompassing linguistic mapping of the model of the universe. Since Spanish is treated in contemporary Romance philology as a set of parameters of differences and convergences, as well as Brazilian Portuguese, place names can be studied as markers of the way speakers of diverse varieties of Spanish and Portuguese perceive the universe, while combining traditional onomastic geography and studies in dialectology and semiotics. Another relevant line of enquiry to be pursued is the role of demonyms in language and cultural contacts, as well as their borrowings from and assimilation by other cultures.

It is well known that the system of Latin American place names has been formed under the influence of objective factors of the geographic and linguistic landscape, sociocultural development of the nations of Latin America and intercultural contacts, the factor in which the heritage of pre-Colombian cultures and indigenous languages stands out. Numerous Latin American toponyms reproduce European toponyms, which serves as yet another proof of the continuing and transforming interweaving of the peninsular and the indigenous cultures. Another part of the intercultural dialogue are the sources of Spanish both in the field of common nouns and in the domain of proper nouns as cultural markers in the toponymic field.

Latin American geographic names are obviously related to the different stages of history of the Spanish-speaking countries. They outline the diversity of motives in the processes of nomination and the associative references, as well as the range of grammar features and aesthetic resources, all of which allow reconstructing models of space perception diachronically and, consequently, reconstructing the dialogue between the past and the present of toponymy.

Just like with the toponymy of Latin America in general, which has been asserted several times, we propose to classify South American place names into various groups: those originating from indigenous languages and carrying explicit indigenous components; the ones from the times of the European conquest of the American continent as a whole, with the dominance of sources of Spanish; place names covering the period from declarations of independence by Latin American countries to the present day, in which case one of the dominant tendencies is to borrow resources of proper names [16; 17]. In each of these three clusters, there are place names that originate from proper (first of all, personal, i.e., anthroponymic place names) and common nouns by creating diverse meaning-making combinations. This approach must be expanded by adding names of African origin [18. P. 24—26].

BASIC MORPHOLOGICAL FORMATIVE RESOURCES FOR SOUTH AMERICAN DEMONYMS

Our quantitative productivity analysis of suffixes of South American demonyms consists in extracting examples of demonyms derived from the major place names of every Spanish-speaking country on the continent and of Brazil; it should be taken into account that the procedure involves two languages with a high share of coincident morphological resources. We selected the most frequently used demonyms of every country, i.e., derived from macrotoponyms and toponyms serving to name the most populous cities. The analysed content covers 995 examples, including 153 from Argentina, 155 from Chile, 43 from Paraguay, 61 from Uruguay, 44 from Bolivia, 94 from Peru, 63 from Ecuador, 104 from Venezuela, 278 from Brazil. For the detailed information about the demonyms of Colombia see the work by Colombian lexicographers “Dictionary of Demonyms of Colombia” published in 2008, whereas the results of our analysis of the sampled Chilean demonyms are confirmed by the data from the work by Chilean linguists Raïssa Kordić Riquelme and Mario Ferreccio “Demonyms and Toponyms of Chile” published in 2014 [19].

Argentina

In Argentina the most widespread suffix for demonyms is **–ense** appearing 25 times in our sample of demonyms (*bahienense, bahiense, barilochense, belgranense, bonaerense, comodoreense, concordiense, chubitense, chubutense, gualeguayense, gualeguaychense, gualeguaychuense, juninense, platense, marplatense, moronense, paranaense, rawsense, riocuartense, riogalleguense, rioplatense, isidrense, tandilense, ushuaiense, viedmense*). Next comes the suffix **–eño** found in 15 examples (*porteño, azuleño, catamarqueño, chaqueño, formoseño, neuqueño, posadeño, chaqueño, salteño, sanluseño, nicoleño, jujeño, santacruceño, santarroseño, santiagueño*), followed by **–ino** found in ten cases (*correntino, mendocino, neuquino, rionegrino, rosarino, sanjuanino, sanrafaelino,*

santafecino, santafesino, fueguino). Next come **-ano**, **-és**, **-ero**, **-o**, **-ico** plus the zero suffix in case of *patagón*.

Chile

It should be mentioned that in Chile the most used suffix for demonyms is **-ino**, found 22 times in the toponyms of the country's major cities (*santiaguino, antofagastino, coihaiquino/coyhauquino, copiapino, curanipino, chañaralino, frutillarino, iloquino, lonquimayino, elenino, osornino, padrehurtadino, padrelascasino, puconino, puertomontino, natalino, portovarino, rancagüino, aconcagüino, talquino, viñamarino, yerbabuenino*), which represent some 40% of the lexicon sampled for our statistical research. The next most frequent suffix is **-ense** (11 ex.): *curanipense, chilense, chillanense, iloquense, pascuense, leburnense, serenense, panguipullense, puntarenense, temuquense, villarricense*. Nevertheless, not only is this suffix considered dominant in the neighbouring Argentina, but also in Brazil. On the other hand, **-eño** is found in seven examples being *ariqueño, atacameño, castreño, chilhueño, iquiqueño, sanfelipeño, porteño*. A similar frequency of usage is observed in case of **-ano** (5 ex.) in such demonyms as *ancuditano, coquimbano, tocopillano, valdiviano, villaricano*. Such suffixes as **-ista**, **-ón**, **-ote**, **-ejo**, **-ico**, and **-eno** are each found in one case only. The zero suffix is found in place names consisting of more than one word and the respective demonyms in those cases retain the initial capitals: María Pinto and Última Esperanza. This phenomenon seems understandable due to the lexical complexity of these place names; nor would it be strange if the demonyms included only one and salvanot both components — in that case we would suggest such variants as *pinteño, esperancino* [20. P. 24—26].

Paraguay

Unlike in Argentina and Chile, the most productive suffix in the demonyms of Paraguay is **-eño** (*chaqueño, caaguaceño, caazapeño, centraleño, guaireño, chaqueño, esteño, luqueño, capiateño, lambareño, limpeño, roquealense, franqueño, itagueño, villariqueño-guaireño, caacupeño, iteño*); it is used in almost half of our analysed examples and followed by **-ense** (*altoparanaense, paranaense, amambayense, canindeyuense, hernandariense, itapuense, ñembyense, ovetense, paraguariense, paraguariense, pilarense*) and smaller numbers of various others (**-ano**, **-ero**, **-eno**, **-ino**).

Unlike the demonyms of Uruguay that are also part of our sample, the examples from Paraguay show the tendency of keeping the lexeme **San**:

San Pedro (department) — *sampedrano* (alveolar -n- changes to labial -m-);

San Antonio — *sanantoniano*;

San Lorenzo — *sanlorenzano*.

In the rest of the cases, when the place name contains more than one element, one of them is omitted while deriving the corresponding demonym:

Departamento Central — *centraleño*;
Ciudad del Este — *esteño*;
Fernando de la Mora — *fernandino*;
Coronel Oviedo — *ovetense*;
Pedro Juan Caballero — *pedrojuanino*;
Presidente Franco — *franqueño*;
Mariano Roque Alonso — *roquealonsenseño*.

Considering the fact that homonymy is not infrequent in the place name motivation, we have come across a series of examples of homonymy in the cluster of demonyms related to Rio de la Plata:

Misiones (Paraguay) / Misiones (Argentina) — *misionero*;
Fernando de la Mora (Paraguay) / Maldonado (Uruguay) — *fernandino*.

However, it should be stressed that this is only a tendency that must not be treated as a general rule, having in mind that the toponyms *Asunción* (Paraguay) y *La Asunción* (the capital of the Nueva Esparta department in Venezuela) serve to show us an opposite case, since the related demonyms (*asunceno* and *asuntino*) were made up using different suffixes: (-**eno** and -**ino**).

Uruguay

We have come to conclusion that the suffixes of the Uruguayan demonyms are similar in terms of productivity to the case of Argentina: -**ense** (*artiguense*, *artiguense*, *barrosblanquense*, *cerrolarguense*, *costense*, *coloniense*, *coloniense*, *duraznense*, *duraznense*, *floridense*, *floridense*, *pedrense*, *maldonadense*, *maldonadense*, *melense*, *pandense*, *rionegrense*, *riverense*, *riverense*, *rochense*, *rochense*, *sorianense*, *tacuareamboense*, *tacuareamboense*, *rioplatense*) is the most popular one, whereas the next positions belong to -**ino**, -**ano**, -**ario**, -**ero**, and -**eño**, which is found in Uruguay only thrice.

However, having studied the demonyms of Uruguay, we detected eight examples of double demonyms, i.e., two variants used to refer to the inhabitants of the same place. These demonyms can be grouped into: 1) synonymic demonyms (or cases of a second demonym): *uruguayo* — *oriental*, *maldonadense* — *fernandino*, *treintaitresino* — *olimareño* and 2) official demonym — toponymic nickname: *cerrolarguense*- *arachán*, *floresino* — *poronguero*, *melense* — *arachán*, *josefino* — *maragato*, *trinitario* — *poronguero*. It is necessary to highlight here the first synonymic triplet we encountered: *lavallejino*, *serrano*, *minuano*.

In terms of word derivation the morphology of Uruguayan demonyms is quite peculiar. There are several demonyms standing out such as *josefino* (of the *San Jose* department and its capital *San José de Mayo*) and *sanducero* (of the *Paysandú* department and its homonymous capital), where the introduction of a consonant affix (-**f**- and -**c**-) shows the tendency to retain the final accentuated syllable.⁵

⁵ In the demonym *sanducero* the toponym's first syllable *pay* is omitted. This phenomenon is also observed in the toponymic material from Columbia, e.g., *samarío* (Santa Marta), *bumangués* (Bucaramanga).

The expected forms or, to put it better, foreseeable ones, would be (*san*) *joseño/josino, sandino/sandeño*. In addition, we should emphasize the example of *tacuarembense* (for the city and department of Tacuarembó), already without an affix. A similar morphological method of deriving demonyms from oxytone place names is observed in Brazil, country with state borders with Uruguay:

Carandaí — *carandaiense*;

Feijó — *feijoense*;

Macapá — *macapaense*;

Maceió — *maceioense*;

Tauá — *tauaense*.

Bolivia

The fact that the situation in Bolivia is more distinct than in the neighbouring countries is confirmed by the occurrence frequency of the suffix *-eño* found in 32 examples (*aiquileño, alteño, apoleño, araneño, arqueño, ayopayeño, camireño, capinoteño, cliceño, cobijeño, cruceño, chapareño, chaqueño, chuqisaqueño, llallagueño, mizqueño, orureño, paceño, punateño, puneño, quillacolleño, riberalteño, sacabeño, tapacareño, tarateño, tarijeño, tiraqueño, totoreño, tupiceño, viacheño, villamonteño, yacuibeño*); as a comparison, *-ino* and *-ense* are found in five and four examples, respectively. It goes without saying that in Bolivia the intrinsic complexity of contacts between Spanish and the indigenous languages is very noticeable. A case of interest is the demonym *movima* used to refer to the inhabitants of the city *Santa Ana del Yacuma*, stemming from the name of the indigenous language and the people speaking it in this region.

Peru

Getting down to the material of Peru, we have to mention that the official demonyms of the departments and their homonyms for capitals (Arequipa, Ayacucho, Cajamarca, Cuzco, Huancavelica, Huánuco, Ica, Moquegua, Piura, Puno, Tacna, Tumbes, Callao) coincide in all the cases. However, the city of Ayacucho has an alternative demonym, *huamanguino*, which stems from the province where the city is located.

In terms of productivity the leading suffix is *-eño* found in 33 examples from our sample: *apurimeño, arequipeño, cuzqueño, huanuqueño, iqueño, liberteño, limeño, pasqueño, puneño, tacneño, arequipeño, cuzqueño, cusqueño, huanuqueño, iqueño, iquiteño, cerreño, puneño, tacneño, pucallpeño, juliaqueño, limeño, paiteño, bellavisteño, camaneño, chongoyapeño, colliqueño, comeño, ilaveño, ileño, jimbeño, santeño, villasalvadoreño*.

Next come such endings as *-ino* and *-ano*, whereas the suffix *-ense*, so widespread in the neighbouring countries, is found in six examples only.

There are various examples of homonymic demonyms, i.e., twin demonyms, one of which is official and the other is alternative:

Limeño — *limense* (Lima, department);
Tacneño — *tacnense* (Тасна, department and city);
Ayacuchano — *huamanguino* (Ayacucho, city);
Pucallpino — *pucallpeño* (Pucallpa, city);
Chimbotano — *chimbotero* (Chimbote, city);⁶
Camanejo — *camaneño* (Camaná, city).

Ecuador

The situation with the demonyms of Ecuador and the productivity of their suffixes does not differ much from the aforementioned cases. The undoubtedly most frequent endings are **-ense** y **-eño** found in 27 and 20 examples, respectively. Oddly enough, the first one prevails in the examples of provincial demonyms (*bolivarense*, *carchense*, *cotopaxense*, *moronense*, *santodominguense*), whereas the latter is found more often in the forms derived from the names of the capitals of Ecuador's provinces (*guarandeño*, *guayaquileño*, *ibarreño*, *santodomingueño*, *tulcaneño*).

Such suffixes as **-ejo** (*cañarejo*), **-ar** (*peninsular*), **-ero** (*chonero*), **-aco** (*guayaco*), **-o** (*azuayo*), and **-ita** (*manabita*) are each found only in one example of our sample. Still, it is worth highlighting the unique example containing the suffix **-beo** among all the South American demonyms encountered during our quantitative analysis. We mean the word *macabeo*, used to refer to the residents of the city of *Macas*, the capital of the Morona Santiago province known among the Ecuadorians under the metaphoric periphrase of *La Esmeralda Oriental*.

The population of the Manabi province is referred to not only by the official demonym *Manabita* but also quite often by the colloquial name *manaba* included in the DRAE. In his book "This is Manabí" Gustavo Álvaro Silva explains:

Manabi has a distinct ethnic and cultural identity exteriorized in the manabita montubios and cholos, who are different racially but have similar national characters and customs, which allows treating *manaba* as one identity. [...] Being a montubio or a cholo has often been an object of disdain; the term *manaba* is used with contempt in other parts of the country, but the residents of this province have managed to overcome this despicable attitude with strength endowing them with inner pride⁷.

It is also worth underlining *santodominguense* and *santodomingueño* as the demonyms for Ecuador's *Santo Domingo de Tsáchilas* province and its capital *Santo Domingo de los Colorados*. The place names with the same religiously marked formative element are found in other Spanish-speaking countries as well:

Santo Domingo (Costa Rica) — *domingueño*;

⁶ The demonyms *chimbotero* is also used as toponymic nickname for migrants who come to work to the city of Chimbote.

⁷ La identidad manaba sí existe. La Hora, 19 January 2003. URL: <https://lahora.com.ec/noticia/1000135833/identidad-manaba-sc3ad-existe> (accessed: 12.09.2020). (In Spanish).

Santo Domingo (capital of the Dominican Republic) — *capitaleño*;
Santo Domingo de la Calzada (La Rioja, España) — *calceatense*.

Colombia

The most widely used suffix singled out by the authors of the Dictionary of Demonyms of Colombia is **-eño** with 27.9 % of matches, followed by **-ense** and **-ano**.⁸ It is interesting to compare the case of Colombia with Chile, where **-ense** is also second, whereas the leading suffix among the demonyms from Chile is **-ino**, hardly ever used in Colombia and found in the seventh place with 3% of matches. The curious fact is that Colombia has only one demonym ending with **-uso** — *pastuso*, used to refer to the residents of the city of Pasto and the Nariño department.

Because of its morphological and pragmatic criteria, the classification of Colombian demonyms suggested by the authors of the above mentioned Dictionary is provided below and appears applicable to the toponymic material from the other countries in the region we analysed.

1) Official demonyms: the only or the most used variant of demonyms with their roots containing place names from which the former are derived (*bogotano*, *boyacense*, *cundinamarqués*, *pereirano*);

2) Second or alternative demonyms are other official variants of demonyms derived from respective place names. Alternative demonyms do not prevail over official variants (*florentino* — *florenciano*, *riorenses* — *riodorenses*, *trujillano* — *trujillense*);

3) Unconventional demonyms (suppletives) are also considered official, but without place names as their roots. They possess by a broad variety of motivation and do not always represent unique forms of naming inhabitants of specific places (*cataquero*, *bumangués*, *opita*, *regiomontano*);

4) Colloquial and xenophobic demonyms are colloquially used demonyms most of which have an emotional or characterizing stylistic nuance (*cachaco*, *corroncho*, *veneco*).⁹

Venezuela

According to the results of analysing the productivity of the suffixes of the demonyms from Venezuela, **-eño** and **-ense** show very similar occurrence frequency rates, though **-ense** is behind **-eño** by just two examples, with 33 cases of using the latter: *apureño*, *aragüeño*, *carabobeño*, *cojedeño*, *guariqueño*, *merideño*, *portugueseño*, *angostureño*, *sancarleño*, *caraqueño*, *merideño*, *tequeño*, *guanareño*, *guaireño*, *sanfelipeño*, *calaboceño*, *acarigüeño*, *araureño*, *yaritagüeño*, *turmereño*, *guatireño*, *porteño*, *porteño*, *tereseño*, *cabudareño*,

⁸ Sociedad Geográfica de Colombia, Academia de Ciencias Geográficas (2008). *Diccionario de gentilicios de Colombia*, IGAC. Bogotá: Imprenta Nacional de Colombia. P. 168. (In Spanish).

⁹ Sociedad Geográfica de Colombia, Academia de Ciencias Geográficas. (2008). *Diccionario de gentilicios de Colombia*, IGAC. Bogotá: Imprenta Nacional de Colombia. pp. 121—156. (In Spanish).

ocumareño, cueño, zaraceño, luciteño, cagüeño, towareño, quiboreño, caicareño. The examples ended in **-ense** (31 ex.) are: *amazonense, anzoatiguense, bolivareense, lareense, monaguense, sucreense, tachireense, varguense, bolivareense, tucupitense, tequense, sancristobalense, puntofijense, porlamareense, cabimense, citojense, tigrense, barbareense, santaricense, guayense, vigiense, machiquense, anaquense, vallepascuense, guasdualitense, cagüense, mariareense, upatense, ejidense, charallavense, limonense*.

The third place is taken by **-ano** (18 ex.): *venezolano, deltano, falconiano, neoespartano, trujillano, yaracuyano, zuliano, ayacuchano, valenciano, coriano, barquisimetano, trujillano, guayasitano, valerano, portocruzano, victoriano, villacurano, tocuayo*. Next come the suffixes **-ero** (9) (*maracayero, sanjuanero, maracaibero, tinaquillero, guarenero, orchilero, carupanero, taribero, corobero*) and **-és** (*barinés (state of Barinas), barcelonés, barinés (city of Barinas), maturinés, cumanés, guayanés*). The ending **-ino** was found in five examples from our sample: *capitalino, mirandino, sanfernandino, asuntino, marabino*.

The suffix **-al** (*oriental*) is found only in one of the analysed examples, i.e., in the name used for the residents of the state of Anzoátegui in the east of Venezuela and it accentuates their “easterness”. The three suppletive demonyms highlighted are *angostureño (city of Bolívar), maracucho (Maracaibo), and corobero (Caicara del Orinoco)*; they represent alternative demonyms for the indicated cities.

It should be noted that we have found the following homonymic (twin) forms of Venezuelan demonyms paired as official-alternative and official-suppletive:

anzoatiguense-oriental (Anzoátegui, state);
bolivareense-angostureño (Ciudad Bolívar, city);
tequeño-tequense (Los Teques, city);
guayanés-guayasitano (Ciudad Guayana, city);
cagüeño-cagüense (Cagua, city);
caicareño-corobero (Caicara del Orinoco, city);
portocruzano-porteño (Puerto La Cruz, city).

We should also underscore the triplet example of demonyms used to refer to the residents of the city of Maracaibo, the capital of the state of Zulia:

maracaibero — marabino — maracucho.

Brazil

According to the results of analysing the morphology of Brazilian “gentílicos”, the overwhelming majority of the examples of demonyms from this lusophone country contain the suffix **-ense** (205 matches, i.e., 74 % of the analysed examples), which is similar to the situation in the neighbouring Argentina, Uruguay, and Ecuador¹⁰ [21. P. 355].

¹⁰ In Portuguese language studies the terms *gentílico* y *adjetivo pátrio* are equivalent to the Spanish term *gentilicio* (eng. “demonym”).

The second most productive suffix is **-ano** found in 38 examples: *goiano*, *baiano*, *sergipano*, *alagoano*, *pernambucano*, *paraibano*, *rondoniano*, *acreano*, *acriano*, *aguaiano*, *altairano*, *amapolitano*, *anastaciano*, *aracajuano*, *corintiano*, *cuiabano*, *curitibano*, *curvelano*, *dionisiano*, *entrerriano*, *eusebiano*, *florianopolitano*, *guaiubano*, *jeceabano*, *juiz-de-forano*, *juiz-forano*, *iguaçuano*, *itabirano*, *ouro-pretano*, *petropolitano*, *piracicabano*, *ribeiro-pretano*, *soteropolitano*, *anastaciano*, *riopretano*, *paulistano*, *serrano*, *tricordiano*.

The third place goes to the suffix **-ino** found in nine examples, whereas the least popular suffixes are **-ista** (five: *américo-campista*, *geralista*, *paranista*, *paulista*, *santista*), **-eiro** (four: *brasileiro*, *mineiro*, *campineiro*, *piauizeiro*), **-ão** (one: *baião*), **-és** (one: *montanhés*), and **-ante** (one: *bandeirante*). The zero suffix is found in the alternative demonym *maranhão* for the state of *Maranhão* (nonetheless, the form *macanhense* is more frequent).

Some of the suffixes included as formative components in the demonyms of Brazil are typical only of that country and are not found among the examples of demonyms from the Spanish-speaking realm. They originate from the indigenous languages of the Tupi-Guarani group, e.g., the suffixes **-oca** (*carioca*, the word *oka* is officially translated as ‘house’), or **-ar/-uar/-ara/-uara**, usually possess multitude of variants. In the Tupi language the latter suffixes are treated as endings of nouns denoting action-taking persons (an inhabitant of the Brazilian state of Rio Grande do Norte can be called *potiguar*, *petiguar*, *pitaguar*, *pitiguar*, *pitiguara*, *potiguara*, whereas the respective demonyms of indigenous origin for the inhabitants of the state of Para and the city of Manaus in Amazonia will be *paroara*, *parauara*, and *manauara*).^{11, 12, 13}

SO-CALLED TOPONYMIC NICKNAMES

We must underline the extraordinary occurrence of the so-called toponymic nicknames (popular or colloquial demonyms in linguistic tradition) often marked by funny, ironic, or xenophobic connotations serving to hyperbolize certain traits of people from the standpoint of the denominator. These colloquialisms are a part of national idiosyncratic terminology, its culturemes [22]. As pointed out by Russian scholar G. Sudar, demonyms and toponymic nicknames have different connotations for they are not used in the same context [23]. Our file and survey data show that, for example, in Argentina a Brazilian can be nicknamed *brasuca* (not necessarily with pejorative connotation), which may originate from *brazo de açúcar* or *bracero* (‘semi-slave worker), a Bolivian can be called *bolita* (meaning ‘Bolivian

¹¹ *potiguar* (and the other variants of the name) originates from the Tupi lexeme *poti’war* meaning ‘he who loves eating shrimps’ and, in addition, refers to the indigenous tribe that used to populate the zone along river rio Paraíba do Norte (Buarque de Holanda Ferreira, 1986, p. 1374).

¹² *paroara*, *parauara* originate from the Tupi lexeme *para’wara* [4. P. 39].

¹³ *manauara* originates from the Tupi lexeme *manau’wara*. *Manau* stands for the indigenous tribe that used to populate the area along river Rio Negro (Buarque de Holanda Ferreira, 1986, p. 1075).

indigenous by origin”), a Uruguayan can be called *yorugua* (yo-uru-gua + yoruba → “black Uruguayan”), and a Paraguayan — *paragua* (“peasant with a large sombrero similar in shape to an umbrella (Sp. “paraguas”). In Argentina and Uruguay, e.g., the popular demonym *tano* is used to refer to descendants of Italian immigrants who arrived mostly in a large migration wave to the Rio de la Plata region from the Kingdom of Naples (here we see *napolitano* contracted to *tano*), whereas the nickname “*el gallego*” is used to denote Argentinians of Spanish origin.

In Colombia people from Guatica are called *cebolleros* because they devote their time to growing onions (Sp. “cebolla”) and to the annually organized onions festival. People of Armenian origin are known as *cuyabros*; this name is thought to originate from the word for a vessel made from pumpkin or a tropical fruit. In Colombia the word *gringo* is used to refer to people from the United States, whereas in Brazil this demonym applies to any foreigner. It is a curious fact that Colombians use the toponymic nickname *los venecos* when they want to refer to people from Venezuela with disdain, though to some people this demonym seems more neutral than xenophobic. *Venecos* is a composite word consisting of the morphemes **vene** (=Venezuelan) and **co** (=corroncho). In their respect, when Venezuelans feel the need to refer to their neighbours with disdain, they do it using the word *los caliches*.¹⁴

We have touched above on the method of giving names to some groups of people according to the indigenous traits they may have or rather the language they use, like in the case of Bolivian *movimas*. N.M. Firsova points out that Bolivia is divided in three dialectal areas according to the high percentage of mixing between Spanish people and pre-Colombian tribes and the influence of the indigenous languages such as Aymara, Quechua, and Guarani. In zone A stretching across the central and southeastern Andean part (departments of Cochabamba, La Paz, Oruro, Potosí, and Chuquisaca) Bolivians are called *collas* (sometimes, simply *andinos*); this toponymic nickname refers to the indigenous people and ancient name of the region — Collasuyo. Zone B (northern and oriental lowlands of the departments of Pando, Beni y Santa Cruz) is populated by *cambas* called this way due to their linguistic affiliation (Tupi-Guarani group). *Chapacos* are the Bolivians from the department of Tarija in zone C characterized by a strong influence of Quechua [24. P. 33—34].

In Colombia the lexeme *cachaco* is used to refer to the residents of Bogota and serves as the colloquial synonym for the official demonym *bogotano*. Another synonym of *cachaco* is the word *roló* that originated as the onomatopoeic name for Creoles who pronounced the sound /rr/ in a distinct manner.¹⁵ The Dictionary of the

¹⁴ Sociedad Geográfica de Colombia, Academia de Ciencias Geográficas (2008). *Diccionario de gentilicios de Colombia, IGAC*. Bogotá: Imprenta Nacional de Colombia. pp. 158—159. (In Spanish).

¹⁵ Sociedad Geográfica de Colombia, Academia de Ciencias Geográficas (2008). *Diccionario de gentilicios de Colombia, IGAC*. Bogotá: Imprenta Nacional de Colombia. P. 157. (In Spanish).

Spanish Royal Academy indicates the usage of *cachaco* in three Latin American countries: Colombia, Puerto Rico y Perú. In Colombia this lexeme means “elegant, helpful, gentlemanly” and “well-educated”; in Peru *cachaco* refers to “a member of a police corps”, and in Puerto Rico it is used to refer to “Spaniards in a good economic position”.¹⁶ It is highly probable that the Colombian uses of *cachaco* go back to the phonetically transformed noun *casaca*.¹⁷ Nonetheless, in Renaud Richard’s Dictionary of Latin American Spanish the description of the lexical unit *cachaco* in Colombia is accompanied by the desp. (despectivo, Sp. for “derogatory”) tag and refers to “residents of coastal regions, of the capital or the interior part of the country”.¹⁸

In the broadest sense, the noun *cachaco* refers not only to the residents of the country’s capital but, from the standpoint of the coastal population, also to those who populate the entire geographical area of Altiplano Cundiboyacense, earlier populated by the Chibcha tribe.¹⁹

The phraseological unit used by Luna Cabrera *Más contento que cachaco en playa* ‘More pleased than a cachaco on the beach’ refers to the way *cachacos* are perceived by the people who live along Colombia’s Caribbean coastal line and enjoy the advantageous access to the beaches, of which *cachacos* are geographically deprived [25. P. 137]. We should mention a case when Gabriel Garcia Marquez used the coastal lexeme in his autobiographical works when telling about the times he studied in the city of Zipaquirá in the area populated by *cachacos*, not far from the capital: *Desde aquel día sólo faltó que mis compañeros de clase me proclamaron héroe, y empezaron a llamarme con toda la sorna posible ‘el costeño que habló con el rector’* (2) ‘Since that day I only missed the times when my classmates called me a hero and started to call me with all possible derision “a guy from the seaside” (costeño) who talked to the provost’.²⁰

DISCUSSION OF RESULTS

The analytical study of South American demonyms regarding nine Spanish-speaking countries and Brazil allows us assert that the most frequently used suffixes in the demonyms are **-eño**, **-ense**, and **-ino** (see Table 1).

It is surprising that Brazilians specify the Portuguese demonyms used to refer to residents of some Spanish-speaking cities and countries and attach to these words suffixes that suit these words in Spanish but appear pronounceable in Portuguese:

¹⁶ Asociación de Academias de la Lengua Española, *Diccionario de la lengua española*, 22nd edition. URL: <https://dle.rae.es/cachaco?m=form> (accessed: 13.07.2020).

¹⁷ Sociedad Geográfica de Colombia, Academia de Ciencias Geográficas (2008). *Diccionario de gentilicios de Colombia*, IGAC. Bogotá: Imprenta Nacional de Colombia. P. 157. (In Spanish).

¹⁸ Richard, R. (2006). *Diccionario de hispanoamericanismos no recogidos por la Real Academia*. Madrid: Cátedra. P. 94.

¹⁹ Comisión de Lingüística de la Academia Colombiana de la Lengua (2009). *Breve Diccionario de colombianismos*. Bogotá: Academia colombiana de la lengua. P. 39.

²⁰ García Márquez, G. (2002) *Vivir para contarla*. Bogotá: Editorial Norma. P. 240.

hondurenho (Honduras) *salvadorenho* (El Salvador), *porto-riquenho* (Puerto Rico, though the Castilian diphthong [-ue-] is lost), *bogotano* (Bogota, Colombia), *santiaguino* (Santiago, Chile). At first sight, the reason for resorting to the morphological method of borrowing seems odd, but afterwards it becomes understandable because it is easy for Portuguese to adopt original Spanish variants in terms of phonetics and orthography.

Table 1 / Таблица 1

Productivity of suffixes in demonyms of South American countries
 Продуктивность суффиксов в демонимах стран Южной Америки

COUNTRY	MOST PRODUCTIVE SUFFIX	EXAMPLE
Argentina	-ense	<i>Ushuaia — ushuaiense</i>
Uruguay	-ense	<i>Rocha — rochense</i>
Paraguay	-eño	<i>Caazapá — caazapeño</i>
Chile	-ino	<i>Maipo — maipino</i>
Bolivia	-eño	<i>Puna — puneño</i>
Perú	-eño	<i>Cuzco — cuzqueño</i>
Ecuador	-ense	<i>Bolívar — bolivareense</i>
Colombia	-eño	<i>Antioquia — antioqueño</i>
Venezuela	-eño	<i>Mérida — merideño</i>
Brasil	-ense	<i>Ceará — cearense</i>

The various peculiar morphological tendencies detected in the course of analysing the demonyms of South America are exposed below.

1) The reduction of names derived from toponyms of two or more lexical elements, especially in case of anthroponyms: *Florencio Varela — varelense* (Argentina); *Presidente Franco — franqueño* (Paraguay); *Cardenal Caro — cardenalino* (Chile); *João Pessoa — pessoense* (Brasil);

2) Derivation of demonyms originating from hagnonyms is a highly spontaneous process, given that the elements **San/Santo** of original toponyms are neither always incorporated nor do they follow common determined rules of Spanish, which confirms our hypothesis that the analysed lexical field is a dynamic system;

For example, in Argentina the omission of the agionym component is observed in place names with more than two lexical elements, whereas in the analysed examples from Uruguay no such tendency is noticed. Sometimes, the alveolar sound [n] changes to the labio-labial sound [m] in the graphic form of demonyms: *San Pedro (Paraguay) — sampedrano*.

3) As for the phenomenon of homonymic place names met in South America fairly often, we should emphasize that homonymic demonyms are also derived in the same way: *La Paz (Uruguay) / La Paz (Bolivia) — paceño*; *Salta (Uruguay) /*

Salta (Argentina) — salteño; Trinidad (Uruguay) / Trinidad (Bolivia) — trinitario. In certain cases, however, there is no coincidence of suffixes in respective demonyms, especially when we deal with names derived from religiously marked toponyms: *carolino (San Carlos, Uruguay) — sancarleño (San Carlos, Venezuela); asunceno (Asunción, Paraguay) — asuntino (La Asunción, Venezuela);*

4) The occasional occurrence of double (twin) or triple (triplet) synonymic demonyms normally brings to light the most often used demonym, its variants, and sometimes the suppletive demonym: *Minas Gerais — mineiro/montanhés/geralista/minense;*

5) The suppletive adjective *porteño* is distinguished by its polysemy in the language realm of South America because it is used not only to refer to the residents of Buenos Aires but also to the population of various Latin American cities with ports: *Valparaíso (Chile), Puerto Carreño (Colombia), Puerto Cabello y Puerto La Cruz (Venezuela), Puntarenas (Costa Rica).* We can see the reference to the inhabitants of Valparaíso in Chile in the following example:

— *En Canadá hay treinta mil chilenos, caso todos de Valparaíso — dijo don Fernando. — Miles hay también en Suecia. Cuesta imaginar a porteños viviendo em el frío y la oscuridad de estos países “There are thirty thousand Chileans in Canada, almost all of them from Valparaíso, — said don Fernando. — There are also thousands in Sweden. It is hard to imagine porteños living in the cold and darkness of such countries” (3)²¹.*

Conclusions

The productivity analysis of suffixes used in forming demonyms is just one of the numerous aspects of the potential study of lexical units belonging to the mentioned field of onomastics. Demonyms represent a kind of linguistic place name codes reflecting national, regional identities and axiological values, especially seen in their alternative variants and toponymical nicknames. Demonyms bear witness rather to linguistic tastes and preferences than to conscious motivation.

To sum up, demonyms and place names are integral parts of the orientation not only in the geographical environment but in the cultural realm as well. Therefore, studying demonyms and toponyms reveals diverse aspects of their statics and dynamics, improves the comprehension of their aesthetic and linguistic manifestations, and makes them effective means of teaching Spanish and Portuguese as foreign languages. The comments on demonyms in courses in Spanish and Portuguese lexicology, translation theory and practice can concern their morphology and semantics, studies of etymology of suppletive demonyms, and their analysis in diverse types of text and discourse.

The usage of demonyms and toponymic nicknames does not confine merely to scientific writings or fiction but is going to play an exponentially more significant

²¹ Roberto Ampuero, R. (2012). *El último tango de Salvador Allende*. Buenos Aires: Sudamericana. P. 319.

role in the domain of international relations and intercultural communication, having in mind the complex circumstances in the modern world. Still, lexicologists undoubtedly have a lot of work ahead regarding deepening and systemizing the data offered by this field of semantics.

Future systematization of the demonyms is a rather creative task of modern onomastics, theoretical and applied linguistics that can prove that demonyms rather comprise a category on their own.

References

1. Moreno de Alba, J.G. (2001). *El español en América*. México: Fondo de Cultura Económica. (In Spanish).
2. Lipski, J.M. (1996). *El español de América*. Madrid: Catedra. (In Spanish).
3. Stepanov, G.V. (1979). *Linguistic Variability: Case Study of European and Latin American Spanish*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
4. Reis Melo, C. & Gomes, J. (2000). Adjetivos pátrios brasileiros. *Ao pé da letra*, 2, 35—40. (In Portuguese).
5. Morera, M. & García Padrón, D. (2013). Los sentidos secundarios de las palabras gentilicias. In: *Estudios de lingüística: investigaciones, propuestas y aplicaciones*. València: Universitat de València. pp. 461—467. (In Spanish).
6. Almela Pérez, R. (2013). Categoría, función y sentido de los gentilicios. *Anuario de estudios filológicos*, 36, 5—18. (In Spanish).
7. Lang, M.F. (2013). *Spanish Word Formation*. London-New York: Routledge.
8. Fajardo Chávez, S. & Kordić Riquelme, R. (2019). Consideraciones morfológicas sobre el gentilicio. Un caso: Chile. *RILCE: Revista de Filología Hispánica*, 35(2), 416—440. (In Spanish).
9. Li, W. (2018). Translanguaging as a Practical Theory of Language. *Applied Linguistics*, 39(1), 9—30.
10. Chesnokova, O.S., Naydenova, N.S. & Radović, M. (2020). The Concept of Glory through the Prism of the Illustrious Personalities of the Pacific Alliance and the Perception of Virtual Linguistic Personality. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 3, 67—77. DOI: 10.20339/PhS.3-20.067 (In Russ.).
11. Bakhtin, M. (1986). *Aesthetics of Verbal Creation*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
12. García Mouton, P. (1992). Sobre geografía lingüística del español de América. *Revista de Filología Española*, 72(3/4), 699—713. (In Spanish).
13. Latorre, G. (1997). Tendencias generales en la toponimia del Norte Grande de Chile. *Onomazein*, 2, 181—196. (In Spanish).
14. Lehnert Santander, R. (1993). La toponimia quechua de la II Región, *Hombre y desierto*, 6—7, 89—101. (In Spanish).
15. Lotman, Yu. (1996) *Inside Intellectual Realms*. Moscow: Yazyki russkoi kulturi, (In Russ.).
16. Chesnokova, O.S. (2011). Toponimia latinoamericana: un enfoque semiótico, *Forma y Función*, 24(2), 11—24. (In Spanish).
17. Chesnokova, O.S. (2014). *Colombia in the Spanish-Speaking World*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
18. Talavera-Ibarra, P.L. (2016). History of the Term ‘Latin America’ on the American Continent. Language in a global context Latin America today as a cultural and linguistic phenomenon. In: *Collection of reviews and abstracts of Linguistics Department*, E.A. Kazak (Ed.) *Series. Theory and history of linguistics*. Moscow: INION. pp. 11—21.
19. Kordić Riquelme, R. & Ferreccio Podestá, M. (2014). Topónimos y gentilicios de Chile. Santiago de Chile: RiL. (In Spanish).

20. Radović, M. (2014). Linguistic Analysis of Demonyms in Argentinian and Chilean Spanish. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 1(17), 12—29. (In Russ.).
21. Rádovich, M. (2016). Los gentilicios en las variantes nacionales sudamericanas de la lengua española. In: *El mundo iberoamericano, las tradiciones y las tendencias contemporáneas*. Moscow: IMI MGIMO MID Rossii. pp. 353—359. (In Russ.).
22. Chesnokova, O.S. (2016). Ethnolinguistic Realia of Colombia. In: *Yazyk v global'nom kontekste*, Latinskaya Amerika segodnya kak kul'turno-yazykovoy fenomen. Moscow: INION. pp. 22—33. (In Russ.).
23. Sudar, G.S. (2010). Toponymic Nickname. In: *The Issues of Ibero-Romance Linguistics*. Moscow: MGU. pp. 229—235. (In Russ.).
24. Firsova, N.M. (2008). *Spanish and the Culture of Bolivia*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
25. Luna Cabrera, J.E. (2005). *Su Majestad el Refrán*. Manizales: Editorial Zapata. (In Spanish).

Библиографический список

1. *Moreno de Alba J.G. El español en América*. México: Fondo de Cultura Económica, 2001.
2. *Lipiski J.M. El español de América*. Madrid: Catedra, 1996.
3. *Степанов Г.В. Лингвистическая изменчивость: пример европейского и латиноамериканского испанского*. М.: Наука, 1979.
4. *Reis Melo C., Gomes J. Adjetivos pátrios brasileiros // Ao pé da letra*. 2000. № 2. P. 35—40.
5. *Morera M., García Padrón D. Los sentidos secundarios de las palabras gentilicias // Estudios de lingüística: investigaciones, propuestas y aplicaciones*. València, 2013. P. 461—467.
6. *Almela Pérez R. Categoría, función y sentido de los gentilicios // Anuario de estudios filológicos*. 2013. № 36. P. 5—18.
7. *Lang M.F. Spanish Word Formation*. London-New York: Routledge, 2013.
8. *Fajardo Chávez S., Kordić Riquelme R. Consideraciones morfológicas sobre el gentilicio. Un caso: Chile // RILCE: Revista de Filología Hispánica*. 2019. № 35(2). P. 416—440.
9. *Li W. Translanguaging as a Practical Theory of Language // Applied Linguistics*. 2018. № 39(1). P. 9—30.
10. *Чеснокова О.С., Найденова Н.С., Радович М. Концепция славы через призму выдающихся личностей Тихоокеанского альянса и восприятие виртуальной языковой личности // Филологические науки. Научные очерки высшего образования*. 2020. № 3. С. 67—77. <https://doi.org/10.20339/PhS.3-20.067>
11. *Бахтин М. Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1986.
12. *García Mouton P. Sobre geografía lingüística del español de América // Revista de Filología Española*. 1992. № 72(3/4). P. 699—713.
13. *Latorre G. Tendencias generales en la toponimia del Norte Grande de Chile // Onomazein*. 1997. № 2. P. 181—196.
14. *Lehnert Santander R. La toponimia quechua de la II Región // Hombre y desierto*. 1993. № 6—7. P. 89—101.
15. *Лотман Ю. Внутри интеллектуальных сфер*. М.: Языки русской культуры, 1996.
16. *Chesnokova O.S. Toponimia latinoamericana: un enfoque semiótico // Forma y Función*. 2011. № 24(2). P. 11—24.
17. *Чеснокова О.С. Колумбия в испаноязычном мире*. М.: РУДН, 2014.
18. *Талавера-Ибарра П.Л. История термина «Латинская Америка» на американском континенте. Язык в глобальном контексте. Латинская Америка сегодня как культурно-языковой феномен // Сборник обзоров и рефератов. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Сер. Теория и история языкознания. Отв. ред. Е.А. Казак. М.: ИНИОН РАН, 2016. С. 11—21.*
19. *Kordić Riquelme R., Ferreccio Podestá M. Topónimos y gentilicios de Chile*. Santiago de Chile: RiL, 2014.

20. Радович М. Лингвистический анализ демонимов в аргентинском и чилийском испанском // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 1(17). С. 12—29.
21. Радович М. Los gentilicios en las variantes nacionales sudamericanas de la lengua española // El mundo iberoamericano, las tradiciones y las tendencias contemporáneas. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. С. 353—359.
22. Чеснокова О.С. Этнолингвистическая реальность Колумбии. Язык в глобальном контексте, Латинская Америка сегодня как культурно-языковой феномен. М.: ИНИОН, 2016. С. 22—33.
23. Сударь Г.С. Топонимический псевдоним. Проблемы иберо-романской лингвистики. М.: МГУ, 2010. С. 229—235.
24. Фирсова Н.М. Испанский язык и культура Боливии. М.: РУДН, 2008.
25. Luna Cabrera J.E. Su Majestad el Refrán. Manizales: Editorial Zapata, 2005.

Информация об авторах:

Чеснокова Ольга Станиславовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН, *сфера научных интересов*: теория и практика межкультурной коммуникации, переводоведение, семиотика художественного дискурса, вариативность испанского языка, *e-mail*: tchesnokova-os@rudn.ru

Радович Мария, кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН); *сфера научных интересов*: топонимика испанского языка, вариативность испанского и португальского языков, лингвокультурология, лексикография, межкультурная коммуникация, переводоведение; *e-mail*: radovich-m@rudn.ru

Котеняткина Ирина Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН; *сфера научных интересов*: язык и культура Гватемалы, лексикология, семантика, этимология, социолингвистика, национальные варианты испанского языка; *e-mail*: kotenyatkina-ib@rudn.ru

Information about the authors:

Olga S. Chesnokova, Dr, Professor of Foreign Languages Department at RUDN University; *research interests*: theory and practice of intercultural communication, translation studies, semiotics of literary discourse, Spanish language varieties; *e-mail*: tchesnokova-os@rudn.ru

Marija Radović, Ph.D., Assistant Lecturer at the Department of Foreign Languages of the Faculty of Philology of the RUDN University. Her research interests include Spanish toponymy, variations of the Spanish and Portuguese languages, cultural linguistics, lexicography, intercultural communication and translation studies; *e-mail*: radovich-m@rudn.ru

Irina B. Kotenyatkina, PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of RUDN University; *research interests*: the language and culture of Guatemala, lexicology, semantics, etymology, sociolinguistics, national varieties of Spanish; *e-mail*: kotenyatkina-ib@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-597-618

УДК 811.161.1:82-1:004.934

Научная статья / Research article

Автоматическое выявление звуковых повторов в стихе: реализация силлабоцентрического подхода в программе *Phonotext*

Г.В. Векшин¹✉, М.Н. Герцев², Я.Е. Лоскот³

¹Санкт-Петербургский государственный университет,
ул. Университетская набережная, 7—9, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034

²Московский физико-технический институт,
Институтский пер., 9, Долгопрудный, Российская Федерация, 141701

³Московский политехнический университет,
ул. Большая Семеновская, 38, Москва, Российская Федерация, 107023

✉philologos@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет подходы к автоматическому выявлению звуковых повторов и измерению звуковой связности русского стихотворного текста на основе силлабоцентрической концепции звуковой организации стиха, выделяющей фоносиллабему как ее основную операциональную единицу, определяющей основные типы отношений между элементами повтора — эквифонию и метафонию — и позволяющей описывать текст в единстве его сегментно-звукового и ритмического строения. Рассматриваются лингвистические предпосылки, базовые алгоритмы и методики, положенные в основу компьютерной программы (веб-приложения) *Phonotext*, автоматически анализирующей и визуально формирующей картину звуковой композиции текста, с представлением ее количественных характеристик. Детально описываются операции, лежащие в основе программы, а также математические формулы, используемые для выявления структуры и числового измерения звуковых повторов в русской стихотворной речи. Обсуждаются результаты применения программы для сопоставительного изучения стиха и прозы, отдельных произведений и индивидуальных стилей русских поэтов. В частности, данные, полученные с использованием программы *Phonotext*, позволяют говорить о тенденции к синтагматической консолидации фоносиллабемы и гранулированию звуковой фактуры текста в индивидуальном стиле О. Мандельштама как свидетельстве его стремления к поэтической морфологизации элементов звукового повтора, а также использованию главенствующего звукового мотива как средства объединения сложного синтаксического и композиционного целого, в отличие от идиостиля В. Набокова, для которого характерна установка на дробление элементов повтора, с относительно хаотическим взаимодействием и растеканием созвучий по тексту и их невысокой активностью как средства синтагматического членения и объединения текста. Описываются перспективы разработки технологии *Phonotext* для выявления отношений сегментно-звукового и просодического параллелизма в речи (отношений эквиритмии и эквифонии, включая рифму), что обеспечит

© Векшин Г.В., Герцев М.Н., Лоскот Я.Е., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

автоматическое представление целостной картины звуковой композиции текста во взаимодействии ее основных форм и ее дальнейшее функциональное описание.

Ключевые слова: лингвистика, цифровые технологии, автоматический анализ, звуковой повтор, программа Фонотекст, метафония, потенциальный слог, фоносиллабема, стих, русская поэзия

Финансирование. Благодарности.

Приносим свою глубокую благодарность всем тем, кто на разных этапах принимал участие в работе над проектом и внес свой вклад в его реализацию: инициатору проекта Николаю Перцову, разработчикам ранних версий программы Анне Алферовой и Владимиру Саркисову, участникам рабочей группы и научного семинара по фоностилистике текста, помогшим совершенствовать программу, в том числе ее английскую и латинскую версии, — Ольге Бараш, Марку Давыдову, Валерию Мерлину, Павлу Михневичу, Ирине Рыбаковой, Яне Савицкой, Олесе Темиршиной и др. В 2017—2018 гг. проект «Система автоматического выявления и измерения звуковой связности текста (веб-сервис «Фонотекст»)» был поддержан грантом РФФИ (№ 17-04-12022).

Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта СПбГУ «Изучение литературного наследия В.В. Набокова в междисциплинарной перспективе с использованием методов информационных технологий» (ID 72828386).

История статьи:

Дата поступления: 01.05.2021

Дата приема в печать: 01.06.2021

Для цитирования:

Векшин Г.В., Герцев М.Н., Лоскот Я.Е. Автоматическое выявление звуковых повторов в стихе: реализация силлабоцентрического подхода в программе *Phonotext* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 597—618. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-597-618

Введение

При очевидной для всякого чуткого читателя значимости звуковой организации стиха ее лингвистические механизмы до сих пор остаются малоизученными. Рассуждения о «тайнах» поэзии, начиная со школьных учебников, не обходятся без упоминания о звуковых повторениях — «аллитерациях и ассонансах» (не говоря уже о рифме), но попытки доказать, почему именно данный повтор оказывается в конкретном случае существен, единичны. Научная поэтика, основы которой в 20 веке были созданы русской формальной школой, ее наследниками и оппонентами в России и за рубежом, дала к настоящему времени большой ряд плодотворных опытов изучения звукового строя стиха и прозы (Б.М. Эйхенбаум, О.М. Брик, С.И. Бернштейн, А.М. Пешковский, Р.О. Якобсон, В.Н. Топоров, М.Л. Гаспаров, С.Н. Муравьев, Т.М. Николаева, В.В. Мерлин, Л. Пщоловска, Н.А. Кожевникова, М. Готье, Е. Даль и др.), однако задача определения базовых принципов и основных единиц звуковой композиции текста остается нерешенной. При общем согласии относительно повтора как «общего принципа всякой поэтической техники»

(Поливанов 1963), до сих пор не разрешены две проблемы, краеугольных для понимания звуковой ткани поэзии: что именно повторяется в стихе на звуковом уровне, организуя текст, и что считать свидетельством функциональной значимости того или иного звукового средства. Важнейшим препятствием на пути исследования звуковой организации текста является отсутствие проработанной в деталях методики выявления звуковых повторов. Будучи разработанной, такая методика может послужить основой для создания алгоритмов автоматического анализа текста с целью выявления в нем структурно и функционально значимых звуковых связей.

Применение компьютерных методов, опыт корпусной лингвистики открывают новые возможности для автоматического исследования композиционно-звуковой структуры стиха, для представления объективной картины звуковых связей в тексте. Важные шаги в этом направлении сделаны в рамках ряда проектов и публикаций недавнего времени [1—6 и др.]. Нельзя не отметить важность постановки задачи выявления звуковых повторов как средства поддержки «пристального чтения» в проекте Poemage (<http://www.sci.utah.edu/~nmccurdy/Poemage/>) [см. 7—8]. Тем не менее задача фиксирования всего комплекса значимых звуковых связей в стихе до сих пор не решена.

Настоящая работа представляет теоретические основания подхода к автоматическому выявлению звуковых связей в русском стихе и впервые предлагает детальное описание методики и алгоритмов создания программы (веб-приложения) Phonotext — <https://phonotext.syllabica.com/> [9], предназначенной для экспликации системы звуковых повторов в структуре стиха, как и в структуре любого текста на русском, а также английском и латинском языках, рассматриваемого с точки зрения функциональной значимости звуковых сходств и контрастов, для определения формального характера звуковых связей и измерения звуковой связности текста.

Методологические и теоретические предпосылки

В основе представляемой методики автоматического распознавания звуковых повторов в русском стихе лежит силлабоцентрическая концепция звуковой организации стиха, принципиальные положения которой в наиболее полном виде были разработаны в монографии и диссертации Г.В. Векшина 2006 года [10] и предшествовавших им работах [11—12] и далее развиты и дополнены в статьях [13—21].

Силлабоцентрический подход к звуковой организации текста опирается на общепринятое положение лингвистической теории, что элементарной конститутивной единицей речи, ее простейшим шагом, вне которого течение речевого потока принципиально невозможно, выступает слог. Звуковая цепь стиха гранулирована в соответствии с ее слоговой и просодической организацией, где ядерными элементами выступают слогаобразующие сегменты (в русском языке — только гласные) и вершинные части просодических

контуров более высокого порядка, а процесс силлабификации представляет собой чередование подъемов и спадов, «вершин» и «долин» контура, членение которого является следствием наложения значимых сегментных единиц на слоговой континуум [22; 24]. Вне слога как основного мерилла стихотворной речи выявление каких-либо звуковых и ритмических ассоциаций и параллелей невозможно; любой звуковой повтор есть неизбежно и органически повтор слоговой [25—27]. Попытки дуалистического подхода к выделению единиц повтора [28], имплицитно опирающиеся на предположение, что для слоговой ассоциации звуков в речевой цепи требуется совпадение качества не только согласных, но и гласных, противоречит таким фактам стихосложения, как диссонансная рифма или аллитерация гласных [29], и ведет к неоправданной изоляции ритмического и звукового строения речи при изучении стиха. Для процесса ритмического развертывания звукового ряда гласные важны как вершины контуров, независимо от их качества. Для ассоциации консонантных рядов достаточно их позиционного примыкания к вершинам, их сходного расположения по отношению к ним, группировки вокруг вершин, независимо от качества гласных (притом что качественное совпадение гласных факультативно усиливает слоговую ассоциацию, а при настойчивом сходном наполнении позиции гласного вокалические ряды могут восприниматься как слоговой повтор, уже относительно независимый от качества согласных, формируя ассонанс). В отличие от трактовок аллитерации как слогового повтора в абсолютном начале слова, «школьные» представления об аллитерации как повторе согласных как таковых (что вне слога в принципе невозможно), в отрыве от процесса силлабификации, отказ от учета слоговой позиции согласного, а также соотнесения повтора с просодикой и сегментным строением фонетического слова, делают этот наивный подход к аллитерации принципиально нерабочим [17; 30; 31].

Композиционная значимость отдельных слоговых звеньев обеспечивается аналогиями и контрастами в структуре звуковой цепи, где слог позиционно встроен в просодические контуры слова, фразы и текста, в результате чего звуковые связи в высказывании переносятся на отношения сегментных единиц, актуализируют их, усложняют и перестраивают синтаксические и морфологические отношения, тем самым обеспечивая эстетически необходимую многомерность поэтической формы [32; 33].

Суть силлабоцентрического подхода в том, что в наблюдениях над звуковой организацией стиха (в других терминах — фоникой, инструментальной, эвфонией и т.п.) вводится единый слоговой критерий. Простейшим композиционно значимым отрезком для фоники (как это давно признано для метрики и ритмики) признается слог, как неопределяемая речевая единица, рассматриваемая безотносительно к факторам слога деления (что особенно важно в случае «волновых» языков, в том числе русского [23]). В этой связи вводится операциональное понятие **потенциального слога** — как любого отрезка речевой цепи, состоящего из гласной и ее полного консонантного

окружения (ряда согласных вокруг гласной вплоть до предшествующей и последующей гласных), в соответствии с чем каждый потенциальный слог оказывается частично, в своей консонантной части, налагаемым на соседствующие потенциальные слоги (SP). Сопоставимость и соизмеримость этих простейших шагов и их контактных соединений рождает синтагматически значимую и семантически ориентированную (через морфологию и синтаксис) звуковую фактуру стиха. Благодаря качественным повторениям и позиционным параллелям в стихе как речи принципиально периодической, возвращающей, из ее звуковой, сегментно-слоговой цепи «выхватываются», или актуализируются в ней, определенные отрезки и слои, выступающие в качестве *tertium comparationis* для единиц более высокого порядка, в силу чего в составе потенциального слога вокруг гласной выделяются качественно сходные и позиционно коррелятивные консонантные ряды и комбинации, составляющие основу повтора. Такой основой служат: гласная, как цемент слога, независимо от ее качества, и те входящие в SP согласные (одиночные или в виде консонантных серий, или консонантных групп, со свободным расположением в рамках SP), которые актуализированы повтором. Эти повторяемые единицы, **фоносиллабы**, сводимые к общему инварианту — **фоносиллабеме**, образуют в стихе цепи, обеспечивая выделение, объединение, членение и связи синтагматических и сегментных единиц, как стиховых (строка, строфа и т.п), так и собственно языковых (морфема, слово и словоформа, словосочетание, предложение и др). При повторе двучленные повторяемые консонантные группы не выходят за пределы одного потенциального слога, т.е., по формулировке В.В. Мерлина, «согласные, входящие в повтор, не могут быть разделены в членах повтора более чем одной гласной» [34. С. 163]. Трехконсонантные повторы не выходят за пределы двух смежных потенциальных слогов. Звуковая организация текста, таким образом, формируется действием операциональной единицы, фоносиллабемы, реализуемой в совокупности ее вариантов — фоносиллабов. Позиция сегментных звуковых единиц (начиная со слоговой), их качество относительно позиции оказываются главным мерилем структурной значимости элементов повтора. На этом фоне ономотопоэтически значимые и коннотативные фоносемантические свойства речи рассматриваются как дополнительный и лишь эпизодически действующий текстообразующий фактор.

Мы исходим из того, что звуки повторяются не потому, что они что-то значат, но значат они потому, что повторяются, образуют устойчивые и соотносительные конфигурации, определенным образом располагаются и соплагаются в тексте. Этим преодолевается и метод сплошного подсчета как опирающийся на простую идею «накопления» звуков и их качеств в тексте и основанный на выделении разрозненных, как бы свободно рассыпанных по стиху согласных и гласных, а также на предположение об эстетической значимости отдельного звука в конкретном тексте как свойстве, производном от его частотных характеристик [14; 33; 35. С. 226—231; 36—38].

Основные термины и понятия

В звуковой структуре стиха выделяются два базовых типа отношений, имеющих различную функциональную перспективу. Первый — отношения эхо-повтора, структурного и позиционного параллелизма, начиная с аналогии форм сегментно-слогового и просодического строения речевой цепи, — отношения **эквиритмии** (параллелизм позиционный) и **эквифонии** (аналогия качественного звукового наполнения сходных и соотносительных слоговых, ритмических и проч. позиций), в частности характерные для рифмы. Второй — отношения **метафонии**, инверсивного, повтора, основанного на асимметрии сегментно-слоговых контуров и порядка звуков, где качественное совпадение звуков в составе слогаобразных групп (т.е. в пределах SP), в силу их цементированности одним слогом и высокой степени их качественного сходства, позволяет при повторении преодолевать требование параллелизма, обеспечивая внутри одного SP или в пределах контактных слоговых соединений свободную перестановку согласных между собой и в отношении к гласному (*волги вал*, *лоно волн* и т.п.). Метатеза, оперируя сегментно целостными инверсивными консонантно-вокалическими конфигурациями (*волги вал* и т.п., *лоно волн*), своеобразно гранулирует звуковую цепь, автономизируя фоносиллабему. Характер перестановок, направление изменения последовательности внутри слогаобразного единства (фоносиллабемы) формирует своего рода пластику, звуковую жестикуляцию стиха, обеспечивает его звуковое извитие. Так, звуковая ткань тютчевского наброска стихотворения «Итальянская весна» формируется следующими фоносиллабическими скрепами и связями (см. рис. 1).

ИТАЛЬЯНская весна
 Благоуханна и светла
 Уж с февраля весна в сады вошла,
 И вот миндаль мгновенно зацвела,
 И белизна всю зелень облила.

Вариант последней строки:

И с самого утра жара уж тяжела.

Рис. 1. Фоносиллабические повторы в стихотворении Ф. Тютчева «Итальянская весна»
Fig. 1. Phonosyllabic repetitions in Fedor Tyutchev's poem "Italian Spring"

Цепи повторов здесь устанавливают межсловесные ассоциации (*благоуханна* — *белизна* — *облила*, с обхватом строфы; *белизна* — *зелень*); объединяют словесные ряды: *светла уж с февраля весна в сады; миндаль*

мгновенно; проецируют заглавное определение *итальянская на светла* и *миндаль*; а заглавное существительное вплетают в ткань всех четырех строк: ВЕСНА → благоуханНА И СВеТла — ВЕСНА — мгнОВЕННО Зацвела — беЛИЗНА ВСЮ зелень, повсеместно «разливая» *весну*.

Здесь выделяются инвертируемые повторы двух форматов: односложные двуконсонантные (*благоуханна — белизна — облила*: бла — бел — обл(и)) и двусложные трехконсонантные (*белизна — зелень*: лизНА — зЕлен; вариации *весны*: весНА — наисв — весНА — вЕнноз — изНАв(су)). Таким образом формируется сегмент, больший чем фоносиллабема, — **фоносиллабический комплекс** (ФК), где ареной распространения трехконсонантного и многоконсонантных повторов выступают два или более смежных потенциальных слога. (Такие случаи повторов программа в настоящее время показывает только там, где ФК образуется лигатурой двух фоносиллабов, в дальнейшем же планируется введение в программу отдельной функции выявления многоконсонантных многосложных повторов.)

Независимо от перспективы поэтической морфологизации и лексикализации звуковых повторов инверсивные «выверты» фоносиллабемы и фоносиллабических комплексов, ощутимые на фоне синтагматического ожидания, выполняют эмфатическую, а также соединительно-интегративную и делимитативную роль — функции выделения, объединения и членения речевой цепи, уподобляясь суперсегментным средствам языка и своего рода знакам препинания. Расположение фоносиллабов в стихе, предложении и соотношении их контуров оказывается пружиной синтаксического развертывания. Параллелизм сегментных и просодических структур делает важным момент их расшатывания, в частности формирует такой вид метафонии, как метатонию — сдвиг ударения, изменение позиции в просодическом контуре слова, синтагмы (*Татьяна то вздохнет, то охнет...* у Пушкина; *Когда душе и торопкой и робкой...* у Мандельштама и т.п.).

Семантические возможности метафонии обеспечиваются уже самим фоносиллабическим гранулированием речевой цепи, которое открывает перспективу взаимодействия и «спора» фоносиллаба с морфемным рядом, превращает фоносиллабический повтор в средство поэтической морфологии текста [ср. 39. С. 246; 40] Метафония обеспечивает возможность лексикализации фоносиллабемы и фоносиллабических соединений (комплексов), в частности делая их инструментом семантической метаморфозы слова и его «грамматико-поэтического анализа» [41. С. 640], ведущего к *figura etymologica*, паронимазии и анаграмме. Цепочки повторов включаются в сложную игру прямого и обращенного параллелизма, разгонов и торможений, открытых и закрытых структур, установки и обмана структурных ожиданий, организующих синтагматику текста, в результате чего синтаксис, в том числе актуальный [42], благодаря действию звуковых выделений, объединений и членений в стихе, становится важнейшим транслятором звуковой организации в сферу семантики. В широком смысле эти отношения воплощают механизм нарушения и осложнения

тенденции к полному параллелизму в стихе на фоне требования соразмерности и сопоставимости, в пределе дающего полный параллелизм и тавтологию [43. С. 271—276], — механизм действия ритма на фоне метра.

Будучи глубоко укорененным в природе языка, механизм метафонии проявляется не только в поэзии (наиболее осознанно — в перестановочной рифмовке и морфологическом анализе слова типа *барство* — *рабство* у Пушкина или *raven* — *nevermore* у По), но и — причем в более жесткой форме, ограничивающей перестановку территорией одного потенциального слога, — в закономерностях метатезы в истории языка, в фонотактике опечаток [44. С. 31], в жаргонной, диалектной [45] и игровой трансформации слова, в метатезисе детской речи [18]. Наше понимание звукового повтора как прежде всего повтора метафонического (а далее — звуковой ткани стиха как образуемой взаимодействием метафонии и эквифонии) опирается в первую очередь на концепцию О. Брика и дальнейшую идущую от его классической работы [46] традицию описания феномена звукового повтора как повтора перестановочного, противостоящего инерции эхообразного повторения, в частности — логике элементарной рифмы. Принципиальные дополнения и поправки, вносимые в рамках нашего подхода в методику описания звуковых повторов у Брика, подробно представлены в [16] и комментариях к работе «Звуковые повторы» [46].

В настоящее время с помощью программы осуществляется автоматическое выявление одного из двух базовых типов звуковой ассоциативности, формирующих звуковую композицию текста, — отношений метафонии, асимметричных звуковых повторений, которые в наибольшей степени связываются с явлением звукового повтора и в структуре стиха противостоят простому ритмико-звуковому параллелизму — рифме и квазирифменным переключкам (отношениям эквиритмии и эквифонии).

С методологической точки зрения базовый алгоритм выявления метафонических повторов опирается на два понятия «неканоничной фонетики» [47] или метафонологии [48], распространяемой на область стихотворной речи: помимо понятия потенциального слога, используется понятие поэтического **фонемотипа**. Обоснование этого понятия дано в работе [10] с учетом фактора графемы при восприятии письменной речи и фонематического принципа русской орфографии, а также многообразного опыта анализа письменной речи в лингвистической поэтике, психолингвистике и фоносемантике (см. «акустические группы» у О.М. Брика [45. С. 511—512], звукобуквы А.П. Журавлева [49], графофонемы В.П. Григорьева [40], фонемотипы С.В. Воронина [50] и др.; ср. [51—53]).

Согласно этому подходу, в русской поэтической речи выделяется 12 консонантных фонемотипов (согласных «поэтофонем», по одной из формулировок В.П. Григорьева): 1) <п> — <п'>, <б> — <б'>; 2) <ф> — <ф'>, <в> — <в'>; 3) <т> — <т'>, <д> — <д'>; 4) <с> — <с'>, <з> — <з'>; 5) <ц>; 6) <н> — <н'>; 7) <м> — <м'>; 8) <л> — <л'>; 9) <р> — <р'>; 10) <ј'>; 11) <ш>, <ж>, <шш'>, <жж'>, <ч'>. 12) <к>, <г>, <х>.

Это означает, что, например, в строках А. Пушкина: *Проглянет день как будто поневоле / И скроется за край окружающих гор* — в силу поэтической эквивалентности <г> и <к>, <т> и <д'>, <н> и <н'> в качестве вариантов фоносиллабемы ГVP будут выделены фоносиллабы ро^г, и|кр^О, а|кр^А, г^{Ор}, а для фоносиллабемы НVD — вариантами буду считаться нет, д^{Ен} (в фоносиллабической транскрипции твердость—мягкость согласных не отражается, а глухость—звонкость, независимо от позиционных оглушений—озвончений, отражается лишь там, где она представлена соответствующей графемой, притом что для фоносиллабического гранулирования речи эти различия принципиального значения не имеют).

Для анализа отношений эквиритмии и эквифонии (сегментно-просодического параллелизма) в стихе понятия фонемотипа недостаточно, здесь актуализируются более частные признаки звуков, фонологически значимые для данного языка (например, твердость/мягкость, сонорность/несонорность и др.). При этом слогаобразные многоконсонантные повторы, как инверсивной, так и эхообразной структуры (*люблю твой строгий, стройный вид*), программой успешно распознаются, хотя фактор сегментно-слогового параллелизма при выявлении таких повторов в качестве конституирующего пока ею не учитывается. Система автоматического распознавания эхообразных звуковых повторений, в том числе рифмообразующих, на основе акцентной дифференциации фоносиллабов (в перспективе — с учетом «ритмического статуса акцентных единиц» [54. С. 88—94] в рамках проекта Фонотекст разработана и находится в стадии компьютерной реализации.

Технология Фонотекст

Алгоритмы выявления метафонии

Работа веб-сервиса Фонотекст предполагает следующие основные операции:

1. Прием текста в обработку и его первичная сегментация в соответствии с критерием потенциального слога;
2. Сведение сегментных единиц русского письма (графем) к фонемотипам на основе принципов и правил русской орфографии;
3. Поиск и автоматическое выделение слогаобразных повторов;
4. Установление ассоциативной силы повторов;
5. Фильтрация результатов в соответствии со значениями операторов базовой формулы;
6. Вывод результатов в визуально-интерактивной и тексто-числовой форме.

Первичная сегментация текста включает, во-первых, выделение всех *потенциальных слогов максимального формата* (далее Sp(max)) и, во-вторых, разложение каждого Sp(max) на все возможные в его пределах двуконсонантные комбинации (слогаобразные консонантные группы — далее SKI).

Результаты этого процесса представим в табличной форме на примере начальной строки стихотворения Н. Гумилева «Лес»: *В том лесу белесоватые стволы...* (те же данные доступны пользователю во вкладке «Sp(max) / комбинации»):

Таблица 1 / Table 1

**Выделение двуконсонантных комбинаций в пределах Sp(max) /
Highlighting two-consonant syllable combinations in a potential syllable (Sp(max))**

Текст	в том лесу белесоватые стволы										
Sp(max)	в том	м лес	су б	бел	лес	сов	ват	ты ј	је ств	ствол	лы
2-консонантные комбинации	в то	м -ес	су б	бел	лес	сов	ват	ты ј	је -т	с--ол	
	в -ом	Лес							је с	т-ол	
	ом л	м ле							је --в	вол	
	том								е ст	ст-о	
	то- л								е с-в	с-во	
	в -о- л								е -тв	тво	

В примере выделено 11 Sp(max) и в их рамках 27 СКГ (используются знаки фоносиллабической транскрипции: | — словораздел, — — эпентеза, () — для вибрирующих элементов). Поскольку при повторении одного фонемотипа в пределах потенциального слога возникает вариативность в представлении консонантной группы, предусмотрена возможность ее двоякого толкования: *слез* дает *сле* и *лез* (записывается как **вибрирующая комбинация** первого типа — **консонантная**: *сле(з)*, где в дальнейшем за счет отношений эквифонии может быть актуализирован один из вариантов, например в рифме *лес* — *слез*). В случае возникновения консонантных кластеров в интервокальной позиции фиксируется вибрация второго типа — **вокалическая**: в сочетании *в том лесу* кластер *мл* оказывается «службой» двух потенциальных слогов *том|л* и *м|лес* (записывается как *ом|л(е)*). Наконец, в сочетании *белесоватые стволы* за счет «симметричного» размещения фонемотипа Т в двух соседних слогах при возможности отнесения ј в состав разных потенциальных слогов фиксируется вибрация третьего типа — **слоговая**, в соответствии с которой учитывается вариативность дальнейшей актуализации консонантной группы, как *ты|ј* и *је|-т* (записывается как *ты|ј(е|-т)*).

Когда первичная сегментация текста проведена, программа переходит к поиску и оценке связей между сегментами и к выделению непосредственно повторяющихся в данном тексте СКГ. Выявление актуализированных повтором двуконсонантных комбинаций в пределах Sp(max) приводит к установлению номенклатуры двуконсонантных фоносиллабов и их сведению к инварианту — фоносиллабеме как поэтической квазиморфеме. Входящие в отношения повтора фоносиллабы, реализующие одну фоносиллабему, образуют **фоносиллабические цепи** (ФЦ), выделение которых в тексте и обеспечивает программа.

Базовая формула

— Пусть \vec{v} — последовательность фоносиллабов в цепи, тогда сила цепи $\Sigma(\vec{v})$ рассчитывается как:

$$\Sigma(\vec{v}) = \sum_{i \neq j} P_{comb}(v_i, v_j) \quad (1)$$

где P_{comb} — *Proximity of combinations* — степень близости двух СКГ, у.е., сила их взаимодействия. Общая сила ФЦ рассчитывается, таким образом, путем суммирования сил всех бинарных соединений внутри цепи, с полным перебором отдельных парных связей:

$$\Sigma(a, b, c) = P_{comb}(a, b) + P_{comb}(b, c) + P_{comb}(a, c),$$

где a, b, c — звенья цепи (фоносиллабы) в последовательности, представленной в тексте.

ФЦ составляют только слогаобразные консонантные группы, актуализированные повтором, т.е. активные фоносиллабы; следовательно, среди всех случаев парного сопоставления СКГ требуется найти такие, при которых показатель P_{comb} будет не равен нулю, с опорой на формулу

$$P_{comb}(a, b) = IAS_{summ}(a, b) \cdot \left(\frac{1}{St(a)} + \frac{1}{St(b)} \right) \cdot \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^N P_{el}(x_i, y_j) \quad (2)$$

где $IAS_{summ}(a, b)$ — *Summary Index of Associative Strength* — суммарный индекс ассоциативной силы двух СКГ, у.е.;

$St(x)$ — *Structure* — структура СКГ x , у.е.;

$P_{el}(x, y)$ — *Proximity of elements* — степень близости элементов двух сопоставляемых СКГ, у.е.

Поясним составляющие этой формулы.

Первично наиболее значимым показателем в формуле является последний, P_{el} , отвечающий за силу взаимодействия элементов двух СКГ, который рассчитывается следующим образом:

$$P_{el}(x, y) = \left(\frac{1}{D_{el}(x, y)} + \frac{1}{D_w(x, y) + 2} \right) \cdot \frac{1 + \delta_x^y}{1 + InD(x) + InD(y)}, \quad (3.1.)$$

где x, y — элементы сопоставляемых СКГ;

$D_{el}(x, y)$ — *Distance between elements* — расстояние между элементами x и y в речевой цепи (в количестве элементов);

$D_w(x, y)$ — *Distance between words* — расстояние между словами, в которые входят элементы x и y (в количестве словоразделов);

$InD(x)$ — *Distance from initial* — удаленность элемента x от абсолютного начала слова (определяется порядковым номером элемента);

δ_x^y — показатель *качественной близости* элементов сопоставляемых СКГ.

Здесь всякий раз мы имеем по три элемента с каждой стороны: 2 согласных и 1 гласный, однако значимым для продолжения анализа является только сходство согласных, в то время как сходство гласных представляется факультативным (при том что увеличивает степень соотнесенности активированных повтором СКГ). Для каждого согласного первой СКГ должна найтись одна комбинация с согласным второй, сила которой будет > 0 . Такое условие может быть соблюдено только в том случае, если оба согласных или функционально эквивалентны, т.е. относятся к одному фонемотипу ($\delta_x^y = 0$), или полностью тождественны ($\delta_x^y = 1$). Если согласные принадлежат к разным фонемотипам, то показатель $\delta_x^y = -1$, а степень близости элементов (P_{el}) равна нулю. Для двух гласных показатель δ_x^y не может быть < 0 (наличие слоогообразующей вершины — обязательный признак СКГ и, далее, фоносиллаба), а в случае их тождества он также $= 1$.

Увеличение трех оставшихся в формуле (3.1.) показателей (D_{el} , D_w , InD) уменьшит степень близости элементов СКГ — здесь мы учитываем удаленность фоносиллабов друг от друга и их позицию в слове, причем то и другое влияет на силу ассоциации. Отметим, что для вибрирующих групп не может быть рассчитана сила взаимодействия составляющих их СКГ, поскольку те имеют в своем составе как минимум один общий консонантный элемент, а значит, не могут быть соотнесены по показателю расстояния между элементами (D_{el}). Таким образом, качественная эквивалентность консонантных элементов СКГ — необходимое условие регистрации звукового повтора, и чем сильнее эти элементы сходятся в качестве (δ_x^y), а также чем ближе они друг к другу в речевой цепи (D_{el} , D_w), тем выше будет суммарная степень их близости — $P_{el}(x, y)$.

Вернемся к формуле (2) и рассмотрим показатели $IAS_{summ}(a, b)$ и $St(x)$. Суммарный индекс ассоциативной силы — это вспомогательный множитель, основанный на индивидуальных силах СКГ. Вместе со структурой, он отвечает на вопрос о качестве самой СКГ, ее внутренних характеристиках и рассчитывается по формуле

$$IAS_{summ}(a, b) = 10 \cdot IAS(a) \cdot IAS(b) \cdot (1 + Last(a) + Last(b)) \quad , \quad (3.2.)$$

где $Last(x)$ — позиционный показатель, принимающий значение $= 1$ в случае, если СКГ занимает маргинальную позицию в строке, и $= 0$, если нет;

$IAS(x)$ — *Index of Associative Strength* — индекс потенциальной ассоциативной силы СКГ x (ИАС-1), величина которого определяется путем присвоения СКГ индексов за наличие/отсутствие у нее ряда признаков (табл. 2).

При присвоении СКГ индекса за наличие/отсутствие эпентезы в ее составе не учитывается количество вставных единиц. Это обстоятельство компенсирует показатель структуры СКГ, который рассчитывается путем

перемножения расстояний между элементами данной группы по следующей формуле:

$$St(a) = \prod_{i=1}^2 D_{el}(x_{i-1}, x_i) \quad (3.3.)$$

Как и в формуле (3.1.), увеличение показателя расстояния между элементами ($D_{el}(x,y)$) — в данном случае одной СКГ — ведет в конечном счете к ослаблению степени близости двух фоносиллабов (см. формулу (2)). Так, $St(лес) = 1*1 = 1$ у.е., а $St(с--ол) = 3*1 = 3$ у.е (нулевое расстояние расценивается в 1 у.е.).

Таблица 2 / Table 2

**ИАС-1 (Индекс ассоциативной силы) /
Index of Assotiative Strength**

Признак		Индекс, у.е.	
		Обладает ли фоносиллаб признаком	
		Да	Нет
с эпентезой		0	5
с внутренним словоразделом		0	2
сегментная структура	СГС	3	—
	ССГ	2	
	ГСС	1	
с j в составе		0	4
в инициали		1	0
Итого (max)		15	

С индексом ассоциативной силы СКГ ($IAS(x)$) связана одна из основных операций, которые осуществляет веб-сервис, — это **фильтрация результатов**. Уже выделенные и оцененные фоносиллабические цепи проходят дополнительный отбор в соответствии с индексом потенциальной ассоциативной силы, присвоенным каждому звену цепи. Еще на стадии ввода текста пользователь может установить нижнюю и верхнюю границы фильтра (ИАС-1 представляется в виде, кратном 10, поэтому максимальный диапазон — от 0 до 1), смягчив или ужесточив требования, предъявляемые к каждому фоносиллабу по наличию/отсутствию у него вышеприведенных признаков, т.е., в основном, требования к степени консолидированности каждого звена. Фоносиллабы, чей ИАС-1 ниже или выше установленных границ фильтра, не выделяются; как следствие, модифицируется и представляемая картина звуковых повторов. Так, если вновь обратиться к строчке Н. Гумилева *В том лесу белесоватые стволы...*, уже проведенной через «Фонотекст», программа выдаст разные картины звуковых повторов, в зависимости от значений фильтра (рис. 2).

0-1	Текст	Повторы	Статистика	SP(max)/Комбинации
	В <u>т</u> о <u>м</u> <u>л</u> есу <u>б</u> елесоват <u>ы</u> е <u>с</u> т <u>в</u> о <u>л</u> ы			<input type="button" value="Скрыть"/> Σ 8.99; $\bar{\lambda}$ 87%; N 3 лес лес с--ол <input type="button" value="Скрыть"/> Σ 5.84; $\bar{\lambda}$ 72%; N 3 в то ват э -тв(о) <input type="button" value="Скрыть"/> Σ 2.13; $\bar{\lambda}$ 64%; N 2 сов э с-в(о) <input type="button" value="Скрыть"/> Σ 1.71; $\bar{\lambda}$ 73%; N 2 в -о- л вол <input type="button" value="Скрыть"/> Σ 1.13; $\bar{\lambda}$ 57%; N 2 то- л т-ол
0,6-1	В <u>т</u> о <u>м</u> <u>л</u> есу <u>б</u> елесоват <u>ы</u> е <u>с</u> т <u>в</u> о <u>л</u> ы			<input type="button" value="Скрыть"/> Σ 8.99; $\bar{\lambda}$ 87%; N 3 лес лес с--ол <input type="button" value="Скрыть"/> Σ 7.73; $\bar{\lambda}$ 82%; N 3 в то ват тво
0,7-1	В <u>т</u> о <u>м</u> <u>л</u> есу <u>б</u> елесоват <u>ы</u> е <u>с</u> т <u>в</u> о <u>л</u> ы			<input type="button" value="Скрыть"/> Σ 7.73; $\bar{\lambda}$ 82%; N 3 в то ват тво <input type="button" value="Скрыть"/> Σ 4.10; $\bar{\lambda}$ 97%; N 2 лес лес

Рис. 2. Схемы звуковых повторов, выделяемых веб-сервисом «Фонотекст» на разных уровнях фильтрации для начальной строки стихотворения Н. Гумилева «Лес» / **Fig. 2.** Picture of sound repetitions highlighted by the “Phonotext” web service in the initial verse of Nikolay Gumilyov’s poem “Forest” at different levels of filtration

Фоносиллабические цепи располагаются в порядке убывания их ассоциативной силы (Σ), также выводятся показатели средней степени близости между звеньями ($\bar{\lambda}$) и их количества в цепи (N). Из Рис. 1 видно, как при ужесточении фильтрации «срезаются» фоносиллабы, чей ИАС-1 меньше нижней границы фильтра (*в|-о-|л*, *то-|л* и др.), а поскольку в трех случаях они являются одним из двух звеньев минимально возможной цепи, опускаются и сами эти цепи. Фильтр может снимать и недостаточно сильные части вибрирующих групп (так, *э|-тв(о)* становится *тво*). Так как ассоциативная сила цепей приводится только с учетом выделенных фоносиллабов, в результате фильтрации ее значения могут изменяться, а сами цепи в этом случае будут занимать другие позиции в списке.

Результаты и обсуждение

Основное назначение программы «Фонотекст» — быть инструментом исследования, способом быстрого и методически выверенного, единообразного по своим критериям, анализа звуковой композиции стиха. Во множестве работ, где такой анализ предпринимается, не только отсутствуют объяснения методики выделения повторов, но даже в пространстве одного текста основания для их выявления колеблются. Ценность данной программы в том, что в основе ее алгоритмов лежат исключительно формальные признаки, исключаяющие в представлении картины повторов влияние особенностей индивидуального восприятия, воздействие личного впечатления от текста в совокупности его средств и в полноте его семантики. Безусловно, у такого обезличивания трактовки звуковой фактуры текстов можно предполагать минусы, как и в любом случае, когда машина заменяет человека. Программа не претендует

на интерпретацию собственно текста, а представляет лишь объективную картину повторов как повод для интерпретации. Проведенное тестирование программы и обсуждение ее в профессиональном сообществе позволяет видеть в разработанном инструменте своего рода филологический подсказчик для анализа и собственно чтения, в том числе как некий гид, заставляющий человека обратить внимание на то, что может быть упущено при чтении [8. С. 237—238]. Программа не допускает фрагментарности разбора и позволяет представить звуковую организацию текста не как отдельные переключки, а как плотную звуковую ткань, где повторы пронизывают и формируют словесную фактуру. Согласно оценке Е.Д. Толстой, «концепция <...> позволяет говорить не о точечных повторах отдельных звуков, но о сплошном звуковом иррадиировании: оно захватывает гласные и согласные, в прямом и обратном порядке» [55]. По мнению Т.М. Николаевой, данный подход, будучи обращен прежде всего к фоностилистике стихотворной речи, «в сущности... целиком строится на идее значимости повторов и их эстетической (в основном, в звуковом плане) ценности» [56; ср. 56—58]. Картина повторов, которую представляет программа, открывает для исследователя возможность более полного функционального анализа и осмысления текста как эстетического феномена. Таким образом, способность измерения звуковой связности текста и количественного представления его звуковой фактуры открывает путь к получению точных данных о характере и плотности звуковой ткани текстов, как отдельных, так и объединенных в массивные корпуса, с разметкой по их самым различным жанрово-стилевым параметрам.

Безусловно, важнейшая задача программы — помочь установить существенные различия в звуковой организации стиха и прозы, художественной и нехудожественной речи. Предварительные результаты, полученные на небольшом объеме текстов, уже свидетельствуют о явном перевесе стихотворной речи над прозаической по степени звуковой связности (ей в программе соответствует значение параметра общей силы повторов, который складывается путем суммирования значений силы всех выделенных в тексте ФЦ). Автоматической обработке были подвергнуты два корпуса текстов — поэтический и газетно-публицистический (по 20 ед. в каждом), который составили произведения, примерно соотносимые по объему (500 ± 100 символов). Используя метод бинарного противопоставления, мы получили 400 сочетаний. В 231 случае (58%) общая сила повторов была выше у поэтических текстов; при аналогичном сопоставлении англоязычных корпусов с использованием английской версии программы преимущество на стороне поэзии составило 249 случаев (62%). Эти данные в дальнейшем будут уточняться по мере расширения корпусов и использования новых возможностей программы — анализа структуры ФЦ по их длине, частотности используемых фонемотипов.

Важным свойством функционала программы может быть его использование для компаративных исследований самого разного рода — сопоставления идиостилей, поэтических направлений и школ, изучения динамики

изменения поэтической техники авторов в аспекте работы над звуковой тканью произведения, которые могут дать представление об особенностях творческого сознания в области, наименее подверженной сознательному контролю со стороны поэта. Так, программа «Фонотекст» позволила получить данные о степени гранулированности, «зернистости» звуковой фактуры текста, наличии установки на структурную консолидацию и дальнейшую морфологизацию фоносиллабемы в разных индивидуальных стилях.

Проведенное сопоставительное исследование стихотворений В. Набокова и О. Мандельштама [59] позволило выявить принципиально разные с этой точки зрения подходы. Материалом исследования послужили два корпуса стихотворений по 30 единиц для каждого автора. Корпуса сопоставлялись по силовым (Общая ассоциативная сила текста, АС первых пяти цепей, АС первой цепи) и количественным (количество звеньев в первых пяти цепях) показателям. В качестве исходного критерия использовалась степень строгости фильтра ИАС-1, для которой были определены три уровня: **0... 1** (повторы любой силы, включая минимальную), **0,6... 1** (фоносиллабы, чей ИАС-1 ≥ 9 , включая возникающие на словоразделе и допускающие минимальную эпентезу), **0,7... 1** (фоносиллабы, чей ИАС-1 ≥ 11 , исключая эпентезу) — где ужесточение фильтрации прямо пропорционально повышению требований к степени консолидированности фоносиллабов, составляющих цепи. На трех уровнях фильтрации было получено 900 результатов парных противопоставлений по каждому из показателей. Эти результаты представлены в Таблице 3 (полужирным выделено преимущество по количеству перевесов).

Таблица 3 / Table 3

Результаты парного сопоставления единиц стихотворных корпусов В. Набокова (Н.) и О. Мандельштама (М.) по различным показателям / The results of paired comparison of the units of the verse corpuses of Vladimir Nabokov and Osip Mandelstam according to various indicators

Фильтр ИАС-1	Количество перевесов в парных сопоставлениях							
	АС _{общ}		АС _{ФЦ1-5}		АС _{ФЦ1}		N _{фоносиллабов ФЦ1-5}	
	Н.	М.	Н.	М.	Н.	М.	Н.	М.
0... 1	443	457	453	447	415	485	590	410
0,6... 1	425	475	426	474	410	490	464	436
0,7... 1	326	574	420	480	406	496	443	457

Как видим, наблюдается явная прогрессия: повышению требований к консолидированности фоносиллабов (= усилению фильтрации) прямо пропорционально увеличение количества перевесов у стихов Мандельштама по всем параметрам, и особенно силовым. Напомним, что чем уже диапазон фильтрации, тем меньше фоносиллабов со слабой структурой выделяется и учитывается при подсчете ассоциативной силы. Прогрессия показывает, что

в стихах Мандельштама гораздо большую роль играют высококонсолидированные звуковые повторы, тогда как для звуковой организации стихов Набокова значимы эпентированные, линейно раздробленные созвучия, и если перестать учитывать их при подсчете АС, стихи Набокова, в отличие от стихов Мандельштама, существенно потеряют в силе. (Притом наибольший разрыв в перевесах по показателям АС наблюдается при фильтре **0,7...1**: для АС_{ФЦ} он равен 90, для АС_{ФЦ1-5} — 60, для АС_{общ} — 248!). О ведущей роли растянутых созвучий в стихах Набокова говорит и значительное уменьшение количества звеньев в пяти наиболее сильных ФЦ при усилении фильтрации ($N_{\text{фоносиллабов ФЦ1-5}}$), при этом в 7 стихах слабые фоносиллабы занимают более 40% от количества звеньев самых сильных цепей и в 4-х менее 20% против мандельштамовских 1-го и 9-ти стихов соответственно. О наличии у Мандельштама установки на морфологизацию фоносиллабемы, работе с фоносиллабемой как поэтической морфемой говорят и цифры, относящиеся к первой цепи. Помимо устойчивого отрыва по ее силе (в 70, 80, 90 позиций), для текстов Мандельштама характерно появление силовых доминант; это хорошо видно, если сравнить, насколько в стихах поэтов вторая по силе цепь отстает от первой при значении фильтра 0,7... 1 (рис. 3).

Рис. 3. Уровень доминирования первой звуковой цепи относительно второй в стихотворениях О. Мандельштама и В. Набокова /

Fig. 3. The level of dominance of the first phonosyllabic chain relative to the second in the poems of Osip Mandelstam and Vladimir Nabokov

Кроме 3-х случаев радикальной разницы между 1-й и 2-й цепью по ассоциативной силе (78, 84, 86%), по данному показателю стихи Мандельштама обнаруживают 5 случаев разницы минимальной (0—4%). Таким образом, связность его коротких стихотворений (объемом до 400 знаков без пробелов) обеспечивается либо одним лейтмотивом — доминирующей цепью повторов, в то время как другие существенно ослаблены и играют роль эпизодических связок (ср., например, стихотворение «Ты розу Гафиза колышешь...» с

доминантой К—Р), либо поэт совершенно отказывается от лейтмотивного принципа в пользу полифонии, когда связность стихотворения обеспечивается взаимодействием примерно равных по силе звуковых цепей (ср., например, стихотворение «Улыбнись ягненок гневный с Рафаэлева холста...» с равноправными цепями С—Т, К—Л, С—Л, К—Н). В больших стихотворениях лейтмотивный принцип применяется для внутренней связи композиционных частей, когда каждая часть использует свой лейтмотив (ср. «Стихи о неизвестном солдате»), что подчеркивает функцию лейтмотива у Мандельштама как средства объединения сложного синтаксического и композиционного целого. Ничего подобного мы наблюдаем в проанализированных стихах Набокова: здесь звуковые цепи относительно стихийно распределены по всему произведению, переплетаясь и обрываясь вне координации с синтагматическим членением. Таким образом, появляются основания считать повтор консолидированных фonosиллабов у Мандельштама одновременно средством их морфологизации и поэтической семантизации с дальнейшим эффектом *figura etymologica*, с одной стороны, а с другой — сильнейшим средством межфразовой связи. В свою очередь звуковая техника Набокова, при эпизодическом участии фonosиллабических скреп в формах языковой игры, часто на грани каламбура [60], в качестве приоритетной для звуковых повторов в целом реализует установку на их эвфоническое использование, с относительно хаотическим взаимодействием и растеканием созвучий по тексту, указывающими на их невысокую активность как средства синтагматического членения и объединения текста.

Звуки в стихе — не то, что рассыпано поверх ритма, синтаксиса, лексики и морфологии. Это не поверхностное украшение, а техника, лежащая в самой основе поэтического искусства. Выбор слова для поэта — всегда выбор звука (звуко-слогового движения, контура), а словесный ряд — принципиально ряд звуковой. Фонотактика, звуковая композиция стиха — базовый слой его эстетической структуры. Звук в речи вообще, а в стихе особенно, органически слит с ритмом, звуковая цепь пронизана слоговой и просодической энергией. Так, Маяковский, рефлектировавший по поводу процесса рождения стиха из «ритмического гула», показывает путь поиска рифмы для слова трезвость: «Взяв самые характерные звуки рифмуемого слова «резв», повторяю множество раз про себя, прислушиваясь ко всем ассоциациям: «рез», «резв», «резерв», «влез», «врез», «врезв», «врезываясь». Счастливая рифма найдена» [61. С. 106—107]. И найдена она путем поиска прямых слогаобразных отзвуков в сочетании с «перегибанием», инверсивным варьированием односложного трехконсонантного фonosиллабического целого: рЕзв — зЕрв — врЕз — врЕз(в) — врЕз. «Так обстругивается и оформляется ритм — основа всякой поэтической вещи, проходящая через нее гулом. Постепенно из этого гула начинаешь вытискивать отдельные слова. Некоторые слова просто отскакивают и не возвращаются никогда, другие задерживаются, *переворачиваются* и *выворачиваются* по несколько десятков раз, пока не почувствуешь, что слово стало на место» ([Там же. С. 100]. Курсив наш — Г.В.).

Заключение

Слог, как элементарный шаг в движении речи, не только способ организации сегментно-звукового ряда, но форма, в соответствии с которой происходит гранулирование речевой ткани. Элементарной гранулой, зерном ритмико-звукового строения поэтической речи выступает **фоносиллабема** — **актуализируемый повтором** и варьируемый в виде ряда фоносиллабов **консонантно-вокалический экстракт потенциального слога**.

Силлабоцентрическая концепция звуковой организации текста, рассматривающая стих как фоносиллабическую цепь и описывающая эту цепь в терминах противопоставления двух видов ассоциации — прямого (эквиритмии/эквивфонии) и обращенного параллелизма (метафонии), послужила теоретической основой для создания алгоритмов компьютерной программы (веб-приложения) Фонотекст. В настоящее время программа, разрабатываемая авторами статьи, призванная автоматически выявлять звуковые повторы в русском стихе и визуально представлять картину звуковой композиции текста, позволяет видеть важнейшие для осмысления речевой ткани стиха звуковые ряды, помогающие внимательному чтению текста и его филологическому анализу.

Программа реализует возможности квантитативного **измерения звуковой связности** стихотворной речи путем обработки отдельных текстов и больших текстовых корпусов, открывая возможности многообразных сопоставительных и типологических исследований фоностилистики текста с опорой на объективно полученные данные. Приведенные выше результаты сопоставительного анализ стиха и прозы, звуковых техник О. Мандельштама и В. Набокова позволяют делать выводы, прежде не доступные эмпирическим и компьютерным исследованиям.

Главные перспективы разработки программы предполагают включение в ее функционал анализатора эквиритмических и эквивфонических отношений в стихе, в том числе рифменных и интернально-рифменных повторов. С учетом особенностей поэтических традиций и иных, чем в русском, принципов орфографии разрабатываются латинская и английская версии программы, уже позволяющие говорить о принципиальной значимости фоносиллабических повторов и связей в других индоевропейских техниках стихосложения.

Программа Фонотекст — проект, находящийся в постоянной работе, и его результаты уже сейчас могут оказаться полезными как для исследователя, так и для всякого внимательного читателя, ценителя искусства поэзии.

Библиографический список

1. *Plamondon M.R.* Computer-assisted Phonetic Analysis of English Poetry: a Preliminary Case Study of Browning and Tennyson // *TEXT Technology*, 14. Hamilton, Ontario: McMaster University, 2005. P. 153—175.
2. *Баевский В.С., Самойлова Т.А., Усачев В.И.* Компьютерная программа анализа статистического распределения фонем в русских поэтических текстах // *Известия Смоленского государственного университета*. 2010. № 4 (12). С. 127—135.

3. *Hussein H.D.G.* (2010). Using Automated Rhyme Detection to Characterize Rhyming Style in Rap Music // *Empirical Musicology Review*. October 2010. № 5(4). P. 121—141.
4. *Addanki, Karteek, Dekai Wuscheme.* (2013). Unsupervised Rhyme Scheme Identification in Hip Hop Lyrics Using Hidden Markov Models. In: *A.-H. Dediu et al.* (Eds.): *SLSP 2013, LNAI 7978*. Pp. 39—50.
5. *Plecháč P., Říha J.* Measuring Euphony // *Methodology and Practices of Russian Formalism / G.V. Vekshin* (Ed.). Moscow: Azbukovnik, 2014. P. 194—199.
6. *Místecký M., Cech R., Plecháč P.* In search of a euphony unit : a case study in Czech 1830s poetry // *Slovo a slovesnost: A journal for the theory of language and language cultivation*. Institute of the Czech Language, Czech Academy of Sciences. 2019. P. 27—38.
7. *McCurdy N., Lein J., Coles K., Meyer M.* Poemage: Visualizing the Sonic Topology of a Poem // *IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics (Proceedings of InfoVis 2015)*. 2016. P. 439—448.
8. *Лоскот Я.Е., Савицкая Я.А.* К эвристике электронного издания. Веб-сервис «Фонотекст» как тренажер восприятия стихотворения на уровне его звуковой композиции // Книга в современном мире: материалы VIII всероссийской научной конференции / Науч. ред. Ж.В. Грачева. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020.
9. *Phonotext: веб-сервис [Электронный ресурс]* // Система автоматического выявления и измерения звуковой связности текста Phonotext. Режим доступа: <http://www.syllabica.com/phonotext/> (дата обращения: 10.03.2021).
10. *Векишин Г.В.* Очерк фоностилистики текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М.: МГУП, 2006.
11. *Векишин Г.В.* Фонографическая структура русского стиха в аспекте эстетического выражения: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
12. *Векишин Г.В.* К проблеме суперсегментной организации стиха: Лингвоэстетический аспект // *Вопросы языкознания*. 1989. № 6. С. 64—77.
13. *Векишин Г.В.* Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 90. С. 229—250.
14. *Векишин Г.В.* Когда приступим к подсчетам? (К дискуссии о формах и функциях звукового повтора и методах его изучения) // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 90. С. 268—277.
15. *Векишин Г.В.* Метатония (акцентный сдвиг) в системе фоностилистических приемов текста // *Лингвистика креатива: Коллект. монография / Отв. ред. Т.А. Гридина*. Екатеринбург, 2009. С. 194—215.
16. *Векишин Г.В.* Взгляды О. Брика на звуковой повтор и фоносиллабика стихотворного текста // *Поэтика и фоностилистика: Бриковский сборник. Выпуск 1: Материалы международной научной конференции «I-е Бриковские чтения: Поэтика и фоностилистика*. М.: МГУП, 2010. С. 129—152.
17. *Векишин Г.В.* Рифма — внутренняя рифма — аллитерация (силлабоцентрический взгляд) // *Славянский стих. IX. М.: Рукописные памятники Древней Руси*, 2012. С. 152—164.
18. *Векишин Г.В.* Метатезис в детской речи и строение звукового повтора // *Методология и практика русского формализма: Бриковский сборник. Выпуск II*. М.: Азбуковник, 2014. С. 177—180.
19. *Векишин Г.В.* Звуковая форма «Медного всадника» — по версии Н.А.Кожевниковой и на выходе программы Phonotext // *Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования*. М.: Азбуковник, 2016. С. 776—792.
20. *Векишин Г.В.* Фоносиллабема — элементарная операциональная единица творческой языковой способности (поэзия, детская речь, языковая игра) // *Лингвистика креатива-4: Коллект. монография / под общей ред. Т.А. Гридиной*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2018. С. 49—74.
21. *Vekshin G., Barash O.* Some Characteristics of Sound Patterns in English Verse // *Quantitative Approaches to Versification*, Petr Plecháč, Barry P. Scherr et al. (eds.). Praha: Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences, 2019. P. 11—22.

22. *Векшин Г.В.* Общая фонетика. М., 1979.
23. *Кодзасов С. В., Муравьева И. А.* Слог и ритмика слова в аллоторском языке // Актуальные вопросы структурной и прикладной лингвистики. М., 1980. С. 5—15.
24. *Князев С.В.* О критериях слогаделения в современном русском языке: теория волны сорности и теория оптимальности // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 84—102.
25. *Илюшин А.А.* О внутренних рифмах и слоговых созвучиях в стихе // Русский язык в школе. 1974. № 6. С. 50—54.
26. *Двнятин Ф.Н.* Омосиллабические серии в русской поэтической традиции // Поэтика и фоностилистика: Бриковский сборник. Вып. 1. М., 2010. С. 153—163.
27. *Пильщиков И.А.* Семиотика фонетического перевода // Пограничные феномены культуры: Перевод. Диалог. Семиосфера. Материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском университете (4—7 июня 2009 г.). Таллинн, 2011. С. 54—92.
28. *Шоу Дж.Т.* Поэтика неожиданного у Пушкина: нерифмованные строки в рифмованной поэзии и рифмованные строки в нерифмованной поэзии. М.: Языки славянской культуры, 2002.
29. *Якобсон Р.О.* О так называемой вокальной аллитерации в германском стихе // Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. С. 126—137.
30. *Noyes C.* (1914). Poetry: General Introduction // *The Harvard Classics* / C.W. Eliot (Ed.). Vol. 51. New York: P.F. Collier & Son, 1914. P. 48—65.
31. *Поливанов Е.Д.* Аллитерация // Литературная энциклопедия: В 11 т. Т. 1. М., 1930. С. 96—97.
32. *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка // Литературный факт. М.: Высш. шк., 1993. С. 23—120.
33. *Новиков Л.А.* Структура эстетического знака и остраннение // Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. М.: РУДН, 2001. С. 56—77.
34. *Мерлин В.В.* А.С. Пушкин и развитие звуковой организации русского стиха: XVIII—начало XIX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Ленинград: ЛГПИ им. Герцена, 1982.
35. *Якубинский Л.П.* Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках / Язык и его функционирование. М., 1986. С. 177—182.
36. *Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В.* Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004.
37. *Шапир М.И.* «Тебе числа и меры нет». О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // Вопросы языкознания. 2005. № 1. С. 43—62.
38. *Муравьев С.Н.* Скрытая гармония: Подготовительные материалы к описанию поэтики Гераклита на уровне фонем // Палеобалканистика и античность. М., 1989. С. 145—164.
39. *Виноградов В.В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
40. *Григорьев В.П.* Поэтика слова. М.: Наука, 1979.
41. Соссюр Ф. де. Отрывки из тетрадей Ф. де Соссюра, содержащих записи об анаграммах // Труды по языкознанию. М.: Наука, 1977. С. 635—649.
42. *Северская О.И., Преображенский С.Ю.* Паронимическая аттракция в системе средств синтаксической организации текста // Проблемы структурной лингвистики. 1985—1987. М.: Наука, 1989. С. 261—271.
43. *Левин Ю.И.* Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998.
44. *Томашевский Б.В.* Писатель и книга. Очерки текстологии. Прибой, 1928.
45. *Малеча Н.М.* О перестановке звуков в словах: (По материалам диалекта уральских казаков). Уральск: Уральский гос. пед. ин-т им. А.С. Пушкина, 1963.
46. *Брик О.М.* Звуковые повторы (Анализ звуковой структуры стиха) / Предисл. и коммент. Г.В. Векшина // Методология и практика русского формализма: Бриковский сборник. Выпуск II. М.: Азбуковник, 2014. С. 503—563.
47. *Реформатский А.А.* Неканоничная фонетика // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 96—109.
48. *Sobkowiak W.* Metaphonology of English Paronomasic Puns. Frankfurt: Peter Lang, 1991.
49. *Журавлев А.П.* Фонетическое значение. Л.: ЛГУ, 1974.

50. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. М.: URSS, 2006.
51. *Bailey Todd M.* Determinants of Wordlikeness: Phonotactics or Lexical Neighborhoods? // *Journal of Memory and Language*. 2001. № 44. P. 568—591.
52. *Katz Jonah.* Hip-hop rhymes reiterate phonological typology // *Lingua*. June 2015. № 160. P. 54—73.
53. *Kawshara Shigeto, Shinohara Kazuko.* The role of psychoacoustic similarity in Japanese puns: A corpus study // *Journal of Linguistics*. 2009. № 45. P. 111—138
54. *Казарцев Е.В.* Сравнительное стиховедение: метрика и ритмика. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2017.
55. *Толстая Е.Д.* Звукопись у Толстого // *Игра в классики. Русская проза XIX—XX веков*. М.: НЛЮ, 2017.
56. *Николаева Т.М.* Функциональная нагрузка повторов и антитез в одном стихотворении // *От значения к форме, от формы к значению : сб. статей к 80-летию А.В. Бондарко*. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 415—431.
57. *Илюшин А.А.* [Рец.] Г.В. Векшин. Очерк фоностилистики текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования. Монография // *Вопросы литературы*. 2007. № 6. С. 356—359.
58. *Зубова Л.В.* Звуки поэзии (К статье Г.В. Векшина «Метафония в звуковом повторе») // *НЛЮ*. 2008. № 2.
59. *Векшин Г.В., Лоскот Я.Е.* Набоков и Мандельштам: два типа звуковой техники (На материале данных веб-сервиса Phonotext // *Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы XX Международной научной конференции...* / отв. ред. А. В. Пузырев. М.: МПГУ, 2020. С. 137—143
60. *Левинтон Г.А.* Заметки о паронимии. I: Паронимии и подтексты у Набокова // *На меже меж голосом и эхом : сб. статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян*. М.: Новое издательство, 2007.
61. *Маяковский В.В.* (1959). Как делать стихи? // *Полное собрание сочинений : в 13 т. М.: Худож. лит., 1955—1961. Т. 12. 1959. С. 81—117.*

Сведения об авторах:

Векшин Георгий Викторович, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; *e-mail*: philologos@yandex.ru

Герцев Михаил Николаевич, кандидат физико-математических наук, Московский физико-технический институт

Лоскот Ярослав Евгеньевич, Московский политехнический университет

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-619-631
УДК 811.161.1'271.16'276.12:004

Научная статья / Research article

Дифференцированный анализ речевого жанра «оскорбление» на материале сообщений социальной интернет-сети

Л.Р. Комалова¹✉, Т.И. Голощапова²

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
117418, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 51/21

²Московский государственный лингвистический университет,
119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, 38
✉komalova@inion.ru

Аннотация. Исследование речевой коммуникации, опосредованной интернет-средой, представляется актуальным в силу динамичного развития языка Интернета, неcodифицированности языка Интернета, правовой нерегламентированности интернет-пространства, дублирования социальных практик и процессов в виртуальной среде. В фокусе внимания настоящего исследования находится один из конфликтных жанров (актов) речевой коммуникации, который в интернет-коммуникации является частотным, — речевой жанр оскорбления. Речевые действия в жанре оскорбления в некоторых случаях приобретают характер незаконных действий и рассматриваются с позиций правоприменения в практике лингвистов-экспертов. Новизна настоящего исследования состоит в дифференцированном подходе к понятию «оскорбление» применительно не только к бинарному делению его толкования в рамках обыденной логики и правовых оснований, но и к исследованию отличительных характеристик данного явления в преломлении к различным юридическим трактовкам (в уголовном, гражданском, административном кодексах). Материалом исследования выступили письменные сообщения русскоязычных пользователей социальной интернет-сети «ВКонтакте», которые рассматривались сквозь призму положений статьи 5.61 «Оскорбление» КоАП РФ. В ходе исследования было выявлено, что даже в составе специализированного корпуса сообщений, воспринимаемых реципиентами как оскорбительные, доля сообщений, соответствующих критериальной базе оскорбления (в соответствии со ст. 5.61 КоАП РФ), ничтожно мала.

Ключевые слова: прагматика, корпусная лингвистика, лингвистическая экспертиза, оскорбление, речевой жанр, речевой акт, интернет-коммуникация, социальная интернет-сеть, язык Интернета

Финансирование. Благодарности.

Проект «Математическое сопровождение лингвистической экспертизы» поддержан в рамках работы Первого воркшопа Математического центра в Академгородке (13.07—14.08.2020 г.).
<http://mca.nsu.ru/workshop/>.

© Комалова Л.Р., Голощапова Т.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.05.2021

Для цитирования:

Комалова Л.Р., Голощанова Т.И. Алгоритмизация анализа сообщений социальной интернет-сети, в которых прослеживаются признаки речевого акта оскорбления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 619—631. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-619-631

UDC 811.161.1'271.16'276.12:004

Differentiated Analysis of the «Insult» Speech Genrebased on Messages from a Social Network Internet Sites

Liliya R. Komalova¹✉, Tatiana I. Goloshchapova²

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
51/21, Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117418

²Moscow State Linguistic University,
38, Ostozhenka str., Moscow, Russian Federation, 119034

✉komalova@inion.ru

Abstract. The study of Internet mediated speech communication seems relevant due to the dynamic development of the Internet language, the lack of its codification and legal regulation, duplication of social practices and processes in the virtual environment. The present research is focused on one of the conflicting speech genres (speech acts), which is frequent within Internet communication. Speech actions in the genre of insult in some cases acquire illegal actions and are considered from the standpoint of law enforcement in the practice of forensic linguistics. The novelty of this study lies in the differentiated approach to insults as applied not only to the binary division of its interpretation within the ordinary logic and legal grounds, but also to the study of the distinctive characteristics of this phenomenon in refraction to various legal interpretations (in the criminal, civil, administrative codes). We analyzed written messages of Russian-speaking users of the social network site “VKontakte”, which were considered through the prism of the provisions of Article 5.61 “Insult” of the Administrative Code of the Russian Federation. In the course of the study, it was revealed that even within a specialized dataset of messages, perceived by the recipients as insulting messages, the share of messages corresponding to the criterion basis of insult (Article 5.61) is negligible.

Key words: pragmatics, corpus linguistics, linguistic expertise, insult, speech genre, speech act, Internet communication, social network site, Internet language

Acknowledgement:

The research done for this work has been supported by the 1st Workshop at the Mathematical Center in Akademgorodok (project No 26 “Mathematical support for linguistic expertise”, 13 July—14 August, 2020) <http://mca.nsu.ru/workshopen/>.

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.05.2021

For citation:

Komalova, L.R. & Goloshchapova, T.I. (2021). Algorithmization of Potentially Insulting Speech Acts Analysis: Messages Posted on Social Network Site. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 619—631. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-619-631

Концептуализация понятия «оскорбление»

Речевой акт оскорбления в современном обществе обсуждается далеко за пределами профессионального сообщества лингвистов. В настоящее время данный вид речевых актов стал предметом публичной дискуссии в СМИ, социальных медиа, основанием для спекуляций в политической коммуникации и рабочим понятием в правовой среде. В последнем случае лексема «оскорбление» чаще ассоциируется с фактом унижения чести и достоинства гражданина и личности.

Честь и достоинство являются неотъемлемыми личными правами всех граждан Российской Федерации и охраняются законом. Как «честь», так и «достоинство» являются полисемичными понятиями, относящимися к философской, социокультурной (мировоззренческой), социолингвистической терминологии¹. Цивилизационные подходы к семантическому наполнению понятий «честь» и «достоинство» разнятся от эпохи к эпохе, но тенденции к абсолютизации этих понятий как высшей личностной оценки индивида приводят к закреплению этих номинаций в глоссариях международных конвенций, национальных законов, имеющих высшую юридическую силу конституций.

Конституционный смысл права защиты своего достоинства заключается в том, что государство будет способствовать гражданину в равноправном социальном взаимодействии с другими членами общества, а при возникновении ситуации нарушения права выступит в роли арбитра и гарантирует возможность восстановления нарушенного права любыми законными способами (см. ст. 152 ГК РФ [5]). При этом честь и достоинство остаются субъективными категориями, то есть каждый гражданин, принимая право уважения себя другими, априори обязуется не умалять, не унижать честь и достоинство иных членов социума. Субъективность также выражается в индивидуальном представлении о пуле нравственных, интеллектуальных, этических, духовных составляющих социальной ценности и востребованности личности.

Учитывая требование установить факт нарушения права человека и субъективный или множественный характер интерпретации оскорбления, правоохранители вынуждены обратиться к профессиональному сообществу для проведения речеведческой экспертизы спорного речевого произведения². «Сегодня в сфере судопроизводства судебная лингвистическая экспертиза, входящая в класс судебных речеведческих экспертиз, — одно из наиболее интенсивно и экстенсивно развивающихся направлений судебно-экспертной

¹ Подробнее о соотношении понятий «честь» и «достоинство» см. в работах [1—4].

² К судебной лингвистической экспертизе помимо лингвиста-эксперта могут привлекаться лингвисты-аналитики (ученые-исследователи, консультанты и узкие специалисты).

деятельности» [6. С. 105]. Это связано в том числе и с ростом числа дел по материалам, размещенным в социальных-интернет сетях, блогах, форумах и др. публичных цифровых коммуникативных площадках в Интернете.

Интернет-опосредованная коммуникация и язык Интернета

Будучи электронной, глобальной и интерактивной средой, Интернет в значительной степени повлиял на язык своих пользователей (см. [7; 8]). Язык Интернета не гомогенен, и его характеристики во многом зависят от ситуации общения. Значимым в рамках настоящего исследования является то, что язык Интернета не кодифицируется, что подтверждается его вариативностью и динамичностью, с которой он развивается.

Язык Интернета сочетает в себе характеристики как устной, так и письменной форм речи (см. например [9. Р. 16—32]). Несмотря на то, что коммуникация посредством электронных писем, общение в чатах, дискуссии в комментариях осуществляется в письменной форме, они несут ключевые характеристики устной речи: коммуникация определена во времени, кратковременна, предполагает ответную реакцию. Компенсация невербальной коммуникации может производиться следующим образом: (1) «“эмоциональный дефицит” компенсируется путем введения в виртуальную среду частично типизированных эмоциональных реакций — “смайликов” или “эмодзи”»; (2) «недостаток тембрального выражения и акцентирования части фразы замещается в виртуальном общении написанием заглавными буквами, которое носит разговорное название “Капс”» [10. С. 21].

В силу ограниченности таких средств участники коммуникации не могут в полной мере оценить успешность своего сообщения и его понимание со стороны адресата. Кроме того, коммуникация в интернет-среде происходит асинхронно [11. Р. 4] и теряет ритм, характерный для устной коммуникации: ответ адресата может занимать от нескольких секунд до месяцев, что вызывает у участников коммуникации негативную реакцию, которая может усиливаться, когда в ситуацию общения вовлечено одновременно много пользователей³.

Представители интернет-лингвистики склонны рассматривать язык Интернета как специфическую гибридную форму речи (см. [14. Р. 56—76]), а интернет-коммуникацию — как «коммуникативное взаимодействие в глобальной компьютерной сети Интернет пользователей с различным культурным уровнем и уровнем образованности» [15. С. 13]. Иными словами, объектом лингвистического исследования становятся «функционирование языка в интернет-пространстве и лингвистическая составляющая интернет-общения и текстов, рожденных в Интернете» [там же].

Работа с речевыми продуктами интернет-пользователей требует от лингвиста-аналитика не только владения методами и средствами исследования

³ Подробнее о свойствах интернет-опосредованной коммуникации см. в работах [11—13].

системы языка и его элементов⁴ с учетом специфики интернет-коммуникации, но и навыков обращения с большими массивами текстовых данных, которые составляют коммуникативную ситуацию, в которой рассматривается исследуемое речевое произведение, т.е. погружения в «индивидуально-конкретный контекст порождения исследуемого речевого произведения» [6. С. 111]. Это сближает профессиональные позиции лингвиста-эксперта и лингвиста-аналитика, не делая, однако, их равнозначными по функциям и компетенциям.

В настоящей статье речь идет о деятельности лингвистов-аналитиков, которая направлена на исследование вербализуемых оскорблений в социальной интернет-сети «ВКонтакте».

Отдельно следует сослаться на особенности коммуникации в социальных интернет-сетях. Принято считать, что шкалы личностных ценностей (например, шкала ценностей Рокича или шкала ценностей Шварца) градируются не только самооценкой, но и социальным окружением. По этой причине человек находится в постоянном поиске новых средств социального одобрения своих поступков, идеалов, представлений об окружающем мире, а также жаждет выступить экспертом в оценке достижений как можно большего числа представителей своего сообщества. В этом ракурсе социальные интернет-сети становятся пространством социализации [16; 17] и самоидентификации (формирования самооценки и образа себя) [18. Р. 50, 70]. «В нас присутствует основной биологический императив: общаться с другими людьми. Это напрямую влияет на выброс дофамина в мезолимбический тракт. В основе этой системы лежат миллионы лет эволюции, поэтому мы собираемся вместе и живем сообществом, находим партнеров, размножаемся как вид. Так что нет сомнений, что такая среда как социальная сеть, оптимизирующая связи между людьми, будет иметь потенциал к аддиктивности» [19].

Дискурсивная природа оскорбления

Оскорбление рассматривается нами как речевой акт (жанр) конфликтного типа (см. подробнее в [20. С. 68—93]). Оскорбление — это речевой жанр, в котором отрицательное мнение говорящего об адресате / его действиях выражается в неуважительной форме с намерением унижить и обидеть адресата сообщения [21. Р. 143]. Несмотря на то, что с позиций таксономии Дж.Р. Серля оскорбление можно отнести к ассертивам (его пропозициональное содержание часто можно оценить как истинное или ложное), оно лучше всего вписывается в категорию экспрессивов, поскольку касается вербализации психологического состояния говорящего (враждебность по отношению к адресату), а не приверженность истинности высказанного предложения.

⁴ «Лингвист-аналитик рассуждает на уровне теоретических обобщений наблюдений о языке и речи, абстрагируясь от индивидуально-конкретных условий порождения конфликтогенного или криминогенного текста» [6. С. 111].

В деятельности лингвиста-эксперта содержание понятия «оскорбление» может раскрываться через понятие «коммуникативная перверсия⁵» и подразумевает реализацию следующих основных «стратегий речевого поведения: 1) *диффамация* — публичное распространение сведений, порочащих кого-либо; 2) *вербальная дискриминация* — выражение в речи своего превосходства по расовым, национальным, имущественным или иным причинам; 3) *вербальная дискредитация* — подрыв авторитета, умаление значения кого-либо, подрыв доверия; 4) *вербальная инсинуация* — создание предпосылок негативного восприятия социального имиджа кого-либо» [22. С. 52—53]. В ситуации общения в структуре речевого жанра «оскорбление» обнаруживаются следующие составляющие: «1) внешнеинституциональный компонент (публичность, официальная обстановка и т.п.); 2) участники ситуации и соотношение их социальных ролей; 3) интенция автора (иллокутивная сила); 4) перлокутивный компонент, соотносящий высказывание с тем воздействием, которое оно оказывает на адресата» [23. С. 269].

При работе с оскорблениями лингвист сталкивается с рядом проблем. С одной стороны, ориентированность исследователей (лингвистов-аналитиков) на субъективное восприятие объекта оскорбления приводит к тому, что речевые произведения, помечаемые наивным пользователем как оскорбительные, не могут рассматриваться как факты, подлежащие правовому регулированию. С другой стороны, ориентированность лингвистов-экспертов на обязательное установление всех⁶ диагностических признаков оскорбления в речевом произведении «развязывает руки» интернет-пользователям, пренебрегающим нормами цивилизованного речевого поведения.

Выходом из сложившейся ситуации мог бы стать промежуточный институт общественной саморегуляции в рамках конкретной социальной интернет-сети, основанный на обработке больших массивов данных лингвистическим процессором, а также с встроенным механизмом обращения интернет-пользователей к держателям социальной интернет-сети. На территории РФ первые шаги в этом направлении предпринимаются крупными технологическими компаниями и научно-исследовательскими центрами (см. например [25; 26]).

⁵ Под коммуникативной перверсией понимается «речевое решение, подчиненное выбору речевых тактических ходов, приводящих к нарушению социокультурной нормы и наносящих вред социальной привлекательности личности путем использования маркеров такой речевой модели социальной стратификации, с которой лицо не может согласиться ввиду потери прежнего авторитета или самоуважения» [22. С. 49—50].

⁶ Сообщение негативных сведений о лице; отнесенность негативных сведений к конкретному лицу; фактологический характер негативных сведений; публичный характер распространения сведений; порочащий характер данных сведений (то есть выраженное в языковой форме указание на нарушение конкретных моральных норм или законов); информационная (а не субъективно-эмоциональная) цель сообщения; неприличная (то есть нецензурная) форма высказывания; обобщенность негативной характеристики адресата; наличие доказанного умысла на оскорбление; несоответствие сообщаемых о лице или организации негативных сведений действительности [24. С. 44—45].

Методика и процедура исследования

Новизна проводимого исследования состоит в дифференцированном подходе к понятию «оскорбление» применительно не только к бинарному делению его толкования в рамках обыденной логики и правовых оснований, но и к исследованию отличительных характеристик данного явления в преломлении к различным юридическим трактовкам (в уголовном, гражданском, административном кодексах).

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что в рамках социально-сетевой коммуникации в Интернете доля сообщений, классифицируемых с опорой на текст законодательного акта как оскорбление, крайне мала даже при условии нестрогости соответствия диагностическим критериям.

Применяемый подход можно назвать квазиправовым, т.к. он подразумевает опору на законодательное описание оскорбления, однако диагностические признаки представляются не столь дискретными, как это принято при проведении лингвистической экспертизы в рамках судопроизводства (см. например [24. С. 34—45; 27, С. 233—235]).

На начальном этапе работы был проведен семантический анализ текста статьи 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — ст. 5.61 КоАП), что позволило выявить следующие критерии, которые мы применяли как формальные признаки для решения классификационной задачи (в терминах компьютерной лингвистики) выявления сообщений в жанре оскорбления:

1) наличие в сообщении неприличной формы⁷ (словоформы с неприличным корнем «е*ло», «х*й», «п**да», «м**да», «б**дь»);

2) наличие в сообщении лексических маркеров, фиксирующих направленность высказывания на интернет-пользователя — участника коммуникации (комментарии с прямыми обращениями к одному из участников переписки получали метку person, только если прямое обращение заменялось на «ты / Вы» словоформу);

3) наличие в сообщении лексики, которая репрезентирует аморальные и порицаемые обществом качества характера и поведения человека⁸.

Материалом исследования послужил исследовательский корпус, который формировался из письменных сообщений, опубликованных в открытых источниках социальной интернет-сети «ВКонтакте». За единицу анализа было принято сообщение (комментарий) интернет-пользователя к одной из записей открытого тематического сообщества (паблика) на русском языке.

⁷ Применительно к русскому языку за бранной (матерной, обценной) лексикой закреплена неприличная форма выражения.

⁸ Данный критерий вызвал большую дискуссию между исполнителями проекта и аннотаторами, т.к. формализовать его не удалось. Однако была принята конвенция, в рамках которой аннотаторы полагались на свое языковое чутье и лекционный материал по теме «Философские основы морали и нравственности».

Сообщение классифицировалось как оскорбительное при условии соответствия трем обозначенным выше критериям.

Результаты исследования

В сформированном специализированном корпусе данных [28] можно выделить следующие подкорпусы:

* подкорпус сообщений с обценной лексикой в реальных контекстах употребления;

* подкорпус сообщений с лексикой, несущей семантику аморальности и порицаемости, в реальных контекстах употребления;

* подкорпус сообщений, в которых прослеживается состав правонарушения в соответствии со ст. 5.61 КоАП РФ.

Данный корпус представляет «коллекцию» прецедентов с исследуемыми сущностями.

Следует отметить, что даже в составе специализированного корпуса сообщений, воспринимаемых реципиентами как оскорбительные, доля сообщений, соответствующих критериальной базе оскорбления (в соответствии со ст. 5.61 «Оскорбление» КоАП РФ), ничтожно мала (1,1%). Это свидетельствует о низкой вероятности обращений в суд по факту административного правонарушения по ст. 5.61 на основе речевой коммуникации в социальных интернет-сетях, даже несмотря на то, что такое общение имеет публичный характер и автоматически фиксируется в письменной форме.

Содержательно корпус сообщений, в которых прослеживается состав правонарушения по ст. 5.61, характеризуется:

(1) преобладанием небольших сообщений (средняя длина сообщения составляет 14 словоформ, наиболее частотными являются сообщения до 10 словоформ)⁹,

(2) наличием сообщений с использованием зоосемантизмов в инвективном залоге (например: *сука, сучка, сучонок, окунь, петух, крыса, козел, овце*б*), а также

(3) наличием отсылок к национальности объекта оскорбления (например: *армяшка, азер, хохол, еврей*).

В сформированном корпусе сообщений обценными лексемами, наиболее частотно используемыми в инвективном залоге (междометное употребление бранной лексики не включалось в подсчеты), выступают вариации с корнем «е*ло» (вероятно, в силу применимости к любому гендеру). К частотно используемым лексемам, несущим семантику аморальности и порицаемости, относятся вариации слова «педераст» (*педорас, пидор, пидормот, пидр, pedrilo, pedrilo*) и группа слов, синонимично соотносящихся со

⁹ Семантический анализ сообщений проводился с использованием семантического анализатора *istio*: (<https://istio.com>). В подсчет включались стоп-слова.

словом «проститутка» (*иллюха, проимандовка, долбанка, проститутка*). Сообщения, как правило, строятся по модели «местоим. + гл. + им. сущ.» (ты есть это), в которой глагольный компонент может опускаться, а местоименный компонент заменяться никнеймом объекта, на который направлено оскорбление.

Заключение и обсуждение

Сложность решения поставленной в исследовании задачи обусловлена тем, что в диспозицию статьи 5.61 КоАП РФ «Оскорбление» включены нравственные категории «честь» и «достоинство», которые не имеют кодифицированного юридического значения.

Существенным подспорьем для исследования явилось ограничение состава административного правонарушения выражением оскорбления в неприличной форме. Кроме того, при анализе речевого материала принималась во внимание обязательность направленности оскорбления на другое физическое лицо (ты / вы направленная лексика), а также наличие в сообщении семантической отсылки к аморальности и порицаемости объекта оскорбления или его поведения и действий.

За пределами исследовательского внимания осталось установление субъективной стороны административного правонарушения: никак не маркировались умысленность оскорбления и оценка осознанности деяния, а также степень воздействия на объект оскорбления. По нашему мнению, установление субъективного состава правонарушения является исключительной прерогативой суда.

Подводя итог, следует сказать, что ценным результатом исследования стало создание корпуса письменных сообщений (речевых продуктов) из открытых данных социальной интернет-сети «ВКонтакте», в котором обнаруживаются сообщения, потенциально классифицируемые как оскорбления в соответствии со статьей 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Сформированный корпус представляет практический интерес для дальнейших исследований в области лингвистической экспертизы речевой продукции пользователей социальной интернет-сети «ВКонтакте», а также для обучения методикам анализа спорных речевых продуктов на базе интернет-опосредованной квазиспонтанной коммуникации.

Применение полученных результатов в практике экспертизы позволяет выявить и исключить текстовые сообщения в социальной интернет-сети, которые в обыденном понимании воспринимаются как оскорбления, но в правовом поле статьи 5.61 КоАП РФ не являются правонарушением. Таким образом, полученные результаты, с одной стороны, позволяют наивным носителям языка и лингвистам-аналитикам классифицировать сообщения как оскорбительные в рамках положений ст. 5.61 «Оскорбление» КоАП РФ; с другой стороны, результаты можно использовать для снижения нагрузки по формальной экспертизе и повышения производительности в отношении экспертизы по содержанию.

По нашему мнению, формализация оскорбления имеет общегуманитарную ценность, так как этот жанр рассматривается в рамках психологического насилия. Полагаясь на тенденции в практике судебных лингвистических экспертиз, следует прогнозировать, что язык социальных интернет-сетей, мессенджеров, электронной почты, чатов, блогов как отдельная форма речевой деятельности станет основным объектом исследования судебных лингвистов-экспертов в ближайшем будущем. Язык Интернета — это многокомпонентный объект, позволяющий в пределах одного сообщения сочетать такие нетрадиционные для письменной формы речевой коммуникации элементы, как графика в качестве эмоциональной «интонации», псевдослова, полилингвальность. Для изучения такого сложного объекта к судебной лингвистической экспертизе помимо лингвиста-эксперта следует привлекать лингвистов-аналитиков (ученых-исследователей, консультантов и узких специалистов).

Библиографический список

1. Сафонова А.К. К вопросу о соотношении понятий «Честь» и «Достоинство» // Вестник Московского университета МВД. 2013. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiiy-chest-i-dostoinstvo> (дата обращения: 01.12.2020).
2. Комиссарова Е.Г. Конструкция права на честь и достоинство: Проблемы интерпретации // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов: Избранные материалы. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2016. С. 240—247.
3. Турчина О.В., Шмаков В.Н. Вопросы защиты чести, достоинства и деловой (профессиональной) репутации. Хабаровск: Хабаровск. гос. ун-т экономики и права, 2017.
4. Остапец Е.Н. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты правовой защиты // Юридический факт. 2018. № 34. С. 49—53.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) (ред. от 31.07.2020 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/1de6cd3cbb386056a2ecd2c64ff087b13c8de585/ (дата обращения: 01.12.2020).
6. Галышина Е.И. Разграничение деятельности судебного эксперта-лингвиста и лингвиста-аналитика: компетенции, методы и технологии // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. № 1(15). С. 104—129. DOI: 10.30842/alp2306573715105
7. The multilingual Internet: Language, culture, and communication online. Oxford: Oxford University Press, 2007.
8. McCulloch M. Because Internet: Understanding the new rules of language. New York: Riverhead Book, 2019.
9. Crystal D. Internet Linguistics: A Student Guide. Routledge, 2011.
10. Тюленева В.Н., Шушарина И.А. Язык Интернета: Характеристика, особенности и влияние на речь // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 1(48). С. 20—25.
11. Enarsson Th., Lindgren S. Free speech or hate speech? A legal analysis of the discourse about Roma on Twitter // Information & Communications Technology Law. 2019. No 28(1). P. 1—18. DOI: 10.1080/13600834.2018.1494415
12. Crystal D. The language revolution. Malden: Polity Press Ltd., 2008.
13. Ахренова Н.А. Интернет-лингвистика: Новая парадигма в описании языка Интернета // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. 2016. № 3. С. 8—14.

14. *Потанова Р.К.* Социально-сетевой дискурс как объект междисциплинарного исследования // *Материалы Второй междунаро. научн. конф. «Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы»*. М.: МГЛУ, 2014. С. 20—22.
15. *Шляхов Д.А.* Жанровые характеристики блогов как электронных средств массовой коммуникации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. № 8(4). С. 939—948. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948
16. *Miconi A.* Under the skin of the networks: How concentration affects social practices in web 2.0 environments // *Unlike Us Reader: Social media monopolies and their alternatives*. Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2013. P. 89—102.
17. *Kennedy J.* Rhetorics of sharing: Data, imagination, and desire // *Unlike Us Reader: Social media monopolies and their alternatives*. Amsterdam: Institute of Network Cultures, 2013. P. 127—136.
18. *Durán Sánchez C.A.* Aspectos interventores en la participación política y electoral de jóvenes. Una reflexión sobre la información, interacción y difusión de contenidos en redes sociales para futuras investigaciones en Santander // *Desafíos*. 2015. No 27(1). P. 47—81. DOI: dx.doi.org/10.12804/desafios27.01.2015.02
19. *Lambke A.* The Social Dilemma // Netflix, Documentary films. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.netflix.com/ru-en/title/81254224> (дата обращения: 01.12.2020).
20. *Комалова Л.Р.* Агрессогенный дискурс: Типология мультилингвальной вербализации агрессии. М.: Спутник +, 2017; 2020.
21. *Špago D., Maslo A., Špago-Ćumurija E.* Insults speak louder than words: Donald Trump's tweets through the lens of the speech act of insulting // *Folia Linguistica et Litteraria*. 2019. № 27. P. 139—159.
22. *Кусов Г.В.* Коммуникативная перверсия как способ диагностики искажений при оскорблении // *Юрислингвистика*. 2005. № 6. С. 43—55.
23. *Шахматова Т.С.* Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2013. № 155 (5). С. 267—278.
24. *Лингвистическая экспертиза / Ярошук И.А., Жукова Н.А., Долженко Н.И.* Белгород: БелГУ, 2020.
25. *ИИ из Сибири отыщет в Сети завуалированную «запрещенку»* // *Роскомсвобода*. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://roskomsvoboda.org/53920/> (дата обращения: 01.12.2020).
26. *Новости для прессы* // *ВКонтакте*. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/press/no-hate-speech> (дата обращения: 01.12.2020).
27. *Теоретические и методические основания психо-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секараж Т.Н.* М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2011.
28. *MCA Workshop — Toxic comments / Komalova L., Goloshchapova T., Motovskikh L., Epifanov R., Morozov D., Glazkova A.* 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://data.mendeley.com/datasets/fktgy52645/1> (дата обращения: 01.12.2020).

References

1. Safonova, A.K. (2013). To A Question on a Parity of Concepts «Honor» and «Advantage». *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1. [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sootnoshenii-ponyatiy-chest-i-dostoinstvo> (accessed: 01.12.2020). (In Russ.).
2. Komissarova, E.G. (2016). The construction of the right to honor and dignity: Problems of interpretation. In: V.G. Golubcov, O.A. Kuznecova (Eds.). *6th Permskij kongress uchenyh-juristov: Izbrannye materialy*. Perm: Perm. gos. nac. issled. un-t. pp. 240—247. (In Russ.).

3. Turchina, O.V. & Shmakov, V.N. (2017). *Protection of honor, dignity and business (professional) reputation*. Khabarovsk: Khabarovsk State University of Economics and Law. (In Russ.).
4. Ostapets, E.N. (2018). Honor, dignity and business reputation as objects of legal protection. *Juridicheskij fakt*, 34, 49—53. (In Russ.).
5. *Civil Code of the Russian Federation* (as amended on July 31, 2020). [Electronic resource] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/1de6cd3cbb386056a2ecd2c64ff087b13c8de585/ (accessed: 01.12.2020). (In Russ.).
6. Galyashina, E. (2019). The distinction between the forensic linguistic and scientific activity of linguist analyst: Competencies, methods and technologies. *Acta Linguistica Petropolitana*, 1(15), 104—129. DOI: 10.30842/alp2306573715105 (In Russ.).
7. *The multilingual Internet: Language, culture, and communication online* (2007). Oxford: Oxford University Press.
8. McCulloch, M. (2019). *Because Internet: Understanding the new rules of language*. New York: Riverhead Book.
9. Crystal, D. (2011). *Internet Linguistics: A Student Guide*. Routledge.
10. Tuleneva, V.N., Shusharina, I.A. (2018). Internet-language: Profile, characteristic features and effect on speech. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(48), 20—25. (In Russ.).
11. Enarsson, Th., Lindgren, S. (2019). Free speech or hate speech? A legal analysis of the discourse about Roma on Twitter. *Information & Communications Technology Law*, 28(1), 1—18. DOI: 10.1080/13600834.2018.1494415
12. Crystal, D. (2008). *The language revolution*. Malden: Polity Press Ltd.
13. Akhrenova, N.A. (2016). Internet Linguistics: A new paradigm of the description of the language. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo social'no-gumanitarnogo instituta*, 3, 8—14. (In Russ.).
14. Potapova, R.K. (2014). Social network discourse as an object of interdisciplinary research. In: *Proceedings of the II International conference "Discourse as social activity: priorities and perspectives"* (pp. 20—22). Moscow: MSLU. (In Russ.).
15. Shlyakhovoy, D.A. (2017). Genre features of blogs as electronic means of mass communication. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 939—948. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-939-948 (In Russ.).
16. Miconi, A. (2013). Under the skin of the networks: How concentration affects social practices in web 2.0 environments. In: G. Lovink, M. Rasch (Eds.). *Unlike Us Reader: Social media monopolies and their alternatives* (pp. 89—102). Amsterdam: Institute of Network Cultures.
17. Kennedy, J. (2013). Rhetorics of sharing: Data, imagination, and desire. In: G. Lovink, M. Rasch (Eds.). *Unlike Us Reader: Social media monopolies and their alternatives* (pp. 127—136). Amsterdam: Institute of Network Cultures.
18. Durán Sánchez, C.A. (2015). Aspectos interventores en la participación política y electoral de jóvenes. Una reflexión sobre la información, interacción y difusión de contenidos en redes sociales para futuras investigaciones en Santander. *Desafíos*, 27(1), 47—81. DOI: [dx.doi.org/10.12804/desafios27.01.2015.02](https://doi.org/10.12804/desafios27.01.2015.02) (In Spanish).
19. Lambke, A. (2020). *The Social Dilemma*. In: *Netflix, Documentary films*. [Electronic resource] URL: <https://www.netflix.com/ru-en/title/81254224> (accessed: 01.12.2020).
20. Komalova, L.R. (2017, 2020). *Agressogen discourse: The multilingual aggression verbalization typology*. Moscow: Sputnik + Publ. (In Russ.).
21. Špago, D., Maslo, A. & Špago-Ćumurija, E. (2019). Insults speak louder than words: Donald Trump's tweets through the lens of the speech act of insulting. *Folia Linguistica et Litteraria*, 27, 139—159.
22. Kusov, G.V. (2005). Communicative perversion as a way to diagnose distortions when insulting. *Legal linguistics*, 6, 43—55. (In Russ.).

23. Shahmatova, T.S. (2013). Insult as a tool of linguistic violence in speech situations of institutional communication. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya. Gumanitarnye nauki*, 155(5), 267—278. (In Russ.).
24. Jaroshhuk, I.A., Zhukova, N.A. & Dolzhenko, N.I. (2020). *Linguistic expertise*. Belgorod: BelGU. (In Russ.).
25. AI from Siberia will find a veiled “forbidden” on the Web (2019). In: *Roskomsvoboda*. [Electronic resource] URL: <https://roskomsvoboda.org/53920/> (accessed: 01.12.2020). (In Russ.).
26. Press news (2020). In: *Vkontakte*. [Electronic resource] URL: <https://vk.com/press/no-hate-speech> (accessed: 01.12.2020). (In Russ.).
27. Kukushkina, O.V., Safonova, Ju.A. & Sekerazh, T.N. (2011). *Theoretical and methodological foundations of psycho-linguistic examination of texts in cases related to countering extremism*. Moscow: RFCSJe pri Minjuste Rossii. (In Russ.).
28. Komalova, L., Goloshchapova, T., Motovskikh, L., Epifanov, R. Morozov, D. & Glazkova, A. (2021). *MCA Workshop — Toxic comments* [Electronic resource] URL: <https://data.mendeley.com/datasets/fkty52645/1> (accessed: 01.12.2020).

Сведения об авторах:

Комалова Лилия Ряшитовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН); профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). *Сфера научных интересов*: экспериментальная лингвистика, лингвоконфликтология, речевое поведение и речевая деятельность, слуховая перцепция, психолингвистика, психология поведения, дискурсология, перцептивная лингвистика, корпусная лингвистика, нейролингвистика, поисковые системы и базы данных; *e-mail*: komalova@inion.ru ORCID: 0000-0002-0955-5315, eLIBRARY SPIN-код: 9330-0170

Голощанова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, эксперт. *Сфера научных интересов*: прикладная лингвистика, юридическая лингвистика; *e-mail*: titianatigr@gmail.com eLIBRARY SPIN-код: 6391-6260

Information about the authors:

Liliya R. Komalova, Doctor of Science in Linguistics, Leading Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Chair, Department of Applied and Experimental Linguistics, Moscow State Linguistic University. *Research interests*: experimental linguistics, linguaconflictology, speech behavior and speech activity, auditory perception, psycholinguistics, behavioral psychology, discoursology, perceptual linguistics, corpus linguistics, neurolinguistics, search engines and databases; *e-mail*: komalova@inion.ru ORCID: 0000-0002-0955-5315, eLIBRARY SPIN-code: 9330-0170

Tatiana I. Goloshchapova, PhD in Linguistics, expert. *Research interests*: applied linguistics, legal linguistics; *e-mail*: titianatigr@gmail.com, eLIBRARY SPIN-код: 6391-6260

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-632-651

UDC 811.111: 811.161.1'276.2'36:811.111

Research article / Научная статья

Morphological Peculiarities of Lexical Units of English Origin in Contemporary Russian Slang: Dictionary and Corpus Analyses

Marta Lacková

University of Zilina,
8215/1, Univerzitna, Zilina, Slovakia, 010 01
✉ marta.lackova@fhv.uniza.sk

Abstract. The paper deals with lexical units of English origin that have penetrated into contemporary Russian slang with the emphasis on their morphological features. The spread of these words in the Russian language provides a scientist with a linguistically challenging material since the English and Russian languages represent typologically diverse language systems. To begin with, the research focuses on the ratio of individual word classes within the studied material together with the representation of individual grammatical genders throughout. As nouns represent the most numerous group of the adapted lexemes, the main emphasis is put on their morphological adaptation into the Russian language, and at the same time, their most common morphological features are listed. The following traits belong to the marginal ones from the point of view of word classes: an Anglicism may be a component of several word classes and the here-studied Anglicisms only exceptionally do not keep their original categorial meanings. Additionally, they display differences in onomasiological categories across the studied field. Morphological features of Anglicisms in Russian slang are the combination of Russian and English morphological aspects of individual word classes. Furthermore, words borrowed from English acquire grammatical categories typical of their corresponding counterparts in the Russian language. As a final point, most Anglicisms in the Russian slang undergo conjugation and declination processes (98,5% of instances). The possible utilization of the research is noticeable in the areas of comparative and corpus linguistics and translatology when searching for equivalents of words in typologically different languages. What is more, its results are applicable in the methodology of teaching foreign languages. The whole linguistic material is investigated in the framework of the online dictionary of slang and the text corpus Russian Web 2011 (ruTenTen11) with the help of the search tool Sketch Engine. To reveal the complex sociolinguistic and psycholinguistic functioning of the Anglicisms in contemporary Russian slang, further research needs to be conducted.

Keywords: Anglicism, Russian slang, word class, lexical unit, grammatical category, noun, adaptation, corpus

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 01.06.2021

© Marta Lacková, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation:

Lacková, M. (2021). Morphological Peculiarities of Lexical Units of English Origin in Contemporary Russian Slang: Dictionary and Corpus Analyses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 632—651. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-632-651

УДК 811.111: 811.161.1'276.2'36:811.111

Морфологические особенности лексических единиц английского происхождения в современном русском сленге: словарный и корпусный анализ

Марта Лацкова

Жилинский университет,
01026, Словацкая Республика, Жилина, ул. Университна, 8215/1
✉marta.lackova@fhv.uniza.sk

Аннотация. Научная статья посвящена изучению англицизмов в современном русском сленге, причем специальное внимание уделяется исследованию их морфологической специфики. Распространение этих лексических единиц в русском языке дает возможность обработки лингвистически интересного материала, поскольку русский и английские языки представляют собой типологически различные языковые системы. В первую очередь внимание привлекает пропорция индивидуальных частей речи в анализированном нами материале. Ввиду того, что имена существительные составляют наиболее многочисленную группу адаптированных лексем, особенно выделяется их морфологическая адаптация в рамках русского языка, и в то же время перечисляются их наиболее распространенные морфологические признаки. Морфологические черты англицизмов в русском сленге представляют собой комбинацию русских и английских морфологических признаков данных лексических единиц. Кроме того, слова, заимствованные из английского языка, приобретают грамматические категории, типичные для их соответствующих аналогов в русском языке. Следующие особенности принадлежат к периферийным с точки зрения грамматических классов слов: один англицизм может относиться к нескольким частям речи, и только некоторые англицизмы не сохраняют оригинальных категориальных значений. Части речи, заимствованные из английского языка, принимают грамматические категории, типичные для соответствующих частей речи в русском языке. В последнюю очередь большинство англицизмов в русском сленге подлечит процессам конъюгации и деklinации — 98,5%. Использование исследования возможно в сферах сравнительной и корпусной лингвистики и транслатологии при поиске эквивалентов слов в типологически разных языках. Более того, его результаты применимы в методике преподавания иностранных языков. Весь лингвистический материал исследуется в рамках онлайн-словаря сленга и текстового корпуса Russian Web 2011 (ruTenTen11) с помощью поискового инструмента Sketch Engine. Чтобы раскрыть сложное социолингвистическое и психолингвистическое функционирование англицизмов в современном русском сленге, необходимо провести дальнейшие исследования.

Ключевые слова: англицизм, русский сленг, лексическая единица, грамматическая категория, существительное, адаптация, корпус

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 01.06.2021

Для цитирования:

Lacková M. Morphological Peculiarities of Lexical Units of English Origin in Contemporary Russian Slang: Dictionary and Corpus Analyses // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 632—651. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-632-651

Introduction

The borrowing processes of lexical units within languages and their multidimensional integration into the system of the adopting language represent a wide linguistic topic. We realize that the utilization of Anglicisms in the Slavic languages cannot be considered to be a new phenomenon but in the contemporary social situation the importance and occurrence of these lexical units increase.

Speaking about the Russian language, political and social changes affecting the Russian society in recent decades have been intensely reflected in its vocabulary; therefore, the inflow of English words has been recorded in nearly all spheres of human activities. When borrowing lexical units, political, social and cultural categories are of higher significance than the genetic relation of languages. The proof of this specific phenomenon is also the penetration of words of English origin into the contemporary Slavic languages [1].

Theoretical background

The processes of borrowing provide a linguist with an interesting material that has not been sufficiently elaborated neither from the methodological nor linguistic points of view. However, there have appeared several research papers of general character and dictionaries of slang [2—4] together with methodological studies [5—7]. The studies explore the processes of borrowing new words taking into account communication needs; they do not address specific linguistic aspects of loan words. Alongside, Furdik [8. P. 247] and Ondrejovich [9. P. 79] discuss political and social implications that influence mutual contemporary contacts of languages.

As for the definition of Anglicisms, we arise from J. Mistrik's [10. P. 13] concept who treats them as language elements borrowed from English. Also domesticated language elements might be considered as Anglicisms, e.g.: *джем*, while numerous Anglicisms are substituted by home lexical units. Certain Anglicisms have been taken into the Russian language in a form which is closer to their graphic than to their phonetic structure, e.g.: *лазер*. From the point of view of their utilization we divide Anglicisms into the following three groups:

1. widely used Anglicisms that do not have an analogical equivalent in the adopting language;
2. widely used Anglicisms that have an analogical equivalent in the adopting language;
3. anglicisms that create homonyms.

Generally speaking, a lexical unit is being adapted during the process of its borrowing from English while we pay attention to the following components [11. P. 50]:

1. the specification of the primary meaning;
2. the specification of the secondary meaning (stylistic value; expressivity);
3. the ability to enter semantic and syntagmatic relations;
4. the inner structure (the ability to enter various types of new words building);
5. the integration into the subsystems of word stock.

Remarkably, the investigation of individual linguistic features of Anglicisms in contemporary Slavic languages has so far attracted the attention only of a limited number of researchers. Initially, Oloshtiak [12. P. 117] focuses on phonetic changes arising when an Anglicism is being assimilated into the contemporary Slovak language; alongside to this, Vepýova [11. P. 51] studies features of Anglicisms in the publicistic style; finally, Hegerova [13. P. 14] emphasizes that Anglicisms have established a strong position in the scientific prose style. Moreover, the public are only occasionally provided with an analysis of Anglicisms in contemporary Slavic languages; as an example, Horecky [14. P. 264] discusses the behaviour of the word *leasing* in the Slovak language. Therefore, we hope to analyse and summarize the distinctive linguistic characteristics of the lexical units in question.

Moving to the specific field of slang, we focus solely on aspects that are significant for the needs of our research. Generally speaking, one cannot evaluate slang from normative positions functioning in individual languages; it seeks to operate in a language as expressive and evaluative nominations reflecting the level of social and cultural awareness of the given language community [15; 16]. In connection with the above mentioned, Mistrik [10. P. 13] outlines characteristics of lexical units of English origin within the following terms: progressivity, language dynamics, terminology and expressivity.

The rapid inflow and spread of words of English origin in Russian slang might cause misapprehension in common everyday communication acts when identifying their correct pronunciation, spelling and meaning [17; 18]. Therefore, one of the principal objectives of this study is to contribute to the investigation of discrepancies connected with morphological traits of the studied lexical units.

Methodology

Arising from the general morphological and lexical principles of the Russian language [19] together with the above-mentioned extralinguistic implications, we state the hypothesis that the Anglicisms in contemporary Russian slang follow the principal morphological principles of the Russian language; simultaneously, there appear certain irregularities under the influence of English. With regards to our research, we hope to answer the subsequent research questions:

1. Which wordclasses are Anglicisms in contemporary Russian slang penetrating into?
2. What are the principal morphological characteristics that Anglicisms acquire?

Setting the methodological basis, both linguistic and non-linguistic methods will be employed when conducting the outlined research. Firstly, traditional methods of

not only linguistic research — analysis, deduction and summarization — will be applied alongside with the data of linguistic theory. To be more specific, we observe individual examples of the studied linguistic material from the morphological perspective; we analyse individual processes that occur when the speakers of the Russian language use an Anglicism; we summarize all the observed characteristic features under their traditional classifications. Moreover, the comparative method will be applied when contrasting features of these units in the Russian and English languages. The whole research process will be done on the confrontation basis with the implementation of the contrastive attitude thanks to which the specific facts will be distinguished on the morphological level in the Russian slang system on the background of the English language.

In addition to this, methods of qualitative research are to be utilized; namely, with the help of the classification procedure and distribution method, we will inspect the occurrence of Anglicisms in Russian slang in the linear row.

The material base for the research corpus is constituted by the dictionaries of slang in contemporary Russian slang (mainly the online dictionary of Russian youth slang). This study draws on 10 583-word corpus of slang words recorded in the online dictionary; in order to narrow the scope of our interest, solely the lexical units of English origin were elicited, namely 8 371 Anglicisms. The ratio of the selected items within the dictionary supports the immense influence of the English language on the young users' communication acts.

As for the corpus linguistics aspects of our research, we will work with the Russian monolingual synchronic annotated textual corpus Russian Web 2011 (ruTenTen11) with the aim to identify recurrent patterns in which the keywords occur so that to examine their discourse functions and morphological peculiarities. In this aspect, we are to utilize methods of corpus linguistics together with statistical methods that are interconnected in the special tool for searching in corpus Sketch Engine. It is important to emphasize that on the one hand, the corpora allow the linguist to see the language in the discourse; on the other hand, the language samples provided by the corpora do not immediately display specific linguistic features in their most general way.

Broadly speaking, corpus linguistics is a field of linguistics that investigates languages on the basis of discourse; therefore, corpus linguists have to find a suitable sample of the discourse to work with; the sample called the corpus [20. P. 100]. Corpus evidence and corpus tools offer a finer and wider perspective into language in use, into the understanding of how language works in specific contexts [21. P. 6].

So far, the study of Anglicisms in the corpus environment has not been a topic of considerable interest; out of these reasons, we strive to contribute to the uncovering of this linguistically challenging issue. Our aim of investigating these works also in a corpus framework has been motivated by the claim that the linguistic material is best described on the grounds of examples that appear in natural discourse.

Another important point about the selection of Anglicisms for this study is the fact their number that could be handled here is limited. The aim has been merely to work with a manageable amount of information that is to be presented within this paper.

Results and Discussion

Generally speaking, from the point of view of morphological features, it is necessary to take into account several aspects that play a key role in the adaptation process of Anglicisms into the Russian slang. Within all morphological characteristics that are summarized below, we focus on the subsequent aspects:

- realization of grammatical categories within the studied lexemes;
- place of the studied lexemes in the subcategories of word classes;
- the level of the adaptation process (e.g. inclination to conjugation and declination processes).

Place of Anglicisms in the framework of individual word classes

One of the primary tasks in this study is to state groups of word classes into which the Anglicisms are being integrated in contemporary youth slang in the Russian language. Their further features become unwound from this basic classification.

We proceed from the hypothesis that Anglicisms are incorporated into so called open word classes; parts of speech capable of accepting new lexical units. Proceeding both from the textbook and corpus analyses, we systematize the studied Anglicisms within the following parts of speech; it is crucial to emphasize that there exist differences in their numerical representation when taking into account the material sources of our research; this respect is depicted in the Table 1 below.

1. nouns: *аддон; енжайн; аддурилка; ангрейд; анкор; фид; андейт; тэг; дэмэдж; пассворд* (*В этом случае расшифровать пассворд почти невозможно.* (xaker.ru)); *фейк; файте; слэм; сайн; трэш;*

2. verbs: *ангрейдить; цинкануть; бирить; асить; хайдить; клясть; плэить; кликнуть; клубиться* (*Кто любит клубиться и не спать ночью этот курорт для вас.* (ayda.ru)); *грейдить; заюзать;*

3. adjectives: *биговый; удринченный; олдовый; флэтовый; форевный; гирловый; инфернальный; квадовый; дефолтный; лонговый; тюненный; труевый; сексабельный; пипловый; прайсовый; крезанутый; крезовый; кульный* (*Вот такой кульный девайс спаял на досуге Саня!* (murika.ru)); *шарные;*

4. adverbs: *гудово; халяйки; рулезно; интершикарно; не айс; фифти-фифти; залуплено; лайтово; оки-доки; олдово* (*Ты сказал это олдово, ты сказал, это не в кайф.* (teenslang.su)); *оффтотик; мутуально; рандомно; мейби; кульно; кулера; оки доки; попсово; кульненько; маняко бось; тип-топ;*

5. interjections: *рофл; хай; яхху; ЗФБ; гудбасики; банг-банг; бгг; хой; фак; омг; рулез; сакс; мазафака; стапэ; бабасики; епс тудей/епстудей; омфг;*

велкам; сенькью; плиз (плиз посмотрите скрин ниже и скажите, что мне дальше делать (audance.ru)); лол;

6. particles: тпруъ; мазафака; детектед; афаук; ИМХО; оки; адидас; офф; рулез; форева (Русский рок форева!!! (lovehate.ru));

7. numerals: ферстовый; ферстый;

8. pronouns: май;

9. prepositions: —;

10. conjunctions: —.

Table 1 / Таблица 1

Representation of Anglicisms in individual word classes within the contemporary Russian slang expressed as a percentage
Представленность англицизмов по частям речи современного русского сленга в процентах

Word class	Online dictionary of slang	Russian Web 2011 (ruTenTen11)
nouns	69.2%	69.4%
verbs	23.3%	26.1%
adjectives	4.2%	3.1%
adverbs	1.3%	0.9%
interjections	1.3%	0.8%
particles	0.5%	0.6%
numerals	0.13%	0%
pronouns	0.064%	0%
prepositions	0%	0%
conjunctions	0%	0%

It is evident from the above mentioned that approximately 69% of all Anglicisms in the Russian slang are modelled by nouns. The phenomenon is considered to be of a universal character which is connected with the borrowing processes. It has basically two reasons [22. P. 39]:

1. the material essence of substantives as primary names of things, phenomena and notions;
2. the quantitative state of substantives as the most numerous word class generally.

Giving thought to the representation of particles and interjections in the stock of Anglicisms in the Russian slang, their importance is insignificant. If we assume that the limit of statistical relevance is 1%, than adjectives and adverbs are still relevant from this point of view.

Our hypothesis about the integration of Anglicisms into open word classes has not been proved. The Anglicisms have marginally penetrated into the groups of word classes that usually do not acquire new lexical units — pronouns and numerals, but at the same time we speak about statistically negligible values.

The subsequent traits are the peculiarities of Anglicisms in the Russian slang from the point of view of their membership in word classes:

1. Anglicisms in the Russian slang seldom belong to several parts of speech:

– *лафф* has the role of a noun of feminine gender with the meaning *любовь*, transitive imperfective verb with the meaning *любить* and an adjective with the meaning *любимый*: *Если у вас была лафф с первого взгляда; Я лафф эту герл; Давайте напишем свои лафф группы* (teenslang.su);

– *алсо* functions both as a conjunction and as an adverb: *(Алсо он об этом книжки пишет. (lurkmore.ru) Алсо, как развить такую же особую личную эмпатию? (13ch.ru);*

– *аск* is classified as a particle with the meaning *Да*. and at the same time as a noun: — *Ты сделаешь это для меня? — Аск! Однажды арбатский завсегда-тай провел альтернативный аск...* (teenslang.su);

– *трэи* functions as a noun with the same meaning as its original in the English language and as a particle used in order to express negative emotions: *В общем, не сценарий, а просто трэи* (cl9.ru);

– *хай-фай* is classified as an interjection with the meaning *привет* and at the same time as an adjective: *Сейчас использую эту карту с хай-фай стерео системой, и особых нареканий не возникает* (dns-shop.ru);

– *фотожаба/фотожоп* acquires the roles of a noun and a particle used in order to express dissatisfaction;

– the homonym *фак* functions as a noun (*На этот вопрос я отвечать не буду, ответ есть в факе* (teenslang.su)); interjection and a particle used in order to express dissatisfaction (*Фак! Я забыла ему позвонить!* (teenslang.su));

– *омг/омфг* is labeled as an interjection and as an adverb describing surprise, amazement (*Омг! Это еще что?!* (teenslang.su));

– *рофль* works as a as an interjection of laughing and noun with the meaning ‘человек с хорошим чувством юмора’;

– *мазафака* has three functions: a homonymic noun, a particle and an interjection of negative emotions and attitudes;

– *рулез* is classified as an interjection and an adverb; it is used to describe enthusiasm for something: *Читайте доки — они рулез!* (aspu.ru);

– *маздай/мастдай* functions as a noun and as a particle; it is used to denote a low-quality product or to express a negative attitude: *Шварцкопф, кстати, маздай, я как специалист говорю. Шварцкопф — маздай* (teenslang.su);

2. the lexical unit *ваннаби*, which is implemented as a noun (*По этому признаку можно отличить действительного эмо от ваннаби* (teenslang.su);

3.)), has its origin in the English slang word *wannabee*;

4. the lexical unit *файфовый* (it has its roots in the English numeral *five*) is applied in the function of a noun of masculine gender with the meaning ‘купюра достоинством пять’;

5. the Anglicisms when integrating into the individual word classes of the Russian language keep the original categorial meanings, so the meaning materiality is in concord with morphological and syntactical features of nouns; the meaning processuality is in concord with morphological and syntactical features of verbs; the meaning qualitiveness is in concord with morphological and syntactical features of adjectives (the exceptions are represented by the noun *суспенд*, that has

its origin in the verb *suspend*; the noun *коннект*, which has its origin in the verb *connect*; the noun *оверкилл*, which has its origin in the verb *overkill*; the noun *фурри*, which has its origin in the adjective *furry*).

Further morphological features of Anglicisms in the Russian slang naturally copy general characteristics of individual word classes both in the Russian and English languages and at the same time, the features are overlapping while the traits of word classes from the Russian language emerge into the foreground. The fact illustrates the predominance of the Russian language over the borrowed words. It is necessary to take into account that we deal with typologically diverse languages — the English language — an analytical type of language; the Russian language — a synthetic inflectional type of language which are related languages neither from genetic or geographical point of view. In other words, Anglicisms with their features do not fit into the paradigms of the Russian language, but when entering its word stock they usually (but not always immediately and fully) adapt to its grammatical categories.

Although the morphological analysis of this group of lexical units is limited to nouns, adjectives, verbs, adverbs, interjections and particles (the remaining word classes have zero or nearly zero representation within the studied group of the word stock), it is obvious that they demonstrate certain characteristics, in comparison with contemporary Russian, which are denoted as typical features of Anglicisms in the Russian slang on the level of word classes.

The existence of corresponding morphological and connected with them semantic groups facilitates the borrowing process and the morphological adaptation of Anglicisms. For instance, in the previous centuries the semantic row denoting persons with a common element *мен* was created *джентльмен, рекордсмен, спортсмен, яхтсмен, полицмен*, at present, the lexical units *бизнесмен, конгрессмен, шоумен, супермен*, etc. are being added to them.

The final step of the morphological adaptation is the inclusion of Anglicisms into the valid morphological paradigms; these lexical units are capable of accepting grammatical inflections of the Russian language: *стрип — на стрипу; гирла — гирлы; аскасть — аскини; флет — на флету; пэренты — с пэрентами; лукнуть — лукни (Хвоста, продавца и гуру антиквариата, и сейчас можно встретить на стрипу: (hippy.ru))*. The tendency to apply grammatical inflections has been applied in 98,5% of transferred full-meaning Anglicisms in concord with the morphological character of the Russian language.

In course of the adaptation processes there exist differences in morphological adjustment of foreign words when we take into account nouns on one side and verbs and adjectives on the other side. The grammatical transformation of foreign nouns is realized mainly in connection with their gender meaning. There are various ways of foreign words adjustment to the Russian category of gender:

- the loss of foreign inflections and their substitution by Russian endings while the gender meaning is preserved;
- the ending stays unchanged but the gender meaning is being changed in concord with grammatical rules of the Russian language.

To conclude with, not only the change of inflection but also the change of base structure appears when adjectives and verbs enter the Russian slang [23. С. 148].

Morphological features of slang Anglicisms functioning as nouns

The Anglicisms which are employed as nouns in the contemporary Russian slang are assorted within the generally accepted classifications of nouns [24. Р. 10]:

1. a) proper nouns: *Юних; Адсенс; Ексель; Толкиен; Абибас; Рунет; Макфак;*

b) common nouns: *айдишник; юниксоид; емейл-моб; анкор; адалтицик; айзы; аттач;*

2. a) concrete nouns: *юзер; ежик; афтерпати; айпи; аддон; аддурилка; аська; аккаунт;*

b) abstract nouns: *аск; юзабельность; брейкбит; ангрейд; андейт; релевантность; брейкданс;*

3. a) animate nouns: *юзверь; альтернативщик; автоглюк; аутглюк; аскер; бабл;*

b) inanimate nouns: *юзерник; емея; айди; енжайн; айкетч; артбук; айпишник; бан.*

At the same time, the nouns might belong to several categories:

герла — common, concrete, animate noun;

снимет — common, concrete, inanimate noun;

Адик — proper, concrete, inanimate noun;

скрим — common, concrete, inanimate noun;

айренби — common, abstract, inanimate noun.

The characteristics below represent the most frequent peculiarities of nouns — Anglicisms in the Russian slang (we take into account number, gender and declension paradigms of nouns):

1. there exist indeclinable nouns: *икспи; айпи; фурри; фо фри; эмси; факйу; дэ-шесть; лав-стори (Попросите сделать для вас пробный фильм, пусть это будет ваша лав-стори (priwik.ru)); офф; лавэ; флоу; лаве (only plural); Москоусити; схе; лытдыбр; тайм; автопати;*

2. all these nouns belong to the first, substantive type of declension:

мелкософт — declined according to the pattern *завод*;

пень — declined according to the pattern *автомобиль*;

мессага — declined according to the pattern *школа*;

мыло — declined according to the pattern *правило*;

емея — declined according to the pattern *неделя*.

3. nouns prevailing in plural (pluralia tantum): *иксы; смайлсы; фомичи; чипчи; хиты;*

4. nouns existing only in plural (pluralia tantum): *антенники; скилзы; битники; Винды (Программа работает под Винды XP, Vista и семерочка (zone-рс.ru)); шузы; иксы; шузье; флипы; мани; фрики; куки; рельсы; гамы; стринги; шаровары; дэнсы;*

5. nouns occurring only in singular (*singularia tantum*): *инет* (*Почитайте отзывы в инете* (kupluprodammoskva.ru));

6. the Anglicisms are to be described under all three noun genders:

masculine: *глюк*; *скетч*; *смартмоб*; *спинномозговик*; *стафф*; *стенсил*; *френд*;

feminine: *юзабельность*; *емеля*; *аддурилка*; *гайда*; *гама*; *герла*;

neuter: *мыдло*; *вайн*; *кемперство*; *ламо*.

7. nouns occurring only in masculine gender: *бейсик*; *драммер*; *эникейщик* (*Родной, ты не админ, ты эникейщик как максимум* (kamstock.ru)) (*эникейщицы* практически не встречаются);

8. nouns existing mostly in masculine gender: *диггер* (хотя бывают и *диггеры-девушки*); *ламер* (хотя бывают и *ламерши*); *луззер* (хотя бывают и *луззерши*); *клабер* (хотя бывают и *клаберши*);

9. nouns remaining equally both in masculine and feminine genders: *гайд* — *гайда*.

The facts from the point 1 about indeclinable nouns demonstrate the extend of the integration process of foreign nouns in the Russian language within morphology. It is a peripheral phenomenon also in the case of lexical units of the English origin taking into account the morphological type of Russian with the superiority of inflectional elements.

In everyday communication a closed group of these lexical units functions equally in two or three genders as for the shortness of their existence in the Russian slang their gender has not been stabilized:

вайн — masculine + neuter genders;

fast food — masculine + neuter genders;

мыло — feminine + neuter genders;

таск — masculine + feminine genders;

ламо — masculine + neuter genders;

мыш — masculine + feminine genders;

ситуэйшен — masculine + feminine genders;

promotion — feminine + neuter genders;

last minute — masculine + feminine genders;

backstage — masculine + feminine + neuter genders.

The less frequent features (and very often noticeably influenced by the English language) are as follows:

1. several Anglicisms in the Russian language respect the form of the English plural: *варез*; *фрутс*; *скилз*;

2. few Anglicisms keep the original English ending and at the same time they acquire a new Russian ending:

гибсы, having the following meanings in the Russian slang: ‘1. останки — то, во что превращается противник после удачного выстрела; 2. разлетающиеся и вообще эффектные останки (в фильмах)’, comes from the short form of the noun *giblets* — *gibs*, with the meaning ‘гусиные потроха’ + it acquires the plural ending of nouns in the Russian language;

тулза — *tool* — *tools* — *tools* + *a* (*Это тулза для проверки корректности установки Люних* (teenslang.su));

баксы — *bucks* + *ы*;

соксы — *socks* + *ы*;

3. the noun *трабл*, *трабла*, *траблы* exists equally in masculine, feminine gender and as pluralia tantum: *У меня трабл/трабла/траблы на работе*;

4. the English noun *мэн* accepted the ending of Russian nouns of feminine gender: *мэнша*;

5. the noun below occurs in two forms: with the English and Russian ending of personal nouns: *косплейщик* — *косплэйер*;

6. in the slang there are nouns that imitate the structure of words in the English language with the affix *-ейин*: *клипейин*; *диктейин*;

7. in spite of stylistic differences in the ending for nominative, plural, masculine gender — *-ы* (typical of literary language) and *-а* (typical of colloquial language), the Anglicisms in the studied material keep the ending typical of literary language, e. g.: *Все ссылки на аддоны уже есть в гайде, просто нужно кликнуть* (prestige-gaming.ru));

In the Figure 1 we demonstrate the representation of possible plural inflections expressed as a percentage taking into account nouns of English origin in the Russian slang.

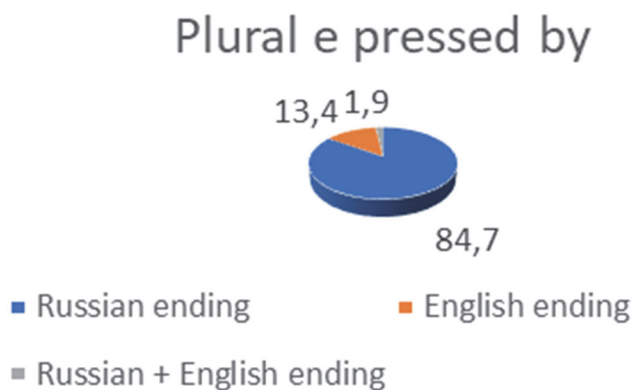

Figure 1. Representation of plural inflections expressed as a percentage within slang nouns of English origin

Рисунок 1. Представление множественного числа склонений, выраженное в процентах в сленговых существительных английского происхождения

In our sample, nouns (very often appellatives) are created also within these semantic groups:

- proper nouns: *Жоржик*; *Джонни Депп*; *Чаке*; *Толкин*; *Толкиен*;
- business marks: *Вебмани*; *Жаббер*; *Интель*; *Ксерить*; *Ксерачить*; *Линух*; *Люних* (*Но акция Интель не сдвинулась ни на доллар, а акция Эппл выросла в 2 раза* (Iphones.ru)); *Солярка*; *Юниксоид*; *Соплярис*; *Юних*; *Гриндерсы*; *Дурасэл*; *Диси*; *Мак*; *Стилы*; *Найки*; *Енот*;

– names of computer games and their heroes: *Варик; Дота; Варчик; Дэн-жен-мастер; Дэнженист; Квага; Каэска; Квака; Квакер; Батхед; Урл; БР; Брейн-Ринг; Дайс; Дэнжен; (Обливион Ощущение, что народ ждал Обливион в другой обертке, а орут — это не Готика. arcania-game.ru); Кудвакер; Рельса; Халва;*

– names of internet sites and operational systems: *Торрентс.ру; Рарить; Бат; Адсенс; Гуглить; Никсы (Unix + Linux); Линь; Люних; Ирка; Люстра; Рунет; Аська; Винда; Торрент; Мурзилка; Мазифака; Ютуб; Тормозилла; Башорг; Баш;*

– names of films: *Вуди; Джидай; Терминатор;*

– names of songs: *Гага;*

– names according to the keyboard lay out: *ифырюцкп — bash.org.ru* — according the Russian PC layout; *лытдыбр* (negative comment referring to a flat, trivial, banal text commented) — *lytdybr* — of a Russian word *дневник* given in the English PC layout by mistake; *привет — гхбдтн — ghbdtn; Хтмыл — Хтмл — HTML.*

Also in reach of the monitored nouns we are seldom brought face to face with toponyms in the form of:

– an appositional noun: *Москоу-сити;*

– a calque: *Средиземье;*

– a compound noun: *Пешков стрит.*

Morphological features of slang Anglicisms functioning as adjectives

The studied adjectives are classified as components of these groups of adjectives [24. P. 31]:

– qualitative adjectives: *олдовый;*

– relational adjectives: *биговый;*

– possessive adjectives: —.

English lexical units which become part of contemporary Russian slang functioning as adjectives accept in most cases grammatical morphemes of Russian adjectives, mostly the suffix *-ов-*: *лонговый; пипловый; оловый.* All of them belong to the adjectival type of declination; they are declined according to the declination pattern *новый* of Russian adjectives: *форевный; флэтовый; удринченный.* However, the adjectives *адалт; тпу; хай; хай-фай* and *найс* have not adopted the ending of Russian adjectives when spreading in Russian slang.

In one case, the original English ending *-ish*: *ингрии* (originally *english*) used in the meaning ‘incorrect, senseless and mistaken English phrases in anime or songs’ has been remained.

Morphological features of slang Anglicisms functioning as verbs

All the Anglicisms — verbs — in the Russian slang belong to the group of full-meaning verbs: *бирить; лукать; фанатеть (Ну как можно фанатеть от*

системы, созданной для удешевления автомобиля? (drom.ru)); *лахать*; *ребудить*; *стопить*; *скипать*; *стрейфить*; *пиксить*; *пофиксить*; *крякнуть*; *прайсовать*; *кулемать*.

Moreover, nearly all of them are categorized as personal verbs: *спамить* (*Затем пошел спамить по группам* (danblog.ru)); *цинкануть*; *сейшенить*; *квасить*; *флудить*; *дебажить*; *грейдить*; *дэжобать*; *дэжазить*; *гуглиить*; *мониторить*; *жарить*; *мытьить*; *кликнуть*; *кикнуть*; *килять*; *плэзить*.

There exist only three verbs within the studied group which bear the characteristics of a non-personal verb: *колбасит* with the meaning ‘an index of illness’ (*Меня сегодня всего плющит и колбасит* (teenslang.su)); *не гамает* with the meaning ‘doesn’t work, or function’; *депендс* with the meaning ‘it depends on’.

Our implication that the verbs that have their origin in the English language become part of Russian verbal classes and groups has been proved (Figure 2 depicts the percentage representation of slang verbs in the verbal classes):

I class *дэжобать*; *лайкать* (*Не хочу ничего лайкать и ставить оценки* (kleo.ru)); *лахать*; *лукать*; *лымаряться*; *скипать*; *прайсовать*;

II class *фанатеть*;

III class *найтовать*; *перенайтовать*;

IV class *толкиенуться*; *кикнуть*; *кликнуть*; *крезануться*; *крякнуть*;

V class *ангрейдить*; *асить*; *бомбить*; *бутить*; *бэкапить*; *хайдить*; *хундерстандить*; *дебажить*; *разлочить*; *рарить*; *расфрендить*; *расшарить*; *ребудить*; *рулить*; *сейшенить*; *стопить*; *стрейфить*; *мытьить*; *пиксить*; *пофиксить*.

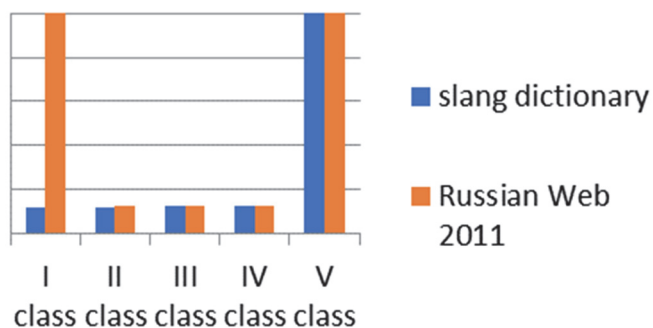

Figure 2. Percentage representation of slang verbs of English origin in Russian verbal classes
Рисунок 2. Процентное представление сленговых глаголов английского происхождения в глагольных классах русского языка

Naturally, one cannot find the verbs within VI—IX class of verbs and within 1.—8. group of verbs as these are non-productive classes and groups and they do not take new verbs and at the same time, isolated verbs do not appear in the analysed material.

Alongside with this, it is possible to create verbs belonging to two or more verbal classes from one English word base:

аск — *аскать* I class — *аскнуть* IV class;
лав — *лавить* V class — *лавкать* I class;
стеб — *стебануть* IV class — *стебать* I class;
найт — *найтать* I class — *найтивать* III class — *перенайтивать* III class;
ксер — *ксерачить*; *ксерить* V class.

In the group of verbs we also encounter reflexive verbs: *вейкапиться*; *крезануться*; *качаться*; *толкиенуться*; *колбаситься*; *клубиться*; *лымаряться*. Alongside with this, from the point of view of the opposition reflexive/non-reflexive verb couples of verbs are formed from one verbal base:

гаме — *гамать* — *гаматься*;
моб — *мобить* — *мобиться*;
стаб — *стебануть* — *стебануться*;
стебать — *стебаться*.

When investigating the origin of verbal individual components, we consider prefixation as one of the principal derivative word-formation processes that finds its realization when creating them within Anglicisms in the Russian slang: *юзать* (*Раньше мне было все равно, но недавно стал юзать фоторекламу на блоге (shpargalkablog.ru)*); *заюзать*; *поюзать*; *прифакиваться*; *залупить*; *засейвить*; *зафрендить*; *захайдить*; *разлочить*; *расфрендить*; *расшарить*.

At the end it is necessary to mention that the following two characteristics are again influenced by the English language:

1. the verb *офни* is preferred in the imperative;
2. the English verb *go* keeps its original form and morphological features (it does not take the endings of the Russian verb).

Morphological features of slang Anglicisms functioning as adverbs, particles and interjections

Adverbs which have been derived from English lexical units and with which we are confronted in the Russian slang belong to the group of non-pronominal (it means they are derived from other fullmeaning word classes): *оки-доки*; *лайтово*; *олдово* and predicative adverbs: *мейби*. Most of them have adopted the ending *-о*, typical of Russian adverbs: *кульно* (*Не только интересно это кульно об этом знают все наши посетители ronaldinio.ru*); *рулезно*; *понсово*.

The above mentioned particles which are to be found in the analysed material are assigned to several groups of particles in the Russian language (e. g.: emotional particles, modal particles, emphasizing particles, etc.). Their categorization into individual groups depends on the context in which they are utilized and on their syntactical function in the given context. The particles have their roots in verbal forms, forms of adverbs, adjectives and interjections.

Morphological features of these interjections are closely connected with characteristics of interjections within the English grammar, where they are understood as a marginal word class; they do not enter constructions with other word classes with which they are orthographically or phonologically connected and

at the same time, they do not enter syntactical relationships. D. Crystal [25. P. 213] claims that interjections should not be understood as a word class but as a sentence type (minor sentence) as they express sentences, not words (punctuation marks indicate so), e. g.: *Eh?*; *Yuk!*.

By focusing on the inner structure of these interjections, they find their place from the perspective of:

1. their constitution among:
 - a) non-derived interjections: *бгг*;
 - b) derived interjections: *пулез*;
2. what they express among:
 - a) emotional interjections: *омг*;
 - b) imperative interjections: *хой*;
 - c) interjections of etiquette: *хай*;
 - d) onomatopoeic interjections: *банг-банг*.

Discussion

The primary aim of this paper was to outline principal ways of morphological adaptation of Anglicisms into the Russian slang. The adaptation process is also significant from the perspective that it concerns nearly all the lexical units of our studied material, on the base of which we can prove the use and viability of these means that are being integrated into the grammatical system of the Russian language. The following example illustrates the implementation of several morphologically adapted Anglicisms within a single sentence: *Вчера два лонговых мэна с длинными хайрами в шоне вайну задринчили (teenslang.su)*.

When analysing Anglicisms that are becoming components of discourse in the Slavic languages it is necessary to take into account also the fact that the Anglicisms enter semantic relations with the Russian lexical units. At the same time, it is important to realize that the users of the Slavic languages do not accept the Anglicisms passively but they intuitively create the semantics of individual lexical units with the goal to satisfy their communication needs which might be both objective and subjective. And in this way the Anglicisms are being added to the units of discourse which belong to individual language styles.

As it is evident from our research, when studying the specific group of Anglicisms in Russian, it is crucial to understand that not all the lexemes have gone through an analogical process of implementation in the given time period. In other words, the process of the adaptation cannot be considered to be homogenous. At this time, one is not capable of stating strict rules of their functioning in the Russian slang. Arising both from the dictionary and corpus material mapping the given communication space one can solely refer to certain tendencies of the integration processes.

Regarding the stated hypothesis, it has been rejected — both open and closed word classes have accepted new Anglicisms; together with this, the processes of conjugation and declination that are realized in Russian display their materialization

within the scope of new lexemes taken from English; simultaneously, there occur numerous pronunciation and spelling irregularities that might make the communication more problematic.

In conclusion, we would like to point out that the investigation of morphological processes within the studied area is not rooted in an absolute completeness of the lexical data as the word stock in contemporary languages constitutes an open system that is being developed and enriched by new words; we understand this fact as a certain limitation.

When speaking about the practical utilization of our research, the study is primarily addressed to scholars that carry out their activities within the scope of the English and Russian comparative and corpus linguistics. Moreover, the implementation of the research results is seen in the fields of translatology (searching of words equivalents in typologically diverse languages) and methodology of teaching foreign languages (mainly at universities when studying two or more language systems).

Considering further perspectives of our research, Anglicisms in the contemporary Russian slang are to be elaborated from purely linguistic (orthographic, phonetic, lexicological, word-formation, semantic) and applied linguistic (sociolinguistic, psycholinguistic) standpoints.

References

1. Polozova, S.V. (2008). Foreign borrowings as a source of lexical-phraseological structure of contemporary Russian jargons. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 3, 83—87. (In Russ.).
2. Furdik, J. (2004). *Slovenska slovotvorba*. M. Oloshtiak (Ed.). Preshov: Nauka. (In Sloven.).
3. Kachala, J. (1992). Slovo manazment v slovenchine. *Kultura slova*, 5—6, 155—159. (In Sloven.).
4. Kollar, D. (2001). Suchasne trendy v preberane cudzich slov (na ruskom a slovenskom materialu). *Slavica Slovaca*, 2, 108—113. (In Sloven.).
5. Aristova, V. M. (1978). English-Russian language contacts (anglicisms in Russian). Leningrad. (In Russ.).
6. Korensky, J. (1998). Metodologicke problemy zkoumani promen soucasnych slovanskych jazyku. *Jazykovedny chasopis*, 1—2, 27—33. (In Sloven.).
7. Korensky, J. (2003). Internacionalizace soucasnych slovanskych jazyku — moznost nebo nutnost? *Jazykovedny chasopis*, 1—2, 7—11. (In Sloven.).
8. Furdik, J. (1993). *Slovotvorna motivacia a jej jazykove funkcie*. Levocha: Modry Peter. (In Sloven.).
9. Ondrejovitch, S. (1999). Slovenchina v kontaktoch a konfliktoch s inymi jazykmi. Bratislava: Veda. (In Sloven.).
10. Mistrik, J. (1998). *Lingvisticky slovník*. Bratislava. (In Sloven.).
11. Vepřova, Z. (2001). Anglicizmy v slovenskej publicistike. In: *Acta Facultatis Paedagogicae Universitatis Tyrnaviensis*. Trnava. pp. 49—51. (In Sloven.).
12. Oloshtiak, M. (2002). Transfonemizacia v kontaktovom vzťahu angličtina — slovenčina. *Slovenska rech*, 2, 111—126. (In Sloven.).
13. Hegerova, K. (1999). Anglicizmy a internacionalizmy v technických normách. *Kultura slova*, 1, 13—18. (In Sloven.).
14. Horecky, J. (1998). Miesto a funkcia slova lizing (leasing) v slovenčine. *Kultura slova*, 5, 264—268. (In Sloven.).

15. Bashtinova, G. (1997). Mother Tongue Interference at the Lexical Level: An Introduction to the English-Slovak “Faux Amis”. *Philologica*, XLVI, 69—79.
16. Habovshtiak, A. (1993). *Zo slovensko-slovanských lexikálnych vzťahov*. Bratislava: VEDA. (In Sloven.).
17. Lackova, M., Hundarenko, O., Moskalenko, O. & Demchenko, I. (2019). Word-Formation Characteristics of Anglicisms in the Russian Slang. *International Journal of English Linguistics*, 9(5), 283—300. DOI: 10.5539/ijel.v9n5p283
18. Málá, E. (2003). *Substantívne anglicizmy a ich analýza v ruskom jazyku*. Banská Bystrica: UMB. (In Sloven.).
19. Balaz, G. et al. (1989). *Modern Russian in comparison with Slovak. Morphology*. Bratislava: SPN. (In Russ.).
20. Halliday, M.A.K. et al. (2004). *Lexicology and Corpus Linguistics: An Introduction*. London: Continuum.
21. Lelakova, E. (2018) *Learning Gastronomy Vocabulary through Corpus*. Zilina: EDIS.
22. Orgonova, O. (1998). *Galicizmy v slovenčine*. Bratislava. (In Sloven.).
23. Kuznetsova, E.V. (1989). *Lexicology of the Russian language*. Moscow. (In Russ.).
24. Sokolova, J., Hrcková, M., Kadorova, M. & Savcakova, N. (2005) *Morfologia súčasného ruskeho jazyka. Učebnica a cvičebnica*. Nitra.
25. Crystal, D. (2005). *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*. Cambridge.
26. Gallo, J. (2019). Some lexical and syntactic realization of speech strategies and tactics in media discourse (on material of the Russian and Slovak press). *Jazyk a kultúra*, 39—40, 9—21. (In Russ.).

Sources

1. Cambridge Advanced Learner’s Dictionary (2003). Cambridge.
2. Gračev, M.A. (2007). *Slovar sovremennogo molodežnogo žargona*. Moskva.
3. Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů (2004). Praha.
4. Russko-slovackij slovar (1989). Bratislava.
5. Russian Web 2011 (ruTenTen11) [Online] URL: <https://app.sketchengine.eu/> (accessed: 20.06.2020).
6. Slovar sovremennogo molodežnogo slenga. (2020). [Online] URL: <http://teenslang.su/> (accessed: 20.06.2020).

Библиографический список

1. Полозова С.В. Иноязычные заимствования как источник пополнения лексико-фразеологического состава современных русских жаргонов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 83—87.
2. Furdik J. Slovenska slovotvorba. M. Oloshtiak (Ed.). Preshov: Nauka, 2004.
3. Kachala J. Slovo manazment v slovenčine // Kultura slova. 1992. № 5—6. P. 155—159.
4. Kollar D. Suchasne trendy v preberane cudzich slov (na ruskom a slovenskom material) // Slavica Slovaca. 2001. № 2. P. 108—113.
5. Апустова В.М. Англо-русские языковые контакты (англицизмы в русском языке). Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978.
6. Korensky J. Metodologicke problemy zkoumani promen současných slovanských jazyku // Jazykovedny chasopis. 1998. № 1—2. P. 27—33.
7. Korensky J. Internacionalizace současných slovanských jazyku — možnost nebo nutnost? // Jazykovedny chasopis. 2003. № 1—2. P. 7—11.
8. Furdik J. Slovtvorná motivácia a jej jazykové funkcie. Levoča: Modry Peter, 1993.
9. Ondrejovitch S. Slovenčina v kontaktoch a konfliktoch s inými jazykmi. Bratislava: Veda, 1999.

10. *Mistrik J.* Lingvisticky slovník. Bratislava, 1998.
11. *Vepřová Z.* Anglicizmy v slovenskej publicistike // Acta Facultatis Paedagogicae Universitatis Tyrnaviensis. Trnava, 2001. pp. 49—51.
12. *Oloshtiak M.* Transfonemizácia v kontaktovom vzťahu angličtina — slovenčina // Slovenska rech. 2002. № 2. P. 111—126.
13. *Hegerová K.* Anglicizmy a internacionalizmy v technických normách // Kultura slova. 1999. № 1. P. 13—18.
14. *Horecký J.* Miesto a funkcia slova lizing (leasing) v slovenčine // Kultura slova. 1998. № 5. P. 264—268.
15. *Bashtinová G.* Mother Tongue Interference at the Lexical Level: an Introduction to the English-Slovak «Faux Amis» // Philologica. 1997. XLVI. P. 69—79.
16. *Habovštiak A.* Zo slovensko-slovanských lexikálnych vzťahov. Bratislava: VEDA, 1993.
17. *Lacková M., Hundarenko O., Moskalenko O., Demchenko, I.* Word-Formation Characteristics of Anglicisms in the Russian Slang // International Journal of English Linguistics. 2019. № 9(5). P. 283—300. DOI: 10.5539/ijel.v9n5p283
18. *Mala E.* Substantívne anglicizmy a ich analýza v ruskom jazyku. Banská Bystrica: UMB, 2003.
19. *Балаж Г.* и др. Современный русский язык в сопоставлении со словацким. Морфология. Братислава: SPN, 1989.
20. *Halliday M.A.K.* et al. Lexicology and Corpus Linguistics: An Introduction. London: Continuum, 2004.
21. *Lelaková E.* Learning Gastronomy Vocabulary through Corpus. Zilina: EDIS, 2018.
22. *Orgonová O.* Galicizmy v slovenčine. Bratislava, 1998.
23. *Кузнецова Е.В.* Лексикология русского языка. М., 1989.
24. *Sokolová J., Hrková M., Kadorová M., Savčáková N.* Morfológia súčasného ruskeho jazyka. Učebnica a cvičebnica. Nitra, 2005.
25. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge, 2005.
26. *Галло Я.* Некоторые лексические и синтаксические реализации речевых стратегий и тактик в медиа-дискурсе (на материале русской и словацкой прессы) // Jazyk a kultúra. 2019. № 39—40. С. 9—21.

ИСТОЧНИКИ

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge, 2003.
2. *Грачев М.А.* Slovar sovremennogo molodežnogo žargona. М., 2007.
3. Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů. Praha, 2004.
4. Russko-slovenský slovar. Bratislava, 1989.
5. Russian Web 2011 (ruTenTen11). [Online] Режим доступа: <https://app.sketchengine.eu/> (дата обращения: 20.06.2020).
6. Словарь современного молодежного сленга. [Online] Режим доступа: <http://teenslang.su/> (дата обращения: 20.06.2020).

Сведения об авторе:

Марта Лацкова работает на кафедре английского языка и литературы факультета гуманитарных наук Жилинского университета. Она окончила университет им. Константина Философа в Нитре, философский факультет в 1999 году по специальности «Подготовка учителей английского языка и литературы, русского языка и литературы». В 2007 году защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Филология (славянские языки)» на кафедре русского языка и литературы философского факультета университета имени Константина Философа в Нитре. Ее исследования сосредоточены на сравнительной и корпусной лингвистике. Доктор Лацкова опубликовала две монографии по грамматической категории определения и

междязыковым омонимам, два учебника по морфологии, предназначенных для студентов ВУЗов, а также ряд научных статей по современным лингвистическим исследованиям в сферах сравнительной и корпусной лингвистики; e-mail: marta.lackova@fhv.uniza.sk

Information about the author:

Marta Latskova works at the Department of English Language and Literature, Faculty of Humanities, Žilina University. She graduated from the University. Konstantin Filozofsky in Nitra, Faculty of Philosophy in 1999, specializing in “Training of teachers of the English language and literature, Russian language and literature”. In 2007 she defended her Ph.D. thesis in the specialty “Philology (Slavic languages)” at the Department of Russian Language and Literature of the Faculty of Philosophy of the University named after Konstantin Filozofsky in Nitra. Her research focuses on comparative and corpus linguistics. Dr. Latskova has published two monographs on the grammatical category of definition and interlanguage homonyms, two textbooks on morphology intended for university students, as well as a number of scientific articles on modern linguistic research in the areas of comparative and corpus linguistics; e-mail: marta.lackova@fhv.uniza.sk

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-652-668

УДК [811.161.1:811.411.2]255'373.611

Научная статья / Research article

Словообразовательная мотивация в русском и арабском языках и ее роль в достижении переводческой эквивалентности

Р.А. Аль-Фоади¹, В.Н. Зарытовская²✉, Р.Х. Аль-Рознамачи¹

¹Багдадский университет,
10001, Ирак, Багдад, Аль-Джадирия, квартал Аль-Каррада

²Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
✉widaad@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена не теряющему актуальности вопросу словообразовательной мотивации, которая играет роль не только в раскрытии формально-семантических отношений между словами одного языка, но имеет теоретическое и прикладное значение. Авторы рассматривают словообразовательную мотивацию последовательно в ее разновидностях в сравнительном ключе на материалах неродственных языков — русского и арабского — и подходят к вопросу о механизме достижения семантической эквивалентности перевода. В наибольшей степени словообразовательная активность сегодня в силу объективных причин затрагивает отраслевую (техническую, медицинскую и др.) лексику, запас которой в национальных словарях возрастает год от года. Именно этот обширный материал, отобранный авторами, не только иллюстрирует актуальные тенденции словообразования в современных языках, но и дает ответ на вопрос о степени эквивалентности этой подгруппы слов в русском и арабском. Постановка цели — сравнить словообразовательную мотивацию по ряду критериев в разноструктурных языках — позволила не только получить теоретические сведения о том, какие особенности имеет каждый из языков в словообразовании и каким деривационным потенциалом он обладает, но также подойти к формированию алгоритма перевода производных слов с одного языка на другой. Для этого авторами решается ряд таких частных задач, как выделение значимых элементов в составе неологизмов русского и арабского языков, установление законов и стандартов образования научно-терминологической лексики в арабском языке, поиск инструментов (операции трансформации, конкретные словообразовательные форманты), которые будут способствовать достижению переводческой эквивалентности с русского на арабский и др. Установление различий в механизмах образования новой лексики в русском и арабском языках представило возможность дополнить относительно молодую и стремительно развивающуюся частную методику русско-арабского перевода.

Ключевые слова: словообразовательная мотивация, русский язык, арабский язык, неологизмы, термины, переводческая эквивалентность

© Аль-Фоади Р.А., Зарытовска В.Н., Аль-Рознамачи Р.Х., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 25.01.2021

Дата приема в печать: 15.05.2021

Для цитирования:

Аль-Фoadи Р.А., Зарытовска В.Н., Аль-Рознамачи Р.Х. Словообразовательная мотивация в русском и арабском языках и ее роль в достижении переводческой эквивалентности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 652—668. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-652-668

UDC [811.161.1:811.411.2]'255'373.611

Motivation of Word Formation in Russian and Arabic Languages and its Role in Achieving Translation Equivalence

Raheem A. Al-Foadi¹, Victoria N. Zarytovskaya²✉, Ragad H. Al-Roznamachi¹

¹University of Baghdad,

Al-Jadiriya, al-Karrada quarter, Baghdad, Iraq, 10001

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN university),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

✉widaad@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of word-formation motivation, which does not lose its relevance and plays a role not only in disclosing formal-semantic relations between words of one language and has not only theoretical, but also applied significance. The authors consider word-formation motivation consistently in its varieties in a comparative way on the materials of so different languages as Russian and Arabic and approach the mechanism of achieving semantic equivalence of translation. To the greatest extent, word-formation activity today, due to objective reasons, affects some special branch (technical, medical, etc.) vocabulary, which is increasing from year to year in national dictionaries. This extensive material, selected by the authors, not only illustrates the current trends in word formation in modern languages, but also provides an answer to the question about the degree of equivalence of this subgroup of words in Russian and Arabic. The goal to compare word-formation motivation according to a number of criteria in different-structured languages made possible not only to obtain theoretical information about what features each of the languages has in word formation and what derivational potential it has, but also to reveal an algorithm for translating derived words from one language to another. For this, the authors complete a number of such particular tasks as highlighting significant elements in the neologisms of the Russian and Arabic languages, establishing standards for the formation of scientific and terminological vocabulary in Arabic, searching for tools (transformation operations, specific word-formation formants) that will contribute to the achievement of translation equivalence from Russian to Arabic, etc. Also the analysis of differences in the mechanisms of the formation of new vocabulary in the Russian and Arabic languages provided an opportunity to supplement the relatively young and rapidly developing private methodology of Russian-Arabic translation.

Keywords: word-formation motivation, Russian language, Arabic language, neologisms, terms, translation equivalence

Article history:

Received: 25.01.2020

Accepted: 15.05.2021

For citation:

Al-Foadi, R.A., Zarytovskaya, V.N. & Al-Roznamachi, R.H. (2021). Motivation of Word Formation in Russian and Arabic Languages and its Role in Achieving Translation Equivalence. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 652—668. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-652-668

Введение

Несмотря на то, что словообразовательная мотивация лексических единиц русского языка уже многие десятки лет находится в фокусе внимания российских лингвистов (М.Ю. Беляева, О.И. Блинова, Н.Н. Болдырев, С.Б. Козинец, И.А. Ширшов и др.) [1—5], не говоря уже об арабских ученых Раннего Средневековья и современных арабских филологах, у которых этот вопрос в отношении слов арабского языка издавна вызывал живой интерес, сущность данного языкового явления остается объектом исследований и рассматривается в различных аспектах в обеих лингвистических традициях.

Анализ того, что происходит с морфологией и семантикой при деривации, есть ключ к точному пониманию формы и содержания производного слова. Безусловно, по-прежнему важными являются вопросы типологии словообразовательных гнезд и их границ, установления отношений словообразовательной мотивации между членами гнезда, формальных преобразований основ слов в гнезде, деривационного потенциала различных участков словообразовательных гнезд [1; 6; 7]. Но также очевидно, что словообразовательной мотивации принадлежит роль не только в раскрытии формально-семантических отношений между словами одного языка, позволяющем проникнуть в его структуру. Не менее перспективным представляется сопоставительное исследование словообразовательной мотивации на материале неродственных языков, таких как русский и арабский, тем более что это подводит к решению практической задачи достижения семантической эквивалентности в переводе.

Как известно, вопрос установления словообразовательной мотивации слов решается по закону Г.О. Винокура, согласно которому «значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [8. С. 421]. По данному критерию словообразовательной мотивации дериваты формально и семантически зависят от формы и семантики мотивирующей основы. Более того, значение деривата обусловлено значением производящей базы, которая отличается от производного тем, что ничем не мотивируется [9. С. 240]. Поэтому семантику и структуру дериватов невозможно установить, не зная формы и семантики производящей базы, которая служит когнитивным кодом к семантике новообразованных слов.

Бесспорно, нельзя перевести новую лексику и даже «старую», если не знаешь ее структуры и семантики в языке-оригинале, но с другой — нужно обязательным образом раскрыть словообразовательную мотивацию такого типа производных слов в языке перевода, в нашем случае — в арабском, принимая при этом во внимание такие факторы, как регулярность—нерегулярность

мотивации и закономерности использования в образовании слов определенных формантов, нужно хорошо быть знакомыми с постулатами арабской словообразовательной мотивации.

Изучение арабского словообразования уходит корнями в древность. В частности, анализу словообразовательную мотивацию подвергал классический средневековый арабский языковед Ибн Фарис в своем сочинении «Maqaaiis al-lughaat» («Параметры языка») еще 12 столетий назад, обозначая ее как «определение значения производного слова значением целого, от которого оно откололось» [10. Р. 173], таким образом, выделяя структурно-семантические связи мотивирующих и мотивированных слов, которые современные арабские лингвисты считают «осью всех употреблений одного корня с одним и тем же общим лексическим значением, вокруг которой все значения вращаются и к нему притягиваются» [11. Р. 69].

Для словообразовательной мотивации в рамках арабской лингвистической традиции были установлены общие правила и выделены условия создания новой языковой единицы. Современный арабский лингвист М. Мубарак назвал следующие условия «верного» словообразовательного процесса: 1) одно число букв корней мотивирующих и мотивированных слов (в арабском это традиционно три согласные буквы); 2) корневые должны следовать в производных и производящих словах в строго установленном порядке; 3) оба слова — образующее и образованное должны иметь общее до определенной степени значение [12. Р. 78—79].

Первое условие проверяется сравнением значимых элементов мотивирующей базы с составом мотивированного слова. Например, араб. حَوْلَ [haūūala] — рус. *трансформировать* → араб. مُحَوِّلٌ [muhaūūalun] — рус. *трансформатор*; араб. كَتَفَ [kattafa] — рус. *конденсировать* → араб. مُكْتَفٍ [mukattifun] — рус. *конденсатор*. Три корневых арабской производящей базы сохраняются при мотивационной грамматической категоризации, поскольку именно с этими тремя элементами связывается в арабском вещественное лексическое значение. Так, в كَتَفَ [kattafa] — *конденсировать* есть три базовых составляющих корня, три согласные фонемы, с которыми ассоциируется его главная идея «конденсация» — k-t-f. Они же сохраняются и в производном слове مُكْتَفٍ [mukattifun] — *конденсатор*. Определенное количество звуков корня сохраняет семантическое единство слов одного и того же словообразовательного гнезда арабского языка, что выступает гарантией стабильной словообразовательной мотивации и умножения слов одного и того же корня по действующим в арабском языке деривационным моделям.

При втором условии, когда буквы в составе корней мотивированного и мотивирующего слов должны быть расположены в строгом порядке следования, базовые элементы корня никак не меняют своего положения по отношению друг к другу в словах — производящих и производных, например араб. تَبَرَّعَ [tabarra'a] — рус. *пожертвовать* → араб. مُتَبَرِّعٌ [mutabarri'un] — рус. *жертвователь*; араб. يقرأ [i'qra'u] — рус. *читать* → араб. قارئٌ [qari'un] — рус. *читыватель*. Во всех этих примерах просматривается закреплённый

порядок следования арабских букв в процессе словообразовательной мотивации: [*tabarra* 'a] تَبَرَّرَ → [*mutabarri* 'un] مُتَبَرَّرٌ — первый — t, второй — b и третий — ' ; [*īaqrā* '] يقرأ → [*qāri* 'un] قارئٌ — первый — q, второй — r и третий — ' , что обеспечивает производство новых слов от одного корня при неразрывности их связи с общим семантическим знаменателем.

Таким образом, общее лексическое значение корня, как указывал Ф.Ф. Фортунатов, поддерживается способностью выделить звук в качестве признака мышления [13], а устойчивый порядок следования базовых элементов арабского корня есть целая познавательная система расположения элементов корня, так как одним и тем же порядком следования элементов корня в мотивирующих и мотивированных ими словами удерживается вещественное лексическое значение слова [14. Р. 140]. В арабском языке порождение новой лексики в первую очередь зависит от того, насколько производные слова могут сохранить жесткий порядок расположения элементов корня заданного количества, чтобы словообразовательная мотивация стала показателем семантической и грамматической связи однокоренных слов. Только учитывая эту специфику арабского языка, мы можем приступить к рассмотрению и сопоставлению словообразовательной мотивации в обоих языках, чтобы понять ее роль в порождении перевода как конечного результата межъязыковой коммуникации.

Материалы и результаты исследования

Словообразовательная мотивация в русском и арабском языках и ее классификации

Итак, рассмотрим, как образуются и переводятся с русского на арабский слова типа рус. *цифровать* — араб. [*īraqṭīni*] يُرَقِّمُنْ → рус. *цифратор* — араб. [*muraqṭīnūn*] مُرَقِّمِينَ; рус. *кодировать* — араб. [*īušaffīru*] يُشَفِّرُ → рус. *кодер* — араб. [*mušaffīrun*] مُشَفِّرٌ; рус. *анализировать* — араб. [*īuḥallīlu*] يُحَلِّلُ → рус. *анализатор* — араб. [*muḥallilun*] مُحَلِّلٌ; рус. *маршрутизировать* — араб. [*īuajjīhu*] يُوجِّهُ → рус. *маршрутизатор* — араб. [*mīajjihun*] مَوْجِّهُ; рус. *шифровать* — араб. [*īušaffīru*] يُشَفِّرُ → рус. *шифратор* — араб. [*mušaffīrun*] مُشَفِّرٌ. В данном виде словообразовательной мотивации, которая классифицируется как прямая и полная, наблюдается вхождение значения производящего в значение производного, к тому же в производном слове данное значение формирует ядро лексического значения. В таком типе словообразовательной мотивации И.С. Улуханов выделяет два признака: 1) оба слова имеют один и тот же корень; 2) значение одного из них: а) полностью входит в значение другого (*дом* — *домик* 'маленький дом', *победить* — *победитель* — 'тот, кто победил') или б) тождественно лексическому значению другого [15. С. 38]. Лексическое вещественное значение мотивирующих основ *цифровать*, *кодировать*, *анализировать*, *маршрутизировать*, *адаптировать*, *сканировать*, *шифровать*, *компьютеризировать* полностью вошло в значение мотивированных ими производных: *кодер*, *анализатор*, *маршрутизатор*, *шифратор*.

Повторяемость образования по одной и той же модели, с помощью одного и того же форманта *-or*, *-er*, показывает, что данному типу мотивации свойственен дополнительный признак — регулярности. Таким образом, данный тип мотивированности обоснованно можно называть **полной прямой продуктивной мотивацией**.

Отметим также, что приведенные выше арабские эквиваленты представлены научно-техническими терминами, выраженными четырехбуквенными глаголами (при традиционных трехбуквенных) и их производными либо глаголами 2-й породы (пород насчитывается только активно используемых — 10) и их производными, потому что именно в них чаще всего наблюдается *прямая словообразовательная мотивация*, при которой элементная структура однокоренных производящих и производных слов одинакова, что облегчает процесс познания данного типа мотивации, отличающего от другого вида — метафорического.

Из примеров следует, что условия прямой арабской словообразовательной мотивации очень близки по форме и содержанию правилам словообразовательной мотивации русского языка. Оба языка для данного типа мотивации требуют: необходимости того, чтобы оба слова обладали одним и тем же корнем, т.е. были однокоренными (при совершенно разных подходах к морфологии корня в русском и арабском языках); полного или частичного вхождения значения производящих баз в значение производных слов; тождества одного слова лексическому значению другого.

Однако этим типом мотивации словообразование не ограничивается. В разработанной им шкале мотивированности И.А. Ширшов также выделяет **метафорическую мотивацию** наряду с прямой полной мотивацией, указывая в ней на нелинейную связь мотивирующих баз со своими мотивированными словами [5. С. 163]. Суть данного типа заключается в том, что метафорический смысл порождается у определенных основ мотивирующего слова именно в его словообразовательной структуре, другими словами, смысл производных слов базируется на переносном значении производящих основ [5. С. 242].

Метафорическая мотивация в новой лексике современного русского языка представлена более чем широко, также как и в арабском, например, *черные дыры* — араб. [*attiqūbu alsāūdā`u*] الثقبُ السوداء; *словообразовательное гнездо* — араб. [*al`uṣū aliṣtiqāqī*] العُشُّ الإشتقائي; *порождение речи* — араб. [*tauiḷīdu alkalāmī*] التَّسْيِجُ الكلامي; *речевая ткань* — араб. [*annasīḡu alkalāmī*] التَّسْيِجُ الكلامي.

Важно, что новообразованные слова не мотивируются прямым значением производящих слов. Слово *дыра* — ‘щель, пролом, пустота в чем-либо’ [16. С. 459] в прямом смысле никак не связывается с космосом или астрономией. Другой пример — *словообразовательное гнездо* — словосочетание, которое мотивируется не прямым значением слова *гнездо* — «место, устраиваемое или приспособляемое птицами для кладки яиц и высидывания птенцов» [16. С. 320], а переносным, когда оно обозначает группу слов с одним и тем же корнем, собранную в соответствии со словообразовательной

мотивацией. По тому же принципу метафорической мотивации образуется выражение *речевая ткань*, ведь *ткань* в русском языке есть 1) тканая материя, материал (шерстяная ткань, декоративные ткани); 2) группа однородных клеток, связанных между собой и выполняющих в организме одни и те же функции (мышечная ткань, нервная ткань...» [16. С. 369]. В прямом смысле слово *ткань* как своего рода группа клеток в одном материале не может быть мотивирующей базой выражения *речевая ткань*, ведь в словах нет однородных клеток шерсти или органической системы живого существа. Данное выражение мотивируется исключительно переносным значением слова *ткань*, так как речь должна быть так организована, чтобы напоминать точностью грамматических правил высокую организованность человеческой ткани.

Значительная доля случаев употребления метафорической мотивации приходится на порождение неологизмов в медицинской области, поэтому в обоих языках намечается большая группа медицинских терминов, мотивированных метафорически: рус. *барабанная перепонка* — араб. [ʔablātu al'uduni] طَبْلَةُ الْأَذْنِ; рус. *сердечная сумка* — араб. [ħaqībatu alqalbi] حَقِيْبَةُ الْقَلْبِ; рус. *сосудистая стенка* — араб. [ġidāru al'au'īati addamū'īati] جِدَارُ الْأَوْعِيَةِ الدَّمَوِيَّةِ; рус. *слезный мешок* — араб. [kīsu addam 'i] كَيْسُ الدَّمْعِ и др.

Безусловно, можно выделить данный вид словообразовательной мотивации в общеупотребительном и разговорном пластах: рус. *сердцеедка* — женщина, которая покоряет мужчин или пользуется большим успехом у противоположного пола, англ. *a heartbreaker*, араб. [qāhiratu alqulūbi] قَاهِرَةُ الْقُلُوبِ; рус. *буквоед* — насекомое, которое заводится в старых книгах, человек, которому интересно читать книги, англ. *a book eater*, араб. [ā'kilu alkutubi] أَكْلُ الْكُتُبِ; рус. *людоед* — англ. *a maneater*, араб. [almuġtābu] الْمُغْتَابُ.

Очевидно, что слова *перепонка*, *сумка*, *стенка*, *мешок*, *сердцеедка*, *буквоед*, *людоед* и др. не имеют прямых мотивационных отношений со своими производящими базами, они лишь опосредованно с ними связаны, из чего можно сделать вывод, что метафорическая мотивация на основе переносных значения корня первоначально немотивированной базы играет значительную роль в порождении новой лексики. Приведенные выше слова служат также примером того, что метафорическая мотивация характерна не только для слов общего употребления, но и для узко специализированных, не только односложных, но и составных, с двумя корнями.

Интерес вызывает возможность метафоризации обеих частей сложного слова. В словах типа *буквоед*, *людоед*, *сердцеед* метафоризируются одновременно обе части слова, что обязывает нас выделить **сложную метафорическую мотивацию**, при которой оба корня слова утрачивают прямую мотивационную связь с производящей базой и образуется новое значение, базирующееся на переносных значениях обеих частей сложного слова. Мотивационные отношения сложных слов рассматривала в частности Н.Х. Низаметдинова, не без основания считая образованное по данному типу сложное слово вершиной гнезда [17. С. 71].

Корень простого слова в его прямом значении для любого из компонентов подобного сложного образования не может быть мотивирующей базой. Прямые семантические связи обоих компонентов сложного слова не в силах стать мотивирующей базой метафорического значения, получившегося после сочетания обеих частей. Общее значение сложного слова, мотивированного метафорически, достигается только по факту соединения двух или более частей композита в одном метафорическом целом. И даже компоненты словосочетания, мотивированного метафорически, подчиняются тому же словообразовательному правилу, при котором слова данного сочетания приобретают свое метафорическое значение только после того, как организуются в одном целом типа *барабанная перепонка*.

Метафорической мотивации в арабском языке отводится особое место, что связано с давним широким ее использованием. Средневековый арабский филолог аль-Аскарри определяет метафору как «напоминание одного другим уподобляющихся друг другу вещей, но значение уподобляемой входит в значение уподобляющей вещи» [18. Р. 110], другие исследователи — как «связывающее между реальным и переносным значением отношение» [19. Р. 108]. Если следовать мысли арабского средневекового ученого аль-Джурджани в определении метафоры как «называния вещи другим именем» [20. Р. 243], что в большинстве случаев делается на базе общего сходства вещей и явлений, то очевидно, что метафора была и остается самым распространенным способом порождения новой арабской лексики. Так, при изобретении передового орудия или способа передвижения, средства транспортировки арабы прибегают к метафорическим мотивационным отношениям. Например, англ. *a car* и рус. *машина*. В русском *машина* мотивируется напрямую, поскольку слово связано с чем-то механическим. Но в арабском мотивируется через [qafilatun] قافلة — *караван*, поскольку караван сам ходит и самостоятельная ходьба уподобляется в нем автоматическому действию машины [23. Р. 32]. Второй пример — [tīāratun] طيارة — англ. *a plane*, рус. *самолет*. Слово طيارة в арабском языке мотивируется не прямым значением глагола *летать*, а переносным значением слова [atīārun] الطيار — англ. *a strong horse*, рус. *сильная лошадь*. Возможно, неносители арабского языка не увидят логики в том, что слово *самолет* в арабском языке мотивируется словом со значением «сильная лошадь», но для арабов лошадь веками представляла самое быстрое средство передвижения. Поэтому *самолет* в арабском языке как слово, отражающее явление современной жизни, мотивируется другим средством передвижения, которое веками считалось самым скорым. Его название включало в себя прямое и переносное значение «летать быстро». Таким образом, прибегая к метафорической мотивации при порождении новой лексики и по возможности избегая заимствований (даже *компьютер* образован в арабском от исконного корня [hasaba] حَسَبَ, арабы стараются привязать значение неологизма к частотному арабскому корню и удержать этимологическую основу для каждого нового слова в составе арабского словаря.

Если сравнить метафорически мотивированную новую лексику современно русского языка типа *черные дыры*, *ребячиться*, *словообразовательное гнездо*, *порождение речи*, *речевая ткань*, *сердцеедка*, *буквоед*, *людоед* и др. с арабскими перечисленными выше эквивалентами, то ни в одном из них мы не найдем прямых мотивационных отношений. Во всех случаях активизируется метафорическая мотивация между производящими базами и производными словами в новой лексике русского и арабского языков, как и в английском, который для большинства терминов является исходным. По всей видимости, перевод лексических единиц выполнил задачу не только передать основные понятия, но и сохранить вид метафорической мотивации, что свидетельствует не просто о межъязыковом контакте, но и о словообразовании как активном процессе обогащения словарного запаса языка новейшей лексикой при переводе, стремящемся к языковой эквивалентности.

Кроме прямой и переносной, И.С. Улуханов проводит на материале русского языка несколько других видов классификаций: непосредственные и опосредствованные мотивации; исходные и неисходные; единственные и неединственные; регулярные и нерегулярные [15. С. 39—45].

Под **непосредственной мотивацией** понимается мотивационное отношение двух слов, одно из которых отличается от другого только одним формантом, например, рус. *сушить* — араб. [iḡaffifu] يُجَفِّفُ → рус. *сушилка* — араб. [miḡaffifun] مُجَفِّفٌ; рус. *дробить* — араб. [iukasiru] يُكْسِرُ → *дробилка* — араб. [kassāratun] كَسَّارَةٌ. **Опосредованная мотивация** — это вид мотивации, при котором производное слово отличается от производящей основы совокупностью формантов [24], например, рус. *напильник* — араб. [mibradun] مِبْرَدٌ; рус. *намордник* — араб. [kamtāmatu alḥaiwāni] كَمَامَةُ الْخَيَوَانِ.

Деление мотиваций на непосредственную и опосредованную, как видим из примеров, оказывается неактуальной для арабского языка, который не имеет семантически значимых аффиксов. В арабском допускается присоединение только гласных звуков внутри корня и их количественное изменение. Так, в перечисленных дериватах مُجَفِّفٌ, مِبْرَدٌ, كَسَّارَةٌ, كَمَامَةُ структура звуков корня, с которыми связывается лексическое вещественное значение, изменилась количественно, чтобы выразить новое значение. При этом сочетание или присоединение другого элемента к корню, наращивание корня невозможно, иначе исказится этимологическая основа, что запустит процесс разложения языка. Такова уникальная способность арабского корня флективно преобразоваться для выражения разных деривационных значений, не давая другим семантически значимым элементам присоединиться.

Третья классификация мотивации — на исходную и неисходную опирается на то, от какого слова образуется дериват. Подразумевается, что исходная есть мотивация мотивированным словом, например рус. *чистый* — араб. [nazīfun] نَظِيفٌ → рус. *чистильщик* — араб. [minazzīfun] مُنْظِفٌ → рус. *чистильщица* — араб. [minazzīfatun] مُنْظِفَةٌ. Очевидно, что первое слово *чистильщик* имеет **исходную мотивацию**, а второе — *чистильщица* характеризуется **неисходной мотивацией**. Данный вид классификации, безусловно, применим и

к арабскому языку, так как в нем есть слова, которые ничем не мотивируются кроме как активной базой минимальных значимых элементов корня, с которыми связывается его лексическое значение, и также слова-дериваты, мотивированными другими производными словами. Для нас важно, что деление словообразовательной мотивации по этому признаку показывает, какое слово является исходным-мотивирующим, ничем не мотивированным или производным, что дает переводчику возможность определиться с подбором стратегии перевода и нужного эквивалентного слова.

Выделяется также на фоне **единственной мотивации** неединственная мотивация, при которой слово мотивируется несколькими корнями и отличается от немотивированного слова определенным количеством формантов. Примерами могут служить следующие слова: рус. *атомизатор* — араб. [mirḍādun] مِرْدَادٌ единственной мотивацией и мотивированные в английском и арабском не одним словом, а двумя: рус. *амортизатор* — араб. [muḍāddu aṣṣadamāti] مُضَادُّ الصَّدَمَاتِ. Глагол и отглагольное существительное от него в арабском так же мотивируется двумя словами: рус. *амортизировать* — араб. [tāmtaṣṣu aṣṣadamāti] يَمْتَصُّ الصَّدَمَاتِ и *амортизация* — [amtīṣāṣu aṣṣadamāti] اِمْتِصَّاصُ الصَّدَمَاتِ. Другие примеры: рус. *газификатор* — араб. [muḡaiūizun] مُغَوِّزٌ, но в арабском *газифицировать* — дословно *снабжать газом* — [iūzauḍu bialḡazi] يُزَوِّدُ بِالْغَازِ; рус. *газификация* — араб. дословно *снабжение газом* — [attazūūdu bialḡazi] التَّرْوِدُ بِالْغَازِ.

Для теории перевода существенно, что случаи единственной и неединственной мотивации, при которой производное слово мотивируется двумя словами, далеко не всегда совпадают в языках и при переводе проходит через определенные переводческие трансформации, как разложение на семы и перевод каждой из них: *валютчик* → человек + валюта + торговать → араб. дословно *торговец валютой* [tāḡiru al 'umlati] تَاجِرُ الْعَمَلَةِ; *газетчик* → человек + работать + газета → араб. дословно *человек газет* [raḡulu aṣṣuḡufi] رَجُلُ الصُّحُفِ. При этом неединственная мотивация оказывается более чем частотна в арабском словообразовании. Как мы уже указывали, арабский язык «неохотно» пропускает заимствования и использует внутренние ресурсы для образования новых слов. При недостатке таких ресурсов «приходится» прибегать к описательному методу обозначения вещи или явления средствами из внутренних резервов языка.

Последний вид классификации мотивации — это классификация на мотивации **регулярную и нерегулярную**. Последняя не так часто реализуется, поскольку по ее типу в языке образуется ограниченное количество производных слов. Здесь также случаи регулярной и нерегулярной мотивации могут в русском и арабском не совпадать, по большей части в сегменте малоупотребительной лексики.

Словообразовательная мотивация в аспекте частного русско-арабского перевода

Постулируя неделимую связь словообразовательных процессов с переводом, мы исходим из того, что нельзя перевести слово, не зная, что оно значит

и как оно образовано, поскольку анализ способа образования любой лексической единицы раскрывает входящие в его состав значимые элементы, служащие «ядрами» межъязыковой переводческой эквивалентности. Если сам процесс перевода образно представить как «действие, в котором идет видимое движение по поверхности языков» [23. Р. 1], то можно утверждать, что словообразовательная мотивация берет на себя задачу раскрыть это движение, ведь она показывает формально-семантическое соотношение слов языка-исходника и языка перевода.

По каждому из описанных выше видов мотивации представляется возможным наметить алгоритм перевода новой лексики. Раскрывая механизмы достижения переводческой эквивалентности на базе словообразовательной мотивации, мы начнем с первого ее вида — с перевода слова, образованного *полной прямой мотивацией*. В первую очередь устанавливается та семантическая связь, которой связываются дериваты с производящими базами в оригинале. На основе общности корня определяется семантическая база, по которой переводящий познает смысл корня деривата и далее по способу словообразования — значение деривата. Эти два фактора — семантическая база и способ словообразования — раскрывают не только общее лексическое значение, но и уточненное, деривационное. Этого, на первый взгляд, достаточно для достижения эквивалентности при данной разновидности мотивации, поскольку особенность прямой словообразовательной мотивации заключается в том, что она сразу являет переводчику общее вещественное значение корня, например в *atom* → *атомщик*. Дальше переводчику необходимо установить словообразовательное значение форманта *-щик*, на который падает нагрузка объяснить, что тот, кто занимается атомной энергией, является атомщиком — исполнителем деятельности. Первый этап переводческой деятельности — понимание и осмысливание подлежащего переводу — при данном типе мотивации самый простой.

Казалось бы, очевидная совокупность значений обеих частей слова приближает переводчика к точному эквиваленту в языке перевода, который находится по аналогичному корню в языке перевода и подобному способу образования новой лексики на основе прямой мотивации. Однако обратимся к примерам: рус. *атом* — араб. [*darratun*] ذَرَّةُ → *атомщик* — [*ālimu darratin*] عالم ذَرَّةٍ; рус. *бетон* — араб. [*ḥarasānatun*] خَرَّانَةٌ → рус. *бетонщик* — [*‘āmilu alḥarasānati*] عامل الخرسانة; рус. *вербовка* — араб. [*taḡnīdun*] تَجْنِيدٌ → рус. *вербовщик* — араб. [*miḡannīdun*] مُجَنِّدٌ; рус. *весы* — араб. [*mizānun*] مِيزَانٌ → рус. *весовщик* — араб. [*ūazzānun*] وِزَانٌ.

Русскому суффиксу *-щик* соответствует три варианта арабских формантов: 1) слова типа *рабочий* или *ученый*, что делает арабскую мотивацию уже не единственной, если слово мотивируется ими помимо существительных, как *атом*, *валюта* и др. — дословно *работник бани*, *ученый атома* и т.д.; 2) действительного причастия, в зависимости от породы, если слово мотивировано глаголом, как в случае с *вербовать*; 3) формантом по модели профессии и инструмента [*fa‘āl*] فَعَالٌ, как в последнем примере с [*ūazzānun*] وِزَانٌ.

когда арабское производное мотивируется глаголом 1-й породы и означает при этом привычную профессию. Таким образом, однозначного соотношения словообразовательных суффиксов в русском и арабском нет даже при переводе прямо мотивированного слова, и его выбор в арабском переводе зависит не от того, какой русский суффикс участвует в словообразовании, а какую морфологическую форму имеет слово—начало арабской словообразовательной цепочки. Поскольку структура арабского языка значительно отличается от структуры русского, например в русском языке отсутствует категория породы глагола, то и способы образования слов не будут соотноситься как 1:1. Разные породы арабского глагола могут иметь закрепленные форманты словообразования. А совсем новые явления, например как *атомищик* с короткой в арабском словообразовательной цепочкой, могут образовывать термин неединственной мотивации через описательному способ.

При переводе метафорически мотивированного слова задаче переводчика найти нужный эквивалент в языке перевода предшествует поиск эквивалента, не метафорического, прямо указывающего на значение, в языке оригинала, поскольку необходимо знать ту мотивационную связь, по которой производные и производящие слова связываются. В этом случае возникает сложный вопрос о степени зависимости переводческой эквивалентности от полноты передачи словообразовательной метафоры. Во-первых, сама образность при переводе может исчезнуть, и это считается нормой перевода, если выразительное и понятное для носителей языка перевода средство уподобления не найдено. Например, рус. *змея* — араб. [ʿāfā] أفعى → рус. *змеиться* — араб. [īraūiġu] بُرَاعُ; рус. *бык* — араб. [taūrun] تَورٌ → рус. *бычиться* — араб. [īatahhaġamu] يَنْجَهُمُ; рус. *еж* — араб. [qunfuḍun] قَنْفُذٌ → *ежиться* — араб. [īankamišu] يَنْكَمِشُ и др. Во-вторых, если в переводе и раскрывается переносное значение мотивирующего слова, но оно далеко не всегда передается аналогичными образными средствами. Это зависит уже от степени совпадения картин мира у носителей различных языков.

Получается, что процесс перевода только на стадии понимания исходного текста в этом случае обусловлен 4-мя факторами: 1) основное значение производящей базы; 2) метафорическое значение данной базы; 3) метафорическая мотивация; 4) значение аффикса. Это для русского языка, а для арабского, помимо того, нужна и словообразовательная модель, по которой производное слово образуется, либо в случае использования метафорической мотивации и в арабском языке, компетентная оценка культурного значения метафоры и ее приемлемости в языке перевода.

Другой вид словообразовательной мотивации, по которому достигается переводческая эквивалентность — непосредственная и опосредованная. При первой дериват отличается от производящей базы только одним формантом, например, рус. *вредить* — араб. [īuḍirru] يُضِرُّ → рус. *вредитель* — араб. [muḍirrun] مُضِرٌّ; рус. *вещать* — араб. [īuḍiʿu] يُذِيعُ → рус. *вещатель* — араб. [muḍiʿun] مُذِيعٌ; рус. *взрывать* — араб. [īufaġġiru] يُفَجِّرُ → рус. *взрыватель* — араб. [mufaġġirun] مُفَجِّرٌ. В данном виде словообразовательной мотивации

переводческая эквивалентность достигается путем раскрытия общности корня обоих слов — мотивирующего и мотивированного, с которым связывается общее лексическое значение, поскольку корень у обоих слов один. Словообразовательный аффикс *-тель* тоже один, и это значит, что производное слово осложняется лишь одним формантом, которым словообразовательное значение выражается. В арабском языке общность корня мгновенно позволяет познать общее значение, а флективная модель словообразования раскрывает словообразовательное значение.

Для опосредованной мотивации достижение переводческой эквивалентности более сложная цель — как на этапе понимания иноязычного словообразования, которое вместило в себя не один формант, так и на стадии попытки его передачи несколькими формантами в подражание по форме языку-оригиналу. А в паре русский—арабский задача передачи достижения формальной эквивалентности становится неосуществимой, поскольку, как мы указывали выше, в арабском с его внутренней флексией допускается присоединение только гласных звуков внутри корня и их количественное изменение. Например, системы приставок, передающих значение местонахождения в пространстве или направление движения, в арабском нет. Русские глаголы типа *пришел, зашел, подошел, отошел* и т.д. передаются разными лексическими средствами, а не однокоренными глаголами с разными формантами. Поэтому в этом случае эквивалентными (семантически, но не по форме) будут считаться те арабские соответствия, которые образованы внутренней флексией базы. Ср.: рус. *копить* — араб. [iahzinu] يَخْرُن → рус. *накопитель* — араб. [hāzinun] خازن; рус. *мерить* — араб. [īaqīsu] يَقِيْسُ → рус. *измеритель* — араб. [miqīāsun] مِقْيَاسٌ; рус. *греть* — араб. [īudaff`u] يُدْفِئُ → *нагреватель* — араб. [mifa`tun] مِدْفِئَةٌ.

Что касается исходной/неисходной и единственной/неединственной мотиваций, то при работе с ними нужно ориентироваться на те же практические правила. По общности корня выделяется коренное значение обоих слов — производящих и производных слов, а словообразовательные форманты берут на себя задачу раскрыть словообразовательные значения. Отметим, что нерегулярная мотивации значительно снижает возможность достижения переводческой эквивалентности. Регулярность способа образования позволяет переводчику освоить повторяющиеся средства образования новой лексики. Например, при переводе именовании инструментов: рус. *веять* — араб. [īūdarrī] يُدْرِي → рус. *веялка* — араб. [midrātun] مِذْرَاةٌ ; рус. *греть* — араб. [īudaff`u] يُدْفِئُ → рус. *грелка* — араб. [midf`tun] مِدْفِئَةٌ; рус. *поить* — араб. [īasqī] يَسْقِي → рус. *поилка* — араб. [misqātun] مِسْقَاةٌ; рус. *сеять* — араб. [īabduru] يَبْدُرُ → рус. *сеялка* — араб. [mibdātun] مِبْدَرَةٌ, где в арабском мы выделяем формант *mi*, в совокупности с другими изменениями внутри корня всегда указывающий на инструмент. Продуктивность данного вида словообразовательной мотивации свидетельствует, что именно этим деривационным формантом выражается значение «орудие действие», что дает переводчикам возможность активировать языковую интуицию и по аналогии перевести подобные слова новой лексики. Именно регулярная мотивация стимулирует когнитивное мышление

переводчика улавливать механизмы образования и порождения новой лексики. От нерегулярной мотивации такого результата невозможно ожидать, но она все-таки участвует в познании редких словообразовательных типов.

Выводы и обобщения

Таким образом, такие аналитические и синтетические операции, как словообразовательный анализ и словопроизводство, являются частью или одними из этапов переводческой деятельности, стремящейся к эквивалентности, цель которой — передать значимые элементы, выделенные словообразованием. На первом ее этапе словообразовательный анализ, как вычленение корня мотивирующей базы и деривационного аффикса, показывает, как возможно найти переводческий эквивалент. Дальнейшие переводческие действия зависят от того, насколько близки структуры участвующих в переводе языков.

Нами были выделены особенности арабского языка (форманты с определенным значением, которым нет аналога в русском, грамматическая категория породы глагола, отсутствие развитой системы аффиксов, регулярная внутренняя флексия и др.), понимание которых ведет к достижению эквивалентности при русско-арабском переводе на заключительном его этапе.

Не менее значимыми оказались составленные теоретиками классификации словообразовательной мотивации, которые делят ее прямую и метафорическую, исходную и неисходную, единственную и неединственную, непосредственную и опосредованную, регулярную и нерегулярную. Мы попытались дать ответ на вопрос, должны ли совпадать эти мотивации в языке-оригинале и языке перевода и при каких условиях можно говорить об эквивалентности переводе при несохранении вида мотивации. Нами было отмечено, что арабский язык чаще использует метафорическую мотивацию при порождении новых слов и редко принимает заимствования. Мотивированные на основе метафорической связи слова в переводе редко будут сохранять заложенную в них образность, если будут удерживать образность вообще, что обусловлено сложным несоответствием картин мира у носителей русского и арабского языков. Вместе с тем научные неологизмы показали во всем проанализированном материале практически полное сходство всех элементов даже в случае метафорической мотивации, что позволило нам, если говорить об интернациональности терминологии, предположить и интернациональность метафор узко специальных неологизмов.

Безусловно, каждый из видов мотивации в языке-оригинале диктует свои правила осуществления перевода. Так, при переводе метафорически мотивированного слова задаче переводчика найти нужный эквивалент в языке перевода предшествует поиск эквивалента, не метафорического, прямо указывающего на значение, в языке оригинала, поскольку необходимо знать ту мотивационную связь, по которой производные и производящие слова связываются.

Если неединственная мотивация оказалась актуальной для арабского перевода, более того, к ней переводчик может прибегать как к описательному методу в случаях особых затруднений, то опосредованная мотивация в арабском с его внутренней флексией отсутствует. Очевидно, что это может сказаться на эквивалентности и адекватности перевода с арабского на русский, тем более неносителем русского.

Касаясь регулярной мотивации, мы отметили ее роль в стимулировании целого ряда переводческих умений, как проведение аналогии, лингвистический прогноз и др.

Проведенное нами сопоставительное исследование выявило отличное и схожее не столько в структуре языков и их элементах, сколько в их словообразовательных системах, и позволило внести вклад в частную методику русско-арабского перевода.

Библиографический список

1. *Беляева М.Ю.* Узуально-окказиональные словообразовательные гнезда с вершинами-зоонимами // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография. Майкоп: Магарин О.Г., 2017. С. 380—397.
2. *Блинова О.И.* Явление мотивации слов: лексикологический аспект. Томск: ТГУ, 1984.
3. *Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А.* Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 5—12.
4. *Козинец С.Б.* Частичная метафора в русском языке // Предложение и слово. Саратов: СГУ, 2002. С. 416—421.
5. *Ширинов И.А.* Теоретические проблемы гнездования. М.: Прометей, 1999.
6. *Рацибурская Л.В.* О типологии словообразовательных мотиваций (на примере словообразовательных цепей со словами единичной структуры) // Филологические исследования: сборник статей молодых ученых. Н. Новгород, 2004. С. 193—198.
7. *Ходунова Т.Н.* Словообразовательное гнездо с вершиной «двигать»: история и современное состояние. Автореф.: дис. канд. филол. наук. М., 2010.
8. *Винокур Г.О.* Заметки по русскому словообразованию. М.: Госучпедгиз, 1959.
9. *Земская Е.А.* Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989.
10. *Ibn Faris, Abu Al-Hussein Ahmad Ibn Zakaria.* Dictionary of Language Standards. Jordan: Dar Al-Fikr, 1979.
11. *Jabal M.H.* The theoretical and practical derivation. Cairo: Literature Library, 2006.
12. *Mubarak M.* Philology and characteristics of Arabic. Lebanon: Dar Al Fikr, 2005.
13. *Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение. М.: Красад, 2010.
14. *Al-Foadi Raheem Ali.* Cognitive Elements And Criteria Of The Progressive Inflectional System In Modern Russian Language in The Process Of Verbal Communication (Cognitive Word-Formation Analysis Of The Word Structure) // Modern Journal of Language Teaching Methods (MJLTM). 2018. Vol. 8. Issue 6. P. 104—109.
15. *Улукханов И.С.* Словообразовательная мотивация и ее виды // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1971. Вып. 1. Т. XXX. С. 37—46.
16. *Словарь русского языка.* М.: Русский язык, 1985—1988.
17. *Низаметдинова Н.У.* Историческое словосложение как объект исследования // Филологические науки. 2003. № 6. С. 71—81.
18. *Al-Askari Abu Hilal Al-Hassan bin Abdullah bin Sahl.* The Two Industries Book. Writing and Poetry. Cairo: Al-Babi Al-Halabi, 1952.
19. *Shinawa Suad Shaker.* The Semantic Level in the Rhetorical Arts // Al-Qadisiyah Journal of Literature and Educational Sciences. 2007. Vol. 6. Issues 3—4. P. 105—116.

20. *Al-Jurjānī ‘Abd al-Qāhir ibn ‘Abd al-Raḥmān*. The Secrets of the Rhetoric. Istanbul: Ministry of Knowledge, 1954.
21. *Maghmuli Ismail*. The term in the Arab Islamic heritage and the methods of its development // Arab Heritage Journal. 2004. Issue 93—94. P. 27—37.
22. *Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001.
23. *Kim Wallmach*. Feminist translation strategies: Different or derived? // Journal of Literary Studies. 2006. № 22(1—2). P. 1—26.

References

1. Beljaeva, M.J. (2017). Usual-occasional derivational nests with zoonyms tops. In: *Theory and practice of onomastic and derivatological research*. Majkop: Magarin O.G. pp. 380—397. (In Russ.).
2. Blinova, O.I. (1984). *The phenomenon of word motivation: the lexicological aspect*. Tomsk: TGU. (In Russ.).
3. Boldyrev, N.N. & Panasenko L.A. (2013). Cognitive basis of lexical categories and their interpretive potential. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 5—12. (In Russ.).
4. Kozinec, S.B. (2002). Partial metaphor in Russian. In: *Sentence and word*. Saratov: SGU. pp. 416—421. (In Russ.).
5. Shirshov, I.A. (1999). *Theoretical problems of words formation*. Moscow: Prometej. (In Russ.).
6. Raciburskaja, L.V. (2004). On the typology of word-formation motivation (on the example of word-formation chains with words of a unit structure). *Philological studies: a collection of articles by young scientists*. pp. 193—198. (In Russ.).
7. Hodunova, T.N. (2010). *Word-formation nest with the top “move”: history and current state: [dissertation]*. Moscow. (In Russ.).
8. Vinokur, G.O. (1959). Notes on Russian word formation. Morphology Text: a course of lectures. In: *Selected works on the Russian language*. Moscow: Gosuchpedgiz. pp. 419—443. (In Russ.).
9. Zemskaja, E.A. (1989). *Modern Russian language*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
10. Ibn, Faris & Abu Al-Hussein, Ahmad Ibn Zakaria (1979). *Dictionary of Language Standards*. Jordan: Dar Al-Fikr. (In Arab.).
11. Jabal, M.H. (2006). *The theoretical and practical derivation*. Cairo: Literature Library. (In Arab.).
12. Mubarak, M. (2005). *Philology and characteristics of Arabic*. Lebanon: Dar Al Fikr. (In Arab.).
13. Fortunatov, F.F. (2010). *Comparative linguistics*. Moscow: Krasad. (In Russ.).
14. Al-Foadi, Raheem Ali (2018). Cognitive Elements and Criteria of the Progressive Inflectional System in Modern Russian Language in The Process Of Verbal Communication (Cognitive Word-Formation Analysis Of The Word Structure). *Modern Journal of Language Teaching Methods* (MJLTM), 8(6), 104—109.
15. Uluhanov, I.S. (1971). Word-formation motivation and its types. *News of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series*, 1, 37—46. (In Russ.).
16. Dictionary of the Russian language (1985—1988). Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
17. Nizametdinova, N.U. (2003). Historical composition as an object of research. *Philological sciences*, 6, 71—81. (In Russ.).
18. Al-Askari & Abu Hilal Al-Hassan bin Abdullah bin Sahl (1952). *The Two Industries Book. Writing and Poetry*. Cairo: Al-Babi Al-Halabi. (In Arab.).
19. Shinawa, Suad Shaker (2007). The Semantic Level in the Rhetorical Arts. *Al-Qadisiyah Journal of Literature and Educational Sciences*, 6(3—4), 105—116. (In Arab.).
20. Al-Jurjānī, ‘Abd al-Qāhir ibn ‘Abd al-Raḥmān (1954). *The Secrets of the Rhetoric*. Istanbul: Ministry of Knowledge. (In Arab.).

21. Maghmuli, Ismail (2004). The term in the Arab Islamic heritage and the methods of its development. *Arab Heritage Journal*, 93—94, 27—37. (In Arab.).
22. Janko-Trinickaja, N.A. (2001). *Word formation in modern Russian*. Moscow: Indrik. (In Russ.).
23. Wallmach, Kim (2006). Feminist translation strategies: Different or derived? *Journal of Literary Studies*, 22(1—2), 1—26.

Сведения об авторах:

Аль-Фoadи Рахим Али, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Багдадского университета; *сфера научных интересов*: общее и сопоставительное языкознание; *e-mail*: raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq ORCID 0000-0001-8699-9596

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *сфера научных интересов*: сопоставительное языкознание, функциональная грамматика и лексикология арабского языка, методика преподавания арабского языка, современная арабская литература; *e-mail*: widaad@yandex.ru ORCID 0000-0001-9910-7913

Аль-Рознамачи Рагад Хани, кафедра русского языка филологического факультета Багдадского университета; *сфера научных интересов*: сопоставительное языкознание; *e-mail*: raghad.hani191.rh@gmail.com ORCID 0000-0002-5083-1924

Information about the authors:

Raheem A. Al-Foadi, Doctor of philological sciences, Associate-Professor of the Russian Language Department, College of Languages of the University of Baghdad. *The sphere of research* includes: General linguistics, Comparative linguistics; *e-mail*: raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq ORCID 0000-0001-8699-9596

Victoria N. Zarytovskaya, PhD of pedagogical sciences, Associate-Professor of the Department of Foreign Languages, the Faculty of Humanities and Social Sciences of the RUDN University. *The sphere of research* includes: Comparative linguistics, Functional grammar and lexicology of the Arabic language, Methods of teaching the Arabic language, Modern Arabic literature; *e-mail*: widaad@yandex.ru ORCID 0000-0001-9910-7913

Ragad H. Al-Roznamachi, the Department of Russian Language, College of Languages of the University of Baghdad. *The sphere of research* includes: Comparative linguistics; *e-mail*: raghad.hani191.rh@gmail.com ORCID 0000-0002-5083-1924

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-669-683
UDC 811.111'373.421

Research article / Научная статья

English Career Terms Synonymy

Yulia A. Filyasova

Saint-Petersburg State University of Economics,
Griboyedov Canal Embankment, 30–32 A, Saint-Petersburg, Russian Federation, 191023
✉ phill.yield@gmail.com

Abstract. Synonymy is a linguistic phenomenon which reflects the complexity of reality representation in a linguistic worldview. Terminological synonymy poses certain difficulties for specialists who perform practical tasks in application areas such as translation and education. *Career development, career advancement, career growth, career progression, career progress, career enhancement* are among the most frequently used terms with similar semantics which indicates a certain degree of indefiniteness in the terminology in the correspondent professional field. The aim of this paper is to conduct comparative linguistic analysis of these terms. The material is presented by research article titles from eight scientific databases. Methods include quantitative and qualitative study of frequency, semantic fields by semantically related concepts, keywords, syntagmatic collocability and componential analysis. The results show that *career development* can be currently considered a hyperonym as it is the most frequent and time-proved term with the widest semantic coverage and indication to professional spheres in the dictionaries. Despite its obvious prevalence, *career advancement, career progression, career growth* and *career progress* are gaining momentum as alternative terms highlighting a lack of important semantic nuances in *career development*. Though the general number of *career advancement* and *career progression* across research papers is considerably lower, their presence in article titles is almost the same as that of *career development*. Title is arguably the most demonstrative part of a research paper; therefore, it can be presumed that the career terms might acquire lexical meanings which will clearly differentiate vertical career growth from horizontal organizational movement.

Keywords: synonymy, hyperonym, career, term, research article, componential analysis, semantic field, syntactic collocability

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 01.06.2021

For citation:

Filyasova, Yu.A. (2021). English Career Terms Synonymy. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 669–683. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-669-683

© Filyasova Yu.A., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

УДК 811.111'373.421

Синонимия английских карьеро-ориентированных терминов

Ю.А. Филясова

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
наб. канала Грибоедова, д. 30—32, литер А, Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191023
✉ phill.yield@gmail.com

Аннотация. Синонимия — это языковое явление, показывающее сложность репрезентации реальности в языковой картине мира. Терминологическая синонимия представляет определенные трудности для специалистов, выполняющих практические задачи в прикладных областях, таких как перевод и образование. *Career development, career advancement, career growth, career progression, career progress, career enhancement* являются наиболее употребительными терминами с похожей семантикой, которая указывает на некоторую неопределенность терминологии в соответствующей профессиональной области. Цель данной работы — выполнить сравнительный языковой анализ перечисленных терминов. В качестве материала исследования были отобраны названия научных статей из восьми научных баз данных. Методы исследования включали количественный и качественный анализ частотности, семантических полей на основе семантически связанных понятий, ключевых слов, синтагматической сочетаемости и компонентный анализ. Результаты показывают, что *career development* в настоящее время можно считать гиперонимом, т.к. это наиболее частотный и проверенный временем термин с наиболее широкой семантикой и указанием на профессиональные области в словарных статьях. Несмотря на очевидную распространенность, *career advancement, career progression, career growth* и *career progress* становятся популярными как альтернативные термины, подчеркивая недостаточную способность *career development* в передаче оттенков значения. Хотя общее число терминов *career advancement* и *career progression* в публикациях значительно меньше, их присутствие в названиях статей почти такое же, как у *career development*. Название — это наиболее показательная часть публикации; следовательно, можно предположить, что рассматриваемые термины могут приобрести лексические значения, которые будут четко различать вертикальный карьерный рост и горизонтальное продвижение.

Ключевые слова: синонимия, гипероним, карьера, термин, научная статья, компонентный анализ, семантическое поле, синтаксическая сочетаемость

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 01.06.2021

Для цитирования:

Filyasova Yu.A. English Career Terms Synonymy // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 669—683. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-669-683

Introduction

Synonymy is a linguistic phenomenon that represents complicated relationships between lexical meaning and object of reference. The latter normally has a complex nature which needs more than one linguistic sign to be represented in speech.

Complete synonyms are rare [1] due to semantic, expressive, stylistic, syntactic features, also dialectical variations, speakers' attitudes, and origin of words [2] which differentiate doublets. Each word possesses a unique semantic field and etymology which determine its functional characteristics. Synonyms provide opportunities to describe facts, objects and phenomena of extralinguistic reality and environment in a detailed manner with preciseness and accuracy taking into consideration stylistics, register, communicative situation, speech context, modality and pragmatic subtleties [3]. Nowadays, synonymy is widely studied by means of text mining applications, such as automatic clustering of synonymous phrases [4]. Along with semantic identity and similar functions, uniformity of derivational paradigms and similarity of accentual models are also regarded as significant factors in construction of synonymous chains [5].

Synonymy is not a vitally important topic for conversational speech and normal daily interactions as it is neutralized by contextual implications and communicative background. Moreover, the scope of conversational lexis is well known; shared awareness of lexical meaning allows communicators to successfully meet communicative objectives. As opposed to commonly known vocabulary, terms pose serious difficulties for non-professional speakers. Even among professional communicators, terms have to be continuously clarified and specified in order to eliminate obscurity and ambiguity in meaning due to potential differences in views, descriptive approaches and contextual understanding. Subsequently, terms as a category of lexis are also characterized by synonymy though they are supposed to have direct connections between word, its denotatum and significatum. Linguistic criteria for terms description include nominative nature, frequency, specificity of usage, conventionality, terminological derivativeness and productivity, motivation, laconism, internationalization [6]. Term is a useful professional tool for specialists [7].

Terms is a subcategory of a language function, according to common linguistic laws. "Term is a word which belongs to a flexible, dynamic and liquid lexical system where new lexical meanings are constantly emerging" [8. P. 34]. Functional areas, such as petroleum, construction industries, engineering, design, among others, are considered to be specific for terms separating them into a particular category of words. The borderline between common lexis and terminology is not well-established, largely depending on the context and communicative situation. Cognitive differentiation of synonyms is a key to communicative success: "A lexicon associates each message with a set of states. A linguistic behavior specifies a probabilistic speaker rule (a probabilistic choice of message for each state) and a probabilistic hearer rule (a probabilistic choice of state for each message) given a lexicon" [9. P. 2762].

Lexical synonymy is closely related to another linguistic phenomenon called variation, or absolute synonymy [10]. The former considering lexical units with adjacent but still non-overlapping semantic fields does not completely coincide with the latter being typical of initial stages of field development. Deeper research

and understanding the field is accompanied by establishment of terms with clear differentiation of meaning.

In relation to terms nominating industrial objects, it is worth noting that these are constantly changing due to upgrading, material improvement, environment transformation and other processes related to extralinguistic reality. Units of language which are derivative of these objects have to change subsequent to social and industrial processes. Many terms become obsolete and useless as they do not contain key features of new objects. New characteristics which objects of reference acquire in the course of time need nomination. Taking into consideration fast rates at which industry is currently developing, synonymy and variation are consecutive and unavoidable. “A considerable space for synonymic treatment of terms results in the detriment of their correct conceptual decoding” [11]. At a given time and within a scientific community, one term may become more popular than others: “We propose the concept of ‘master term’ as a keyword that not only reflects, but activates and establishes a master frame around which conversations and practices revolve” [12].

Terms can be represented by single, derivative, compound words and terminological phrases. Compound terms are considered to be the most productive due to their potential to denote complex nature of real objects [13]. Lexical synonymy among terms positively affects the semantic accuracy of terms since it ameliorates terminological meaning and beneficiates their semantic structure.

Yu.D. Apresyan distinguishes four categories of synonyms: those which completely coincide, functionally coincide, partly coincide, and are completely different [14. P. 230]. Murphy [15] defines absolute synonyms as words whose meaning and contextual functions are identical. Anagbogu et al. [16] add that absolute synonyms are contextually interchangeable. Those synonyms which are close in meaning but have denotative or significative differences are called quasi synonyms which demonstrate collocational incompatibility [17. P. 100]. Semantic classification and categorization based on dictionaries, thesauri and lexicological sources are among the main research methods of studying semantic fields of key concepts, their synonymic variations and identifying semantic cores [18—20]. Theoretical fundamentals based on practical research methods give evidence that analysis of synonymy should be based on semantic and syntactic studies. A complex of generalized knowledge of lexical units summarized in dictionaries and specific lexical meaning exposed in particular contextual realizations can complement each other and, in addition, expand generally known concepts with newly appearing subtleties in lexical meaning [21; 22].

The aim of this paper is to study the semantics and functionality of career terms and identify the degree of their correspondence in terms of synonymy: *career advancement*, *career development*, *career enhancement*, *career growth*, *career progress*, and *career progression*. The terms are widely used in the field of management sociology, which is “a terminologically heterogeneous knowledge domain, comprising overlapping subsystems that select relevant terms through systemic relations, according to certain scientific theories, approaches, and schools” [6. P. 167].

Material

Title is the most exposed part of a research article; it is readily available and easily accessible to the reader. In some cases, title is the only part of an article which is available. Title gives the reader the most relevant information about the problem area of the research. Title does not contain any random pieces of information about the topic of research. Therefore, titles are viewed as the most reliable indicators of terminological functionality.

The career terms were analyzed in dictionary entries and research articles. 420 research article titles were selected by means of continuous sampling from international academic journal databases [32—39]. Those article titles which contained the target terminological phrases were included in the analysis. The terms demonstrate unequal presence in titles (Tb. 1). *Career development*, *career advancement* and *career progression* are the most numerous across the databases. *Career growth* is twice as less frequently occurring a term, followed by *career progress*; *career enhancement* is four times less frequent as a term.

Table 1 / Таблица 1

The career terms in research papers
Термины, описывающие карьеру, в научных статьях

No	Terms	Article titles [32—38]	Documents [39]
1.	Career development	110	43394
2.	Career advancement	101	4823
3.	Career progression	100	2569
4.	Career growth	48	6092
5.	Career progress	37	4518
6.	Career enhancement	24	977
Total		420	57918

The terms are compound, characterized by binomiality, consisting of two unrelated words which acquire professional meaning when used together. The denotatum and significatum of the terms are not completely settled or stable due to active processes of social change and transformation in the modern society. Specifically, career is currently viewed not only in the vertical, but also horizontal meaning. Therefore, the difficulty of comparing the terms by their semantics is caused by the obscure denotative meaning of the basic term itself. A.A. Ufimtseva calls such words — nominations of unique and unreal objects of reference [23. P. 124] — those which do not have a direct material denotatum. According to the obtained statistics, ‘career development’ can be regarded as an umbrella term, or hyperonym. However, further semantic and syntactic analysis is needed.

Methodology

Quantitative data showing the number of research documents containing the career terms and their frequency and relations with other keywords on the basis of

their bibliographic data were obtained from the database [39]. Lexical semantics of the terms was studied by means of componential analysis, contextual semantic analysis and syntactic collocability analysis. Firstly, definitions of the terms' compound elements were studied in four English dictionaries [28—31], and their key semes were compared. Secondly, seven scientific databases [32—38] were searched for research article titles by means of the terms as keywords. Concepts related to career terms in contextual realizations were identified in each title and classified into three broad categories for each term: personal, organizational and societal levels. Thirdly, syntactic collocability was examined with the neighbouring lexical units in the left and right contexts in terms of morphological categories.

Results

All of the career terms under analysis demonstrate similar growing dynamics in frequency, beginning with sluggish growth in the 1970s (*career development*, *career advancement*, *career progress* and *career growth*), 1980s (*career enhancement*), 1990s (*career progression*) followed by exponential surge which started in 2000 (for *career development* and *career growth*), 2002 (*career advancement*), 2003 (*career progression*), 2004 (for *career enhancement* and *career progress*) (Fig. 1).

The analysis of bibliographic data containing the career terms in [39] with the help of VOSviewer showed their most frequent connections with related concepts. *Career development*, in the range 2015—2018, has close relations with the most recent keywords 'education' and 'human experiment', followed by earlier 'professional development' and gender issues at the beginning of the analyzed period.

The most frequent words related to *career advancement* range between 2017 and 2018 (Fig. 2). The most recent words include 'career', 'leadership', 'adult', and 'human experiment'. Important issues concern gender differences, education and career mobility.

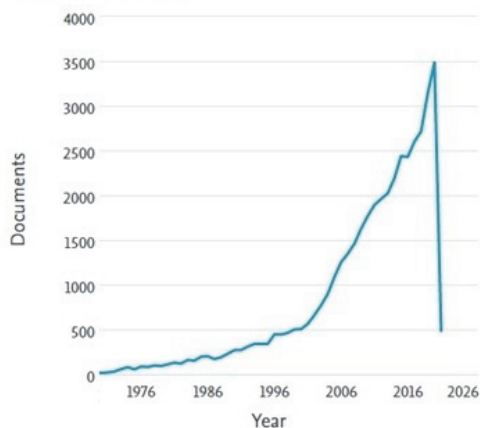
Variation timespan of the most frequently occurring words characterizing *career growth* includes one year — 2018. Similarly to *career advancement*, gender issues and human experiments are currently relevant, along with 'employment', 'education' and 'students'.

Timespan of the term *career progression* lasts between 2014 and 2017. It can be noted that in 2018 it wasn't as popular as *career advancement* or *career growth*. Gender issues, education and career mobility make up the semantic field for that period.

Keyword association of the term *career progress* falls within the timeline between 2017 and 2018; it has a clear distinction of related words into three periods: gender differences, education and student professionalization. The latter association forms common ground with the term *career growth*.

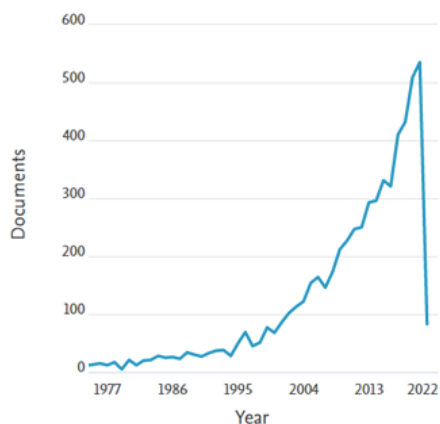
Career enhancement seems to be obsolete as it was intensively used between 2010 and 2012. 'Students' and 'professional education' refer to the earlier part of the period, while the later period is characterized by gender differences.

Documents by year

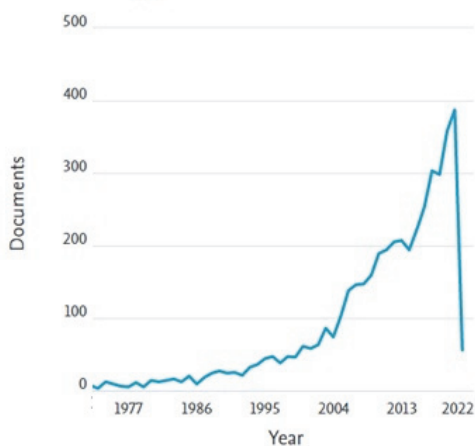
1.1. Career development

Documents by year

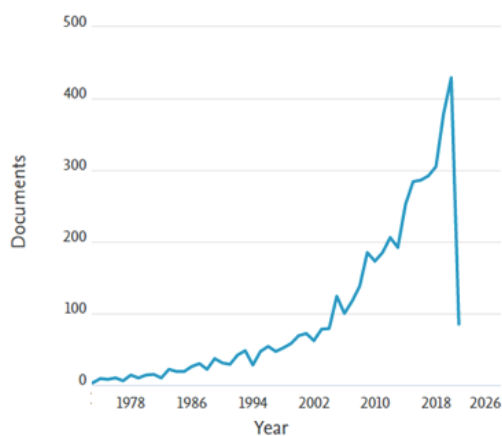
1.2. Career growth

Documents by year

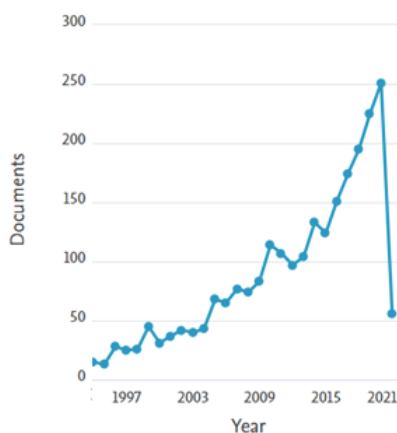
1.3. Career progress

Documents by year

1.4. Career advancement

Documents by year

1.5. Career progression

Documents by year

1.6. Career enhancement

Fig. 1. Documents containing the career terms in the database [39]

To sum up, all of the terms consider education and gender as the key issues of career. Career mobility, students, professional aspects, engineering and human experiments constitute the second most frequently used keywords which differentiate their semantics.

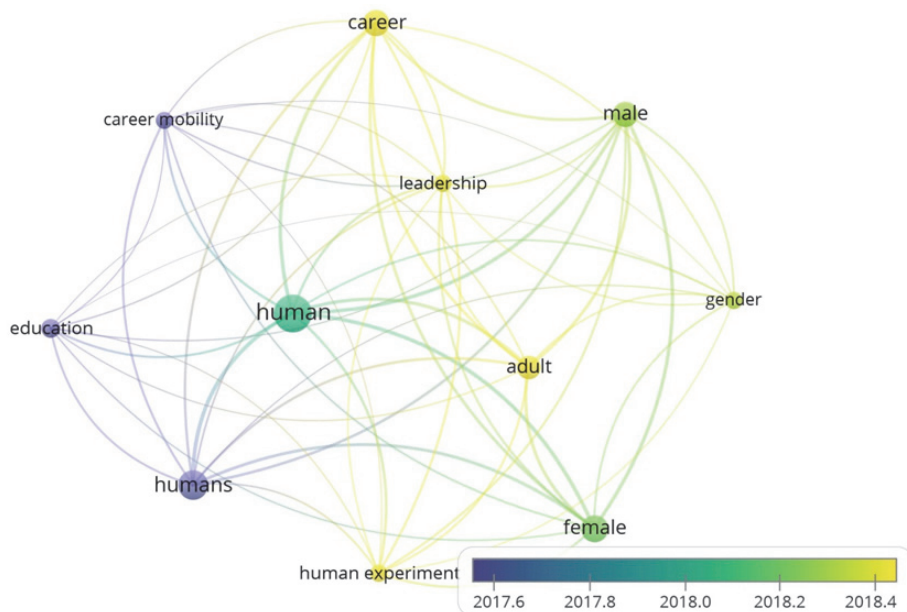

Fig. 2. Keyword occurrence for the term ‘career advancement’
Рис. 2. Сочетаемость ключевого слова для термина «карьерный рост»

The lexeme *career* (Tb. 2) is defined as *job* (work done regularly for earning money), *profession* (job requiring skills, qualifications, and related to high social status), and *field* (work related again to high social status) [30]. Therefore, *career* is a complex concept which combines such semes as work, money, and status. The general meaning of the constituent elements (2—7: Tb. 2) is almost identical, coinciding in many aspects and demonstrating an upward trend towards a higher virtual goal or accumulation of tangible and intangible benefits. They have overlapping semantics across dictionaries: each of the terms is defined with key semes of the other terms under analysis. Common semantic components are improvement, change, increase, achievement. Judging by the given examples, *career development* and *career advancement* seem to be more career-specific terms.

It is obvious that “sense relations are not enough to explain the relation between some lexical items. For example, we cannot explain the relation between patient and hospital through synonymy, antonym, hyponymy, polysemy or homonymy, but we can say that they belong to the same semantic field which we can label as ‘health’” [24]. The semantic relations in 420 research article titles were analyzed in order to understand the scope of the semantic field for each career term (Tb. 3). All related notions were divided into three broad categories: personal, organizational and societal. At the personal level, important topics include education, health, family, emotional balance, personality types, personal career

choice. At the organizational level, such issues as personnel training and development, work commitment, personnel appraisal, ROI, performance, motivation, socialization and barriers are considered. Societal level concerns people with disabilities, women, young adults, students, social minorities, common health issues, market conditions, social networks, ecology, among others.

Table 2 / Таблица 2

Dictionary definitions of the term elements
Дефиниции элементов терминологических сочетаний

Terminological elements	Definitions
1. career	<ul style="list-style-type: none"> • a job that you do for a long period of your life and that gives you the chance to move to a higher position and earn more money [28]; • a job or profession that you have been trained for, and which you do for a long period of your life [29]; • a job or series of related jobs that you do, especially a profession that you spend a lot of your working life in [30]; • a profession for which one trains and which is undertaken as a permanent calling [31]; • a field for or pursuit of consecutive progressive achievement especially in public, professional, or business life [31]
2. development	<ul style="list-style-type: none"> • the process of growing, changing, or becoming more advanced [28]; • the process of gradually becoming bigger, better, stronger, or more advanced [29]; • change, growth, or improvement over a period of time [30]; • the act, process, or result of developing [31] <p><i>e.g. professional / personal development; economic / industrial / business development</i></p>
3. advancement	<ul style="list-style-type: none"> • progress [28]; • progress or development in your job, level of knowledge [29]; <p><i>e.g. career advancement</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • progress in your career [30]; • promotion or elevation to a higher rank or position [31]; • progression to a higher stage of development [31]
4. growth	<ul style="list-style-type: none"> • the process of growing, increasing, or developing [28]; • an increase in amount, number, or size; an increase in the value of goods or services produced and sold by a business or a country [29]; • an increase in the number, size, or importance of something [30]; • progressive development: evolution [31]; • increase, expansion [31]
5. progression	<ul style="list-style-type: none"> • a change to the next stage of development [28]; • a gradual process of change or development [29]; • gradual change or development [30]; • the action or process of progressing: advance [31]; • a continuous and connected series: sequence [31]
6. progress	<ul style="list-style-type: none"> • development and improvement of skills, knowledge, etc [28]; • the process of getting better at doing something, or getting closer to finishing or achieving something [29]; • the process of developing or improving [30]; • a forward or onward movement (as to an objective or to a goal): advance [31]; • gradual betterment [31]
7. enhancement	<ul style="list-style-type: none"> • improvement [28]; • improvement [29]; • the process of improving something [30]; • increase or improvement in value, quality, desirability, or attractiveness [31]

General overview of the related terms showed connection of the career terms with such fields as (1) **higher education**: students, faculty, professional skills, qualifications; (2) **medicine**: specific medical workers; (3) **general work environment**: employment, job satisfaction, personnel turnover, personnel assessment; (4) **social issues**: inequality, barriers, gender, race, ethnicity, health. IT specialists, engineers and lawyers are of rare occurrence.

Syntagmatic collocability is one of the key indicators of lexical semantics since words function only in context. Linguistic meaning of a word as an intrinsic characteristic determines its syntactic relations in speech. Syntactic collocability as a field of practical research gives evidence of valency — a linguistic category [25. P. 30]. Context is made up of morphological elements and syntactic constructions. Collocability is determined by narrow, broad and situational context.

The research article titles are characterized by nominative syntactic structures [26]. Syntactic structures were divided into six categories according to their frequency. Non-prepositional structures are the most numerous: it constitutes 41%—54% among all structure. *Career progress* is the only term that falls out of the trend, having prevalent right prepositional structures (43%), for example:

- Non-prepositional: *Exploring the Factors Affecting Career Advancement Opportunities for Women Executives in the Service Sector* (Gerund CA Noun).
- Non-prepositional: *National Career Development Strategy* (Adj. CD Noun).
- Non-prepositional: *Managers' Assessments of Employees' Organizational Career Growth Opportunities: The Role of Extra-Role Performance, Work Engagement, and Perceived Organizational Commitment* (Adj. CG Noun).
- Non-prepositional: *Professional Coaching: An Innovative and Promising Leadership Development and Career Enhancement Approach for Public Health Professionals* (CE Noun).
- Right prepositional: *The Contributions of Emotional Intelligence and Social Support for Adaptive Career Progress Among Italian Youth* (Adj. CP Prep.).

The second frequent syntactic construction is by far less homogeneous than the prevalent structure: right prepositional for *career progression* (48%) and *career advancement* (39%); non-prepositional for *career progress* (35%) and *career enhancement* (42%), left prepositional for *career development* (27%); left prepositional (27%) and attributive (27%) for *career growth*, for example:

- Right prepositional: *Rising to the Top: Career Progression of Women Senior-Level Student Affairs Administrators* (CP Prep.).
- Right prepositional: *Women Career Advancement in Public Service: A Study in Indonesia* (Noun CA Prep.).
- Non-prepositional: *Deus ex machina? Career progress and the contingent benefits of knowledge management systems* (CP Conj.).
- Non-prepositional: *Raising the Bar: Addressing Job Satisfaction Through the Development of an Achievement-Based Career Advancement Program* (Noun-Adj. CA Noun).
- Left prepositional: *A Crisis in Career Development: Life Designing and Implications for Transition* (Prep. CP).
- Attributive: *The Effects of Part-Time Employment and Gender on Organizational Career Growth* (Adj. CG).

Table 3 / Таблица 3

Semantic fields of the career terms
Семантические поля, описывающие условия реализации карьеры

Career development	<p>Personal level: education (3); ability (2); whole-life approach; chance (2); spirituality (2); kindness; family; personality (5); effort; success</p> <p>Organizational level: organizations (3); motivation; applications; performance appraisal; approaches; strategy; program (3); ROI; measures (2); culture (2); relations; mentoring (6); learning; leadership; skills (4); knowledge; courses (2); services (3); occupational therapy; job satisfaction (2); social media; HR; personnel; football; teachers (4); professors (3); statisticians; technology workers</p> <p>Societal level: social justice (2); crisis; public policy; persons with disabilities (8); COVID-19; social inclusion; students (19); children (6); women (6); gender (2); immigrants (2)</p>
Career advancement	<p>Personal level: education (4); career skills (2); narcissism; work life; health</p> <p>Organizational level: executives (6); mentorship (5); strategy (3); low-wage workers (3); job hunt (2); ambition (2); job performance (2); organizational commitment (2); job satisfaction; barriers (3); trust (2); leadership (2); workplace romance; etiquette; faculty (8); psychologists; medical workers (9); engineers (4); research; cybersecurity</p> <p>Societal level: persons with disabilities (8); social capital; culture; social inequality (2); labor legislation, market demand; women (31); gender (3)</p>
Career progression	<p>Personal level: health (3); personality traits and values; marital status; higher education; undergraduates; career choices</p> <p>Organizational level: planning; behavioural modelling; organisational barriers; the best portfolio; job mobility; job satisfaction; mentoring (2); apprenticeships; training (2); doctors; librarians; clients; cricketers'; headship; entrepreneurs; medicine; surgeons (5); nurses (6); therapists; dietitians; physiotherapists'; gynaecology; legal profession (2); radiographers; football (3); accountants'; athletic directors; academics (7); IT (2)</p> <p>Societal level: network (2); community sector (2); market forces (2); politics; modernizing; ecology; social inequality (10); covid-19; criminals (2); public opinion; science careers (3); ethnic minority (6); women (20); gender (4)</p>
Career growth	<p>Personal level: personality (4); work attitudes (3); careerist orientation (3); stress; competency (2); knowledge; job search; job loss (2)</p> <p>Organizational level: organization (7); organizational socialization (2); commitment (6); support; turnover (5); company barriers (3); leadership; motivation; women (4); nurses (5); faculty (2); culture; librarians</p> <p>Societal level: gender (2); opportunities; engineering students (2); technical education (3); students; repatriate; the web</p>
Career progress	<p>Personal level: vocational identity; overeducation; self-efficacy; qualification</p> <p>Organizational level: emotional intelligence; nursing (3); anaesthesia; surgical; commitment; work satisfaction; knowledge; turnover; management (4); leadership; academics (2); competence assessment; employability; professionals; athletes</p> <p>Societal level: social support; youth (3); gender differences; women (8); geographical mobility; gender issues (4); academic systems; social capital; graduates (2); scholars; race (2); digital skills; nursing; learning environment; students; social barriers (2)</p>
Career enhancement	<p>Personal level: personal development; work life</p> <p>Organizational level: professional coaching (5); leadership; professional competence (3); professional certification; academy; teacher (3); faculty; diversifying profession; poultry processing</p> <p>Societal level: women (2); public health; undergraduates</p>

Table 4 / Таблица 4

Syntactic collocability, %, of the career terms
Синтаксическая совместимость терминов, %, описывающих карьеру

Syntactic structures	Career development	Career advancement	Career progression	Career Growth	Career Progress	Career enhancement
Non-prepositional	45	44	41	54	35	42
Right prepositional	17	39	48	23	43	13
Left prepositional	27	22	19	27	24	46
Possessive nominative	7	15	14	13	5	8
Attributive	5	9	14	27	19	0
Verbal	5	7	11	4	5	0

Conclusion

The six career terms considered in the paper have//belong to similar semantic fields but have different frequency of occurrence in research documents and article titles. The obtained results can be used in different application areas, such as professional thesaurus complication, translation and teaching practice. Co-existence of several alternative terms might show their intention to differentiate vertical movement along a hierarchical organizational structure from horizontal, lateral move.

Career development seems to be a hyperonym for the considered terms since it is among the most frequently occurring terms in research article titles across all databases, and by far the most numerous term used in the Scopus database (39). It was among the first terms which appeared in research articles — in the 1970s — and had an early take off in 2000. Due to its prevalent quantitative presence in research papers, it has the widest semantics. Dictionaries mention its connection to professional business areas. Its main syntactic structures are non-prepositional and left prepositional constructions.

Career advancement and *career progression* are almost as frequent as *career development* in research article titles, however, they are significantly less numerous in research papers, even less numerous than *career growth* across research documents. It is worth noting that *career progression* is the latest among all terms under consideration since it became popular only in the 1990s. As for collocability, *career advancement* and *career progression* have similar occurrence in non-prepositional and right prepositional syntactic structures. Both of them have *career mobility* as a frequent keyword. However, *advancement* has indication of career-related progress in dictionaries.

Career growth is about 20% a more frequently used term than *career progress*, but in comparison with the other terms, they have a similar occurrence both in research article titles and research papers. Analysis of bibliographic data shows that they have more links with professional aspects of career. In terms of collocability, *career growth* has a wider valency potential showing frequent syntactic occurrence

in right, left prepositional and attributive structures; while *career progress* tends towards right and non-prepositional structures. Generally, *career growth* is syntactically a multifunctional term.

Career enhancement seems to be currently losing its popularity though it became frequent in the 1980s — earlier than *career progression*. Syntactically, its collocability is similar to *career development*. It should be mentioned that it has no collocations in attributive or verbal structures.

References

1. Lemov, A.V. (2015). Whether doublets-synonyms are identical or not. *Historical and social educational ideas*, 7(3), 211—213. (In Russ.).
2. Alomoush, O.I.S. (2016). Synonymy in Jordanian Arabic. *Advances in Language and Literary Studies*, 7(3), 243—247.
3. Litvinova, L.A. (2016). Functions of synonyms in language. *Innovative Science*, 6(3), 128—131. (In Russ.).
4. Nguyen, N.T.H., Miwa, M., Tsuruoka, Y. & Tojo, S. (2015). Identifying synonymy between relational phrases using word embeddings. *Journal of Biomedical Informatics*, 56, 94—102.
5. Zubkova, L.G. & Karavaeva, E.M. (2008). Typology of verbal synonymous rows in the plan of expression. *Scientific notes of KGU*, 150(2), 219—227. (In Russ.).
6. Maikova, T.A. (2016). Basic criteria for terminology selection in compiling lexicographic model of sociological terminology in English. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 165—174. (In Russ.).
7. Kalugina, Ju.E. (2020). Analysis of Country Specific Terminological Units in Economics from English Sources. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(3), 517—531. (In Russ.).
8. Saprykina, O.A. (2016). Term as a phenomenon of language and of culture (history of words and concepts). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 165—174. (In Russ.).
9. Brochhagen, T., Franke, M. & van Rooij, R. (2018). Coevolution of lexical meaning and pragmatic use. *Cognitive Science: A Multidisciplinary Journal*, 42, 2757—2789.
10. Okeke, G.T., Mbah, B.M. & Okeke, Ch.O. (2020). Re-Examination of Synonymy in the Standard Igbo. *SAGE Open*, 10(1), 21582440209.
11. Bednárová-Gibová, K. (2019). Synonymic Traps in Selected English Lexical Semantics Terms. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 754—760.
12. Stevens, T.M., Aarts, N., & Dewulf, A. (2019). The emergence and evolution of master terms in the public debate about livestock farming: Semantic fields, communication strategies and policy practices. *Discourse, Context and Media*, 31, 100—317.
13. Soluyanova, E. (2014). Synonymy of machine building terms. *Izvestiya MGTU "MAMI"*, 1, 237—240. (In Russ.).
14. Apresyan, Yu.D. (1974). *Lexical semantics: synonymous language means*. Moscow. (In Russ.).
15. Murphy, M.L. (2003). *Semantic relations and the lexicon*. Cambridge: University Press.
16. Anagbogu, P.N., Mbah, B.M., & Eme, C.A. (2010). *Introduction to linguistics*. Amaka Dreams.
17. Kobozeva, I.M. (2000). *Linguistic semantics*. Moscow: URSS. (In Russ.).
18. Denisenko, V.N. & Leksina, I.A. (2016). Psycholinguistic characteristics of the verbs of emotional 5 evaluative relations. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 130—136. (In Russ.).
19. Boholm, M. (2017). The semantic field of risk. *Safety Science*, 92, 205—216.
20. Filyasova, Yu.A. (2019). The English Economic Term 'Human Capital' and Its Semantic Field in Scientific Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(3), 700—713.

21. Filyasova, Yu.A. (2019). Effectiveness vs. efficiency: an analysis of valency and collocability in a technical context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(1), 187—196.
22. Yang, B. (2016). A Corpus-Based Comparative Study of “Learn” and “Acquire”. *English Language Teaching*, 9(1), 209—220.
23. Ufimtseva, A.A. (1986). *Lexical meaning*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
24. Boran, G. (2018). Semantic Fields and EFL/ESL Teaching. *International Online Journal of Education and Teaching*, 5(2), 391—399.
25. Vlavatskaya, M.V. (2009). Combinatorial semasiology (semantics and word combinability). *MNKO*, 7(2), 29—34. (In Russ.).
26. Filyasova, Yu.A. (2020). A Linguistic Analysis of Petroleum-Related English Research Article Titles. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 120—134.
27. Liu, D. & Zhong, Sh. (2016). L2 vs. L1 Use of Synonymy: An Empirical Study of Synonym Use/Acquisition. *Applied Linguistics*, 37(2), 239—261.

Dictionaries

1. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed: 30.01.2021).
2. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed: 30.01.2021).
3. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed: 30.01.2021).
4. Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed: 30.01.2021).

Sources

1. 32. ERIC. URL: <https://eric.ed.gov/> (accessed: 30.11.2020).
2. IEEE Xplore. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/> (accessed: 30.11.2020).
3. JSTORE. URL: <https://www.jstor.org/> (accessed: 30.11.2020).
4. SAGE. URL: <https://journals.sagepub.com/> (accessed: 30.11.2020).
5. Science Direct. URL: <https://www.sciencedirect.com/> (accessed: 30.11.2020).
6. The Directory of Open Access Journals. URL: <https://doaj.org/> (accessed: 30.11.2020).
7. Wiley. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/> (accessed: 30.11.2020).
8. Scopus. URL: <https://scopus.com> (accessed: 30.11.2020).

Библиографический список

1. Лемов А.В. Тождественны ли дублиеты-синонимы? // ИСОМ. 2015. № 3. С. 211—213.
2. Alomoush O.I.S. Synonymy in Jordanian Arabic // *Advances in Language and Literary Studies*. 2016. Vol. 7 (3). P. 243—247.
3. Литвинова Л.А. Функции синонимов в языке // *Инновационная наука*. 2016. № 6—3. С. 128—131.
4. Nguyen N.T.H., Miwa M., Tsuruoka Y., Tojo S. Identifying synonymy between relational phrases using word embeddings // *Journal of Biomedical Informatics*. 2015. Vol. 56. P. 94—102.
5. Зубкова Л.Г., Караваева Е.М. Типология глагольных синонимических рядов в плане выражения // *Уч. записки КГУ*. 2008. Т. 150. Кн. 2. С. 219—227.
6. Майкова Т.А. Основные критерии отбора терминологической лексики при разработке лексикографической модели англоязычной терминологии социологии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2016. Т. 7. № 2. С. 165—174.
7. Калугина Ю.Е. Анализ национально-маркированных терминологических единиц экономики на материале английского языка // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. Т. 11. № 3. С. 517—531.

8. *Сапрыкина О.А.* Термин как феномен языка и культуры (к истории слов и понятий) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т.8. № 1. С. 33—39.
9. *Brochhagen T., Franke M., van Rooij R.* Coevolution of lexical meaning and pragmatic use // *Cognitive Science: A Multidisciplinary Journal*. 2018. Vol. 42. Pp. 2757—2789.
10. *Okeke G.T., Mbah B.M., Okeke Ch.O.* Re-Examination of Synonymy in the Standard Igbo // *SAGE Open*. 2020. Vol. 10 (1). P. 21582440209.
11. *Беднарлова-Губова К.* Синонимы-ловушки отдельных терминов лексической семантики английского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 4. С. 754—760.
12. *Stevens T.M., Aarts N., Dewulf A.* The emergence and evolution of master terms in the public debate about livestock farming: Semantic fields, communication strategies and policy practices // *Discourse, Context and Media*. 2019. Vol. 31. P. 100—317.
13. *Солуянова Е.Г.* Синонимия машиностроительных терминов // *Известия МГТУ*. 2014. № 1. С. 237—240.
14. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974.
15. *Murphy M.L.* Semantic relations and the lexicon. CUP, 2003.
16. *Anagbogu P.N., Mbah B.M., Eme C.A.* Introduction to linguistics. Amaka Dreams, 2010.
17. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
18. *Денисенко В.Н., Лексина И.А.* Психолингвистическая характеристика глаголов эмоционально-оценочных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. Т. 7. № 3. С. 130—136.
19. *Voholm M.* The semantic field of risk // *Safety Science*. 2017. Vol. 92. P. 205—216.
20. *Филясова Ю.А.* Английский экономический термин «человеческий капитал» и его семантическое поле в научном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 3. С. 700—713.
21. *Филясова Ю.А.* Effectiveness vs. efficiency: анализ валентности и сочетаемости в техническом контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. С. 187—196.
22. *Yang B.* A Corpus-Based Comparative Study of “Learn” and “Acquire” // *English Language Teaching*. 2016. Vol. 9 (1). P. 209—220.
23. *Уфимцева А.А.* Лексическое значение. М.: Наука, 1986.
24. *Voran G.* Semantic Fields and EFL/ESL Teaching // *International Online Journal of Education and Teaching*. 2018. Vol. 5 (2). P. 391—399.
25. *Влавацкая М.В.* Комбинаторная семасиология (семантика и сочетаемость слов) // *МНКО*. 2009. № 7—2. С. 29—34.
26. *Филясова Ю.А.* Лингвистический анализ английских названий научных статей по нефтегазовой тематике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т 11. № 1. С. 120—134.
27. *Liu D., Zhong Sh.* L2 vs. L1 Use of Synonymy: An Empirical Study of Synonym Use/Acquisition // *Applied Linguistics*. 2016. Vol. 37(2). P. 239—261.

Информация об авторе:

Филясова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета; *научные интересы:* лингвистика, фонетика, деловой английский язык, медиадискурс, технический перевод, педагогика; *e-mail:* phill.yield@gmail.com SPIN-код: 9503-8000

Information about the author:

Yulia A. Filyasova, PhD of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology and Translation, Saint-Petersburg State University of Economics; *research interests:* Linguistics, Phonetics, Business English, Media discourse, Technical translation, Pedagogy; *e-mail:* phill.yield@gmail.com ORCID 0000-0002-9728-9458

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-684-698

УДК [811.161.1:811.411.2]726.2-053.81

Научная статья / Research article

Англицизмы в молодежном сленге 2020—2021 гг.: опыт описания и анализа

О.В. Цибизова, И.И. Галанкина✉

Российский государственный аграрный университет —
Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева,
127550, Российская Федерация, Москва, Тимирязевская ул., 49
✉galankina@rgau-msha.ru

Аннотация. Данное исследование посвящено выявлению английских заимствований в молодежном сленге, присущем поколению «миллениалов» — молодых людей от 14 до 35 лет, родившихся в период, близкий к рубежу тысячелетий. Явлению молодежного сленга, определению его границ, функций и критериям описания посвящено множество научных работ. Наиболее актуальные из них фокусируются на молодежном сленге 2010-х гг. Имеются исследования проблемы английских заимствований и английского влияния в современном русском языке. Однако воздействие английского языка на сленг современной молодежи мало изучено. Мы полагаем, что стремительный рост количества заимствований в данной сфере требует пристального внимания и научного анализа. Сленг «миллениалов» представлен в многочисленных юмористических интернет-публикациях, но в отличие от сленга предыдущего поколения, не описан с научной точки зрения. Целью нашей работы было выявить новые английские заимствования, выделить их лексические и грамматические особенности по сравнению с заимствованиями предыдущих лет. Актуальность настоящей работы обусловлена вниманием к сленгу нынешней молодежи в аспекте глобализационных процессов. В исследовании применялись методы изучения работ лингвистов, анализ интернет-публикаций и данных словарей, опрос информантов, диахроническое сопоставление. В результате анализа собранного материала был отмечен рост количества англицизмов по сравнению с 2010-ми гг., выявлены некоторые особенности формирования лексических значений и грамматикализации новых лексических единиц. Молодежный сленг является отражением современных общественных явлений, и его изучение представляет интерес не только для лингвистов, но и для культурологов, социологов, психологов.

Ключевые слова: молодежный сленг, миллениалы, заимствования, усвоение и семантика заимствований, англицизмы

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.05.2021

© Цибизова О.В., Галанкина И.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Цибизова О.В., Галанкина И.И. Англицизмы в молодежном сленге 2020—2021 гг.: опыт описания и анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 684—698. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-684-698

UDC [811.161.1:811.411.2]276.2-053.81

Loan Words from English in Youth Slang 2020—2021: Evidence of Description and Analysis

Oksana V. Tsibizova, Inna I. Galankina✉

Russian State Agrarian University — Moscow Agricultural Academy
named after K.A. Timiryazev (RSAU-MTTA),
49, Timiryazevskaya str, Moscow, Russian Federation, 127550
✉galankina@rgau-msha.ru

Abstract. The study is devoted to the identification of English loan words in the youth slang inherent in the generation of “millennials” — young people between the age of 14 and 35 who were born on the turn of the millennium. There are many scientific works studying the phenomenon of youth slang, defining its boundaries, functions, and describing criteria. The most topical ones focus on the youth slang of the 2010s. There are studies of the issue of the English borrowing and English influence in modern Russian. However, the impact of English on the slang of modern youth is still understudied. We presume that the rapid increase in borrowings in this area requires close attention and scientific analysis. Millennial slang is represented in numerous humorous Internet publications, but unlike the slang of the previous generation, it is not properly described. The purpose of our paper is to identify new English borrowings, to highlight their lexical and grammatical characteristics as compared to those of previous years. The relevance of this work is due to the attention to the slang of today’s youth in the aspect of globalization processes. The study used methods of reviewing the works of linguists, the analysis of Internet publications and dictionary data, interviewing of informants, and diachronic comparison. As a result of the analysis of the collected material, an increase in the number of Anglicisms was shown in comparison with the 2010s, and some features of the formation of lexical meanings and grammaticalization of new lexical units were revealed. Youth slang is a reflection of modern social phenomena, and its study is of interest not only for linguists but also for culturologists, sociologists, and psychologists.

Key words: youth slang, millennials, loan words, the assimilation and semantic of loan words, Anglicisms

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.05.2021

For citation:

Tsibizova, O.V. & Galankina, I.I. (2021). Loan Words from English in Youth Slang 2020—2021: Evidence of Description and Analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 684—698. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-684-698

Введение

Объектом данного исследования является русский молодежный сленг, который понимается нами как неформальная речь молодого поколения без ограничения по полу, роду занятий молодых людей и месту их проживания.

Возрастные рамки молодежного сообщества в данной статье определяются как период от 14 до 35 лет. И российские, и зарубежные исследования динамики речевого поведения говорящих в зависимости от их возрастных характеристик отмечают, что старшее поколение носителей языка проявляет черты большего консерватизма по сравнению с языковым поведением молодежи: люди старше 30—35 лет стремятся к стандартности и литературности в собственной речи, а также одобрительно оценивают эту стандартности в речи окружающих [1—3].

Источником материала послужил Интернет, один из основных способов современной коммуникации. Молодежный сленг широко представлен на сайтах русскоязычных социальных сетей и блогов, в интернет-публикациях и чатах. Для контроля достоверности и актуальности материалов данных публикаций, их дополнения и уточнения в качестве информантов нами опрашивались представители «ядра» поколения — студенты 1998—2002 г.р., которых с уверенностью можно именовать «миллениалами», а также те, кто разделяет их интересы и участвует в сообществах с ними.

Исследуемый период — 2020—2021 гг. Авторами статьи было отобрано более 200 лексических единиц, из которых почти 70% оказались заимствованиями или дериватами заимствований, что свидетельствует о мощном влиянии английского языка в сфере молодежного сленга и представляет интерес для изучения. В настоящей статье английские заимствования и их производные именуется англицизмами.

На примере сленга как ненормированной, а значит, наиболее подвижной области языка можно проследить процесс усвоения иностранных слов в динамике, зафиксировать различную степень трансформации их значений, их грамматикализации и участия в словообразовании.

Обзор литературы. Методология

Сленг как предмет изучения представляет сложность ввиду своей специфики.

Прежде всего, определение понятия «сленг» до сих пор является предметом дискуссии. Термин сленг (от англ. *slang*) применительно к фактам русского языка начал использоваться на рубеже 60—70-х гг. XX столетия [4. С. 180]. Некоторые исследователи, ориентируясь на традиции английской лингвистики, максимально сближают сленг с просторечием [5; 6], другие — смешивают его с понятием «жаргон» [7; 8], третьи — вовсе отказываются от термина «сленг», используя описательные дефиниции, типа *открытое арго* [9], *общий жаргон* [10].

Противоречия в понимании сленга (а также арго и жаргона), на наш взгляд, снимаются в концепции В.В. Химика, представившего сложную систему социолектных образований в русской речевой действительности в виде следующей иерархии: арго — жаргон — сленг (интержаргон) — просторечие. Каждый из этих диалектов по-разному проявляет отношение к типовым

признакам языковых стратов: нормированность — ненормированность, открытость — закрытость, стабильность — нестабильность. В этой парадигме сленг выступает как «надсоциальный “общий” жаргон, или интержаргон, т.е. совокупность популярных, но субстандартных слов и речений, привлекаемых из частных жаргонных подсистем лексики, представляющая собой наддиалектное интегральное явление» [11. С. 12—17]. Максимальная открытость и наличие интегрирующей функции позволяет молодежному сленгу служить катализатором обновления, процесса взаимодействия разных сфер некодифицированной лексики, иными словами — быть связующим звеном различных речевых разновидностей русского национального языка. Сказанное выше объясняет такую специфическую черту сленга, как «аморфность», размытость его границ. Понятийная зыбкость термина отчасти обусловлена принадлежностью молодежи к различным сообществам по интересам и уровню образования. Кроме того, сленг, хотя и проникает в СМИ и песенные тексты, но бытует в основном устной речи и в частной переписке, поэтому его единицы многовариантны: не имеют четких критериев написания и грамматического оформления.

Тем не менее, интерес к молодежному сленгу не ослабевает в течение многих лет. Исследователи признают, что в современном мире молодежь занимает доминирующее положение в экономике и многих других областях социальной жизни, что позволяет ей диктовать свои языковые вкусы. Старшее поколение активно копирует общий стиль речевого поведения молодежи.

Как показывает анализ литературы, многие аспекты русского молодежного сленга XX в. изучены достаточно полно. Однако молодежный лексикон подвижен, изменчив во времени; свидетельством такого изменения служат десятки лексикографических произведений, словарный объем которых зачастую достигает нескольких тысяч единиц. Значительный корпус лексики представлен в словарях Т.Г. Никитиной [12—14].

Вместе с тем мы убеждены, что лингвистическая и функциональная специфика молодежного сленга предопределяет особый вид его лексикографического описания — комплексный многоаспектный словарь, строение которого должно осуществляться на взаимодействии идеографического и алфавитного принципов подачи материала [15. С. 114—115].

В целом необходимо говорить не только об обновлении тематических групп в молодежном сленге и сменяемости его лексических пластов, но и об изменении функциональной направленности лексикона молодого поколения. Если для «школьных» жаргонов в XIX — начале XX в. была характерна прежде всего конспиративная функция, то в последующем десятилетии она вытесняется эмотивной и игровой функциями [16. С. 55—57].

Лингвистами было выявлено несколько волн в развитии русского молодежного сленга в XX веке. В частности, Э.М. Береговская отметила три бурных волны — в 20-е, 50-е, 70-80-е годы [17], что объяснялось не столько сменой поколений, сколько масштабными изменениями политической и социально-экономической ситуации в обществе. Именно в 50-е годы в русском

молодежном сленге начинают использоваться англоязычные заимствования [3. С. 52], а в 70—80-е годы формирование неформальной речи молодежи происходило в исключительной степени за счет англицизмов [17. С. 33—34].

Как показывают наши наблюдения, английские заимствования на современном этапе развития молодежного сленга также остаются одним из его основных источников.

Обратимся к лингвистическим работам, описывающим общие механизмы иноязычных заимствований.

Мы разделяем представление о заимствовании как о языковом процессе, который развивается во времени. Формирование лексического значения заимствованного слова, как и любого другого, происходит под влиянием языковых и экстралингвистических факторов. «Языковая семантика, как правило, контекстуально обусловлена, хотя бы со стороны фоновых знаний» [18. С. 134].

Л.П. Крысин установил этапы освоения заимствованного слова тем или иным языком:

1. Употребление в исконной фонетической и грамматической форме, на письме — без транслитерации, в качестве вкрапления.

2. Адаптация к орфографической и грамматической системе заимствующего языка при сохранении оттенка чужеродности.

3. Отсутствие чужеродности, употребление обусловлено коммуникативной ситуацией, жанром высказывания и речевой практикой социальной группы.

4. Утрата жанрово-стилистических, ситуативных и социальных ограничений. Стабилизация семантики, формирование лексической сочетаемости.

5. Регистрация в нормативных словарях и приобщение слова к лексико-семантической системе языка [19].

В конце XX — начале XXI вв. и позднее, на рубеже третьей декады XXI в. многими русистами отмечалось усиление конвергенционного воздействия английского языка на уровне лексики, словообразования, грамматики и синтаксиса.

Нельзя не согласиться со статистически обоснованным выводом Н.Г. Сахаровой и О.П. Дмитриевой о значительном увеличении доли английских заимствований в лексике русского языка по данным 2018 года [20. С. 4]. Авторы подразделяют английские лексические заимствования на англицизмы, не имеющие однословных аналогов в русском языке, и англонизмы, которые, по их мнению, неоправданно дублируют русские слова со сходным значением и употребляются лишь ради «модной» речи, не являясь ни терминами, ни единицами сленга [20. С. 6]. Однако трактовка приведенных в статье англонизмов (*лукас* просмотр в соцсетях, *дэнсер* уличный танцор) представляется нам противоречивой. Новые заимствования, на наш взгляд, в отличие от русских аналогов, стилистически и социально окрашены и контекстно обусловлены и, следовательно, не избыточны.

Как справедливо отмечают В.Г. Костомаров [21] и Л.П. Крысин [19; 22], заимствования — закономерное явление в жизни любого языка. Стремительный

рост числа заимствований, начиная с конца XX в. и по настоящее время происходит в рамках общих процессов размывания границ и состава общелитературного языка вследствие либерализации общества. Претерпевая изменения, язык как саморазвивающаяся система «умеет самоочищаться» и сохранять жизненные силы [22. С. 40].

Английскому влиянию в сфере молодежного сленга рубежа тысячелетий посвящено немало лингвистических работ.

Индийский ученый Равиндер Н. Менон рассматривает англицизмы в молодежном сленге с точки зрения носителя английского языка. По наблюдениям лингвиста, значения исходных английских слов и их грамматические характеристики иногда значительно трансформируются в процессе заимствования, в результате чего подобные сленгизмы могут быть неверно поняты англофонами [23. С. 67]. Например, английский глагол *to ask* — «спрашивать» заимствуется как абстрактное существительное мужского рода «*аск*» — «выпрашивание» денег, как правило, у родителей: *пойдем на аск* — пойдем кланчить деньги. Заимствованные слова зачастую приобретают юмористическую окраску, используются в ироническом переносном значении: *секонд-хенд* — чужой муж по отношению к любовнице, в качестве эвфемизмов: *рейтинг* — потенция; порождают кальки и полукальки, «обрастают» словообразовательными гнездами: например, вокруг *crazy* возникло около 10 производных: *крезоид*, *крезовник*, *крезаторий*, *крезовоз* и др. В то же время Е.Г. Борисова-Лукашанец характеризует общую словообразовательную активность заимствованных сленгизмов как низкую, приводя примеры немногочисленных продуктивных моделей [7].

В своем исследовании Р.Н. Менон использует российские источники, изданные в начале XXI века и охватывающие лексические пласты 1980—90 гг. и рубежа тысячелетий, но выводы лингвиста не теряют актуальности, так как некоторые отмеченные им тенденции прослеживаются и в современном сленге.

Современный сленг. Тематические группы

Предполагаем, что распределение сленгизмов английского происхождения по тематическим группам поможет понять причины и механизмы заимствований и выявить сферу, в которой процесс заимствования наиболее активен. Количественный анализ собранного материала показывает, что подавляющее большинство сленгизмов-заимствований можно условно распределить по нескольким тематическим группам.

1. «Человек как индивидуальность»:

- внешность: *сасный* (сексапильный), *фитоняшка* (гламурно-спортивная девушка);
- возраст: *олды* (любые старшие), *бумеры* (старшие с «косным» мировоззрением);
- одежда: *юзаный* (поношенный), *имбовый* (эффектный), *лакшери* (люксовый);

- характер, статус, личные качества: *дьюд* (чувак), *ботан* (заик-ленный на учебе), *краш* (предмет безответной влюбленности), *токсик* (вредный, неприятный человек);
- состояния и действия человека: *муд* (настрой), *мув* (инициатива), *флешбэк* (воспоминание), *чилиться* (расслабленно отдыхать), *шипперить* (мечтать о романтических отношениях), *агриться* (сердиться);
- отношение к событию или человеку: *изи* (легко), *хардово* (трудно), *трабл* (проблема), *чалендж* (испытание), *лалка* (девушка, попавшая в неловкую ситуацию), *кринж* (позор), *офаканиться* (попасть в неловкую ситуацию);

2. «Человек в социуме»:

а) общение:

- сетевое общение: *войс* (голосовое сообщение), *войсить* (отправлять войсы), *лайк* (знак одобрения в соцсети), *лайкать* (ставить лайки), *хейтить* (травить в соцсетях), *свайпнуть* (провести по экрану влево или вправо, выражая одобрение или неодобрение);
- приложения знакомств: *перфект мэтч* (совпадение интересов), *соулмэйт* (родственная душа);
- творческие сообщества: *коллаборация* (сотрудничество), *коллаборироваться* (сотрудничать);
- поиск информации: *нагуглить* (найти в Google), *нашазамить* (найти в Shazam);
- экономические понятия: *кэмпить* (занимать очередь на модную распродажу с ночи), *донатить* (зарабатывать в интернете), *коливинг* (аренда квартиры в складчину);

б) развлечения:

- кино, телевидение: *арт* (рисунок в стиле анимэ в подарок), *бинджвотчить* (всю ночь смотреть сериалы);
- музыка, танцы: *вайб* (настроение, атмосфера), *саунд* (качественное звуковоспроизведение), *гигос* (вечеринка, концерт, дискотека) *флексить*, *тверкать* (танцевать в определенном стиле);
- субкультура рэперов: *панч* (словесный выпад), *панчить* (дразнить соперника);
- кулинария: *фуди* (увлечение едой), *фудпORN* (привлекательное фото еды);
- компьютерные игры: *гамать* (играть), *харасить* (издеваться над героем игры), *апнуть* (перейти на новый уровень).

Принадлежность заимствованных сленгизмов к выделенной тематике условно, тематические группы могут пересекаться. Тем не менее, это распределение показывает, что наиболее активно заимствуются лексические единицы, выражающие настроение, отношения к людям и ситуациям, реалии общения. Эта «антропоцентричность» сленга была характерна и для предыдущих «волн» его формирования: в корпусе молодежного сленга зафиксировано крайне мало единиц, относящихся к описанию природы, окружающего мира

и процессам познания. Подавляющее большинство слов неформальной речи молодежи связано с личностью и ее проявлениями [15. С. 118—123].

Лексические значения заимствований

Семантика заимствованных сленгизмов тесно связана с их функциями и предопределяется сферой языка, которая служит их источником. Как отмечалось выше, в 1980—2010-х молодежным сленгом заимствовались слова с нейтральным значением из общелитературного «школьного» английского языка, приобретая в русской интерпретации специфические переносные значения и эмоциональную окраску и претерпевая словообразовательные изменения. Таким образом активно реализовывались в основном игровая, эмоциональная, эстетическая функции.

В сленге «миллениалов» зафиксированы лишь немногие примеры приобретения англицизмами новых коннотаций на русской почве: *юзанный* (поношенный) употребляется с отрицательной оценкой; слабо выраженный негативный оттенок имеет глагол *ливнуть* (уйти, избегая ответственности, например, прогулять последнюю пару), видимо, по созвучию с русским «слинять» или «свалить». Придание шутливой эмоциональной окраски возможно в результате сочетания русских и английских словообразовательных компонентов: *изичка* (легкое дело), *овердофига* (много), *офакапиться* (попасть в неловкую ситуацию). Таким образом, игровая функция сленга проявлена у «миллениалов» в меньшей степени, чем у их родителей и старших братьев.

Также менее выражена, чем в предыдущие десятилетия, метафорическая трансформация значений современных англицизмов.

Некоторые современные сленговые англицизмы допускают однословный перевод, но имеют особые оттенки значения. *Муд* — настроение, настрой на какое-либо действие или состояние (*У меня сегодня муд потусить*). *Трабл* — проблема, как правило, житейская; *кринж* — стыд, постыдная ситуация, *пруф* — доказательство, подтверждение правдивой информации. В этой группе заимствований на первом плане эстетическая функция, соответствие сленгизмов речевой моде. В сленге уже повзрослевшего поколения были подобные примеры: *у него лонговый херд* (длинные волосы); *я в трабле* (я в подавленном настроении).

Многие из модных словечек прежних лет утрачены, на смену им пришли новые. Некоторые изменили значение. Например, если раньше слово *трабл* использовалось как синоним подавленности, депрессии, то в современном сленге — это проблема. Слово *олды* раньше относилось к родителям, в современном сленге — вообще ко всем старшим, например, к возрастным фанатам какой-либо музыкальной группы.

Осваиваются английские слова, имеющие в русском языке несколько вариантов перевода, ни один из которых точно не совпадает по значению с английской лексемой: *флешбэк* — воспоминание, дежавю, *мейнстрим* — массовость, банальность, *чалендж* — вызов, испытание, *вайб* — настроение, атмосфера.

Многие заимствования связаны с появлением новых понятий в области культуры (*бодипозитив, бодишейминг, бинджвотчить, фуди*), коммерческих реалий (*кэмпить, донатить*), сетевого общения: *спойлить* (заранее рассказывать сюжет фильма), *хейтить* (травить в соцсетях), *лайк* (кнопка «нравится» в соцсетях), *лайкать* (ставить «лайк»), *войс* (голосовое сообщение), *войсить/войснуть* (передавать голосовые сообщения). Перевести эти слова можно лишь описательно, с уточнением. В этом случае при заимствовании реализуется общая закономерность экономии языковых средств, присущая любому языку, «тенденция к нерасчлененности, цельности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначаемого» [24. С. 44].

Если раньше источником заимствований был только общелитературный английский, то в настоящее время некоторые слова приходят непосредственно из английского молодежного сленга: например, *рофлить* (зло подшучивать); словечки рэперов: *эцкере* (восклицание), *панч, дисс* (едкие словесные выпады).

Многозначные слова, употребляемые в англоязычном молодежном социолекте в узком значении, проникая в русский, сохраняют сленговую семантику, не наследуя полисемию, присущую им в общелитературном английском языке: *сасный* — привлекательный, сексапильный, *краш* — предмет неразделенной влюбленности, *мув* — инициатива, побуждение, *флексить* — танцевать, *саунд* — качество музыкального звучания, *арт* — рисунок на тему аниме в подарок, *гамать* — играть в компьютерные игры.

Крайне мало примеров формирования вторичных лексических значений в этой группе заимствований внутри русского сленга: *флексить*: 1) танцевать, 2) хвастаться, 3) смеяться; *флексер*: 1) хороший танцор, 2) «выпендрейщик»; *флекс*: 1) танец 2) одобрительная оценка 3) низкий флекс — бедность; *апнуть*: 1) перейти на новый уровень в игре, 2) повысить статус; *имбовый*: 1) мощный (в компьютерной игре), 2) модный, эффектный, статусный (об одежде).

Анализ собранных примеров и их сравнение с данными предыдущих лет подтверждают тезис о быстрой сменяемости лексического состава сленга, перераспределении значимости его функций и размытости границ.

В сленговых заимствованиях 2020—2021 гг., по сравнению с периодами 2000—2010-х и 1980—1990-х, в большей степени выражена номинативная функция, а игра и юмор уходят на второй план. Эстетизация иноязычных слов, их употребление ради речевой моды по-прежнему актуальны. Семантика сленгизма коррелирует с его функцией: номинативная функция подразумевает однозначность, игровая — предопределяет значение, осложненное коннотациями.

Освоение англицизмов грамматической и словообразовательной системой

Как и в сленге предыдущих поколений, в языке современного молодежного сообщества заимствованные единицы встраиваются в грамматическую

систему русского языка и участвуют в словообразовании. В 2020-х, судя по собранным данным, деривационная активность англицизмов в сленге достаточно высока, но реализуется в рамках продуктивных моделей.

Существительные в основном адаптируются по модели 2-го склонения мужского рода, что закономерно при грамматикализации заимствований [19], например, *пруф, мув, муд, вайб*. Принадлежность к женскому полу выражается суффиксацией: *лалка, фитоняшка*. Возможен переход слов с характеристиками 2 склонения из прилагательных (в английском) в существительные (в русском): *олды, токсик*.

Глаголы осваиваются по продуктивным типам: 1 — *гамать*, 3 — *ливнуть*, 4 — *флексить*, реже 2 — *кринжевать*.

Прилагательные и наречия оформляются суффиксами -ов- и -н-: *вайбовый, кринжовый, сасный, хардово, вайбово*.

Ряд сленговых англицизмов с признаками существительных употребляется преимущественно в предикативной или номинативной функции. На признак рода могут косвенно указывать зависимые прилагательные: *У тебя кнопочный телефон! — Это такой кринж! Пойдем в консерваторию! — Что за странный мув! Ну, у тебя низкий флекс! Здесь приятный вайб!* Возможность склонения этих единиц отрицается большинством информантов. Зафиксировано единичное: *«Давай, без кринжа!»*

Не все новые заимствования сочетаются с прилагательными: *У меня муд потусить. Слушать эту группу — мейнстрим*.

Некоторые слова могут быть интерпретированы по-разному с грамматической точки зрения: *изи, фуди*. Имеются единицы без грамматикализации: междометия *эцкере, скрт*; слово *го* (идти), *«Найс!»* (выражение одобрения).

Приведенные примеры показывают, что заимствование новых слов в сленге — динамичный процесс, при котором слова-заимствования находятся на разных этапах освоения языком и в разной степени включены в его грамматическую систему.

Заключение

Молодежный сленг является исключительно подвижной сферой языка. В короткие сроки русским молодежным сленгом осваивается огромное количество англицизмов.

На примере сленга можно проследить процесс заимствования в динамике. Сленговые англицизмы с разной степенью грамматикализации и словообразовательной активности находятся на разных этапах адаптации к русской языковой системе. Некоторые единицы не получили грамматического оформления (*го, изи*), другие определены как часть речи, но не обрели грамматических категорий, например, не склоняются (*муд, мейнстрим*). Большинство сленгизмов можно отнести ко второму и третьему этапу усвоения заимствования (по Л.В. Крысину), когда чужеродное слово уже становится частью русского текста, но его употребление ограничено контекстом и социумом (*гигос*,

донатить). Некоторые единицы бытуют одновременно и в сленге, и в языке СМИ (*локдаун, челлендж, хайп*).

С каждым новым поколением изменяется степень значимости функций сленга, что отражается на употреблении англицизмов. Большинство заимствований 2020—2021 гг. выполняют номинативную функцию, что связано с принципом экономии языковых средств, необходимостью однословного обозначения многочисленных новых реалий. В отличие от предыдущих периодов, не зафиксировано иронической метафоризации. Как правило, современные сленговые англицизмы однозначны и соотнесены с узким контекстом. Усложнение семантики за счет вторичных лексических значений крайне редко (*флексить*).

Практически весь корпус единиц сленга рубежа тысячелетий забыт, многие сохранившиеся — изменились (*лайкать*). Несмотря на почти полное обновление вокабуляра сленга с каждой сменой поколения, в его тематическом составе преобладают единицы, относящиеся к сфере оценки личности и ее реализации в молодежном социуме, т.е. выявляется антропоцентрическая доминанта.

Вместе с тем, независимо от сферы употребления иноязычных слов, процесс их усвоения подчиняется общим закономерностям. Но в сленге формирование лексических значений заимствованных слов и их встраивание в грамматическую, словообразовательную и синтаксическую системы происходят гораздо более динамично, чем в общелитературном языке. Ввиду подвижности сленга англицизмы успевают проходить лишь начальные или промежуточные этапы языковой адаптации, а затем сменяются новыми единицами.

Таким образом, и в молодежном социолекте конца XX — начала XXI в., и в речи «миллениалов» прослеживаются общие языковые процессы, в том числе активное заимствование иноязычных слов. Однако в каждом периоде бытования сленга имеются особенности, которые делают его своего рода «языковым портретом» поколения. Личностные ценности молодежи, отраженные в сленге, могут стать объектом внимания не только лингвистов, но и социологов, культурологов, психологов.

Библиографический список

1. *Henne H.* Jugend und ihre Sprache: Darstellung, Materialien, Kritik. XIV. Berlin; New York: De Gruyter, 1986.
2. *Stenstrom A., Andersen G., Hasund I.* Trends in Teends Talk. Corpus Compilation, Anallysis und Findings. Amsterdam: J. Benjamins, 2002.
3. *Романов А.Ю.* Современный русский молодежный сленг. Мюнхен, 2004.
4. *Ломакина М.О., Ефанова Л.Г.* О терминах «молодежный жаргон», «молодежный сленг» и «язык молодежной субкультуры» // VI Общероссийская межвузовская конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование»: (15—20 апреля 2002 г.). Т. 2. Томск, 2003. С. 178 —182.
5. *Саляев В.А.* Лексика арготического и жаргонного происхождения в толковых словарях современного рус. языка: автореферат диссертации кандидата филол. наук. М., 1998.
6. *Липатов А.Т.* Сленг и его место на речевом лимбе русского социолекта // Социальные

- варианты языка: Материалы международной научной конференции, 25—26 апреля 2002 года, Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2002. С. 6—9.
7. *Борисова-Лукашанец Е.Г.* О лексике современного молодежного жаргона. (Англоязычные заимствования в студенческом сленге 60—70-х годов) // Литературная норма в лексике и фразеологии. М.: Наука, 1983. С. 104—120.
 8. *Вахитов С.В.* Лекция о русском сленге. Уфа: ВГПУ, 2001.
 9. *Елистратов В.С.* Словарь московского арго. М.: Русские словари, 1994.
 10. *Земская Е.А.* О некоторых новых явлениях в жаргоне рубежа XX—XIX веков (на материале русского языка) // Слово в словаре и дискурсе: сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М.: ООО «Издательство “Эллис”», 2006. С. 244—248.
 11. *Химик В.В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000.
 12. *Никитина Т.Г.* Словарь молодежного сленга: (Материалы 1980—2000 гг.). СПб.: Фолио-Пресс, 2003.
 13. *Никитина Т.Г., Рогалева Е.И.* Региональный словарь сленга (Пскова и Псковской области). М.: ЭЛПИС, 2006.
 14. *Никитина Т.Г.* Молодежный сленг: Толковый словарь. М.: АСТ, Астрель, 2009.
 15. *Цибизова О.В.* Современный молодежный жаргон: проблемы лексикографического описания: диссертация кандидата филол. наук. Северодвинск, 2006.
 16. *Химик В.В.* Язык современной молодежи // Современная русская речь: состояние и функционирование. Сборник аналитических материалов под редакцией С.И. Богданова. СПб, 2004. С. 7—66.
 17. *Береговская Э.М.* Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32—41.
 18. *Красина Е.А., Перфильева Н.В.* Семантические параметры количественных единиц в разноструктурных языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1 (54). С. 126—136.
 19. *Крысин Л.П.* Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gramota.ru/biblio/magazines/riash/28_773 (дата обращения: 14.10.20).
 20. *Сахарова Н.Г., Дмитриева О.П.* Английские заимствования в русском языке как результат изменения Я-концепции нации // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN220.pdf> (дата обращения: 14.11.20).
 21. *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика. Пресс, 1994.
 22. *Крысин Л.П.* Русский литературный язык на рубеже веков // Русская речь. 2000. № 1. С. 28—40.
 23. *Равиндер Н.М.,* Англицизмы в русском молодежном сленге // Русский язык за рубежом. 2012. № 4. С. 62—67.
 24. *Перфильева Н.В.* Многоаспектный анализ лексических инноваций в текстах российских СМИ // Сборник статей. Славянские чтения XI. Даугавпилс: Даугавпилский университет, 2016. С. 41—46.

Интернет-источники

1. Режим доступа: <https://www.adme.ru/svoboda-kultura/15-dokazatelstv-togo-chto-molodezh-kak-govorila-na-tarabarskom-yazyke-50-let-nazad-tak-prodolzhaet-i-segodnya-2430315/> (дата обращения: 08.01.21).
2. Режим доступа: <https://moluch.ru/young/archive/16/1127/> (дата обращения: 08.01.21).
3. Режим доступа: <https://esquire.kz/slang/> (дата обращения: 08.01.21).
4. Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/line/2019-06-27_panchimfleksimdonatim_kak_

- molodezhnyj_sleng (дата обращения: 08.01.21).
5. Режим доступа: https://ural.aif.ru/amp/society/zhiza_10_slov_kotorye_pomogut_luchshe_ponimat_podrostkov (дата обращения: 08.01.21).
 6. Режим доступа: <https://ura.news/articles/1036265313> (дата обращения: 08.01.21).
 7. Режим доступа: <https://topdialog.ru/2020/08/12/krash-krinzh-i-padra-10-molodyozhnyh-slov-2020-goda/> (дата обращения: 08.01.21).
 8. Режим доступа: <https://youtu.be/ZwTCjoOHwlg> (дата обращения: 08.01.21).
 9. Режим доступа: <https://getafisha.ru/blog/267> (дата обращения: 08.01.21).
 10. Режим доступа: <https://gorod-812.ru/zhiza-noveyshiy-slovar-molodezhnogo-slenga/> (дата обращения: 08.01.21).
 11. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/08/01/2021/5ff805c69a7947935f506e7f> (дата обращения: 08.01.21).
 12. Режим доступа: <https://images.app.goo.gl/vQArzR5JzEMimSoq5> (дата обращения: 08.01.21).
 13. Режим доступа: https://ural.aif.ru/amp/society/zhiza_10_slov_kotorye_pomogut_luchshe_ponimat_podrostkov (дата обращения: 08.01.21).
 14. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26761.3/3790678/> (дата обращения: 08.01.21).
 15. Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/line/2019-06-27_panchimfleksimdonatim_kak_molodezhnyj_sleng (дата обращения: 08.01.21).
 16. Режим доступа: <https://www.mariclaire.ru/stil-zjizny/novyiy-russkiy-20-slov/> (дата обращения: 08.01.21).
 17. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/amp/712109#referrer=https://www.google.com&csi=0> (дата обращения: 08.01.21).
 18. Режим доступа: <https://youtu.be/ztOUVFHSPBQ> (дата обращения: 08.01.21).

Reference

1. Henne, H. (1986). *Jugend und ihre Sprache: Darstellung, Materialien, Kritik*. XIV. Berlin; New York: De Gruyter. (In German).
2. Stenstrom, A., Andersen, G., & Hasund, I. (2002). *Trends in Teends Talk. Corpus Compilation, Anallysis und Findings*. Amsterdam: J. Benjamins.
3. Romanov, A.Yu. (2004). *Modern Russian youth slang*. Munich. (In Russ.).
4. Lomakina, M.O. & Efanova, L.G. (2003). On the terms “youth jargon”, “youth slang” and “the language of youth subculture”. In: *VI All-Russian inter*. Vol. 2. Tomsk. pp. 178—182. (In Russ.).
5. Salyaev, V.A. (1998). *Lexicon of argot and slang origin in the explanatory dictionaries of modern Russian language* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
6. Lipatov, A.T. (2002). Slang and its place on the speech limb of the Russian sociolect. In: *Social variants of language: Materials of an international scientific conference*, April 25—26, 2002. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University named after. Dobrolyubova. pp. 6—9. (In Russ.).
7. Borisova-Lukashanets, E.G. (1983). About the vocabulary of modern youth jargon. (English borrowings in student slang of the 60s—70s). In: *Literary norm in vocabulary and phraseology*. Moscow: Nauka. pp. 104—120. (In Russ.).
8. Vakhitov, S.V. (2001). *Lecture on Russian slang*. Ufa: VSPU. (In Russ.).
9. Elistratov, V.S. (1994). *Dictionary of the Moscow argo*. Moscow: Russian dictionaries. (In Russ.).
10. Zemskaya, E.A. (2006). On some new phenomena in the jargon of the turn of the 20th—19th centuries (based on the material of the Russian language). In: *Word in the dictionary and discourse: Collection of scientific articles for the 50th anniversary of Harry Walter*. Moscow: Elpis. pp. 244—248. (In Russ.).
11. Chemist, V.V. (2000). *Poetics of the Low, or Common Speech as a Cultural Phenomenon*. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russ.).

12. Nikitina, T.G. (2003). *Youth slang dictionary: (Materials 1980—2000)*. St. Petersburg: Folio-Press. (In Russ.).
13. Nikitina, T.G. & Rogaleva, E.I. (2006). *Regional slang dictionary (Pskov and Pskov region)*. Moscow: Elpis. (In Russ.).
14. Nikitina, T.G. (2009). *Youth Slang: Explanatory Dictionary*. Moscow: AST, Astrel. (In Russ.).
15. Tsibizova, O.V. (2006). *Modern youth jargon: problems of the lexicographic description [dissertation]*. Severodvinsk. (In Russ.).
16. Chemist, V.V. (2004). The language of modern youth. In: *Modern Russian speech: state and functioning*, S.I. Bogdanov (Ed.). St. Petersburg. pp. 7—66. (In Russ.).
17. Beregovskaya, E.M. (1996). Youth slang: formation and functioning. *Voprosy Jazykoznanija*, 3, 32—41. (In Russ.).
18. Krasina, E.A. & Perfilieva, N.V. (2018). Semantic parameters of quantitative units in different-structured languages. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1 (54), 126—136. (In Russ.).
19. Krysin, L.P. (2016). Stages of mastering a foreign language word. *Russian language at school*. [Electronic resource] URL: http://gramota.ru/biblio/magazines/riash/28_773 (accessed: 14.10.20). (In Russ.).
20. Sakharova, N.G. & Dmitrieva, O.P. (2020). English borrowings in Russian as a result of changes in the self-concept of the nation. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2. [Electronic resource] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/06PSMN220.pdf>. (accessed: 14.11.20). (In Russ.).
21. Kostomarov, V.G. (1994). *Linguistic taste of the era: from observations of the speech practice of the mass media*. Moscow: Pedagogy. (In Russ.).
22. Krysin, L.P. (2000). Russian literary language at the turn of the century. *Russian speech*, 1. pp. 28—40. (In Russ.).
23. Ravinder, N. M. (2012). Anglicisms in Russian youth slang. *Russian language abroad*, 4, 62—67. (In Russ.).
24. Perfilieva, N.V. (2016). Multidimensional analysis of lexical innovations in the texts of Russian media. In: *Collection of articles. Slavic Readings XI*. Daugavpils: Daugavpils University. pp. 41—46. (In Russ.).

Internet sources

1. URL: <https://www.adme.ru/svoboda-kultura/15-dokazatelstv-togo-chto-molodezh-kak-govorilana-tarabarskom-yazyke-50-let-nazad-tak-prodolzhaet-i-segodnya-2430315/> (accessed: 08.01.21).
2. URL: <https://moluch.ru/young/archive/16/1127/> (accessed: 08.01.21).
3. URL: <https://esquire.kz/slang/> (accessed: 08.01.21).
4. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2019-06-27_panchimfleksimdonatim_kak_molodezhnyj_slang (accessed: 08.01.21).
5. URL: https://ural.aif.ru/amp/society/zhiza_10_slov_kotorye_pomogut_luchshe_ponimat_podrostkov (accessed: 08.01.21).
6. URL: <https://ura.news/articles/1036265313> (accessed: 08.01.21).
7. URL: <https://topdialog.ru/2020/08/12/krash-krinzh-i-padra-10-molodyozhnyh-slov-2020-goda/> (accessed: 08.01.21).
8. URL: <https://youtu.be/ZwTCjoOHw1g> (accessed: 08.01.21).
9. URL: <https://getafisha.ru/blog/267> (accessed: 08.01.21).
10. URL: <https://gorod-812.ru/zhiza-noveyshiy-slovar-molodezhnogo-slenga/> (accessed: 08.01.21).
11. URL: <https://www.rbc.ru/business/08/01/2021/5ff805c69a7947935f506e7f> (accessed: 08.01.21).
12. URL: <https://images.app.goo.gl/vQArzR5JzEMimSoq5> (accessed: 08.01.21).
13. URL: https://ural.aif.ru/amp/society/zhiza_10_slov_kotorye_pomogut_luchshe_ponimat_podrostkov (accessed: 08.01.21).
14. URL: <https://www.kp.ru/daily/26761.3/3790678/> (accessed: 08.01.21).
15. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2019-06-27_panchimfleksimdonatim_kak_molodezhnyj_slang (accessed: 08.01.21).

16. URL: <https://www.marieclaire.ru/stil-zjizny/novyiy-russkiy-20-slov/> (accessed: 08.01.21).
17. URL: <https://www.interfax.ru/amp/712109#referrer=https://www.google.com&csi=0> (accessed: 08.01.21).
18. URL: <https://youtu.be/ztOUVFHSPBQ> (accessed: 08.01.21).

Информация об авторах:

Цибизова Оксана Владимировна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка как иностранного и общетеоретических дисциплин гуманитарно-педагогического факультета ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева; *e-mail*: cibizova_o@rgau-msha.ru ORCID: 0000-0003-0674-7140; SPIN: 8545-5800

Галанкина Инна Ивановна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и общетеоретических дисциплин гуманитарно-педагогического факультета ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева; *e-mail*: gaii@live.ru ORCID: 0000-0003-2702-0581; SPIN: 8372-9707

Information about the authors:

Oksana V. Tsibizova, Ph.D. in Philology, the Head of Department of Russian as a Foreign Language and General Theoretical Subjects of Humanitarian and Pedagogical faculty of the Russian State Agrarian University — Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev; *e-mail*: cibizova_o@rgau-msha.ru ORCID: 0000-0003-0674-7140; SPIN: 8545-5800

Inna I. Galankina, Senior lecturer of the Humanitarian and Pedagogical faculty of the Department of Russian as a Foreign Language and General Theoretical Subjects of the Russian State Agrarian University — Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev; *e-mail*: gaii@live.ru ORCID: 0000-0003-2702-0581; SPIN: 8372-9707

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-699-713
УДК 811.133.1'373.612:32

Научная статья / Research article

Метафорические образы будущего России в контексте конституционной реформы 2020 года на материале французских СМИ

Р.И. Зарипов

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
125047, Российская Федерация, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14
✉ lieutenant-en-chef@ya.ru

Аннотация. Восприятие образа России в мире всегда вызывало интерес отечественных специалистов в разных областях гуманитарного знания. Одним из актуальных и эффективных направлений лингвистического исследования образа России в разных языковых сегментах дискурса масс-медиа выступает метафорическое моделирование, основанное на когнитивных (когнитивно-дискурсивных) практиках структуризации объектов внеязыковой действительности. Анализ работ российских лингвистов начала XXI вв., посвященных исследованию метафорического образа России в западных средствах массовой информации, позволяет говорить о том, что формирующиеся в них метафорические модели, как правило, однотипны, стандартны и в большинстве своем копируют друг друга. Однако остается неизученным образ будущего России, который в условиях нарастания геополитического противостояния и перманентной информационно-психологической войны приобретает особую актуальность для отечественных ученых и широкой общественности. Важные внутривнутриполитические процессы начала 2020 года в Российской Федерации, в частности, обновление ее Конституции, носящее социально-ориентированный и патриотический характер, вызвали живую реакцию французских СМИ, которые интерпретировали эти события предвзято и искаженно. Таким образом, реконструкция образа будущего России, репрезентируемого многочисленными метафорическими словоупотреблениями во французском дискурсе масс-медиа, позволяет вскрыть основные концептуальные установки в отношении нашей страны, персуазивно и суггестивно транслируемые аудитории. Установить когнитивные (когнитивно-дискурсивные) закономерности репрезентации образа будущего России во французском дискурсе масс-медиа. Методология настоящего исследования сложилась под влиянием теории метафорического моделирования и опирается на достижения дискурс-анализа и отдельных отечественных представителей когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Нами используются методы моделирования, когнитивно-дискурсивного и контекстуального анализа, а также элементы компонентного анализа. Исследование основывается на материалах более 100 текстов ведущих вещательных, электронных и печатных СМИ Франции (Le Monde, L'Express, Le Point, RFI, Libération, Le Nouvel Observateur и т.д.). По результатам исследования выявлены элементы ряда метафорических моделей образа будущего России, основными среди которых являются: БУДУЩЕЕ РОССИИ — это ПРОШЛОЕ / СССР / СТАРОСТЬ / УПАДОК; РОССИЯ В БУДУЩЕМ — это АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ /

© Зарипов Р.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО / УКРЕПЛЕННЫЙ ВОЕННЫЙ ОБЪЕКТ. В контексте обновления Конституции Российской Федерации образ ее будущего формируется во французском медиадискурсе *исключительно* негативными метафорическими словоупотреблениями. Анализ метафорических выражений сфер-мишеней «Россия» и «Будущее России» показывает, что западные политические элиты формируют через французские средства массовой информации пейоративные образы России как недемократической страны, лишенной будущего и обреченной на исчезновение.

Ключевые слова: метафорический образ, будущее России, французские СМИ, конституционная реформа

Финансирование. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31622.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

Для цитирования:

Зарипов Р.И. Метафорические образы будущего России В контексте конституционной реформы 2020 года на материале французских СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 699—713. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-699-713

UDC 811.133.1'373.612:32

Russia's Future Metaphorical Images in the Context of Constitutional Reform of 2020 as Exemplified in French Media

Ruslan I. Zaripov

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
14, *Bolshaya Sadovaya str.*, Moscow, Russian Federation, 125047
✉ lieutenant-en-chef@ya.ru

Abstract. The Russia's image perception in the world always provokes professional interest in different fields of humanities. One of topical and efficient linguistic research directions of Russia's image in different linguistic sections of discourse of mass-media is a metaphorical modelling method based on cognitive (cognitive and discursive) experience of referents structuring. The analysis of Russian linguists' studies of the beginning of XXI century on metaphorical image of Russia in Western media outlets shows that metaphorical models being formed are usually stereotyped, standard and copy each other. However, the Russia's future image remains unstudied and becomes topical for scientists of our country and general public in the context of a geopolitical confrontation and a constant informational warfare. Important internal political process in the beginning of 2020 in the Russian Federation and, in particular, the renewal of its Constitution, carrying socialized and patriotic amendments, provoked an active reaction of French media, that interpreted these events preconceived and misrepresented. Thus, the Russia's future image reconstruction, represented by numerous metaphorical usages in French discourse of mass-media allows determining main conceptual aims as to our country, being broadcast persuasively and suggestively to the audience. To determine cognitive (cognitive and discursive) regularities of the

Russia's future image representation in French discourse of mass-media. The research methodology is formed on the metaphorical modelling theory and based on achievements of discourse analysis and some representatives of the cultural and cognitive linguistics. Methods of modelling, contextual, cognitive and discursive analysis as well as elements of componential analysis are used. The research is based on more than 100 texts of French leading media outlets (Le Monde, L'Express, Le Point, RFI, Libération, Le Nouvel Observateur etc.). The research revealed elements of the number of the Russia's future metaphorical models such as: THE RUSSIA'S FUTURE IS THE PAST / USSR / SENILITY / DECLINE; THE RUSSIA'S FUTURE IS THE ABSOLUTE MONARCHY / RESTRICTED SPACE / FORTIFIED DEFENSE FACILITY. In the context of the Russia's Constitution renewal its image of future is formed on *exclusively* negative metaphorical expressions. The analysis of metaphorical expressions in French discourse of mass-media related to spheres "Russia" and "Russia's future" shows, that western political elite forms pejorative images of Russia as non-democratic state without future and doomed to extinction.

Key words: metaphorical image, future of Russia, French media, constitutional reform

Financing. Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31622.

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

For citation:

Zaripov, R.I. (2021). Russia's Future Metaphorical Images in the Context of Constitutional Reform of 2020 as Exemplified in French Media. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 699—713. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-699-713

Введение

Россия и Франция имеют многовековую и противоречивую историю двусторонних отношений. Несмотря на давнюю память кровопролитных войн и периоды ослабления связей и напряженности, чередовавшихся военно-политическими союзами и укреплением сотрудничества, эти два государства объединяют глубокие социально-культурные и торгово-экономические контакты, чувство личной ответственности за судьбу Европы, лидерская роль в решении сложных вопросов международной повестки. До сих пор говорят об особом, привилегированном франко-российском диалоге.

Изучению образа современной России во Франции посвящен ряд исследований отечественных специалистов. Одной из серьезных попыток стал сборник статей ИНИОН РАН с одноименным названием [1], в котором приняли участие известные историки, политологи и социологи и достаточно полно раскрыли специфику изображения России во французском информационном пространстве с конца 80-х годов XX века. Другие научные работы были посвящены анализу образа России во французской прессе в конце XX — начале XXI века и изучению отдельных метафорических образов как символов нашей страны [2].

В современной парадигме гуманитарного знания констатируется «лингвистический поворот», который во многом обусловлен высокой репрезентатив-

ностью языка и обеспечивает эвристичность новых научных исследований при условии применения достоверных методик.

Когнитивные методики лингвистического анализа дискурса масс-медиа позволяют выявить общие и специфические закономерности употребления метафорических единиц, репрезентирующих объект исследования, сформировать метафорические модели, отражающие общую семантику информационных сообщений, определить манипулятивные послылы их отправителей. Одной из первых попытку изучить метафорический образ России во французском информационном пространстве в ряде своих исследований предприняла О.А. Шаова [3—5]. В этих работах впервые были описаны доминантные для французского дискурса масс-медиа метафорические модели, типичные при образной номинации и характеристике России, а также констатировалось, что большинство рассмотренных концептуальных метафор «апеллируют к отрицательным для французов эмоциям и укрепляют в сознании адресата устойчивый комплекс представлений о “чуждости” России французскому миру» [6. С. 7].

По результатам исследования метафорического образа России в современном французском политическом дискурсе [7], охватывающего период 2010—2015 гг., было установлено, что использование метафорических выражений, обеспечивающих негативное восприятие реципиентом российских реалий, в течение длительного периода представляет собой неотъемлемую черту французского политического дискурса. Во французском медиаполе негативные метафорические образы России значительно преобладают над положительными. Широко представлены образы болезней, которые призваны отражать социальные и политические проблемы нашей страны, а также милитарные, криминальные, спортивные (игровые), ограничительные и монархические образы, пронизанные концептуальными векторами опасности, тревожности, агрессивности, непредсказуемости.

Анализ работ российских лингвистов начала XXI в., посвященных исследованию метафорического образа России в разных языковых сегментах дискурса масс-медиа Западной Европы и США, позволяет говорить о том, что формирующиеся в них метафорические модели, как правило, однотипны, стандартны и в большинстве своем копируют друг друга. Так, в настоящее время на Западе распространены такие модели образа нашей страны, как:

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ — это ВОЙНА / ИГРА (СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ) / ТЕАТР (ЦИРК);

РОССИЯ — это (АБСОЛЮТНАЯ) МОНАРХИЯ / ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО / БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ / УЧАСТНИК ИГРЫ / СССР и ряд других [4; 7—16; 17. С. 242; 18). Все эти модели пронизаны отрицательными концептуальными векторами.

Таким образом, метафорическая мозаика образа России в политическом дискурсе стран Запада на данный момент определена и достаточно статична. Однако остается неизученным образ будущего России, который в условиях нарастания геополитического противостояния и перманентной информационно-

психологической войны приобретает особую актуальность для отечественных ученых и широкой общественности. Важные внутривнутриполитические процессы начала 2020 года в Российской Федерации, в частности, обновление ее Конституции, носящее социально-ориентированный и патриотический характер, вызвали живую реакцию французских СМИ, которые интерпретировали эти события предвзято и искаженно. Это не может остаться без внимания отечественных ученых и широкой общественности, поскольку позволяет вскрыть основные концептуальные установки в отношении нашей страны, персуазивно и суггестивно транслируемые аудитории.

Попытка изучения во французском медиапространстве метафорического образа *будущего* России, с одной стороны, способствует деструктуризации выявленных метафорических моделей образа России *настоящего*, с другой стороны, позволяет определить новые концептуальные элементы, которые до этого не фигурировали в дискурсе масс-медиа и потенциально могут формировать когнитивные структуры. Таким образом, целью исследования состоит в том, чтобы установить когнитивные (когнитивно-дискурсивные) закономерности репрезентации образа будущего России во французском дискурсе масс-медиа.

Монархические метафоры образа России

Методология настоящего исследования сложилась под влиянием теории метафорического моделирования и опирается на достижения дискурс-анализа и отдельных отечественных представителей когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Нами используются методы моделирования, когнитивно-дискурсивного и контекстуального анализа, а также элементы компонентного анализа. Исследование основывается на материалах более 100 текстов ведущих вещательных, электронных и печатных СМИ Франции (Le Monde, L'Express, Le Point, RFI, Libération, Le Nouvel Observateur etc.).

Одним из главных факторов активизации дискуссии французских СМИ относительно политического и социально-экономического будущего России стала инициатива президента РФ по разработке и внесению поправок в действующую конституцию страны, которые были приняты на всенародном голосовании 1 июля 2020 года. В рамках этого политического сегмента французские источники окрестили В.В. Путина пожизненным президентом (*président à vie*) / президентом до скончания веков (*ad vitam aeternam*) [19] с различными вариациями, власти которого нет конца (*le pouvoir sans fin*) [20]. В контексте этих метафор фигурируют образы счетчика или часов, на которых сдвигают стрелку к нулю: *remise (de la pendule, des compteurs présidentiels) à zéro* [19; 20]. Президента России при этом называют повелителем времени, который проводит конституционную реформу лишь с целью увековечить (*pérenniser*) «свою систему» [21] и переводит часы по своему усмотрению: «*En vrai maître des horloges, Vladimir Poutine remet donc la pendule “à zéro”*» [20]. В вопросе преемственности власти французские СМИ заявляют либо о «пожизненном» Путине (*Poutine à vie*) [22], либо о его некоем

«клон» (*clone*), который идеально бы подошел для сохранения «значительного наследства» и территориальной целостности страны [23]. В целом, можно говорить о появлении во французском дискурсе масс-медиа метафорической модели «ПУТИН — это ВЕЧНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ» с недостаточно отчетливыми на данный момент контурами и развивающейся фреймово-слововой структурой.

Неограниченный срок правления, о котором гипертрофированно заявляют французские медиа, присущ странам с монархической формой правления и авторитарным политическим системам, к которым в данном случае суггестивно приравнивается Россия. Этот манипулятивный посыл дополняется традиционным для репрезентации российской власти образом царя, который по-прежнему фигурирует во французских текстах масс-медиа. Таким образом, указанная модель может рассматриваться уже как часть более обширной и детализированной модели «РОССИЯ — это АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ», образуя фрейм (слот) «Срок правления», который в контексте модели образа России *настоящего* конструирует метафорические смыслы образа *будущего* России.

В контексте обновления Конституции РФ французские субъекты массовой коммуникации не видят в будущем кардинальных изменений в рамках существующей российской «монархической» системы. Президент России по-прежнему остается царем с неограниченной властью (*tsar sans limite*), всемогущим правителем (*dirigeant tout puissant*), монархом (*monarque*), самодержцем (*autocrate*) и даже фараоном (*pharaon tsar*) [20; 24—26]. Его власть пожизненна (*à vie*), и у него имеются все атрибуты монарха.

Он изображается сидящим (*en majesté*) на троне (*trône*), у него есть личная, «приближенная» гвардия («*la garde rapprochée*») [27—29]. Правление главы государства манипулятивно преподносится как непрерывное царствование (хотя это не так) — *vingt ans de règne poutine sans partage* [28]. Его намерение провести конституционную реформу определяется как «дворцовый переворот» (*révolution de palais*), при этом после проведения плебисцита он будет коронован (*couronné*) и сохранит бразды правления (*rênes du pouvoir*) после 2024 года [20; 30]. Единственное, что его беспокоит, по мнению СМИ, — это необходимость оставить достойного «наследника» (*successeur*), чтобы его «наследство» (*héritage*) не пропало после ухода из Кремля [31]. Таким образом, вся конфигурация российской власти осмысливается французами сквозь призму лексических единиц сферы-источника «монархия». Ближайшее будущее России представляется французской прессе в той же парадигме абсолютной власти царя со всеми вытекающими негативными коннотациями.

Театральные, криминальные и ограничительные метафоры образа России

По мнению французских СМИ, процесс принятия поправок в Конституцию есть не что иное, как театральная постановка, фарс (*mise en scène, farce*,

coup de théâtre) и ловкий обман, трюк (*tour de passe-passe*) [26; 32; 33]. Все общественные обсуждения, голосование парламента определяются как «хорошо спланированный номер», игра главных действующих лиц которого, тем не менее, оставляет жесть лучшего: «*Numéro bien préparé, même si le jeu et le naturel des protagonistes laissaient à désirer*» [30]. Подобная метафорическая репрезентация подчеркивает неискренность, поддельность всего процесса реформы.

Театральные (цирковые) метафоры традиционно применяются во французском дискурсе масс-медиа с целью дискредитации российской власти, осмеивания ее действий и выражения авторской иронии. Они дополняются криминальными метафорами, которые создают еще более негативный образ мишени (обновление Конституции) и придают ей незаконный характер: *micmac juridique* («правовая махинация») [34], *violation de la Constitution, coup d'Etat* [22], *usurpation du pouvoir* [35]. Все политические процедуры российской власти целенаправленно преподносятся как противоправные, заранее ставя реципиента информации в рамки возможного понимания и представления будущего политического устройства в России как построенного незаконно, преступными действиями, то есть недемократического.

Будущее России описывается французскими СМИ как бесправное и вписывается в систему метафорической модели «РОССИЯ — это ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО», описанной в [7]. Кроме того, в развернутых синтаксических конструкциях наблюдается связь криминальных образов с образами катастрофы, распада, отсутствия человечности и каких-либо перспектив. Настоящее и будущее России оказываются в одном контексте, изображаются практически неотделимыми и контекстуально отождествляются («все будет так, как сейчас, и даже хуже»). См., например, [36].

Через образ разделенной на два лагеря страны автором намеренно строится концептуальный вектор конфронтации, неблагополучия. Бинарная оппозиция образов «СВОЙ — ЧУЖОЙ» создает впечатление противостояния, отсутствия единства в российском обществе. Разделительная линия (*ligne de partage*), в свою очередь, вызывает образ ограниченного пространства или запретной границы (ограничительная метафора). Ни одна из сторон при этом не выглядит благополучной. По сути, отрицается сама возможность какого-то будущего (*aucune perspective, aucun avenir*). Вместо него — сплошной кошмар (*cauchemar*), бесправие и безнаказанность. Именно таким подбором многочисленных метафорических выражений, относящихся к различным сферам-источникам, но вызывающих исключительно отрицательные коннотации и эффективно дополняющих друг друга, формируется последовательная линия дискредитации и пейоратизации образа России. Налицо признаки языкового насилия как неаргументированного вербального воздействия на реципиента, цель которого состоит в формировании (изменении) его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т. д.) [37. С. 159]. Сам факт того, что такая статья публикуется в ведущем государственном источнике информации, позволяет сделать вывод об общем настрое французских политических элит, их готовности к диалогу и сотрудничеству с Россией.

В условиях внешней враждебной, «токсичной» среды Россия может стать нерушимой крепостью (*forteresse indestructible*), но, вовремя не остановившись, может превратиться в отрезанный от мира бункера (*bunker*). Главное отличие двух этих объектов состоит в том, что обитатели последнего «подчинены строгой дисциплине, приближающей их существование к жизни заключенных» [38]. Этим описанием привносится метафорический оттенок заточения, заключения в бункере как месте лишения свободы, хотя изначально это понятие предполагает «очень защищенное подземное сооружение» [39. С. 268] (здесь и далее перевод наш — Р.З.). Ограничительный характер этой комплексной метафоры, имеющей в своей основе военный компонент, подтверждается развернутыми авторскими пояснениями, контрастирующими с образом «величественной цитадели» (*noble citadelle*): бункер герметичен, отрезан от мира, часто находится глубоко под землей, в него очень сложно попасть, из него затруднительно выйти, а «в его уродстве легко можно пропасть» [Там же].

Из перечисленных метафорических образов определяются две основные концептуальные установки текста. Во-первых, РОССИЯ в настоящем — это КРЕПОСТЬ / ЦИТАДЕЛЬ, из чего следует, что страна находится в состоянии обороны, внутренней мобилизации. Действительно, режим санкций и атмосфера геополитического противостояния порождают в массовой коммуникации образ России, борющейся против всех в одиночку [40]. Текст обновленной Конституции, по мнению автора, наводит на мысли о самоокапывании (*l'esprit de retranchement*) как фортификационных окопных работах войсками на месте своего расположения и самоизоляции (*l'esprit de repli sur soi*) как психологическом приеме «ухода в себя», ограждения от внешней среды, что несет в себе ограничительный метафорический смысл [39. С. 1623].

Во-вторых, РОССИЯ будущего — это БУНКЕР, то есть отрезанный от внешнего мира, укрепленный и изолированный военный объект. Концептуально такой метафорический образ моделирует дальнейшее развитие внешней политики страны, а именно ее отдаление и затем полное обособление от западного мира.

Метафоры прошлого, упадка, старости

Такое развитие событий несет в себе риски возвращения в прошлое. Этот образ также успешно культивируется французскими СМИ, которые в контексте президентских выборов 2018 года в России заявили о ее возвращении в СССР и вступлении в «брежневскую эпоху»: «*Présidentielle russe 2018: back in the USSR. À l'heure où Poutine s'apprête à entamer un 4e mandat, la Russie entre dans une ère brejnévienne*» [34]. Они транслируют наиболее стереотипные представления, которые подкрепляют и без того укоренившиеся в сознании французского общества исторические реминисценции. Продолжают этот ряд нередкие сравнения с Брежневым и Сталиным, руководителями СССР, срок правления которых теоретически может оказаться короче, чем у действующего президента: *Vladimir Poutine aura alors régné trente-six ans sur la*

Fédération russe. C'est-à-dire plus longtemps que le dirigeant soviétique momifié Léonid Brejnev (dix-huit ans), plus longtemps que Staline lui-même (trente ans) [26]. Этот прием скрытого отождествления прецедентных имен выступает особым видом метонимии, антономасией, который подразумевает употребление имени собственного в функции имени нарицательного с целью отрицательной или положительной оценки, возникающей при его употреблении.

Сравнение России с Советским Союзом давно стало обыденным приемом иностранных журналистов и политтехнологов. Образ последнего вызывает в сознании западного обывателя типичные, стереотипные образы недемократического, опасного государства-агрессора, «империи зла» и «тюрьмы народов», которые *volens-nolens* экстраполируются на образ будущего России.

Властные полномочия в авторитарных государствах не передаются по наследству, как при монархии, однако они также пожизненны. Задача Путина, по мнению L'Express, состоит в «склеивании» этих разных «кусочков российской истории» — царской и советской, чтобы обеспечить преемственность сегодняшней России и подчеркнуть главную общую характеристику всех эпох — «мощь государства и армии» [41].

Откат России в историческое прошлое, отсылка к предыдущим, старшим поколениям эффективно эксплуатируется французскими СМИ для продвижения образа ее будущего как заката, упадка и старости: «*La Russie est un pays vieillissant, où l'âge moyen est plus proche de quarante ans. À cet âge-là, l'avenir c'est la vieillesse et la décrépitude...*» [42]. Среди характеристик президента страны фигурируют такие определения, как *usé et vieillissant*. Демографическую проблему России иллюстрируют образом опасного, но больного медведя: «*La Russie, un ours dangereux, mais malade*» [43]. Такие метафорические образы формируют манипулятивные смыслы постепенного ослабления, умирания России и неизбежности ее конца. К этому добавляется отсутствие «стратегии на будущее» и страха перед ним [44]. Наглядно демонстрирует движение России во времени визуальный образ антропоморфной метафоры: «*...la Russie se prépare à embrasser l'avenir à reculons*» («...Россия готовится встретить будущее, пятясь назад») [45].

Заключение

По результатам исследования, основанного на материалах более 100 печатных и электронных политических текстов французских масс-медиа, можно заключить, что в контексте обновления Конституции Российской Федерации образ ее будущего формируется *исключительно* негативными метафорическими образами. Анализ метафорических выражений сфер-мишеней «Россия» и «Будущее России», привести которые полностью не представляется возможным, показывает, что западные политические элиты формируют через французские средства массовой информации пейоративные образы России как недемократической страны, лишенной будущего и обреченной на исчезновение. Несмотря на принятие поправок, обеспечивающих суверенитет

государства и соблюдение его национальных интересов, французские журналисты и политтехнологи извращают их смысл. Они считают, что Россия этим изолирует себя от внешнего мира, переходит в глухую оборону против коллективного Запада и ужесточает режим внутри страны. Информация подается аудитории предвзято, гипертрофированно и содержит значительное количество субъективно-оценочных и эмоционально-экспрессивных единиц, которые формируют метафорические образы будущего России в неделимой связи с образами ее настоящего и деструктурируют существующие метафорические модели, расширяя и дополняя их концептуальные смыслы.

В ходе исследования выявлены элементы следующих метафорических моделей образа будущего России, отражающие основные концептуальные установки (манипулятивные послылы) французского дискурса масс-медиа в контексте принятия поправок в главный закон страны:

БУДУЩЕЕ РОССИИ — это ПРОШЛОЕ / СССР / СТАРОСТЬ / УПАДОК;
РОССИЯ В БУДУЩЕМ — это АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ / НЕДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ (АВТОРИТАРНОЕ) ГОСУДАРСТВО / ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО / ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО / УКРЕПЛЕННЫЙ ВОЕННЫЙ ОБЪЕКТ;

ПУТИН — это ВЕЧНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ / ЦАРЬ.

Метафоры образа будущего России во французском дискурсе масс-медиа носят ярко выраженный амбивалентный характер: с одной стороны, они отражают исторически сформировавшиеся стереотипы о России, которые носят устойчивый и негативный характер, с другой стороны, сами обладают значительным стереотипогенным потенциалом и способствуют закреплению формирующихся моделей в сознании французской аудитории. Ввиду наличия пейоративных концептуальных установок в отношении России и искажения содержания ее жизненно важных характеристик сообщения французских средств массовой информации следует рассматривать не иначе как *информационно-психологическое оружие*.

Библиографический список

1. Лапина Н.Ю. Образ современной России во Франции: опыт междисциплинарного анализа. М.: РАН, ИНИОН, 2012.
2. Богословская Г.В. Образ России во Франции в 2000-2012 гг. по материалам французской прессы // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4—1 (88). С. 61—65.
3. Шаова О.А. Метафорическое моделирование внешней политики России в современной французской прессе // Политическая лингвистика. 2005. № 15. С. 143—162.
4. Шаова О.А. Метафорическое моделирование внешней политики России в современной французской прессе // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. 2005. № 15. С. 143—162.
5. Шаова О.А. Метафорическая модель «Президент России — это монарх» во французском дискурсе масс-медиа: источники и причины метафорической экспансии // Политическая лингвистика. 2006. № 18. С. 134—146.

6. *Шаова О.А.* Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация: на материале французских и российских газет / автореферат дис. канд. филол. наук. Екатеринбург: УрГПУ, 2005.
7. *Зарипов Р.И.* Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе. М.: Р.Валент, 2016.
8. *Будаев Э.В.* Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе / дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.
9. *Будаев Э.В.* Метафорический образ России в современном мире. Екатеринбург: УрГПУ, 2009.
10. *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: УрГПУ, 2006.
11. *Иванова Е.В.* Метафорический образ Родины (на примере монархической и театральной метафор в немецкой прессе) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 8 (26). Ч. 2. С. 73—76.
12. *Моисеева Т.В.* Российско-американские отношения как сфера-магнит для метафор со сферой-источником «природа» // *Политическая лингвистика*. 2006. № 19. С. 161—167.
13. *Красильникова Н.А.* «Заложники русского медведя»: метафорическое представление современной России в британских и американских СМИ // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2007. № 1. С. 42—49.
14. *Орлова Е.Л.* Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ / дис. канд. филол. наук. Иркутск: ИГЛУ, 2012.
15. *Пшеникин А.А.* Метафорический образ СССР / России в американском и российском политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2006. № 20. С. 146—161.
16. *Санцевич Н.А.* Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): дис. канд. филол. наук. М., 2003.
17. *Будаев Э.В., Ворошилова М.Б., Дзюба Е.В., Красильникова Н.А.* Современная политическая лингвистика: учебное пособие / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: УрГПУ, 2011.
18. *Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2003.
19. *Russie: «L'image écornée de Vladimir Poutine ne jouera sans doute qu'à la marge sur le résultat du vote»* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/international/article/2020/07/01/russie-l-image-ecornee-de-vladimir-poutine-ne-jouera-sans-doute-qu-a-la-marge-sur-le-resultat-du-vote_6044838_3210.html (дата обращения: 14.10.20).
20. *Vladimir Poutine ou le pouvoir sans fin* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/03/11/vladimir-poutine-ou-le-pouvoir-sans-fin_6032615_3232.html (дата обращения: 14.10.20).
21. *Russie: grâce à un amendement, Poutine pourrait se représenter jusqu'en 2036* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/russie-grace-a-un-amendement-poutine-pourrait-se-representer-jusqu-en-2036_2120540.html (дата обращения: 14.10.20).
22. *Russie: début d'un référendum d'une semaine sur la Constitution voulue par Poutine* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/russie-debut-d-un-referendum-d-une-semaine-sur-la-constitution-voulue-par-poutine_2129239.html (дата обращения: 14.10.20).
23. *Bruillot C., Gallicher B.* L'avenir de la Russie vu par Poutine [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.franceinter.fr/monde/l-avenir-de-la-russie-vu-par-poutine> (дата обращения: 14.10.20).
24. *Poutine le «pharaon tsar»* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archive.francesoir.fr/actualite/societe/poutine-%E2%80%9Cpharaon-tsar%E2%80%9D-20852.html> (дата обращения: 15.10.20).
25. *Vladimir Poutine, Tsar sans limite?* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/20200122-vladimir-poutine-tsar-limite> (дата обращения: 15.10.20).

26. *Naudet J.-B.* Réforme de la Constitution en Russie: un Poutine usé et vieillissant «président à vie» [Электронный ресурс] // *Le Nouvel Observateur*. — URL: <https://www.nouvelobs.com/monde/20200702.OBS30808/reforme-de-la-constitution-un-poutine-use-et-vieillissant-president-a-vie.html> (дата обращения: 14.10.20).
27. *Ferenczi T.* En Russie, Poutine prépare l'avenir [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.boulevard-exterieur.com/En-Russie-Poutine-prepare-l-avenir.html> (дата обращения: 15.10.20).
28. *Gylden A.* Ce coronavirus, cet adversaire que Vladimir Poutine n'a pas vu venir [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/le-coronavirus-cet-adversaire-que-vladimir-poutine-n-attendait-pas_2125553.html (дата обращения: 15.10.20).
29. *Inozemtsev V.* Les oligarques inquiets pour leur avenir [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lecourrierderussie.com/economie/2020/01/les-oligarques-inquiets-pour-leur-avenir/> (дата обращения: 15.10.20).
30. *Dorman V.* Russie: Vladimir Poutine remet son compte présidentiel à [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.liberation.fr/planete/2020/03/10/russie-vladimir-poutine-remet-son-compte-presidentiel-a-zero_1781243 (дата обращения: 17.10.20).
31. *Dorman V., Jacques L.* En Russie, Poutine chamboule tout pour préparer la suite [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.liberation.fr/planete/2020/01/15/en-russie-poutine-chamboule-tout-pour-preparer-la-suite_1773275 (дата обращения: 17.10.20).
32. *Vitkine B.* Poutine-2024, signe de faiblesse et aveu d'échec [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/international/article/2020/03/25/poutine-2024-signes-de-faiblesse-et-aveu-d-echec_6034358_3210.html (дата обращения: 17.10.20).
33. *Russie: le coup de théâtre politique de Vladimir Poutine* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rfi.fr/fr/emission/20200117-russie-coup-th%C3%A9%C3%A2tre-politique-vladimir-poutine> (дата обращения: 15.10.20).
34. *Nexon M.* Présidentielle russe 2018: back in the USSR [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lepoint.fr/monde/presidentielle-russe-2018-back-in-the-ussr-09-03-2018-2200944_24.php# (дата обращения: 15.10.20).
35. *Poutine signe la réforme constitutionnelle qui lui permet de se présenter jusqu'en 2036* [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/poutine-signe-la-reforme-constitutionnelle-qui-lui-permet-de-se-presenter-jusqu-en-2036_2120899.html (дата обращения: 14.10.20).
36. *Zviagintsev A.* Russie: «Au lieu de juger les criminels, les comptables et leurs complices, on juge les créateurs» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/06/27/russie-au-lieu-de-juger-les-criminels-les-comptables-et-leurs-complices-on-juge-les-createurs_6044413_3232.html (дата обращения: 14.10.20).
37. *Копнина Г.А.* Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2008.
38. *Kortounov A.* Entre citadelle et bunker [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lecourrierderussie.com/international/2020/07/la-russie-entre-citadelle-et-bunker/> (дата обращения: 14.10.20).
39. *Le Robert illustré 2014*. Paris: Dictionnaires le Robert, 2013.
40. *Patriotisme et défilé militaire en Russie à la veille du référendum constitutionnel* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/20200624-patriotisme-et-d%C3%A9fil%C3%A9-militaire-en-russie-%C3%A0-la-veille-r%C3%A9f%C3%A9rendum-constitutionnel> (дата обращения: 15.10.20).
41. *Saulnier H.* En Russie, le retour en grâce de Staline [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/en-russie-le-retour-en-grace-de-staline_2135197.html (дата обращения: 17.10.20).
42. *Korostikov M.* La Russie en quête d'image [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lecourrierderussie.com/opinions/2019/02/la-russie-en-quete-d-image/> (дата обращения: 17.10.20).
43. *Colomès M.* La Russie, ou ours dangereux, mais [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lepoint.fr/editos-du-point/michel-colomes/la-russie-un-ours-dangereux->

mais-malade-27-08-2015-1959540_55.php#xtmc=russie-avenir&xtnp=7&xtr=65 (дата обращения: 17.10.20).

44. *Dorman V.* «Бог, семья, русский народ»: «Dieu, famille et peuple russe», la Constitution vue par Poutine [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.liberation.fr/planete/2020/03/06/dieu-famille-et-peuple-russe-la-constitution-vue-par-poutine_1780675 (дата обращения: 17.10.20).

References

1. Lapina, N.Yu. (2012). The image of modern Russia in France: the experience of interdisciplinary analysis. Moscow: RAS, INION. (In Russ.).
2. Bogoslovskaja, G.V. (2015). Russia's image in France in 2000-2012 as exemplified in French press. *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4—1(88), 61—65. (In Russ.).
3. Shaova, O.A. (2005). Metaphorical modelling of foreign policy of Russia in French modern press. *Political linguistics*, 15, 143—162. (In Russ.).
4. Shaova, O.A. (2005). Metaphorical modelling of foreign policy of Russia in French modern press. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Lingvistika*, 15, 143—162. (In Russ.).
5. Shaova, O.A. (2006). Metaphorical model «President of Russia is a monarch» in French discourse of mass media: sources and causes of metaphorical expansion (2006). *Political linguistics*, 18, 134—146. (In Russ.).
6. Shaova, O.A. (2005). Russia and France: national stereotypes and their metaphorical representation: as exemplified in French and Russian newspapers [dissertation]. Ekaterinburg: UrGPU. (In Russ.).
7. Zaripov, R.I. (2016). Metaphorical modelling of Russia's image in French modern political discourse. Moscow: R.Valent. (In Russ.).
8. Budaev, E.V. (2006). Metaphorical modelling of post-Soviet reality in Russian and British political discourse [dissertation]. Ekaterinburg. (In Russ.).
9. Budaev, E.V. (2009). Russia's metaphorical image in a modern world: monograph. Ekaterinburg: UrGPU. (In Russ.).
10. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2006). Metaphor in political interdiscourse. Ekaterinburg: UrGPU. (In Russ.).
11. Ivanova, E.V. (2013). Metaphorical image of Motherland (as exemplified in monarchical and theatrical metaphor in German press). *Filology. Theory & Practice*. 8(26)—2, 73—76. (In Russ.).
12. Moiseeva, T.V. (2006). Russian-American Relations as the Target Domain for the Metaphors with Source Domain "Nature". *Political linguistics*, 19, 161—167. (In Russ.).
13. Krasil'nikova, N.A. (2007). «Hostages of Russian bear»: metaphorical representation of a modern Russia in British and American media outlets. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 42—49. (In Russ.).
14. Orlova, E.L. (2012). Metaphorical images of Russia, the USA and Germany in political discourse of German media outlets [dissertation]. Irkutsk: IGLU. (In Russ.).
15. Pshenkin, A.A. (2006). Metaphorical Image of the USSR / Russia in American and Russian Political Discourse. *Political linguistics*, 20, 146—161. (In Russ.).
16. Sancevich, N.A. (2003). Modelling of the linguistic worldview variation based on bilingual op-ed texts corpus (metaphors and semantic oppositions) [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
17. Modern political linguistics: study guide (2011). E.V. Budaev, M.B. Voroshilova, E.V. Dzjuba, N.A. Krasil'nikova; A.P. Chudinov (Ed.). Ekaterinburg: UrGPU. (In Russ.).
18. Chudinov, A.P. (2003). Metaphorical mosaic in a modern political communication. Ekaterinburg: UrGPU. (In Russ.).
19. Russie: «L'image écornée de Vladimir Poutine ne jouera sans doute qu'à la marge sur le résultat du vote». *Le Monde*. [Electronic resource] URL: <https://www.lemonde.fr/international/>

- article/2020/07/01/russie-l-image-ecornee-de-vladimir-poutine-ne-jouera-sans-doute-qu-a-la-marge-sur-le-resultat-du-vote_6044838_3210.html (accessed: 14.10.20).
20. Vladimir Poutine ou le pouvoir sans fin. *Le Monde*. [Electronic resource] URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/03/11/vladimir-poutine-ou-le-pouvoir-sans-fin_6032615_3232.html (accessed: 14.10.20).
 21. Russie: grâce à un amendement, Poutine pourrait se représenter jusqu'en 2036. *L'Express*. [Electronic resource] URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/russie-grace-a-un-amendement-poutine-pourrait-se-representer-jusqu-en-2036_2120540.html (accessed: 14.10.20).
 22. Russie: début d'un référendum d'une semaine sur la Constitution voulue par Poutine. *L'Express*. [Electronic resource] URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/russie-debut-d-un-referendum-d-une-semaine-sur-la-constitution-voulue-par-poutine_2129239.html (accessed: 14.10.20).
 23. Bruillot, C., Gallicher, B. L'avenir de la Russie vu par Poutine. *France Inter*. [Electronic resource] URL: <https://www.franceinter.fr/monde/l-avenir-de-la-russie-vu-par-poutine> (accessed: 14.10.20).
 24. Poutine le «pharaon tsar». *France Soir*. [Electronic resource] URL: <http://archive.francesoir.fr/actualite/societe/poutine-%E2%80%9Cpharaon-tsar%E2%80%9D-20852.html> (accessed: 15.10.20).
 25. Vladimir Poutine, Tsar sans limite? RFI. [Electronic resource] URL: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/20200122-vladimir-poutine-tsar-limite> (accessed: 15.10.20).
 26. Naudet, J.-B. Réforme de la Constitution en Russie: un Poutine usé et vieillissant «président à vie». *Le Nouvel Observateur*. [Electronic resource] URL: <https://www.nouvelobs.com/monde/20200702.OBS30808/reforme-de-la-constitution-un-poutine-use-et-vieillissant-president-a-vie.html> (accessed: 14.10.20).
 27. Ferenczi, T. En Russie, Poutine prépare l'avenir. *Boulevard Extérieur*. [Electronic resource] URL: <https://www.boulevard-exterieur.com/En-Russie-Poutine-prepare-l-avenir.html> (accessed: 15.10.20).
 28. Gylén, A. Ce coronavirus, cet adversaire que Vladimir Poutine n'a pas vu venir. *L'Express*. [Electronic resource] URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/le-coronavirus-cet-adversaire-que-vladimir-poutine-n-attendait-pas_2125553.html (accessed: 15.10.20).
 29. Inozemtsev, V. Les oligarques inquiets pour leur avenir. *Le Courrier de Russie*. [Electronic resource] URL: <https://www.lecourrierderussie.com/economie/2020/01/les-oligarques-inquiets-pour-leur-avenir/> (accessed: 15.10.20).
 30. Dorman, V. Russie: Vladimir Poutine remet son compteur présidentiel à zéro. *Liberation*. [Electronic resource] URL: https://www.liberation.fr/planete/2020/03/10/russie-vladimir-poutine-remet-son-compteur-presidentiel-a-zero_1781243 (accessed: 17.10.20).
 31. Dorman, V., Jacques, L. En Russie, Poutine chamboule tout pour préparer la suite. *Liberation*. [Electronic resource] URL: https://www.liberation.fr/planete/2020/01/15/en-russie-poutine-chamboule-tout-pour-preparer-la-suite_1773275 (accessed: 17.10.20).
 32. Vitkine, B. Poutine-2024, signe de faiblesse et aveu d'échec. *Le Monde*. [Electronic resource] URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2020/03/25/poutine-2024-signe-de-faiblesse-et-aveu-d-echec_6034358_3210.html (accessed: 17.10.20).
 33. Russie: le coup de théâtre politique de Vladimir Poutine. RFI. [Electronic resource] URL: <https://www.rfi.fr/fr/emission/20200117-russie-coup-th%C3%A9%C3%A2tre-politique-vladimir-poutine> (accessed: 15.10.20).
 34. Nexon, M. Présidentielle russe 2018: back in the USSR. *Le Point*. [Electronic resource] URL: https://www.lepoint.fr/monde/presidentielle-russe-2018-back-in-the-ussr-09-03-2018-2200944_24.php# (accessed: 15.10.20).
 35. Poutine signe la réforme constitutionnelle qui lui permet de se présenter jusqu'en 2036. *L'Express*. [Electronic resource] URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/poutine-signe-la-reforme-constitutionnelle-qui-lui-permet-de-se-presenter-jusqu-en-2036_2120899.html (accessed: 14.10.20).
 36. Zviagintsev, A. Russie: «Au lieu de juger les criminels, les comptables et leurs complices, on juge les créateurs». *Le Monde*. [Electronic resource] URL: <https://www.lemonde.fr/idees/>

- article/2020/06/27/russie-au-lieu-de-juger-les-criminels-les-comptables-et-leurs-complices-on-juge-les-createurs_6044413_3232.html (accessed: 14.10.20).
37. Kopnina, G.A. (2008). Verbal manipulating: ucheb. Posobie. Moscow: Flinta. (In Russ.).
 38. Kortounov, A. Entre citadelle et bunker. *Le Courrier de Russie*. [Electronic resource] URL: <https://www.lecourrierderussie.com/international/2020/07/la-russie-entre-citadelle-et-bunker/> (accessed: 14.10.20).
 39. *Le Robert illustré* (2014). Paris: Dictionnaires le Robert, 2013.
 40. Patriotisme et défilé militaire en Russie à la veille du référendum constitutionnel. RFI. [Electronic resource] URL: <https://www.rfi.fr/fr/podcasts/20200624-patriotisme-et-d%C3%A9fil%C3%A9-militaire-en-russie-%C3%A0-la-veille-r%C3%A9f%C3%A9rendum-constitutionnel> (accessed: 15.10.20).
 41. Saulnier, H. En Russie, le retour en grâce de Staline. *L'Express*. [Electronic resource] URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/en-russie-le-retour-en-grace-de-staline_2135197.html (accessed: 17.10.20).
 42. Korostikov, M. La Russie en quête d'image. *Le Courrier de Russie*. [Electronic resource] URL: <https://www.lecourrierderussie.com/opinions/2019/02/la-russie-en-quete-d-image/> (accessed: 17.10.20).
 43. Colomès, M. La Russie, ou ours dangereux, mais malade. *Le Point*. [Electronic resource] URL: https://www.lepoint.fr/editos-du-point/michel-colomes/la-russie-un-ours-dangereux-mais-malade-27-08-2015-1959540_55.php#xtmc=russie-avenir&xtnp=7&xtr=65 (accessed: 17.10.20).
 44. Dorman, V. “Bog, sem’ja, russkij narod” : “Dieu, famille et peuple russe”, la Constitution vue par Poutine. *Libération*. [Electronic resource] URL: https://www.liberation.fr/planete/2020/03/06/dieu-famille-et-peuple-russe-la-constitution-vue-par-poutine_1780675 (accessed: 17.10.20).

Информация об авторе:

Зарипов Руслан Ирикович, кандидат филологических наук, начальник группы центра (лингвистического МО РФ) Военного университета; *сфера научных интересов*: метафора, политическая метафора, метафорика, метафорическое моделирование, метафорический образ, метафорическая репрезентация, французский язык, средства массовой информации, манипулятивное воздействие, информационно-психологическая война, политический дискурс, образ России, военный перевод, этнический стереотип, иноязычное образование; *e-mail*: lieutenant-en-chef@ya.ru ORCID iD 0000-0001-9980-7928; eLibrary SPIN-код автора: 9294-2349

Information about the author:

Ruslan I. Zaripov, Ph.D. in Philology, the Head of the group of the Linguistic Center of the Military University (the Ministry of Defense of the Russian Federation). *Research interests*: metaphor, political metaphor, metaphor, metaphoric modeling, metaphorical image, metaphorical representation, French media, manipulative influence, information-psychological warfare, political discourse, image of Russia, military translation, ethnic stereotype, foreign language education; *e-mail*: lieutenant-en-chef@ya.ru ORCID iD 0000-0001-9980-7928; eLibrary Author SPIN: 9294-2349

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-714-734
УДК 811.432.113'36

Научная статья / Research article

Характеристики числительных в различных идиомах языка фула

М.А. Косогорова

Институт стран Азии и Африки МГУ им М.В. Ломоносова, Институт языкознания РАН,
125009, Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский переулок, 12/1
✉ maria.kosogorova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается система числительных в дисперсном языке фула, расположенном на обширной территории Африки южнее Сахары. Язык традиционно подразделяется на несколько разномасштабных идиомов в трех зонах распространения — западной, центральной и восточной. В ходе исследования были собраны языковые данные шести крупнейших идиомов, по два из каждой зоны¹. На основании описаний отдельных идиомов были проанализированы данные по внутреннему синтаксису порядковых, количественных, дробных и дистрибутивных числительных, а также внешнему синтаксису порядковых и количественных числительных. Ранее работа по сопоставлению числительных в различных идиомах фула не проводилась. Помимо обобщенных, собранных воедино, списковых данных по числительным разных идиомов в работе представлены результаты их сопоставительного анализа, включая данные фонетических вариаций и контактные заимствования с указанием источников, где это возможно, поскольку обширный ареал фула подразумевает, что для каждого идиома существует свой список языковых контактов и, соответственно, свой список возможных контактных процессов. Особое внимание уделено классификации баз числительных на соматические, коммерческие и смешанные, поскольку эта область числительных для языка фула ранее не исследовалась и подпадает под значительное контактное влияние, что представляет значительный интерес для исследователя. Также впервые описана система согласования количественных числительных по категории личности — уникальной категории, частично касающейся двух именных классов и не представленной нигде, кроме согласованных числительных. Некоторые области, например, дистрибутивные числительные, не имеют в фула достаточно данных по всем идиомам, что оставляет пространство для дальнейших исследований, как полевых, так и типологических.

Ключевые слова: язык фула, числительные, синтаксис, морфология, языковые контакты

¹ Основные источники языковых данных включают в себя:

Полиидиомные источники: (de Wolf 1995), (Коваль, Зубко 1986);

Западная зона: Пулар Фута-Джаллон (Гвинея): (Diallo 2000); Пулаар Фута-Торо (Сенегал): (Niang 1997); Центральная зона: Фульфульде Маасина (Мали): (Fagerberg-Diallo 1984); Фульфульде Гомбе (Нигерия) (Arnott 1970);

Восточная зона: Фульфульде Адамауа (Нигерия-Камерун): (Klingenheben 1963); Фульфульде Джамааре (Камерун): (Noye 1974).

© Косогорова М.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Финансирование. Благодарности

Работа подготовлена при поддержке проекта РНФ № 17-78-20071

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.05.2021

Для цитирования:

Косогорова М.А. Характеристики числительных в различных идиомах языка фула // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 714—734. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-714-734

UDC 811.432.113'36

Numeral Systems in Various Fula Lects

Maria A. Kosogorova

IAAS Lomonosov Moscow State University Institute of Linguistics RAS,
12/1 Bolshoi Kislovski Per., Moscow, Russian Federation, 125009

✉maria.kosogorova@gmail.com

Abstract. The paper presents the analysis of Fula numeral system. Fula is an Atlantic language, dispersed throughout a vast territory in Sub-Saharan Africa. It has over 20 differently-sized lects subdivided into three zones — Western, Central and Eastern. The research included collecting the language data on six major lects, two from each zone². Then this data was analyzed from the point of view of internal and external syntax of ordinal, cardinal, distributive and fraction numerals. The comparative analysis of Fula numeral system on inter-lect scale has never been reflected in earlier Fula studies. Apart from a unique collection of numeral data from all language zones of Fula, the paper presents comparative analysis of such data, including, but not limited to, phonetic and contact-induced variabilities. The sources of structural and lexical loans in the system are listed wherever possible, because the disperse nature of Fula lects means that the contact languages and the ensuing changes can be different for each lect. Special attention is paid to the numeral bases, which can be somatic, commercial of a combination of the two. The Fula numeral system has never been analyzed from this point of view, and the contact changes to it are of great linguistic interest. Also cardinal numerals in Fula can change their form depending on the personality parameter of head noun. This system is unique for Fula and, more specifically, to its numeral system, and is properly described for the first time. Some parts of the Fula numeral system, like distributive and fraction numerals for some lects, have been found underrepresented and poorly described, which leaves room for further research, both field one and typological.

Keywords: Fula language, numerals, syntax, morphology, language contacts

Financing. Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-78-20071

² The main sources were as follows:

Multi-lect sources: (de Wolf 1995), (Koval & Zoubko 1986);

Western zone: Pular Futa-Jallon (Guinea): (Diallo 2000); Pulaar Futa Tooro (Senegal): (Niang 1997);

Central zone: Fulfulde Maasina (Mali): (Fagerberg-Diallo 1984); Fulfulde Gombe (Nigeria) (Arnott 1970);

Eastern zone: Fulfulde Adamawa (Nigeria-Cameroon): (Klinghenheben 1963); Fulfulde Diamaré (Cameroon): (Noye 1974).

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.05.2021

For citation:

Kosogorova, M.A. (2021). Numeral System in Various Fula Lects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 714—734. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-714-734

Постановка проблемы

В статье рассматривается система числительных в языке фула. Фула — это западноатлантический макроязык (Niger-Congo → Atlantic-Congo → Atlantic → Northern → Senegambian → Fula-Wolof → Fula), дисперсно распространенный, по подтвержденным научным данным [1], на территории Африки южнее Сахары от Сенегала до Судана, а по отрывочным свидетельствам — также на территории Эфиопии и Сомали. Около 25 млн человек пользуются им как родным языком, и еще около 40 млн — как вторым. Ареал фула распадается на 6 крупных идиомов [2. С. 3] и около двадцати более мелких. Для крупных идиомов фула существуют грамматические описания разной степени подробности, как правило включающие в себя некоторые данные по числительным. Сопоставительные исследования числительных для разных идиомов фула раньше не проводились.

Источники данных и структура работы

В качестве источников данных по языку фула использовались следующие работы (приводятся по идиомам):

- Полиидиомные источники: [3; 4];
- Западная зона:
 - Пулар Фута-Джаллон (Гвинея): [5];
 - Пулаар Фута-Торо (Сенегал): [6];
- Центральная зона:
 - Фульфульде Маасина (Мали): [7];
 - Фульфульде Гомбе (Нигерия) [2];
- Восточная зона:
 - Фульфульде Адамауа (Нигерия-Камерун): [8];
 - Фульфульде Джамаре (Камерун): [9].

Первая часть работы (раздел 3) посвящена описанию систем внутреннего и внешнего синтаксиса числительных фула в идиомах ареала, общим и различающимся чертам количественных числительных. В разделе 4 отражены свойства внутреннего и внешнего синтаксиса порядковых числительных, включающие систему согласования числительных по категории личности. В разделе 5 размещены выводы, сопоставляющие данные идиомов фула, учитывая их ареальную и контактную разобщенность.

Система числительных в языке фула

Пулар Фута-Джаллон

Идиом пулар Фута-Джаллона — крупнейший идиом западной зоны, насчитывающий более 5 млн носителей, — являлся до недавнего времени одним из наименее изученных [4. С. 14]. С точки зрения грамматической структуры, он имеет ряд существенных отличий от прочих идиомов фула, которые, хоть и не ориентируются на выраженный центральный, канонический вариант, тем не менее, имеют очень малое количество структурных различий. Источники этих различий, как правило, можно найти в области языковых контактов. Пулар наиболее далеко отошел от кластера идиомов; различия находятся, в том числе, в таких значительных областях, как структура клаузы и именная классификация.

Система количественных числительных пулар имеет трехступенчатую базу [10. С. 3—4] соматического и коммерческого происхождения [11. С. 3; 12] с арифметическим повышением порядка.

Числительные 1—9 демонстрируют пятеричную (квинарную) базу невно-семантического происхождения (*jowi* <[?] *junngo* ‘рука’):

1	<i>go'o</i>	6	<i>jeego'o</i> (* <i>jowi e go'o</i>)
2	<i>diđi</i>	7	<i>jeedi</i> (* <i>jowi e diđi</i>)
3	<i>tati</i>	8	<i>jeetati</i> (* <i>jowi e tati</i>)
4	<i>nayi</i>	9	<i>jeenayi</i> (* <i>jowi e nayi</i>)
5	<i>jowi</i>		

Фонетическое происхождение *jee-** < *jowi* в числительных 6—9 очевидно, и так как в языках мира пятеричные системы обычно имеют физический источник происхождения, а именно количество пальцев / фаланг на руках [13. С. 325], то происхождение числительного ‘пять’ от существительного ‘рука’ представляется логичным [8. С. 163], однако фонетические преобразования, приведшие к такой форме числительного, систематически не прослеживаются. Так, в [14. С. 239] для фула и волоф, в отличие от всех описанных родственных языков, связь лексем ‘пять’ и ‘рука’ не постулируется. Вероятнее всего это свидетельствует о значительном возрасте этого преобразования, что подтверждается исследованиями числительных в языках мира, где лексемы 1—5 чаще всего имеют сходное семантическое происхождение и обоснованно являются наиболее древними элементами системы числительных [15. С. 238]. Названия числительных 2—9 «соотносимы с корнями, зафиксированными в некоторых африканских языках» [4. С. 117].

Числительные 10—19 в пулар имеют смешанную базу — квино-децимальную — десятичную и пятеричную с операцией сложения, выраженной предлогом *e*:

10	<i>sappo</i>		
11	<i>sappo e go'o</i>	16	<i>sappo e jeego'o</i>
12	<i>sappo e diđi</i>	17	<i>sappo e jeediđi</i>

13	<i>sappo e tati</i>	18	<i>sappo e jeetati</i>
14	<i>sappo e nayi</i>	19	<i>sappo e jeenayi</i>
15	<i>sappo e jowi</i>		

Этимология числительного *sappo* ‘десять’ восходит к существительному *sappordu* ‘указательный палец’, класс NDU. Показатель именного класса *-ndu* и показатель десирконстантива *-or-* регулярно опускаются при использовании имени в генерическом значении. Эта связь подтверждает соматическое происхождение базы и обуславливает ее удобное комбинирование с пятеричной базой, использованной в числительных низшего порядка.

Числительные 20—29 также имеют смешанную базу — квино-вигезимальную — двадцатеричную и пятеричную:

20	<i>noogay</i>		
21	<i>noogay e go'o</i>	26	<i>noogay e jeego'o</i>
22	<i>noogay e didi</i>	27	<i>noogay e jeedidi</i>
23	<i>noogay e tati</i>	28	<i>noogay e jeetati</i>
24	<i>noogay e nayi</i>	29	<i>noogay e jeenayi</i>
25	<i>noogay e jowi</i>		

Числительное *noogay* ‘двадцать’ имеет в соседних идиомах форму *noogas*, которая, в свою очередь, восходит к глагольной форме статива *no gas-i* ‘закончилось’, означающей, что все пальцы на руках и на ногах были посчитаны.

Далее с начала третьего до конца девятого десятка используются десятичная база с умножением и пятеричная в пределах десятка:

30	<i>cappande tati</i>
31	<i>cappande tati e go'o (10*3 + 1)</i>
36	<i>cappande tati e jeego'o (10*3 + 5 + 1)</i>
40	<i>cappande nayi</i>
41	<i>cappande nayi e go'o</i>
46	<i>cappande nayi e jeego'o</i>
50	<i>cappande jowi</i>
51	<i>cappande jowi e go'o</i>
56	<i>cappande jowi e jeego'o</i>
60	<i>cappande jeego'o</i>
70	<i>cappande jeedidi</i>
80	<i>cappande jeetati</i>
90	<i>cappande jeenayi</i>

Лексема *cappande* ‘десятки’ формально является существительным, принадлежащим к плюралльному классу DE. Таким образом, такое составное числительное имеет вид ‘имя+числительное’, что является важным отличием от предыдущих разрядов. Вся система, начиная с третьего десятка, формально используя соматическую основу, фактически приспособлена под коммерческое использование, и для удобства не использует двадцатеричную базу.

Числительное *teemedere* ‘сто, сотня’ также формально сохранило статус имени, относящегося классу NDE, его плюральная форма имеет вид *teemedde* DE. Оно является заимствованием из берберских языков [4. С. 118], где имеет то же значение. Диахронический анализ [14. С. 240] показывает, что исконные числительные третьего и выше порядков в фула отсутствуют, поэтому во всех его идиомах используется одно и то же наиболее древнее заимствование. Именно сотня является регулярным естественным пределом в системах языков мира: так, в корейском языке при употреблении числительных больше сотни используются числительные китайского происхождения [16. С. 84].

Все последующие разряды к сотне прибавляются с помощью предлога *e*. Умножение сотен происходит по образцу десятков, как например:

teemedde tati e cappande jowi e jeego 'o ‘триста пятьдесят шесть’ ($100 \cdot 3 + 10 \cdot 5 + 5 + 1$).

Числительное ‘тысяча’ *wuluure* NDE — *guluuje* DE ‘тысячи’ также является существительным, предположительно заимствованным из сусу *wülü* [17. С. 226]. Способ образования числительных от тысячи не отличается от числительных предыдущего разряда.

Следующие разряды имеют два вида наименований. Традиционно в пулар используются лексемы *ujunere*³ NDE ‘миллион’ — *ujunaaje* DE ‘миллионы’ и *ajanere* NDE ‘миллиард’ — *ajanaaje* DE ‘миллиарды’. Однако все более употребимыми становятся французские заимствования *million* O ‘миллион’ — *milionji* DI ‘миллионы’ и *milyar* O ‘миллиард’ — *milyarji* DI ‘миллиарды’.

С точки зрения внешнего синтаксиса, при использовании числительных в составе именной группы, за одним исключением, количественные числительные не изменяются в зависимости от класса имени существительного, имя же существительное всегда относится к плюральному классу: DE, DI, BE или KOY. Вершина именной группы линейно располагается перед зависимыми во всех случаях, за исключением демонстративных местоимений. Это верно как для пулар Фута-Джаллона, так и для всех других идиомов фула, в том числе описанных ниже. В примере (1) приведены все четыре плюральные класса, а также пример многосоставной согласованной именной группы для демонстрации позиции числительного. Классы *be* и *ko* включают в себя лексемы, обозначающие людей, поэтому форма числительного в них отличается от стандартной (подробнее о личных формах числительных см. раздел 4.4).

(1)

a. *na 'i* *tati*

коровы-CL.DI три

‘три коровы’;

b. *wor-be* *dido*

мужчина-CL.BE два.PERS

‘двое мужчин’;

³ Заимствование из манде, напр. сонинке *wujunere*.

- с. *paу-koу* *paуo*
 ребенок-CL.KOY четыре.PERS
 ‘четверо детей’;
- д. *bal-de* *jowi*
 сутки-CL.DE пять
 ‘пять суток’;
- е. *dii* *lemunee-ji an* *bennudi tati*
 DEM. CL.DI апельсин-CL.DI 1.SG.POSS спе-
 лый.CL.DI три
 ‘эти три моих спелых апельсина’.

Исключением из этого правила является числительное *go'o/goo* ‘один’. Его *счетная* форма (в составе числительных) остается неизменной, но оно имеет также *атрибутивную* форму, которая требуется при использовании в составе именной группы. В отличие от прочих числительных атрибутивная форма единицы не принадлежит к грамматическому классу числительных с формальной точки зрения, поскольку согласуется с вершинным существительным по именному классу, являясь, таким образом, адъективом. Также в некоторых контекстах оно может иметь формальные свойства существительного и местоимения (подробнее о лексеме ‘один’ см. [18]). Числительные следующих порядков, заканчивающиеся на единицу, не имеют этих свойств.

Пулаар Фута-Торо

Идиом пулаар Фута-Торо распространен на территории современного Сенегала, а также, частично, Гвинеи и Сьерра-Леоне. Он является родным примерно для 4,5 млн человек. Это идиом — ближайший родственник пулар Фута-Джаллона, но исторически он имел больше связей с другими, особенно центральными идиомами фула, и поэтому типологически он находится посередине между ними. Различия в системе количественных числительных между пулаар Фута-Торо и пулар Фута Джаллона минимальны и имеют фонетическую природу. Наибольшее количество фонетических различий лежит в первом десятке как наиболее архаичном и часто употребляемом пласте числительных:

1	<i>goo</i>	6	<i>jeegom</i>
2	<i>didî</i>	7	<i>jeedidî</i>
3	<i>tati</i>	8	<i>jeetati</i>
4	<i>nay</i>	9	<i>jeenay</i>
5	<i>joy</i>		

Далее существенные различия, в основном фонетической природы, наблюдаются в лексемах *noogas* ‘двадцать’, *teemedde* ‘сотни’ и *ujundere*, которая в Фута-Торо обозначает ‘тысяча’, при этом плюральная форма последней не отличается от Фута-Джаллонской.

Фульфульде Маасина

Идиом фульфульде Маасина насчитывает чуть больше миллиона носителей на территории современного Мали; многие исследователи считают его наименее подверженным внешнему влиянию, сохранившим максимум архаичных грамматических структур и лексики. Благодаря работе лингвиста и этнографа Кристиан Сейду огромный массив маасинского эпоса был опубликован в том виде, в котором он веками передавался гриотами в устной форме. Однако кроме этих данных идиом является одним из наименее описанных крупных идиомов фула.

Числительные Маасина первого десятка образуются, в целом, по тому же принципу, что и в идиомах, описанных выше. Единственное отличие фонетической природы находится в числительных ‘шесть’, где, как и в фула-торо, язык отдает предпочтение закрытому слогу, а также ‘семь’ и ‘восемь’, где, наоборот, происходит выпадение гласного и образование геминаты.

1	<i>go'o</i>	6	<i>jeegom</i>
2	<i>didì</i>	7	<i>jeeddi</i>
3	<i>tati</i>	8	<i>jeetti</i>
4	<i>nayi</i>	9	<i>jeenayi</i>
5	<i>joyi</i>		

Числительные второго, третьего и четвертого десятков также находятся в структурном единстве с другими идиомами фула.

10	<i>sappo</i>	26	<i>noogay e jeegom</i>
16	<i>sappo e jeegom</i>	30	<i>cappandè tati</i>
20	<i>noogay</i>	36	<i>cappandè tati e jeegom</i>

Далее идиом фульфульде Маасина, единственных из всех, имеет двойную норму для числительных последующих десятков.

Первая система представляет собой стандартную для фула коммерческую систему, основанную на умножении десятков. Можно обратить внимание на то, что числительные ‘шесть’ и ‘семь’, используемые при умножении, не подвержены фонетическим процессам и тем самым оказываются формально ближе к другим идиомам фула, чем используемые отдельно.

40	<i>cappandè nayi</i>	70	<i>cappandè jeedidi</i>
50	<i>cappandè jowi</i>	80	<i>cappandè jeetati</i>
60	<i>cappandè jeegom</i>	90	<i>cappandè jeenayi</i>

Второй вариант сохраняет альтернативную многокоренную двадцатеричную базу для количественных числительных, вводя новое название для каждого второго десятка:

40	<i>debe</i>
41	<i>debe e goo</i>
50	<i>debe e sappo</i>

51	<i>debe e sappo e goo</i>
60	<i>mali-hemre</i>
70	<i>mali-hemre e sappo / hemre-sappo-walaa</i>
80	<i>hemre</i>
90	<i>hemre e sappo</i>

Происхождение этих числительных в идиоме фульфульде Маасина не сложно проследить в языке бамана, где числительному *debe* ‘сорок’ соответствует также же числительное вида *dèbe* [19. С. 58], числительному *mali-hemre* ‘шестьдесят’ соответствует *mànkème*, а числительному *hemre* соответствует баманское *kème*, пришедшее в бамана из сонинка [19. С. 60].

Существует народная этимология, возводящая *debe* ‘сорок’ к имени *deboreedu* ‘беременная женщина’, впрочем, это рассуждение представляется сомнительным. Также необходимо отметить, что та система числительных в бамана, которая была очевидно заимствована в Маасина, считается архаичной и активно использовалась лишь до середины XX века. Большой возраст этого заимствования подтверждается также трансформацией *kème* > *hemre*, при которой заимствованное числительное было корректно с семантической точки зрения классифицировано как с помощью аффикса класса, так и с помощью соответствующего этому классу анлаута, тем самым полностью интегрировавшись в систему именных классов фула. Это происходит только с достаточно старыми и регулярно используемыми заимствованиями. В современной системе числительных бамана *hemre* обозначает сотню.

Лексемы ‘пятьдесят’ ‘семьдесят’ и ‘девяносто’ образуются путем прибавления десятка к предыдущему числительному второго разряда. С другой стороны, *hemre-sappo-walla* является, в буквальном переводе, ‘восемьдесят-десять-без’, то есть единственным встреченным случаем образования числительного путем вычитания.

Более высокие разряды числительных в идиоме образуются так же, как и в пулар Фута-Торо, поскольку они являются менее архаичными и имеют скорее коммерческую мотивацию. Так, *teemedere* ‘сотня’ (pl. *teemedde*) совпадает с аналогичными лексемами во всех идиомах фула, а *ujunere* ‘тысяча’ (pl. *ujunaaji*) — со всеми, кроме пулар Фута-Джаллона.

Фульфульде Гомбе

Еще один идиом центральной зоны, фульфульде Гомбе, распространен на территории Нигерии и считается родным для 0,5 млн носителей. Некоторые исследователи [20] указывают этот идиом как часть восточного идиома фульфульде Адамауа, однако исследователи, напрямую работающие с этим идиомом [21. С. 4], считают его отдельным идиомом (диалектом), относящимся скорее к центральной зоне языкового кластера.

Особенности системы количественных числительных этого идиома можно разделить на фонетические и системные. К фонетическим особенностям⁴ относятся строение форм десятков и сотен, а к системным — образование числительного ‘двадцать’ и ‘тысяча’ и наличие дублирующей системы учета десятков.

1	<i>go'o</i>	6	<i>jeego'o</i>	10	<i>sappo</i>		
2	<i>didì</i>	7	<i>jeedii</i>	11	<i>sappo e go'o</i>	16	<i>sappo e jeego'o</i>
3	<i>tati</i>	8	<i>jeetati</i>	12	<i>sappo e didì</i>	17	<i>sappo e jeedidì</i>
4	<i>nayi</i>	9	<i>jeenayi</i>	13	<i>sappo e tati</i>	18	<i>sappo e jeetati</i>
5	<i>jowi</i>			14	<i>sappo e nayi</i>	19	<i>sappo e jeenayi</i>

Числительные в пределах двадцати не имеют отличий от системы пулар Фула-Джаллона, но далее лексемы разряда десятков теряют соматические свойства и превращаются коммерческую систему, тем самым иллюстрируя утверждение автора о давней потере носителями конкретного идиома их традиционного ремесла — номадного скотоводства — и использования торговли в качестве основного занятия. Однако заметим, что, согласно [19. С. 110], в языках манде двадцатеричная база числительных является результатом контакта с языками сенуфо, гур и кру. Возможно, наличие такой базы в западных и центральных идиомах фула обусловлено аналогичными контактными факторами, нерелевантными в случае гомбе, где основным партнером по торговле, а соответственно, фактором, влияющим на синтаксис системы числительных, были хауса. Аналогичные результаты приводятся в работе Роже Лабатю [22. С. 97], который указывает, что некоторые диалекты «комбинируют двадцатеричную систему с традиционными пятеричной и десятеричной».

	Исконно фульские лексемы	Фула < хауса < арабский
20	<i>shappande didì</i>	<i>ashirin</i>
21	<i>shappande didì e go'o</i>	<i>ashirin e go'o</i>
25	<i>shappande didì e jeego'o</i>	<i>ashirin e didì</i>
30	<i>shappande tati</i>	<i>talaatin</i>
40	<i>shappande nayi</i>	<i>arba'in</i>
50	<i>shappande jowi</i>	<i>hamsin</i>
60	<i>shappande jeego'o</i>	<i>sittin</i>
70	<i>shappande jeedii</i>	<i>saba'in</i>
80	<i>shappande jeetati</i>	<i>tamaanin</i>
90	<i>shappande jeenayi</i>	<i>tis'in</i>

Как видно из данных, приведенных выше, лексема ‘двадцать’ в идиоме выражается с помощью умножения десятков. Также выше приводятся альтернативные варианты десятков, заимствованные из арабского языка через язык

⁴ Глоттальная смычка, обозначаемая апострофом в исходном варианте (Arnott 1970), не является фонетической особенностью этого идиома. Структура слога фула исключает неприкрытые слоги, но начальная глоттальная смычка отображается на письме не во всех источниках.

хауса. Центральные и, в особенности, восточные идиомы фула находятся в постоянном контакте с арабским языком, что обусловило большее количество заимствований в области повседневной лексики по сравнению с более западными идиомами.

Лексемы для высших порядков количественных числительных *teemerre* NDE ‘сотня’ — *teemedde* DE ‘сотни’ и *dubuure*⁵ NDE ‘тысяча’ *dubuije* DE ‘тысячи’ не имеют функциональных отличий от аналогичных числительных в других идиомах, хоть и отличаются формально.

Фульфульде Адамауа

Идиом фульфульде-Адамауа распространен в Камеруне, Чаде и Судане, где его использует около 2 млн носителей. Числительные Адамауа структурно и фонетически близки к системе пулар Фута-Джаллона:

1	<i>go'o / goo</i>	6	<i>jeego'o</i>	10	<i>sappo</i>		
2	<i>didi</i>	7	<i>jeedi</i>	11	<i>sappo e go'o</i>	16	<i>sappo e jeego'o</i>
3	<i>tati</i>	8	<i>jeetati</i>	12	<i>sappo e didi</i>	17	<i>sappo e jeedi</i>
4	<i>nay</i>	9	<i>jeenay</i>	13	<i>sappo e tati</i>	18	<i>sappo e jeetati</i>
5	<i>jowi</i>			14	<i>sappo e nay</i>	19	<i>sappo e jeenayi</i>
20	<i>noogas</i>			50	<i>cappande jowi</i>		
22	<i>noogas e didi</i>			60	<i>cappande jeego'o</i>		
30	<i>cappande tati</i>			90	<i>cappande jeenay</i>		

За исключением минимальных фонетических различий в числительных ‘четыре’ и ‘двадцать’, в остальном система в пределах первых двух порядков ближе к пулар, чем к какому-либо другому идиому. Лексема *temerre* ‘сотня’ — *temedde* ‘сотни’ имеет ту же структуру, что и в фульфульде Гомбе, за исключением долготы первого гласного. Впрочем, это может быть особенностью носителя или погрешностью записи. Тысяча же в Адамауа имеет форму *ujunerre* (мнж. *ujunedde*), что, за исключением фонетических нюансов, совпадает с данными идиома Фута-Торо. Также в данных идиома фигурирует числительное *dubuure* (мнж. *dubuije*) ‘миллион’.

Также необходимо отметить, что в идиоме, наряду с традиционной системой, полноценно функционирует арабская система числительных, заимствованная напрямую.

Фульфульде Джамааре

Фульфульде Джамааре является наиболее восточным из представленных в исследовании идиомов фула. Носители этого идиома отделились от фульфульде Маасина в XVI веке [23. С. 16] и сейчас локализованы в нескольких общинах в Камеруне, общей численностью около 100 тысяч человек.

⁵ Заимствование из языка хауса.

Поскольку идиом Джамааре отделился от фульфульде Маасина, по меркам языка, недавно, их системы числительных, в числе прочих, обнаруживают заметное сходство, которое, впрочем, ограничивается незаимствованной частью системы, поскольку список контактов этих идиомов существенно различается.

1	<i>go'o</i>	6	<i>joweego</i>	10	<i>sappo</i>		
2	<i>didi</i>	7	<i>joweedidi</i>	11	<i>sappo e go'o</i>	16	<i>sappo e joweego</i>
3	<i>tati</i>	8	<i>joweetati</i>	12	<i>sappo e didi</i>	17	<i>sappo e joweedidi</i>
4	<i>nay</i>	9	<i>joweenay</i>	13	<i>sappo e tati</i>	18	<i>sappo e joweetati</i>
5	<i>jowi</i>			14	<i>sappo e nay</i>	19	<i>sappo e joweenay</i>
		20	<i>noogas</i>		50	<i>cappandè jowi</i>	
		22	<i>noogas e didi</i>		60	<i>cappandè joweego</i>	
		30	<i>cappandè tati</i>		90	<i>cappandè joweenay</i>	

Дальнейшие разряды образуются по общему принципу с остальными. Сотни образуются с помощью лексемы *temerre* ‘сотня’ — *temedde* ‘сотни’, а тысячи имеют незначительные морфо-фонетические изменения по сравнению с прочими идиомами: *ujineere* (мнж. *ujineeje*), без изменения класса существительного. В описании идиома особо отмечается, что для миллиона нет устоявшегося, расхожего выражения.

Арабская система, упомянутая в описании фульфульде Адамауа, используется и в этом идиоме, что обусловлено постоянным близким контактом носителей с языком.

Словообразовательные и словоизменительные возможности системы числительных

Порядковые числительные

Система порядковых числительных на всем континууме фула имеет примерно одинаковую структуру. Как и во многих языках мира, порядковые числительные с грамматической точки зрения являются согласуемыми именными атрибутами (в случае фула — адъективами по функции и форме аффикса именного класса). Такие числительные образуются от соответствующих количественных с помощью суффикса *-ab-* во всех идиомах, кроме пулаар Фута-Торо, который будет описан ниже. Исключением является числительное ‘один’.

Порядковое числительное ‘первый’ имеет во всех идиомах две формы — более прозрачную с точки зрения этимологии и структуры *go'ab-CL* (где CL — аффикс соответствующего класса) и более расхожую супплетивную форму *aran(e)-CL*, образованную от глагола *ar-u-gol* ‘приходить’.

Числительные ‘второй’ и ‘третий’ также имеют по две формы. Они употребляются примерно равномерно, различаются стилистически и распреде-

лены равномерно. Вторая, более сниженная, форма, является результатом фонетической опрощенности:

didab-CL — *dim-CL* ‘второй’;

tatab-CL — *tamm-CL* ‘третий’.

Все три непрозрачные, «вторые» формы используются только в числительных первого порядка.

Прочие числительные демонстрируют формальное единообразие на всем пространстве фула. Их внешние (помимо сугубо фонетических) различия могут быть обусловлены, во-первых, различиями в области системы именных классовных аффиксов, поскольку разные идиомы имеют разный инвентарь именных классов и их аффиксов. Во-вторых, некоторые различия могут быть обусловлены разным уровнем функционирования системы начальных корневых чередований. В некоторых идиомах, например, фульфульде Маасина, эта система сохранна полностью, и все атрибуты меняют начальный согласный в соответствии с именным классом, а в некоторых, например, пулар Фута-Джаллон, продуктивность системы в значительной мере утрачена, и поэтому согласуемые атрибуты больше не обязаны согласовывать свой начальный согласный, что влияет на внешний вид числительного.

1	<i>go'ab-CL</i> <i>aran(e)-CL</i>	6	<i>jeego'ab-CL</i>	10	<i>sappab-CL</i>	20	<i>noogayab-CL</i>
2	<i>didab-CL</i>	7	<i>jeedidab-CL</i>	11	<i>sappo e go'ab-CL</i>	21	<i>noogay e go'ab-CL</i>
3	<i>tatab-CL</i>	8	<i>jeetatab-CL</i>	12	<i>sappo e didab-CL</i>	30	<i>cappande tatab-CL</i>
4	<i>nayab-CL</i>	9	<i>jeenayab-CL</i>	13	<i>sappo e tatab-CL</i>	31	<i>cappande tati e go'ab-CL</i>
5	<i>jowab-CL</i>			14	<i>sappo e nayab-CL</i>	50	<i>cappande jeego'ab-CL</i>

Порядковые числительные от сотни используются редко и в литературе практически не описаны. Зафиксированы три формы круглой сотни — *teemererejeo*⁶ для идиома пулар Фута-Джаллон, *teemederabo* для идиома фульфульде Маасина и *battoowo teemedere* для идиома пулар Фута-Торо. Далее во всех идиомах, как и в сложных числительных первого и второго порядков, порядковую форму принимает только последнее числительное — наименьшее (данные приведены по идиому пулар Фута-Торо, формы класса О):

teemedere e jeenayabo ‘сто девятый’;

teemedde didabo ‘двухсотый’;

teemedde didi e nayabo ‘двести четвертый’.

⁶ Далее при использовании согласованных форм порядковых числительных приводятся формы класса О, если не указано другого.

Порядковые формы числительного ‘тысяча’ также зафиксированы всего в трех источниках — это *wulureejo* для идиома пулар Фута-Джаллон, *wulurabo* для идиома фульфульде Маасина и *battoowo ujunere* для идиома пулаар Фута-Торо. Числительное ‘миллион’ в порядковой форме имеет вид *ujunereejo* в пулар Фута-Джаллон и *ujunabo* в фульфульде Маасина.

Дробные числительные

Образование форм дробных числительных описано для идиомов пулар Фута-Джаллон и фульфульде Маасина. Однако идентичность и простота способа их образования для дистантных идиомов позволяет предположить, что и в остальных идиомах они образуются, в общем, аналогичным образом, за исключением ожидаемых фонетических различий. Дробные числительные в описанных идиомах по форме совпадают с порядковыми числительными, согласованными по диминутивно-сингулярному классу NGEL для фульфульде Маасина и по классу KUN (с той же семантикой) для пулар Фута-Джаллон:

tatabun {FJ} *tatabel* {M} ‘одна третья’;
jowabun {FJ} *jowabel* {M} ‘одна пятая’.

Дистрибутивные числительные

Формы дистрибутивных числительных зафиксированы в описаниях идиомов пулар Фута-Джаллон (западная диалектная зона), фульфульде Гомбе (центральная зона) и Адамауа (восточная зона). Таким образом, можно предполагать, что дистрибутивные числительные присутствуют во всех идиомах фула, хотя описание этих форм не встретилось в данных по другим идиомам из-за недостатка данных.

Дистрибутивные формы числительных в фула образуются путем простой редупликации соответствующих количественных числительных, при этом в сложных числительных удваивается лишь наименьший разряд:

go'o-go'o ‘по одному’;
jowi-jowi ‘по пять’;
sappande jeedidi-jeedidi ‘по семьдесят’.

Личные формы количественных числительных

Согласование порядковых числительных с вершинным именем, описанное в разделе 3.1, не является типологической редкостью. Гораздо реже встречается словоизменение *количественных* числительных в зависимости от вершинного имени, что, тем не менее, отмечено во всех идиомах фула. Это словоизменение не носит системного характера для всех именных классов, поэтому его нельзя охарактеризовать как согласование по категории именного класса.

Изменение формы числительного происходит при всех вершинных именах, принадлежащих к классу ВЕ (лично-плюральный именной класс), при

именах, которые принадлежат к плюрално-диминутивному классу КОУ/КОН (в зависимости от идиома) и обозначают людей, а также — в исключительных случаях — при именах прочих именных классов, но только в том случае, если эти имена также обозначают людей или приближенных к ним существ. При употреблении таких имен с количественными числительными используется специальная форма числительных первой пятерки и их производных, которую можно охарактеризовать как согласование по категории личности.

• Для имен класса ВЕ будет использована форма, оканчивающаяся на *-o*. Скорее всего, она этимологически родственна аффиксу лично-сингулярного класса О, к которому принадлежат все сингулярные формы имен класса ВЕ:

один мужчина	<i>gorko goo-to</i>	шесть мужчин	<i>worbe (n)jeego 'o</i>
два мужчины	<i>worbe did-o</i>	семь мужчин	<i>worbe (n)jeedid-o</i>
три мужчины	<i>worbe tat-o</i>	восемь мужчин	<i>worbe (n)jeetat-o</i>
четыре мужчины	<i>worbe nay-o</i>	девять мужчин	<i>worbe (n)jeenay-o</i>
пять мужчин	<i>worbe (n)jow-o⁷</i>		

• Для имен классов КОУ/КОН будет использована форма числительного, оканчивающаяся на *-kon/ -koy*, этимологически родственная аффиксу плюралного класса КОУ/КОН. Ниже в таблице приведены варианты образования для Фута-Джаллона (числовая пара sgKUN-plKOY) и для прочих идиомов (числовая пара sgNGEL-plKON):

один ребенок	<i>paykun goo-tun/ binngel goo-tel</i>	шесть детей	<i>paykoy (n)jeego 'o</i> <i>paykoy njeego 'o</i>
два ребенка	<i>paykoy did-oy</i> <i>paykon did-on</i>	семь детей	<i>paykoy (n)jeedid-oy</i> <i>paykon njeedid-on</i>
три ребенка	<i>paykoy tat-oy</i> <i>paykon tat-on</i>	восемь детей	<i>paykoy (n)jeetat-oy</i> <i>paykon njeetat-on</i>
четыре ребенка	<i>paykoy nay-oy</i> <i>paykon nay-on</i>	девять детей	<i>paykoy (n)jeenay-oy</i> <i>paykon njeenay-on</i>
пять детей	<i>paykoy (n)jow-oy</i> <i>paykon njow-on</i>		

Следует еще раз отметить, что лексема ‘один’ полноценно согласуется с вершинным именем по категории именного класса, а значит, не участвует в системе согласования по категории личности. А производная от нее лексема ‘шесть’ имеет только неизменяемую форму *jeego 'o*, также не участвующую в этой системе.

Также уточним, что, хотя плюралные имена, обозначающие людей, в языке фула могут встречаться только в двух описанных именных классах,

⁷ Для идиомов, где функционирует согласование по анлауту корня (то есть всех, кроме Фута-Джаллона), данная форма обязательно является преназализованной. В идиоме Фута-Джаллон наличие преназализации варьирует от говора к говору.

в отдельных случаях некоторые лексемы, не принадлежащие, строго говоря, к категории личных, могут наделяться характеристиками личности по желанию автора текста и, вопреки грамматике, требовать личной формы зависимого числительного. Таких примеров исчезающе мало, однако приведем один, встретившийся в тексте жанра волшебной сказки, где джинны, принадлежащие к классу DI, требуют, тем не менее, личной формы числительного, как если бы это были люди:

(2)

o yi'-i ton jinnaa-ji diɗ-o
 3.SG.CL.O видеть-ACT.PFV там джинн-PL.CL.DI два-PERS
 ‘он увидел там двух джинов...’

Числительные, не включающие в себя корни первой пятерки (круглые десятки двадцатки, сотни, тысячи и т.д.) не имеют специальных личных форм. Таким образом, можно сделать вывод, что система согласования по личности — это архаичная система, не распространившаяся на коммерческую систему счисления, возникшую позже.

Итоги исследования

Географически фула распространен на уникально большой территории, и каждый идиом имеет свой список языковых контактов. Поэтому различия во внутренней семантике системы числительных фула имеют как внутренне-фонетическую, так и контактную природу. Внутрязыковые различия, в том числе фонетические, представлены в таблицах 1—3.

Таблица 1

Вариативность лексем ‘один’ — ‘четыре’ в идиомах фула

	Западная зона		Центральная зона		Восточная зона	
	Фула-Джаллон	Фула-Торо	Маасина	Гомбе	Адамауа	Джамааре
1 (несогласуемое)	<i>go'o</i>	<i>goo/ -gom</i>	<i>go'o</i>	<i>go'o</i>	<i>go'o / goo</i>	<i>go'o/ -go</i>
2	<i>ci ci</i>	<i>ci ci</i>	<i>ci ci</i>	<i>ci ci</i>	<i>ci ci</i>	<i>ci ci</i>
3	<i>tati</i>	<i>tati</i>	<i>tati</i>	<i>tati</i>	<i>tati</i>	<i>tati</i>
4	<i>nayi</i>	<i>nay</i>	<i>nayi</i>	<i>nayi</i>	<i>nay</i>	<i>nay</i>

Table 1

Variants for ‘one’ to ‘four’ lexemes in Fula lects

	Western zone		Central zone		Eastern zone	
	Fouta Djallon	Fouta-Toro	Maasina	Gombe	Adamawa	Jamaare
1 (non-agreeing)	<i>go'o</i>	<i>goo/ -gom</i>	<i>go'o</i>	<i>go'o</i>	<i>go'o / goo</i>	<i>go'o/ -go</i>
2	<i>ci ci</i>	<i>ci ci</i>	<i>ci ci</i>	<i>ci ci</i>	<i>ci ci</i>	<i>ci ci</i>
3	<i>tati</i>	<i>tati</i>	<i>tati</i>	<i>tati</i>	<i>tati</i>	<i>tati</i>
4	<i>nayi</i>	<i>nay</i>	<i>nayi</i>	<i>nayi</i>	<i>nay</i>	<i>nay</i>

Таблица 2

Вариативность лексемы ‘пять’ в идиомах фула

	Западная зона		Центральная зона		Восточная зона	
	Фута-Джаллон	Фута-Торо	Маасина	Гомбе	Адамауа	Джамааре
Независимое	<i>jowi</i>	<i>joy</i>	<i>joyi</i>	<i>jowi</i>	<i>jowi</i>	<i>jowi</i>
В составе 6—9	<i>jee-</i>	<i>jee-</i>	<i>jee-</i>	<i>jee-</i>	<i>jee-</i>	<i>jowee-</i>

Table 2

Variants for ‘five’ in Fula lects

	Western zone		Central zone		Eastern zone	
	Fouta Djallon	Fouta-Toro	Maasina	Gombe	Adamawa	Jamaare
Independent	<i>jowi</i>	<i>joy</i>	<i>joyi</i>	<i>jowi</i>	<i>jowi</i>	<i>jowi</i>
In numbers 6—9	<i>jee-</i>	<i>jee-</i>	<i>jee-</i>	<i>jee-</i>	<i>jee-</i>	<i>jowee-</i>

Таблица 3

Вариативность лексем высших порядков в идиомах фула

	Западная зона		Центральная зона		Восточная зона	
	Фута-Джаллон	Фута-Торо	Маасина	Гомбе	Адамауа	Джамааре
100SG	<i>teemedere</i>	<i>teemedere</i>	<i>teemedere</i>	<i>teemerre</i>	<i>temerre</i>	<i>temerre</i>
100PL	<i>teemedde</i>	<i>teemedde</i>	<i>teemedde</i>	<i>teemedde</i>	<i>teemedde</i>	<i>teemedde</i>
1000SG	<i>wuluure</i>	<i>ujundere</i>	<i>ujunere</i>	<i>dubuure</i>	<i>ujunerre</i>	<i>ujineere</i>
1000PL	<i>guluuje</i>	<i>ujunaaji</i>	<i>ujunaaji</i>	<i>dubuuje</i>	<i>ujunedde</i>	<i>ujineeje</i>
1000000SG	<i>ujunere</i>				<i>dubuure</i>	
1000000PL	<i>ujunaaji</i>				<i>dubuuje</i>	

Table 3

Variants for higher order numerals in Fula lects

	Western zone		Central zone		Eastern zone	
	Fouta Djallon	Fouta-Toro	Maasina	Gombe	Adamawa	Jamaare
100SG	<i>teemedere</i>	<i>teemedere</i>	<i>teemedere</i>	<i>teemerre</i>	<i>temerre</i>	<i>temerre</i>
100PL	<i>teemedde</i>	<i>teemedde</i>	<i>teemedde</i>	<i>teemedde</i>	<i>teemedde</i>	<i>teemedde</i>
1000SG	<i>wuluure</i>	<i>ujundere</i>	<i>ujunere</i>	<i>dubuure</i>	<i>ujunerre</i>	<i>ujineere</i>
1000PL	<i>guluuje</i>	<i>ujunaaji</i>	<i>ujunaaji</i>	<i>dubuuje</i>	<i>ujunedde</i>	<i>ujineeje</i>
1000000SG	<i>ujunere</i>				<i>dubuure</i>	
1000000PL	<i>ujunaaji</i>				<i>dubuuje</i>	

Что касается контактных явлений в системе числительных, для различных идиомов фула свойственны следующие обобщения. Восточные идиомы имеют альтернативную систему счета, заимствованную из арабского языка практически без изменений. Центральный идиом фульфульде Гомбе, имеющий теснейший контакт с языком хауса, использует альтернативную систему,

заимствованную из арабского языка через хауса. Фульфульде Маасина также использует альтернативную многокоренную двадцатеричную систему, заимствованную из варианта языка бамана, используемого до середины XX века, в которой, наряду с операциями сложения и умножения, использовано вычитание. Все западные и центральные идиомы имели или имеют контакт с языками манде, что обусловило использование элемента двадцатеричной базы в этих идиомах и его отсутствие в неконтактных идиомах. Таким образом, исконная база системы числительных в фула не трехступенчатая, как в западных идиомах, а двухступенчатая. Результаты контактных явлений в различных идиомах представлены в таблице 4.

Таблица 4

Контактные явления в системах числительных идиомов фула

	Западная зона		Центральная зона		Восточная зона	
	Фута-Джаллон	Фута-Торо	Маасина	Гомбе	Адамауа	Джамааре
Двадцатеричная база < манде	+	+	+	-	+	+
Альтернативная двадцатеричная система < бамана	-	-	+	-	-	-
Альтернативная система < арабский	-	-	-	-	+	+
Альтернативная система < хауса < арабский	-	-	-	+	-	-
Заимствование сотен < берберские	+	+	+	-	+	+
Заимствование сотен < хауса	-	-	-	+	-	-
Заимствование тысяч < сусу	+	-	-	-	-	-
Заимствование тысяч < манде	-	+	+	+	+	+

Table 4

Borrowing patterns in Fula numeral systems

	Western zone		Central zone		Eastern zone	
	Fouta Djallon	Fouta-Toro	Maasina	Gombe	Adamawa	Jamaare
Vigesimal base < Mande	+	+	+	-	+	+
Alternative vigesimal system < Bamana	-	-	+	-	-	-
Alternative system < Arabic	-	-	-	-	+	+
Alternative system < Hausa < Arabic	-	-	-	+	-	-
Borrowed hundreds < Berber	+	+	+	-	+	+
Borrowed hundreds < Hausa	-	-	-	+	-	-
Borrowed thousands < Susu	+	-	-	-	-	-
Borrowed thousands < Mande	-	+	+	+	+	+

Выводы

С точки зрения внешней семантики, все идиомы фула имеют весьма однородную систему, где числительное (неважно, порядковое или количественное) является атрибутом вершинного имени. При этом количественные числительные изменяются по категории личности, а порядковые согласуются с вершинным именем по категории именного класса. Числительное *aran-CL* ‘первый’ образуется, как и в большинстве языков мира, супплетивно, а числительные ‘второй’ и ‘третий’ имеют каждый фонетически упрощенные инварианты.

Библиографический список

1. *Eberhard D.M., Gary F.S., Charles D.F.* (eds.). *Ethnologue: Languages of the World*. Dallas, Texas: SIL International, 2020. Режим доступа: <http://www.ethnologue.com> (дата обращения: 01.03.2021).
2. *Arnott David Whitehorn*. *The Nominal and Verbal Systems of Fula*. Oxford: Clarendon Press, 1970.
3. *de Wolf Paul Polydoor*. *English-Fula dictionary: a multidialectal approach (Fulfulde, Pulaar, Fulani)*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1995.
4. *Коваль А.И., Зубко Г.В.* *Язык фула*. М.: Наука, 1986.
5. *Diallo A.* *Grammaire Descriptive du pular du Fuuta Jaloo (Guinée)*. *Schriften zur Afrikanistik*, 3. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2000.
6. *Niang M.Ou*. *Pulaar: Pulaar-English, English-Pulaar standard dictionary*. New York: Hippocrene Books, 1997.
7. *Fagerberg-Diallo S.M.* *A practical guide and reference grammar to the Fulfulde of Maasina*. Jos: Joint Christian Min. in West Africa, 1984.
8. *Klingenheben A. von*. *Die Sprache der Ful*. Glückstadt: J. J. Augustin, 1963
9. *Noye D.* *Cours de foulfouldé, dialecte peul du Diamaré, Nord-Cameroun: grammaire et exercices, textes, lexiques peul-français et français-peul*. Paris — Maroua (Cameroun): Librairie Orientaliste, 1974.
10. *Ольдерогге Д.А.* Системы счета в языках народов Тропической и Южной Африки // Африканский этнографический сборник XIII. Л., 1982. С. 1—33.
11. *Comrie B.* *Typology of numeral systems. Numeral types and changes worldwide*. 1997. Режим доступа: https://mpi-lingweb.shh.mpg.de/numeral/TypNumCuhk_11ho.pdf (дата обращения: 01.03.2021).
12. Greenberg, Joseph H. (1990). *Generalizations about Numeral Systems*. In Keith Denning & Suzanne Kemmer (eds.), *On language: Selected writings of Joseph H. Greenberg*. Stanford: Stanford University Press. pp. 271—309.
13. *Blažek V.* *Patterns of creating numerals // Numerals: Comparative-etymological Analyses of Numeral Systems and Their Implications: (Saharan, Nubian, Egyptian, Berber, Kartvelian, Uralic, Altaic and Indo-European languages)*. Vyd. 1. V Brně: Masarykova univerzita, 1999. P. 325—337.
14. *Pozdniakov, K.* *The numeral system of Proto-Niger-Congo: A step-by-step reconstruction (Niger-Congo Comparative Studies 2)*. Berlin: Language Science Press, 2018.
15. *De Lancey S.* *Klamath and Sahaptian numerals // International Journal of American Linguistics*. 1992. № 58. P. 235—239.
16. *Лазарева О.В., Лу С.* Квантитативность в русском и корейском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 3. С. 80—86.
17. *Шлуинский А.Б.* *Сусу язык // В.Ф. Выдрин др. (ред.). Языки мира. Языки манде*. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 221—247.

18. *Kosogorova M.A.* Морфологические и синтаксические свойства лексемы ‘один’ в языке фула // Ломоносовские чтения Востоковедение и Африканистика: тезисы докладов научной конференции (Москва, 2020). Под ред. И.И. Абылгазиев, К.Б. Волкова, М.В. Воронцова и др. М., 2020. С. 13—15.
19. *Perekhval'skaya E., Vydrin V.* Numeral systems in Mande languages // *Mandenkan*. 2019. № 61. Режим доступа: <http://journals.openedition.org/mandenkan/1951>; DOI: <https://doi.org/10.4000/mandenkan.1951> (дата обращения: 01.03.2021).
20. *Hammarström H., Forkel R., Haspelmath M., Bank S.* (Glottolog 4.2.1. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History. Режим доступа: <https://doi.org/10.5281/zenodo.3754591> (дата обращения: 01.03.2021).
21. *Arnott D.W.* Some aspects of the study of Fula dialects // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1974. № 37(1). P. 8—18.
22. *Labatut R.* (1981). Réflexions sur la numération peule // *Itinérances en pays peul et ailleurs; mélanges réunis à la mémoire de P.F. Lacroix, Mémoires de la Société des africanistes*. Paris, 1981. Vol. 1. P. 91—102.
23. *Erlmann V.* Notes on Musical Instruments among the Fulani of Diamare (North Cameroon) // *African Music*. 1983. № 6(3). P. 16—41.

References

1. Eberhard, D.M., Gary F.S., & Charles D.F. (eds.). (2020). *Ethnologue: Languages of the World*. Dallas, Texas: SIL International. URL: <http://www.ethnologue.com> (accessed: 01.03.2021).
2. Arnott, D.W. (1970). *The Nominal and Verbal Systems of Fula*. Oxford: Clarendon Press.
3. de Wolf, P.P. (1995). *English-Fula dictionary: a multidialectal approach* (Fulfulde, Pulaar, Fulani). Berlin: Dietrich Reimer Verlag.
4. Koval, A.I., Zoubko, G.V. (1986). *Fula language*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
5. Diallo, A. (2000) *Grammaire Descriptive du pular du Fuuta Jaloo (Guinée)*. Schriften zur Afrikanistik, 3. Frankfurt am Main: Peter Lang.
6. Niang, M.O. (1997). *Pulaar: Pulaar-English, English-Pulaar standard dictionary*. New York: Hippocrene Books.
7. Fagerberg-Diallo, S.M. (1984). *A practical guide and reference grammar to the Fulfulde of Maasina*. Jos: Joint Christian Min. in West Africa.
8. Klingenberg, A. von. (1963). *Die Sprache der Ful*. Glückstadt: J. J. Augustin.
9. Noye, D. (1974). *Cours de foulfouldé, dialecte peul du Diamaré, Nord-Cameroun: grammaire et exercices, textes, lexiques peul-français et français-peul*. Paris—Maroua: Librairie Orientaliste.
10. Olderogge, D.A. Counting systems in languages of Tropical and South Africa. In: *African ethnographic anthology XIII*. Leningrad. pp. 1—33. (In Russ.).
11. Comrie, B. (1997). *Typology of numeral systems. Numeral types and changes worldwide*. URL: https://mpi-lingweb.shh.mpg.de/numeral/TypNumCuhk_11ho.pdf (accessed: 01.03.2021).
12. Greenberg, J.H. (1990). Generalizations about Numeral Systems. In: *Keith Denning & Suzanne Kemmer (eds.), On language: Selected writings of Joseph H. Greenberg*. Stanford: Stanford University Press. pp. 271—309.
13. Blažek, V. (1999). Patterns of creating numerals. In: *Numerals: Comparative-etymological Analyses of Numeral Systems and Their Implications: (Saharan, Nubian, Egyptian, Berber, Kartvelian, Uralic, Altaic and Indo-European languages)*. Vyd. 1. V Brně: Masarykova univerzita. pp. 325—337.
14. Pozdniakov, K. (2018). *The numeral system of Proto-Niger-Congo: A step-by-step reconstruction* (Niger-Congo Comparative Studies 2). Berlin: Language Science Press.
15. De Lancey, S. (1992). Klamath and Sahaptian numerals. *International Journal of American Linguistics*, 58, 235—239.
16. Lazareva O.V., Lee S. (2012) Quantitativity in Russian and Korean languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 80—86. (In Russ.).

17. Shluinsky, A.B. (2017). Susu language. In: *World Languages. Mande Languages*. Saint Petersburg, Nestor-Istorija. pp. 221—247. (In Russ.).
18. Kosogorova, M.A. (2020). Morphological and syntactic properties of a lexeme ‘one’ in Fula. In: *Proceedings of Lomonosov memorial conference, Oriental and African studies*. Moscow, 2020. pp. 13—15 (In Russ.).
19. Perekhval'skaya, E. & Vydrin, V. (2019). Numeral systems in Mande languages. *Mandenkan*, 61 URL: <http://journals.openedition.org/mandenkan/1951>; DOI: <https://doi.org/10.4000/mandenkan.1951> (accessed: 01.03.2021).
20. Hammarström, H., Forkel, R., Haspelmath, M. & Bank, S. (2020). Glottolog 4.2.1. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.3754591> (accessed: 01.03.2021).
21. Arnott, D.W. (1974). Some aspects of the study of Fula dialects. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 37(1), 8—18.
22. Labatut, R. (1981). Réflexions sur la numération peule. In: *Itinérances en pays peul et ailleurs; mélanges réunis à la mémoire de P.F. Lacroix, Mémoires de la Société des africanistes*, Paris. Vol. 1. pp. 91—102. (In Franch).
23. Erlmann, V. (1983). Notes on Musical Instruments among the Fulani of Diamare (North Cameroon). In: *African Music*, 6(3), 16—41.

Сведения об авторе:

Косогорова Мария Александровна, кандидат филологических наук, в.н.с. кафедры африканистики ИСАА МГУ им М.В. Ломоносова, н.с. отдела африканских языков Института Языкознания РАН; *сфера научных интересов*: язык фула, атлантические языки, морфология, внутривидовая типология, синтаксис, грамматикализация, контактная лексикология; *e-mail*: maria.kosogorova@gmail.com ORCID 0000-0001-7145-4710. Scopus AuthorID 55490047300. РИНЦ AuthorID 21698742

Information about the author:

Maria A. Kosogorova, Ph.D., leading research fellow of the Department of African Studies IAAS Moscow State University; research fellow of the African linguistics department, Institute of Linguistics RAS; *research interests*: Atlantic languages, Fula language, contact lexicology, genetic typology, syntax, morphology; *e-mail*: maria.kosogorova@gmail.com ORCID 0000-0001-7145-4710. Scopus AuthorID 55490047300. РИНЦ AuthorID 21698742

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-735-742
УДК 811.521'373

Научная статья / Research article

Репрезентация социополитической трансформации в современной лексике японского языка

Е.А. Наумова✉, П.И. Ананченкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1
✉naumova3335799@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению некоторых социальных аспектов влияния общественно-политических изменений в Японии в 2010—2020 годах и их вкладу в появление неологизмов японского языка. Активное вторжение английского языка в лексику японского языка связано с социальными процессами в Японии, вызванными ее поражением во Второй мировой войне, периодом американской оккупации, а также агрессивной международной политикой 45-го Президента США Дональда Трампа. Цель работы — показать логические связи, выявленные в ходе исследования, между течением социальных процессов в Японии и их международном отражением под давлением политики США и появлением неологизмов иностранного происхождения в японском языке. Материалы и методы исследования: метод структурно-семантического моделирования, основанный на детализированном сопоставлении японской лексики. Также использован сопоставительный метод изучения социально-политических процессов. Для отбора наиболее распространенных неологизмов иностранного происхождения использован социологический метод. Результаты работы: изучены появившиеся в последнее десятилетие неологизмы иностранного происхождения, которые достаточно плотно вошли в лексику японского языка под давлением общественно-политического дискурса страны на фоне международной политики США, и, в частности, агрессивного политического курса 45-го Президента США Дональда Трампа в отношении Японии. Всего было отобрано около 100 таких неологизмов. Посредством социологического опроса были выявлены наиболее часто встречающиеся неологизмы иностранного происхождения. Детально изучена история возникновения десяти из них. Это лексические единицы, которые возможно охарактеризовать не только как неологизмы исключительно иностранного происхождения, но и как слова смешанного типа, являющиеся объединением слов канго, образованных из корней китайского происхождения, и заимствований, а также как сокращения обоих типов новых слов. В работе отражена взаимосвязь между социальными процессами в стране на фоне международного японо-американского противостояния и появление неологизмов, вошедших в японский язык.

Ключевые слова: неологизм иностранного происхождения, общественно-политическая лексика, социальные процессы, опрос, заимствование, японский язык

Вклад авторов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Участие авторов: Ананченкова П.И. — концепция и дизайн исследования, обработка материалов; Наумова Е.А. — сбор материалов, анализ полученных данных, написание текста.

© Наумова Е.А., Ананченкова П.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.03.2021

Дата приема в печать: 15.05.2021

Для цитирования:

Наумова Е.А., Ананченкова П.И. Репрезентация социополитической трансформации в современной лексике японского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 735—742. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-735-742

UDC 811.521'373

Representation of Socio-Political Transformation in the Contemporary Vocabulary of Japanese

Elena A. Naumova✉, **Polina I. Ananchenkova**

Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
1, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation, 119991
✉naumova3335799@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of some social aspects of the socio-political changes impact in Japan in 2010—2020 and their contribution to the emergence of neologisms in the Japanese language. The active invasion of the English language into the vocabulary of the Japanese language is associated with social processes in Japan caused by its defeat in World War II, the period of American occupation, as well as the aggressive international policy of the 45th President of the United States Donald Trump. The aim of the work is to show the connection between the social processes in Japan and their international reflection under the pressure of US policy, and the appearance of neologisms of foreign origin in the Japanese language. Materials and methods of research: a method of structural-semantic modeling based on a detailed comparison of Japanese vocabulary. We also used a comparative method of studying socio-political processes. A sociological method was used to select the most common neologisms of foreign origin. Results of the work: we studied the neologisms of foreign origin that appeared in the last decade and have become quite densely included in the vocabulary of the Japanese language under the pressure of the country's socio-political discourse against the background of US international policy, and, in particular, the aggressive political course of the 45th President of the United States Donald Trump in relation to Japan. In total, about 100 such neologisms were selected. We identified the most common neologisms of foreign origin through a sociological survey and studied in detail the history of the emergence of ten of them. These are lexical units that can be characterized not only as neologisms of exclusively foreign origin, but also as words of a mixed type, which are a combination of kango, words formed from roots of Chinese origin, and borrowings, as well as abbreviations of both types of new words. The work reflects the relationship between social processes in the country against the background of the international Japanese-American confrontation and the emergence of neologisms that entered the Japanese language.

Key words: neologism of foreign origin, socio-political vocabulary, social processes, survey, borrowing, Japanese

Authors' contribution:

The authors declare no conflicts of interest.

Participation of the authors: Ananchenkova P.I. — research concept and design, material processing; Naumova E.A. — collection of materials, analysis of the data obtained, writing the text.

Article history:

Received: 01.03.2021

Accepted: 15.05.2021

For citation:

Naumova, E.A. & Ananchenkova, P.I. (2021). Social Aspect of Socio-Political Changes in Japan and their Reflection in the Neologisms of Japanese. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 735—742. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-735-742

Введение

Данная статья посвящена некоторым социальным аспектам современной японской политики и их языковому отражению. Важно глубоко проанализировать характер и суть внутривластной ситуации в Японии и ее отражение в международной политике при взаимодействии с США. Японская политическая элита в значительной степени превосходит по своим масштабам и продолжительности правления династии американских президентов и политиков. Существует отдельный термин в японском языке, характеризующий японских политиков, имеющих власть в стране: 世襲議員 *сэсю: гиин*, что в переводе означает ‘потомственный член парламента’. По отдельным статистическим данным, до 30 процентов членов японского парламента имеют отношение к политическим династиям Японии [1]. Но последние десять лет в стране наблюдается тенденция к изменению отношения граждан к этому явлению в худшую сторону. В обществе ведутся дискуссии о том, что в эпоху кризиса и активного давления на Японию со стороны США необходимо пересмотреть способ выбора парламентариев и иных политиков. На этом фоне в японском языке появляется и новая лексика, обладающая деструктивной семантикой и используемая для характеристики и описания социально-политических процессов и явлений, вызывающих негативную реакцию общества.

Политические процессы как фактор трансформации лексики

Изменения в лексике японского языка многие столетия происходили под давлением политических процессов, и общественно-политический слой лексики всегда был наиболее подвержен изменениям. Он молниеносно реагировал и продолжает реагировать на события глобального мира и тренды развития внешнеполитической повестки страны. Общественно-политическая лексика — «это часть лексической системы языка, в которой особенно наглядно отражены социальная структура общества, мировоззренческие установки носителей языка, способы организации общественной жизни страны, в которой функционирует язык, а также других стран» [2]. Такими важными событиями для появления новых единиц в лексике могут быть самые разные процессы. Например, появление доступного Интернета, изменения политического курса в стране, локальные события в других странах, находящие отражение в социуме Японии, военные действия, затрагивающие интересы других стран. Все эти события способствуют возникновению новых лексических общественно-

политических единиц, изменяют семантическую схему слов, которые исторически использовались в японском языке. Новые лексические единицы, созданные для отражения новых процессов, реалий и явлений, называются неологизмами — «словами, значениями слов или сочетаниями слов, появившимися в определенный период в каком-либо языке и использованными один раз («оказиональные слова») в каком-либо тексте или акте речи» [3].

Американизация японской лексики и появление неологизмов

Современная языковая система Японии состоит из трех основных блоков лексики: канго — слов, образованных путем соединения корней китайского происхождения и заимствований; гайрайго — лексических единиц, заимствованных из западных языков; ваго — слов исконно японского происхождения. Следует отметить, что большинство современных неологизмов иностранного происхождения появляются на основе американского варианта английского языка. По мнению наших экспертов, принимавших участие в социологическом опросе методом анкетирования, это связано с тем, что политическая дискуссия Японии более тесно осуществляется с США, а не с Великобританией [4]. Поражение Японии во Второй мировой войне привело к длительной американской оккупации. Во второй половине XX века — начале XXI века огромный размах приобрела американизация. Суть ее заключается в количественном и качественном проникновении в Японию элементов культурной индустрии США. И все это возникает на фоне экономической блокады японских основ управления государством со стороны правительства США, крайне негативно влияющей на экономику и политику Японии, а также «охлаждения» торговых отношений между странами [5]. В истории нового времени, когда к власти пришел Президент США Дональд Трамп, ситуация во внешнеполитическом секторе Японии, государственном управлении и международной торговле резко ухудшилась. И это сразу нашло отражение в лексике японского языка. Образовались несколько очень популярных единиц общественно-политической лексики — неологизмов. В результате в японском языке появилось новое слово иностранного происхождения **トランプショック** — *торампусекку* ‘Трамп шок’, образованное от соединения двух слов — имени собственного *Trump* ‘фамилии президента США Д. Трампа’ и *shock* ‘шок’, обозначающее неожиданные негативные для Японии изменения в экономике и мировой политике, связанные с избранием Дональда Трампа в президенты США.

Еще одним популярным словом 2016 года, связанным с приходом к власти Дональда Трампа, стал неологизм смешанного типа **トランプ現象** — *торампугэнсе* ‘феномен Трампа’, образованный путем соединения имени собственного *Trump* и канго **現象** ‘феномен’. Слово **トランプ現象** *торампугэнсе* стало использоваться в японском и иных языках мира также в отношении других мировых политиков, с агрессивной манерой публичных выступлений и резких высказываний, столь характерных для Дональда Трампа в ходе его

предвыборной кампании, которые, по мнению мировой общественности, и способствовали его высокой популярности и победе на выборах [6]. Так, например, премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона называют 英国版ドナルド・トランプ — *эйкоку-бан Донарудо Торампу* ‘британский Дональд Трамп’, президента Филиппин Родриго Роа Дутерте — フィリピン版ドナルド・トランプ — *Фирипин-бан Донарудо Торампу* ‘филиппинский Дональд Трамп’, а лидера националистической партии во Франции Марин Ле Пенн — フランス版ドナルド・トランプ — *Фурансу-бан Донарудо Торампу* ‘французский Дональд Трамп’.

Социально-политический дискурс Японии представляет собой очень обширное поле для исследований. Не только в области общественно-политической лексики, но и появлении новых интернет-слов. В ходе исследования был проведен социологический опрос экспертов в части отбора и характеристики наиболее распространенных десяти неологизмов иностранного происхождения. Экспертами выступили представители научного и образовательного сообщества Японии. Всего было опрошено 5 экспертов. Посредством электронной почты им была направлена анкета, включающая три блока вопросов: 1) вопросы, характеризующие профессиональный профиль эксперта (ФИО, место работы, должность, контактная информация); 2) оценка наиболее важных социальных, культурных и политических процессов, оказавших влияние на общественно-политическую жизнь Японии; 3) наиболее часто встречающиеся неологизмы иностранного происхождения, которые с их точки зрения характеризуют действующую социальную среду в стране. Одновременно автором был проведен мониторинг интернет-ресурсов с целью выявления наиболее часто применяемых в публикациях неологизмов за последние десять лет.

Так, за последние пять лет значительно участилось использование неологизма смешанного типа ポスト真実 *посуто синдзицу* ‘постправда’, образованного путем соединения префикса иностранного происхождения ポスト — *посуто* ‘пост’ (от англ. post) с изначальным значением ‘после, позднее’ к канго 真実 *синдзицу* ‘правда’. Префикс ポスト *посуто* ‘пост’ в неологизме ポスト真実 *посуто синдзицу* ‘пост-правда’ используется не в значении ‘после’, а в значении ‘вне’, ‘за гранью’. Поэтому неологизм ポスト真実 *посуто синдзицу* ‘постправда’ употребляется теперь в отношении ситуаций или обстоятельств, при которых формирование общественного мнения происходит с помощью манипулирования эмоциями и личными убеждениями людей. ポスト真実 ‘постправда’ — это информационный поток, формируемый СМИ в целях создания отличной от действительности реальности и манипулирования общественным сознанием через влияние на человеческие эмоции и игнорирование объективных фактов. Неологизм ポスト真実 ‘постправда’ употреблялся в том случае, когда происходят гладко сфабрикованные события в политической жизни страны, то есть политиками желаемое выдается за действительное, подгоняются факты под нужное решение.

Одновременно с указанными выше неологизмами в японский язык плотно вошел еще один термин американского происхождения — フェイクニュース *фэйку ню:су* ‘ложные новости’ от выражения *fake news* ‘намеренное распространение ложной информации в социальных медиа и традиционных СМИ для введения в заблуждение с финансовой или политической выгодой для себя’.

Социально-экономические процессы и их влияние на появление неологизмов

Затрагивая тему роли японских женщин в политике, следует отметить, что гендерные различия до сих пор имеют значение при построении политической карьеры в Японии. Политика остается областью с высоким преобладанием мужчин, большинство из которых предполагает, что в социально-политическом мире женщина способна достичь успеха лишь в тех областях, которые касаются образования, семьи, здоровья, но не сфер экономики, дипломатии и безопасности. Поэтому в публичных выступлениях в рамках построения политической карьеры в Японии женщине приходится использовать более жесткие языковые лексические обороты, влияющие на формирование общественное восприятие ее образа как более мужественного. Например, первая в истории Японии женщина-губернатор Токио Юрико Коикэ, победившая на выборах в Токийскую ассамблею, активно применяла лозунги Дональда Трампа из его предвыборной программы «America first» ‘Америка прежде всего’, в переводе на японский язык — アメリカ ファースト *Америка фа:суто*. Юрико Коикэ назвала свою партию 都民ファーストのかい (*томин фа:суто но кай*) ‘Общество «Жители столицы прежде всего», подразумевая приоритетность интересов жителей Токио. Она также использовала и фразу, ставшую впоследствии популярным неологизмом アスリートファースト *асури:то фа:суто* ‘интересы спортсменов прежде всего’ на мероприятии, посвященном закрытию Олимпиады в Рио-де-Жанейро в 2016 году.

Пополнение словарного запаса языка в этот период осуществлялось на основе внутренних и внешних ресурсов. В рамках настоящего исследования рассматриваются внешние источники — методы заимствования слов из других культур. Наравне с американизацией в XX веке более восьмидесяти лет проходил период европеизации Японии. Основываясь на стратегическом партнерстве с Великобританией и погружением в экономический курс США периода правления Рональда Рейгана, в Японии стал использоваться термин アベノミクス *абэномикусу* ‘абэномика’ также приобрел популярность неологизм トリクルダウン — *торикурудаун* [Гэнда Юдзии], образовавшийся от английского выражения «trickle-down economics» ‘экономика просачивания’. В японском языке он означал сокращение налоговой базы обеспеченных жителей страны в целях стимулирования их к созданию новых рабочих мест и инвестирования.

Как известно, Япония — одна из самых трудоспособных наций. Образ жизни японцев зачастую аскетичен и направлен на служение. Поэтому в стране наблюдается рост суицидов из-за постоянных стрессов, одиночества и большой

профессиональной нагрузки [7]. Поэтому в 2017 году Федерацией экономических организаций была запущена информационная кампания, направленная на сокращение рабочего дня по пятницам в конце каждого месяца для всех японцев. Эта акция имела и экономическую подоплеку — она была направлена на побуждение и рост потребительских расходов. В этот период появился неологизм *プレミアムフライデー* — *пурэмияму фурайдэй*, образованный от соединения двух английских слов: *premium* ‘премиальный’ и *Friday* ‘пятница’.

В 2018 году премьер-министр Синдзо Абэ провел реформу трудовых ресурсов в стране. В этот момент был принят законопроект, который ограничивал сверхурочную работу до 100 часов в месяц на одного служащего. Ответом языковой конструкции в лексике Японии стало появление термина *ジタハラ* *дзитахара*, аббревиатура выражения *時短ハラスメント* *дзитан харасумэнто*. Этот неологизм был образован от соединения канго *時短* *дзитан* ‘сокращение времени’ и слова иностранного происхождения *ハラスメント* *харасумэнто* (от англ. *Harassment* ‘домогательство’). Таким образом, неологизм *ジタハラ* *дзитахара* использовался в значении ‘давление, оказанное на сотрудников путем сокращения рабочих часов’.

Заключение

В работе показано, что новые языковые элементы появляются в японском языке под давлением социально-политических, культурных и экономических процессов. Большое влияние на появление неологизмов оказывает внешне-экономическая деятельность государства и торговая политика стран глобального лидерства. С учетом позиций экспертов было показано, что методика образования общественно-политических неологизмов иностранного происхождения в японском языке осуществляется путем заимствования или словосложения. Четко показана американизация японского языка последние десять лет, которая происходит на фоне отдаленных последствий исторических событий военного и послевоенного времени, изменения экономического и политического курса США.

Доказано, что неологизмы играют роль зеркала, которое отражает приспособление языка к изменяющимся условиям общественно-политического, социального и культурного характера на государственном и международном уровнях.

Особенно важно отметить, что на изменение языка оказывает влияние доступность информации о политических, культурных, исторических, экономических, а также социальных аспектах в сети Интернет, интерпретация важнейших мировых событий представителями СМИ.

Библиографический список

1. *Завьялова Н.А.* Черты современного политического дискурса Японии и их языковая манифестация // *Политическая лингвистика*. 2009. Т. 4 (30). С. 100—103.

2. Ли Йонг Хи Отражение общественно-политических изменений в лексике русского и корейского языков: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: Спец. 10.02.19. М., 2003.
3. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.
4. Панов А.Н. Очерки и исследования дипломата. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014.
5. Алпатов В.М. Япония: язык и культура. М.: Языки славянских культур, 2008.
6. Панов А.Н., Нелидов В.В. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии // Японские исследования. 2018. № 4. С. 78—91.
7. Гендерные различия в японском языке. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 12.01.2021).
8. Добринская О.А. Законодательство об обеспечении мира и безопасности: глобальное региональное и национальное значение // Япония 2016 Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2016. С. 61—78.

References

1. Zavyalova, N.A. (2009). Features of the contemporary political discourse of Japan and their manifestation in the language. *Political linguistics*, 4(30), 100—103. (In Russ.).
2. Li Yong-hee (2003). *Reflection of socio-political changes in the vocabulary of Russian and Korean languages* [dissertation]. Moscow. (In Russ.).
3. Yartseva, V.N. (2002). *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya. (In Russ.).
4. Panov, A.N. (2014). *Essays and studies of a diplomat*. Moscow: OLMA. (In Russ.).
5. Alpatov, V.M. (2008). *Japan: language and culture*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. (In Russ.).
6. Panov, A.N. & Nelidov, V.V. Japan's foreign policy in the context of the military-political situation in North-East Asia. *Yaponskie issledovaniya*, 4, 78—91. (In Russ.).
7. Gender differences in Japanese URL: <http://ru.wikipedia.org> (accessed: 12.01.2021). (In Russ.).
8. Dobrinskaya, O.A. (2016). Peace and Security Legislation: Global Regional and National Importance. In: *Ezhegodnik Yaponiya 2016*. Moscow: AIRO-XXI. pp. 61—78.

Информация об авторах:

Наумова Елена Алексеевна, аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Москва, Россия; сфера научных интересов: японская филология, неологизмы в японском языке, e-mail: naumova3335799@gmail.com ORCID: 0000-0001-7212-9901. eLIBRARY SPIN-код: 6824-0471

Ананченкова Полина Игоревна, кандидат социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», сфера научных интересов: социологические исследования общественно-политических процессов обществе, социология трудовых ресурсов, сравнительные межстрановые исследования, e-mail: ananchenkova@yandex.ru ORCID: 0000-0003-3683-5168. eLIBRARY SPIN-код: 1040-5763

Information about the authors:

Elena A. Naumova, graduate student, Lomonosov Moscow state University, Institute of Asian and African countries, sphere of research interests: Japanese philology, neologisms in Japanese, e-mail: naumova3335799@gmail.com ORCID: 0000-0001-7212-9901 eLIBRARY SPIN-код: 6824-0471

Polina I. Ananchenkova, PhD in Sociological Sciences, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, sphere of research interests: sociological studies of socio-political processes in society, sociology of labor, comparative intercountry studies, e-mail: ananchenkova@yandex.ru ORCID: 0000-0003-3683-5168 eLIBRARY SPIN: 1040-5763

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ И АНАЛИЗ ТЕКСТА DISCOURSIIVE PRACTICES AND TEXT ANALYSIS

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-743-757

УДК 811.111:32:659.4:17

Научная статья / Research article

«Этическая оценка» как одна из тактик актуализации стратегии делегитимизации в предвыборном дискурсе

В.А. Каменева✉, Н.В. Рабкина

Кемеровский государственный университет,
650000, Российская Федерация, Кемерово, ул. Красная, 6
✉russia_science@mail.ru

Аннотация. Работа выполнена в рамках политической лингвистики и политической лингвоперсонологии — актуальных направлений современных лингвистических исследований. Проведенный обзор научных работ показал отсутствие детальной информации о языковых приемах, объективирующих тактики реализации стратегии делегитимизации. Это обусловило новизну и актуальность предпринятого исследования. Согласно выдвинутой гипотезе, в предвыборном дискурсе стратегия делегитимизации направлена на подрыв или снижение кредита доверия к оппоненту и предлагаемым им политическим решениям, а не к выявлению и оценке законности его решений. В исследовании было выявлено и подтверждено, что тактика «этическая оценка» может рассматриваться как действенное средство снижения доверия к политическому оппоненту при помощи слов с оценочным коннотативным значением, позволяющих эксплицитно негативную оценку как при непосредственной номинации, так и благодаря контексту упоминания имени политического конкурента. В работе было подтверждено наличие трех аксиологических аспектов в этической оценке, которую Джо Байден в своем предвыборном дискурсе дал Дональду Трампу — своему конкуренту на пост президента США. Материал исследования составили 30 выступлений Джо Байдена во время предвыборной кампании 2020 года. В работе использован теоретико-методологический аппарат политической лингвоперсонологии и политической лингвистики. В исследовании затронут вопрос об отсутствии единого термина, номинирующего стратегию, создающую негативный образ политического конкурента в предвыборном дискурсе. Исследование тактики «этическая оценка» проводилось с привлечением методов контент-анализа, лексико-семантического анализа и интен-анализа. В ходе исследования был проведен анализ лексем, актуализирующих тактику «этическая оценка», и было показано преобладание слов и идиом с однозначным негативным оценочным коннотативным значением, не зависящим от контекста. В исследовании было зафиксировано отсутствие бранной лексики в предвыборном

© Каменева В.А., Рабкина Н.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

дискурсе, которую можно было бы трактовать как прямое оскорбление или обвинение. Полученные результаты могут использоваться для критического анализа политического дискурса отдельных политиков.

Ключевые слова: делегитимизация; предвыборный дискурс; стратегия; тактика; Джо Байден; Дональд Трамп

Финансирование. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсоналогический аспект»

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 01.06.2021

Участие авторов:

Каменева В.А. — концепция и дизайн исследования, обзор научной литературы, сбор материалов; Рабкина Н.В. — обработка материала.

Для цитирования:

Каменева В.А., Рабкина Н.В. «Этическая оценка» как одна из тактик актуализации стратегии делегитимизации в предвыборном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 743—757. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-743-757

UDC 811.111:32:659.4:17

“Ethical Evaluation” as a Tactics of Delegitimization Strategy in the Pre-Election Discourse

Veronika A. Kameneva✉, Nadezda V. Rabkina

Kemerovo State University,
6, Krasnaya St., Kemerovo, Russian Federation, 650000
✉russia_science@mail.ru

Abstract. The present study is based on such relevant areas of modern linguistics as Political linguistics and Linguistic personology. It included//includes samples of 30 speeches given by US President Joe Biden during his 2020 election campaign. A review of related scientific publications showed almost no detailed works on linguistic means connected with tactics that brings about delegitimization strategy; nor is there any unified term for a strategy of creating a negative image of a political rival in the election discourse. The authors believe that, in the election discourse, the abovementioned strategy aims at destroying the credibility of the political opponent and the solutions they have to offer beyond questioning their legality. Therefore, the tactics of ethical evaluation can be an effective means to destroy the credibility of a political opponent by using words of evaluative connotation. The tactics makes it possible to explicate a direct or contextual negative attitude to an opponent. Joe Biden’s ethical evaluation of Donald Trump appeared to have three axiological aspects. The research used the theoretical and methodological apparatus of Political linguistics and Linguistic personology, e.g. such methods as content analysis, lexical-semantic analysis, and intent analysis. The paper introduces an analysis of lexemes that verbalize the tactics of ethical evaluation, which showed predominance of words and idioms of an unambiguous negative evaluative connotation. The authors also detected the absence of any abusive language that could be interpreted as a direct insult or accusation. The results can be used for a critical analysis of the political discourse of individual politicians.

Key words: delegitimization; pre-election discourse; strategy; tactics; Joe Biden; Donald Trump

Financing. Acknowledgments

This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No.19-012-00522 “The problem of legitimation in political discourse: linguistic and personological aspect”.

Contribution of authors:

Kameneva V.A. — concept and design of the study, review of scientific literature, collection of materials; Rabkina N.V. — material processing

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 01.06.2021

For citation:

Kameneva, A.V. & Rabkina, N.V. (2021). “Ethical Evaluation” as a Tactic of Delegitimization strategy in Pre-election Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 743—757. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-743-757

Введение

Предвыборный дискурс является объектом научных изысканий уже много десятилетий; несмотря на это он не теряет актуальности, и научный интерес к нему не ослабевает. Всплеск научных работ, посвященных особенностям предвыборного дискурса, вызывает не только смена исторических эпох, но и предвыборные кампании лидеров мировых держав. Практически каждые выборы глав государств получают последовательное и детальное освещение в мировых, федеральных и локальных средствах массовой информации, заставляя политологов, социологов, лингвистов и культурологов проводить исследования, совершенствуя теоретическую и методологическую основу теории массового манипулирования [1—11]. Речевые стратегии и тактики предвыборного дискурса — эффективное средство манипулирования сознанием избирателей и средство пропаганды. В последнее десятилетие наблюдается усиление научного интереса к изучению лингвистических особенностей предвыборного дискурса политиков-победителей, которые смогли выиграть выборы у сильных оппонентов [12—14]. Различные речевые стратегии и тактики дают возможность политикам во время предвыборной кампании воздействовать на мнения избирателей не только о себе и своей политической платформе, но и на мнение о своих политических оппонентах. Изучение лингвистических особенностей предвыборного дискурса политиков-победителей способствует систематизации теоретических положений лингвоперсонологии и обогащает ее методологическую базу.

Теоретическая значимость работы обусловлена рядом факторов. Проанализированные отечественные и зарубежные работы свидетельствуют об актуальности совершенствования понятийно-терминологического аппарата исследований, посвященных стратегии делегитимизации политического дискурса. На данный момент можно констатировать отсутствие единого

термина, обозначающего стратегию, создающую негативный образ политического соперника в предвыборном дискурсе. Данная стратегия обозначается как «конфронтация», «дискредитация», «делегитимизация», стратегия «игра на понижение» и «имиджевая стратегия, нацеленная на формирование непривлекательного образа существующей власти» [8; 15—17]. Кроме того, еще большую путаницу вносит выделение тактики дискредитации в конфронтационной и манипулятивной стратегиях и выделение цели дискредитации у стратегии «игра на понижение». Обзор иностранных работ также позволяет констатировать отсутствие терминологического единства. Данная стратегия номинируется термином «delegitimization», но в некоторых работах встречается термин «negative other-representation» по отношению к политическим оппонентам. Отметим, что стратегия «negative other-representation» трактуется и как стратегия создания в политическом дискурсе негативного образа любых групп, выделяемых по социально-политическому, экономическому или религиозному аспекту в политическом дискурсе [18; 19], а не политических оппонентов, как в случае со стратегией делегитимизации. Отметим, что стратегия делегитимизации в работах зарубежных исследователей обозначается как «дискурсивная стратегия» (discursive strategy), которая объективируется не тактиками, а стратегиями. Стратегия делегитимизации актуализируется следующими стратегиями: апелляцией к авторитету (authorization), оценкой (evaluation), рационалистическим объяснением (rationalization) и мифопоэзией (mythopoesis) [20; 21]. Кроме того, стратегия делегитимизации в основном рассматривается как оценка законности или незаконности действий политических оппонентов. При этом не учитывается то, что данная парадигма может быть актуальной только в том случае, если политическая борьба разворачивается между новым политическим кандидатом на пост и тем, кто занимал этот пост вплоть до выборов.

Обзор научных работ также показал отсутствие детальной информации о языковых приемах, объективирующих тактику реализации стратегии делегитимизации. На данный момент известны только две подобные работы, и обе принадлежат Т.М. Голубевой [2; 22], что обуславливает актуальность и новизну предпринятого исследования.

Настоящее исследование основано на следующей гипотезе: стратегия делегитимизации в предвыборном дискурсе направлена на снижение ценности победы оппонента, его предвыборных обещаний, подрыв или снижение кредита доверия к оппоненту и предлагаемым политическим решениям, а не к выявлению и оценке законности его решений. Тактика «этическая оценка» позволяет эффективно и открыто снижать кредит доверия к оппоненту за счет слов с оценочным коннотативным значением, позволяющих эксплицировать негативную оценку.

Отметим, что к делегитимизируемым политическим оппонентам следует относить не только политиков, которые претендуют на тот же пост, но и их партии с их представителями, любые политические организации или объединения, страны, поддерживающие оппонентов, и т.д.

Стратегия делегитимизации актуализируется следующими тактиками: апелляцией к авторитету, рационализацией, мифопоэтикой и этической оценкой [20]. Мы придерживаемся позиции Т. Ван Левена в выделении именно этической оценки, так как это позволяет расширить область исследования на такие аксиологические аспекты, как **моральный — аморальный, нравственный — безнравственный, добрый — злой**.

Для проверки данной гипотезы был проанализирован ряд выступлений Джо Байдена во время предвыборной кампании 2020 года. В выборку вошли 30 выступлений политика в разных городах и штатах страны. Выбор политика был обусловлен результатами прошедших выборов. Все интервью были взяты с сайта <https://www.rev.com/blog/transcript-tag/joe-biden-transcripts>.

Методы исследования

Концептуально данная работа опирается на теоретические принципы политической лингвистики и лингвистической персонологии. Это дает возможность описать специфику одной из тактик, актуализирующих стратегию делегитимизации в предвыборном дискурсе политического деятеля, эффективность коммуникативных стратегий которого способствовала получению высшей государственной должности страны.

В данной работе используется понятийно-методологический аппарат политической лингвистики и лингвистической персонологии. Основные методы исследования: контент-анализ, лексико-семантический анализ и интент-анализ.

Исследование включало следующие этапы: 1) отбор фрагментов предвыборного дискурса Джо Байдена, в которых актуализирована стратегия делегитимизации; 2) отбор фрагментов предвыборного дискурса, в которых политик прибегает к тактике «этическая оценка» для делегитимизации политического оппонента; 3) установление и анализ языковых приемов, которые актуализируют данную тактику; 4) выявление доминирующих языковых приемов репрезентации тактики «этическая оценка».

Результаты и обсуждение

Во-первых, Джо Байден характеризует своего политического оппонента, прибегая к шкале **нравственность — безнравственность** в преломлении политической парадигмы коммуникации.

— Джо Байден неоднократно подчеркивает, что Д. Трамп — **лжец**, и вся его предвыборная кампания была построена на лжи (*But Trump and his campaign were very much used to deception and not telling the truth* ‘Но для Трампа и его предвыборной кампании вообще типичны обман и сокрытие правды’ (12.10.2020), а также громкие, но невыполненные обещания (*big pronouncements*).

— **Преступник**: *We’re going to act to get COVID under control. It’s almost criminal the way he has handled it* ‘Мы сделаем все, чтобы победить

ковид. То, как он (*Трамп — В.К., Н.Р.*) пытался решить эту проблему, почти преступление' (1.11.2020). На его счету экономические преступления (*tax loopholes* 'дыры в налоговом законодательстве'), воровство (*rob us of most fundamental American qualities* 'похитить у нас самые основные американские качества'); *take away your healthcare* 'отобрать у вас здравоохранение'; *strip Americans of their health care* 'украсть у американцев их систему здравоохранения'); преступная халатность (*mishandling* 'плохое обращение', *negligence* 'халатное отношение'); удерживание силой (*to be held prisoner*); фактически — убийца целой нации (*Time to breathe some life back into this nation* 'Вдохнуть жизнь в эту нацию' (1.11.2020).

— **Трус** и слабак (*terrified* 'быть в ужасе', *scared* 'испуганный', *frightened* 'испуганный', *to give up* 'сдаваться', *to wave a white flag* 'размахивать белым флагом', *to surrender* 'сдаваться', *to cower* 'труситься', *to panic* 'паниковать', *to hide* 'прятаться', *Vladimir Putin's puppy* 'щенок Владимира Путина', *weak* 'слабый'), а трус не может быть президентом. Основной «грех» Трампа заключается в том, что он позорно проиграл в объявленной им же самим «войне с коронавирусом», от которой он прячется в бункере. Этот аспект активизируется при помощи развернутой милитаристской метафоры и исторических аллюзий: так, многократно повторенная Байденом лексема *bunker* наводит на ассоциации с Гитлером, который прятался в бункере в конце Второй мировой войны. Кроме того, чтобы подчеркнуть катастрофичность последствий второго срока Д. Трампа, Байден развивает идиому *the light at the end of the tunnel*, дополняя ее прецедентным текстом старого анекдота о том, что свет в конце тоннеля — не что иное, как приближающийся товарный поезд.

Исходя из этого качества, Байден приходит к выводу о «профнепригодности» Трампа (*unfit*). Будучи трусом, он не способен быть главнокомандующим. Он бросил доверившихся ему в беде: *Donald Trump has waved the white flag, abandoned our families and surrendered to this virus* 'Дональд Трамп поднял белый флаг, он бросил наши семьи и сдался вирусу' (29.10.2020).

— **Глупец**: глупость, ограниченность, неспособность фокусироваться на главном и прислушиваться к советам профессионалов — другое качество, которое, по мнению Байдена, непростительно для президента США, который не способен учиться или развиваться (*can't focus on what matters* 'не может сфокусироваться на важном'; *a lesson that he has never learnt* 'урок, который он так и не усвоил'; *hasn't figured out* 'не сообразил'). Косность мышления не позволяет ему вести грамотную политику борьбы с глобальным потеплением, он не верит в науку (*Trump calls the climate crisis a hoax* 'Трамп называет климатический кризис мистификацией' (2.11.2020) и не в состоянии адекватно оценить ситуацию с пандемией (*He's still living in a dream world* 'Он все еще живет в придуманном им самим мире' (16.11.2020).

Во-вторых, в предвыборном дискурсе Джо Байдена Дональд Трамп оценивается по шкале **моральный — аморальный**, также с учетом трактовки данного понятия в политической коммуникации.

— Д. Трамп, по мнению Байдена, **посмешище**: позорит нацию и стал посмешищем всего мира, что непростительно для лидера сверхдержавы, и Байден неоднократно вспоминает неудачное выступление Трампа на заседании ООН, когда над ним якобы потешались лидеры стран всего мира (*literally being laughed out loud* ‘буквально высмеяли’, *to mock* ‘высмеивать’, *little respect* ‘мало уважения’).

— **Грубиян**: Д. Трамп в предвыборных речах Байдена предстает эдаким эталоном невоспитанности: *These guys are not very polite, but they're like Trump* ‘Эти ребята не особенно вежливые, но они как Трамп’ (30.11.2020).

— **Неудачник**: По мнению Байдена, от Барака Обамы Трампу досталась стабильная экономика, однако он не смог развить успехи предыдущей администрации и уничтожил все, что удалось достичь Байдену и Обаме (*loser* ‘неудачник’, *bankrupt* ‘банкрот’, *to blow* ‘продуть что-либо’, *to squander* ‘растратить’, *to owe* ‘быть должным’), да еще и обанкротился сам.

— **Безумец**: Наконец, Байден подозревает своего оппонента в откровенно неадекватном поведении (*reckless* ‘безголовый, опрометчивый’, *to go around the bunny* ‘спятить’, *perverted* ‘извращенный’), вызванном, предположительно, нарушениями в психической сфере.

— **Эгоист**: Так как Дональд Трамп — представитель денежной элиты, он совершенно искренне считает, что к таким, как он, не применимы законы морали, по которым живут все остальные: *The only senior that Donald Trump cares about, the only senior is the senior Donald Trump (...)* *The only one Donald Trump would do anything for is Donald Trump* ‘Единственный пожилой человек, о котором беспокоится Дональд Трамп, это сам Дональд Трамп (...) Единственный человек, ради которого Дональд Трамп готов сделать что-либо, это сам Дональд Трамп’ (13.10.2020). Из-за своей ограниченности он не в состоянии понять высокие моральные принципы, которыми руководствуются военнослужащие или медики, и критикует их. Солдат он называет неудачниками, будучи сам не способен на самопожертвование и героизм: *This is the president who not only doesn't understand sacrifice (...) physical courage it takes to serve in uniform in a war zone* ‘Это президент, который не только не понимает, что такое самопожертвование (...) физическую храбрость, которая необходима, чтобы служить в армии в зоне боевых действий’ (31.10.2020). Медиков же он обвиняет в завышении статистики по коронавирусу с целью получения выгоды, поскольку сам всю жизнь руководствуется именно этим принципом, и такое поведение позорно для президента США: *He may believe it because he doesn't do anything other than for money. And this president is questioning their character, their integrity, their commitment to their fellow Americans. It's more than offensive. It's a disgrace, especially coming from a president who was waved the white flag of surrender to this virus* ‘Он верит этому, потому что сам за деньги сделал бы что угодно. И этот президент ставит под сомнение их (врачей — *H.P.*, *B.K.*) неподкупность, их преданность своим согражданам. Это не просто оскорбительно. Это позор, учитывая, что исходит оно от президента, который выбросил белый флаг перед вирусом и сдался ему’ (31.10.2020).

— **Саботажник:** Равнодушие и эгоизм Трампа могут быть расценено как намеренный саботаж. Так, во всех своих выступлениях Байден подчеркивает, что Трамп еще в январе был предупрежден о катастрофических последствиях, к которым может привести эпидемия, но ничего не предпринял. Отказываясь надевать маску, он подает плохой пример населению. Байден подчеркивает, что моральный аспект ношения защитной маски — смысл не в том, чтобы не заразиться самому, а в том, чтобы не заразить других. Однако Трамп, по мнению Байдена, ставит себя выше морали: *The reason you're wearing the mask is not to save yourself, but to save your neighbor, the person across from you, the person who you're next to. But still Donald Trump refuses to listen to the science* 'Вы носите маску не для того, чтобы обезопасить себя, а чтобы спасти своего соседа, того, кто стоит рядом с вами. Но Дональд Трамп все равно отказывается слушать голос науки' (30.10.2020). Байден обвиняет Трампа в том, что, организуя массовые мероприятия (*super spreader event*), он способствует распространению вируса. Трамп предстает в речах Байдена неким вирусом разделения и разногласий: *They're spreading more than just coronavirus. He's spreading division and discord* 'Они распространяют не только коронавирус. Они распространяют разделение и раздоры' (29.10.2020). Его политика в области здравоохранения интерпретируется Байденем как крестовый поход против здоровья нации (*a single-minded crusade*), а в области законодательства — как откровенный саботаж и злоупотребление властью (*to sabotage; a craving abusive of political power*).

В-третьих, в том, что касается бинарной оппозиции «**добрый — злой**», Байден никогда напрямую не заявляет о том, что Трамп выступает на стороне сил зла, но именно этот вывод следует из анализа его предвыборного дискурса. Фактически Трамп в его восприятии уже подвергся не просто делегитимизации, а демонизации.

Он постоянно включает имя своего соперника в концептуальное пространство хаоса, одним из признаков которого является полное отрицание, абсолютное ничто: *I don't care how hard Donald Trump tries, there's nothing, nothing that's going to stop the people of this nation from voting, period* 'Мне все равно, как сильно Дональд Трамп пытается, нет ничего, ничего, что бы помешало гражданам этой страны проголосовать, точка.' (2.11.2020). Редупликация «*nothing*» усиливает воздействие, подкрепляя его редупликацией антонимического понятия: *We've got a lot of work to do. Not division and distraction, but real, real, real healing of this country* 'Нам предстоит много работы. Не по разделению и отвлечению, а по-настоящему, настоящему исцелению этой страны' (2.11.2020). Аналогичным образом, период президентства Д. Трампа описывается как хронотоп хаоса (*chaos, chaotic*). Америка за четыре года превратилась в *Donald Trump's chaotic America* 'Хаотичную Америку Дональда Трампа' (30.09.2020).

Основной пафос речей Байдена заключается в том, что Трамп действует на основе принципа «разделяй и властвуй». Представляется, что в протестантской

Америке эта аллюзия на библейскую притчу о «доме, разделившемся сам в себе» весьма эффективно выстраивает ассоциативную связь между Д. Трампом и нечистой силой: *The only thing that can tear America part is America itself. No one else can challenge us. And that's exactly what Donald Trump has been doing from the beginning of this campaign, dividing America, tearing us apart, pitting Americans against one another based on our race, our gender, our ethnicity, our religion* 'Ничто, кроме самой Америки, не может разорвать Америку на части. Никто другой не может бросить нам вызов. Но именно этим Дональд Трамп и занимался с самого начала совей президентской кампании, разделяя Америку, разрывая нас на части, настраивая американцев друг против друга по принципу расы, пола, этнической принадлежности, религии' (2.11.2020).

Байден обвиняет Трампа в полном отсутствии попыток совершить нечто обратное энтропии, например, организовать встречу демократов и республиканцев на высшем уровне. Наоборот, он раздувает любой конфликт (*pours gasoline in every flame* 'тушить пламя бензином'; *fan the flames of hatred and division* 'раздувать пламя разделения и раздора'). Его имя прочно вписано в контекст разрушения: *to destroy, to damage, jam through, to eliminate, to bankrupt, to attack, mass casualty, to harm, to destabilize, to crash, to squander, to squat, to decimate, to devastate, to mishandle, to fail, disaster, crisis, tragedy, monster* и т.д.

Кроме того, в своих речах Байден стремится выстроить и закрепить у реципиента четкую ассоциативную связь «Трамп — коронавирус», буквально обвиняя его в убийстве жертв эпидемии.

Д. Трамп, таким образом, выступает живым воплощением энтропии, а Дж. Байден, основывая свой предвыборный дискурс почти целиком на оппозиции действующему на тот момент президенту (*hate, failure, irresponsibility* 'ненависть, провал, безответственность'), делает себя некоей созидательной силой (*honor, integrity, dignity* 'честь, целостность, достоинство'), которая способна бороться с энтропией, т.е. приписывает себе некие сакральные функции.

Все вышеперечисленные качества (принадлежность к пространству хаоса, связь с энтропией, заразными болезнями) должны вызывать стойкие ассоциации с силами зла, но Байден не делает прямого сравнения, призывая электорат самостоятельно сделать вывод о том, кто такой на самом деле Дональд Трамп: *Look, everybody knows who Donald Trump is, we got to show them who we are* 'Посмотрите, все знают, кто такой Дональд Трамп, надо показать им, кто мы такие' (29.10.2020). Единственное прямое упоминание дьявола оформлено в виде интенсификатора: *Trump and the Republicans for the last 10 years have been trying like the devil to eliminate the healthcare plan* 'Последние десять лет Трамп и республиканцы, как черти (т.е. всеми силами — *H.P., V.K.*), пытались уничтожить план здравоохранения' (2.11.2020).

При этом Байден практически не обвиняет Трампа в наличии какой-то злой интенции. Трамп — представитель привилегированной элиты, он видит мир только через призму экономической метафоры и творит зло не ради зла,

а просто потому, что проблемы простых людей ему чужды и непонятны: *Folks, Trump sees the world from Park Avenue, from Wall street. That's all he can see.* 'Ребята, Трамп смотрит на мир только с позиции Парк Авеню или Уолл Стрит (финансовый центр США — *H.P., B.K.*). Это все, что он видит' (2.11.2020).

Анализ языковых средств, актуализирующих тактику «этическая оценка» стратегии делегитимизации позволил получить следующие данные. Во-первых, Джо Байден прибегает к словам с негативной коннотацией для характеристики Д. Трампа. Во-вторых, в контексте с именем Дональда Трампа Джо Байден используются слова с негативными коннотациями, зафиксированными в словаре. Частеречный анализ позволил выявить доминирование существительных над словами других частей речи.

Существительные:

loser, sucker, bankrupt, unemployment, corruption, negligence, lie, fiction, hoax, loophole, irresponsibility, failure, mishandling, deception, hatred (hate), disgrace, discord, chaos, disaster, tragedy, crisis, monster, meanness, bullying, pain, mass casualty, (super) spreader.

Глаголы:

to lie, to bankrupt, to destroy, to damage, to decimate, to devastate, to mishandle, to sabotage, to fail, to eliminate, to attack, to harm, to destabilize, to crash, to squander, to squat, to rob, to strip, to hold prisoner, to give up, to panic, to hurt, to mock.

Прилагательные:

perverted, abusive, outrageous, reckless, irresponsible, corrosive, unfit, misleading, bizarre, unconscionable, despicable, the worst possible (president), weak, false, fear, terrified, scared.

Идиоматические выражения:

to go around the bunny, to pour gasoline in every flame; to fan the flames, to wave a white flag, to live in a dream world.

Помимо использования слов с негативными коннотациями, чей прагматический потенциал не зависит от контекста, Джо Байден обращается к многозначным нейтральным в своем значении словам, которые получают эмоциональную окраску в определенном контексте.

К группе лексем, которые приобретают негативную коннотацию только в данном контексте, относятся следующие существительные и словосочетания, используемые политиком для характеристики Д. Трампа и его действий:

— существительные: *puppy, think tank, macho man, tough guy, stable genius, Park Avenue, Wall Street, billionaire, corporation;*

— прилагательные: *liberal, (super) wealthy, rich, smart, secret;*

— глаголы: *to hide, to wipe out, to tear apart.*

Как видно, в том, что касается эмоционально окрашенной лексики, в предвыборном дискурсе Джо Байдена в отношении Трампа преобладают слова и идиомы с ярким оценочным коннотативным значением, не зависящим

от контекста: *unconscionable, despicable, irresponsible, misleading, negligence, bizarre, the worst possible president, reckless, unfit, failure, disgrace, chaotic, to go round the bunny, to pour gasoline on the flame* и т.д.

Отметим, однако, что Байден практически не использует существительные с яркой негативной коннотацией, которые можно было бы расценивать как прямое оскорбление или обвинение. Например, говоря о том, что вся предвыборная кампания Трампа построена на лжи, он не употребляет собственно существительное *liar*, а, обвиняя Трампа в разрушении системы здравоохранения, не называет его убийцей и т.д.

Пожалуй, единственным прямым оскорблением, которое позволяет себе кандидат в президенты, является *Putin's puppy* ‘щенок Путина’, но здесь Байден использует многозначное слово. Даже откровенно оскорбительное *loser* ‘неудачник’ Байден заимствует из дискурса самого Трампа: когда-то Трамп имел неосторожность выразиться так в адрес военнослужащих, а теперь Байден «возвращает» ему это оскорбление.

Это касается и других существительных, которые Джо Байден употребляет в качестве вторичной номинации своего оппонента, то можно сказать, что Байден активно пользуется иронией как средством придания негативной коннотации словам, которые в другом контексте воспринимались бы как имеющие положительную коннотацию. Так, Байден в своих речах приводит те положительные характеристики, которыми Дональд Трамп награждает сам себя: *tough guy* ‘крутой парень’, *the macho man* ‘мачо’, *this stable genius* ‘настоящий гений’, *a wartime president fighting a war against an invisible enemy* ‘президент, ведущий войну с невидимым врагом’, но помещает их в однозначно негативный контекст, благодаря чему они производят совершенно противоположный эффект.

От основного электората Трампа отличает его богатство, в связи с чем Байден ставит своей целью закрепить негативную коннотацию за такими нейтральными словами, как *rich* ‘богатый’, *wealthy* ‘зажиточный’, *billionaire* ‘миллиардер’, *Wall Street* ‘Уолл Стрит’, *Park Avenue* ‘Парк Авеню’, *corporation* ‘корпорация’.

В конечном итоге сама фамилия Трампа в речах Байдена приобретает настолько стойкую негативную коннотацию, что он превращает ее в синоним слова *грубиян*: *These guys are not very polite, but they're like Trump. 'Эти ребята не особенно вежливые, но они как Трамп'* (20.10.2020).

Заключение

Обобщая результаты исследования, отметим, что, гипотеза подтвердилась. Было верифицировано, что стратегия делегетимизации в предвыборном дискурсе Джо Байдена направлена на снижение ценности победы оппонента — Дональда Трампа, на снижение кредита доверия к предвыборным обещаниям оппонента, а не к выявлению и оценке законности или незаконности его решений. Было подтверждено, что тактика «этическая

оценка» — эффективное средство снижения кредита доверия к оппоненту за счет слов с оценочным коннотативным значением, позволяющих эксплицировать негативную оценку как при непосредственной номинации, так и благодаря контексту упоминания имени политического конкурента. Было подтверждено наличие трех аксиологических аспектов в этической оценке, которую Джо Байден в своем предвыборном дискурсе дал его конкуренту за пост президента.

Библиографический список

1. *Тымбай А.А.* Коммуникативные стратегии американских политиков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. №9(1). С. 105—123. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-105-123
2. *Голубева Т. М.* Лингвистические параметры стратегии легитимизации Евросоюза и делегитимизации Б. Аль-Ассада в британском политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2016. № 16(4). С. 392—396. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-392-396
3. *Горностаева А.А.* Предвыборный политический дискурс США и России 2018: сопоставительный аспект // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 3. С. 228—239.
4. *Каменева В.А., Иванова Е.А.* Оценочные метафоры предвыборного дискурса (лингвоперсонологический подход) // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 6 (428). С. 63—70.
5. *Кононова И.В., Мельничук Т.А.* Динамика категории оценочности в дискурсе американского предвыборного видеоролика // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 836—840.
6. *Новоселова О.В.* ИмPLICITные менасивы Российского предвыборного дискурса // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2019. № 58. С. 153—168.
7. *Романов А.А., Новоселова О.В.* Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации // Russian Journal of Linguistics. 2020. № 24 (2). С. 419—448. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448
8. *Руженцева Н.Б.* Политические и коммуникативные стратегии в печатных предвыборных материалах 2018 г. // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 18—28.
9. *Тармаева В.И.* Спортивная лексика в предвыборном тексте: когнитивно-прагматический аспект // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 5 (98). С. 97—108.
10. *Назарова Р.З., Золотарев М.В.* Речевые тактики убеждения в современном Российском предвыборном дискурсе (на примере президентской кампании 2017—2018 годов) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. № 18 (4). С. 394—399. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-4-394-399
11. *Барбина Н.С., Косяков В.А.* Рациональность и риторичность предвыборного дискурса (на материале предвыборных дебатов США 2016 года) // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1 (12). С. 28—43.
12. *Дмитриева М.И., Дубровская В.В.* Коммуникативные стратегии манипулирования на примере американской избирательной кампании Д. Трампа и Х. Клинтон // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. №13 (7). С. 180—184. DOI: 10.30853/filnauki.2020.7.34
13. *Копачева А.Р.* Особенности предвыборного политического дискурса Эммануэля Макрона // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2019. № 3 (36). С. 41—46.
14. *Сергеева Н.А.* Стратегии и тактики речевого воздействия в предвыборном дискурсе Б.Х. Обамы // Вестник современных исследований. 2019. № 1.6 (28). С. 310—316.

15. *Сергеева Д.С.* Самопрезентация и дискредитация — ключевые стратегии предвыборного политического дискурса (на материале предвыборных твитов Д. Трампа и Х. Клинтон) // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2017. № 3. С. 75—83.
16. *Хабекирова З.С.* Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции // *Вестник Адыгейского государственного университета. Филология и искусствоведение*. 2011. № 3. С. 138—144.
17. *Хлопотунов Я.Ю.* Речевая тактика дискредитации в Американском предвыборном дискурсе // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2017. № 27. С. 77—86.
18. *Gumuscu S.* The Emerging Predominant Party System in Turkey // *Government and Opposition*. 2013. № 48 (2). P. 223—244.
19. *Khajavi Y., Rasti A.* A discourse analytic investigation into politicians' use of rhetorical and persuasive strategies: The case of US election speeches // *Cogent Arts & Humanities*. 2020. № 7 (1), 1740051. DOI: 10.1080/23311983.2020.1740051
20. *Leeuwen van T.* Legitimation in Discourse and Communication // *Critical Discourse Analysis: Concepts, History, Theory*. 2013. № 1. P. 327—350.
21. *Sadeghi B., Hassani M.T., Jalali V.* Towards (de-)legitimation discursive strategies in news coverage of Egyptian protest: VOA & Fars news in focus // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2014. № 98. P. 1580—1589.
22. *Голубева Т.М.* Лингвистические и риторические параметры делегитимизации России и легитимизации США в речи американских представителей при ООН // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*. 2017. № 17 (4). С. 383—388. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-383-388

References

1. Tymbaj, A.A. (2018). Communicative strategies of American politicians (basing on the 2016 election campaign). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(1), 105—123. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-105-123 (In Russ.).
2. Golubeva, T.M. (2016). Linguistic parameters of the strategy of legitimizing the European Union and delegitimizing B. Al-Assad in the British political discourse. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 16(4), 392—396. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-392-396 (In Russ.).
3. Gornostaeva, A.A. (2018). The pre-election political discourse in the USA 2016 and Russia 2018: comparative analysis. *Bulletin of the Moscow Region State University (electronic journal)*, 3, 228—239. (In Russ.).
4. Kameneva, V.A. (2019). Evaluation metaphors of pre-election discourse (linguo-personological approach). *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Unviersiteta*, 6(428), 63—70. (In Russ.).
5. Kononova, I.V. & Melnichuk, T.A. (2020). Evaluation category dynamics in the discourse of American election commercials. *Cognitive studies of language*, 2(41), 836—840. (In Russ.).
6. Novoselova, O.V. (2019). Implicit menasives of the Russian election discourse. *World of Linguistics and Communication*, 58, 153—168. (In Russ.).
7. Romanov, A.A. & Novoselova, O.V. (2020). Discursive realization of threat in pre-election communication. *Russian Journal of Linguistics*, 24(2), 419—448. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-419-448 (In Russ.).
8. Ruzhentseva, N.B. (2018). Political and communicative strategies in print pre-election publications of 2018. *Political Linguistics*, 2(68), 18—28. (In Russ.).
9. Tarmaeva, V.I. (2020). Sports vocabulary in the election text: cognitive-pragmatic aspect. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 5(98), 97—108. (In Russ.).

10. Nazarova, R.Z. & Zolotarev, M.V. (2018). Verbal tactics of persuasion in contemporary Russian Electoral discourse (the study of the presidential campaign of 2017—2018). *Izvestiya of Saratov University, Sociology, Politology*, 18(4), 394—399. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-4-394-399 (In Russ.).
11. Barebina, N.S. & Kosyakov, V.F. (2018). The rationality and rhetoric of the pre-election discourse (based on the material of the US election debates in 2016). *Ekologia Yazyka I Kommunikativnaya Praktika*, 1(12), 28—43. (In Russ.).
12. Dmitrieva, M.I. & Dubrovskaya, V.V. (2020). Manipulative Communicative Strategies (by the Example of 2016 Presidential Election Campaign in the USA). *Philology. Theory & Practice*, 13(7), 180—184. DOI: 10.30853/filnauki.2020.7.34 (In Russ.).
13. Kopacheva, A.R. (2019). Peculiarities of emmanuel macron’s pre-election political discourse. *Professionalnyi Proekt: idei, tekhnologii, rezultaty*, 3(36), 41—46. (In Russ.).
14. Sergeeva, D.S. (2017). Self-presentation and discrediting are key strategies of the pre-election political discourse (based on the pre-election tweets of D. Trump and H. Clinton). *Novosti Juzhnogo Federalnogo Universiteta. Filologicheskiye Nauki*, 3, 75—83. (In Russ.).
15. Sergeeva, N.A. (2019). Strategies and tactics of speech influence in B. Obama’s pre-election discourse. *Vestnik Sovremennykh Issledovaniy*. 1.6(28), 310—316. (In Russ.).
16. Khabekirova, Z.S. (2011). The strategy of discrediting and methods of its implementation in the political discourse of the democratic opposition. *Vestnik Adygeyskogo Gosudarstvennogo Universiteta Filologiya i Istoria Iskusstva*, 3, 138—144. (In Russ.).
17. Khlopotunov, Ya.Yu. (2017). Speech tactics of discrediting in the American pre-election discourse. *Voprosy Prikladnoy Lingvistiki*, 27, 77—86. (In Russ.).
18. Gumuscu, S. (2013). The Emerging Predominant Party System in Turkey. *Government and Opposition*, 48(2), 223—244.
19. Khajavi, Y., Khajavi, Y. & Rasti, A. (2020). A discourse analytic investigation into politicians’ use of rhetorical and persuasive strategies: The case of US election speeches. *Cogent Arts & Humanities*, 7(1), 1740051. DOI: 10.1080/23311983.2020.1740051
20. Leeuwen, van T. (2013). Legitimation in Discourse and Communication. *In Critical Discourse Analysis: Concepts, History, Theory*, 1, 327—350.
21. Sadeghi, B. (2014). Towards (de-) legitimation discursive strategies in news coverage of Egyptian protest: VOA & Fars news in focus. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 98, 1580—1589.
22. Golubeva, T.M. (2017). Linguistic and rhetorical parameters of the delegitimization of Russia and the legitimization of the United States in the speech of American representatives to the UN. *Izvestiya of Saratov University, Philology. Journalism*, 17(4), 383—388. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-383-388 (In Russ.).

Сведения об авторах:

Каменева Вероника Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет»; сфера научных интересов: политическая лингвистика, дискурсивные исследования, рекламная коммуникация, гендерные исследования, когнитивная лингвистика; e-mail: russia_science@mail.ru ORCID: 0000-0001-8146-9721. eLIBRARY SPIN-код: 9659-7646

Рабкина Надежда Владимировна, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Translation Studies and Linguistics Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет»; сфера научных интересов: политическая лингвистика, дискурсивные исследования, рекламная коммуникация, когнитивная лингвистика; e-mail: nrabkina@mail.ru ORCID: 0000-0002-6623-6679. eLIBRARY SPIN- код: 5166-3567

Information about the authors:

Veronika A. Kameneva, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Romanic-Germanic Philology, the Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “Kemerovo State University”; *Research interests*: Political linguistics, Discourse studies, Advertising communication, Gender studies, Cognitive linguistics; *e-mail*: russia_science@mail.ru ORCID: 0000-0001-8146-9721. eLIBRARY SPIN-code: 9659-7646

Nadezda V. Rabkina, Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Translation Studies and Linguistics, the Federal State Budget-Financed Educational Institution of Higher Education “Kemerovo State University”; *Research interests*: Political linguistics, Discourse studies, Advertising communication, Cognitive linguistics; *e-mail*: nrabkina@mail.ru ORCID: 0000-0001-8146-9721. eLIBRARY SPIN-code: 9659-7646

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-758-773
УДК 811.111'373.422'36

Научная статья / Research article

Лексико-грамматические способы выражения противительности в англоязычном художественном тексте

Л.Н. Лунькова¹✉, Ю.И. Фролова²

¹Государственный социально-гуманитарный университет,
140410, Российская Федерация, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30

²Средняя общеобразовательная школа № 18,
140404, Российская Федерация, Московская область, г. Коломна, ул. Южная, д. 7
✉loralu@list.ru

Аннотация. В статье анализируются понятийная природа и особенности родо-видовых отношений между явлениями *противопоставления* и *противительности*, а также рассматриваются лексико-грамматические способы выражения последней на материале англоязычного художественного текста. Обозначено, что наряду с логическим компонентом противопоставление обладает способностью выражать и субъективную составляющую, манифестирующую уникальный взгляд коммуниканта на ситуацию общения: в этом случае можно говорить о появлении семантики противительности. В отличие от пространственного, логического и грамматического противопоставлений, обладающих, как правило, симметричной структурой, субъективное (противительное) противопоставление является асимметричным. Выявлено, что благодаря структурной асимметрии оно характеризуется более эффективным семантическим потенциалом в сравнении с логическими и грамматическими противопоставлениями. Доказано, что осложнение субъективных противопоставлений посредством «включения» в их состав антонимических пар, лексических и синтаксических повторов, антитетических единиц, оксюморонов и т.д. расширяет объем имплицуемых ими смыслов, а использование в художественном тексте самих субъективных (противительных) противопоставлений становится эффективным средством реализации принципа контраста как на лексико-грамматическом уровне, так и на уровне текстообразования.

Ключевые слова: противительность, оппозиция, симметричное противопоставление, асимметричное противопоставление, субъективное противопоставление, антонимия, контраст, коммуникация

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2020

Дата приема в печать: 01.03.2021

© Лунькова Л.Н., Фролова Ю.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Лунькова Л.Н., Фролова Ю.И. Лексико-грамматические способы выражения противительности в англоязычном художественном тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 13 № 3. С. 758—773. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-758-773

UDC 811.111'373.422'36

Lexical-Grammatical Means of Expressing Oppositivity in an English Literary Text

Larisa N. Lunkova¹✉, Julia I. Frolova²

¹State University of Social Studies and Humanities,
30, Zelyonaya str., Kolomna, Moscow region, Russian Federation, 140410

²High Comprehensive School Number 18,
7, Yuzhnaya str., Kolomna district, Russia Federation, 140404
✉loralu@list.ru

Abstract. The article considers the notional nature and peculiarities of genus-species relations between the phenomena of *opposition* and *oppositivity*; it also deals with the lexical-and-grammatical ways of expressing the latter in an English literary text. The study establishes that, besides the logical component, an opposition also expresses a subjective one, manifesting a communicant's unique view on the communicative situation and thus displaying semantics of oppositivity. Unlike spatial, logical and grammatical oppositions, generally characterized by a symmetrical structure, the subjective (opposite) opposition is asymmetrical. It is revealed that due to the structural asymmetry this kind of opposition is marked by greater semantic potential compared to logical and grammatical oppositions. It is proved that the complication of subjective oppositions with antonymous pairs, lexical and syntactical repetitions, antithetic units, oxymorons etc. extends the scope of meanings implied by them; and the use of subjective (opposite) oppositions in a literary text themselves becomes an effective tool of contrast-building both on the lexical-grammatical and textual levels.

Key words: oppositivity, opposition, symmetrical opposition, asymmetrical opposition, subjective opposition, antonymy, contrast, communication

Article history:

Received: 01.12.2020

Accepted: 01.03.2021

For citation:

Lunkova, L.N. & Frolova, Ju.I. (2021). Lexical-Grammatical Means of Expressing Oppositivity in an English Literary Text. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 758—773. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-758-773

Введение

Одной из важнейших функций естественного языка является когнитивная, в соответствии с которой язык, находящийся в диалектическом взаимодействии с мышлением и окружающей действительностью, выступает средством ее вербальной и культурной реконструкции: язык, формируя мысль,

актуализирует ее в речи. Ментальные модели, сформированные в результате категоризации и концептуализации реальности, обладают многослойной структурой и нередко вербализуются как симметричные или асимметричные оппозитивы в составе сложных оппозитивных конструкций. Оперирование противопоставлениями в процессе языкового мышления есть естественная тенденция интеллектуальной деятельности человека, актуализирующаяся не только в обыденной жизни, но и в рамках научного, а также чувственно-художественного познания мира.

В плоскости метанауки термин *противопоставление* характеризуется синкретизмом понятийных форм. В нем сконцентрировано множество смыслов, выражающих разнообразные аспекты отношений нетождественности — принципиально важного различия между эксплицитно или имплицитно сопоставляемыми объектами. Ввиду структурной сложности понятие *противопоставление* используется в научном дискурсе для передачи одного из совокупности свойственных ему оттенков, а потому часто определяется посредством и целого ряда семантически более «узких» терминов, например, противополжения, противопологаия, противоположности, противоречия, несходства, оппозиции, антитезы, контраста, антиномии, дуализма, парадокса и т.д. Семантический объем, вкладываемый в понятие *противопоставление*, а также выбор комплементарного терминологического инструментария определяется спецификой каждой конкретной отрасли знания. Так, в контексте логико-философских изысканий противопоставление исследуется в качестве сложного многоаспектного феномена, тождественного противоположности и трактуемого как сопряжение парных предметов или явлений, «составляющих два полюса в рамках некоторого единого основания» [1. С. 470]. В философском словаре Г. Шмидта противоположность приравнивается к контрадикторности, а ее сущность усматривается в том, что «два (...) суждения не могут быть одновременно истинными, и если одно из них истинно, то другое обязательно ложно. Или иначе: одно и то же суждение не может одновременно быть и утвердительным, и отрицательным» [2. С. 366]. С позиции логики противопоставление также тождественно противоположности: «в отношении противоположности находятся такие несовместимые понятия, объемы которых включаются в объем более широкого, *родового* понятия, но не исчерпывают его полностью, напр. «белый — черный», «сладкий — горький», «высокий — низкий» и т.п.» [3. С. 384], т.е. логическая противоположность — «это категория, выражающая отношение несовместимости между отрицающими друг друга концептами из-за способности выражения чего-либо положительного, нежели отрицательного в несовместимых понятиях» [4. С. 594]. В эстетике противопоставление реализуется в виде фундаментальной дихотомии *прекрасное — безобразное*. Категория прекрасного — базовая и наиболее объемная эстетическая категория, «абсолютное совпадение конкретного явления с соответствующей эстетической нормой» [5. С. 186]. Существовая на стыке материального и идеального, прекрасное детерминирует отношения между объективными и субъективными характеристиками объекта. Человеческим

сознанием оно воспринимается как безусловно «положительный феномен, вызывающий целую гамму чувств, начиная от спокойного любования и кончая бурным восторгом» [6. С. 122]. С точки зрения этики духовный мир человека определяется основополагающей дихотомией *добро — зло*. Добро — это не что иное, как морально-нравственный абсолют, набор высших духовных ценностей, регулирующих жизнь индивида и наполняющих ее подлинным содержанием. В отличие от добра зло обесценивает жизнь человека, стимулируя разрушение духовно-нравственных основ сначала на личностном уровне, а потом и на уровне человеческих обществ: оно «подрывает основы творческого сотрудничества людей, распространяя вражду между ними и (или) лишая их высших человеческих способностей» [7. С. 96]. Особенности актуализации понятия *противопоставление* в контексте различных отраслей знания дают основание резюмировать, что его совокупный содержательный объем в метанаучном пространстве концептуально базируется на универсальной логической операции идентификации сущностно важных различий в структуре одного сложного интеллектуального объекта или между несколькими интеллектуальными объектами. Таким образом, противопоставление есть естественный атрибут абстрактного мышления человека, служащий эффективным инструментом познания идеальной/материальной природы реальности.

Противопоставление в системе языка. Противопоставление и семантика противительности

Идея о противопоставлении как об одной из форм организации мыслительного кода манифестируется и в языковой системе. Согласно лингвистической науке сущность категории противопоставления, или оппозиции¹, обнаруживается в «различии двух или более однородных единиц языка, способном выполнять семиологическую функцию, т.е. быть семиологически релевантным» [10. С. 358]. В естественном языке выделяют два вида оппозитивных структур: «противопоставление по два (...) типа *A — не A*; противопоставление по наличию (отсутствию) одного и того же элемента или по максимальной (минимальной) степени одного и того же качества» [там же], а также противопоставление, представляющее собой «разложение сложной системы лингвистически релевантных различий на ряд минимальных пар» [там же]. Очевидно, что противопоставление в лингвистике сохраняет присущий мета-науке многомерный смысл анализируемой категории: применительно к феномену естественного языка он маркирует полярные качества и способы

¹ Согласно “The Concise Oxford Dictionary of Linguistics” оппозицией считается любое парадигматическое отношение между языковыми единицами, обладающими дифференциальными признаками в данном языке [8. Р. 258]. Сходное определение представлено и в работах А. Мартине: оппозиция трактуется исследователем «как отношения между единицами, входящими в одну и ту же парадигму, как противопоставление в системе» [9. С. 48]. Далее в тексте позволим себе осуществлять терминологическую взаимозамену во избежание тавтологичности.

функционирования языкового явления или явлений как изолированно, так и в контексте.

В соответствии со структурно-семантическим подходом на лексическом уровне противопоставление типа $A — не A$ реализуется в антонимических парах и противопоставительных единицах, носящих служебный характер: модальных словах, вводных конструкциях, частицах, предлогах. На уровне грамматики оно существует в форме сложных предложений с союзной (при наличии оппозитивных союзов и союзных слов), а также бессоюзной связью. Лексико-грамматический уровень — своеобразная «точка пересечения» двух плоскостей: лексической и грамматической. Противопоставительные элементы, функционирующие в его пределах, способны вступать с другими элементами языковой системы в связи, свойственные каждому из уровней в отдельности. Фактически категория оппозиции служит важнейшим регулятором лексико-грамматических отношений в языке и речи, т.е. выполняет формо- и смыслоорганизующую функции, тем самым обеспечивая логическую базу для актуального мыслепорождения языковой личности.

Наряду с логическим компонентом противопоставление обладает способностью выражать и субъективную составляющую, манифестирующую уникальный взгляд коммуниканта на ситуацию общения: в этом случае оно «является точкой зрения, перспективой, выбранной говорящим для представления описываемых положений вещей» [11. С. 78]. Такая форма языкового мышления характеризуется комплексной структурой и включает в себя не только собственно логическое противопоставление, но и противопоставление субъективно-оценочное. В данных обстоятельствах можно говорить о появлении семантики *противительности*, имеющей уникальные, свойственные только ей особенности лингвистической манифестации. По мнению М.С. Миловой, «противительность является специфической формой реализации в языке фундаментального противопоставления $Я — не-Я$ » [12. С. 8], а именно: «за одним из противопоставляемых положений (противоположений) скрывается *говорящий субъект*, и смысл такого субъективного по своей сути противопоставления сводится к тому, что формально-логическое противопоставление $A — не-A$ в языке имеет форму $Я — не-Я$, причем с обязательной перестановкой компонентов ($не-Я — Я$), указывающей на коммуникативную выделенность позиции говорящего» [12. С. 15]. Как отмечает В.Я. Дорошевский, «нас интересует $Я$ в качестве действующего субъекта, а действующий субъект — это субъект, который существует в отношениях к тому, что является внешним» [13. С. 37]. Резюмируя наблюдения М.С. Миловой и В.Я. Дорошевского, следует заключить, что семантика противительности выражает личностно-ориентированную, эмоционально окрашенную реакцию коммуниканта на актуальный объект-стимул. Иными словами, противительный смысл возникает на базе противопоставления только в том случае, если говорящий интенсивно маркирует свою мировоззренческую установку особым чувственно-волевым посылом. Важно добавить,

что «отношения «противопоставление — противительность» — это не совсем отношения типа *больше/меньше, уже/шире* и не отношения включения (родовидовые). Это отражение взаимоотношений языка и мышления, точнее — категорий языка и категорий мышления: противительность — **языковая интерпретация идеи противопоставления**» [12. С. 29].

Основные виды языковых оппозиций и их структурно-семантическая характеристика

Опираясь на исследования М.С. Миловановой в области семантики противительности, можно выделить следующие типы оппозиций: пространственный (объективный): логический (объективно-логический), грамматический (логико-грамматический или объективно-субъективный) и субъективный (собственно противительный) [12. С. 19]. К пространственному типу исследователь относит противопоставление, способное функционировать как в познающем субъекте, так и в познаваемом объекте. В последнем случае имеет место реальное противостояние между материальными и идеальными полярными субстанциями, обеспечивающее само существование объективной реальности и ее перманентную трансформацию [14. С. 129—130]. Из этого следует, что пространственное противопоставление предельно объективно: один материальный/идеальный объект находится в оппозиции к другому относительно материальной/идеальной оси. С точки зрения содержания на пространственном противопоставлении базируются все остальные типы — логический, грамматический и субъективный. В логическом — лексические оппозитивные элементы детерминируют противопоставление концептов, формирующих семантически сложное по структуре суждение. Грамматический тип репрезентирует диаметрально противоположные взгляды на рассматриваемый объект в составе закрытой двухкомпонентной синтаксической конструкции. Для субъективного противопоставления (т.е. собственно противительности) ключевым фактором становится не столько логическое начало, сколько присутствие критической ситуации несогласия с существующей идейной позицией, индикатором которой могут выступать такие эмоциональные состояния, как равнодушие, вовлеченность, непонимание, раздражение, негодование, обида и т.д. [12. С. 8]. Итак, факт противительности, имеющий место в естественном языке, в сущности представляет собой ментальную модель (понятие или суждение), изначально характеризующуюся оппозитивным построением с точки зрения формальной логики и вербализированную с помощью логического и/или грамматического противопоставления, осложненного противопоставлением субъективным (противительным).

Как было отмечено, отношения противопоставления свойственны, главным образом, языковым единицам трех наиболее семантически значимых уровней: лексическому, грамматическому и лексико-грамматическому. Однако в случае возникновения противительных отношений, репрезентирующих чувственно-субъективную составляющую, выразителями данной семантики

становятся не только единицы этих уровней, но и фонетические (интонация раздражения, негодования, обиды и т.д.), а также текстообразующие (например, принцип контраста²) элементы.

В качестве предмета данного исследования мы рассмотрим структурно-семантические особенности субъективного противопоставления (противительности), уделив особое внимание анализу специфики их реализации в плоскости лексико-грамматического и текстового уровней на материале рассказа Д.Д. Сэлинджера “*Pretty Mouth and Green my Eyes*” («И эти губы, и глаза зеленые»).

В то время, как пространственное, логическое и грамматическое противопоставления обладают, как правило, симметричной структурой (оппозитивы однородны и соразмерны), субъективное противопоставление является асимметричным (оппозитивы неоднородны и несоразмерны). Полагаем, что асимметрия последнего обусловлена, прежде всего, присутствием ярко выраженного противительного смысла, манифестация которого требует привлечения дополнительных языковых средств. В результате оппозитив, выделяющий идейную позицию действующего субъекта, становится структурно более сложным и более «нагруженным» семантически в сравнении с оппозитивом, индицирующим противоположную точку зрения. Языковые единицы, оформляя разнообразные ментальные модели, стремятся к внутренней организованности и первоначально в языке фиксируются базовые симметричные оппозитивы. Однако в процессе речевого смыслопорождения нередко возникает прагматическая необходимость в формировании асимметричных оппозитивных конструкций, адекватно объективизирующих коммуникативный замысел говорящего. Можно утверждать, что противительность выступает одним из факторов языковой асимметрии, так как тот или иной элемент языковой системы на любом уровне потенциально способен претерпевать структурно-семантические трансформации в зависимости от прагматики сообщения.

Антонимия как способ выражения противительности

Лексическим средством воплощения идеи противопоставления становится антонимия, обладающая комплексной, многоаспектной природой. Именно она предопределяет существование широкого спектра дескриптивных трактовок. Так, например, О.С. Ахманова рассматривает антонимию в качестве «семантической противопоставленности, противоположности» [10. С. 47], а Е.И. Диброва понимает под антонимической парадигмой «объединение слов с противоположными значениями», семантическим субстратом которых выступает «общий интегральный признак (или признаки) и дифференциальный признак (или признаки), несущий в себе противоположность значений» [16. С. 244]. Л.А. Булаховский отмечает, что «антонимы в

² Контра́ст (фр. *contraste* — резкое отличие) — резко выраженная противоположность черт, качеств, свойств одного человеческого характера, предмета, явления другому [15. С. 71—72].

основном относятся к выражению качеств, но возможны также (...) при названии действий и состояний отрицательного или отменяющего характера» [17. С. 48]. С точки зрения Н.В. Комиссарова, только «часть слов-антонимов по характеру существующих между ними отношений соотносится (...) с так называемыми противоположными понятиями» [18. С. 58], т.е. явление антонимии объективно шире логической противоположности. Как полагает Л.А. Новиков, противоположные единицы могут «не только противопоставляться (...), но и складываться, соединяться, а также сопоставляться, разделяться, чередоваться, сравниваться, дополнять друг друга и т.д.» [19. С. 126]. Кроме того, Л.А. Новиков делает акцент на языковой универсальности антонимии. По мнению ученого, она «(...) должна быть определена как наиболее общее и характерное для всех носителей языка противопоставление слов, (...) закрепленное в нормах словоупотребления и основанное на опыте не отдельных групп, а всего языкового коллектива» [20. С. 36]. В работах В.А. Михайлова актуализируется речевой характер антонимии. Согласно его подходу, «антонимия есть не имманентное и заданное свойство тех или иных слов-антонимов, а свойство системы языка в целом, реализуемое в конкретной речевой ситуации в одних условиях и нейтрализуемое в других» [21. С. 77].

В зарубежном языкознании наибольший вклад в исследование сложной лексико-семантической сущности антонимии внесли Р. Иган, А. Круз, Дж. Лайонс, Р. Лерер, Л. Палмер и др. В их научных трудах рассматриваются три типа оппозитивных отношений: собственно антонимичные, комплементарные и конверсивные. К антонимам Дж. Лайонс, например, причисляет исключительно языковые элементы, способные формировать градуальные оппозиции, например, *rich — poor, cold — hot*. Комплементаривы определяются ученым как пара контрастных единиц, отрицание одной из которых автоматически подразумевает утверждение другой, например, *life — death, war — peace*. Конверсивные связи возникают в бинарных противопоставлениях, если их члены выражают разнонаправленность характеристического признака, например, *buy — sell, doctor — patient* [22. Р. 275—290]. А. Круз утверждает, что далеко не все семантически противоположные слова являются антонимами. В качестве иллюстрации он приводит оппозицию *tubby — emaciated*, где между контрастивами отсутствуют устойчивые полярные ассоциации, закрепленные в коллективном языковом сознании на уровне концептов [23. Р. 201]. А лингвист-лексикограф Р. Иган видит главное отличительное свойство антонимов в их полной идентичности с точки зрения широты спектра имплицуруемых смыслов [24. Р. 5а-31а].

Обобщая опыт теоретического осмысления природы антонимии в отечественной и зарубежной лингвистике, можно выделить два основных подхода к определению феномена. В «узком» смысле антонимия трактуется как «противопоставленность лишь одного из компонентов содержания слов, обозначающих одну и ту же сущность» [19. С. 45], в «широком» — как не только языковое, но и речевое явление. В рамках настоящего исследования нам представляется целесообразным опираться на более «широкое» определение.

В отличие от «языковой» антонимии, интуитивно идентифицирующейся представителями одной и той же лингвообщности в качестве симметричной субстанции, антонимическим оппозициям, реализующим свойственный им семантический потенциал в речевой форме, традиционно характерна и симметрия, и асимметрия. Из чего следует, что импликация смыслов в структуре логического или грамматического противопоставления возможна при использовании антонимов различного типа с точки зрения существующих лексико-грамматических классификаций: узуальных/окаzionaliальных (контекстуальных), логических/прагматических, канонических/неканонических, полных/частичных, точных/приблизительных и т.д. Однако когда у действующего субъекта возникает потребность в трансляции специфического опыта, чувственно-эмоционального переживания посредством индивидуально-авторского смыслопорождения, особое значение приобретают языковые элементы, выходящие за пределы общепринятой перцепции и способные адекватно репрезентировать самобытность коммуникативного посыла автора [12. С. 12—19]. В таком случае чрезвычайно актуальным становится обращение к асимметричным антонимическим оппозициям, один из или несколько членов которых склонны расширять и сужать семантический объем в зависимости от конкретной ситуации общения. Очевидно, в большей степени данными свойствами обладают контекстуальные, прагматические, неканонические, частичные, приблизительные и др. антонимы. Поэтому при появлении в речи противительной семантики, т.е. противопоставления, «осложненного субъективно-оценочными смысловыми компонентами возражения, несогласия, протеста, враждебности, ограничения, отрицания и т.д.» [12. С. 8], частотность употребления ассиметрично выраженных антонимов в сравнении с остальными типами возрастает.

Антонимия и контраст

В художественном тексте симметричные и асимметричные антонимические пары в структуре противопоставлений разного вида широко используются в качестве инструмента создания контраста на лексико-грамматическом и текстовом уровнях. И как только логико-грамматическое противопоставление становится контрастным, оно неизбежно трансформируется в противопоставление субъективное (противительное), т.к. семантически и стилистически контраст «нацелен» на создание эмотивно-оценочного, а значит противительного фона.

В рамках традиционного познания человеком окружающей действительности под *контрастом* понимают «противоположность в каком-либо отношении, например, (...) *цветовой контраст черного и белого*» [25. С. 241]; в общелингвистическом смысле — «способ членения языковой личностью явлений и процессов мироздания на составляющие с целью их анализа и синтеза для ориентирования в мировом пространстве» [26. С. 67] или «динамическое противопоставление двух содержательно-логических планов изложения» [27. С. 115].

В стилистике принцип контраста выступает ключевым фактором текстообразования. На его базе реконструируется объемная художественная модель реальности: формируются образы действующих лиц (например, «прорисовывается» их речевой портрет), манифестируется авторская оценка, расставляются экспрессивные акценты, маркируется общая проблематика произведения; риторический контраст является «текстообразующим фактором в речевой деятельности» [28. С. 66; 29].

В составе субъективных (противительных) противопоставлений контрастные части, репрезентируемые лексическими оппозитивами, характеризуются параллельным расположением, что служит основанием для таких стилистических приемов, как антитеза³, оксюморон⁴ и синтаксический параллелизм⁵. Контраст реализуется не только в пределах отдельно взятых структурно-семантических блоков, но и в плоскости всего текста, выполняя композиционную функцию и обеспечивая внутреннее единство художественного произведения.

Манифестация противительности в рассказе Д.Д. Сэлинджера “Pretty Mouth and Green my Eyes” («И эти губы, и глаза зеленые»)

В рассказе Д.Д. Сэлинджера “Pretty Mouth and Green my Eyes” («И эти губы, и глаза зеленые») важнейшим содержательным вектором выступает принцип контраста, передающий семантику противительности. Методом сплошной выборки нами было выделено в тексте 41 противопоставление: из них 7 логических и грамматических (3 и 4 соответственно — 17%) и 34 субъективно-противительных (83%). Логические и грамматические противопоставления реализуются с помощью грамматических конструкций с оппозитивными союзами и лексических повторов, не обладающих ярко выраженной противительной семантикой, а субъективно-противительные формируются посредством антонимии, антитетических и оксюморотических элементов, синтаксического параллелизма и т.д. Очевидное превалирование последних с точки зрения частотности употребления обусловлено художественной интенцией

³ Антите́за (от гр. *antithesis* — противоположение) — одна из стилистических фигур: оборот поэтической речи, в котором для усиления выразительности резко противопоставлены прямо противоположные понятия, мысли, черты характера действующих лиц [15. С. 13—14].

⁴ Оксюмо́рон/оксиморо́н (от гр. *Οχυρόγον* — остроумно-глупое) — один из художественных тропов: оборот, состоящий в сочетании резко контрастных, внутренне противоречивых по смыслу признаков в определении явления [15. С. 100].

⁵ Параллели́зм (от гр. *parallelos* — идущий рядом) — один из приемов поэтической речи, состоящий в сопоставлении двух явлений путем параллельного их изображения. Такое сопоставление подчеркивает сходство или различие явлений, сообщает поэтической речи особенную выразительность и в зависимости от контекста произведения имеет в художественной литературе самое разнообразное применение, назначение и смысл. (...) В синтаксическом параллелизме два смежных периода поэтической речи однородны по синтаксическому построению фразы [15. С. 103—104].

автора предельно сузить нарративное пространство произведения и таким образом сконцентрировать высвободившийся потенциал внимания читателя на бунтующем негодовании главного героя (адвоката Артура), направленном против собственной жены Джоан, ее любовника, самого себя и механистической реальности.

Лексико-грамматические особенности реализации феномена противительности объективно просматриваются в следующей реплике: “She thinks she’s a *goddam intellectual*. (...) She reads the theatrical page, and she watches television till she’s practically blind — so she’s an *intellectual*. You know who I’m married to? You want to know who I’m married to? I’m married to *the greatest living undeveloped, undiscovered actress, novelist, psychoanalyst, and all-around goddam unappreciated celebrity-genius* in New York” (1). В анализируемом контексте базовая логическая оппозиция *умный* — *глупый* вербализуется в ярко выраженном противительном ключе и приобретает окказиональные черты: пренебрежительное *goddam intellectual* контрастирует с триплетом *undeveloped, undiscovered, all-around goddam unappreciated*, негативно-ироничную окраску которого усиливает семантическое окружение таких лексических единиц, как *the greatest living* и *celebrity-genius*, а также длинный «послужной список» Джоан (*actress, novelist, psychoanalyst*). Сочетание элементов с положительной (*the greatest living/celebrity-genius*) и отрицательной (*undeveloped/ undiscovered/all-around goddam unappreciated*) коннотацией в пределах одной эмосемы формирует нетривиальный оксюморон, создающий фактурный образ «жены-пустышки» и имплицитно негодование Артура.

Оксюморотические единицы интенсифицируют семантику противительности речевых высказываний и в такой коммуникативной ситуации: “Brains. Oh, God, that kills me! Christ almighty! (...) She describes every man she sees as ‘*terribly attractive*’. It can be the *oldest, crummiest, greasiest* —”; “*Grown woman! You crazy? She’s a grown child, for Chrissake!*” (2). Оксюморон-клише *terribly attractive*, маркирующий интеллектуально-нравственную близорукость героини, противопоставляется триплету *the oldest, crummiest, greasiest*, передающему реальное положение вещей, с градацией в сторону усиления семантики неприязни/отвращения как основного характеристического признака знакомых мужчин Джоан. Индивидуально-авторский оксюморон *a grown child* в комбинации с узуальным контрастивом *grown woman* служит той же цели: Д.Д. Сэлинджер прибегает к такому риторическому приему, чтобы еще раз акцентировать крайне заурядную внутреннюю организацию женщины.

Противительный ресурс рассказа значительно увеличивается не только через субъективные противопоставления, дополненные стилистической фигурой оксюморона, но и посредством антитетических элементов, например: “Brains! Are you kidding? She hasn’t got any *goddam brains*! She’s an *animal*! (...) I’m no *goddam animal*. I may be a *stupid, fouled-up twentieth-century son of a bitch*, but I’m no animal. Don’t gimme that. I’m no animal” (3). Антитеза на уровне образов-концептов *животное* (*пустой/бездуховный человек*) — *не животное* (*духовно развитый человек*) обеспечивается

вследствие использования Д.Д. Сэлинджером асимметричных неканонических антонимов *an animal — a stupid, fouled-up twentieth-century son of a bitch*. При рассмотрении вне представленного контекста упомянутые лексические единицы могут быть классифицированы скорее как частичные синонимы, семантическое поле одного из которых (*an animal*) включает в себя «ядро» другого (*a son of a bitch*). Иными словами, в условиях языковой изоляции эти номинативные элементы находятся в синонимических родо-видовых отношениях. Однако под влиянием субъективно-противительной составляющей, пронизывающей «ткань» художественного текста, логическая синонимия трансформируется в прагматическую антонимию, чей эмотивно-оценочный «заряд» интенсифицируется посредством повтора идейно значимого концепта *animal* в обеих контрастных частях. В результате в данном примере мы наблюдаем индивидуально-авторскую антитезу с большим потенциалом противительности.

Противительная семантика высказываний, маркирующих кульминацию незапланированной «исповеди» Артура, также базируется на лексико-семантических возможностях прагматических антонимических оппозиций, формирующих нетривиальные антитезы: “We’re mismated, that’s all. That’s the whole simple story. We’re just mismated as hell. You know what she needs? She needs some *big silent bastard to just walk over once in a while and knock her out cold — then go back and finish reading his paper*. That’s what she needs. I’m *too goddam weak* for her. I knew it when we got married — I swear to God I did” (4). Как видно, смыслообразующее противопоставление *сильный — слабый* имеет форму асимметричной антитезы: описание «сильного», т.е. грубого и бесчувственного мужчины (*big silent bastard to just walk over once in a while and knock her out cold—then go back and finish reading his paper*) является значительно более существенным количественно (с точки зрения объема описания) и качественно (с точки зрения семантической нагрузки) в сравнении с характеристикой духовно чуткого, т.е. «слабого» главного героя (*too goddam weak*).

В некоторых случаях существенную противительную семантику высказывания берут на себя скорее синтаксические средства, чем лексические единицы. В качестве иллюстрации рассмотрим следующий пример: “In the first place,” he said, into the phone, “for a helluvan *intelligent guy*, you’re about as tactless as it’s humanly possible to be”; “I’d like to beat some sense into that head of yours, boy, that’s what I’d like to do. (...) For a helluvan — for a supposedly *intelligent guy*, you talk like *an absolute child*. And I say that in all sincerity”; “Yeah, *but* the point is I don’t *think* you should, Arthur. (...) I mean you’re more than welcome to come, *but* I honestly think you should just sit tight and relax till Joanie waltzes in.”(5). Как можно заметить из приведенного отрывка, основной противительный смысл транслируется читателю с помощью однотипных грамматических конструкций с предлогом *for* и оппозитивным союзом *but*, формирующих синтаксический параллелизм, «заостряющий» коммуникативный посыл говорящего. Симметричная антитеза *an intelligent guy — an absolute child*, оценочное сравнение *you’re about as tactless as it’s humanly possible to be*, а также лексический повтор определения *an intelligent guy* и

глагола *think* в структуре самого параллелизма, очевидно, выполняют вспомогательную функцию, дополняя и усиливая семантику противительности, выражаемую посредством вышеупомянутых грамматических паттернов.

Наряду с лексико-грамматической манифестацией контраста формообразующую функцию в произведении выполняет также контрастное субъективное противопоставление на уровне текста. В повествовательной структуре рассказа символическую роль играет сложный образ, художественно реконструирующий взгляд Джоан. Примечательно, что цветовая характеристика глаз женщины осуществляется в процессе развертывания проблематики произведения каждый раз по-разному. Так, первое упоминание цвета-символа присутствует уже в названии “*Pretty Mouth and Green my Eyes*”, в качестве которого выбрана строчка из стихотворения Артура, посвященного супруге. Затем Д.Д. Сэлинджер представляет читателю следующее описание, принадлежащее рассказчику: “*The girl heard him as if from a distance, and turned her face toward him, one eye — on the side of the light — closed tight, her open eye very, however disingenuously, large, and so blue as to appear almost violet*” (6). Зеленый цвет, заявленный в названии, превращается в насыщенно синий, почти фиолетовый. Творческая имплементация очевидного цветового несовпадения — индивидуально-авторский прием, призванный акцентировать уникальное мировосприятие Артура. В то время, как рядовой обыватель взаимодействует с реальностью на основе холодного *ratio* (насыщенно синий видится именно насыщенно синим), главный герой реагирует на стимулы извне нелинейно, подбирая особые оттенки для их интерпретации (насыщенно синий в его трактовке трансформируется в таинственный зеленый). Даже когда поэтический флер в отношениях между мужем и женой постепенно исчезает под влиянием объективной действительности, Артур продолжает оставаться в рамках чувственно-иррациональной перцепции: “*She doesn’t have green eyes — she has eyes like goddam sea shells, for Chrissake — but it reminded me anyway ... I don’t know*” (7). Как видно, в данном противительном высказывании глаза Джоан так и не называются «темно-синими» (т.е. их реальный цвет фактически «вне системы координат» главного героя), вместо этого Артур обращается к сравнению *like goddam sea shells*, характеризующемуся большим семантическим объемом и большей художественной выразительностью. Таким образом, можно сделать вывод о том, что неканоническая прагматико-контекстуальная оппозиция на уровне цветовых образов *blue — green* получает в рассказе глобальное текстообразующее значение. Она становится не просто стилистическим средством создания контраста, а основным маркером двух полярных мировоззрений, выразители которых, как показано в произведении, к несчастью, обречены на перманентное взаимонепонимание, приводящее к деструктивным последствиям для обеих сторон.

Заключение

Резюмируя результаты структурно-семантического анализа противопоставления в рассказе, мы видим, что феномен противительности актуализируется на

каждом семантически значимом уровне языковой организации художественного текста. На грамматическом — противительная семантика реализуется посредством использования сложных предложений с противительными союзами *and*, *but*, *though* и т.д. (19, 51%), а также с бессоюзной связью (4, 88%) и синтаксическим параллелизмом (12, 2%). На лексическом — с помощью оппозитивных междометий *well*, *oh*, *Christ*, *honest to God* и т.д. (24, 4%), вводных конструкций *however*, *in fact*, *as a matter of fact*, *actually*, *perhaps*, *basically* и т.д. (21, 95%), модальных слов и выражений *absolutely*, *practically*, *certainly*, *possibly*, *naturally*, *you know*, *listen*, *forget it* и т.д. (29, 27%), антонимических пар (43, 9%), лексических повторов (36, 59%), антитетических единиц (17, 07%) и оксюморонов (7, 32%). На уровне текста манифестацией противительности выступает контрастное противопоставление образов-символов (4, 88%). Как уже было упомянуто в исследовании, большинство противопоставлений, присутствующих в рассказе, являются субъективными (противительными) — 83%. В ходе анализа выявлено, что благодаря свойственной им асимметричной природе они изначально обладают более эффективным семантическим потенциалом в сравнении с логическими и грамматическими противопоставлениями, являющимися симметричными с точки зрения структуры. Осложнение субъективных (противительных) противопоставлений посредством «включения» в их состав лексико-грамматических элементов, указанных выше, расширяет объем смыслов, имплицитруемых данным видом противопоставлений, при этом асимметричные языковые конструкции придают всему речевому высказыванию большую лексико-семантическую емкость, чем симметричные. Из этого следует, что использование субъективных (противительных) противопоставлений, содержащих те или иные лексико-грамматические элементы, представляет собой эффективное средство реализации принципа контраста как на лексико-грамматическом уровне, так и на уровне текстообразования. Его использование в качестве базовой противительной составляющей художественного произведения позволяет создать фактурную систему образов, репрезентирующих тематику и проблематику литературной работы в соответствии с творческой интенцией автора.

Библиографический список

1. Фролов И.Т. *Философский словарь*. М. Республика, 2001.
2. Шмидт Г. *Философский словарь*. М.: Республика, 2003.
3. Ивин А.А., Никифоров А.Л. *Словарь по логике*. М. : Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997.
4. Кондаков Н.И. *Логический словарь-справочник*. М.: Наука, 1975.
5. Мукаржовский Я. *Исследования по эстетике и теории искусства*. М.: Искусство, 1994.
6. Овсянников М.Ф. *Краткий словарь по эстетике: Кн. для учителя*. М.: Просвещение, 1983.
7. Бим-Бад Б.М. *Педагогический энциклопедический словарь*. М.: Большая российская энциклопедия, 2002.
8. Matthews P.H. *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
9. Мартине А. *Основы общей лингвистики*. М.: Либроком, 2009.
10. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М.: Советская энциклопедия, 1966.

11. *Инькова-Манзотти О.Ю.* Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Сопоставительное исследование. М.: Изд-во МГУ, 2001.
12. *Милованова М.С.* Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа: моногр. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.
13. *Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973.
14. *Ильин В.Н.* Основная проблема теории познания // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 123—134.
15. *Тимофеев Л.И.* Краткий словарь литературоведческих терминов. М.: Учпедгиз, 1963.
16. *Диброва Е.И.* Антонимическая парадигма // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. М.: Академия, 2001.
17. *Булаховский Л. А.* Введение в языкознание. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1953.
18. *Комиссаров В.Н.* Проблема определения антонима (О соотношении логического и языкового в семасиологии) // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 49—58.
19. *Новиков Л.А.* Антонимия в русском языке: семантический анализ противоположности в лексике. М. Изд-во Моск. ун-та, 1973.
20. *Новиков Л.А.* Избранные труды. Том 1. Проблемы языкового значения. М.: РУДН, 2001.
21. *Михайлов В.А.* Генезис антонимических оппозиций. (Антонимия и отрицание). Л.: ЛГУ, 1987.
22. *Lyons J.* Linguistic Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
23. *Cruse A.* Meaning in Language: an Introduction to Semantics and Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2011.
24. *Egan R.F.* Survey of the History of English Synonymy. Springfield, MA: Merriam-Webster, 1968.
25. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М: Аделант, 2014.
26. *Корнилова Л.А., Исмаева Ф.Х.* Способы реализации категории противоположности на разных уровнях в русском и английском языках // Филология и культура. 2015. № 2 (40). С. 66—70.
27. *Филин Ф.П.* Русский язык: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979.
28. *Ковтуненко И.В.* Риторические отношения контраста в тексте блога: средства маркирования, семантика, функции // Русистика. 2018. Т. 16. № 1. С. 63—90. doi: 10.22363/2313-2264-2018-16-1-63-90
29. *Shaklein V.M., Kovtunencko I.V.* (2021). Models of rhetorical relations in Russian blogging as an indicator of interlocutors' information behavior // Russian Language Studies. 2021. № 19 (2). P. 167—179. doi: 10.22363/2618-8163-2021-19-2-167-179

References

1. Frolov, I.T. (2001). *Philosophical Dictionary*. Moscow. (In Russ.).
2. Shmidt, G. (2003). *Philosophical Dictionary*. Moscow. (In Russ.).
3. Ivin, A.A. & Nikiforov, A.L. (1997). *Dictionary of Logic*. Moscow. (In Russ.).
4. Kondakov, N.I. (1975). *Logical Dictionary and Reference Book*. Moscow. (In Russ.).
5. Mukarzhovskiy, Ya. (1994). *The Studies in Aesthetics and Art Theory*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).
6. Ovsyannikov, M.F. (1983). *The Concise Dictionary of Aesthetics*. Moscow. (In Russ.).
7. Bim-Bad, B.M. (2002). *Pedagogical encyclopedic dictionary*. Moscow. (In Russ.).
8. Matthews, P.H. (1997). *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.
9. Martine, A. (2009). *The Fundamentals of General Linguistics*. Moscow: Librokom publ. (In Russ.).
10. Akhmanova, O.S. (1966). *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow. (In Russ.).
11. In'kova-Manzotti, O.Yu. (2001). *Opposition Connectors in French and Russian. Comparative Study*. Moscow: MSU. (In Russ.).
12. Milovanova, M.S. (2015). *The Semantics of Oppositivity: the Experience of Structural-Semantic Analysis*. Moscow: FLINTA: Nauka publ. (In Russ.).

13. Doroshevskiy, V. (1973). *Elements of Lexicology and Semiotics*. Moscow: Progress publ. (In Russ.).
14. Il'in, V.N. (2009). The Main Problem of the Theory of Knowledge. *Voprosy filosofii*, 7, 123—134. (In Russ.).
15. Timofeyev, L.I. (1963). *The Concise Dictionary of Literary Terms*. Moscow. (In Russ.).
16. Dibrova, Ye.I. (2001). *Antonymic Paradigm. Modern Russian Language: Theory. Analysis of Linguistic Units*. Moscow: Academy publ. (In Russ.).
17. Bulakhovskiy, L.A. (1953). *Introduction to Linguistics. Part 2*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.).
18. Komissarov, V.N. (1957). The Problem of Defining the Antonym (about the Relationship between the Logical and the Linguistic in Semasiology). *Voprosy yazykoznaniya*, 2, 49—58. (In Russ.).
19. Novikov, L.A. (1973). *Antonymy in the Russian Language: Semantic Analysis of Opposition in Vocabulary*. Moscow: MSU. (In Russ.).
20. Novikov, L.A. (2001). *Issues of Linguistic Meaning*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
21. Mikhaylov, V.A. (1987). *The Genesis of Antonymic Oppositions. (Antonymy and Negation)*. Leningrad: LSU. (In Russ.).
22. Lyons, J. (1995). *Linguistic Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Cruse, A. (2011). *Meaning in Language: an Introduction to Semantics and Pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
24. Egan, R.F. (1968). *Survey of the History of English Synonymy*. Springfield, MA: Merriam-Webster.
25. Ushakov, D.N. (2014). *Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language*. Moscow. (In Russ.).
26. Kornilova, L.A. & Ismayeva, F.Kh. (2015). Ways of the Realization of the Opposition Category on Different Levels in Russian and English. *Filologiya i kul'tura*, 2(40), 66—70. (In Russ.).
27. Filin, F.P. (1979). *The Russian Language: Encyclopedia*. Moscow. (In Russ.).
28. Kovtunenko, I.V. (2018). Rhetorical relations of contrast in the blog text: marking means, semantics, functions. *Russian Language Studies*, 16(1), 63—90. doi: 10.22363/2313-2264-2018-16-1-63-90
29. Shaklein, V.M. & Kovtunenko, I.V. (2021). Models of rhetorical relations in Russian blogging as an indicator of interlocutors' information behavior. *Russian Language Studies*, 19(2), 167—179. doi: 10.22363/2618-8163-2021-19-2-167-179

Сведения об авторах:

Лунькова Лариса Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры германо-романских языков и методики их преподавания Государственного социально-гуманитарного университета, г. Коломна, доцент; *научные интересы*: теория и практика перевода, теория и практика межкультурной коммуникации, теоретическая лингвистика, когнитивная лингвистика, стилистика и анализ текста; *e-mail*: loralu@list.ru

Фролова Юлия Игоревна, преподаватель иностранных языков МБОУ «СОШ № 18» Коломенского городского округа; *научные интересы*: стилистика, теоретическая лингвистика, когнитивная лингвистика, методика преподавания иностранных языков; *e-mail*: juliejulie1903@gmail.com

Information about the authors:

Larisa Nikolaevna Lunkova, Doctor of Philology, Professor of the Chair of German and Roman languages and their teaching methods in the State University of Social Studies and Humanities, Kolomna, Assistant-professor; *research interests*: translation theory and practical translation, intercultural communication, theoretical linguistics, cognitive linguistics, general stylistics and text analysis; *e-mail*: loralu@list.ru

Julia Igorevna Frolova, teacher of foreign languages (High Comprehensive School Number 18, Kolomna district); *research interests*: stylistics, theoretical linguistics, cognitive linguistics, language teaching methodology; *e-mail*: juliejulie1903@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-774-788
УДК 811.134.2'373:32

Научная статья / Research article

Хештег как лингвокогнитивная единица испанского политического дискурса

М.В. Ларионова¹✉, А.В. Демкина²

¹Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
119454, Российская Федерация, Москва, пр-т Вернадского, 76

²Посольство Российской Федерации в Аргентинской Республике,
1741, Аргентинская Республика, Буэнос-Айрес, ул. Родригес Пенья, С1021АВК
✉larionova.m@list.ru

Аннотация. Представлены результаты анализа дискурсивных особенностей функционирования хештегов в испанском политическом дискурсе на материале интернет-публикаций правительства, министерств и ведомств Испании, посвященных противодействию коронавирусной инфекции. Цель исследования состоит в осмыслении хештега как дискурсивной единицы с точки зрения теоретического языкознания, теории дискурса, когнитивистики и прагмалингвистики. Выявлены значимые лингвокогнитивные параметры функционирования хештегов в испанской политической коммуникации, обуславливающие силу их речевого и прагматического воздействия как инструмента для структурирования политической повестки в интересах адресанта и средства манипулятивного воздействия на сознание и поведение адресата. В контексте междисциплинарного подхода к изучению хештега как многоаспектного явления дискурсивной действительности в испанской политической коммуникации используется комплекс методов системного лингвистического исследования — лингвокогнитивный, прагмалингвистический, семантический, сравнительно-сопоставительный и контекстуальный, а также дискурс-анализ. Уточняется статус хештега в качестве самостоятельной категории дискурса, иными словами единицы значимой информации, которая целостно передает оформленное содержание в среде интернет-коммуникации. В соответствии с функциональным критерием обосновывается следующая таксономическая классификация хештегов: хештеги-прототипы ситуации или события, хештеги-концепты, хештеги-метафоры, хештеги-императивы и хештеги-перформативы. Ключевые когнитивно-прагматические и языковые характеристики хештега включают: метатекстовую структуру, семиотическую поликодовость, гипертекстуальность, интерактивность, интенциональность, манипулятивный потенциал, упрощенный синтаксис, частотное употребление перформативных и императивных глаголов для интенсификации призыва к действию, эмоциональность, эмпатийность, использование механизма «игры слов» для облегчения запоминания ключевого сообщения, повторы, ритмичность.

Ключевые слова: политический дискурс, лингвокогнитивистика, прагматика, хештег, дискурсивная единица, прагмалингвистика

© Ларионова М.В., Демкина А.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.02.2021

Для цитирования:

Ларионова М.В., Демкина А.В. Хештег как лингвокогнитивная единица испанского политического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 774—788. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-774-788

UDC 811.134.2'373:32

Hashtag as a Linguocognitive Unit of Spanish Political Discourse

Marina V. Larionova¹✉, Anastasia V. Demkina²

¹Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
76, Vernadsky ave., Moscow, Russian Federation, 119454

²The Embassy of the Russian Federation in the Argentine Republic,
1741, Rodriguez Peña, Buenos Aires, Argentine Republic, C1021ABK
✉larionova.m@list.ru

Abstract. The article presents an analysis of the discursive features of the hashtags functioning in the current Spanish political discourse which are retrieved from Spanish government, ministries and bodies web publications dedicated to combating coronavirus infection. The purpose of the research is to understand and treat hashtags as a discursive unit in terms of theoretical linguistics, discourse theory, cognitive science and pragmalinguistics. The paper reveals significant linguocognitive parameters of the hashtags functioning in Spanish political communication and determines the impact of their verbal and pragmatic influence as a tool for structuring the political agenda in the interests of the sender and manipulative means influencing the consciousness and behavior of the addressee. The interdisciplinary approach is applied together with a set of systemic linguistic research methods — cognitive, pragmalinguistic, comparative, semantic, contextual and discourse analysis. The article clarifies the status of hashtags as an independent category of discourse, in other words, a unit of meaningful information that seamlessly conveys the designed content in the Internet communication, which includes political discourse. In accordance with the functional criterion, the following taxonomic classification of hashtags is substantiated: hashtags-prototypes of a situation or event, hashtags-concepts, hashtags-metaphors, hashtags-imperatives and hashtags-performatives. Key cognitive-pragmatic and linguistic characteristics of hashtags include: metatext structure, semiotic polycode, hypertextuality, interactive essence, intentionality, manipulative potential, simplified syntax, frequent use of performative and imperative verbs to intensify a call to action, emotionality, empathy, use of a language game mechanism to facilitate memorization of a key message, repetitions, rhythm.

Key words: political discourse, cognitive linguistics, pragmatics, hashtag, discursive unit, pragmalinguistics

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.02.2021

For citation:

Larionova, M.V. & Demkina, A.V. (2021). Hashtag as a Linguocognitive Unit of Spanish Political Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 774—788. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-774-788

Введение

В условиях развития цифровых технологий политический дискурс усложняется и получает новое измерение за счет повышения роли инструментов интернет-коммуникации. Пандемия коронавируса во многом способствует вынужденному переходу политиков на дистанционную работу, позволяющую сфокусироваться на электронной коммуникации с электоратом, и это существенно трансформирует современный испанский политический дискурс. Одним из перспективных когнитивно-языковых инструментов нового арсенала политической коммуникации в глобальной сети является феномен хештега, дискурсивный потенциал которого требует научного осмысления. Практически ни одна социально-политическая стратегия, ситуация или событие, значимые для политического актора, не обходятся без хештегов как обязательного компонента политической интернет-коммуникации.

Хештег (от англ. *hashtag*, *hash* — символ ‘решетки’ — #, *tag* — ‘ярлык’) — это совокупность слов или словосочетаний, которые публикуются в Интернете с предварающим символом # (‘решетка’, исп. ‘almohadilla’) и служат своеобразным интерактивным дискурсивным маркером, рубрикаторм для облегчения тематического поиска по ключевым словам в разнообразных видах новых медиа, для группировки и фильтрации информации. В политической интернет-коммуникации в силу своего дискурсивного функционала хештег, представляющий самостоятельное законченное сообщение или интегрируемый в текст интернет-публикации, используется в качестве инструмента управления поведением и убеждениями электората и является способом воздействия на концептуальную картину мира адресата, позволяя адресанту-политику расставлять выгодные для себя акценты и формировать тем самым альтернативную реальность.

Тематическое структурирование информации через хештегирование особым образом группирует и идентифицирует адресатов. В роли интерактивного объединяющего текста-символа хештег создает возможность провоцировать и поддерживать определенные новости и дискуссии в политической коммуникации в течение продолжительного периода времени, а также инициировать и регулировать политические действия, например, манифестации, протесты, митинги и др. В силу своих когнитивно-языковых и прагматических свойств хештег в политическом дискурсе служит эффективным ресурсом для структурирования политической повестки дня в интересах адресанта и средством манипулятивного воздействия на сознание и поведение адресата. Поэтому анализ, систематизация и таксономическая классификация хештегов с точки зрения их когнитивно-прагматических особенностей и дискурсивных функций, представляются безусловно актуальными.

Актуальность, цель и материалы исследования

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления категории хештега с точки зрения теоретического языкознания, теории дискурса, когнитивистики и прагмалингвистики. Важность системного анализа хештега как самостоятельной дискурсивной единицы определяется многофункциональностью и частотностью его употребления в пространстве современного испанского политического дискурса. Цель исследования состоит в выявлении значимых лингвокогнитивных и функционально-прагматических параметров хештегов в испанской политической коммуникации, обуславливающих силу их дискурсивного и речевого воздействия. Материалами исследования являются примеры использования хештегов испанскими государственными органами — правительством, министерствами и ведомствами (министерством здравоохранения, правительством Мадрида, национальной полицией и др.) в рамках коммуникационных кампаний, посвященных борьбе с пандемией коронавируса в таких социальных сетях, как Twitter, Facebook, Instagram.

Методы исследования. Теоретические основания исследования

Исходя из необходимости применения междисциплинарного подхода к осмыслению такого многоаспектного явления дискурсивной действительности, как хештег, используется комплекс методов системного лингвистического исследования — лингвокогнитивный, прагмалингвистический, семантический, контекстуальный, сравнительно-сопоставительный, а также дискурс-анализ.

В последние десятилетия вопросы структуры, развития и трансформации элементов политического дискурса с позиций когнитивистики, политической лингвистики, теории дискурса и дискурс-анализа в рамках философских концепций постмодернизма и постструктурализма не выходят из поля зрения отечественных и зарубежных ученых [1—14].

Исследованиям функционирования политического дискурса в электронных СМИ и интернет-коммуникации посвящены многочисленные, в том числе междисциплинарные, труды философов, психологов, лингвистов, когнитивистов, политологов, антропологов и дискурсологов [15—22]. Проблема функционирования хештега как самостоятельной коммуникативной единицы политического дискурса, очевидно, носит междисциплинарный характер. В силу коммуникативного, когнитивно-прагматического и языкового своеобразия, мультифункциональности и сложности информационно-коммуникационного контекста, в котором он употребляется, дискурсивный статус хештега требует особого теоретического и таксономического осмысления.

Изначально хештеги использовались в качестве интерактивного метатекстового инструмента для выделения ключевых слов в неформатированном тексте в попытке маркировать ту или иную тему с целью повысить ее

обсуждаемость [16]. Однако в настоящее время их функции выходят за рамки собственно семантического маркера: гипертекстуальный потенциал хештега в дискурсивном поле позволяет не только в смысловом, но и в формальном синтаксическом плане объединять несколько сообщений одного адресанта, создавая своего рода дискурсивный нарратив. Если один и тот же хештег используется несколькими авторами, то он может функционировать не только как маркер диалогической связанности нескольких сообщений разных адресантов, но и как рубрикатор серии независимых публикаций, не образующих единого текстового и/или дискурсивного пространства и не объединенных между собой какими-либо средствами текстовой связности, кроме темы.

С языковой точки зрения принято считать, что виртуальное пространство политического дискурса включает в себя такие вербальные единицы дискурса, как текст, высказывание, речевой акт [17]. По своим когнитивно-языковым характеристикам хештег обладает теми же категориальными признаками, что и любой другой вербальный текст (цельность, связность, завершенность, информативность), выступающий как компонент дискурса. Поэтому, с одной стороны, мы разделяем тезис о том, что хештег в поле цифровой коммуникации есть «новый особый формат текста, образованный по своей собственной “нестандартной” схеме, но обладающий такими же свойствами, как и общепринятый текст» [18], с другой, — видим необходимость указать на онтологическое своеобразие хештега как **метатекста** [4. С. 43—50], который соотносится с ситуацией общения, репрезентирует и структурирует дискурс, и его семиотическую трактовку как **интертекста**, генерирующего новые смыслы через формальную или смысловую референцию от одного дискурсивного сообщения к другому [23, 24]. Это качество отличает хештег от других единиц дискурса, и, в конечном счете, позволяет трактовать его как самостоятельную дискурсивную вербальную функциональную единицу.

Дискурсивная уникальность хештега заключается в том, что он сочетает в себе категориальные свойства трех базовых единиц дискурса — текста, высказывания и речевого акта. Его характеризуют метадискурсивность, интертекстуальность и гипертекстуальность, интенциональность, иллюкутивность и часто перлокутивность. При этом хештег реализует ряд собственных функций, обусловленных особенностями интернет-коммуникации.

Представляется возможным, на наш взгляд, дискурсивно интерпретировать хештег в рамках разработанного М.М. Бахтиным понятия хронотопа, реализующего «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений» [3. С. 234]. Выступая как смысловое объединение пространственных и временных координат, хештег, как и хронотоп, включает в себе определенное единство пространства, времени и смысла, функционируя как модус существования смысла.

Дискурсивный потенциал хештега дает возможность адресанту максимально эффективно актуализировать когнитивно-языковые ресурсы этой единицы дискурса. Так, хештеги в политическом дискурсивном пространстве нередко используются в качестве инструмента фреймирования и/или

рефреймирования политической коммуникации в когнитивном плане, задавая направление и поддерживая дискуссии в политическом пространстве, а также иницируя политические действия. Интерпретируя фрейм как своего рода когнитивно-дискурсивную референтную рамку, структурирующую и унифицирующую «конструкцию знания» [25. С. 54], которая обобщает «определенный фрагмент человеческого опыта» [26. С. 65], подчеркнем, что в политическом дискурсе процесс создания фреймов заставляет участников коммуникативной ситуации действовать в изначально зафиксированных пределах [15; 27. С. 93], которые устанавливаются благодаря селекции, категоризации, импликации и конструированию смыслов, детерминируемых коммуникативной ситуацией или событием [27].

Структура и языковые особенности хештегов в испанском политическом дискурсе

В испанской политической коммуникации ряд хештегов появляется естественным образом, их регулярно создают пользователи в случае необходимости употребления в собственной публикации. Другие хештеги специально разрабатываются политическими лидерами, партиями или движениями для достижения определенных коммуникационно-политических целей. Такие хештеги особенно интересны с точки зрения изучения когнитивно-прагматического потенциала их функционирования в политическом дискурсе, поскольку демонстрируют широкую палитру когнитивных и коммуникативных возможностей с учетом стоящих коммуникационных задач.

В значительной мере в структурном плане хештеги опираются на механизм языковой компрессии, даже во внешней форме отсутствие пробелов между словами существенно экономит используемое в интернет-коммуникации пространство. В написании хештегов испанская королевская академия языка допускает чередование заглавных и строчных букв, облегчающее синтагматическое членение, а также использование знака нижнего подчеркивания для разделения слов [28. Р. 127]. Однако эти правила носят рекомендательный характер, поэтому графическое оформление хештегов остается вариативным: *#CoronavirusEspaña* — *#КоронавирусИспания*, *#Coronavirusmadrid* — *#Коронавирусмадрид*, *#coronavirusmadrid* — *#коронавирусмадрид*¹. С одной стороны, графика хештегов обусловлена первоначальным местом их создания и распространения — спецификой социальных сетей, требующих от пользователей краткости, ограниченного количества знаков, а с другой, является отличительной структурной чертой хештегов, выделяя их вместе с предваряющим символом # на фоне других текстовых блоков. Мультимедийность интернет-пространства дискурса обуславливает поликодовую репрезентацию информации, включающую текст, цветовые, графические или имиджевые изображения, аудио- и видеофайлы, эмодзи-символы,

¹ В статье в русском переводе хештегов сохраняется орфография оригинала.

смайлы, изображающие эмоции, и др. Таким образом хештег сочетает концептуально и функционально взаимодействующие текстовые и метатекстовые семиотические свойства, которые транслируют информацию, структурируют его дискурсивный потенциал и являются условием коммуникативной успешности.

В целях таксономической классификации по когнитивно-языковым и прагматическим функциям хештеги можно условно разделить на несколько таксонов: хештеги-прототипы ситуации или события, хештеги-концепты, хештеги-метафоры, хештеги-императивы и хештеги-перформативы. Компонент-классификатор — **прототип, концепт, метафора, императив или перформатив** — задает референтную рамку, фрейм хештега и актуализирует его дискурсивный потенциал. Принадлежность хештега к одной из упомянутых групп не означает, что в нем не могут присутствовать характеристики других таксонов в силу комплексного характера данного феномена.

Так, в ходе кампании по борьбе с пандемией коронавируса в социальных сетях испанское правительство активно использовало:

- **хештеги-прототипы**, преимущественно отдельные лексемы, например, топонимы или имена собственные, реже, словосочетания, которые маркируют некую актуальную политическую ситуацию или событие, указывая на любой его актант или сирконстант (субъект, объект, место, время): #COVID-19 — #КОВИД-19², #coronavirus — #коронавирус, #Cuarentena — #Карантин, #Confinamiento — #Самоизоляция, #CovidEspaña — #КовидИспания³, #AragónCultural — #ПрекращениеКультурнойЖизни⁴, #EstadoDeAlarma — #ЧрезвычайноеПоложение⁵;

- **хештеги-концепты**, которые соотносятся не столько с предметной, сколько с когнитивно значимой и релевантной в политическом контексте прагматической информацией и выступают как способ категоризации политических явлений или ситуаций: #IngresoMínimoVital — #ПрожиточныйМинимум, #SeguridadSocial — #СоциальнаяЗащита⁶;

- **хештеги-метафоры**, которые номинируют политическую реальность, создавая новые смыслы, и в качестве когнитивной модели, основанной на аналогии, задают траекторию мышления, определяющую видение мира и интерпретацию реалий и реальности: #Desescalada — #СнятиеОграничений⁶,

² Pedro Sánchez. @sanchezcastejon. Twitter. <https://twitter.com/sanchezcastejon/status/1330583421429702657> (дата обращения: 26.07.2020).

³ Ministerio de Sanidad. @sanidadgob. Twitter. <https://twitter.com/sanidadgob/status/1242403314802835458> (дата обращения: 26.07.2020).

⁴ Adelante Andalucía. @AdelanteAND. Twitter. <https://twitter.com/AdelanteAND/status/1248629716333907970> (дата обращения: 26.07.2020).

⁵ Vicepresidencia de Derechos Sociales y Agenda 2030. @VSocialGob. Twitter. <https://twitter.com/VSocialGob/status/1273538057245995013?s=20> (дата обращения: 21.06.2020).

⁶ La Moncloa. @PalaciodelaMoncloa. Facebook. <https://es-es.facebook.com/PalaciodelaMoncloa/> (дата обращения: 26.06.2020).

#PaísRenovable — *#ВозобновляемаяСтрана*⁷, *#NuevaNormalidad* — *#НоваяНормальность*⁸, *#FinEstadodealarma* — *#КонецЧрезвычайногоПоложения*⁹, *#LoDeQuédateEnCasa* — *#ТоЧтоНадоОстатьсяДома*¹⁰, *#SonrisaVirus* — *#УлыбкаВирус*, *#AplausoSanitario* — *#АплодисментыМедработникам*, *#EscudoSocialCoronavirus* — *#СоциальныйЩитКоронавирус*¹¹;

- **хештеги-императивы**, которые в эксплицитной или имплицитной форме отражают семантически императивную структуру политического дискурса и прагматику его воздействующего потенциала: *#NoLoTiresPorLaBorda* — *#НеПренебрегайЭтим*¹², *#QuédateEnTuCasa* — *#ОставайсяУСебяДома*;

- **хештеги-перформативы**, которые выступают как дискурсивное средство превращения явления действительности, ситуации, события в факт сознания, а также через дискурс репрезентируют осуществление поступка: *#SalimosMásFuertes* — *#ВыйдемБолеесильными (из пандемии)*, *#YoMeQuedoEnCasa* — *#ЯОстаюсьДома*, *#EsteVirusLoParamosUnidos* — *#ЭтотВирусМыОстановимВместе*, *#TodoSaldráBien* — *#ВсеБудетХорошо*, *#JuntosLoConseguiremos* — *#ВместеМыЭтогоДобьемся*, *#AhoraTocaLucharJuntos* — *#СейчасПришлоВремяБоротьсяВместе*¹³, *#SomosTuPolicía* — *#МыТвояПолиция*, *#EstamosPorTí* — *#Мы(Работаем)ДляТебя*¹⁴.

В политическом интернет-дискурсе, ориентированном на широкую аудиторию, хештеги обеспечивают возможность кратко и емко отразить актуальную позицию ведущих акторов — политических лидеров, партий, министерств и ведомств, диктующих официальный курс действующей власти, — в частности, по отношению к пандемии, констатировать эффективность предпринятых мер, а также призывать адресатов — граждан страны, электорат — к определенным действиям. В условиях постоянно меняющейся ситуации вокруг коронавируса различные виды хештегов стали для правительства универсальной дискурсивной формой реакции на кризисные изменения. Возможность через хештег фреймировать политическую ситуацию, меняя оценки и расставляя необходимые акценты, консолидировать актуальную в конкретных условиях политическую повестку дня, объединять и мобилизовывать

⁷ La Moncloa. @desdelamoncloa. Twitter. <https://twitter.com/desdelamoncloa/status/1275390366162747392?s=20> (дата обращения: 25.06.2020).

⁸ Delegación del Gobierno en Madrid. @DGobiernoMadrid. Twitter. <https://twitter.com/DGobiernoMadrid/status/1275053232453300226?s=20> (дата обращения: 25.06.2020).

⁹ Delegación del Gobierno en Madrid @DGobiernoMadrid <https://twitter.com/DGobiernoMadrid/status/1275047840096620544?s=20> (дата обращения: 25.06.2020).

¹⁰ @Yolanda_Diaz . Twitter. https://twitter.com/Yolanda_Diaz_/status/1244308922875461637 (дата обращения: 31.03.2020).

¹¹ @PODEMOS. Twitter. <https://twitter.com/podemos>. (дата обращения: 20.02.2020).

¹² La Moncloa. @desdelamoncloa. Twitter. <https://twitter.com/desdelamoncloa/status/1274981421615058945?s=20> (дата обращения: 25.06.2020).

¹³ Ministerio de Salud Pública. @SaludPública. Twitter. <https://twitter.com/SaludPublicaEs/status/1273643727928598528?s=20> (дата обращения: 20.06.2020).

¹⁴ Policía Nacional. @policia. Twitter. <https://twitter.com/policia/status/1275775934759440387?s=20> (дата обращения: 25.06.2020).

электорат, делает этот дискурсивный инструмент незаменимым в контексте усилившегося из-за карантина превалирования электронных каналов политической коммуникации над традиционными. Так, по данным официального статистического ресурса Text Analytics, за одну неделю со 2 по 11 апреля 2020 г. на платформе Twitter в Испании, национальная аудитория которой насчитывает 4,5 миллионов человек, использовались **80 305 различных хештегов, самыми популярными из которых стали #COVID-19 — #КОВИД-19, #coronavirus — #коронавирус, #YoMeQuedoEnCasa — #ЯОстаюсьДома, #QuedateEnCasa — #ОставайсяДома.** За тот же период наибольшее число обращений и публикаций в **Twitter** касается аккаунтов политических акторов: председателя испанского правительства Педро Санчеса (@sanchezcastejon), возглавляемой им партии (@PSOE), а также лидера оппозиции Пабло Касадо, главы Народной партии Испании (@pablocasado)¹⁵.

Свойства хештега как самостоятельной единицы испанского политического дискурса

Возможность трактовать хештег в качестве самостоятельной единицы испанского политического дискурса обусловлена рядом причин.

Во-первых, широкий и особый функционал хештега как метатекста не позволяет приравнять его по когнитивно-коммуникативным возможностям ни к одной традиционной дискурсивной единице — тексту, высказыванию и речевому акту. Имманентная дискурсивному механизму хештега способность «объединения различных тем, позиций, потоков, объединения сторонников или противников, в рамках большого объема дискурса в Интернете» [20] открывает возможность для расширения функционального поля данного феномена. Хештеги, сохраняющие в интернет-коммуникации мобилизационный потенциал традиционных политических призывов и лозунгов, выполняют широкий спектр функций: идентификационную, объединительную, мобилизационную, игровую, эстетическую, экспрессивную и наконец, функции самопрезентации и продвижения политических акторов [21; 22; 30]. В политическом дискурсе, где хештеги рассматриваются, прежде всего, как политико-идентификационный маркер [21], то есть гипертекст, другие коммуникативные возможности хештегов также чрезвычайно востребованы. Хештеги функционируют как гиперссылка, рубрикатор, структурирующий информационный поток, дискурсивный механизм консолидации и самоидентификации адресатов сообщения, способ фреймирования и рефреймирования политической повестки, инструмент манипулятивного воздействия. Эти дискурсивные возможности оказываются особенно востребованными в условиях пандемии коронавируса, актуализировавшей значимость цифровой коммуникации.

¹⁵ La comunicación en tiempos del coronavirus (II): Análisis temático de Twitter en España. <https://www.meaningcloud.com/es/blog/comunicacion-coronavirus-analisis-twitter> (дата обращения: 14.01.2021).

Во-вторых, специфические языковые параметры хештегов определяют сложность и уникальность этого языкового явления в испанском политическом дискурсе. К наиболее частотным прагмалингвистическим характеристикам можно отнести:

- активное употребление глаголов, в том числе перформативной семантики (*#ProhibidoDespedir* — *#ЗапрещеноУвольнять (в период пандемии)*¹⁶);
- использование упрощенных синтаксических конструкций, замена слов на цифры (*#SiempreConMascarilla* — *#ВсегдаСМаской*¹⁷, *#TurismoSeguroYSostenible* — *#БезопасныйИУстойчивыйТуризм*¹⁸, *#Fase2* — *#Этап2*¹⁸);
- инклюзивность, мобилизационность, эмпатийность, эмоциональность (*#EsteVirusLoParamosUnidos* — *#ЭтотВирусМыОстановимВместе*, *#EnNuestroRecuerdo* — *#ВНашейПамяти (о жертвах коронавирусной инфекции)*, *#TeLoPonemosFácil* — *#МыДелаемЭтоПроцеДляТебя (покупки во время карантина)*, *#EspañaTeEspera* — *#ИспанияТебяЖдет*¹⁸, *#AmpliarEscudoSocial* — *#РасширитьСоциальныйЩит*¹⁹ (увеличить государственные меры поддержки граждан во время пандемии);
- оригинальность языковой формы, использование механизма «игры слов» (*#DiMaMá* — *#DuMaPy*²⁰ (Акроним от «*Distancia, Mascarilla, Manos*» — «Дистанция, Маска, Руки»); *#Abuelémonos* — *#ДавайтеНеЗабытьОБабушкахИДедушках* (окасиональный глагол, с помощью которого испанская ассоциация педиатров *Asociación Española de Pediatría* призывает к общению разделенных из-за пандемии внуков с бабушками и дедушками через соцсети)²¹);
- повтор, ритмичность (*#AplausoSanitario* *#AplausoColectivo* — *#АплодисментыМедработникам* *#ВсеобщиеАплодисменты*²²).

Существенна роль хештегов и в разграничении пользователей на сторонников и противников тех или иных политических вопросов. В этом случае актуализируется базовая константа политического дискурса — оппозиция «свой — чужие», идеологический механизм, по мнению Т. ван Дейка, дифференцирующий и поляризирующий социальные группы [14. Р. 248, 255]. Фактически употребление хештегов подчеркивает, «кто не с нами, тот против нас»: те, кто используют актуальный хештег, делают его частью своей

¹⁶ Unidas Podemos. @ahorapodemos. Instagram. https://www.instagram.com/p/B-QCu8jKkH9/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 27.06.2020).

¹⁷ Comunidad de Madrid. @ComunidadMadrid. Facebook. <https://es-es.facebook.com/ComunidadMadrid/> (дата обращения: 26.06.2020).

¹⁸ La Moncloa. @PalaciodelaMoncloa. Facebook. <https://es-es.facebook.com/PalaciodelaMoncloa/> (дата обращения: 26.06.2020).

¹⁹ Unidas Podemos. @ahorapodemos. Instagram. https://www.instagram.com/p/B_F7Q9DjBmt/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 27.06.2020).

²⁰ Policía de Burgos. @policiadeburgos. Twitter. <https://twitter.com/PoliciadeBurgos/status/1275316871055781888?s=19> (дата обращения: 26.06.2020).

²¹ Un ‘hashtag’ para unir a nietos y abuelos en tiempos del coronavirus. https://elpais.com/elpais/2020/03/28/sesenta_y_tantos/1585380586_442718.html (дата обращения: 14.01.2021).

²² Unidas Podemos. @ahorapodemos. Instagram. https://www.instagram.com/p/B9w27qNq4Ay/?utm_source=ig_web_copy_link (дата обращения: 27.06.2020).

коммуникации в онлайн-пространстве, действуют в фарватере политического или социального тренда, а те, кто избегают этого хештега или придумывают ему антонимичный аналог, являются очевидными противниками.

Частотность употребления хештегов политическими акторами и социальными активистами обусловлена тем, что хештеги, призывая адресата к идентификации, к действию, к проявлению своих убеждений и эмоций, служат эффективным инструментом манипуляции в политическом дискурсе. Современные исследования дискурсивного потенциала хештегов в политической коммуникации демонстрируют, что сообщения с хештегами вызывают более сильную эмоциональную и социальную реакцию со стороны аудитории, чем публикации без них [19].

Результаты исследования. Анализ результатов

Проведенное исследование дает основание сформулировать основные свойства и функции хештега как самостоятельной вербальной функциональной единицы дискурса, которая целостно передает оформленное содержание в интернет-коммуникации, включающей политический дискурс. В соответствии с выполняемыми когнитивно-прагматическими функциями хештеги подразделяются на следующие группы-таксоны: **хештеги-прототипы** ситуации или события, **хештеги-концепты**, **хештеги-метафоры**, **хештеги-императивы** и **хештеги-перформативы**. К отличительным когнитивно-прагматическим характеристикам хештега относятся метатекстовая структура, семиотическая поликодовость, гипертекстуальность, интерактивность, интенциональность, манипулятивный потенциал, упрощенный синтаксис, частотное употребление перформативных и императивных глаголов для интенсификации призыва к действию, эмоциональность, эмпатийность, использование механизма «игры слов» для облегчения запоминания ключевого сообщения, повторы, ритмичность.

В информационной сфере развитие цифровых технологий трансформирует отношения между языком и социальными условиями его существования. Качественные изменения в политической коммуникации неизбежно приводят к появлению новых дискурсивных единиц и категорий. В интернет-дискурсе хештег как способ и форма вербализации действительности репрезентирует событие, ситуацию, концепцию или идею, которые представляются значимыми для большого числа пользователей. С помощью хештегов, обладающих иллюкутивной и перлюкутивной динамикой, дискурсивные коммуниканты осуществляют взаимосвязанные действия, как речевые, так и внеязыковые, с целью достижения поставленной цели. Функционируя как дискурсивный инструмент воздействия на концептуальную картину мира, хештег позволяет адресанту формировать альтернативную реальность, отвечающую его политическим интересам. Когнитивно-языковые и поликодовые техники существенно облегчают восприятие и запоминание хештега, что вместе с его текстовой и метатекстовой структурой обеспечивает выполнение гипертекстовой функции, гарантирует легкость воспроизведения и тиражирования.

Заключение

Таким образом, исследование институциональных хештегов, тематически посвященных борьбе с коронавирусом в пространстве испанского политического дискурса, их таксономия и систематизация в соответствии с дискурсивным функционалом позволяют сделать вывод об очевидной эффективности хештега как дискурсивного когнитивно-языкового инструмента в целях структурирования политической повестки и мобилизации общества. Представляется перспективным дальнейшее изучение дискурсивных характеристик и особенностей функционирования хештегов как самостоятельных дискурсивных единиц, играющих существенную роль в интернет-коммуникации.

Библиографический список

1. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 32—43. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.infolex.ru> (дата обращения: 22.04.2020).
2. Михалева О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234—407.
4. Иванов Н.В. Интертекст — метатекст: культура, дискурс, язык // Языковые контексты: структура, коммуникация, дискурс. Материалы межвузовской научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. Военный университет. М.: Книга и бизнес, 2007.
5. Карасик В.И. Адресная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 32—49. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49
6. Ларионова М.В., Сливчикова Ю.В. Современная Испания: новая политическая реальность — новый политический дискурс // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 53—66.
7. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. М.: Флинта, 2006.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.
9. Шейгал Е.И. Жанровое пространство политического дискурса. 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.filologija.vukhf.lt/5-10/doc/1.2%20Sheigal%20RED_VM.doc (дата обращения: 22.12.2020).
10. Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication. 2007. № 1. P. 238—266.
11. Dijk T.A. van. Discourse semantics and ideology // Discourse & Society. 1995. 6 (2). P. 243—289.
12. Dijk T.A. van. What is Political Discourse Analysis. Amsterdam, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.discourse-in-society.org> (дата обращения: 26.12.2020).
13. Дейк Т.А. Ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
14. Howarth D., Norval A. y Stavrakis Y. Discourse Theory and Political Analysis: Identities, Hegemonies and Social Change. Manchester: Manchester University Press, 2000.
15. Lakoff G. No pienses en un elefante. Lenguaje y debate político. Madrid: Foro Complutense, 2007.
16. Anderson M., Hitlin P. The hashtag #BlackLivesMatter emerges: Social activism on Twitter // Pew Research Center. 2016. № 15. P. 1—34.

17. Красина Е.А. Дискурс, высказывание и речевой акт // *Russian Journal of Linguistics*. 2016. Т. 20. № 4 (20). С. 91—102.
18. Наволока Ю.С. Хэштег-текст как новый формат текста в интернет-пространстве (на примере социальной сети «Инстаграм») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. №12—3 (90). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/heshteg-tekst-kak-novyy-format-teksta-v-internet-prostranstve-na-primere-sotsialnoy-seti-instagram> (дата обращения: 03.12.2020).
19. *Ha Rim Rho E., Mazmanian M. Political Hashtags & the Lost Art of Democratic Discourse // Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '20)*. Association for Computing Machinery, New York, USA. New York, 2020. pp. 1—13. DOI: 10.1145/3313831.3376542
20. Bonilla Y., Rosa J. #Ferguson: Digital protest, hashtag ethnography, and the racial politics of social media in the United States // *American Ethnologist*. 2015. 42 (1). P. 4—16.
21. Новикова С.А. Российские хэштеги микроблога «Твиттер» как политико-идентификационный маркер // *Социум и власть*. 2014. № 5 (49). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-heshtegi-mikrobloga-tvitter-kak-politiko-identifikatsionnyy-marker> (дата обращения: 03.12.2020).
22. Атягина А.П. Твиттер как новая дискурсивная практика в сети Интернет // *Вестник Омского университета*. 2012. № 4 (66). С. 203—209.
23. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
24. Крестева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму*. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427—457.
25. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52—92.
26. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: URSS, 2000.
27. Яноу Д., ванн Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // *Социологическое обозрение*. 2011. Т. 10. № 1—2. С. 87—110.
28. *Bezos López, J. Manual del español urgente*. Fundéu BBVA. Barcelona: Editorial Debate, 2015.
29. *Larionova M.V., Demkina A.V. Lógica y pragmática del marco 'feminismo' en discurso de Unidos Podemos // Andamios*. enero-abril 2020. Vol. 17(42). P. 407—421.
30. Щурина Ю.В. Коммуникативно-игровой потенциал хэштегов // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2015. № 8 (69). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/komunikativno-igrovoy-potentsial-heshtegov> (дата обращения: 03.04.2020).

References

1. Demyankov, V.Z. (2002). Political discourse as a subject of political science philology. *Political Science. Political Discourse: History and Contemporary Research*. 3, 32—43. [Electronic resource] URL: <http://www.infolex.ru> (accessed: 22.04.2020). (In Russ.).
2. Mikhaleva, O.L. (2009). *Political discourse: Specificity of manipulative influence*. Moscow: LIBROKOM publ. (In Russ.).
3. Bakhtin, M.M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. In *Questions of literature and aesthetics*. Moscow: Art. Lit. pp. 234—407. (In Russ.).
4. Ivanov, N.V. (2007). Intertext — metatext: culture, discourse, language. In *Language contexts: structure, communication, discourse. Materials of the interuniversity scientific conference on actual problems of language and communication*. Military University. Moscow: Book and Business. (In Russ.).
5. Karasik, V.I. (2018). Addressee specialization in public political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(1), 32—49. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49 (In Russ.).
6. Larionova, M.V. & Slivchikova, Yu.V. (2019). Modern Spain: New Political Reality — New Political Discourse. *Tomsk state university journal of philology*, 59, 53—66. (In Russ.).

7. Chudinov, A.P. (2006). *Metaphorical mosaic in modern political communication*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
8. Sheigal, E.I. (2000). *Semiotics of political discourse*. Volgograd. (In Russ.).
9. Sheigal, E.I. (2010) Genre space of political discourse. [Electronic resource] URL: http://www.filologija.vukhf.lt/5-10/doc/1.2%20Sheigal%20RED_VM.doc (accessed: 22.12.2020). (In Russ.).
10. Castells, M. (2007). Communication, Power and Counter-power in the Network Society. *International Journal of Communication*, 1, 238—266.
11. Dijk, T.A. van. (1995). Discourse semantics and ideology. *Discourse & Society*, 6(2), 243—289.
12. Dijk, T.A. van. (2013). *Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication*. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.).
13. Dijk, T.A. Van. (1998). *What is Political Discourse Analysis. Amsterdam*. [Electronic resource] URL: <http://www.discourse-in-society.org> (accessed: 26.12.2020).
14. Howarth, D., Norval, A. & Stavrakis, Y. (2000). *Discourse Theory and Political Analysis: Identities, Hegemonies and Social Change*. Manchester: Manchester University.
15. Lakoff, G. (2007). *No pienses en un elefante. Lenguaje y debate político*. Madrid: Foro Complutense.
16. Anderson, M. & Hitlin, P. (2016). The hashtag #BlackLivesMatter emerges: Social activism on Twitter. *Pew Research Center*, 15, 1—34.
17. Krasina, E.A. (2016). Discourse, utterance and speech act. *RUDN Russian Journal of Linguistics*, 20(4), 91—102. (In Russ.).
18. Navoloka, Yu.S. (2018). Hashtag text as a new text format in the Internet space (on the example of the social network Instagram). *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 12—3(90). [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/heshteg-tekst-kak-novyy-format-teksta-v-internet-prostranstve-na-primere-sotsialnoy-seti-instagram> (accessed: 03.12.2020). (In Russ.).
19. Ha Rim Rho E. & Mazmanian, M. (2020). Political Hashtags & the Lost Art of Democratic Discourse. In: *Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '20)*. Association for Computing Machinery, New York, USA. New York. pp. 1—13. DOI: 10.1145/3313831.3376542
20. Bonilla, Y. & Rosa, J. (2015). #Ferguson: Digital protest, hashtag ethnography, and the racial politics of social media in the United States. *American Ethnologist*, 42, 4—16.
21. Novikova, S.A. (2014). Russian hashtags of the Twitter microblog as a political identification marker. *Socium and Power*, 5(49). [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-heshtegi-mikrobloga-tvitter-kak-politiko-identifikatsionnyy-marker> (accessed: 03.12.2020). (In Russ.).
22. Atyagina, A.P. (2012). Twitter as a new discursive practice. *Herald of Omsk University*, 4(66), 203—209. (In Russ.).
23. Bart, R. (1994). *Selected Works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
24. Kristeva, Y. (2000). Bakhtin, word, dialogue and novel. *French semiotics: From structuralism to poststructuralism*. Moscow: IG Progress. pp. 427—457. (In Russ.).
25. Fillmore, Ch. (1988). Frames and semantics of understanding. In: *New in foreign linguistics. Cognitive aspects of language*. XXIII. Moscow: Progress. pp. 52—92. (In Russ.).
26. Kobozeva, I.M. (2000). *Linguistic semantics*. Moscow: URSS. (In Russ.).
27. Yanow, D. & Van Hulst M. (2011). Frames of the political: from frame analysis to framing analysis. *Sociological Review*, 10(1—2), 87—110. (In Russ.).
28. Bezos López, J. (2015). *Manual del español urgente*. Fundéu BBVA. Barcelona: Editorial Debate.
29. Larionova, M.V. & Demkina, A.V. (2020). Lógica y pragmática del marco ‘feminismo’ en discurso de Unidos Podemos. *Andamios*, 17(42), 407—421. DOI: 10.29092/uacm.v17i42.749
30. Shchurina, Yu.V. (2015). Communicative-game potential of hashtags. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 8(69). [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komunikativno-igrovoy-potentsial-heshtegov> (accessed: 03.04.2020). (In Russ.).

Сведения об авторах:

Ларионова Марина Владимировна, к. филол. н., доцент, доцент кафедры испанского языка Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»; сфера научных интересов: испанский медийный дискурс; *e-mail*: larionova.m@list.ru ORCID 0000-0001-6466-7363, eLIBRARY SPIN-код: 365-254

Демкина Анастасия Владимировна, к. филол. н., атташе Посольства Российской Федерации в Аргентинской Республике; сфера научных интересов: испанский политический дискурс; *e-mail*: a.v.dyomkina@yandex.ru ORCID 0000-0002-3233-8503, eLIBRARY SPIN-код: 4460-2010

Information about authors:

Marina V. Larionova, Ph.D. in Philology, Assistant-Professor, Associate Professor of the Department of Spanish Language, the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”; *Research interests*: Spanish media discourse; *e-mail*: larionova.m@list.ru ORCID 0000-0002-3233-8503, eLIBRARY SPIN-код: 4460-2010

Anastasia V. Demkina, Ph.D. in Philology, Attaché of the Embassy of the Russian Federation in the Argentine Republic, 1741, Rodriguez Peña str., Buenos Aires, Argentine Republic, C1021ABK; *Research interests*: Spanish political discourse; *e-mail*: a.v.dyomkina@yandex.ru ORCID 0000-0002-3233-8503, eLIBRARY SPIN-код: 4460-2010

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-789-805

УДК 811.161.1'373:659.1

Научная статья / Research article

Инструменты формирования эмоционального настроения в познавательном телепространстве

М.А. Гладко

Минский государственный лингвистический университет,
220034, Республика Беларусь, Минск, ул. Захарова, 21
✉ glad_26@tut.by

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью осмысления и выявления специфики формирования эмоционального настроения в современных познавательных телевизионных текстах консультативного характера. Цель работы состоит в установлении и описании репертуара инструментов формирования эмоционального настроения и языковых средств их репрезентации в познавательном теледискурсе. Материалом исследования послужили телепередачи тематических групп: досуг, здоровье и здоровый образ жизни, обустройство дома, еда, вождение автомобиля, красота и мода. Корпус исследуемых текстов представлен консультативно-инструктивными и информативно-демонстративными жанрами. Новизна исследования заключается в том, что в текстах, транслирующих обыденное, практическое знание, зафиксированы и описаны инструменты, моделирующие эмоциональный настрой зрителя в процессе познавательной деятельности. Выявлено, что текстовые репрезентанты консультативно-инструктивных жанров релаксационной и гедонистической тематик конструируют своеобразную зону впечатлений, удовольствия. В то время как акценты познавательных текстов, описывающих способы поведения в ситуациях, сопряженных с опасностью (например, тематики здоровье), ориентированы на регулирование настроения и эмоций медиааудитории. Такие тексты конструируются на основе эмоционально-чувственной модальности, раскачивающей эмоции зрителя от негативных до положительных. Создание такой разнообразной эмоциональной тональности нацелено на формирование положительного отношения к конкретным действиям по оздоровлению, а также стимулирование соблюдения правил здорового образа жизни общества. Описаны триггеры, продуцирующие позитивные и негативные эмоции, а также инструменты их активизации в тексте (образ автора и образ адресата; жанры повседневного общения, оформленные в дружески-неофициальном регистре; языковые средства). Выявлены функции формирования впечатления (привлечения внимания, позитивного эмоционального моделирования, формирования позитивного отношения к объекту высказывания и убеждающего воздействия) и регулирования эмоционального настроения (социально-стабилизирующая, регулирования поведения, убеждающего воздействия).

Ключевые слова: медиалингвистика, познавательный телевизионный дискурс, эмоционально-чувственная модальность, жанр, медиатопик, триггер

© Гладко М.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 28.04.2021

Дата приема в печать: 01.06.2021

Для цитирования:

Гладко М.А. Инструменты формирования эмоциональной атмосферы в познавательном телепространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 789—805. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-789-805

UDC 811.161.1'373:659.1

Tools of Creating Emotional Climate in Knowledge-Based Television Space

Marina A. Gladko

Minsk State Linguistic University,
21, st. Zakharova, Minsk, Republic of Belarus, 220034
✉glad_26@tut.by

Abstract. The relevance of the article is due to the need to comprehend and identify the specifics of the formation of emotional mood in modern knowledge-based TV texts of an advisory nature. It will make possible to better understand the specifics of educational genres. The purpose of the work is to establish and describe the repertoire of tools for the formation of emotional mood and linguistic means of their representation in a knowledge-based television discourse. The research material was TV broadcasts of thematic groups as follows: leisure, health and healthy lifestyle, home improvement, food, driving, beauty and fashion. The corpus of the texts under analysis is represented by advisory-instructive and informative-demonstrative genres. The novelty of the research lies in the fact that in the texts that broadcast everyday, practical knowledge, tools are recorded and described that simulate the emotional mood of the viewer in the process of learning process. The research reveals that the textual representatives of the advisory and instructive genres of relaxation and hedonistic themes construct an impressions and pleasure zone. At the same time, the accents of texts describing ways of behavior in danger-associated situations (for example, health topics) are focused on regulating the mood and emotions of the media audience. Such texts are constructed based on an emotionally sensual modality that swings the viewer's emotions from negative to positive. The formation of such a diverse emotional tone is aimed at creating a positive attitude towards specific health improvement actions, as well as encouraging adherence to the rules of a healthy lifestyle in society. The article describes the triggers that produce positive and negative emotions, as well as tools for their activation in the text (the image of the author and the image of the addressee; genres of everyday communication, designed in a friendly-informal register; linguistic means). The research reveals functions of impression producing (attracting attention, positive emotional modeling, formation of a positive attitude to the object of expression and persuasive influence) and regulation of emotional mood (socially stabilizing, regulation of behavior, persuasive influence).

Key words: media linguistics, cognitive television discourse, emotional and sensory modality, genre, media topic, trigger

Article history:

Received: 28.04.2021

Accepted: 01.06.2021

For citation:

Gladko, M.A. (2020). Tools of Creating Emotional Climate in Knowledge-Based TV Space. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 789—805. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-789-805

Введение

В постиндустриальном обществе трансформация общественных отношений стала предпосылкой изменения источника социального блага. Им становится знание, которое заменяет труд и капитал [1]. «Общество знания» — этим термином обозначают современный этап развития общества, фиксирующего особую роль знаний как наиболее ценной формы информации [1—6]. Благодаря расширению области знания, его углублению знание становится стратегическим ресурсом, наряду с человеческими, военными и другими ресурсами. Знание проникает во все сферы жизнедеятельности [2. С. 48], не только обогащает культуру, но также служит основой власти [7. С. 20].

По мнению социолога Н. Лумана, «то, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа» [8. С. 8]. Предоставляя свободный доступ к информации и знаниям в глобальном информационном пространстве, массмедиа, в частности, телевидение имеет решающее значение, играя важную роль в углублении знаний, личностном росте человека и способствуя развитию общества в целом [9. С. 151]. Таким образом, телевизионное пространство сегодня все более интенсивно расширяется за счет одного из наиболее ценных ресурсов — знания, который получает статус стратегического в конструировании коммуникативного пространства телевидения.

Характерной особенностью современного телепространства является востребованность практически ориентированного, житейского знания, что позволяет говорить о формировании специфического познавательного теледискурса в XXI веке. Знания транслируются не для решения глобальных проблем, расширения научных знаний медиапотребителя, а скорее для их непосредственного практического применения. Таким образом, текстовое пространство телевидения знаний конструируется консультативно-инструктивными и информативно-демонстративными жанрами. Ядром консультативно-инструктивных жанров — *совет специалиста* (врача, автоэксперта и т.д.), *консультация специалиста*, *дачный совет*, *бьюти консультация*, *кулинарный рецепт* — является обсуждение какого-либо вопроса специалистами, которые рекомендуют порядок практических действий для решения проблемного вопроса или ситуации. Они формулируют правила и модели поведения медиаадресата в различных сферах жизнедеятельности человека.

Задача информационно-демонстративных жанров — на основе живого и непосредственного восприятия явлений, процессов, способов действий с опорой не только на вербальный ряд, но и на визуальную демонстрацию явлений, процессов и действий ознакомить с практическими способами поведения, изменения качественного состояния предметов, значимых для

человека (например, квартира, автомобиль), совершенствовать практическое мастерство адресата. Примером являются жанры *телепреображение (ремонт, переодевание)*, *телетренировка*. Как видим, генеральной интенцией рассматриваемых жанров выступает указание на правила и модели поведения адресата в повседневных, часто сопряженных с проблемами, ситуациях.

Многие лингвисты отмечают тот факт, что, несмотря на основное назначение познавательных жанров — расширение кругозора адресата, распространение знаний, норм и ценностей общества [10. С. 11] — они все более активно насыщаются развлекательным компонентом [11; 12], который имеет целью отвлечение от действительности и эмоциональное насыщение медиапотребителя [13. С. 27—28; 14. С. 16]. При этом речь идет о эмоциональном насыщении как о процессе развлечения посредством эффектов «театрализации», юмора, метафорически-образной трактовки событий, языковой игры и т.д.

Вместе с тем массмедиа, и прежде всего, телевидение, не только развлекают, но и, что более важно, выполняют роль важнейших «настройщиков» эмоциональной атмосферы общества, или синхронизаторов настроений и эмоций [15—17]. Эмоционально заряженные информационные потоки реализуются в обществе таким образом, что эмоции всех его участников направляются единым потоком, при этом утрачивая свое различие [16]. Соответственно, эмоции становятся регулятором поведения медиааудитории, являются «одним из важнейших механизмов поддержания системного единства психологического климата общества» [15. С. 87]. Подчеркнем, что язык массовой коммуникации во многом формирует как эмоциональную атмосферу или эмоциональный настрой общества (агрессивность, веру в будущее и т.д.), так и эмоциональное состояние индивида (например, уверенность в себе). Эмоциональный настрой можно определить как эмоциональное состояние адресата, определяющее строй его мыслей и характер интересов. Важнейшим фактором, обеспечивающим существование эмоциональной атмосферы или настроения, является эмоциональное заражение [15. С. 85]. В.М. Бехтерев описывал эмоциональное заражение как «непосредственное прививание тех или других психических состояний от одного лица к другому, — прививание, происходящее без участия воли (и внимания) воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания» [17. С. 21].

Как известно, источником эмоций являются потребности, С.Л. Рубенштейн отмечал, что эмоции или потребности, переживаемые в виде эмоций, одновременно являются побуждением к деятельности [18]. Информационные потоки телепространства активизируют потребности зрителя, которые становятся триггерами (*внешние стимулы, вызывающие эмоции* [19]) определенных эмоциональных состояний. Соответственно, зрителю предлагается возможность удовлетворения личных потребностей «здесь и сейчас» (при просмотре телепередач), что гораздо проще и насущнее, чем напряженное обдумывание собственной жизненной стратегии в решении повседневных проблем. Одновременно с этим присущая телевидению функция формирования эмоционального настроения способствует лучшему восприятию, усвоению и запоминанию сведений или знаний [19. С. 188].

Стоит отметить, что в современных исследованиях данная функция приписывается преимущественно передачам развлекательного порядка, а также новостным текстам [21—24]. В текстовом пространстве познавательного телевидения организация эмоциональной атмосферы и настроения рассматривается в отдельных работах крайне фрагментарно [25; 26]. Вместе с тем, принимая во внимание тот факт, что познавательные медиатексты консультативного характера, как указывалось выше, формулируют для зрителя правила и модели поведения в различных сферах практической деятельности, представляется важным рассмотреть, какое место в конструировании текстового пространства занимает организация эмоционального настроения и каковы его инструменты.

Таким образом, цель статьи состоит в выявлении и описании репертуара инструментов формирования эмоционального настроения и средств их репрезентации в познавательных текстах телепространства.

Методы и материалы исследования

Материалом исследования послужили 800 русскоязычных телепередач познавательного характера, транслируемых на белорусском телевидении в период 2010—2020 гг. Для анализа использованы тексты следующих тематических групп: *досуг (хобби, путешествие, садоводство)*, *здоровье и здоровый образ жизни, обустройство дома, еда, вождение автомобиля, красота и мода*. Корпус исследуемых текстов представлен консультативно-инструктивными и информативно-демонстративными жанрами.

Использовались индуктивный метод, включающий наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, а также частнонаучные лингвистические методы: описательно-аналитический контекстуальный, семантического, дискурсивного анализа.

Результаты

Установлено, что особый характер познавательного телепространства состоит в том, что оно, развертывая тематики *досуг, здоровье и здоровый образ жизни, обустройство дома, еда, путешествие*, нацелено не только на организацию познания, сколько на формирование впечатления. Познавательное телепространство становится своеобразной «зоной впечатлений», которая базируется на эмоциональных переживаниях. Этому способствует интенсивное активирование триггеров потребностно-мотивационной сферы за счет текстовых параметров *образ автора и образ адресата*; вкрапления жанров повседневного общения (обращение, приглашение, пожелание, совет, вопросы, касающиеся личного пространства), оформленных в дружески-неофициальном регистре; а также языковых средств кооперативности, эмотивных лексических маркеров положительных физических ощущений и эмоциональных состояний, лексики эстетической и гедонистической оценки. Выявлены функции формирования впечатления: привлечения внимания, позитивного

эмоционального моделирования, формирования позитивного отношения к объекту высказывания и убеждающего воздействия.

Установлено, что акценты познавательных текстов, описывающих способы поведения в ситуациях, сопряженных с опасностью (например, тематики *здоровье*), ориентированы на регулирование настроения и эмоций медиааудитории. Познавательный текст в этих случаях организуется за счет развертывания эмоционально-чувственной модальности от знака «минус» к знаку «плюс». Этому способствует активизация триггера, продуцирующего негативные эмоциональные состояния (эксплицируется негативно-оценочными лексемами, статистическими данными с негативной коннотацией), который нейтрализуется триггерами потребностно-мотивационной сферы, моделирующими ощущения безопасности и уверенности в будущем. Определены доминантные (наиболее частотные) лексические средства, активирующие данные триггеры; их функции: социально-стабилизирующая, регулирования поведения, убеждающего воздействия.

Конструирование познавательного телепространства как зоны впечатлений

Анализ телепередач познавательного характера свидетельствует о том, что последние несколько лет большую роль для организации их коммуникативного сценария играет особая «логика» познания описываемого объекта, процессов и явлений. Идеи, наблюдения автора заключаются в эмоционально-чувственную (сенсорную) оболочку. В современном познавательном медиапространстве чрезвычайно важна интерпретирующая функция когнитивного процесса, ведущая к эмоциональному переживанию и, в итоге, к подражанию, т.е. выполнению адресатом определенных действий. Семиотическое пространство познавательных текстов конструируется таким образом, чтобы не просто консультировать, просвещать (информировать), объяснять явления и процессы окружающей среды, а дать возможность зрителю их прочувствовать или пережить определенный спектр эмоций в процессе познания, т.е. обеспечить аудитории впечатления.

Таким образом, познавательное телепространство становится своеобразной «зоной впечатлений», средой ощущений, которая базируется на эмоциональных переживаниях. Как показало исследование, эти переживания моделируются триггерами потребностно-мотивационной сферы. Они соответствуют различным группам потребностей согласно теории А. Маслоу, а именно: «Безопасность», «Уверенность в будущем» (экзистенциальные потребности); «Сопричастность», «Принадлежность к группе» (социальные потребности); «Признание» (относится к престижным потребностям); «Радость», «Красота» (эстетические потребности) [27; 28].

Рассмотрим подробнее роль и реализацию выделенных триггеров как инструментов продуцирования впечатлений в познавательном телепространстве.

В процессе развертывания познавательной деятельности автор активно взаимодействует с аудиторией, выражая свои эмоции в процессе освоения

действительности, взгляды, которые он эксплицирует в диалоге со зрителем. Удельный вес авторского начала особенно высок в консультативно-инструктивных и информативно-демонстративных жанрах. Как показывает анализ, автор стремится формировать ощущение единения с адресатом, показать единство познавательных целей и желаний, сопереживание на пути их достижения. В целом эти интенции направлены на усиление степени эмоциональной близости со зрителем. При этом в познавательных текстах интенсифицируется триггер «Сопричастность», точнее его аффективный компонент, который включает эмоциональную идентификацию с группой, чувство слияния с ней, «Мы-чувство» или «Мы-переживание» [29. С. 292]. Это понятие, включающее чувство принадлежности к чему или кому-либо, чувство, что тебя принимают другие, чувство социального взаимодействия и поддержки [28].

Семантическую основу триггера «Сопричастность» составляют языковые средства *кооперативности*, которые объединяют, своего рода идентифицируют адресата с автором. Доминантными семантическими опорами при этом являются:

- инклюзивные местоимения *мы, наши* в комбинации с 1) существительными, называющими предметы общего интереса, например, *наша дача, наши дети*, 2) глаголами физических ощущений, эмотивными прилагательными и существительными, описывающими положительные эмоции в процессе выполнения определенных действия: *Как вы думаете, можно ли нашего именинника осчастливить домашним тортом?* («День в большом городе», 30.06.20), *Любые способы, которые приносят нам удовольствие, могут нас взбодрить* («Наукомания, Эликсир бодрости», 2014);

- глагольные формы семантики заботы в сочетании с инклюзивными местоимениями: *мы (вместе), наш(и): Позаботимся о нашем теле и здоровье* («Азбука спорта», 2016);

- лексические репрезентанты поддержки (помощи), которые акцентируют содействие автора в поиске нужной информации. К этой группе относятся глаголы поддержки: *помогу, подскажу, поддержу*; сочетания глаголов открытия: *нашли, раскопали, обнаружили, подыскали, подготовили* и местоименной комбинации *я/мы для вас*, акцентирующей идею содействия, ориентации на интересы адресата: *Для вас мы раскопали маленький секрет* («Врачебные тайны плюс, 2016»); *Сегодня я вам помогу, расскажу, что же вы брат и поздравить мужчину* («День в большом городе», 2020);

- лексика, акцентирующая совместную деятельность: *совместный, вместе, сближение*, генерализированные лексические комбинации: *мы все, каждый (каждая мама, каждый автомобилист), каждый из нас: В перспективе нас всех ждет артроз? Совместными усилиями мы можем одолеть эту болезнь* («Здоровье», 18.04.20).

Триггер «Сопричастность» в познавательном пространстве телевидения актуализируется также за счет лексико-грамматической формы кооперативного действия, конструируемой по схемам:

1. «косвенный императив + глаголы множественного числа, отражающие познавательные действия», например, *давайте узнаем, разберемся*,

исследуем: *Давайте выясним, каким свойством обладает ниаценомид* («Здоровье», 20.06.20). Посредством такой схемы реализуется ненавязчивое приглашение к совместному действию. Автор стимулирует зрителя стать соисследователем, что способствует вовлечению в познавательную деятельность;

2. «косвенный императив + акциональные глаголы, местоименно-глагольные формы множественного числа, представляющие совместные действия в процессе познавательной деятельности», например, путешествия, приготовления блюда, выполнение физических упражнений: *пойдемте, становимся, вытягиваем, подъезжаем: Сегодня мы комплексно поработаем над укреплением ног, спины и пресса... Мы располагаем ногу на том уровне, на котором нам удобно. Стопа у нас максимально развернута* [«Азбука спорта», 30.06.20].

В этом случае моделируется образ автора как Партнера, заинтересованного в совместном поиске информации и решении тех же, что и у адресата, проблем, а также помогает мотивировать слушателя к совместному активному освоению действительности.

Как явствует из предшествующего изложения, интенсивное акцентирование совместной деятельности в текстовых репрезентантах познавательных жанров направлено на решение нескольких коммуникативных задач. Во-первых, формируется определенный образ автора — Партнера-Помощника или Соисследователя, который заботится, помогает освоить неизвестные или малоизвестные зрителю области знания. Во-вторых, конструируемый образ автора в окружении маркеров кооперативности ориентирован на моделирование позитивных эмоций от проявляемой заботы, общности и слияния с аудиторией, а также уверенности в поддержке.

Созданию позитивного эмоционального фона (удовольствия) в некоторых консультативно-инструктивных жанрах (*дачный совет, совет специалиста, бьюти-консультация*) способствуют категориальные признаки образа адресата: номинация личностных качеств адресата, тип дистанции между автором и адресатом. В таком случае семантическая организация познавательных текстов нацелена на активирование триггера «Признание». Как известно, человек нуждается в признании и высокой оценке своих достоинств, «каждому из нас необходимы и уважение окружающих нас людей и возможность уважать самого себя», ощущение собственного могущества, адекватности, компетентности [28]. Триггер «Признание» активизируется в текстовом пространстве посредством комплимента, использование которого имеет несколько функций. Во-первых, позитивное эмоциональное моделирование, так как признаются и подчеркиваются достоинства адресата: *Как же соскучились мы по любимым соткам и, конечно, по вам, наши отзывчивые, креативные зрители* («Дача», 04.07.20). Во-вторых, привлечение внимания и акцентирование ключевой для автора информации. Иллюстрируем это следующим примером: *Мы пользуемся европейские продукты, и восточные, китайские — имбирь. Я хочу сказать, умные люди всегда берут лучшее и правильно используют, поэтому делаем себе комплимент* («Врачебные

тайны плюс», 5.01.20). Здесь автор, вводя комплимент, фокусирует внимание зрителей на имплицуемой идее необходимости использовать разнообразные продукты в питании.

Характерно, что комплимент в познавательных текстах эксплицируется преимущественно оценочной лексикой, акцентирующей интеллектуальные *умные, интеллектуальные, креативные* и моральные качества *добрые, отзывчивые зрители*.

Автор познавательного текста, ориентированного на такие социальные группы, как дачники, путешественники, ЗОЖ-последователи, женщины, интересующиеся быти индустрией и модой, конструирует общение на «короткой дистанции» (термин Т.И. Каминской [30]). Этому способствует особенность познавательных текстов, представленных тематикой *досуг, дача, красота и мода, здоровье*, разворачиваться не только собственно познавательными, но также и жанрами повседневного, дружеского общения: обращение, приглашение, пожелание, совет, вопросы, касающиеся личного пространства.

Так, посредством специфического оформления *обращения* познавательное пространство телевидения активно задействует триггер «Принадлежность» (*эмоциональная потребность человека быть принятым членом группы* [28]). Его составляющими выступают забота, поддержка, внимание.

Особенностью активизации данного триггера является оформление высказываний в дружески-неофициальном регистре, который сокращает коммуникативную дистанцию, способствует коммуникативному и эмоциональному сближению автора и зрителей. Этому содействуют прямые обращения с общей семантикой «дружба»: *друзья, дорогие*; косвенные обращения различной семантики: по половому признаку: *девчонки*; по эстетическому признаку: *красавицы, модницы*; по интересам или по видам деятельности: *дачники, ЗОЖники*. С каждым обращением комбинируются: этикетное прилагательное *дорогие*; кооперативная лексика: *мы с вами, мы вместе*; эмотивные глаголы: *соскучиться, радоваться*: *Добрый день, дорогие наши дачники! Как же соскучилась по нашим дачным разговорам!* («Дача», 02.05.2020). *Привет, девчонки! Мы с вами сегодня позаботимся о той части лица, которую привыкли игнорировать* («День в большом городе», 09.07.2020).

Приглашения и пожелания в познавательном пространстве в большинстве случаев оформляются лексикой семантики заботы и комфорта: *располагайтесь, удобный, комфортный*; лексическими репрезентантами, описывающими эмоциональные состояния: *испытывать радость/хорошее настроение, наслаждаться, радовать*: *Располагайтесь поудобнее* («День в большом городе», 09.07.2020), *Я желаю всем чаще испытывать хорошее настроение, чтобы свежий воздух бодрит вас* («Наукомания. Эликсир бодрости», 2014).

Основой для эмоционального контакта, взаимодействия зрителя и автора в процессе познания, а также для продуцирования положительного эмоционального фона становятся *риторические вопросы, касающиеся личного пространства* (субъектного микропространства, пространства в своем жилище). В приведенном примере автор обращается к зрителю, имитируя дружеское

повседневное общение, проявляя интерес к возможным заботам и проблемам адресата: *Здравствуйте, дорогие мои! Ну, рассказывайте — деревья обрабатывали? Рассадку подкормили?* («Дача», 02.05.2020). Вопросы ориентированы на формирование общей апперцепционной базы¹, ощущения эмоциональной общности от проявляемой заботы, акцентуацию совместных интересов. В этом случае субъективность другого наиболее близка и оказывается частью реальности повседневной жизни [32].

Таким образом, теплое, интимно-личностное приветствие и/или обращение, позитивное эмоциональное пожелание, оформленные в дружески-неофициальном регистре, вопросы, касающиеся личного пространства, напоминают разговор близких людей. Целью вкрапления данных жанров в текстовую ткань познавательных передач является демонстрация дружеского отношения к зрителю-собеседнику, признание его частью большого сообщества (автомобилистов, дачников и т.д.), что активизирует удовольствие от принадлежности к группе, «общения» и совместных познавательных действий.

Переходя к следующей особенности конструирования познавательного телепространства (преимущественно релаксационной и гедонистической тематик: *досуг, красота и мода, путешествие*) как «зоны впечатления», заметим, что его архитектура часто выстраивается за счет информации, большую часть которой автор черпает из собственных впечатлений, ощущений и наблюдений. Познавательный текст отражает впечатление, которое производит знакомство с новым постигаемым (территорией, ловлей рыбы, блюдом и т.д.) на автора (путешественника, рыбака, повара и т.д.). В процессе представления особенностей местности, продуктов питания и т.д. автор стремится вызвать у зрителя чувственную реакцию (удовольствие), задействуя триггеры «Радость», «Красота». Положительные впечатления при этом передаются посредством эмоционально-оценочных коммуникативных действий:

- эмотивные лексические репрезентанты положительных физических ощущений и эмоциональных состояний, передающих ощущения и впечатления автора: *Вот за что я люблю взбитую в блендере картошку!* («Белорусская кухня», 2019); *Ощущения очень приятные. Очень радостное настроение, потому что дача — это когда уголок у тебя на земле, где ты отдыхаешь где тебе радуются, ты радуешься, любишься* [Дача, 8.08.16];

- эстетическая, эмоциональная и гедонистическая оценки, фиксирующие субъективно-оценочное восприятие объекта наблюдений (ландшафт, архитектура и т.д.): *Красота-то какая! И дышится иначе совсем* («Маршрут построен, Заславль», 2018); *Жители этого городка — люди счастливые* («Города Беларуси», 18.02.20); *Ощущения очень приятные!* («Дача», 08.08.16).

В этом случае формируется коммуникативный контакт между автором и адресатом, представляющий собой основной катализатор эмоционально-чувственного «заражения», сопровождающего рациональное познание.

¹ Под общностью апперцепционной базы имеется в виду одинаковое понимание коммуникантов того конкретного момента, когда происходит коммуникация [31. С. 56].

Эмоциональное заражение в познавательном тексте направлено на реализацию функций формирования позитивного отношения к объекту высказывания и убеждающего воздействия. Указанные выше репрезентанты ощущений и впечатлений активизируют социально-психологический механизм передачи эмоционального настроения зрителям. Так, например, города, пейзажи родной страны представляются на экране как красивые, впечатляющие и достойные посещения, вызывающие эмоцию радости, удовольствия; еда — вкусная, лакомая и обязательно любимая. Ожидается, что данные эмоции и ощущения возникнут и у зрителя, стоит ему только побывать в этих местах и попробовать данные блюда.

Как видим из примеров, для моделирования положительных эмоций в познавательном тексте используются довольно стандартные лексические средства. Достаточно редко познавательный текст с релаксационной и гедонистической тематиками организуется при помощи тропов, усиливающих художественную выразительность и образность текста. В случае их употребления они также достаточно штампованные, например, природные метафоры: *море впечатлений, море восторга*; олицетворение: *вас порадуят клумбы/цветы/блюда*. Предпочтение отдается обобщенным выражениям эмоций и ощущений: *прекрасный, величественный, удивительные места, вкусный, лакомство, радоваться, я люблю, красота*. Они позволяют журналисту не просто доступно объяснить и информировать, но и адресату почувствовать себя частью большого информационного сообщества, которое «говорит» на его языке, делает знание понятным, несложным и, помимо этого, формирующим настроение и впечатления.

Конструирование познавательного телепространства как регулятора настроений и эмоций

Обратим внимание на тот факт, что в ряде случаев акценты познавательного текста ориентированы на снятие в ходе познания эмоционального напряжения, беспокойства и неуверенности, свойственные современному человеку. Эмоционально-чувственная модальность (преимущественно в рамках тематики *здоровье, вождение автомобиля, красота и мода*) может развиваться в пределах определенного познавательного текста по принципу маятника — от активизации спектра негативных эмоциональных состояний (страх, тревога, растерянность) к позитивным; от моделирования неприятных (часто физических) ощущений к ощущению удовлетворенности от знания способов решения проблемы. Важное значение в этом случае приобретает определенный композиционный режим познавательного текста. Так, ядром консультативно-инструктивных и информативно-демонстративных жанров является инвариантная семантическая структура: *постановка проблемы — точки зрения — решение проблемы*. Например, *куда пойти отдохнуть — обсуждение экспертов (специалистов) — варианты решения; как определить уровень психической тревожности — обсуждение экспертов (специалистов) — решение*.

При этом наиболее эмоционально насыщенными являются семантические компоненты текста *постановка проблемы* и *решение проблемы*. Иллюстрируем данное положение на примере текстов, посвященных теме *здоровья*, которые демонстрируют наиболее высокий градус эмоционального накала.

Развертывание эмоционально-чувственной модальности в текстовом компоненте *постановка проблемы* начинается посредством активной эксплуатации двух групп триггера «Опасность»: 1) негативно-оценочные лексемы; 2) статистические данные, моделирующие негативные эмоции. С их помощью автор как мозаику складывает пугающую картину болезни.

Ключевыми лексическими триггерами «Опасности» являются, прежде всего, перцептивная лексика, описывающая физические ощущения: *неприятный, малоприятный, невыносимый, трудный, мучительный, дискомфортный, резкий, колющий, замученный, мучать*; лексика опасности: *опасный, вредный, коварный*; смерти: *умирать, летальный исход*; медицинские термины, содержащие эмотивный компонент: *давать серьезные осложнения, поражает*; эмотивные дескриптивные лексемы: *страшный (фактор риска, болезнь), печальный (исход, статистика)*; глаголы препятствия в сочетании с лексикой, номинирующей ценности: *мешает жить, работать, (обменные процессы, жизнь) нарушается: Это невыносимо. Когда кто-то за тебя держит ложку, помогает одеться, встать. Жить трудно. Да и зачем? Это мучения* («Здоровье», 20.06.20).

Негативные смыслы концентрируются в пугающих статистических данных, помещенных в окружение лексики, номинирующей заболевания или опасные следствия: *Из статистики следует, что 9 человек из 10 являются носителями ВПЧ. Доказано, что, действительно, 90% населения имеют в организме вирус папилломы человека. Речь идет об онкопотенности определенных штаммов* («Здорово здоровым быть», 15.01.20).

Далее смысловое развертывание осуществляется по эмоциональной шкале от знака «минус» к знаку «плюс» в рамках семантического компонента *решение проблемы*: (постановка проблемы): (–) *Резкая, мучительная боль в мышцах — состояние, которое знакомо каждому. Оно мешает двигаться, работать, спать и просто жить. Почему оно возникает? И как избавиться? ... В нашем организме все обменные процессы тесно связаны между собой и если хотя бы один из них нарушается, это молниеносно отражается на нашем здоровье* (решение проблемы): (+) *Но, к счастью, в современном мире есть огромное количество приспособлений, который позволяют контролировать параметры нашего организма ... Опытные специалисты помогут вам ...* (Здоровье, 20.06.20). Как видим, триггер «Опасность» нейтрализуется триггерами «Безопасность/Защищенность» и «Уверенности в будущем», которые продуцируют ощущения удовлетворения, безопасности через разветвленную сеть глагольной лексики: инфинитив, личные формы глагола, глагольные формы будущего времени. Так автор изображает эффективную систему действий врачей и медицины, стимулируя в итоге положительную социальную активность аудитории, так как имплицитно реализуется идея

«в сложной ситуации вам помогут». Например, высокой плотностью обладают глаголы семантики облегчения: *спасать, избавить, вернуться (к нормальной жизни)*; контроля и превентивности, нацеленные на фиксацию в сознании телезрителя идеи «все находится под контролем врачей, медицины»: *предотвратить, контролировать, взять под контроль, определить (стратегию лечения, здоровой жизни)*. Положительный исход решения проблемы репрезентируется прилагательными, описывающими положительные ощущения: *приятный, сладостный*. Заданный хронотоп текстов варьируется, однако ему в большинстве случаев соответствует будущее, иногда настоящее время глагольных форм, которые позволяют нарисовать позитивную, даже идеальную картину будущего. Субъектами действия выступают *высокие технологии в медицине, специалисты*, характеризуемые лексикой интеллектуальной оценки: *опытные, высококвалифицированные*, национально идентифицирующим местоимением *наши: наши доктора, наши специалисты*.

Следовательно, речевая специфика познавательных медиатекстов о здоровье заключается в том, что осведомление аудитории о болезнях, проблемах со здоровьем реализуется через эмоциональное «вчувствование», при котором адресату предлагается «прожить», т.е. физически и эмоционально ощутить болезненные и психологическое состояния описываемой болезни. Организуемое семантическое пространство опасности, болевых ощущений реализовывает функцию убеждающего воздействия, так как нацелено на убеждение адресата в необходимости того или иного действия, призвать к его осуществлению. Например, вовремя проходить медицинское обследование или использовать больше здоровых продуктов при лечении сердечно-сосудистой системы. При этом автор избегает назидательности. Развертывание текстового пространства по схеме «минус (Опасность) — плюс (Безопасность)» нацелено на организацию психологического равновесия в обществе, создание спокойного фона в сложных, проблемных ситуациях, а также формирование моделей поведения в сложных ситуациях. Отсюда следует вывод, что познавательные тексты тематических групп *здоровье* выполняют социально-стабилизирующую функцию и функцию регулирования поведения медиааудитории.

Заключение

Важной характеристикой познавательного текста (инструктивно-консультативных и информационно-демонстративных жанров) является организация процесса познания через эмоционально-чувственное переживание (радость, страх, физические ощущения, удовольствие). Самая обыденная деятельность (физические упражнения, работа на даче, приготовление еды и т.д.) в текстовом пространстве телевидения превращается в позитивное, незабываемое впечатление, которое медиапотребитель может перенести в собственную повседневную деятельность. Одновременно с этим познавательные тексты, тематика которых связана с опасными для человека ситуациями, конструируются на основе эмоционально-чувственной модальности, раскачивающей эмоции зрителя

от негативных до положительных. Создание такой разнообразной эмоциональной тональности нацелено на формирование положительного отношения к конкретным действиям по оздоровлению, стимулирование соблюдения правил здорового образа жизни общества. Следует заметить разнообразие триггеров потребностно-мотивационной сферы, продуцирующих положительные впечатления (удовольствие), которые, в свою очередь, эксплицируются довольно скудным, шаблонным репертуаром языковых средств. Напротив, негативная эмоционально-чувственная модальность получает более разнообразное языковое оформление при ограниченном наборе триггеров, моделирующих ее. Этот факт можно объяснить особенностью воздействия эмоций на память: негативные эмоции более стабильны, лучше запоминаются и дольше хранятся в памяти, а также больше шокируют человека, чем положительные.

Библиографический список

1. Lane R. The decline of politics and ideology in a knowledgeable society // American sociological rev. 1966. Vol. 31. № 5. P. 649—662.
2. Лопастейский С.А. Знание как стратегический ресурс: методологические аспекты исследования // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 47—50. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-1-47-50
3. Алексеева И.Ю. Общество знаний и гуманитарные технологии // Философия науки и техники. 2011. Т. 16. № 1. С. 274—288.
4. Шамардин Н.Н. «Общество знаний»: философско-методологическая критика понятия // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. 2015. № 14 (211). Вып. 33. С. 185—192.
5. ЮНЕСКО. К обществам знания. Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (дата обращения: 1.11.2017).
6. Villalba E. The concept of knowledge for a knowledge-based society from knowledge to learning. European Commission. Luxembourg: Office for Official Publications and of the European Communities, 2007. DOI: 10.1201/9781420041125.ch5
7. Делокаров К.Х. Является ли «общество, основанное на знаниях», новым типом общества? // Концепция «общества знания» в современной социальной теории. М.: ИНИОН, 2010. С. 11—38.
8. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005.
9. Бровкина А.Р. Роль знаний в современном мире // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. Философские науки. 2012. № 1. С. 150—155.
10. Суворова С.П. Реализация просветительской функции журналистика на страницах современных общероссийских журналов // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 6. С. 11—15.
11. Хангельдиева И.Г., Богданова Е.М. Эдьютеймент: от телевизионного формата до современных социальных и образовательных // Культура и образование в современном обществе: стратегии развития и сохранения: сб. науч. ст. по матер. всеросс. науч. конфер. междунар. участ. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 190—201.
12. Щербакова Г.И., Ульянов М.А. Научно-популярная публикация в СМИ: проблема теоретического обоснования // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 1. Т. 1. С. 182—190.
13. McQuail D. Mass Communication Theory. London: Sage, 2002.
14. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М.: Вильямс, 2004.
15. Юрнов М.Ю. Эмоциональная атмосфера общества как объект политологического исследования // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 85—98.

16. *Guadagno R.E., Rempala D.M., Murphy S., Okdie B.M.* What makes a video go viral? An analysis of emotional contagion and Internet memes // *Computers in Human Behavior*. 2013. Vol. 29(6). P. 2312—2319. DOI: 10.1016/j.chb.2013.04.016
17. *Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: Питер, 2001.
18. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/rubin01/txt34.htm>. (дата обращения: 27.04.2021).
19. *Рубцова Н.* Психологические триггеры. Режим доступа: <https://psymod.ru/psikhologiya-obshcheniya/2469-trigger-v-psihologii.html#hmenu-1> (дата обращения: 14.08.2020).
20. [psikhologii.html#hmenu-1](https://psymod.ru/psikhologii.html#hmenu-1) (accessed: 14.08.20). (In Russ.).
21. *Хмара Г.И.* Проблемы социологии печати. История, методология, методика. Новосибирск: Наука, 1969.
22. *Богомолова Н.Н.* Социальная психология массовой коммуникации. М.: Аспект Пресс, 2008.
23. *Грушин Б.А., Оников Л.А.* Массовая информация в советском промышленном городе. Опыт комплексного социологического исследования. М.: Политиздат, 1980.
24. *Назаров М.М.* Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М.: Аванти плюс, 2003.
25. *Шерковин Ю.А.* К вопросу о природе и функциях массовой коммуникации в современных условиях. Кяэрику-1, Тарту, 1967.
26. *Гегелова Н.С.* Научно-популярное телевидение на российских телеканалах: реалии и проблемы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 3. С. 544—552.
27. *Карпенко И.И., Сабылинская О.А.* Эдьютейнмент как метод подачи информации в практике телевизионного вещания // *Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки*. 2016. № 14(235). Вып. 30. С. 75—87.
28. *Maslow A.* Self-actualizing and Beyond. Режим доступа: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED012056.pdf> (дата обращения: 14.08.2020).
29. *Костенко Е.П., Михалкина Е.В.* Проблема мотивации в теории А.Х. Маслоу. Режим доступа: <https://smekni.com/a/198605-3/problema-motivatsii-v-teorii-akh-maslou-3/> (дата обращения: 12.04.20).
30. *Самсонов Р.М.* Сопричастность как психологическая категория // *Материалы IV Всесоюзного съезда*. Тбилиси, 1971. С. 292—295.
31. *Каминская Т.Л.* Структура категории «образ адресата массовой коммуникации» // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008. № 12. С. 47—55.
32. *Фрумкина Р.М.* Психолингвистика. М.: Академия, 2003.
33. *Красикова Т.Р.* Проблема конструирования социальной реальности в теории массовой коммуникации. Режим доступа: <http://www.discourseanalysis.org/archive.shtml> (дата обращения: 2.09.20).

References

1. Lane, R. (1996). The decline of politics and ideology in a knowledgeable society. *American sociological review*, 31, 5, 649—662.
2. Lopasteyskiy, S.A. (2018). Knowledge as a Strategic Resource: the Methodological Foundations of Research. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogics*, 18(1), 47—50. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-1-47-50 (In Russ.).
3. Alekseyeva, I.Yu. (2011). Society of knowledge and humanitarian technologies. *Philosophy of Science and Technology*, 16(1), 274—288. (In Russ.).
4. Shamardin, N.N. (2015). «Knowledge Society»: philosophical and methodological criticism of the concept. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Serie. Philosophy. Sociology. Law*, 14(211), 33, 185—192. (In Russ.).
5. UNESCO. Knowledge societies. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001418/141843r.pdf> (accessed: 1.11.2017). (In Russ.).

6. Villalba, E. (2007). *The concept of knowledge for a knowledge-based society from knowledge to learning*. European Commission. Luxembourg. Office for Official Publications and of the European Communities. DOI: 10.1201/9781420041125.ch5
7. Delokarov, K.H. (2010). Is the Knowledge-Based Society a new Type of Society? In: *Knowledge Society Conception in the Modern Social Theory*. Moscow: INION. (In Russ.).
8. Luman, N. (2005). *Massmedia Reality*. Moscow: Praksis. (In Russ.).
9. Brovkina, A.P. (2012). The Role of Knowledge in the Modern World. *New Word in Science and Practice: Hypothesis and Evaluation of Results. Philosophic sciences*, 1, 150—155. (In Russ.).
10. Suvorova, S.P. (2006). Implementation of the educational function of journalism on the pages of modern all-Russian magazines. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 10(6), 11—15. (In Russ.).
11. Khangel'diyeva, I.G. & Bogdanova, Ye.M. (2013). Edutainment: from television format to modern social and educational. In: *Culture and education in modern society: strategies for development and preservation: collection of articles*. Krasnodar: Ekoinvest. pp. 190—201. (In Russ.).
12. Shcherbakova, G.I. & Ul'yanov, M.A. (2018). Popular science publication in the media: the problem of theoretical substantiation. *Vestnik of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev*, 1(1), 182—190. (In Russ.).
13. McQuail, D. (2002). *Mass Communication Theory*. London: Sage.
14. Bryant, J. & Thompson, S. (2004). *Basics of media exposure*. Moscow: Williams. (In Russ.).
15. Yurnov, M.Yu. (2007). The emotional atmosphere of society as an object of political science research. *Social Sciences and Contemporary World*, 3, 85—98. (In Russ.).
16. Guadagno, R.E., Rempala, D.M., Murphy, S. & Okdie, B.M. (2013). What makes a video go viral? An analysis of emotional contagion and Internet memes. *Computers in Human Behavior*, 29(6), 2312—2319. DOI: 10.1016/j.chb.2013.04.016
17. Bekhterev, V.M. (2001). *Suggestion and its role in public life*. Saint Petersburg: Peter. (In Russ.).
18. Rubinstein, S.L. *Fundamentals of General Psychology*. URL: <http://psylib.org.ua/books/rubin01/txt34.htm> (accessed: 27.04.21). (In Russ.).
19. Rubtsova, N. *Psychological triggers*. URL: <https://psymod.ru/psikhologiya-obshcheniya/2469-trigger-v-psichologii.html#hmenu-1> (accessed: 14.08.20). (In Russ.).
20. Hmara, G.I. (1969). *Problems of the sociology of the press. History, methodology, technique*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).
21. Bogomolova, N.N. (2008). *Social psychology of mass communication*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.).
22. Grushin, B.A. & Onikov, L.A. (1980). *Massive information in the Soviet industrial city. The experience of a comprehensive sociological research*. Moscow: Politizdat. (In Russ.).
23. Nazarov, M.M. (2003). *Mass communication and society. Introduction to theory and research*. Moscow: Avanti plus. (In Russ.).
24. Sherkovin, Yu.A. (1967). *On the question of the nature and functions of mass communication in modern conditions*. Kääriku-1. (In Russ.).
25. Gegelova, N.S. (2017) Scientific popular television on Russian TV channels: realities and problems. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22(3), 544—552. (In Russ.).
26. Karpenko, I.I. & Sabylynskaya, O.A. (2016). Edutainment as a method of presenting information in the practice of television broadcasting. *Scientific Bulletin. Series Humanities*, 14(235), 30, 75—87. (In Russ.).
27. Maslow, A. *Self-actualizing and Beyond*. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED012056.pdf> (accessed: 14.08.20).
28. Kostenko, E.P. & Mikhalkina, E.V. *The problem of motivation by A. Maslow*. URL: <https://smekni.com/a/198605-3/problema-motivatsii-v-teorii-akh-maslou-3/> (accessed: 02.09.20). (In Russ.).

29. Samsonov, R.M. (1971). Involvement as a psychological category. *Materials of the 4th All-Union Congress of Psychologists*, 292—295. (In Russ.).
30. Kaminskaya, T.L. (2008). The structure of the category “image of the addressee of mass communication”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 12, 47—55. (In Russ.).
31. Frumkina, R.M. (2003). *Psycholinguistics*. Moscow: Akademiya. (In Russ.).
32. Krasikova, T.R. *The problem of constructing social reality in the theory of mass communication*. URL: <http://www.discourseanalysis.org/archive.shtml>. (accessed: 02.09.20). (In Russ.).

Сведения об авторе:

Гладко Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации; Минский государственный лингвистический университет; *сфера научных интересов*: масс-медиа, медиакоммуникация, теледискурс, радиодискурс, речевое воздействие, убеждение; *e-mail*: glad_26@tut.by ORCID: 0000-0002-5268-960X. eLIBRARY SPIN-код: 4406-1449

Information about the author:

Marina A. Gladko, PhD of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Speechology and Communication Theory, Minsk State Linguistic University. *Research interests*: mass communication, media communication, television discourse, radio discourse, persuasion; *e-mail*: glad_26@tut.by ORCID: 0000-0002-5268-960X. eLIBRARY SPIN-code: 4406-1449

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-806-822
УДК 811.134.2:659.1:32

Научная статья / Research article

«Русский медведь» в испаноязычном медиадискурсе

Л.Л. Клещенко

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена,
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, д. 48
✉ ludmila.popova2011@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль «медвежьей» метафоры в испаноязычном политическом дискурсе. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, интенсификацией сотрудничества России со странами Латинской Америки, на результативность которого могут оказывать влияние стереотипы и политические символы. Во-вторых, растущей популярностью использования зооморфных метафор средствами массовой информации. Одним из неофициальных символов России, к которому часто обращаются как традиционные СМИ, так и социальные медиа, является медведь. Метафора Россия — **медведь** в настоящее время широко используется как в российских, так и в зарубежных периодических изданиях, карикатурах. Целью настоящей статьи является выявление специфики репрезентации образа России-медведя в ибероамериканском политическом масс-медийном дискурсе. Источником для анализа является испаноязычный медиадискурс (кейсы: украинский кризис 2014 г., венесуэльский кризис, военная операция России в Сирии, вмешательство России в выборы в Мексике). Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в русскоязычной научной литературе рассматриваются особенности использования медвежьей метафоры латиноамериканскими СМИ и социальными медиа. Автор приходит к выводу, что метафора Россия-медведь используется как во внутриполитической символической борьбе, так и во внешнеполитическом дискурсе. Специфика применения «медвежьей» метафоры в Латинской Америке определяется главным образом политическими ориентациями: так, левые традиционно рассматривают Россию как союзника, апеллируя к таким смыслам медвежьей метафоры, как сила, справедливость, способность стать защитником от агрессоров. В свою очередь, их оппоненты привлекают медвежью метафору для маркирования левых политиков как предателей национальных интересов. В данном контексте образ Медведя выполняет функцию символического пограничника. Соответственно, медвежья метафора может использоваться как для создания образа союзника и защитника, так и врага. Иberoамериканские СМИ обращаются к медвежьей метафоре преимущественно в заголовках и подзаголовках материалов, посвященных российской внешней политике, что позволяет привлечь внимание читателей к рассматриваемой теме.

Ключевые слова: образ медведя, медвежья метафора, русский медведь, образ России, антиамериканизм, политический дискурс, зооморфные метафоры

Финансирование. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, научный проект № 19-011-00748 ««Русский медведь» в современной символической политике: российский и западный контексты».

© Клещенко Л.Л., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.03.2021

Дата приема в печать: 15.05.2021

Для цитирования:

Клещенко Л.Л. «Русский медведь» в испаноязычном медиадискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 806—822. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-806-822

UDC 811.134.2:659.1:32

“Russian Bear” in the Spanish-Language Media Discourse

Liudmila L. Kleshchenko

The Herzen State Pedagogical University of Russia,
191186, Russian Federation, Saint Petersburg, Moika river embankment, 48 building 20
✉ludmila.popova2011@yandex.ru

Abstract. The article examines the role of the bear metaphor in the Spanish-language political discourse. The relevance of the study is due, firstly, to the intensification of cooperation between Russia and Latin American countries, the effectiveness of which can be influenced by stereotypes and political symbols. Secondly, the growing popularity of the use of zoomorphic metaphors by the mass media. One of the unofficial symbols of Russia, which is often addressed by both traditional media and social media, is the bear. The “Russian Bear” metaphor is now widely used in both Russian and foreign periodicals and cartoons. The purpose of this research is to identify the specifics of the representation of the image of Russia as a bear in the Ibero-American political mass-media discourse. The source for the analysis is a Spanish-language media discourse (cases: the 2014 Ukrainian crisis, the Venezuelan crisis, Russia’s military operation in Syria, Russia’s interference in the elections in Mexico). The scientific novelty of the study is that for the first time in the Russian-language scientific literature, the features of the use of the bear metaphor by Latin American media and social media are examined. The author concludes that the metaphor “Russian Bear” is used both in the internal political symbolic struggle and in the foreign policy discourse. The specifics of the use of the bear metaphor in Latin America are mainly determined by political orientations: for example, the left traditionally considers Russia as an ally, appealing to such meanings of the bear metaphor as strength, justice, and the ability to become a defender against aggressors. In turn, their opponents use a bear metaphor to label left-wing politicians as traitors to the national interest. In this context, the image of a Bear serves as a symbolic border guard. The bear metaphor can be used to create an image of an ally and defender, as well as an enemy. The Ibero-American media turn to the bear metaphor mainly in the headlines and subheadings of materials devoted to Russian foreign policy, which allows them to draw readers’ attention to the topic under consideration.

Keywords: bear image, bear metaphor, “Russian Bear”, the image of Russia, anti-Americanism, political discourse, zoomorphic metaphors

Acknowledgment:

This research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research, research project No. 19-011-00748 «‘Russian bear’ in modern symbolic politics: Russian and Western contexts».

Article history:

Received: 01.03.2021

Accepted: 15.05.2021

For citation:

Kleshchenko, L.L. (2021). “Russian bear” in the Spanish-language Media Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 806—822. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-806-822

Введение

Во второй декаде XXI века происходит интенсификация сотрудничества России с рядом стран Латинской Америки, чему могут способствовать или препятствовать установки и стереотипы в отношении России и россиян, актуализируемые в публицистическом дискурсе. В силу географической отдаленности региона роль СМИ в формировании образа России особенно велика, для латиноамериканцев пресса зачастую является единственным источником информации о России. Как отмечают исследователи, позитивный имидж государства способствует как достижению поставленных внешнеполитических целей, так и продвижению национальных интересов [1. С. 138]. Медийный образ страны в современном мире является инструментом «мягкой силы» и способен оказывать влияние, среди прочего, на процесс принятия политических решений, что обуславливает интерес к изучению репрезентаций России в странах Латинской Америки и Испании.

Особую роль в формировании образа России в Иberoамерике играет метафора Россия-медведь, которая встречается как в традиционных СМИ, так и в социальных медиа. Кроме того, в настоящее время медвежья метафора используется не только в публицистическом, но и в научном дискурсе [2], что свидетельствует о росте популярности медведя как одного из символов России.

Исследования медвежьей метафоры России интенсивно развиваются последнее десятилетие: вначале в области истории [3; 4] и изучения внутривнутриполитической борьбы в современной России [5]; в дальнейшем исследования велись в сфере международной политики, военной пропаганды, национализма [6—9 и др.]. Особо отметим те публикации, в которых предметом анализа становилась национальная специфика функционирования медвежьей метафоры России [10—12]. Между тем вопрос об образе России как медведя в странах Латинской Америки не рассматривался ни отечественными, ни, насколько нам известно, зарубежными исследователями.

В испаноязычном политическом дискурсе медвежья метафора используется в контексте таких тем, как противостояние России и США, грузино-южноосетинский конфликт, конфликт в Украине, венесуэльский кризис, военная операция России в Сирии, дело Скрипалей, дело Навального, вмешательство России в выборы в Мексике и в США. Одной из популярных форм изображения России как медведя является политическая карикатура. Карикатуры с медведем зачастую выступают комментарием к действиям России на международной арене.

Целью настоящей статьи является выявление специфики репрезентации образа России-медведя в ибероамериканском политическом масс-медийном дискурсе. Масс-медийный политический дискурс создается преимущественно профессиональными журналистами, но в нем так или иначе могут отражаться коммуникативные практики политиков и даже рядовых граждан [13. С. 92]. Соответственно, источником для анализа в настоящем исследовании является испаноязычный медиадискурс (кейсы: украинский кризис 2014 г., венесуэльский кризис, военная операция России в Сирии, вмешательство России в выборы в Мексике).

Метафора в политическом дискурсе

Теория концептуальной метафоры получила развитие в трудах таких исследователей, как Дж. Лакофф и М. Джонсон, П. Чилтон, М. Франковска, Н. Хоув, О. Санта Ана, А. Мусолфф, Дж. Тэйлор и др. Согласно данному методологическому подходу, метафора — один из способов познания и структурирования окружающего мира. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, понятийная система носит метафорический характер, а повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорами [14]. Согласно А. Мусолфф, метафоры в политическом дискурсе способны эволюционировать, взаимодействуя со средой [15].

В сфере политики метафора призвана воздействовать на сознание реципиента с целью его корректировки согласно определенному мнению о каком-либо событии, явлении, политическом акторе. В этом смысле метафора обладает манипулятивным потенциалом: метафора способна оказывать влияние на трансформацию ценностных и мировоззренческих ориентиров аудитории. Метафора экономит когнитивные усилия реципиента информации, создавая понятные и простые устойчивые образы. Специфика восприятия метафоры, способной упрощать рецепции сложных ситуаций и абстрактных понятий, обуславливает ее применение в сфере международных отношений.

Одним из видов концептуальных метафор, широко используемых в политическом дискурсе, являются зооморфные метафоры. Метафора «Россия-медведь» появляется в Западной Европе около пятисот лет назад и к XVIII в. становится признанной аллегорией страны как в Старом, так и в Новом Свете [4. С. 166]. Она может выступать атрибутом российского государства в целом, а может использоваться как средство персонификации России в образе ее лидера, когда в качестве медведя, символа России, изображается глава страны. Негативные коннотации образа медведя были на Западе более востребованы: агрессивность, отсталость, неспособность к прогрессу, дикость, жестокость медведя служили маркерами цивилизационных различий России и Запада [16. С. 324].

В последние десятилетия символ медведя начинает использоваться и в России, отношение к нему меняется. Если в советское время образ медведя эксплуатировался для характеристики особенностей восприятия страны ее

западными оппонентами, то в постсоветский период символ начинает использоваться и во внутривосточном дискурсе. При этом актуализируются такие смыслы медвежьей метафоры, как сила, независимость, миролюбие, добродушие, щедрость, удаля. Именно эти смыслы метафоры задействуются при репрезентации имиджа России в странах, где она воспринимается преимущественно как союзник. Следовательно, образ медведя амбивалентен, сочетает в себе как положительные, так и отрицательные смыслы, а потому может использоваться для конструирования как образов врага, так и союзника. Рассмотрим данные процессы на примере Латинской Америки и Испании.

«Русский медведь» и латиноамериканские левые — «дружба навек»

Образ медведя используется в странах Латинской Америки во внутривосточном дискурсе для акцентирования внимания на пророссийской ориентации того или иного политика (действительной или мнимой) его оппонентами. Среди латиноамериканских президентов чаще всего в подобных симпатиях обвиняют президентов Мексики (Андрес Мануэль Лопес Обрадор (2018 г. — наст. вр.) и Венесуэлы (Николас Мадуро (2013 — наст. вр.)). Так, например, широкое распространение в 2018 году получила серия карикатур на Лопеса Обрадора, поводом к созданию которой стали заявления СМИ о вмешательстве России в мексиканские выборы¹. В свою очередь, конкурирующие с Морена (*Movimiento Regeneración Nacional*), партией, созданной Л. Обрадором, Институционально-революционная партия (*Partido Revolucionario Institucional*, ПРИ)) и Партия национального действия (*Partido Acción Nacional*, ПАН), обвиняли лидера Морена в получении финансовой помощи из России. На это Обрадор отвечал: “*Estoy esperando que emerja el submarino ruso en el puerto de Veracruz porque me trae el oro de Moscú, ya soy Andresmanuelovich. Ahora vivo del oro de Moscú*” (“Жду появления русской подводной лодки в порту Веракрус, привозящей мне золото из Москвы, я же Андреас Мануэлович. Теперь живу на московском золоте”). После этого за новым президентом закрепилось ироническое прозвище ‘*Андреас Мануэлович*’. Необходимо отметить, что использование данного стилистического приема — сочетания с исконным испанским корнем славянской морфемы — имеет место и по отношению к президенту Венесуэлы [17. С. 49]. В данном контексте в испаноязычных социальных медиа встречаются сочетания образа Лопеса Обрадора с символами России, такими как папаха, водка, матрешка и государственная символика Советского Союза, а также медведем: образ президента Мексики интегрирован в уже известную карикатуру с изображением

¹ См. напр.: Campaña rusa de desestabilización podría llegar a México. Режим доступа: <https://www.semana.com/mundo/articulo/intervencion-de-rusia-en-los-procesos-electorales-de-mexico/553406/> (дата обращения: 10.10.2020).

президента России В. Путина верхом на медведе на фоне картины И. Шишкина «Утро в сосновом лесу»².

Рис. 1. Карикатурное изображение Лопеса Обрадора и Владимира Путина, milenio.com
Fig. 1. Caricature of Lopez Obrador and Vladimir Putin, milenio.com

Другим примером использования образа медведя в качестве маркера политической несамостоятельности лидеров, предположительно аффилированных с Россией, дает изображение Николаса Мадуро в объятиях медведя с головой В. Путина, вытрясающего из венесуэльского президента нефть и золото³.

EL ABRAZO DEL OSO RUSO A MADURO

Рис. 2. Карикатурное изображение Николаса Мадуро и Владимира Путина, elmundo
Fig. 2. Caricature of Nicolas Maduro and Vladimir Putin, elmundo

² los-memes-del-camarada-manuelovich. Режим доступа: <https://www.milenio.com/politica/los-memes-del-camarada-manuelovich?image=1> (дата обращения: 10.10.2020).

³ Nuevo mejor amigo. Режим доступа: <https://www.elmundo.com/noticia/Nuevo-mejor-amigo/375404> (дата обращения: 10.10.2020).

Карикатура опубликована в колумбийском издании либеральной ориентации *El Mundo* в 2018 году. «Медвежьи объятия» (*'bear hug'*) в экономическом контексте подразумевают ситуацию поглощения одной компанией другой после покупки контрольного пакета ее акций. Экономическое значение «медвежьих объятий» в политическом контексте подразумевает утрату или угрозу утраты суверенитета, потерю контроля над экономическими ресурсами государства. На карикатуре Н. Мадуро, размеры которого более чем вдвое уступают размерам медведя, взамен на ресурсы получает небольшой мешок рублей.

Похожее изображение публикует перуанская *El Comercio*: огромный медведь с лицом Путина сжимает в объятиях Мадуро⁴.

Рис. 3. Карикатурное изображение Николаса Мадуро, Владимира Путина и Си Цзиньпина, elcomercio.pe

Fig. 3. Caricature of Nicolas Maduro, Vladimir Putin and Xi Jinping, elcomercio.pe

Рядом стоит куда более скромный по размерам китайский лидер Си Цзиньпин. Изображение, впервые опубликованное аргентинской *La Nacion*, появилось в связи с обсуждением российского военного присутствия в Венесуэле, в связи с которым автор статьи в *El Comercio* проводит параллели между текущей ситуацией и Карибским кризисом. Несмотря на то, что в статье автор подчеркивает, что российско-венесуэльское сотрудничество имеет три измерения: военное, экономическое и геостратегическое, материал иллюстрирован изображением медведя, олицетворяющим такое медвежье качество, как сила, которую подчеркивает как его исполинский размер, так и большие острые когти. В отношениях с Китаем, напротив, подразумевается, что именно финансовый аспект играет ведущую роль: китайский лидер

⁴ Guerra fría y negocios calientes, la agenda de Rusia en Venezuela. Режим доступа: <https://elcomercio.pe/mundo/venezuela/crisis-venezuela-sociedad-riesgo-guerra-fria-negocios-calientes-agenda-rusia-caracas-noticia-621945-noticia/?ref=ecr> (дата обращения: 10.10.2020).

изображен с кассовым терминалом, символизирующим возрастающую зависимость венесуэльской экономики от китайской финансовой помощи и кредитов. Особая роль китайских и российских инвестиций, а также военного сотрудничества России с Венесуэлой обуславливает повышенное внимание к отношениям с этими странами, в том числе находящее отражение в сатирической графике. Отметим, что медведь медведю рознь. Не всякий медведь, образ которого используется в испаноязычных медиа, символизирует Россию. Необходимо различать русского медведя и диснеевского Винни-Пуха, в виде которого карикатуристы нередко изображают Си Цзиньпина.

Чаще всего «русский медведь» в сатирической графике запечатлен не один, а вместе с президентом России: например, любимым сюжетом художников является изображение Путина верхом на медведе⁵.

Рис. 4. Путин и медведь, www.elespanol.com
Fig. 4. Putin and the Bear, www.elespanol.com

По-видимому, этот образ символизирует силу самого президента России, который подчинил себе столь грозное животное. Широкое распространение в социальных сетях получила карикатура венесуэльского художника по поводу переговоров В. Путина с Н. Мадуро в декабре 2018 года⁶: венесуэльский лидер разрезает свою страну на куски, спрашивая Путина, какой кусок дать ему.

Автор конструирует негативные образы обоих политиков, изображая их с гипертрофированными чертами лица, кроме того, венесуэльский лидер имеет определенные черты сходства с кабаном (нос, уши, клыки). Медведь здесь второстепенный персонаж, который используется для демонстрации дистанции между двумя лидерами (Путин — верхом на медведе, Мадуро — пешком). Зооморфные метафоры в данном случае выполняют функцию дегуманизации оппонентов.

⁵ См. напр.: Paolo Fava. “Putin es inmortal”: así se gana la guerra fría de los memes. Режим доступа: https://www.elespanol.com/mundo/20151217/87491260_0.html (дата обращения: 10.10.2020).

⁶ Chinocaricatura. Режим доступа: <https://twitter.com/chinocaricatura/status/1071448229353570310?lang=gl> (дата обращения: 10.10.2020).

@chinocaricaturas.

@chinocaricatura.

Facebook.com/chinocaricaturas.

Рис. 5. Карикатурное изображение Николаса Мадуро и Владимира Путина, Chinocaricatura
Fig. 5. Caricature of Nicolas Maduro and Vladimir Putin, Chinocaricatura

О хитром «русском медведе» и недалеких Мадуро и Чавесе, променявших венесуэльскую долю на мировом рынке нефти на «военный металлолом», пишет оппозиционное венесуэльское издание *El Nacional*. Статья о коварстве «русского медведя»: «россияне захватили без выстрела каждый сантиметр, оставленный *PDVSA*»⁷, пользуясь страхом авторитарных правительств перед насильственным свержением. В целом, латиноамериканские СМИ используют образ медведя, чтобы подчеркнуть «особые отношения» Москвы и Каракаса. Тема «медвежьих объятий» не обошла стороной и испанские медиа, в частности, каталонское издание *Vanguardia* проводит аналогию между советско-кубинскими отношениями периода Холодной войны и современными российско-венесуэльскими (о Мадуро): «Крах экономики и, как следствие, нехватка продовольствия и медикаментов... не позволяют ему отказаться от *объятий русского медведя*»⁸.

Таким образом, можно заключить, что образ медведя во внутривнутриполитической борьбе привлекается для дифференциации «своих» и «чужих», и выполняет в этом смысле роль символического пограничника, различая «независимые» политические силы от тех, кто позиционируется как проводник интересов иностранной державы, поддерживающий политику ее экспансии. Использование медвежьей метафоры в таком контексте сопряжено с мифологемой борьбы

⁷ El oso ruso ve para otro lado. Ramón Hernández -May 21, 2019. Режим доступа: https://www.elnacional.com/opinion/columnista/oso-ruso-para-otro-lado_282828/ (дата обращения: 10.10.2020).

⁸ Venezuela puede ser una nueva Cuba. Xavier mas de Xaxas. Режим доступа: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20190201/46134773444/venezuela-cuba-rusia-faescrisis-institucional.html> (дата обращения: 10.10.2020).

за независимость, только роль испанских и американских эксплуататоров, в союз с которыми вступили национальные элиты, заменяет Россия.

Пробуждение «русского медведя» в зеркале ибероамериканских медиа

Медвежья метафора нередко используется как символ превосходства России и ее мессианской роли в мировой политике, в том числе в ироническом ключе. Так, большой резонанс в мировых СМИ, в том числе латиноамериканских, получила новость о создании российской вакцины от Covid-19. Критически настроенные по отношению к России издания подчеркивали, что препарат не прошел необходимые испытания. Миссия России в лице ее лидера по спасению планеты от вируса нашла отражение в карикатурном изображении В. Путина верхом на медведе, везущего за спиной огромный шприц с вакциной⁹.

Рис. 6. Путин, медведь и вакцина, adncuba.com
Fig. 6. Putin, the bear and the vaccine, adncuba.com

В качестве другого примера критического отношения к внешнеполитическим амбициям России можно рассматривать статью «*Бумажный медведь в Венесуэле*» — с таким заголовком оппозиционное венесуэльское издание опубликовало в 2019 году новость о расширении российского военного присутствия в этой стране. «*Бумажный медведь*» пытается казаться суровым, но никого всерьез не способен напугать: экономическое положение России не позволит ей вести войны вдали от собственных границ, цитирует издание испанскую *El País*.¹⁰

⁹ ¿Putin al rescate? Dudosa vacuna rusa contra el coronavirus podría ser producida en Cuba. Режим доступа: <https://adncuba.com/noticias-de-cuba/actualidad/putin-al-rescate-dudosa-vacuna-rusa-contra-el-coronavirus-podria-ser> (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁰ Joaquín Villalobos, a *El País*: El oso de papel en Venezuela. Режим доступа: https://htr.noticierodigital.com/2019/04/joaquin-villalobos-pais-oso-papel-venezuela/?__cf_chl_

Внешнеполитическая деятельность России, ее участие в конфликте с Украиной и Сирией, в латиноамериканском политическом дискурсе традиционно рассматривается через призму противостояния России с США — своего рода инерция мышления Холодной войны. Так, на карикатуре 2015 года свирепая Россия-медведь нападает в лесу на палатку, изгоняя из нее президента США¹¹. В ином контексте образ агрессивного животного способен вызвать у зрителя ужас, однако комплиментарный по отношению к России комментарий (*Al igual que un oso gigante del este. Las ovejas sueltas andan sin rumbo. Sin embargo, el gran oso ruso las cazara!* (‘Как гигантский медведь с востока. Рыхлые овцы бесцельно ходят. Однако большой русский медведь будет охотиться на них’) призван оправдать такое поведение. Карикатура транслировала позицию, согласно которой Украина стала ареной геополитического столкновения интересов России и США, а потому вмешательство России может быть обосновано необходимостью защиты соседа от американской экспансии. Идеологема американской агрессии проста и понятна в Латинской Америке, где бытовой антиамериканизм широко распространен. Таким образом, если герой — тот, кто «спасает невинную жертву и наказывает виновного от природы злодея» [18], Россия здесь даже в образе агрессивного медведя остается скорее героем, чем злодеем, и способна вызвать понимание больше, чем осуждение. Материал размещен на страницах в социальных сетях, аффилированных с коммунистической партией Мексики¹¹.

Рис. 7. Карикатурное изображение Барака Обамы и России-медведя, JesusRzPCM
Fig. 7. Cartoon image of Barack Obama and Russia-bear, JesusRzPCM

jschl_tk__=72ec37bda056d67695e7d3203529b93af7f4d760-1601207030-0-AWOXdDjSzW9yml
 O0B1lhXlPfhJwLiuStBn5XCciqnY9MCePq7QK6Bo2LUIKszLe2wOG7fDCwOBr2ehletSG4RE
 Jrn50wL5vReMHq5f38YI3s8nu9EXH44GnvmoQjAHMTtTHEnzP6h7-cpbJNaGM2t7lBuqqcB5
 WtTqRPXlhRY1zAZVJLsPmYqnFaBbDvqNasRmwwqVy9FSx2xkirobgu3FYHdr-EdkS7n-CgN
 ImZGP47rEF9sZcQPEmiLiwyh41uBIQ3ceT44fERck_vidNho_0-CIXj2d080tyYjNVEBFKURQJ
 sP970AdJDgVbIy4qIrdiVnvysdqO4SytfV7I9I6I (дата обращения: 10.10.2020).

¹¹ JesusRzPCM. Режим доступа: <https://twitter.com/JesusRzPCM> (дата обращения: 10.10.2020).

В свою очередь, латиноамериканские СМИ неоконсервативно-неолиберальной ориентации нередко копируют англоязычные карикатурные изображения России-медведя, заимствуя и их интерпретации: так, например, перуанское издание использует образ свирепой России-медведя, пожирающей Украину (карикатура *Durango Telegraph* 2014 года)¹².

Рис. 8. Карикатурное изображение Барака Обамы и России-медведя, *Durango Telegraph*
Fig. 8. Cartoon image of Barack Obama and Russia-bear, *Durango Telegraph*

Сам материал называется «*Медвежья объятия*» и рассказывает об экономической и военной поддержке Россией сепаратистских сил на постсоветском пространстве, имеющей целью укрепление Россией глобального влияния и восстановление территориальных границ СССР, при этом реакция международного сообщества на данные действия России сравнивается с Мюнхенским соглашением. Автор использует лексику с негативной коннотацией, отражающую агрессивный, по его мнению, характер российской политики: интервенции (*intervención*), прямые военные действия (*acciones militares directas*), многочисленные региональные конфликты (*múltiples conflictos regionales*).

Среди прочего медвежья метафора выступает символом «пробуждения», возрождения национальной мощи России после периода «спячки» и менее активного участия в международных делах в первые годы после распада Советского Союза¹³. Данный мотив можно проследить в публикации в консервативном испанском издании *Elindependiente* с подзаголовком «*уязвленная гордость русского медведя*»: Россия считает Украину своим «задним двором», а возмущение «медведя» вызывает тот факт, что геополитическое положение России после распада СССР сопоставимо с положением Германии после

¹² Juan Luis Denegri. El abrazo del oso. Режим доступа: <https://lucidez.pe/el-abrazo-del-oso/> (дата обращения: 10.10.2020).

¹³ T.G. Carpenter. EE.UU. y Rusia: Molestando al oso. Режим доступа: <https://www.elcato.org/eeuu-y-rusia-molestando-al-oso> (дата обращения: 10.10.2020).

Версальского мира¹⁴. Аналогичным образом, оппозиционное антикоммунистическое кубинское медиа *Cubamet* пишет, что «русский медведь никогда не зимует»¹⁵, имея в виду, что геополитические амбиции России не перестали существовать и после распада Советского Союза, а Кремль продолжал и продолжает поддерживать любые антиамериканские режимы. «Русский медведь» назван здесь коварным (*astuto oso ruso*): продавая оружие Венесуэле, он убивает двух зайцев: вооружает венесуэльский режим и избавляется от устаревшего оружия. «Русский медведь никогда не ложился в спячку: он стоял с широко открытыми глазами и ждал подходящего момента для удара»¹⁵. В том же ключе сила и жестокость «русского медведя» рассматриваются в статье *Infobae* «*El zarpazo del oso ruso ahora golpea a Libia*» («Удар медведя теперь поражает Ливию»):¹⁶ «русский медведь» обвинен во вмешательстве во внутренние дела другой страны в целях обеспечения собственных экспансионистских устремлений. Такие материалы формируют негативный образ России как империалистической державы, создаваемый с помощью милитаристской риторики, дополняемой метафорой «русский медведь», который фигурирует в данном контексте как символ агрессии и варварства.

О проснувшемся русском медведе писали и венесуэльские СМИ, в том числе, провластное издание *Телесур*¹⁷, однако, тональность публикаций совсем иная. Автор сравнивает американское военное вмешательство в Афганистане, Косово и Ливии с ситуацией в Украине: одно дело — вмешательство во внутренние дела заведомо более слабых противников, и совсем другое — тех стран, где есть кому дать достойный отпор. Россия-медведь здесь — строгий, но справедливый защитник малых стран от агрессии США и НАТО, а также поддерживаемых ими националистически настроенных радикалов. Автор использует контрастное противопоставление, в котором конструирование положительного образа России происходит за счет создания бинарной системы «защитник — враг», где позиция врага закреплена за США. Примечательно, что роль России в конфликте характеризуется как «необходимое вмешательство» (*necesaria intervención*): только оно способно обеспечить соблюдение международного права и противостоять гегемонии Запада. В другой статье издания о противостоянии России США и НАТО фигурирует страх перед «Русским медведем» (*El Temor al Oso Ruso*), российским вызовом,

¹⁴ Ana Alonso. Rusia y Ucrania, una guerra que amenaza a Europa. Режим доступа: <https://www.elindependiente.com/politica/2018/12/02/rusia-y-ucrania-una-guerra-que-amenaza-a-europa/> (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁵ Angelica Mora. El oso ruso nunca inverna. Режим доступа: <https://www.cubamet.org/colaboradores/el-oso-ruso-nunca-inverna/> (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁶ Gustavo Sierra El zarpazo del oso ruso ahora golpea a Libia. Режим доступа: <https://www.infobae.com/america/mundo/2019/11/10/el-zarpazo-del-oso-ruso-ahora-golpea-a-libia/> (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁷ Pablo Jofre Leal. Crimea: El Oso Ruso ha despertado. Режим доступа: <https://www.telesurtv.net/opinion/Crimea-El-Oso-Ruso-ha-despertado--20140319-0001.html> (дата обращения: 10.10.2020).

ставшим главным предметом обсуждения на Саммите НАТО в Ньюпорте (2014)¹⁸. Все планы НАТО в статье характеризуются как «американские провокации» и «политика хронической враждебности», в этой связи автор выражает надежду на «разворот» «медведя» к своим латиноамериканским партнерам. В то же время в испаноязычном пророссийском дискурсе медведь — это не только сила, но и терпение: так, каталонский корреспондент и блогер Rafael Poch-de-Feliu характеризует политику Запада: «снова и снова тычет пальцем в глаз русского медведя», имея в виду долготерпение медведя, который, хотя и является самым сильным зверем в лесу («путинская Россия вполне способна устранить противников»)¹⁹, долго не реагирует на провокации.

Однако, Россия — медведь не всегда противопоставляется именно США. В статье испанского think-tank *El Real Instituto Elcano* «Медведь и дракон: стратегическая связь между Россией и Китаем в постднополярном международном порядке»²⁰ «медведь» и «дракон» рассматриваются как оппоненты США, действующие разными методами, и, в то же время, соперничающие между собой. При этом противопоставление России и Китая строится на бинарных оппозициях: военная сила «медведя» — экономическая мощь «дракона», «развитие» (*potencia emergente*) Китая — вырождение (*decadente*) России.

Необычным примером обращения к образу России-медведя является статья в испанском издании *El Espectador* «Медвежья услуга»: Колумбия и российская политика (“*El favor del oso*”: Colombia y la política rusa)²¹. В статье идет речь об обращении Совета Федерации в Конгресс Колумбии в связи с венесуэльским кризисом, которое автор называет «медвежьей услугой», подчеркивая неуместность действий «медведя», который не способен своевременно реагировать на ситуацию. В рассмотренном примере образ России через призму медвежьей метафоры получает отрицательные коннотации: неуклюжесть, неповоротливость, медлительность.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что медвежья метафора используется как пророссийскими, так и антироссийскими политическими силами в Латинской Америке и Испании, в том числе в таких вариациях, как «медвежья

¹⁸ Pablo Jofre Leal. Política de cerco contra Rusia. Режим доступа: <https://www.telesurtv.net/bloggers/Politica-de-cerco-contr-Rusia-20200212-0001.html> (дата обращения: 10.10.2020).

¹⁹ Moscu y Berlín envenenan sus relaciones. Режим доступа: <https://rafaelpoch.com/> (дата обращения: 10.10.2020).

²⁰ Mira Milosevich-Juaristi. Oso y dragón: el vínculo estratégico entre Rusia y China en el orden internacional post unipolar. Режим доступа: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/riecano_es/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/europa/ari1-2019-milosevichjuaristi-oso-dragon-vinculo-estrategico-rusia-china (дата обращения: 10.10.2020).

²¹ Vladimir Rouvinski. “El favor del oso”: Colombia y la política rusa. Режим доступа: <https://www.elespectador.com/noticias/el-mundo/el-favor-del-oso-colombia-y-la-politica-rusa/> (дата обращения: 10.10.2020).

объятия», «медвежья услуга», «пробуждение медведя». В описываемых контекстах оказываются востребованы разные ее смыслы. Так, в неоконсервативно-неолиберальном дискурсе внешняя политика России-медведя характеризуется как агрессивная, деспотичная, жестокая. Левые силы, напротив, рассматривают медведя как сильного, свирепого, но справедливого борца за справедливость против американской экспансии во всем мире, а агрессивность медведя оправдывается вынужденностью подобных реакций, по аналогии с экспликациями медвежьей метафоры в российском политическом дискурсе. Медвежья метафора может использоваться как для создания образа союзника и защитника, так и врага. Ибероамериканские СМИ обращаются к медвежьей метафоре преимущественно в заголовках и подзаголовках материалов, посвященных российской внешней политике, что позволяет привлечь внимание читателей к рассматриваемой теме. Конструируемый ими образ России является неоднозначным и определяется во многом идеологическими ориентациями издания.

Библиографический список

1. Устинова О.В. Особенности репрезентации образа Канады в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 136—157. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-136-157
2. Scocozza C. El retorno del “Oso” a América Latina. La política rusa en Venezuela // Cultura Latinoamericana. 2019. № 30(2). P. 58—73.
3. Россомахин А.А., Хрусталеv Д.Г. Россия как Медведь: Истоки визуализации (XVI—XVIII века) // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2: Визуализация нации. Иваново: ИвГУ, 2008. С. 123—161.
4. Лазари А. де, Рябов О. В. Русский медведь в польской сатирической графике межвоенного периода (1919—1939) // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2: Визуализация нации. Иваново: ИвГУ, 2008. С. 162—182.
5. Рябов О.В. Охота на медведя: о роли символов в политической борьбе // Неприкосновенный запас. 2009. № 1. С. 195—211.
6. Рябова Т.Б. Медведь как символ России: социологическое измерение // «Русский медведь»: история, семиотика, политика. Под редакцией О.В. Рябова и А. де Лазари. М., 2012. С. 338—353.
7. Цыкалов Д.Е. Образ «русского медведя» в отечественной карикатуре периода первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917) // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 4. С. 68—80.
8. Рябов О.В. Медвежья метафора России как фактор международных отношений // Лингвокультурология. 2016. № 10. С. 315—333.
9. Смирнов Д.Г. Образ Русского медведя в системе российской экосемиотики: первое приближение // Вестник Ивановского государственного университета. 2020. Вып. 2 (20). С. 97—103.
10. Сала И.Г. Отголоски медвежьего рычания: Российская империя как белый медведь в испанской прессе // «Русский медведь»: история, семиотика, политика. Под редакцией О.В. Рябова и А. де Лазари. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 140—149.
11. Гайлите Г. Медведь и Латвия: образы латышско-российских отношений в карикатуре // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 4. С. 29—40.
12. Бабкина В.А. Медвежья метафора в дискурсе немецких СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11—3 (77). С. 60—62.
13. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2009.

14. Лаккофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387—415. Режим доступа: http://www.metaphor.nsu.ru/lacoff_1.htm (дата обращения: 10.10.2020).
15. Musolff A. Metaphor in political dialogue // *Language and Dialogue*. 2011. № 1(2). P. 191—206.
16. Кривоцова Л.А. Медведь в постсоветском искусстве: семантика и прагматика образа // «Русский медведь»: история, семиотика, политика. Под редакцией О.В. Рябова и А. де Лазари. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
17. Зернова Е.С. Лингвистическое моделирование внешнеполитического имиджа России в медийном пространстве Латинской Америки (на материале СМИ Венесуэлы, Мексики и Чили) // *Древняя и Новая Романия*. 2020. Выпуск 25. С. 42—64.
18. Лаккофф Дж. Метафора и война: Система метафор для оправдания войны в Заливе // Современная политическая лингвистика / под ред. Э.В. Будаева, А.П. Чудинова. Екатеринбург: УрГПУ, 2006. С. 59—71. Режим доступа: www.philology.ru/linguistics1/lakoff-06.htm (дата обращения: 10.10.2020).

References

1. Ustinova, O.V. (2018). The representation of Canada in political discourse. *RUDN Journal of Language Studies Semiotics and Semantics*, 9(1), 136—157. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-136-157 (In Russ.).
2. Scocozza, C. (2019). El retorno del “Oso” a América Latina. La política rusa en Venezuela. *Cultura Latinoamericana*, 30(2), 58—73. (In Spanish).
3. Rossomakhin, A.A. & Khrustalev, D.G. (2008). Russia as a Bear: The Origins of visualization (XVI—XVIII centuries). In: *Borders: Almanac of the Center for Ethnic and National Studies of IVSU*. Issue 2: Visualization of the nation. Ivanovo: IVSU. pp. 123—161. (In Russ.).
4. Lazari, A. de & Ryabov, O.V. (2008). Russian Bear in Polish satirical graphics of the interwar period (1919—1939). In: *Borders: Almanac of the Center for Ethnic and National Studies of IVSU*. Issue 2: Visualization of the nation. Ivanovo: IVSU. pp. 162—182. (In Russ.).
5. Riabov, O.V. (2009). Hunting the bear: on the role of symbols in the political struggle. *Emergency reserve*, 1, 195—211. (In Russ.).
6. Riabov, T.B. (2012). The bear as a symbol of Russia: the sociological dimension. In: “*Russian Bear*”: history, semiotics, politics, O.V. Ryabov and A. de Lazari (eds.). Moscow. pp. 338—353. (In Russ.).
7. Tsykalov, D.E. (2013). The image of the “Russian bear” in the Russian caricature of the period of the First World War (July 1914—February 1917). *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies*, 4, 68—80. (In Russ.).
8. Riabov, O.V. (2016). Medvezhya metaphor of Russia as a factor of international relations. *Cultural linguistics*, 10, 315—333. (In Russ.).
9. Smirnov, D.G. (2020). The image of the Russian bear in the system of Russian ecosemiotics: the first approximation. *Bulletin of the Ivanovo State University*. Issue 2 (20). pp. 97—103. (In Russ.).
10. Sala, I.G. (2012). Echoes of the bear’s growl: The Russian Empire as a white bear in the Spanish press. “*Russian Bear*”: history, semiotics, politics. Riabov O., de Lazari A. (ed.), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 140—149. (In Russ.).
11. Gailite, G. (2013). The Bear and Latvia: images of Latvian-Russian relations in caricature. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies*, 4, 29—40. (In Russ.).
12. Babkina, V.A. (2017). The bear metaphor in the discourse of German media. *Questions of theory and practice*, 11—3(77), 60—62. (In Russ.).
13. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2009). *Metaphor in political interdiscourse*. Yekaterinburg. (In Russ.).
14. Lakoff, J. & Johnson, M. (1990). *Metaphors by which we live. Theory of Metaphor*, N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya (eds.). Moscow: Progress. pp. 387—415. URL: http://www.metaphor.nsu.ru/lacoff_1.htm (accessed: 10.10.2020).

15. Musolff, A. (2011). Metaphor in political dialogue. *Language and Dialogue*, 1(2), 191—206.
16. Krivtsova, L.A. (2012). Bear in the post-Soviet art: the semantics and pragmatics of the image. "Russian bear": *history, semiotics, politics*. Ed. by: Riabov O., Lazari A. de (ed.), Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
17. Zernova, E.S. (2020) Linguistic modeling of Russia's foreign policy image in the media space of Latin America (based on the media of Venezuela, Mexico and Chile). *Ancient and New Romania*. Issue 25. pp. 42—64. (In Russ.).
18. Lakoff, J. (2006) Metaphor and War: A system of metaphors to justify the Gulf War. *Modern political Linguistics*. ed. by E. V. Budaev, A. P. Chudinov. Yekaterinburg: USPU, pp. 59—71. URL: www.philology.ru/linguistics1/lakoff-06.htm (accessed 10.10.2020). (In Russ.).

Сведения об авторе:

Клещенко Людмила Леонидовна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена; *сфера научных интересов*: политические процессы в странах Латинской Америки, образ России в Латинской Америке, зооморфные метафоры в политике; *e-mail*: ludmila.popova2011@yandex.ru ORCID: 0000-0002-4172-6583. eLIBRARY SPIN-код: 2051-3052

Information about the author:

Liudmila L. Kleshchenko, PhD of Political sciences, Senior lecturer of the Department of the Political science of the Institute of History and Social Sciences of the Herzen State Pedagogical University of Russia. *Research interests*: political processes in Latin America, the image of Russia in Latin America, zoomorphic metaphors in politics; *e-mail*: ludmila.popova2011@yandex.ru ORCID: 0000-0002-4172-6583. eLIBRARY SPIN-code: 2051-3052

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВИСТИКИ. СЕМИОТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

THEORY, METHODOLOGY AND HISTORY OF LINGUISTICS. SEMIOTICS AND LINGUOCULTUROLOGY

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-823-847
УДК 81'22:003

Научная статья / Research article

Через синергетический союз лингвистики с другими науками — к новым проблемам и направлениям

В.А. Маслова

Витебский государственный университет,
210015, Белоруссия, Витебск, Московский проспект, 33
✉ mvavit@tut.by

Аннотация. Лингвистика последних десятилетий стала проявлять меньший интерес к структуре языка и системным отношениям между его единицами, которые в целом достаточно хорошо описаны. На рубеже веков резко усилился интерес к проблемам взаимосвязи языка, сознания, культуры, ментальности, национального характера и поведения. Сам язык понимается как «зеркало» (хотя и кривое) реальности, человека, его внешнего и внутреннего мира. Такой широкий подход предполагает невозможность решить возникающие проблемы в рамках одной лингвистики, ей необходима помощь целого ряда смежных наук о человеке — от психологии, антропологии, социологии, культурологии до биологии, нейронаук и квантовой механики. Отсюда интерес к объединению наук. Цель данной статьи — теоретически осмыслить это новое явление и показать, что современная лингвистика должна отвечать требованиям времени и потому быть междисциплинарной, интердисциплинарной, интегративной; мы попытались установить соотношение традиции и новых идей в лингвистике третьего тысячелетия и показали, что возникающие в языке проблемы можно решить совместными усилиями представителей ряда наук. Результатами, полученными в данной статье, можно считать выдвижение таких первостепенных, на наш взгляд, проблем, которые могут сочетать объективный лингвистический анализ и результаты их разработанности в семиотике, теологии, психологии. Это такие феномены, как 1) глубинные семантически-прагматические процессы; 2) язык — средство выражения Божественной Истины; 3) язык и национальный характер. Полученные интегративные знания могут вскрыть некаузальные отношения в мире, обнаружить более глубокие законы бытия, например то, что сознание не жестко связано с языком, поэтому его едва ли может «схватить» ассоциативный эксперимент, хотя на это долго уповали психолингвисты. Физик Джон Уиллер с учетом экспериментов в квантовой физике доказал, что даже если мы просто смотрим на некоторый объект, то он изменяется под действием взгляда. Насколько же сильнее взгляда слова? Это предстоит выяснить в недалеком будущем в рамках интегративного подхода.

Ключевые слова: интегративность, глубинные семантические процессы, культурный компонент, ментальность, национальный характер

© Маслова В.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.05.2021

Для цитирования:

Маслова В.А. Через синергетический союз лингвистики с другими науками — к новым проблемам и направлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 823—847. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-823-847

UDC 81'22:003

Through the Synergetic Union of Linguistics and Other Sciences — to New Challenges and Directions

Valentina A. Maslova

Vitebsk State University,
33, Moscow Prospect, Vitebsk, Belarus, 210015
✉mvavit@tut.by

Abstract. In recent decades linguistics is less interested in the structure of language and the systemic relationships between its units, which are generally well described. At the turn of the century, we observe sharply increased interest in the problems of the relationship between language, consciousness, culture, mentality, national character and behavior. The language itself is understood as a “mirror” (though a crooked one) of reality, of a person, of his external and internal world. Such a broad approach supposes the impossibility of solving emerging problems as part of linguistics only; it needs the help of a whole range of related sciences about man — from psychology, anthropology, sociology, cultural studies to biology, neurosciences and quantum mechanics. Thus, we can see the interest in the integration of sciences. The purpose of this article is to conceptualize theoretically this new phenomenon and to show that modern linguistics must meet the requirements of the time and therefore it should be interdisciplinary and integrative; we tried to establish the relationship between tradition and new ideas in linguistics of the third millennium and showed that the problems arising in the language can be solved by the joint efforts of representatives of a number of sciences. The results obtained in this article allow us to put forward the issues that demand, in our view, immediate attention and show the importance of combining an objective linguistic analysis and the results of their research in semiotics, theology, psychology. These are such phenomena as 1) deep semantic processes; 2) language is a means of expressing Divine Truth; 3) language and national character. The obtained integrative knowledge can reveal non-causal relationships in the world, discover deeper laws of being, for example, the fact that consciousness is not rigidly connected with language, therefore it can hardly be researched by an associative experiment, although psycholinguists have long hoped for this. Physicist John Wheeler, taking into account experiments in quantum physics, proved that even if we just look at an object, it is changing under the influence of the gaze. How much stronger is the influence of a word? This is to be inquired in the near future as the part of an integrative approach.

Key words: integrativity, deep semantic processes, cultural attitudes, mentality, national character

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.05.2021

For citation:

Maslova, V.A. (2021). Through the Synergetic Union of Linguistics and Other Sciences — to New Challenges and Directions. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 823—847. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-823-847

*Лингвистика, изучая самое человеческое,
что есть в человеке, никак не может
быть замкнутой областью знания...*
(Ажеж, 2003)

Введение. Постановка проблемы

Быстро меняющийся современный мир заставляет меняться и лингвистику: технологические изменения привели к формированию нового коммуникативного пространства, которое стало иным: опосредованным, потерявшим личность с вытекающими отсюда психологическими, интеллектуальными, коммуникативными, лингвистическими проблемами.

Если не решить эти проблемы, то хотя бы разобраться в них поможет современная лингвистика. По сути, данная статья — гимн лингвистике, она направлена против подходов-штампов и традиционных стереотипов в науке о языке. Если ранее она была рядовой гуманитарной наукой, изучающей «язык в самом себе и для себя», т.е. изучающая его структуру, системные связи его единиц и отчасти функционирование, наступило время, которое Е.С. Кубрякова называла приходом *панлингвистики*. Теперь без лингвистики невозможно решить проблемы мозга, сознания, человека как духовной сущности и др. Более того, стало ясно, что язык — самоорганизующаяся, самоопределяющаяся и динамичная система, которую невозможно регулировать, а можно лишь наблюдать, фиксировать и описывать. Акт наблюдения становится актом творения, т.к. сознание креативно и обладает воздействующей функцией [1].

Язык тесно связан не только с культурой, но и с духовным миром человека, его мышлением и сознанием, и если эту связь поставить во главу угла, то можно по-иному посмотреть на самые различные проблемы языка: «На основе... триады терминов — *язык, культура, человеческая личность* — могла бы быть создана другая лингвистика...» [2. С. 45—46]. Поэтому и возникает необходимость создания комплексной науки, которая позволит раскрыть взаимосвязь языка с другими аспектами личности — восприятием, пониманием, эмоциями, памятью, социальными структурами, познавательными процессами. В данной статье рассматриваются лишь некоторые вопросы, приоткрывающие завесу над тайной языка — попытка проникнуть в глубинные основы языка и ментальности, увидеть в языке Божественную Истину и др.

Цель данной статьи — теоретически осмыслить явление интегративности в науке и установить соотношение традиции и новых идей в решении конкретных проблем — выявлении специфики глубинных основ языка и человеческой ментальности, особенностей языка как средства выражения Божественной Истины; языка и национального характера, языка и ментальности.

Язык как сложный феномен: полипарадигмальность и интегративность его исследования

Как известно, лингвистика — это методологическая база для всей гуманитарной науки: разработанные в лингвистике методы исследования стали общими для многих гуманитарных наук (от сравнительно-исторического метода до дискурсивных методик). Поскольку язык тесно связан с мышлением, он становится главным инструментом упорядочения мира через его категоризацию и наделение категорий именами. При этом современные ученые все чаще пишут, что сознание и мышление не жестко связаны с вербальным языком. Американский нейрофизиолог Хьюбел Дэвид, лауреат Нобелевской премии 1981 года, сравнивал сознание с ветром: увидеть и поймать его нельзя, но мы видим результаты его деятельности — срываются крыши домов, гнутся деревья, случаются цунами. В.В. Налимов — крупнейший современный философ, лингвист, доктор технических наук, который еще в 80-е годы написал самую романтическую книгу о языке, считает, что нужно освободиться от локальности описания мироздания, при которой ученый конкретной специальности в этих рамках и изучает объект. Он пишет: «Взаимосвязано все, что обретено человечеством на пути становления: рациональное и иррациональное, эстетическое и мистическое...» [3. С. 31].

Язык предполагает принципиальную диффузность значений, их «плавающий» характер между несколькими словами сразу, что объясняется потребностями когнитивной сферы личности. Язык, как и сама личность, — инструмент вселенского уровня и подобия: современный человек время от времени ощущает свою связь с Творцом и космическими ритмами. Думается, что лишь в будущем выяснится, насколько тесно связаны язык и мышление, и поможет этому интегративный подход. Но уже сейчас можно с определенностью заявить, что связаны они по-иному, чем это видится традиционно.

В современной науке есть гипотезы о том, что язык сформировал наш мозг, самого человека и его культуру, что с его помощью можно создавать и изменять базовые убеждения человека. Более того, существует «языковой инстинкт», т.е. врожденная способность к языку, которая присутствует в геноме человека. Если это так, то язык отражает законы жизни, опыт человечества (реальный и субъективный, предметный и психический и др.). В начале двухтысячных годов начинают искать «метальную грамматику» [4], которая понимается как пред-знания, заложенные в человека Творцом. На существование такой грамматики неосознанно (провидчески) указывает поэзия, как это часто случалось в истории цивилизации: *«и прежде губ уже родился шепот»*.

Известно, что язык — отображает внешний человеку мир и его внутреннее состояние, включающее не только сферу сознания, но подсознательное. Русский философ И.А. Ильин писал, что язык — это «художественная риза ... души и духа» народа [5. С. 97]. Грегг Брейден и Линн Лаубер в своей работе «Квантовая формула любви» пишут: «Все вещи взаимосвязаны через Сознание. От самых отдаленных уголков открытого космоса, макрокосмоса, до

самых потаенных уголков внутреннего пространства, микрокосмоса, и квантовой физики — все является отражением одного Сознания» [6. С. 151]. Это высказывание отражает современную тенденцию синтеза, консолидации наук, объединения их для решения конкретной проблемы, как предвидел великий В.И. Вернадский, считавший, что нужно решать проблемы, объединяя знания «не по наукам, а по проблемам».

Итак, сам язык демонстрирует нам единство мира (в том числе единство разных видов искусства) через диффузную семантику: *чарующее звучание, светлый образ в музыке, красочное звучание в поэзии*; язык — чрезвычайно сложный и загадочный феномен, что делает многочисленными возможные подходы, выбор различных параметров его исследования и описания. Такое понимание привело к определению современной ситуации в лингвистике как полипарадигмальной (работы Е.С. Кубряковой, В.Н. Телия, Ю.С. Степанова и др.), что означает отказ от идеи исключительности одной какой-либо парадигмы и призыв комбинировать различные методы, подходы и области знания, которое существует во множестве конкретных форм своих проявлений.

Мысль об объединении лингвистики не только с другими гуманитарными науками, но и с естественными высказывалась давно: гносеологические попытки описания языка в античности уже были интегративными, т.к. в них объединялись философия, логика и языкознание. Интегративность как принцип исследования брали за основу В. Гумбольдт, Э. Бенвенист, Э. Сепир. Во второй половине XX века появились работы К. Леви-Стросса. Результатом интеграции стали социолингвистика (20-е годы XX века), психолингвистика (50-е годы XX века), компьютерная лингвистика, юрислингвистика (XXI век) и др. [подробнее: 7], а сами интегративные процессы были подстегнуты идеей антропоцентризма, который становится ведущим принципом лингвистики с 90-х годов прошлого века. Междисциплинарность как идеология научного исследования все глубже проникает в ряды исследователей. Это не только работы лингвистов с мировым именем (Вежбицкая 1996), но и исследования представителей региональной науки (Жаналина, Фот 2016 и др.).

Интегративность реализуется в работах, разных по объему, по уровню, по общей направленности. Постепенно интегративность становится ведущей мировоззренческой идеей всякого научного знания. Появились кибернетика, синергетика, теория триангуляции, когнитивистика, теория трансфера [см. об этом: 8]. Деятельностная и полилогическая природа общения, включающая поведенческие паттерны, тоже интегративны. С помощью интегративного подхода выявляются общие дискурсивные характеристики текста, более того, весь дискурс-анализ насквозь интегративен [9. С. 18]. В конце концов, ученым придется не просто смириться с размыванием традиционной номенклатуры наук, а приветствовать эти процессы.

Еще более десяти лет назад академик Ю.С. Степанов утверждал, что для успешного решения ряда проблем в гуманитарных науках нужен синтез научного знания с его философским осмыслением, а также учет художественного и религиозного подходов (например, его работы «Мыслящий тростник»,

«Концепты. Тонкая пленка цивилизации» и др.). Ю.С. Степанов так видел этот путь: постепенное расширение семиотики в сторону этики. В работе «Мыслящий тростник» Юрий Сергеевич относил к семиотике «всю современную культурологическую деятельность... связанную главным образом со знаками» [10. С. 117]. Он предлагает разработать теорию «нового расширения» семиотики и построения «новой антропологии», которые и создадут единое информационное пространство.

Интегративность имеет ряд близких по значению терминов — междисциплинарность, полидисциплинарность, трансдисциплинарность и др. Некоторыми учеными они дифференцируются (И.В. Измайлов, Л.П. Киященко), но мы используем их как синонимичные, потому что в каждом термине отражен целостный взгляд на мир, каждый обозначает интегрированное знание. Снятие запретов на проникновение информации между разными науками, исследующими одну и ту же проблему, создает мощный фундамент для появления абсолютно новых знаний. Объем полученной информации может быть таким, что позволит решить дополнительные задачи. Примером может служить когнитивная лингвистика, объединившая в себе математику, информатику, логику, философию, психологию, антропологию, лингвистику и другие научные направления. Неожиданно открывшаяся при этом область исследования для лингвистов — языковая картина мира вообще и креативной личности в частности (лингвоперсонология, лингвистические типажи и др.). Интегративный подход позволяет реконструировать отдельные фрагменты языкового сознания, дискурсивное пространство с учетом коммуникативных, культурных, социальных составляющих. При этом приращение знаний в каждой из наук происходит за счет суммирования идей разных наук, это приводит к расширению самой проблематики исследований.

Без интегративного подхода невозможно исследовать сложные феномены, к которым относятся язык, культура, сознание. Он становится важным мировоззренческим направлением всей науки XXI века. В результате усилий не только лингвистов современная наука о языке, как пишет Е.В. Падучева, «инкорпорировала в себя теорию речевых актов, теорию референции, вообще прагматику и тем самым получила в свое распоряжение аппарат, позволяющий описывать смыслы таких единиц, которые раньше были ей не под силу...» [11. С. 47]. Более того, лингвистика «захватила» всю теорию коммуникации, теорию понимания, теорию восприятия текста, теорию жанров и др. Все знания о *человеке в языке* и *языке в человеке* (термины академика Б.А. Серебренникова) попали в сферу интереса лингвистики. Это не только антропология, культурология, социология, но и микробиология, генетика, нейронауки и даже квантовая механика. Результатом такой интеграции стало нейролингвистическое программирование. Данная наука занимается «проблемой влияния, которое оказывает язык на программирование психических процессов и других функций нервной системы» [12. С. 16]. Отсюда необходимость постоянного внимания к смежным наукам.

Важнейшие направления современной лингвистической мысли

Мы рассмотрим в этой связи лишь три важнейших направления из нескольких десятков уже зарождающихся и гипотетически возможных в современной лингвистике для выявления процессов, происходящих в ментальных мирах с помощью языка. Их объединяет тот факт, что решение данных проблем можно найти только благодаря использованию интегративного подхода, т.е. использования данных различных наук — от философии, социологии, антропологии до нейробиологии, генетики, психологии и др. 1. Глубинные основы языка и ментальности человека. 2. Язык как средство выражения Божественной Истины. 3. Язык как средство формирования характера и культурных установок народа.

Глубинные основы языка и человеческой ментальности

В последние десятилетия семантика, поэтика, прагматика и другие гуманитарные области знания проявляют значительный интерес к глубинному знанию, хранящемуся в языке, в слове. В. Гумбольдт впервые назвал несколько ключевых положений проблемы реконструкции трансцендентных смыслов, т.е. скрытых смыслов, находящихся за пределами словарного значения, при этом он подчеркнул одно принципиально важное обстоятельство: «язык не в силах выразить Несказанное, но он способен помочь в него проникнуть» [13. С. 378].

Л. Ельмслев в середине XX века писал: «На первом этапе лингвистическая теория была создана как имманентная... Временное ограничение кругозора было ценой, заплаченной за отторжение у языка его тайны...» [14. С. 240]. В последние годы стало ясно, что человеческое познание проникает «в недра... психики, затрагивая миф, религию, искусство и другие явления, но они могут быть реконструированы... с выходом на концептуальные построения языка» [15. С. 38]. И действительно, если традиционная лингвистика — это превращение языка из тайны в систему единиц и сеть значений, то тенденции современной лингвистики — желание посмотреть в обратном порядке — на глубинные основы языка через систему значений и смыслов. Еще в конце прошлого века возникла отдельная область знаний — нейролингвистическое программирование, в котором считается, что слова и фразы языка — это поверхностные структуры, которые лишь в самых общих чертах выражают глубинные структуры. Следовательно, путь к раскрытию тайн языка, тайн смыслов — это путь современной лингвистики.

Как отметил П. Рикер, каждое слово (высказывание) охватывает «венчик невыразимого» [16], который в любое время может проявиться при функционировании языка, показывая всю глубину и многоликость слова, раскрывающего в разных ситуациях разные свои грани: *Все, что ни/не делается, — к лучшему*. И дело здесь не в правилах правописания частиц, а в смыслах, которые нужно выразить: нужно или все же не нужно что-то делать, чтобы все

было хорошо, т.е. в исходном выражении обнаруживаются прямо противоположные глубинные смыслы. И это не простая многозначность, а проявление именно глубинного содержания.

Подтверждение сказанному можно увидеть у Т.В. Черниговской, которая в результате нейролингвистических и нейробиологических исследований пришла к выводу, что «язык включает в себя, кроме алгоритмов научения, и невычисляемые пласты» [17. С. 64]. А польский мыслитель С. Лем написал еще образнее и ярче: «где бы ни появлялось значение — за ним выползают кошмары бесконечности, зыбкости, неопределенности, а все квантовые, поэтапные, точные действия тонут в наплыве проклятого смыслового мрака» [18. С. 236]. На этом явлении основаны так называемые ювелирные метафоры, небрежные метафоры, из которых мерцают смыслы, мир в них двоится и троеится. Такие метафоры, выползая из «кошмара зыбкости», рожают не просто красивые поэтические образы, а новые знания: *...хозяйка красную луну/ медлительно впрягает в тишину/ у неба на невидимом пороге* (Дм. Бураго). Здесь молчание (тишина) далекой дороги вплетается в молчание луны, все это происходит в мире, но оно недоступно прямому наблюдению: *находится на невидимом пороге*.

Рассмотрим еще пример, когда из мрака неизвестности рождаются абсолютно новые знания. Это стихотворение О. Мандельштама «Silentium»:

*...Да обретут мои уста
Первоначальную немому –
Как кристаллическую ноту,
Что от рождения чиста* (О. Мандельштам)

Как видим из этих строк, молчание есть возвращение к дословесной форме (*первоначальная немота*); отказываясь от слова, мы попадаем в мир особого состояния первородной чистоты кристалла: *кристаллическая нота* — это мировые космические ритмы; в стихотворении сливаются мир природы (*кристалл*) и мир культуры (*нота*). *Кристаллическая нота* — метафора идеальной речи, которая есть полное молчание. А сама Музыка у поэта это метафора тишины. Н. Гумилев выделил основную идею этого стихотворения как «колдовское призывание до-бытия». О. Мандельштам часто использует метафору кристалла в своем творчестве, например, в стихотворении «*Может быть, это точка безумия*» — *соборы кристаллов сверхжизненных*, но здесь на первый план выходят иные смыслы — совесть, будучи узлом жизни, подобна *сверхжизненному кристаллу*, т.е. в кристалле высвечивается еще и нравственная сущность.

Философы считают, что М. Бубер открыл роль молчания диалоге, которое используется вместо слова. Оказывается, до него О. Мандельштам совершил это открытие, показав, что подлинный диалог — это волшебство, происходящее на доязыковом уровне. Это и есть новые знания, зафиксированные поэтом. Таким образом, проникновение в язык и есть проникновение в трансцендентное. Сам язык есть феномен, позволяющий приоткрыть тайны мира.

Например, в философской концепции О. Розенштока-Хюсси Логос не только «слово», но и «сила языка».

Еще В. фон Гумбольдт писал: «В языке действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности, существование и природу которых невозможно постичь, но нельзя и отрицать...» [13. С. 37]. Наиболее активным репрезентантом глубинного в языке является поэзия, сквозь которую ярко мерцают глубинные смыслы. Рассмотрим для примера стихотворение современного поэта Дм. Бурого «Бе-бе». Бе-бе у него символ чего-то непонятного, но вредного и ненужного человеку:

(1) ...гуляет кот по снегу,
таит себя в себе,
а на него с разбегу —
жестокое Бе-бе!

И даже не понятно,
откуда здесь оно —
и что это за пятна,
и что за полотно?

Бе-бе здесь и человек, и стихия, и явление одновременно:

Глаза пылают далью,
окутано все в шаль,
под снежную вуалью
поблескивает сталь.

Бе-бе чего-то хочет!
Бе-бе чего-то ждет!
Так призрачно гогочет —
что жалобно жует.

Здесь возникает сложная, разноуровневая оппозиция, такие, как уже хорошо известные *фон* — *фигура*: для выявления *фигуры* необходим *фон*, а сам *фон* существует самостоятельно и независимо от *фигуры*. Это ДОБРО и ЗЛО, умение дифференцировать которые всегда было одной из самых трудных и мучительных проблем для представителей большинства лингвокультур. В таких сложных дуальностях есть глубинные смыслы, увидеть которые помогает синергетический подход. С одной стороны — это двуединость, которая лишь вместе составляет целостность, но ее составляющие не симметричны. *Бе-бе* — это и *зло* и *добро* одновременно. Но отсутствие добра еще не есть зло. В языке лирики Дм. Бурого происходит загадочное и непонятное на первый взгляд событие: как будто бы независимо и спонтанно от автора объединяются члены оппозиции в одно целое, они как бы дополняют друг друга внутри целостной оппозиции. Зло на земле нужно хотя бы для того, чтобы оттенить и лучше понять добро. Зло сотрясает мир, провоцируя человека, чтобы тот задумался о благе и о добре. Благо (благополучие) всегда связано с Богом. В христианстве Благим (Всеблагим) именуют Бога [19. Мф. 19:17]. Таким образом, в данном стихотворении *Бе-бе* оказывается важным инструментом самоанализа, самопознания и самопонимания.

Стихи похожи на сновидения тем, что они возникают где-то в глубинах подсознания в виде диффузных, ирреальных образов. Читатель/слушатель воспринимает эти зыбкие образы, вводя их в свое сознание: они рождают новую фантастическую реальность, которая легко воспринимается как высокая поэзия, но интерпретируется с трудом: *И в нем (молчании — В.М.) по глади пасмурной в глубинах неба топкого / пройдут бочком опасности, поглядывая робко./ обиды вскружат омуты, дрожь охолонутся./ ведь обижаться хлопотно, когда деревья гнутся* (Дм. Бурого). Мираж образов, сквозь который скрытое за порогом нашего восприятия делается видимым, проявляет нам мысль: бесполезно обижаться на мир, который предстает перед нами как нечто кажущееся, зыбкое и призрачное. Образы в поэзии накладываются друг на друга, сменяются один другим, и простой логикой это объяснить невозможно:

(2) *На алкогольных треках,
на всех кострах
хохочущие веки
моргают.
Включите человека
сплеча,
в сердцах!* (Дм. Бурого).

Но здесь своя логика, основанная на глубинных смыслах, которые раскрывают внутренний мир лирического героя: на душе беспокойно, мир в ожидании. Слова здесь имеют неопределенные смысловые границы, позволяющие им сочетаться с самыми неожиданными словами (*веки хохочут*), туманные смыслы (*Включите человека сплеча*), понимание которых возможно с позиции синкретизма, что позволит нам проникнуть «через видимость в сущность» [20. С. 30]. Поэзия заставляет нас обратить внимание на то, как вплетаются в семантику слова наши знания о мире, наши эмоции в процессе миропостижения. Поэзия транслирует сознание автора, но через ее познание идет познание самого себя читателем.

Глубинные знания просматриваются сквозь слово, которое хранит в себе значительно больше, чем на первый взгляд кажется. Внутри слова целый мир, в нем сила и энергия. Поэтому мы говорим: *мощь слова, искрометность, одухотворенность слова, теплые слова, слово излучает свет, жизнь слова, слово — молния* и т.д. Язык — форма духовной энергии, и эта энергия светоносна. С. Булгаков писал: «Слово космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию...» [21. С. 26, 31]. Современные ученые подтверждают, что любое сказанное слово — это своего рода волновая генетическая программа, связанная с ритмами Космоса, оно влияет не только на нашу жизнь, но и на жизнь наших потомков как «след памяти слова». Объяснение этому нашли недавно итальянские ученые, которые установили, что у Вселенной и мозга сходный уровень сложности и самоорганизации: сеть галактик и нейронная сеть мозга аналогичны по строению и «работе», в них не всегда действуют каузативные отношения.

Язык тоже саморегулирующаяся система, многое в нем происходит, не сообразуясь с причинными объяснениями, чему свидетельством могут быть многие выражения типа *теплый шарф*, *группа продленного дня*, *дождь идет*, которые невозможно объяснить с точки зрения здравого смысла: шарф сохраняет тепло, но не сам теплый; не поддается разумному объяснению через интерпретацию слов *группа продленного дня*; дождь на самом деле падает, а не идет. Еще пример: *Все в руки шло, но шло из рук вон плохо*. Три знаменательных слова в первой части сложного предложения повторяются во второй части, здесь представлена игра слов (*шло в руки — шло из рук*), но во втором случае эти слова включаются в состав фразеологизма — *из рук вон плохо*, что вносит заключительный аккорд — «все плохо». Понять глубину значит объяснить связи между словами, порождаящие новые смыслы.

Помимо значения, слова могут заключать в себе глубинную культурную информацию, на которой основаны разного рода коннотации, порой алогичные и неожиданные. Так, фразеологизм *выносить сор из избы*, который был блестяще проанализирован В.Н. Телия, хранит в себе знание культуры. Именно культурная информация позволяет объяснить, почему позитивное действие (избавление от мусора) получает негативную коннотацию: *выносить сор из избы* — ‘это плохо’, и потому у фразеологизма формируется негативное значение — «разглашать сведения, которые должен знать только узкий круг людей». В русских поверьях считалось, что вынос сора из дома ослабляет семью, живущую в нем, делает ее уязвимой для темных сил, поэтому мусор сжигали в печи. До сих пор мы видим отголоски этого в наказах старшего поколения не выносить мусор вечером.

Проблема глубинных (трансцендентных) смыслов, находящихся в недрах языка, впервые была обоснована в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна, в котором он писал о «возможности мыслить немислимое» [22. С. 427]. Л. Витгенштейн считал, что трансцендентная область есть во всем, что мы говорим. Именно в сфере непознаваемого находятся истоки жизни. Сказанное хорошо просматривается в творчестве крупных национальных поэтов, например, М. Цветаевой:

(3) ...*Хлынула ночь! (Слуховых верховий*
Час: когда в уши нам мир — как в очи!)

Зримости сдернутая завеса!
Времени явственное затишье!
Час, когда, ухо разъяв, как веко,

Больше не весим, не дышим: слышим («Ночь», 1923).

Больше не весим, не дышим: слышим — в этой фразе заключена высшая форма молчания, при которой все материальное уходит, а раскрываются высшие смыслы космического уровня. Тишина в природе превращается в особую разновидность тишины безмолвие, а котором пульсируют особые смыслы, и мы в них погружаемся. Такие смыслы даются как откровение, и в этом проявляется генетический код языка, который соотносим с кодом человеческим.

Не случайно проф. В.А. Звегинцев писал, что язык «главный же свой секрет прячет в подоснову, в далекие глубины, подвергнуть которые формальной процедуре так же трудно, как и мыслительные процессы...» [23. С. 301].

Изучение иррационального, трансцендентного, глубинного в языке дает хотя бы некоторые ответы на вопросы в этой области человеческого познания и ментальности. Правда, вопросы здесь преобладают над ответами. И технический прогресс не сможет помочь: иррациональное недоступно компьютерному мышлению. Прогнозирую услышать мнение-приговор: «Это не лингвистика». Здесь хочется подчеркнуть, что сфера интереса лингвистики сейчас изменилась. Для того, чтобы познать какое-то явление языка, не обязательно разлагать его на составляющие, нужно посмотреть в его глубинные основы, соотнести его со смежными явлениями человеческого сознания, культуры и даже Космоса.

Язык как средство выражения Божественной Истины

Еще одна проблема, которая упускалась из виду в системно-структурном языкознании и которая вытекает из понимания единства мира и всего живого в нем, — это переход на антропокосмическую парадигму (В.И. Постовалова), в которой человек предстает как образ и подобие Божие, соответственно, язык нужно рассматривать в системе — **язык — человек — Бог — космос**. В своих предвидениях новых путей в гуманитарном познании Ю.С. Степанов выделяет два основных направления: 1) введение в парадигму современного гуманитарного знания элементов авангардного стиля мышления, что позволит по-новому увидеть старые традиционные знания; 2) стремление ввести в парадигму элементы богословского мышления [10]. Именно второе направление избрано в данном разделе — это видение языка как духовной реальности.

В «Философии имени» С. Булгаков, представитель философской школы Всеединства, пишет: «Язык дан человеку, потому что в нем и через него говорит вся вселенная, он есть логос вселенной...» [21. С. 26, 31]. Слово устанавливает связь человека с Богом, через слово начинается диалог с Богом. Как считает М.М. Маковский, лексемы *слово, говорить, речь* этимологически связаны с лексемами *храм, рок, гореть* и др. [24].

Для лингвистов данный подход позволяет обратить внимание на такие аспекты языка, которые недоступны для традиционного описания языка, но они играют огромную роль в формировании духовного кода нации, потому что язык есть духовная активность человека: «Язык, будь то отдельное слово или связанная речь, есть акт духа, его подлинно творческое действие...» [25. С. 197].

С начала третьего тысячелетия, ученые все чаще говорят об «интегрировании теологического знания в мировоззрение и культуру» [26. С. 5]. Многие гуманитарные науки ориентируются на целостное знание о Боге, мире, человеке, на синтез науки, культуры и религии, обращая при этом внимание на язык. Внимание к языку усилилось не только в религиозной философии, но и в философии вообще. Можно констатировать перевод классических философских

проблем в плоскость языкового анализа (власть над словом дает власть над вещью, явлением). Со словом работают не только М. Бубер, М. Хайдеггер, но и наши современники — М. Мамардашвили, А. Лекторский и др.

Вся современная гуманитарная наука так или иначе учитывает влияние веры на нашу жизнь. Так, лингвисты неоднократно указывали на взаимосвязь религии, культуры и языка (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Т.Е. Владимирова, Е.Е. Иванов, Ю.Н. Караулов, В.Б. Касевич, В.А. Маслова, Н.Б. Мечковская, В.М. Мокиенко, В.И. Постовалова, К.А. Тимофеев и др.). Например, Н.Д. Арутюнова понимала язык как «систему символов, за которыми стоит духовная жизнь людей» [27. С. 657—658]. Литературоведы утверждают, что Бог и христианские ценности были фундаментом русской литературы на протяжении XVIII— начала XX веков [28. С. 59]. Ф.И. Достоевский писал: «...если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [29. С. 176].

Современные ученые все чаще отмечают, что без учета данных теологии, построенной на божественной идее происхождения мира, нельзя создать настоящему научную картину мира, хотя в XX веке религиозная и научная картины мира были антиподами при миропонимании. С исключением идеи Бога, развиваемые учеными модели мира и языка будут неполными [30. С. 6].

Американский биохимик, лауреат Нобелевской премии Альберт Сент-Дьерди полагает, что мозг человека не предназначен для мышления: он есть орган приспособления к миру, орган выживания (как когти или зубы у животных). При операциях на мозге И.П. Павлов, Св. Лука (Войно-Ясенецкий) и другие физиологи и нейрохирурги сталкивались с таким явлением, когда у человека отсутствует по разным причинам большая часть мозга, но мышление и психика были не нарушены, человек живет полноценной жизнью. Много таких примеров приводит В. Вейник в книге «Термодинамика реальных процессов». В чем тайна мозга? Современные физиологи подтвердили, что в мозге нет отделов, ответственных за мышление. Библия тоже не считает мозг органом мышления, согласно Ей, мыслит сердце: «они злое мыслят в сердце» [19. Пс 139:3], но сердце — духовный орган. Главное назначение мозга — управлять всеми процессами жизнедеятельности человека. Только Всевышний способен творить мысль, которую он вкладывает в человека как в сосуд (метафора человека по Библии). Так, в адрес апостола Павла Господь сказал: «он есть Мой избранный сосуд» [19. Деян 9:15].

Еще один нюанс, добавляющий вопросов, а не ответов, — это величайшее открытие Ивана Панина. Он математически доказал, что каждое слово в Библии продиктовано Творцом, поэтому в ней заключена абсолютная истина. Опираясь на текст Библии, В. Вейник открыл новые законы и явления: хрональное и метрическое. С их помощью акад. В. Вейник доказал, что рядом с нами и внутри нас имеется сверхтонкий мир (31. С. 199). В этом мире действуют принципиально иные законы — духовные, которые изложены в Библии: это 10 заповедей в Ветхом Завете и 9 блаженств евангельских в Новом.

В духовном мире действует Промысел Божий, и пути Его неисповедимы. Физические законы, в отличие от духовных, изучаются в школе. Духовные же открываются избранным. Поэтому, как пишет В. Вейник, многое в науках и искусстве — дар лукавого. Иустин Попович также считал, что все учения делятся на 2 вида: учения от Христа и учения от антихриста. Следовательно, загадок на сегодняшний день больше, чем доказанного.

Но кое-что уже известно. Так, действительно, религиозное сознание особенно чутко реагирует на слово, бережно относится к слову. Сейчас в современной лингвистике (теолингвистике) активно разрабатываются проблемы религиозной картины мира, религиозных концептов и религиозного дискурса, а также герменевтики и текстологии сакральных текстов [32].

Духовно-культурное пространство нации формирует наш язык, через который мы постигаем свою сопричастность Богу и который поэтому должен восприниматься как знак Божественного присутствия, инструмент Богообщения. Не случайно С.С. Аверинцев одну из своих последних статей назвал «Мы призваны в общение» [33]. По А.Ф. Лосеву, Слово — место встречи Бога и мира. Язык рассматривается им как одна из форм энергии, имеющей божественное происхождение. Каждое слово понимается А.Ф. Лосевым как причастное Божественному Логосу, связанное с именем Бога.

Как показали исследования ряда авторов (А.А. Бувевич, Т.Е. Владимировой, А.К. Гадамского, В.И. Постоваловой и др.), концепт «Бог» — базовый концепт русской культуры, на основе которого формировались сознание и характер русского человека. В русском понимании Бог — это нечто непознаваемое, сильное, справедливое, доброе, т.к. он любит нас. Это наш Спаситель и объект поклонения, и все это язык хранит в своих пословицах и поговорках. Так в словаре В.И. Даля более 200 пословиц посвящено Богу: *Жить — Богу служить; Никто не может, так Бог поможет; Велико имя господне на земли.* Бог в русском языковом сознании «Человеколюбче», «Владыка», «Хранитель», «Создатель», «Утешитель», «Царю Небесный» и т.д. Он характеризуется в высшей степени положительно: *пречудный, предивный, преславный, премилостивый, премилосердный, пресветлый.* В русском языке есть такие пословицы и поговорки: «*Есть Божий суд*» (М. Лермонтов), «*Побойся Бога*», «*Без Бога не до порога, а с Богом — хоть за море*», «*Бог дал, Бог и взял*», «*Бог любит смирение*» и т.п. В эти выражениях Бог предстает не только всевидящим и наделенным особой властью, но и справедливым судьей, от которого ничего не скроется. В русских пословицах показано стремление к Богу, к жизни под знаком Бога. Человеку не «все дозволено» (Ф.М. Достоевский), над ним есть сила более высокая и святая — Бог.

Как показывают наши исследования, концепт «Бог» отражает ядро православной ментальности и является главной ценностью русских, в нем воплощаются все самые высшие качества и моральные ценности. Такие концепты, как «Бог», «судьба», «вера», являющих собой ментальное и культурное ядро мировидения русского народа, с одной стороны, являются универсальными,

а с другой, обладают специфическими особенностями, свойственными каждому отдельному народу.

Многие русские слова, именующие различные психические состояния, в глубине своей связаны с познанием Бога, например, *сопереживание как безусловное принятие и разделение переживаний, эмоций и психических состояний другого*, это объединение своего переживания и переживания другого человека, совместное переживание. Чтобы испытывать его, требуется способность оказаться на месте другого. Сходны с ним страдание — сострадание (с синонимами), данные слова в русском языковом сознании *опираются* на христианское понимание страдания как нравственного чувства, которое теснейшим образом связано с милосердием, милостью, сопереживанием.

Язык, как считает П.А. Флоренский, — это свет божьей благодати, излитой на человека. Для русской культуры важно не только, как язык Священного писания влияет на обыденный язык, но и как русское слово вбирает в себя религиозные смыслы и хранит их, передавая из поколения в поколение. Например, русское духовное выражение *благая весть* на английском языке звучит как *хорошие новости*; русское слово *честь* также содержит духовные смыслы, которые, хотя и исчезли из современного языка (ср. *честный человек*), но отблески смысла *честность = святость* сохранились в выражениях *всечестные отцы*, в пословице *Честь ум рождает, а бесчестье и последний отнимает*. Как видим, религиозное сознание особенно чутко относится к слову, хранит его сакральные смыслы.

Обозначая мир, слово как бы творит его. Дать имя вещи — значит сотворить мир вокруг себя. В слове хранится духовный опыт народа. Зная это, Г.П. Федотов писал: «Мысль, слово, форма и звук важнее практических материальных вещей, ибо имеют более близкое отношение к цели культуры, к самому смыслу существования нации» [34. С. 25].

Русские верят в магию слова: «Словом преобразуется жизнь, и словом же жизнь усваивается духу», — писал П.А. Флоренский [35. С. 97]. Русский язык, по словам В.Г. Костомарова, способен «действовать на эмоции, минуя разум». Общепризнано, что русский человек — это мечтатель, который чаще идет за «голосом сердца», а не за рассудком.

Человек в русской лингвокультуре воспринимается как духовное существо: «Действием святого духа и горением сердца к Богу земной человек преобразуется в духовного» [36. С. 20]. Эта идея была высказана еще В. Гумбольдтом, который утверждал, что язык и дух народа «составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальных способностей» [37. С. 68]. Тело человеческое — это материальная оболочка для душ, которая и по своему происхождению дальнейшей жизни является Божественной.

Бог гармонизирует мир, в котором мы живем, ибо сам он есть глубинная гармония мироздания. Востоковед и писатель Л.В. Шапошникова считает: «пространство грядущего XXI века, по всей видимости, и станет главным полем процессов синтеза религии, науки и искусства, которые приведут к формированию качественно нового сознания и мышления, к созданию новой

системы Знания и Познания» [38. С. 62]. В результате такого видения религиозные знания, будучи одной из форм общественного сознания, проникают в различные науки. Появились такие новые научные направления, как биотеология, психотеология, нейротеология, экотеология, теолингвистика и др.

Существует такая русская поговорка — *Доброе слово лечит, а злое калечит*. В ней свидетельствуется об энергии слова, его силе. Поэтому энергией произнесенных когда-то нами слов пронизано все информационное и культурное пространство вокруг нас. Через слово осуществляется связь с Творцом, поэтому Слово и есть Творец.

Если для лингвиста сила слова определяется его смыслом и контекстом, в который оно помещено, то в богословии Слово обладает особой силой: посредством его, согласно Библии, происходит сотворение мира и всего сущего в нем [39. Евр. 1:3]. Словом Бог заставляет море расступиться, и по его дну евреи уходят от преследователей (Мк. 4:39), Иисус Христос исцеляет больных [31. С. 199; 19. Мф. 17:18; Лк. 9:27; 4:35; 39, 41), изгоняет бесов [19. Мф. 8:16]. Божественное Слово — это вместилище энергии, которая имеет власть над миром и вечностью, приближает к сокровенному. Как считает В.И. Постовалова, здесь «работают» «сокровенные моменты лингвистического опыта, относящиеся к области мистической прагматики» [40. С. 137]. Вероятно, всякое слово изначально было носителем энергии духа. И человек на этом этапе осознавал его особую роль и силу, его божественную сущность. Однако с развитием цивилизации мы утратили это свойство.

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют в пользу расширения горизонтов лингвистики в сторону религии с целью выявления религиозных смыслов в русской лингвокультуре. Это и есть попытка совместить правду человеческую с правдой Божьей. Дух народа, по В. Гумбольдту, это его язык. Отсюда следует, что русский язык, русское слово — заключает в себе дух русского народа, а русский человек — «симфоническая личность», по Л.П. Карсавину, но дирижер здесь Бог, поэтому понять русского человека нельзя без учета религиозных ценностей и источников, формирующих его нравственные устои.

Язык как средство формирования характера и культурных установок народа

Язык является средством формирования культурных установок общества, он не только хранит духовные и культурные достижения, но и определяет путь народа в будущее. В каждом национальном языке сформированы и хранятся для будущих поколений культурные установки, т.е. предписания культуры, которые ориентируют человека в его поведении, жизненной практике, народной философии, являются образцами для подражания. Понятие культурной установки ввела В.Н. Телия, которая считала установки стержнем национальной культуры: «Основным стержнем культуры, организующим ее в особую часть картины мира, является совокупность ее установок, т.е.

ментальных образцов, играющих роль прескрипций для социальных и духовных практик» [41. С. 18]. Культурные установки тесно связаны с ценностными ориентирами. Они зафиксированы в пословицах, поговорках, фразеологизмах, отдельных лексемах и текстах, не только религиозных, но и художественных, научных. Приведем примеры: *Труд человека кормит, а лень портит; Цыгану без обману дня не прожить*. Как правило, поговорки, пословицы, афоризмы, фразеологизмы содержат установки культуры в эксплицитной форме: *садиться не в свои сани; ломать шапку; встать пораньше, да шагнуть подальше*. В них представлены правила поведения, которые нужно или не нужно выполнять: те, которым не нужно следовать, в культуре не поощряются и имеют следующие пометы в словаре — «неодобрительно», «презрительно», «пренебрежительно». Некоторые установки культуры имеют имплицитный характер и потому требуют интерпретации. Например, фразеологизм *ждать у моря погоды* содержит в себе негативную оценку такого поведения, т.к. установка культуры направлена на активное поведение. Например, отсутствие большой логики в русском языке, способность улавливать те смыслы, которые в других языках даже не просматриваются, свидетельствуют о попытке охватить и объяснить весь мир сразу и со всех сторон, и в этом тоже проявляется широта русской души, по Н. Бердяеву. Попробуйте объяснить диалоги: 1. *На что Вам жить? — Живите на здоровье! 2. Что ты сейчас делаешь? — Варю суп. — Из чего? — Из последних сил! 3. Слышал, умерла ваша теща. Что у нее было? — Да так, ерунда: старый телевизор и диван*. Или увидеть правильное толкование слова *недоумение* как «профнепригодность» ввиду отсутствия ума, родственное слово *недоумок*.

Культурные установки способны формировать национальный характер. Характер как понятие философии, социальной психологии и других наук — одна из достаточно размытых и плохо определяемых категорий. В переводе с греческого «характер» (*character*) — «чеканка», «примета», «печать». Проблемой характера заинтересовались еще в древности. Так, Аристотель и Платон предлагали определять характер человека по схожести с внешностью животного, потом сравнивали человека с характером этого животного. По Аристотелю, широкие, как у быка, ноздри, символизировали лень; широкий, как у свиньи, нос — глупость; нос, как у льва, — важность, жесткие волосы, как у львов и кабанов, — храбрость и т.д. В XVIII веке И.К. Лафатер утверждал, что характер человека можно определить по строению его головы. Пытались определить характер по походке (О. Бальзак) и т.д.

К настоящему времени существует много работ, посвященных проблеме характера. Наиболее успешно проблемы характера решает психология и частично философия. Прежде всего, это работы Т. Абрахама, В. Райха, А. Лоуэна, Э. Фромма, а также отечественных ученых П.В. Симонова, П.М. Ершова, А.Р. Лурия, В.А. Крутецкого, Р.С. Немова, В.М. Русалова и др. Например, Э. Фромм определяет характер так: «Характер — это специфическая форма человеческой энергии, возникающая в процессе динамической адаптации человеческих потребностей к определенному образу жизни в

определенном обществе» [42. С. 127]. Проанализировав большинство из них, мы пришли к выводу, что характер — это модель поведения, присущая данному человеку, это каркас личности.

В.А. Крутецкий считает, что главное в определении характера — это его отношение к людям и его поведение в определенной ситуации «как способ осуществления этих отношений» [43. С. 61]. По мнению Р.С. Немова, характер можно отнести к числу инструментальных свойств личности, характер определяет манеру выполнения деятельности [44]. В характере каждого человека необходимо видеть единство устойчивых и динамичных свойств. Характер как раз и есть та сущность, исследовать и понять которую можно только интегрировав знания ряда наук. Так, с точки зрения нейробиологов, характер есть сплав черт нервной системы и жизненных впечатлений, которые закрепляются в виде временных нервных связей в мозге человека. С точки зрения социальных наук характер является следствием отражения внешней среды; он формируется через взаимодействие личности и мира, с которым личность сталкивается в самых разных ситуациях.

Психология, философы, лингвисты, антропологи и представители ряда других гуманитарных наук установили, что характер может определяться следующими чертами: 1) бытовые черты — аккуратный — неаккуратный, чистый — грязный, пьяница и т.д. 2) интеллектуальные — умный — глупый, образованный — необразованный, развитой — тупой; 3) психические — храбрый — трусливый, веселый — печальный, надменный — смиренный; 4) социальные — общительный — необщительный, независимый — покорный, честный — нечестный и т.д.; 5) идеологические — патриотичный — непатриотичный, националист — космополит [45].

Таким образом, «человек» и «характер» — базовые понятия не только лингвистики, философии, психологии, культурологии, социологии, антропологии, этнографии, но и ряда других наук, без их данных невозможно адекватное представление о данном феномене. Лингвисты также способны внести свой вклад в развитие теории характера.

Справедливости ради нужно сказать, психологи США не считают характер компонентом личности. Вероятно, это и послужило толчком к дискуссии, развернутой в 2012 году на страницах журнала «Политическая лингвистика». Некоторые авторы (М.В. Безродный, А.В. Павлова и др.) отрицали наличие характера вообще и национального характера в частности. Не вдаваясь в подробности дискуссии, хотелось бы заметить, что термин *характер* некоторые исследователи пытаются заменить *ментальностью*, термином социальной психологии и современной лингвистики. Нам эти попытки представляются несостоятельными. Во-первых, потому, что ментальность, по В.В. Колесову, это «специфическое проявление национального характера, интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества» [46. С. 51]. По А.Я. Гуревичу, ментальность — это способ видения мира, это уровень общественного сознания [47. С. 76]. Как видим, ментальность гораздо шире понятия «характер». Ментальность — это способ

мировидения вообще, это мирозерцание в категориях родного языка, т.е. в ментальности объединяются интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных ситуациях.

Во-вторых, ментальность проявляется не только на уровне языковой, наивной, но и концептуальной картины мира (Ю.Д. Апресян, Е.С. Яковлева, О.А. Корнилов). Так, академик Ю.С. Степанов, говоря о национальных особенностях русской и французской математических школ, пишет: «Научные парадигмы приобретают не только временные очертания эпох, но и очертания национальных стилей мышления» [48. С. 389]. Поскольку существует национальный стиль мышления, национально обусловленное поведение, то должен существовать и национальный характер, который является основой названных сущностей. Если бы не существовал национальный характер, то как бы создавались и хранились в культуре серии анекдотов о национальном характере?

Высказанные соображения не позволяют нам отказываться от того, что вызывало интерес у ученых на протяжении тысячелетий — от изучения характера. Мы считаем характер ядром личности, тем фундаментом, на котором выстраивается личность в ее целостности. Характер — социолингвистическая категория. С одной стороны, конкретный язык позволяет увидеть мир несколько по-иному, чем представитель соседнего народа, но с другой — язык навязывает личности свою систему категорий, свой способ концептуализации мира.

В. Гумбольдт считал, что через язык можно понять дух и характер народа. В недрах нейробиологии и нейролингвистике сформировалась концепция о языке как об орудии, формирующем человека, хотя в традиционной лингвистике превалирует точка зрения, согласно которой именно человек в процессе эволюции порождает язык. Психологи считают, что общественные установки формируют потребности и направленность личности. Формирование характера идет через включение личности в разные социальные группы (семья, дружеская компания, учебная группа, трудовой коллектив, объединения по интересам и т.д.). В зависимости от того, как проходит социализация личности в референтной для нее группе, у личности могут формироваться то правдивость, храбрость, открытость, твердость характера, то лживость, трусость, конформность, слабохарактерность.

Таким образом, мы считаем характер ядром личности, тем фундаментом, на котором выстраивается личность в ее целостности и вариативности. Как же представлен характер человека в языке и языковом сознании? Через пословицы, поговорки, фразеологизмы, отдельные лексические единицы, в которых зафиксированы национальные ценности, поступки и устойчивые способы поведения. Именно они позволяют выявить основные черты (характеристики) национальной личности. В языке зафиксировано значительное количество черт характера: по данным словаря их около 5000 слов [49].

Огромную информацию о человеке и его характере фиксируют в себе поговорки, пословицы, афоризмы, культурные установки, ценности и т.д. Пословица создается на основе повторяющихся жизненных ситуаций, поступков, регулярного поведения. С позиции когнитивной лингвистики вместо

ситуации анализируется когнитивный фрейм или когнитивный сценарий. Такой подход позволяет вновь возникающие ситуации вложить в старые мыслительные схемы, что мы и видим на примере возникновения новых пословиц: *Кто быстро гонит, того медленно несут*.

В русском характере значительное место занимает удаль (*Мал да удал; Семь бед — один ответ*); смелость (*Смелость силе воевода; Смелость города берет; Кто смел, тот и съел*); умение прийти на помощь (*На велико дело — великая помощь; Поменьше слов — побольше дела*); в пословицах содержатся советы и культурные установки поведения: не воруй (*вор не бывает богат, а бывает горбат; плуту да вору честь по разбору*); не обманывай (*не ищи правды в других, если в тебе ее нет*); не ленись (*без дела жить — только небо коптить; хочешь есть калачи, так не сиди на печи*), будь патриотом, люби свою землю (*своя земля и в горсти мила; чужая сторона — мачеха*); нехорошо трудные дела отдавать другим (*чужими руками жар загребать*) и т.д. Как известно, опыт и культурные установки формируют характер.

В каждую эпоху создаются *новые пословицы*: *Кто в колхозе трудится, у того все сбудется. Хлеб дает нам не Христос, а машина и колхоз. Хорошая нива только у коллектива*.

Если раньше в пословицах утверждался позитивный опыт народа, то в наше время в них происходят самые различные трансформации, сводящие смысл до негативного: в ранг установок культуры, т.е. норм поведения, возводится нетерпимость (*Каждой твари — по харе*); нежелание исполнять обещания (*Обещанного три гада ждут*); воровство (*Кто спер, тому пер* (удача) и т.д. Многие пословицы трансформируются так, что возводят в норму негативное поведение: *Если гора не идет к Магомету, значит, Моисей больше заплатил*. Следовательно, меняется национальный характер — меняются пословицы и афоризмы, которые, в свою очередь, формируют характер следующих поколений.

В любом европейском языке есть большое количество слов, грамматических категорий, фразеологизмов и прагматических средств для передачи каждой из черт характера. Это еще раз подчеркивает, что изучение человека и его характера сквозь призму языка чрезвычайно актуально. О типично русских чертах пишут Д.С. Лихачев, Ю.Н. Караулов, Г. Гачев и др.

Наблюдения исследователей и писателей показывают нам противоречивый русский характер. Представленные в пословицах, поговорках, фразеологизмах, афоризмах, анекдотах черты как раз и демонстрируют алогичный и противоречивый русский характер. Только русский человек не видит противоречий во фразе: *Умная женщина сама знает, что она дура*.

Россия — страна контрастов и противоречий: «нигде нет таких противоположностей высоты и низости, ослепительного света и первобытной тьмы» [50. С. 107]. Обратной стороной русского смирения является русское самомнение [50. С. 22]. Где грань между верностью и подобострастием, мужественностью и жестокостью, щедростью и расточительностью? Данные вопросы позволяют решить, как наблюдения над языком (не только

художественного, но и других типов дискурса), так и эксперимент (использование триангуляционного метода).

Думается, что особенности национального характера следует выводить из национально-специфического в каждом языке. Причем национальный язык не только закрепляет в своих единицах национальный характер, но и формирует его. Вероятно, только русский человек мог сказать: «Если кто-то рассуждает логично, то тем самым демонстрирует только то, что находится в здравом уме, а не то, что он прав» (эта фраза принадлежит великому физиологу И.П. Павлову). Поэтому исследовать национальный характер лучше всего через язык. Человек закрепил в языке свои внутренние состояния, чувства и эмоции, интеллект, поступки и характер. Не случайно величайший мыслитель XX века М. Хайдеггер сказал, что сущность человека покоится в его языке. Профессор МГУ О.А. Корнилов утверждает, что именно в языковой картине мира «...запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» [51. С. 80].

Приведенные особенности языка определяют национальный способ видения мира, национальную картину мира. Б. Уорф писал: «Мы выделяем в мире те явления или иные категории и типы совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленим мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что ... это...закреплено в системе моделей нашего языка» [52. С. 87]. Таким образом, еще раз подтверждается мысль о том, что язык — это миропонимание и мировоззрение, поэтому по нему можно судить о состоянии общества и нации в целом и каждой языковой личности в отдельности.

Заключение

Лингвистика в наше время стала одной из приоритетных областей человеческого знания вообще, потому что, во-первых, все виды знания фиксируются в языке, а во-вторых, язык не просто хранит эти знания, но и формирует разные формы общественного сознания, — философию, науку, религию, искусство, мифологию. Это позволило Е.С. Кубряковой еще в начале века писать о лингвистической экспансии. Человек ощущает себя неразрывно связанным с природой, Вселенной, отсюда необходимость синтеза разных наук, целью которого является получение целостного видения человека и его языка в мире и Вселенной. Этот путь объединения знаний приведет к раскрытию тайн глубинного познания мира, которое только начинает приоткрываться: например, то, что сознание не жестко связано с языком, его (сознание) едва ли может «схватить» ассоциативный эксперимент, хотя на это долго уповали психолингвисты. Вследствие этой не прямой стыковки языка и сознания мы получили возможность создавать и понимать абсолютно новые сообщения, составленные даже вопреки здравому смыслу.

Для современной науки чрезвычайно важно исследование механизмов взаимосвязи языка и мозга. Полученные в этой области знания помогают понять не только сущность языка, но и сущность человека, потому что мы видим и познаем мир так, как это позволяет наш мозг: мир для нас таков, каким мы способны его воспринять и описать. Над этой проблемой сейчас работают Т. Нагель, К. Анохин, Ж.И. Резникова и др.

Отсюда необходимость в обучении специалистов полидисциплинарного типа, для подготовки которых нужно собрать лучших специалистов и создать 1—2 университета. Это идея Т.В. Черниговкой, которая сама является лингвистом, физиологом и психологом. Попытки этого уже предпринимаются, например, в Курчатовском институте, но там все вертится вокруг физики, а нам хотелось бы, чтобы в центре была лингвистика, интегрированная с другими науками.

Таким образом, проблемы взаимосвязи языка и сознания, языка и культуры, языка и ментальности, языка и религии, языка и характера — это междисциплинарные, интердисциплинарные (интегративные) проблемы, решить которые можно только совместными усилиями разных ученых. Интегративный подход позволит получить новые знания об устройстве человеческой ментальности, психики, имеющих отношение к бессознательному, о влиянии бессознательно на язык; поможет понять, как действует на человека сильное религиозное, духовное слово, которое является предметом рассмотрения новых гуманитарных наук — лингвофилософии, теолингвистики, теосемантики и ряда других наук. Полученные интегративные знания могут вскрыть некаузальные отношения в мире, обнаружить более глубокие законы бытия.

Библиографический список

1. *Брейден Г.* Божественная матрица. М.: София, 2017.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М. 1974. С. 104—114.
3. *Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993
4. *Fodor J.* Where is my mind? // London Review of Books. 2009. Vol. 31. No. 3. P. 27—34.
5. *Ильин И.А.* Собрание сочинений в 10-тт. Т. 3. М.: Русская книга, 1994.
6. *Брейден Г., Лаубер Л.* Квантовая формула любви. М.: ЭКСМО, 2012.
7. *Маслова В.А.* Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008.
8. *Маслова В.А.* Концептуальные основы современной лингвистики. М.: Флинта, 2018.
9. *Понтон Д., Ларина Т.В.* Дискурс-анализ в 21 веке: Теория и практика (II) // Russian Journal of Linguistics. 2017. Т. 21. № 1. С. 7—21.
10. *Степанов Ю.С.* Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». М.: Эйдос, 2010.
11. *Падучева Е.В.* В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. 1995. Т. 54. № 3. С. 38—49.
12. *Дилтс Р.* Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб.: Питер, 2019.
13. *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. М.: Наука, 1985.
14. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка. М.: URSS, 2006.
15. *Берестнев Г.И.* Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики // Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX—XXI веков. Липецк, 2017. С. 7—25.

16. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике. М.: Академический проект, 2008.
17. *Черниговская Т.В.* Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2017.
18. *Лем С.* Моделирование культуры // Знание сила. 2004. № 01. (919).
19. Евангелие от Матфея (МФ). М., 1992.
20. *Степанов Ю.С.* В мире семиотики // Семиотика: Антология. М.: Академический проект, 2001. С. 5—42.
21. *Булгаков С.* Философия имени. СПб.: Наука, 1998.
22. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
23. *Звегинцев В.А.* Предложение и его смысл. М.: МГУ, 1976.
24. *Маковский М.М.* Удивительный мир слов и значений. М.: Высшая школа, 1989.
25. *Гумбольдт Вильгельм фон.* Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред., с предисл. Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984.
26. *Назаров В.Н.* Введение в теологию. М.: Гардарики, 2004.
27. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1997.
28. *Граудина Л.К., Кочеткова Г.И.* Русское слово в лирике XIX века. М.: Наука, Флинта, 2010.
29. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука, 1977.
30. *Юрченко В.С.* Космический синтаксис: Бог. Человек. Слово. Саратов: Саратовский университет, 2009.
31. *Вейник В.* Почему я верю в Бога. Минск, 2002.
32. *Верещагин Е.М.* Русский язык и российское православие: Общелингвистическая проблематика // Доклад на XI Конгрессе МАПРЯЛ. 17—22 сент. 2007 г. Болгария, Варна. М.: Ин-т русск. яз.им. В.В. Виноградова РАН, 2007.
33. *Аверинцев С.С.* Спасение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001.
34. *Федотов Г.П.* Собрание сочинений в 12 томах. Т. 2. М.: Мартис, 1998.
35. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 2. М.: Правда, 1990.
36. *Крестьянкин И.* Познати на земле путь Твой. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2018.
37. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000.
38. *Шапошникова Л.В.* Град светлый. Международный центр Рерихов. М.: МЦР, 1998.
39. *Библия.* Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2006.
40. *Постовалова В.И.* Религиозные концепты в теолингвистическом представлении // Хрестоматии теолингвистики / под ред. А.К. Гадомского и К. Кончаревич. Београд: Универзитет у Београду, 2011. С. 6—12.
41. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13—24.
42. *Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992.
43. *Крутецкий В.А.* Основы педагогической психологии. М.: Просвещение, 1982.
44. *Немов Р.С.* Психология. Кн.1. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1987.
45. *Бартминьский Е.* Базовые стереотипы и их профилирование (на материале польского языка) // Стереотипы в языке, коммуникации, культуре: сб. ст. М.: РГГУ, 2009. С. 11—21.
46. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
47. *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 75—89.
48. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.

49. Фридман С.А. Человек. Характер и поведение. Толковый словарь. М.: Мнемозина, 2003.
50. Бердяев Н.А. Судьбы России. М.: Эксмо, 2004.
51. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
52. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика. Вып. 1. М., 1999. С. 15—59.

References

1. Braden, G. (2017). *Divine Matrix*. Moscow: Sofia. (In Russ.).
2. Benveniste, E. (1974). *General linguistics*. Moscow, pp. 104—114. (In Russ.).
3. Nalimov, V.V. (1993). *In search of other meanings*. Moscow: Progress. (In Russ.).
4. Fodor, J. (2009). Where is my mind? *London Review of Books*. 31(3), 27—34.
5. Пийн, I.A. (1994). *Collected works in 10 volumes*. Vol. 3. Moscow: Russian book. (In Russ.).
6. Braden, G. & Lauber, L. (2012). *Quantum formula of love*. Moscow: EKSMO. (In Russ.).
7. Maslova, V.A. (2008). *Modern trends in linguistics*. Moscow: Academy. (In Russ.).
8. Maslova, V.A. (2018). *Conceptual foundations of modern linguistics*. Moscow: Flint. (In Russ.).
9. Ponton, D. & Larina, T.V. (2017). Discourse Analysis in the 21st Century: Theory and Practice (II). *Russian Journal of Linguistics*. 21(1), 7—21.
10. Stepanov, Yu.S. (2010). *Thinking reed. The book is about "Imaginary Literature"*. Moscow: Eidos. (In Russ.).
11. Paducheva, E.V. (1995). V.V. Vinogradov and the Science of the Language of Fiction. *Izvestiya RAN*. 54(3), 38—49. (In Russ.).
12. Dilts, R. (2019). *Language tricks. Changing beliefs with NLP*. St. Petersburg: Peter. (In Russ.).
13. Humboldt, W. von. (1985). *Language and philosophy of culture*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
14. Elmslev, L. (2006). *Prolegomena to the theory of language*. Moscow: URSS. (In Russ.).
15. Berestnev, G.I. (2017). Synchronicity as an object of cognitive linguistics. In: *Spirituality and mentality: ecology of language and culture at the turn of the XX—XXI centuries*. Lipetsk. pp. 7—25. (In Russ.).
16. Ricoeur, P. (2008). *Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics*. Moscow: Academic project. (In Russ.).
17. Chernigovskaya, T.V. (2017). *Schrödinger's Cheshire Cat Smile: Language and Consciousness*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
18. Lem, S. (2004). Modeling culture. *Znanie-sila*, 01(919). (In Russ.).
19. Gospel of Matthew (MF). (1992). Moscow. (In Russ.).
20. Stepanov, Yu.S. (2001). In the world of semiotics. In: *Semiotics: Anthology*. Moscow: Academic project. pp. 5—42. (In Russ.).
21. Bulgakov, S. (1998). *Philosophy of the name*. St. Petersburg: Science. (In Russ.).
22. Wittgenstein, L. (1994). *Philosophical works. Part 1*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
23. Zvegintsev, V.A. (1976). *The proposal and its meaning*. Moscow: Moscow State University. (In Russ.).
24. Makovsky, M.M. (1989). *An amazing world of words and meanings*. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
25. Humboldt, Wilhelm von. (1984). *Selected works in linguistics*, G.V. Ramishvili (Transt., Ed.). Moscow: Progress. (In Russ.).
26. Nazarov, V.N. (2004). *Introduction to Theology*. Moscow: Gardariki. (In Russ.).
27. Arutyunova, N.D. (1997). *Human language and world*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
28. Graudina, L.K. & Kochetkova, G.I. (2010). *The Russian word in the lyrics of the nineteenth century*. Moscow: Nauka, Flint. (In Russ.).
29. Dostoevsky, F.M. (1977). *Complete works in thirty volumes*. Vol. 28. Book. 1. Leningrad: Nauka. (In Russ.).

30. Yurchenko, V.S. (2009). *Cosmic syntax: God. Human. Word*. Saratov: Saratov University. (In Russ.).
31. Veinik, V. (2002). *Why do I believe in God*. Minsk. (In Russ.).
32. Vereshchagin, E.M. (2007). *Russian Language and Russian Orthodoxy: General Philological Problems*. In: *Report at the XI Congress of MAPRYAL*, 17—22 Sep 2007, Bulgaria, Varna. Moscow: Institute of Russian language named after V.V. Vinogradov of Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
33. Averintsev, S.S. (2001). *Salvation*. In: *New philosophical encyclopedia: in 4 volumes*. Vol. 3. Moscow: Mysl'. (In Russ.).
34. Fedotov, G.P. (1998). *Collected works in 12 volumes*. Vol. 2. Moscow: Martis. (In Russ.).
35. Flopensky, P.A. (1990). *At the watersheds of thought (Features of concrete metaphysics)*. Vol. 2. Moscow: Pravda. (In Russ.).
36. Krestyankin, I. (2018). *Learn Your Way on Earth*. Moscow: Sretensky monastery. (In Russ.).
37. Humboldt, W. von. (2000). *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
38. Shaposhnikova, L.V. (1998). *Light hail. International Center of the Roerichs*. Moscow: MCR. (In Russ.).
39. *Bible Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments*. (2006). Moscow: Russian Bible Society. (In Russ.).
40. Postovalova, V.I. & Postovalova, V.I. (2011). *Religious concepts in theolinguistic representation*, A.K. Gadomsky and K. Koncharevich (eds.). Beograd: University at Beograd. pp. 6—12. (In Russ.).
41. Telia, V.N. (1999). *Priority tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of the language in the context of culture*. In: *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Languages of Russian culture. pp. 13—24. (In Russ.).
42. Fromm, E. (1992). *The human soul*. Moscow: Republic. (In Russ.).
43. Krutetskiy, V.A. (1982). *Foundations of educational psychology*. Moscow: Prosveshhenie. (In Russ.).
44. Nemov, R.S. (1987). *Psychology*. Book 1. Moscow: VLADOS. (In Russ.).
45. Bartminskiy, E. (2009). *Basic stereotypes and their profiling (based on the Polish language)*. In: *Stereotypes in language, communication, culture: collection of articles*. Moscow: RGGU. pp. 11—21. (In Russ.).
46. Kolesov, V.V. (2004). *Language and mentality*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. (In Russ.).
47. Gurevich, A.Ya. (1989). *The problem of mentalities in modern historiography*. In: *General history: Discussions, new approaches*. Vol. 1. Moscow. pp. 75—89. (In Russ.).
48. Stepanov, Yu.S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian culture*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
49. Fridman, S.A. (2003). *Human. Character and behavior. Dictionary*. Moscow: Mnemosyne. (In Russ.).
50. Berdyaev, N.A. (2004). *The fate of Russia*. Moscow: Eksmo. (In Russ.).
51. Kornilov, O.A. (2003). *Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentality*. Moscow: CheRo. (In Russ.).
52. Wharf, B.L. (1999). *The relation of norms of behavior and thinking to language*. In: *Foreign linguistics*. Is. 1. Moscow. pp. 15—59. (In Russ.).

Информация об авторе:

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, проф. кафедры германской филологии; филологический факультет Витебского госуниверситета; сфера научных интересов: теория языка, лингвокультурология, поэтика; e-mail: mvavit@tut.by

Information about the author:

Valentina A. Maslova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Germanic Languages, Vitebsk State University named after P.M. Masherov; Research interests: language theory, cultural linguistics, poetics; e-mail: mvavit@tut.by

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874
УДК 81'37:003:614:616

Научная статья / Research article

Концептосфера «здоровье — болезнь»: культурный код

Т.В. Маркелова¹✉, М.Л. Новикова²

¹Институт современного искусства,
121309, Российская Федерация, Москва, ул. Новозаводская, 27а

²Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
✉ tvmarkelova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются понятийные, образные и ценностные характеристики концептосферы «здоровье — болезнь», находящей активное отражение в языковом сознании в силу их возрастающей значимости. Эти процессы обусловлены различными тенденциями, приводящими к увеличению опасности для здоровья человека: эпидемии, техногенные катастрофы, ухудшение экологии. В связи с актуальностью проблемы авторы статьи ставят перед собой цель исследования концептосферы «здоровье — болезнь» как стратегии изменения ментальности человека в отношении к здоровью как ценности, норме жизни, а болезни — отклонению от нормальной жизни, что предполагает наблюдения за ценностной и образной характеристикой концепта, выявление и описание «культурной» семантики языковых знаков. Логика исследования продиктована тем, что исходный перцептивный образ, лежащий в основе любого концепта, представляет собой основу вектора конфигурации смыслов, присущих всей организуемой с его помощью тематической области. Проведенный анализ концептосферы «здоровье — болезнь» с помощью инструментов корпусного исследования массива языковых данных позволил обратиться к проективным смыслам моделируемой действительности, их осмыслению и интерпретации. В статье обосновывается, что актуализация хорошего и/или плохого отношения к здоровью и болезни в силу внешних и внутренних причин, это: выход на первый план доминирующих знаков, мотивированных внешними обстоятельствами; формирование новой ментальности в отношении человека к своему здоровью, которое «встраивается» в языковую картину мира, образуя особую концептуальную сферу как совокупность многомерных смысловых образований. Исследование концептов «здоровья» и «болезни» как культурного кода позволяет авторам сделать вывод о том, что они отличаются разной шириной культурного функционала, обусловленного понятийной характеристикой концепта. Представленное в статье описание ценностной характеристики амбивалентных концептов с позиции человека — ценителя, критика, преобразователя собственной жизненной траектории в рамках этических, эстетических, эмоциональных ценностей позволяет существенно расширить представления о различных способах языковой объективации опыта, кванта переживаемого знания, с социально-групповой спецификой осмысления пространства концептосферы «здоровье — болезнь».

Ключевые слова: концепт, когнитивистика, лингвокультурология, языковая картина мира, ценностная характеристика, семантическая структура, дискурс

© Маркелова Т.В., Новикова М.Л., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Финансирование. Благодарности

Исследование выполнено в рамках Президентского гранта, номер проекта 20-1-033599 «Творчество на службе здоровья и развития детей в условиях стационарных клиник».

История статьи:

Дата поступления: 01.04.2021

Дата приема в печать: 15.05.2021

Для цитирования:

Маркелова Т.В., Новикова М.Л. Концептосфера «здоровье — болезнь»: культурный код // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 848—874. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874

UDC 81'37:003:614:616

«Health — disease» Conceptual Sphere: Cultural Code

Tatyana V. Markelova¹✉, Marina I. Novikova²

¹Institute of Modern Arts,
27A, Novozavodskaya street, Moscow, Russian Federation, 121309

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
✉tvmarkelova@mail.ru

Abstract. The research is focused on the conceptual, figurative and value features of «*health — disease*» concepts due to their permanently growing importance, reflected in the language mindset. These processes are caused by various trends leading to the increasing danger to human health: epidemics, human-induced disasters, environment pollution. Due to the relevance of the issues, the authors aim to analyse the «*health — disease*» conceptual sphere as a strategy to change human mentality and the attitude to health as a norm and a value as well as to disease as a deviation from normal life, which implies observation of values and image characteristics of concepts, revealing and describing the cultural semantics of signs. The research is designed according to the original perceptive image that every concept is based on. This image represents a vector basis in a configuration of meanings inherent in the whole conceptual sphere. The analysis of the conceptual sphere using the corpus analysis tools allowed the authors comes to the conclusion that they vary and differ within cultural functionality determined by the conceptual characteristics. Actualization of a negative or positive attitude to health and disease caused by internal and external factors reveals the dominance of the signs motivated by the external events, such as the formation of the new human health-oriented mentality and the creation of a specified conceptual sphere. The description of ambivalent concepts provided in the axiological perspective provides an opportunity to learn more about complicated conceptual spheres and explore linguistic experience objectivation, experienced knowledge quantum as well as social and group specifics in the «*health — disease*» conceptual sphere.

Keywords: concept, linguistics, cultural studies, linguistic worldview, axiological characteristics, semantic structure, discourse

Financing. Acknowledgments

The study was carried out within the framework of the President's grant, project number 20-1-033599 "Creativity in the service of the health and development of children in the conditions of inpatient clinics".

Article history:

Received: 01.04.2021

Accepted: 15.05.2021

For citation:

Markelova, T.V. & Novikova, M.L. (2021). «Health — Disease» Conceptual Sphere: Cultural Code. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 848—874. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-848-874

Введение

Ключевая идея работы о важности и своевременности постановки вопроса «здоровье-болезнь» обусловлена не только объективным состоянием общества и его потребностями, но и недостаточно полно представленной научной позицией данной концептосферы в лингвистической науке. Исследуемые концептуальные знаки не представлены ни в перечне концептов Ю.С. Степанова [1. С. 990]; ни среди концептов лингвокультурного кода В.И. Карасика [2. С. 121—178].

Исследования концептосферы здоровья как культурного кода и ее актуальность позволяют обратиться к процессу «переживания знаний» о теле и духе, плоти и крови, силе и слабости для каждой языковой личности как индивидуально-личностному и одновременно культурно-групповому процессу в единстве языковых, коммуникативно-прагматических, когнитивных, социо- и этнокультурных, коммуникативно-технологических характеристик. Анализ заявленных концептов и их культурного кода оправдан задачами проекта Института современного искусства «Здоровье как искусство. Искусство на службе здоровья», направленного на изменение ментальности российского человека в его отношении к здоровью, приоритета в отношении к здоровью как ценности, достоинству личности, а к болезни — как к недостатку.

Именно в медицинском дискурсе сосредоточено много проблем здоровья и болезни и их позитивных и негативных интерпретаций, коррелирующих с состоянием общества, прогнозирующих условия его развития или застоя. В рамках междисциплинарного характера изучения медицинского дискурса акцентируется внимание на его специфических дискурсивных признаках [3. С. 199—215], обусловленных интересом к нему представителей различных научных направлений. Сквозь призму дискурсивной компетенции медиков как интегративной формы ряда компетенций: тезаурусной, экстралингвистической, стратегической (интерактивной), паралингвистической и эмотивной [4. С. 38—39], изучаются цветовые ассоциации восприятия здоровья и болезни в современной русской культуре [5], лингвокогнитивные особенности мифа о болезни [6], исследуются обыденный медицинский дискурс и профессиональный дискурс как «зоны пересечения, обусловленные прежде всего контаминацией способов дискурсивного оформления профессиональных и непрофессиональных медицинских знаний (представлений)» [7. С. 128]. Именно междисциплинарный ракурс исследования медицинского дискурса

представляется чрезвычайно важным и актуальным в сфере поставленной нами цели исследования концептосферы «здоровье — болезнь» как культурного кода.

В фокусе нашего внимания решение следующих задач: выявления корпуса языковых средств, реализующих сферу концептов «здоровье» и «болезнь» лексическими и фразеологическими средствами и на их основе описание понятийной характеристики концептосферы; анализ ценностной характеристики амбивалентных концептов с позиции человека — ценителя, критика, преобразователя собственной жизненной траектории в рамках этических, эстетических, эмоциональных ценностей; исследование оценочной метафоры как одного из средств выражения образной характеристики концепта в репрезентации положительной и отрицательной его сфер. Такая призма исследования является весьма актуальной и позволит представить многостороннее описание концептосферы «здоровье — болезнь», проанализировать ценностные репрезентации культуры и искусства в разных областях и степени их воздействия на ментальность человека.

Соотнесения языкового знака с содержанием культурного знака в лингвокогнитивном и лингвокультурном пространстве

Языковая картина мира, в которой «рисует» отношение человека к окружающей его действительности, — одновременно общенациональная и индивидуальная. Она наполнена ключевыми идеями и ключевыми словами, среди которых есть слова-ориентиры, структурирующие человеческую жизнь от рождения и до смерти — это первичные репрезентанты объекта нашего исследования — слова *здоровье* и *болезнь* (а также производные от них: *здоровый* — *больной*). Именно они составляют базовое содержание концепта в его лингвокогнитивном и лингвокультурном пространстве, направленном на поиск и анализ языкового и речевого освоения действительности человеком. В них сконцентрирована языковая информация, несущая лингвокультурный код — «...систему взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное миропонимание» [2. С. 122].

Воспроизведение концептом как лингвокультурной единицей его смыслового поля ведет к формированию такого образа мира, который адекватен реалиям, в том числе культурным, этого мира и служит ориентиром для эффективной деятельности человека в нем, причем деятельности ментально-практической. Формирование принципов организации здоровой среды для здоровья человека нуждается в выделении и организации языкового пространства особенного медицинского дискурса, представляющего парадигму «здоровый человек — здоровый город — здоровая нация».

Роль этой парадигмы — в побуждении людей к восприятию и когнитивному развитию понятия *здоровье* — *здоровый образ жизни* и негативной

интерпретации понятия *болезнь* — *нездоровый образ жизни*. В развитии этой ментальной области в рамках заявленной парадигмы принимают участие понятийные, образные и ценностные характеристики концепта, дефиниция которых может воздействовать на изменение картины мира личности, «погрузить» ее в новую ментальность, достичь перлокутивного эффекта изменения отношения к своему здоровью и реализации этого отношения в обновлении поведения социума в обществе. В частности, оздоровления человека и нации в целом через интеграцию искусства и медицинской науки в рамках языкового пространства и дискурсивных стратегий.

Эта дискуссионная идея о влиянии внеязыковых явлений на семантику языковых единиц и их роль в дискурсе восходит к убеждениям В. фон Гумбольдта, который видит в языке «промежуточный мир» между мышлением и действительностью, при этом язык фиксирует особое национальное мировоззрение [8. С. 318], и взглядам Э. Сепира, утверждающего, что «современному лингвисту становится трудно ограничиваться лишь своим традиционным предметом... он не может не разделять взаимных интересов, которые связывают лингвистику с антропологией и историей культуры, с социологией, психологией, философией и — в более отдаленной перспективе — с физиологией и физикой» [9. С. 260—261].

Так, знания о «здоровье» и «болезни» формируются тематическим полем медицинского дискурса в ранге лексем и фразеологизмов, образных выражений в их различных функциональных ракурсах, например, знания о здоровом человеке, то есть «сильном», передаются фразеологизмами *лошадиная сила; медвежья, геркулесова сила; богатырская сила; косая сажень в плечах; грудь колесом; кровь с молоком*, а знания о больном, то есть «слабом», фиксируются в таких устойчивых оборотах, как *кожа да кости; спичка спичкой; еле ноги волочит; от ветра валится; соплей перешибешь* и др. Это поле аксиологически преобразуется в ментальном пространстве и реализуется многочисленными метафорическими образами в художественном, бытовом и медиадискурсе: *Экономика разрушает печень государства; врожденный порок рыночной экономики; власть находилась в коллапсе* (по материалам «Новой газеты») и мн. др.

Исходя из того, что языковая картина мира — это «главная часть семантической системы языка, в которой закреплены обиходные представления говорящих» [10. С. 115], и поэтому в ней оказывается возможным воссоздать поэтапное формирование семантики языковой единицы под воздействием картины мира и определить ее роль в изменении сознания говорящего, в нашем случае изменении картины мира говорящего в его представлениях о здоровье и болезни как положительных и отрицательных качествах его жизни.

Для решения сформулированного выше дискуссионного вопроса в данном исследовании применяется лингвокультурологическая теория, согласно которой семантика слова и фразеологизма анализируется на фоне ценностной картины мира, то есть в рамках антропоцентрической парадигмы «язык—человек—сознание—культура», с учетом парадигмы лингвокогнитивной

теории «язык—человек—сознание» с ее поиском возможностей передачи информации. Поэтому концепт, вслед за Ю.С. Степановым, Г.Г. Слышкиным и В.И. Карасиком, понимается как культурный феномен, в структуре которого важна ценностная составляющая: «Не всякое явление реальной действительности служит базой для образования концепта, но лишь то, которое становится *объектом оценки*» [11. С. 11]; «Принципиальна значимость ценностного компонента в структуре концепта, именно этот компонент является культурно-значимым» [2. С. 26].

Важно отметить, что за семантическим содержанием обнаруживаются общие понятийные категории — результат осмысления человеком действительности [12. С. 18], вследствие чего в качестве предмета лингвистической семантики определяется не реальный мир, а концептуализация мира, а в качестве фрагмента языковой картины мира рассматривается *концепт*. Взаимодействие с лингвокультурным планом требует соотнесения языкового знака с содержанием культурного знака в языковой картине мира говорящего, которые культура «набрасывает на мир», например: пространственный код — *вдохнуть жизнь, кровь ключом кипит*; временной код: *без памяти, во все лопатки, в чем душа держится*; предметный код — *сердце упало, кровь стынет* и др.

Подобно тому, как в лингвистике существует несколько подходов к определению сущности концепта, существует и несколько взглядов на его структурную организацию:

а) концепт обладает *слоистой структурой* [1. С. 992], в которой в качестве компонентов выделяют основной слой/актуальный признак, пассивный/исторический слой и внутреннюю форму;

б) концепт имеет *полевую и иерархическую структуру* [13. С. 14], в которой различают ядро/базовый слой и периферия/интерпретационное поле.

Для нас актуальнее придерживаться полевой организации концепта, так как *здоровье* и *болезнь* определяем как полюсы (зоны) одного семантического поля, а фразеологизм — как единицу функционально-семантического поля оценки [14. С. 67—80]. Таким образом, мы имеем возможность сравнивать и соотносить эти лингвокультурные феномены — концепт, фразеологизм, оценку — и моделировать их структуру в «единой системе координат».

Анализ концептосферы «здоровье — болезнь» с помощью инструментов корпусного исследования массива языковых данных

Возникающая при этом сложная и неоднозначная проблема корреляции языковых и ментальных образований находит свое решение в практике реальной жизни. Осознание индивидуумом и обществом *здоровья* как ценности способствует эстетическому совершенствованию и сохранению духовного мира и, как следствие, совершенствованию окружающего предметного мира. Изменение отношения индивидуального и коллективного сознания к *болезни*,

которая рассматривается как проявление ошибочного мышления, непонимание *здоровья* как ценности, приводит к мнению о том, что болеть не модно, не престижно и экономически невыгодно, формируя соответствующую языковую картину мира говорящего. Только исследование жизни концепта в слове и фразеологизме и его преобразующие возможности способны повлиять на сознание и создать «правильную» языковую картину мира говорящего, осуществить грамотное и целесообразное воздействие на человека средствами языка и речи. Концептуальный анализ позволяет выявить специфику исследуемой концептосферы, связывая в единое целое представления носителей культуры и особенности процессов категоризации и концептуализации мира.

Анализ большого объема материала по базам данных, сформированным из языковых корпусов, делают исследование репрезентативным. Для получения более полной картины обсуждаемой концептосферы, эмпирически релевантных данных (не ставя своей задачей ее полного статистического описания), обратимся к корпусным исследованиям манифестации концептов «*здоровье*» и «*болезнь*». Мы поддерживаем утверждение о том, что «корпус является средой для получения новых научных данных, осмысление которых представляется приоритетным для современного лингвистического описания и абсолютно необходимым в научной деятельности современного исследователя» [15. С. 27]. Когнитивная лингвистика активно обращается к корпусным исследованиям, что обусловлено стремлением исследователей «разработать интегрированную методологию в двух современных парадигмах когнитивной и корпусной» [16]. Новые разработки в количественном изучении языков, обращение к данным Российского национального корпуса, ruWas и ruTenTen и др., позволяют фиксировать частотность использования языковых единиц и изучать лингвистически релевантные параметры репрезентируемых ими знаний, поскольку «человеческое знание — это знание текстуальное, т.е. представленное в текстах, фиксируемое текстами, и, главное, порождаемое в текстах» [17. С. 44]

Проведенный анализ концептов «*здоровье*» и «*болезнь*» с помощью инструментов корпусного исследования массива языковых данных позволяет выделить грамматические конструкции и проективные смыслы моделируемой действительности, осуществить их осмысление и предложить интерпретацию причин такого распределения, охарактеризовать их связи. В целях решения поставленных задач обратимся к конкордансу (лат. *concordare* — ‘согласовываться, приводить к согласию’), интерпретируемому как список всех употреблений данного слова в контексте, представляющему собой «упорядоченный список словоформ (или слов) с указанием всех вхождений того или иного слова в заданный массив текстов» [18. С. 72], что принципиально важно для изучения его как культурного знака, активно формирующего этические параметры общения, жизненные установки, приоритеты, ценности и лингвокультурные особенности общества. Ниже выборочно представлены результаты анализа, систематизированные в виде таблиц (табл. 1, 2) и рисунков (рис. 1, 2).

Таблица 1 / Table 1

**Конкорданс существительного *здоровье* (3 074714 источников)
Concordance – *здоровье* as a noun (3,074,714 sources)**

Здоровье – подлежащее	Прилагательное + <i>здоровье</i>	Здоровье + существительное в родительном падеже	Союзные словосочетания (и/или)	Здоровье – дополнение	Здоровье + существительное в творительном падеже
ухудшиться	крепкое	состояние	счастье	поправить	рисковать
пошатнуться	психическое	укрепление	болезнь	укрепить	сиять
улучшиться	физическое	охрана	спокойствие	подорвать	жертвовать
восстановиться	душевное	поддержание	среда	сохранить	поплатиться
укрепиться	отменное	ухудшение	фигура	восстановить	светиться
закладываться	женское	залог	здравоохранение	беречь	озаботиться
подкачать	репродуктивное	восстановление	чистота	улучшить	похвастаться
поправиться	слабое	расстройство	питание	укрепить	лучиться
подвести	нравственное	повреждение	выносливость	обрести	рискнуть
подорвать	психологическое	нарушение	милосердие	губить	дорожить
портиться	богатырское	показатель	карьера	гробить	обеспокоиться
пошалить	плохое	основа	уверенность	ценить	пренебрегать
волновать	телесное	гарантия	свежесть	копить	веять
сопутствовать	мужское	символ	иммунитет	защищать	слабеть
слабеть	сибирское	резерв	отдых	ослаблять	распоряжаться
сопровождаться	драгоценное	центр	стройность	гарантировать	поступаться
страдать	духовное	родник	трезвость	терять	наградить
поддерживаться	сексуальное	формирование	мода	подарить	наполнять
заботить	репродуктивное	ценность	деньги	калечить	отличаться
нарушаться	общественное	ресурс	жизнедеятельность	расшатывать	запастись
подкопиться	железное	рецепт	досуг	застраховывать	одарить
хромать	могучее	тропа	покой	расстраивать	наливаться

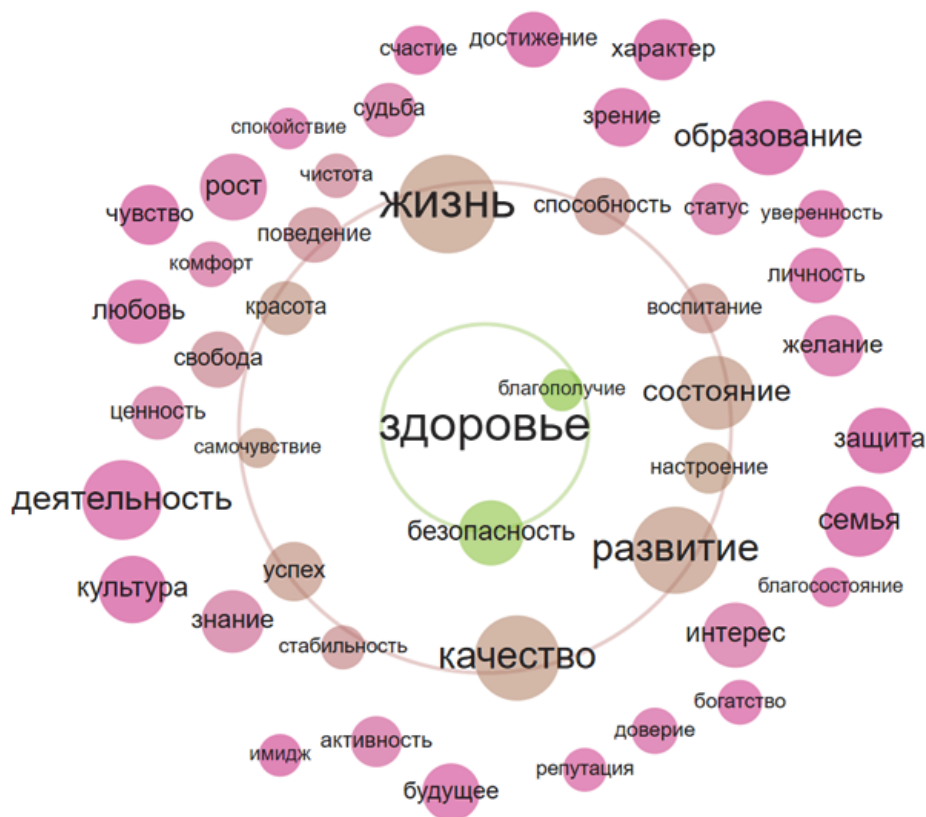

Рис. 1. Тезаурус лексической единицы *здоровье*
Fig. 1. Thesaurus of the lexical unit *здоровье*

Тезаурус как совокупность сведений, представленных с перечнем их употреблений, «сокровищница» знания, содержащегося в языке (от греч. *θησαυρός* — ‘сокровище’), отражает соотношение языкового знака с содержанием культурного знака в языковой картине мира говорящего. Тезаурус является одним из результативных инструментов описания, позволяющим выявить значение лексических единиц «*здоровье*» и «*болезнь*» посредством соотношения слова с другими понятиями и их группами. Устойчивые сочетания слов, которые составляют наиболее крупные структурные блоки системы тезауруса, образованные именами существительными, отработаны в языковом опыте и закреплены в культурной памяти. Концепты «*здоровье*» и «*болезнь*» как ракурсы мировидения, как ценностные ориентиры бытия, проанализированные с помощью корпусных исследований лексического массива RuTenTen сквозь призму сопряжения смыслов, как видение одного концепта через другой, особенности их языкового бытования и речевого функционирования, представленные ниже, являются важным и ценным ресурсом их анализа. Различные соотношения объемов значения концептов и их сочетаемости отражают динамику языковых процессов, их глубинные качественные и количественные особенности.

Таблица 2 / Table 2

**Конкорданс существительного *болезнь* (2,274,540 источников)
Concordance — *болезнь* as a noun (2,274,540 sources)**

<i>Болезнь</i> — подлежащее	Прилагательное + <i>болезнь</i>	<i>Болезнь</i>+ существительное в родительном падеже	Союзные словосочетания и/или	<i>Болезнь</i> — дополнение	<i>Болезнь</i> + существительное в творительном падеже
прогрессировать	гипертоническая	фаза	травма	лечить	заразиться
протекать	язвенная	возбудитель	голод	диагностировать	болеть
отступать	вирусная	обострение	заражение	побороть	смириться
развиваться	варикозная	течение	инфекция	победить	поражаться
лечить	неизлечимая	профилактика	смерть	предотвратить	мучиться
вызываться	тяжелая	симптомы	старость	симулировать	переболеть
развиваться	смертельная	признаки	недуг	распознавать	поддаться
обостряться	хроническая	стадия	страдание	исцелить	встречаться
отступать	инфекционная	причины	боль	изучить	справиться
сопровождаться	страшная	проявление	страх	исследовать	сражаться
поражать	продолжительная	начало	слабость	открыть	поразить
передаваться	почечнокаменная	течение	несчастье	врачевать	озаботиться
излечиваться	душевная	лечение	бедность	скрывать	сталкиваться
диагностироваться	гемолитическая	диагностика	стресс	загонять	встречаться
уносить	коронарная	развитие	синдром	предупредить	бороться
провоцировать	психическая	фаза	воспаление	пережить	повреждаться

Специфика исследуемой концептосферы состоит в том, что концепты, в нее входящие, реализуются лексемами амбивалентных семантических полей *здоровье* и *болезнь* (*здоровый* — *больной*), имеющих «точки пересечения» и «сопряжения», детерминированные объектом обладания названных ими состояний и свойств — человеком, его организмом в целостности и органами в частности, то есть широчайшей тематической областью реализаций концепта (органы человека, врачи, диагнозы, лекарственные препараты и многое другое) и областью медицинского дискурса. Полагаем, что полученные нами данные и их дальнейшая обработка в аспекте учета широкого контекста, и, соответственно, изучения дискурсивных факторов в будущем может являться важной исследовательской задачей.

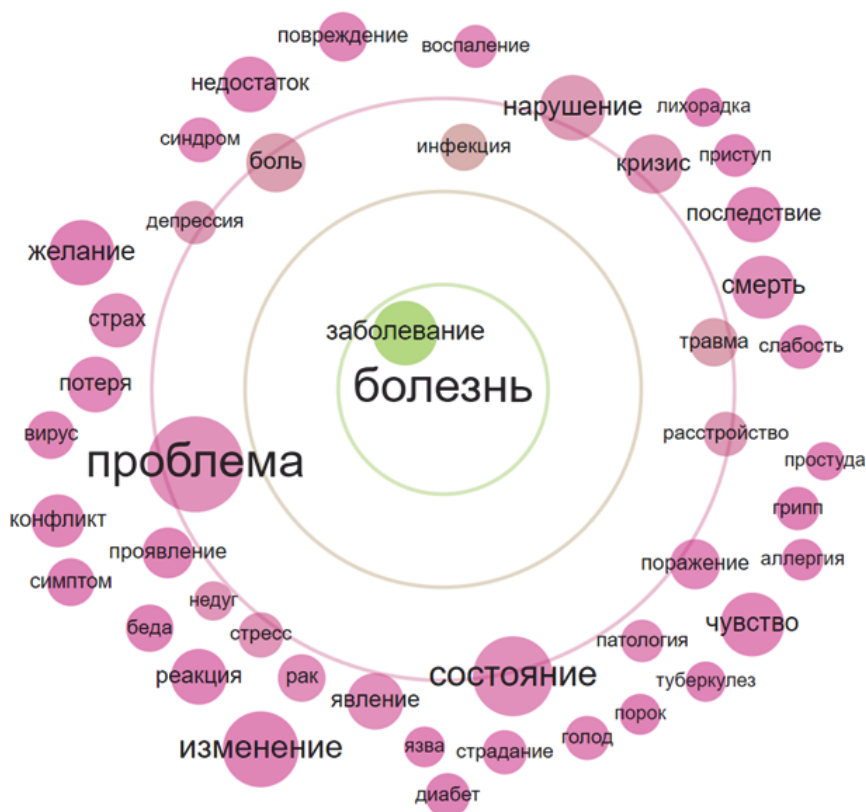

Рис. 2. Тезаурус лексической единицы *болезнь*
Fig. 2. Thesaurus of the lexical unit *болезнь*

Понятийный, образный, ценностный компоненты концептосферы «здоровье — болезнь»

Находясь в «проблемном поле» лингвокультурологии, для полноты семантического описания *лингвокультурного концепта* мы учитываем три его составляющие [19. С. 192]:

а) *понятийную*, отражающую его признаковую и дефиниционную структуру, соотносимую с семантической моделью соответствующей лексемы; б) *образную*, фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании; в) *значимостную* (в терминологии В.И. Карасика, *ценностную*), определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе языка, куда войдут также его этимологические и ассоциативные характеристики.

Понятийный аспект концепта формируется фактуальной информацией о реальном или воображаемом объекте, служащем основой для образования концепта [11. С. 128]. Основой образования концепта *здоровье* служит знание о том, что это *категория состояния* организма и его жизнедеятельности, относящаяся как к обыденному, так и к научному дискурсу и обозначающая явление естественного мира. Обобщенный характер семантической структуры

имени концепта, извлеченный на основе сравнения различных словарей, обозначает широкий спектр взаимосвязанных качеств *здорового* человека (здоровья), репрезентантами которых являются семемы 1) «нормальное состояние организма, при котором правильно функционируют все его органы» (сердце, мозг, печень, почки, сосуды, суставы); 2) «состояние организма в полном порядке, самочувствие, отсутствие недуга, болезни, наличие сил» (синонимический ряд дюжий, сильный, крепкий); 3) «полезный для здоровья, сохраняющий и укрепляющий, не гнилой»; 4) «благополучный, сохраннный»; 5) «здоровомысленный, рассудительный» [20. С. 551].

Обобщенный характер семантической структуры лексемы *болезнь* (*больной*) включает семемы: 1) «нарушение нормальной жизнедеятельности, конкретное заболевание, расстройство здоровья глаз, почек, бессилие и др.»; 2) «страдающий какой-либо болезнью (противоположное «здоровый»)»; 3) «повреждение, разрушение»; 4) «нарушение нормы, отклонение от нормы, отрицательное качество, нарушение свойств» [20. С. 994].

Имена концептов отражают отношение к норме, которое будет описано ниже, а также ценностное отношение к качеству объекта: *крепкое здоровье, слабое здоровье, хорошее здоровье — плохое здоровье*; а также *моральное здоровье, душевное здоровье*. Ср.: *тяжелая болезнь, хроническая болезнь, профессиональная болезнь* и мн. др.

Составляющие семантическую структуру концептов компоненты взаимодействуют также как *сила* и *бессилие* (*слабость*), *разум* и *неразумность*, о чем свидетельствует описание их семантической структуры. На базе концепта *здоровье* в научном дискурсе закрепились следующие устойчивые словосочетания: *состояние здоровья: тяжелое, стабильное, средней степени тяжести* и др.; *вредить здоровью, здравоохранение* и др.

Категориальное значение концепта *болезнь* приобретается в *физиологическом (медицинском) дискурсе*, понимаемое как состояние организма и его органов: *болезнь глаз, почек, сердца, крови, вызванная нарушением их функций или другими отклонениями в состоянии организма, в частности, слабостью*: под *слабостью* понимают «упадок мышечной силы, вялость мышечных движений, легкую утомляемость и потому непригодность к более или менее упорному физическому труду» [21. С. 279].

Количественными показателями болезни могут служить температура (табл. 3) и давление (табл. 4) как признаки нарушения нормальной жизнедеятельности организма.

Таблица 3 / Table 3

Температура как показатель физического состояния
Temperature as an indicator of physical weakness

Степень показания	Низкая	Нормальная	Высокая
Количественный показатель	35,4°C	36,6°C	38,2°C
Проявление	Недомогание	Здоровье	Болезнь
Состояние	Слабость	Сила	Слабость
Оценка	Плохо	Хорошо	Плохо

Таблица 4 / Table 4

Давление как показатель физического состояния
Blood pressure as an indicator of physical weakness

Степень показания	Низкое	Нормальное	Высокое
Количественный показатель	90/60 мм рт. ст.	120/80 мм рт. ст.	180/100 мм рт. ст.
Проявление	Недомогание (гипотония)	Здоровье	Недомогание (гипертония)
Состояние	Слабость	Сила	Слабость
Оценка	Плохо	Хорошо	Плохо

Методом ступенчатой идентификации, суть которого заключается в «последовательном сведении слов через идентификаторы к словам с наиболее обобщенным характером» [22. С. 36], можно установить квинтэссенцию понимания лексемы *здоровье* при ее рассмотрении в двух аспектах:

1) *здоровья*, раскрываемого через понятие *состояние*:

здоровье — «нормальное состояние организма, при котором правильно действуют (функционируют) все его органы» [23. С. 36]; *состояние* — во 2-ом значении «положение, в котором кто-, что-либо находится»; в 3-м — «физическое самочувствие или настроение, расположение духа человека»; *самочувствие* — общее физическое и душевное состояние человека [24. С. 361];

2) *здоровья*, раскрываемого через понятие *деятельность*:

здоровье — «правильная, нормальная деятельность организма, его полное физическое и психическое благополучие»; *деятельность* — «действовать, совершать поступки»; *функционировать* «быть в действии, работать», быть деятельным, активным, продуктивно работать» [20. С. 994].

Итак, конечный идентификатор *здоровья* в русском языке — *состояние* и *действие*, связывающие слово-концепт с концептом *сила*: «Сила проявляется единственно только в действии и по прекращению его в теле не остается» [24. С. 262]. Действие — это всегда поступок, событие, характеризуемый активностью, функциональностью, влиятельностью, результативностью. Действие предполагает движение, а движение — это жизнь, невозможная без *здоровья*, поэтому в этом смысле *сила* воспринимается положительно.

К *первичным признакам* здорового человека относятся: обладание определенной физической силой: *силен как медведь, здоров как бык, косая сажень в плечах*, способностью производить действие и испытывать его на себе: *втаптывать в грязь, затянуть пояса — находиться под дулом пистолета, в пояс кланяться*; умение противостоять внешним воздействиям: *вставать грудью за кого-л., горой за кого-л. постоять*; обладание определенными интеллектуальными и моральными качествами, умениями хорошо разбираться в той или иной области знаний: *быть на высоте, иметь свой конек*.

Вторичные признаки указывают на качественное или количественное проявление данного признака, например «крепкого телосложения, сильный, могучий; прост. неутомимый, ловкий, искусный; прочный (о предметах), исправный, без повреждений, правильный, разумный и др., о чем свидетельствует

такие семы в семантической структуре лексемы *здоровье*, как «правильный», «благополучный», «духовный», «нравственный», «моральный» (пышущий *здоровьем*, на доброе *здоровье*).

Семантическая модель лексемы *болезнь* так же двувёршинна, только ее вершины качественно иные:

1. *болезнь* как физиологическое свойство: *болезнь* — «расстройство здоровья, нарушение деятельности организма» [20. С. 108]; *расстройство* — «заболевание, вызванное нарушением деятельности каких-либо органов» [20. С. 1664]; *нарушение* — «изменения, неполадки в каком-л. устройстве, органе, мешающие их нормальному функционированию, недостаток физических сил, энергии» [20. С. 970];

2. *болезнь* как качественная характеристика: *болезнь* — «отклонение от нормы в чем-либо, отрицательное качество, свойство чего-либо; разрушение, повреждение»; *повреждение* — «причинение вреда», нарушение целостности, исправное состояние» [20. С. 1319].

Методом ступенчатой идентификации, таким образом, был определен конечный идентификатор семантики *болезнь* — «расстройство нормальных функций организма», то есть действие-процесс отрицательного характера, указывающий на негативные свойства состояния человека.

В результате анализа наивных представлений о *болезни* и ее семантике установлено, что этот концепт является также многомерным концептом с рядом первичных и вторичных признаков *силы* и *слабости организма*, которые в большинстве своем берут за основу признаки концепта «здоровье». К *первичным признакам* относятся: недостаток или упадок физических сил, энергии: *не в силах, в чем только душа держится, вернуться без задних ног*; недостаточность или отсутствие твердой воли, малодушие: *хоть веревки вей, слабый духом; с больной головы на здоровую*. *Вторичные признаки* указывают на качественное или количественное проявление данного признака, например, «ослабление функций органов», «телесное страдание, недуг, немочь», «хворь», «отклонение от нормы», «отрицательное свойство», о чем свидетельствуют такие семы в семантической структуре лексемы *болезнь*, как «слабость», «причина», «недостаточно», «отклонение», «весьма», «очень», которые в семантической структуре фразеологизмов не играют большой роли: *Болезни не поддавайся; Не всякая болезнь к смерти; Болезнь и поросенка не красит* [25. С. 112].

Из приведенных примеров становится очевидно, что основными семами в составе различных семем *здоровья* и *болезни* являются «сила» и «ум» как основа положительной оценки; «бессилие» и «нарушение» — как основа отрицательной оценки. Дуальность семантической понятийной характеристики объединяет их не только в антонимичности дефиниций, но и общими семами внутри семем: «порядок», «норма», «благополучие», «организм» — *здоровье*; «нарушение», «антинорма», «страдание», «организм» — *болезнь*. Основу понимания концептосферы «*здоровья* и *болезни*» как особенной «противоположности» комментирует высказывание Л.А. Новикова: «Хотя с формальной стороны противоположные понятия несовместимы, исключают друг друга,

диалектическая природа их такова, что они не могут не предполагать друг друга, пронизывают друг друга, не существуют друг без друга» [26. С. 59].

Ценностные ориентиры бытия. Здоровье как ценность, болезнь как «антиценность» в рамках языковой и культурной картины мира

Сложный характер (понятийный, образный, ценностный) концептов детерминируется базовым оценочным содержанием: *здоровье* — «соответствие норме»; *болезнь* — «отклонение от нормы». Глубинный социально-психологический контекст употребления ключевого слова *норма*, объединяющего в языковой картине мира аксиологическую категорию оценки и философскую категорию культуры, обеспечивает процесс поляризации концептов по типу *высокое — низкое, небесное — земное, искусственное — естественное*, интерпретируемое лексическими и фразеологическими единицами знаков-символов *хорошо — плохо*.

Предпочтения личности в выборе «ценностных для нее ориентиров бытия — биологического, социального и духовного» зависят от самоосознания своего «Я» по отношению к «Ты—Он». Для носителя культуры эти ориентиры, когда они имеют характер социально-моральных установок — по преимуществу, сближаются с понятиями *нормы*, охраняемой межпоколенной традицией, обычно размытой во времени и пространстве действием предпочтений субъекта культуры в выборе ценностей [27. С. 679—680].

Под *нормой* понимают стандарт, идеал, который всегда нейтрален: «Стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций» [28. С. 65]. *Норма* — центральная и наиболее важная точка отсчета, по отношению к которой определяются значения *антонимов* в рамках скалярно-антонимического комплекса, в нашем исследовании — *здоровье — болезнь (давление в норме, пульс — в норме; температура нормальная)* и др.

Норма имеет слабый выход в лексику. Сфокусированность сообщений на отклонениях от нормы и стереотипа жизни — *быть больным — это ненормально; быть здоровым — это нормально, хорошо* — ведет к тому, что значения, соответствующие полюсам градационной шкалы (указанной выше), богато представлены в языке, а срединная часть — бедно. В амбивалентной сфере двух знаковых концептов мы находим «связку», пересечение и сопряжение полярных значений, реализующих фразеологическими оборотами-выражениями норму в данной концептосфере: *Без болезни и здоровьем не рад; Он чужим здоровьем болен; От здоровья не лечатся; Тот здоровья не знает, кто болен не бывает; Упал-то больно, да встал здорово* [25. С. 675]. То есть мерой отношений между концептами, нормой их культурного кода оказывается неразрывная связь *здоровья и болезни*, в первую очередь во фразеологической системе языка.

В процессе исследования мы избираем фразеологизм как результат концептуальной организации знания, а фразеологическую картину мира — как

мастерство и искусство народа представлять сложные концепты, в первую очередь этнокультурные, в виде образов, каждый из которых интерпретируется в своем коде культуры: *здоровый* — *сильный* (норма), *больной* — *слабый* (отклонение от нормы).

В области аксиологических понятий норма лежит не в серединной части шкалы, а совпадает скорее с ее позитивным полюсом, в нашем случае, *здоровье* — *это норма*. Она часто оценивается положительно, означает, как и лексема *хороший* — ‘соответствующий норме’, а не превышающий ее. Таким образом, употребление концептуальных лексем *здоровье* — *болезнь* (Он *здоров* — Он *болен*; Он *здоровый* — Он *больной*) в роли оценочных предикатов, и прежде всего предикатов общей оценки, организовано отношением «норма — не-норма (отклонение от нормы)». Именно эти значения воспринимаются как поляризованные [28. С. 866]. Таким образом, язык выступает медиатором знаний и культуры, представляя *здоровье* человека как субъективную и объективную ценность, норму, а *болезнь* — как «антиценность», «ненорму», в рамках языковой и культурной картины мира.

В связи с этим *сила* как семантический компонент *здоровья* часто оценивается положительно и принимается за норму, о чем свидетельствуют фразеологизмы: *кровь с молоком*, *быть в силах*, *не знать усталости*, *испытывать силы в чем-л.*, *по всей силе делать что-л.* — это «хорошо». Исходный перцептивный образ, лежащий в основе каждого концепта, представляет собой основу вектора конфигурации смыслов, присущих всей организуемой с его помощью тематической области. Его значения целесообразно связывать с фактами действительности «через отсылки к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке» [29. С. 5—33]. Исходя из этих предпосылок, отмечаем, что этимологическое пространство лексемы-реализатора демонстрирует общность языка-источника, способность к производности, внутреннее значение [30. С. 398] как мотиватор широты концепта и его лингвокультурного поля: *Здоровый* — общесл. префиксальное. производное от **dorvo* «дерево» (с*ь*-*dorv-*) (высокое, крепкое) соотносится со ст.-сл. *дравствовать* — суффиксальное производное от *дравый* — «здоровый». Ср.: *Болець* — общесл. суффиксальное производное от др.-в.-нем. *balō* «беда, болезнь», др.-инд. *bhāl* «мучить. умерщвлять» [31. С. 28].

Качественное развитие семантической теории [26] позволяет объединить в сложных концептосферах исследование способов языковой объективации переживаемого опыта — «кванта переживаемого знания», по Ю.С. Степанову [1. С. 824], с социально-групповой, отчасти этнокультурной спецификой осмысления пространства концептосферы. Считаем, что они не противоречат друг другу, так как эти параметры не только реализуются в лексико-фразеологическом поле языка, но и организуют пространство дискурса в его ключевых для говорящей личности — здорового или больного человека — позициях.

Анализ концептосферы как стратегии изменения ментальности человека в отношении к *здоровью* как ценности, норме жизни, предполагает наблюдения за ценностной и образной характеристикой концепта для установления

его прагматического потенциала и, как следствие, составления полного лексикографического «портрета» обоих концептов на основе национально-культурной специфики картины мира [28. С. 866].

Концепт *здоровья* выступает как культурный знак, активно формируя этический параметр общения — ритуалы приветствия, пожелания — на основе морфологической формы исходного смысла концепта: *Здравствуй* — *Будь здоров*; ритуальные тосты и здравницы — *Заздравная чаша*; пожелания — *На здоровье (Ваше, твое)!*; *Здравия желаю* — форма приветствия в армии низших чинов высшим. Коммуникативный эффект совместных праздников, встреч и расставаний создается культурными знаками, соотношенными с языковым содержанием лексемы *здоровье* — *здоровый*, наполненным положительными ценностями бодрости, силы, работоспособности, жизнеспособности и др.

Междометный эмоциональный характер построен на отражении внутренней формы реализующей концепт лексемы *здоровье* — ‘сила дерева, мощь, благо, порядок, польза, сохранность’, которые вызывают эмоциональное воздействие высокой силы в процессе общения. Эти речевые штампы касаются не только этической ситуации дискурса, но несут в себе императив, находятся ближе к волюнтаривным междометиям, нежели к чисто этическому культурному коду приветствия, подтверждая тем самым утверждение Ю.С. Степанова: «...концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [1. С. 43].

Исторический аспект реализации концепта позволяет предположить негативную динамику отношения русского человека к своему здоровью, поскольку в современном языке перешли в пассивный запас в разряд устаревших слов либо вышли из литературного языка, оставшись в просторечии, многие лексемы и их значения: *здравствование* — устаревающее значение ‘пребывание живым, здоровым’; *здорование* (устар.) — действие по глаголу *здороваться*; *здравие* (устар.) — то же, что и *здоровье*; *Будь здоров* (прост.) — для выражения восхищения; устаревающее при провозглашении тоста: *Ваше (твое) здоровье*; *За здоровье (кого-либо)*; *быть в добром здравии*; *произнести здравницу*; утрачена регулярность бесприставочного глагола *здороветь* (‘становиться здоровым’, ‘крепнуть’) и др. Значительную роль в этом играет эмоция — и как элемент психического здоровья человека, и как знак культуры: «Мир подвижен. Более того, зачастую неожиданное поведение речевых партнеров стало непредсказуемым по своей нетолерантности, и поэтому человек, обладающий всеми признаками эмоционального интеллекта, не всегда успевает рационализировать свои эмоции» [32. С. 57].

Аксиологический аспект реализации концепта *здоровье* также обеспечен понятийным содержанием наполняющих его положительных лексем, организованных в деривационную систему, репрезентирующую функционально-семантическое устройство поля оценки [14. С. 67—80] с его оценочной шкалой [33]: *очень хорошо* — *довольно хорошо* — *хорошо* — *нормально* — *плохо* — *довольно*

плохо — *очень плохо*. Синтагматическая ось поля демонстрирует сетку количественных и качественных признаков в их градации, реализуемой дериватами с суффиксами субъектной оценки [34]: *здоровьечко* (прост., ласк.) — *здоровьице* (прост. ласк.) — *здоровьишко* (прост. с оттенком пренебрежительности); *здоровенный* (разг. — о сильном, могучем человеке высокого роста) — *здоровенький* (разг. ласк.) — *здоровехонький* (народно-поэт. и разг.) — *здоровешенький* (народно-поэт. и разг.) — *здоровуций* (прост. к здоровенный); *здоровяк* (разг.) — *здоровячка* — *здоровила* (прост.). Народная культурная память хранит в этих лексемах, очевидно, вторичные эмоции ласкового отношения либо пренебрежительной оценки, удерживает их в словаре как знак поэтического отношения к концепту здоровья, реализуемого в народной речи.

Субъектно-объектный характер категории свидетельствует о включении в нее ценностного элемента и возможности формирования оценочного суждения, которая реализуется оценочностью парадигматической оси и формируется оценочными предикатами: в оценочно-признаковой структуре: *Он здоров — здоровый*; глагольной: *Он выздоровеет*; инфинитивно-именной: *Отдыхать = это здорово — это здорово*; эмоционально-оценочной предикатной: *Здорово!*

Ассоциативно-апперцепционное содержание мышления обусловлено процедурой *сравнения*, характерного для человеческого мышления, когда вновь воспринимаемый фрагмент действительности сравнивается с тем, что уже существует в сознании. «При семантическом анализе обнаруживается, что оценка неотделима от сравнения: абсолютные признаки имплицитно содержат сравнение, и сравнение, таким образом, первично» [35. С. 15]. Мы мыслим метафорами, а регулярно воспроизводимые в речи метафоры приобретают статус фразеологических оборотов, обладающих, разумеется, оценочными значениями.

Оценочная метафора как средство выражения образной характеристики концепта

Особенность метафорического поля концептосферы «*здоровье — болезнь*» заключается в тяготении к отрицательной коннотации, сосредоточенности образного поиска в концепте *болезнь*, выстраивании парадигмы *болезнь* человека — *болезнь* государства; *болезнь* человека — *болезнь* природы. Например, частота употребления лексем *здоровье* и *болезнь* и их семантического поля (органы человека, диагнозы, лекарства и др.) в современной русской речи в научных, публицистических и других текстах расширяет и трансформирует семантику репрезентантов концепта.

Особую роль играет метафора, основанная на сравнении с центральным жизненно необходимым человеку органом — *сердцем*: *Джон Мэйтджор сказал в Бонне в марте 1991 г., что хотел поставить Великобританию на место, «где мы находимся в самом сердце Европы», Если мистер Мэйтджор хотел быть в центре Европы, это было, по-видимому, «кровяным сгустком».*

Переконтекстуализируя цитируемый лозунг через ссылку на *сердечный приступ* («переставший биться», «кровяной сгусток»), автор оживил телесные аспекты концепции источника *сердца* таким образом, чтобы представить как объект, так и метафору *сердца* как умирающие сущности. Эта сложная смесь одного источника и концептуальный вызов цели приводит к дополнительным коммуникативным и когнитивным эффектам иронии и оценки, что также делается полезным для понимания самим читателем [36. С. 23—39].

Представление о языковой концептуализации мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта, получившим свое крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы Сепира—Уорфа, согласно которой «человек живет не столько в мире объективной действительности, сколько в мире языка» [37. С. 296], что заставляет нас говорить о взаимобратной корреляции фразеологизма и концепта: слова-компоненты и фразеологизмы, заключающие в себе лингвоспецифичные концепты, одновременно «отражают» и «формируют» образ мышления носителей языка [38. С. 224]. Поэтому, с одной стороны, мы определяем содержательную наполненность концепта с помощью семантического анализа соответствующих слов-компонентов: для концепта «сила» лексем *сила*, *сильный*, *сильно*, *усилить*, *усилие*, *насилие* и др., для концепта «слабость» лексем *слабость*, *слабый*, *слабо*, *ослабить* и др. А с другой стороны, анализ фразеологической семантики на предмет оценочной функции фразеологических единиц проводим на основе концептуального понимания лексем *сила* и *слабость*. Объединяя фоновые знания с лингвистическими (семантическими, словообразовательными, лексико-грамматическими), мы составляем *концептуальное понимание лексемы*. Таким образом, влияние фразеологизма на развитие концептуальной роли лексемы и влияние лексемы как компонента оборота на расширение концептосферы *здоровья* и *болезни* очевидно и нуждается в исследовании с позиции воздействия на сознание человека в том числе.

Компонентный анализ фразеологизмов выявил в их семантической структуре оценочные семы. *Кровь с молоком* — «о здоровом, хорошем цвете лица; о здоровом человеке» [38. С. 521]; *находиться на взлете* — «в расцвете творческих сил, вдохновения» и т.п. [39. С. 127]; *не жалея сил (работать, трудиться)* — «самоотверженно, отдавая себя целиком» [39. С. 380]; *горой за кого-то постоять* — «всеми силами, решительно защищать кого-л., отстаивать что-л.» — это *сила*, и это «хорошо». *Валиться от ветра* — «становиться слабым, бессильным» [30. С. 120]; *выбиться из сил* — «ослабеть от сильного или длительного напряжения; сильно устать» [39]; *кишка тонка* — «не хватает сил, средств» и т.п. [39. С. 449] — это *слабость*, и это «плохо». В природе концепта был также выявлен ценностный компонент: *сила* важнее *слабости*, и это «ценность»; *слабость* хуже *силы*, и это «антиценность»: *Сила по силе* — *осилишь, а сила не под силу* — *осядешь*; *Сила и слабость духа* — это просто *неправильные выражения: в действительности же существует лишь хорошее и плохое состояние органов тела* (Франсуа де ла Ларошфуко). Поэтому неизбежным стало решение вопроса о *фразеосемантической* и *концептуальной структурах* лексем *здоровье* и *болезнь*:

Здоровье дороже денег, Даст Бог здоровья, даст и счастья; Здоровому все здорово; Здоровому и нездоровое здорово, а нездоровому и здоровое нездорово; По здорову; По добру, по здорову; Что русскому здорово, то немцу смерть; Будь здорова, как вода, богата, как земля, плодovита, как свинья; Здоровому лечиться — наперед хромать поучиться; Здоровая голова; Здоровая трава (зверобой), Здравый ум.

Боли не поддавайся; Боль врача ищет; Дай боли волю, полежав, да умрешь; Больному все горько. Не рад больной и золотой кровати; Больная жена мужу не мила; Сваливать с больной головы на здоровую; Каждому своя болезнь тяжела.

Ассоциативную связь чьей-либо физической силы обнаруживаем в силе богатырей (богатырская сила / силушка), о которых знаем из былин: Вольга Всеславьевич «растет не по дням, не по часам, а по минуточкам», «от его шагов земля заколебалась», «ростом богатырь Святогор выше темного леса, головой облака подпирает, скачет по горам... Горы под ним шатаются, в реку заедет вся вода из реки выплеснется», «тяжко Святогору от своей силы, носит он ее как трудное бремя. Рад бы половину силы отдать, да некому. Рад бы самый тяжкий труд справиться, да труда по плечу не находится. За что рукой ни возьмется, все в крошки рассыплется, в блин расплющится». *Добрыня Никитич* «статен, и высок, и грамоте обучен, и в бою смел, и на пиру весел...» Он и песню сложит, и на гусях сыграет, и умное слово скажет. Да и нрав Добрыни спокойный, ласковый. Никого он не заругает, никого зря не обидит». Как видно из былин, физическая сила сопровождается духовной.

Стереотипное представление о силе сложилось и под влиянием образа Геркулеса (Геракла): *Геркулес* — «человек, обладающий громадной физической силой» [20. С. 129]. Знания о том, что Геркулес «протянул свои маленькие ручки к змеям, схватил их за шеи и сдавил с такой силой, что сразу задушил их», «вырос <...> и стал могучим юношей. Ростом он был на целую голову выше всех, а сила его далеко превосходила силу человека», легли в основу стереотипа о силе, актуализируемого фразеологизмами *геркулесова сила* — «о необыкновенной, большой силе кого-л.» [39. С. 337], *геркулесовский подвиг* — «о чем-л., потребовавшем необыкновенных усилий, труда» [39. С. 240].

В роли еще одного зооморфного образа, апеллирующего к силе, выступает *бык* — «очень сильное, крупное и здоровое животное» [41. С. 316]. Отклики этих культурных представлений мы находим во фразеологии: *силы как у быка, здоров как бык* — «о человеке с очень крепким здоровьем» [39. С. 434].

Все вышеупомянутые образы, занимая позицию «хорошо» на шкале оценки, провоцируют положительное отношение одобрения. Негативное отношение неодобрения связано с наивными представлениями «о недостаточной или малой силе», воплощенных в образах *мышь*, *цыпленка* или *комара* с семами «небольшой», «неопытный», «наивный», «беззащитный», «мелкий». Знания о малых силах или их недостатке обращают к концепту «слабость», который актуализируется в языке фразеологизмами: (*сил*) *как у мышки под коленкой, силенок что у цыпленка, комариная сила*.

Наивные представления и образные ассоциации позволяют сформировать *устойчивый мысленный образ о силе* — ‘отличающийся большой физической силой, проявляющейся во внешнем облике (в атлетическом сложении, высоком росте, большой величине’ и т.п.: *косая сажень в плечах; грудь колесом; медвежья, геркулесова сила*; в способности к активным физическим действиям (о человеке, животном): *кидать руками, ногами; пересчитать кости кому-л.; с плеча бить; спустить шкуру; мять бока* [42. С. 784] и *слабости* — ‘не способный совершать активные физические действия по причине недостаточной физической развитости’ *осталось силенок, как у цыпленка; сила ко-маринная, болезни рыхл здоровьем, некрепок на ногах, словно с креста сняли или ‘старости’ Придет старость — наступит и слабость* либо ‘испытывающий упадок сил из-за условий жизни — голода, недоедания’ *умирать с голоду, изнуряющего физического труда (о человеке, животном) устать как со-бака, с ног смотаться, выжатый лимон*. Внешне такой человек, такое животное обычно характеризуются худобой *худой как щепка, спичка спичкой*, отсутствием развитой мускулатуры *кожа да кости, нос вытянулся, лица нет*, неуверенными движениями и походкой *от ветра валиться, еле волочить ноги*: они могут вызывать жалость, сочувствие или презрение [42. С. 150].

Культурная маркированность концептуального имени сила. Фразеологизмы семантической оппозиции «сила» vs. «слабость»

Представление о *силе* выходит за рамки ее физического понимания и про-воцирует его экспликацию с помощью лексем и фразеологизмов: *бицепс, бо-гатырь, богатырский, борец, быть в силах, взять с силой, в силу, в силу того, что, выбиваться из сил, выбившийся из сил, выносливый, изо всей силы, изо всех сил, Геркулес, дюжий, железная рука, жилиться, закаленный, защита, здоровье, здоровяк, зрелость, колосс, коренастый, крепкий, лишать сил, ли-шиться сил, матерый, множество, мышца, набирать силы, надрывать, налегать на что, напрягать силы, насилие, натуживаться, не по силам, неутомимый, плотный, полный сил, противодействие, работоспособный, ра-бочий, ражий, силач, силиться, сильный, сильный как бык, силушка (разг.), силища (разг.), слаженный, смелость, собираться с силами, спортсмен, спо-собность, стальная хватка, титан, укреплять, упадок сил, усилие, что есть силы, шкаф (разг.), энергичный, через силу* [12. С. 155].

Ассоциативное поле концептуального имени *слабость* было сформиро-вано на основе синонимического ряда, который также показал, что наши представления о *слабости* выходят за рамки ее физического понимания, включая: *слабосилие, бессилие, немощность, расслабление, расслабленность, тщедушие; пристрастие, конек, склонность, наклонность, расположение, любовь, страсть, влечение, тяга, охота, вкус; астения; малосилие, упадок сил, изнеможение, изнурение, истощение, немочь, вялость, истома, недоста-ток; скупость, шероховатость, дефект, страстишка, беспомощность, хи-лость, хлипкость, разбитость, слабодушие, слабоволие, бесхарактерность,*

слабовольность, привычка, водянистость, фонастения, теневая сторона, пробел, порок, невесомость, нетвердость, квелость, неяркость, неустойчивость, малость, незначительность, малосильность, маломощность, негромкость, слабосильность, дохлость, дряблость, пассив, болезненность, неудовлетворительность, уязвимость, червоточина, тряпичность, бзик, слабохарактерность, неверность, нежность, мягкотелость, посредственность, дряхлость, недочет, неискренность, недоработка, слабая сторона, отрицательный момент, слабое место, ахиллесова пята, уязвимое место, астеничность, тусклость, любимое занятие, хобби, незащищенность, предрасположенность, предрасположение, приверженность, subtilность, легкость, бессильность, скверность, влечение — род недуга, минус, изъян, беззубость, увлечение, червоточинка, немощь, неплотность, чахлость, слабая струна, несовершенство, несовершенность, слабое звено, беззащитность, слабина, безволие, безвольность, адинамия, астенопия [43].

В результате проведения сравнительного анализа концептуального понимания *силы* и *слабости* с выявлением их сходств и различий было установлено, что «сила» — один из основных концептов картины мира, связанный с характеристикой человека — имеет сложную структуру и отражает важный фрагмент мировидения человека [12. С. 10]; объем концепта «сила» превышает объем концепта «слабость». С *силой* связано огромное количество смыслов: *физическая величина, физическая сила, духовная сила, энергия, власть, насилие, закон, суть, усилие, рабочая сила, злые силы, мужество, вооруженные силы, множество*, в то время как с *слабостью* — всего несколько: *недостаток энергии, болезнь, привычка, мало, плохо*, что, соответственно, сказывается и на разной степени их актуализации фразеологизмами.

Объясняется это *культурной маркированностью* концепта «сила». *Сила* обладает большей значимостью, поскольку в сознании русского человека представляет *ценность*. *Сила* соответствует норме и оценивается положительно в физиологическом контексте: *сильный человек* — здоровый человек. *Сила* жизненно необходима человеку, она есть показатель жизнеспособности: *жизненные силы, найти в себе силы, собраться с силами, находиться в расцвете сил*. *Сила* способствует действию: *быть в силах делать что-либо*. *Сила* есть причина явлений действительности: *возникнуть в силу* каких-либо обстоятельств. *Сила* имеет божественное начало: *Сильна Божья рука; Что Богу не угодно, то и не сильно*. *Сила* желанна в социальном плане, к ней стремятся: *стремление к силе* — стремление к власти. *Сила* государства определяется *вооруженными силами*. *Слабость* же определяется через *силу*: «*слабость* — недостаток физических сил, энергии», «*слабый* — отличающийся малой силой, мощностью» [20. С. 727] и служит *вспомогательным концептом*. Он существует для лучшего понимания *силы*, как зло для добра, тьма для света, безобразие для красоты, что проявляется в пословицах и поговорках русского народа: *Сила по силе — осилишь, а сила не под силу — осядешь. Сила молчит, слабость кричит. Сильный крепок, слабый цепок. Сильному работа впрок, а слабому дай срок. Сильный дуростью слаб, а слабый ловкостью умен* [24].

Основанное на принципе отрицания ценности, содержание концепта «слабость» несет в себе негативную оценку, за исключением тех смыслов, что связаны с интенсивностью и количеством и зависимы от синтактики и коммуникативных аспектов, а также редких нестандартных представлений типа: *Сила женщины — в ее слабости* [44. С. 736].

Фразеологизмы семантической оппозиции «сила» vs. «слабость» неизбежно апеллируют к *когнитивной базе (КБ)* — «определенным образом структурированной совокупности необходимо обязательных знаний и национально детерминированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета» [45. С. 61]. А когнитивная база, скрепляя все когнитивные пространства (индивидуальные и коллективные), в свою очередь, является ядром культурного пространства. *Русское культурное пространство* включает все многообразие знаний и представлений носителей русского ментально-лингвального комплекса, в том числе стереотипы и культурно-значимые фреймы, с которыми так или иначе соотносятся фразеологизмы.

В русском культурном пространстве фразеологизм занимает место на правах *прецедентного феномена (ПФ)*, ибо обладает всеми необходимыми свойствами: он хорошо известен всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (имеет сверхличностный характер), актуален в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, обращение к нему представителей национально-лингвокультурного сообщества постоянно возобновляется. Как прецедентный феномен, фразеологизм способен выполнять роль эталона культуры, функционировать как свернутая метафора, выступать как символ какого-либо феномена или ситуации (взятых как совокупность некоторого набора дифференциальных признаков) [47. С. 170—171]. Символом *силы* стали фразеологизмы *здоров как бык*, актуализирующий признак *здоровья*; *вылезти из кожи вон* — признак *усердия*; *взять в свои руки* — признак *власти*. Символом *слабости* выступают фразеологические единицы *кожа да кости* с дифференциальным признаком *худоба*, *хоть веревки вей* с дифференциальным признаком *слабоволие*, *ахиллесова пята* с дифференциальным признаком *уязвимость*.

В когнитивной базе фразеологические единицы представлены в виде *феноменологических когнитивных структур (ФКС)*, однако при актуализации в коммуникативной ситуации очевидными становятся и их *лингвистические когнитивные структуры (ЛКС)*.

Заключение

Язык выражает все, что существует в ранге речевых способностей человека внутри нас и вне нас. Он — связующее звено между миром и нашим мышлением о мире, язык определяет знаки внешнего мира как хорошие и или плохие, типизирует их, создает с их помощью «кванты знаний», например, о

здоровье и болезни, о сфере медицины в целом. Язык выступает медиатором знаний и культуры, представляя *здоровье* человека как субъективную и объективную ценность, а *болезнь* — как антиценность в рамках языковой и культурной картины мира. *Здоровье* и *болезнь* как категория состояния организма и его жизнедеятельности, относящаяся как к обыденному, так и к научному дискурсу, обозначает явление естественного мира. Понятийный, образный, ценностный характер концептов детерминирован базовым оценочным содержанием: *здоровье* — ‘соответствие норме’; *болезнь* — ‘отклонение от нормы’. Описание понятийной характеристики концептосферы «*здоровья — болезни*», синтезирующий подход к исследованию их прагматического потенциала и лексикографического «портрета» на основе национально-культурной специфики картины мира обусловил выявление и описание культурной маркированности, семантики языковых знаков в русском культурном пространстве как совокупности многомерных смысловых образований.

Библиографический список

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.
2. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
3. Wilce J.M. Medical discourse // *Annual Review of Anthropology*. 2009. Vol. 39. P. 199—215.
4. Жура В.В. Эмоциогенность общения «врач — пациент» как коммуникативная проблема устного медицинского дискурса // *Известия государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 50. С. 38—44.
5. Грибер Ю.А., Юнг И.Л. Здоровье и болезнь: цветовые ассоциации в современной русской культуре // *Человек и культура*. 2018. № 5. С. 32—43. doi: 10.25136/2409-8744.2018.5.23491
6. Степанова Е.С. Лингвокогнитивные особенности мифа о болезни // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. Т. 12. № 1. С. 153—164. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-153-164
7. Голев, Н. Д., Шпильная Н. Н. Обыденная медицинская коммуникация (виды дискурсивных практик) // *Вестник КемГУ*. 2012. № 1(49). С. 128—137.
8. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
9. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс: Универс, 1993.
10. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003.
11. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000.
12. Ильинская Т.Н. История формирования и эволюция концепта «сила» во французском и русском языках: дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук. Томск, 2006.
13. Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность»). Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000.
14. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки // *Филологические науки*. 1995. № 3. С. 67—80.
15. Борискина О.О. Корпусное исследование языка: мода или необходимость? // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2015. № 3. С. 24—27.
16. Заботкина В.И. Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М.: Языки славянской культуры, 2015.

17. Гаспарян Г.Р., В.Е. Чернявская В.Е. Текст как дискурсивное событие // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 44—51.
18. Герд А.С. Автоматизация в лексикографии и словари-конкордансы // Филологические науки. 1981. № 1. С. 72—78.
19. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004.
20. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ, 2006 г.
21. Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 59. М.: Терра, 1992.
22. Кузнецова Е.В. Лексикология русского языка. М., 1989.
23. Кузнецов С.А. Новейший большой толковый словарь русского языка. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, М.: РИПОЛ классик, 2008.
24. Эйнштейн А. Эволюция физики. М.: Тайдекс Ко, 2005.
25. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Русский язык Медиа, 2009.
26. Новиков Л.А. Избранные труды. Том 1. Проблемы языкового значения. М.: РУДН, 2001.
27. Телия В.Н. Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Словарь образных выражений русского языка. М.: Отчизна, 1995. С. 10—16.
28. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
29. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5—33.
30. Потёбня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1958.
31. Шанский. Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994.
32. Шаховский В.В. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (1). С. 54—79.
33. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45—97.
34. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // История слов. М.: Толк, 1994. С. 5—34.
35. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: URSS, 2009.
36. MusolfAndreas. Creativity in Metaphor Interpretation // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 1. С. 23—39. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-23-39
37. Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс. М.: Флинта: Наука, 2004.
38. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.
39. Тихонов А.Н., Ломов А.Г., Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 тт. М.: Наука: Флинта, 2004.
40. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4-х т. М., 1986.
41. Брилева И.С., Вольская Н.П. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Выпуск 1. М.: Гнозис, 2004.
42. Бабенко Л.Г. Синонимы русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2011.
43. Словарь русских синонимов (он-лайн версия). Classes.ru. М., 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-79610.htm> (дата обращения: 28.02.2021).
44. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-Пресс, 2010.
45. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

References

1. Stepanov, Y.S. (2001). *Constants. Dictionary of Russian Culture*. Moscow: Academic Project. (In Russ.).
2. Karasik, V.I. (2009). *Linguistic keys*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
3. Wilce, J.M. (2009). Medical discourse. *Annual Review of Anthropology*, 39, 199—215. (In Eng.).

4. Zhura, V.V. (2008). Emotionality of “doctor-patient” communication as a communicative issue of spoken medical discourse. *Proceedings of the Herzen Russian State Pedagogical University*, (50), 38—44. (In Russ.).
5. Grieber, Y.A. & Jung, I.L. (2018). Health and illness: color associations in contemporary Russian culture. *Man and culture*, (5), 32—43. doi: 10.25136/2409-8744.2018.5.23491 (In Russ.).
6. Stepanova, E.S. (2020). Cognitive linguistics features of the medical myth. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 153—164. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-1-153-164 (In Russ.).
7. Golev, N.D. & Shpilnaya, N.N. (2012). General medical communication (types of discursive practices). *Bulletin of Kemerovo State University*, 1(49), 128—137. (In Russ.).
8. Humboldt, W. (1984). *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ.).
9. Sepir, E. (2001). *Selected Works In Linguistics and Cultural Studies*. Moscow: Progress. (In Russ.).
10. Uryson, E. (2003). *Problems of research on the linguistic worldview. Analogy in semantics*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
11. Slyshkin, G.G. (2000). *From text to symbol: linguistic and cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse*. Moscow: Academia. (In Russ.).
12. Ilyinskaya, T.N. (2006). *History of formation and evolution of the concept “Force” in French and Russian languages* [dissertation]. Tomsk. (In Russ.).
13. Tokarev, G.V. (2000). *Problems of linguistic and cultural description of the concept*. Tula: Tolstoy State Pedagogical University of Tula. (In Russ.).
14. Markelova, T.V. (1995). Semantics and pragmatics of means of evaluation in Russian. *Philological Studies*, 3, 67—80. (In Russ.).
15. Boriskina, O.O. (2015). Corpus research of language: trend or necessity? *Voronezh State University Bulletin. Series: Linguistics and intercultural communication*, 3, 24—27. (In Russ.).
16. Zabotkina, V. (2020). *Methods of cognitive analysis of word semantics. A computer-based corpus approach*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.).
17. Gasparyan, G.R. & Chernyavskaya, V.E. (2014). Text as a discursive event. *Issues in cognitive linguistics*, 4, 44—51. (In Russ.).
18. Gerd, A.S. (1981). Automation in lexicography and concordance dictionaries. *Philological Studies*, 1, 72—78. (In Russ.).
19. Vorkachev, S.G. (2004). *Happiness as a Linguistic and cultural Concept*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
20. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Y. (2006). *The Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow: ITI. (In Russ.).
21. Brockhaus, F.A. & Ephron, I.A. (1992). *Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Terra. (In Russ.).
22. Kuznetsova, E.V. (1989). *Lexicology of the Russian language*. Moscow. (In Russ.).
23. Kuznetsov, S.A. (2008). *The Newest Big Dictionary of the Russian Language*. Moscow: RipolClassic. (In Russ.).
24. Einstein, A. (2009). *Evolution of physics*. Moscow: Tindex Co. (In Russ.).
25. Dahl, V.I. (2009). *Proverbs of the Russian people*. Moscow: Russian Language Media. (In Russ.).
26. Novikov, L.A. (2001). *Selected works. I. Problems of linguistic meaning*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
27. Telia, V.N. (1995). The main features of the meaning of idioms as units of the idiomatic language composition. In: *Dictionary of figurative expressions in the Russian language*. Moscow: Otchizna. pp. 10—16. (In Russ.).
28. Arutyunova, N.D. (1999). *Language and the world of man*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
29. Apresyan, Y.D. (1986). Deixis in vocabulary and grammar and the naïve model of the world. *Semiotics and informatics*, 28(5), 5—33. (In Russ.).
30. Potebnya, A. (1958). *From notes on Russian grammar*. Moscow: State Pedagogical Educational Publishing House of the Ministry of Education. (In Russ.).
31. Shansky, N.M. & Bobrova, T.A. (1994). *Etymological dictionary of the Russian language*. Moscow: Proserpina. (In Russ.).

32. Shakhovsky, V.I. (2018). Cognitive matrix of emotional and communicative personality. *Russian Journal of Linguistics*, 22(1), 54—79. (In Russ.).
33. Morris, C.W. (1983). *Foundations of the Theory of Signs. Semiotics: Anthology*. Moscow: The Academic Project; Ekaterinburg: Delovaya kniga. pp. 45—97. (In Russ.).
34. Vinogradov, V.V. (1995). Word and meaning as a subject of historical and lexicological research. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1, 5—36. (In Russ.).
35. Wolf, E.M. (2009). *The functional semantics of evaluation*. Moscow: URSS. (In Russ.).
36. Musolff, A. (2019). Creativity in metaphor interpretation. *Russian Journal of Linguistics*, 23(1), 23—39. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-23-1-23-39
37. Norman, B.Y. (2004). *Theory of language*. Moscow: Flinta. (In Russ.).
38. Shmelev, A. (2002). Russian language model of the world. Materials for the dictionary. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russ.).
39. Tikhonov, A.N. & Lomov, A.G. (2004). *Phraseological dictionary of the modern Russian literary language*. Moscow: Nauka: Flinta. (In Russ.).
40. Evgenieva, A.P. (1986). *Dictionary of the Russian language*. Moscow. (In Russ.).
41. Brileva, I.S., Volskaya, N.P. & Gudkov, D.B. (2004). *Russian Cultural Space: Linguocultural Dictionary*. Moscow: Gnosis. (In Russ.).
42. Babenko, L.G. (2011). *Dictionary of synonyms of the Russian language*. Moscow: Astril, AST. (In Russ.).
43. Dictionary of Russian synonyms (online version). (2012). Classes.ru. Moscow. [Electronic resource]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-synonyms-term-79610.htm> (accessed: 28.02.2021). (In Russ.).
44. Zimin, V.I. (2010). *Thesaurus dictionary of Russian proverbs, sayings and expressions: more than 22,000 proverbs, sayings, sayings, proverbs, sayings, proverbs, riddles, signs*. Moscow: AST-Press. (In Russ.).
45. Krasnikh, V.V. (2003). *“At home among strangers”: A myth or reality?* Moscow: Gnosis. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Маркелова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, первый проректор — проректор по учебной работе АНО ВО «Институт современного искусства». Заслуженный работник высшей школы РФ, Почетный работник профессионального образования; *сфера научных интересов*: аксиологическая лингвистика, прагмакоммуникация, синтаксическая семантика, лингвокультурология; *e-mail*: tvmarkelova@mail.ru ORCID 0000-0003-4400-6175; eLIBRARYSPIN-код: 4862-5769

Новикова Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка юридического института РУДН; *сфера научных интересов*: лингвистическая поэтика, семиотическое и семантическое моделирование, язык как семиосфера, когнитивистика; *e-mail*: novikova_ml@rudn.ru ORCID 0000-0002-4673-067X; eLIBRARYSPIN-код: 1502-9636

Information about the authors:

Tatyana V. Markelova, DSc. in Philology, Professor, first vice-rector — Vice-rector for academic of Affairs, Autonomous non-commercial Art University «Institute of Modern Arts»; *Research interests*: Axiological Linguistics, Pragmatic communication, Syntactic Semantics, Cultural studies; *e-mail*: tvmarkelova@mail.ru ORCID 0000-0003-4400-6175; eLIBRARY SPIN-code 4862-5769

Marina L. Novikova, DSc. in Philology, Professor, Russian Language Department, Institute of Law, RUDN university; *Research interests*: Linguistic Poetics, Fictional Text studies, Semiotic and Semantic Modeling, Language as a Semiosphere, Cognitive studies; *e-mail*: novikova_ml@rudn.ru ORCID 0000-0002-4673-067X; eLIBRARY SPIN-code 1502-9636

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-875-887
УДК 81'22:003(091)

Научная статья / Research article

История семиотических идей: сигнифика леди Виктории Уэлби

К.Д. Скрипник

Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
✉skd53@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи — охарактеризовать базовые идеи сигнифики, оригинальной науки о знаке и значении, возникшей на рубеже XIX—XX вв. в работах леди Виктории Уэлби (1837—1912). В статье выяснены особенности сигнифики, рассматривающей значение вербальных и невербальных знаков как сложную иерархизированную структуру, уровнями которой являются смысл (*sense*), значение (*meaning*) и значимость (*significance*). Значимость включает предшествующие уровни и учитывает их связь с аксиологическими характеристиками. Автор указывает, что структура «смысл—значение—значимость» может быть содержательно и формально репрезентирована по-разному в зависимости от метафорических, терминологических, социально-коммуникативных факторов. Концепция сигнифики приобретает тем самым универсальный и фундаментальный характер. В статье подчеркивается, что сигнифика акцентирует динамический характер значения, рассматривая изменения каждого его уровня. Автор видит в этом связь сигнифики с эволюционными идеями, содержащимися в лингвистике и естественной науке, и прослеживает процесс формирования сигнифики, подчеркивая, что ее основы лежат в описании различных примеров использования языка, принятом В. Уэлби на ранних этапах своего исследования. Статья основана на изучении и проведении компаративного анализа как работ самой В. Уэлби, так и комментаторской литературы. В заключении подчеркивается ценность концепции сигнифики как целостной динамической теории знака и значения, теории, интегрирующей различные аспекты изучения значения — от логико-лингвистических до аксиологических и практических, указываются направления экспликации влияния сигнифики на последующее развитие семиотических и философско-лингвистических исследований.

Ключевые слова: семиотические идеи, сигнифика, знак, смысл, значение, значимость

Финансирование. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00261

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2020

Дата приема в печать: 01.03.2021

© Скрипник К.Д., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Скрипник К.Д. История семиотических идей: сигнифика леди Виктории Уэлби // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 875—887. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-875-887

UDC 81'22:003(091)

The History of Semiotic Ideas: Victoria Lady Welby's Significs

Konstantin D. Skripnik

Southern Federal University,
105/42, Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, Russian Federation, 344006
✉skd53@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to characterize the basic ideas of the conception of significs, the original science of sign and meaning that emerged at the turn of the 19th—20th centuries in the works of Victoria Lady Welby (1837—1912). The article explains the features of significs, which considers the meaning of verbal and non-verbal signs as a complex hierarchical structure, the levels of which are sense, meaning, and significance. Significance includes the preceding levels and takes into account their relations with axiological characteristics. The author points out that the content of the structure of “sense-meaning-significance” can be represented in different ways, depending on metaphorical, terminological, social and communicative factors. The conception of significs thus becomes universal and fundamental. The article emphasizes that significs highlights the dynamic nature of meaning, considering changes, that take place on each of its levels. The author sees in this fact the connection of significs with the evolutionary ideas contained in linguistics and natural science, and traces the process of formation of significs, arguing that its foundations lie in the description of various examples of the use of language, undertaken by V. Welby at the early stages of her research. The article is based on the study and comparative analysis of both the works of V. Welby herself and the commentary literature. In conclusion the author specifies the value of the conception of significs as an integral dynamic theory of sign, meaning, and significance, which incorporates the various aspects of sign issues — from the logical and linguistic to the axiological and pragmatic ones, and indicates the ways of explication the impact of significs on the subsequent development of semiotic, philosophical, and linguistic researches.

Key words: semiotic ideas, significs, sign, sense, meaning, significance

Acknowledgment:

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00261.

Article history:

Received: 01.12.2020

Accepted: 01.03.2021

For citation:

Skripnik, K.D. (2021). The History of Semiotic Ideas: Victoria Lady Welby's Significs. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 875—887. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-875-887

Введение

В период смены XIX и XX вв. в западной литературе фиксируется всплеск интереса к проблеме значения в широком контексте развития различных дисциплин — философии, логики, лингвистики, психологии, в рамках которых формируется определенный спектр подходов к ее исследованию. За всего лишь тридцатилетний период появляются значимые работы Ч. Пирса по семейотике (семиотике), М. Бреала по семантике, Ф. де Соссюра по семиологии, Ч. Огдена и Ричардса по значению значения, обсуждаемые до нашего времени.

В это же время появляется «концепция теории знаков как универсально обоснованной, фундаментальной ветви науки» [1. Р. xxviii], получившая от своего создателя — леди Виктории Уэлби — название сигнифики. Если первые названные авторы и их научные исследования не нуждаются в особом представлении, то и личность самой Виктории Уэлби и специфика разработанной ею сигнифики не вполне известны не только отечественному, но и зарубежному читателю. Жизнь и работы леди Виктории Уэлби, как-то странно забытые, почти затерянные во времени, вновь оказались в фокусе внимания исследователей более чем через пятьдесят лет после ее ухода из жизни.

Рожденная в аристократической среде Виктория Александрия Мария Луиза Стюарт-Уортли, будущая леди Уэлби, в период расцвета своего творчества называвшая себя (и именно так сохранившаяся в комментаторской литературе) Виктория, леди Уэлби, с самого детства находилась в каком-то особом взаимоотношении с окружающим миром. Одной из ее крестных была женщина, уже через пять дней после крещения Виктории ставшая королевой — речь идет о королеве Виктории, не раз впоследствии оказавшей влияние на свою крестницу не только тем, что в течение двух лет Виктория Стюарт-Уортли выполняла обязанности фрейлины при дворе королевы, но и созданием той самой эпохи, которая вошла в историю под названием «викторианской». Прямым и самым важным влиянием, которое испытала Виктория Уэлби, стало, конечно же, влияние ее матери, леди Эмmeliны, оставшейся вдовой, когда Виктории исполнилось всего семь лет. Леди Эмmeliна была незаурядной женщиной, автором книг стихов, драматических произведений и путевых заметок, жанр которых был первым «опытом письма» и Виктории, сопровождавшей свою мать в ее длительных путешествиях на протяжении семи лет.

Достаточно небольшого перечня мест, чтобы понять, как много впечатлений могла получить маленькая Виктория: Северная и Южная Америка (от Вашингтона до Гаваны, Панамы и Перу), Иберийский полуостров и Марокко, Европа и Средний (Ближний) Восток. Поездки сопровождались встречами с известными людьми — в США, например, это были президент Тэйлор и знаменитый Даниэль Уэбстер. В течение всех путешествий Виктория вела путевой дневник, который был издан в 1852 году. Несомненно, данные путешествия, встречи и впечатления оказали влияние на всю оставшуюся жизнь. Отсутствие систематического образования (факт, который также оказал влияние

на последующее развитие — и, судя по результатам, влияние положительное) вкупе с получением огромного личного опыта, встречами с выдающимися людьми своего времени, среди которых такие политические деятели, как Дерби, Гладстон, Палмерстон, создали ту базу, которая позволила сформироваться самобытному мыслителю, самостоятельному, пытливому, общительному и открытому.

Трудно сказать, что было для Виктории Уэлби на первом месте — публикации, организационная работа или переписка, которую она вела. Первая ее книга «Нити и петли» [2], вышедшая отдельным изданием в 1881 году, была посвящена религиозной тематике, в частности, неясностям и двусмысленностям религиозных и теологических текстов. Намеченные трудности их исследования связывались ею с трудностями интерпретации, особенно интерпретации наполняющих их метафор и иных риторических фигур и тропов. Речь шла не о том, чтобы избегать метафор в серьезном исследовании, а о том, чтобы использовать метафоры с ясным «каркасом» интерпретации, позволяющим прояснять идеи, лежащие в основе метафорических выражений. Подобный «каркас интерпретации» связан с ответом на вопрос о том, являются ли религиозные тексты людским порождением без какого-либо «божественного промысла» или все-таки имеется некоторого сорта «высшая истина», задающая весь настрой интерпретационного «каркаса». Книга предназначалась для достаточно широкого круга публики и могла бы казаться чем-то не очень существенным с научной точки зрения, если бы вслед за ней не были опубликованы две статьи — «Значение и метафора» [3] в «The Monist» и «Смысл, значение и интерпретация» [4] в «Mind», журналах с весьма серьезной научной репутацией. В 1897 году выходит книга «Зерна смысла» [5], посвященная двусмысленностям и ошибкам, связанным с неаккуратным обращением с языком, и предлагающая пример проведения лингвистической реформы по формированию нового «лингвистического сознания» и реформы преподавания и обучения языку. В книге впервые появляется особый термин для предлагаемой, скажем так, концепции — «сенсифика» (*sensifics*), который позднее был признан не вполне удачным и заменен на «сигнифику» (*significs*). Высказанные реформистские идеи стали в дальнейшем основой достаточно длительных профессиональных отношений между леди Уэлби и одним из будущих авторов «Значения значения» Чарльзом Огденом.

В это же десятилетие выходят материалы [6] и сборники [7; 8], демонстрирующие результаты работы по сбору и систематизации примеров неточного и даже небрежного употребления языка в научных, философских и психологических текстах. Эти сборники демонстрировали не только неспекулятивный характер предложений Виктории Уэлби, не только подкрепляли ее теоретические тезисы добротным эмпирическим материалом, но и подтверждали, что она настоящий «труженик» (о своем желании того, чтобы ее воспринимали именно в таком качестве она писала в письме Ч. Пирсу от 22.12.1903 [9. Р. 13]). Список опубликованных работ В. Уэлби, представленный С. Петрилли [10], насчитывает более 90 именованных; основные же идеи сигнифики как новой науки о

значении изложены в двух ее последних книгах «Что такое значение?» [11] и «Сигнифика и язык» [12].

Труды леди Уэлби были замечены: она становится членом Аристотелевского общества Лондона, а в 1890 году избирается членом Антропологического института Великобритании и Ирландии (получил приставку «Королевский» в 1907 году). Леди Уэлби оказала огромную помощь в организации и была в числе основателей и Социологического общества Великобритании, организационно оформленного в 1903 году [13].

В течение многих лет Виктория Уэлби вела значительную переписку со многими известными людьми своего времени — исследователи насчитывают более 450 ее корреспондентов [14]. Эпистолярный жанр был для нее привычным способом общения, изложения своих идей, получения помощи и критических замечаний, оказания (иногда подспудного, иногда явного) влияния на своих корреспондентов. Переписка формировала своеобразный интеллектуальный клуб¹. Помимо просто переписки с учеными и философами леди Уэлби пользовалась еще и правом (которое, например, в явном виде дал ей Ч. Пирс) пересылки полученных ею писем от одного из авторов другим своим корреспондентам, знакомя тем самым их с идеями друг друга, давая возможность установления новых творческих и личных связей и отношений. Иногда подобные попытки были весьма удачными, как в случае введения идей и работ Ч. Пирса в интеллектуальное пространство британских философов, иногда попытки оканчивались провалом как в случае с желанием В. Уэлби установить прямые связи между Ч. Пирсом и Б. Расселом. В этой своей роли Виктория Уэлби может быть сравнена с М. Мерсенном и его заслугами в формировании научных коммуникаций и своеобразной интеллектуальной атмосферы в современной ему Европе. Следует отметить, что важность переписки леди Уэлби была осознана только после ее смерти — сначала ее дочерью, издавшей два тома ее переписки [15], [16], затем и другими исследователями — И. Лиебом [17], Ч. Хардвиком [9] и частично В. Шмитцом [18]. Огромное количество писем леди Уэлби и ее корреспондентов было использовано С. Петрилли [10].

Сигнифика — новая наука о значении и значимости

В последнее десятилетие XIX века и в первые годы XX века В. Уэлби продолжала развивать идеи сигнифики, что стало результатом предшествующей работы по исследованию метафоры и неясностей и двусмысленностей, связанных с использованием языка, с одной стороны, и, с другой, представляло собой

¹ С. Петрилли отмечает: «Для Уэлби диалогический обмен, критика, столкновение и отзывчивое понимание были необходимыми реквизитами приобретения знания. Она подчеркивала важность постановки вопросов, которые она считала указателями для возможного исследования — даже без требований обязательных ответов на данные вопросы, разве что в форме новых вопросов. Благодаря ее щедрому посредничеству, ее корреспонденты обменивались мнениями друг с другом — непосредственно или через нее» [10. Р. 15].

вполне естественную эволюцию их автора. Эволюция характеризовалась переходом от сбора материала, свидетельствующего об имеющихся «нелепостях», коммуникативных трудностях и ошибках, связанных с пониманием и интерпретацией значений в обычном и научном словоупотреблении, к первичной концептуализации, попытке теоретизирования, построению системного и обоснованного анализа и исследованию и выработке практических путей выхода. Исходным пунктом развития исследовательской деятельности леди Уэлби был «принцип метафоры» [19], для которого характерно различие уровня буквального языка и уровня «смысла»; последний представляет собой подлинное значение выражений языка. Из этого исходного пункта В. Уэлби естественным образом пришла к анализу значения, выявлению характерных черт его формирования, функционирования и изменения. Возвращение к подлинным значениям возможно реализовать через использование исключительно денотативных функций языковых выражений, но это был бы неверный ход, поскольку денотативные значения, предполагающие использование только буквального языка, привели бы к значительному его обеднению и к исключению возможностей использования языка для репрезентации иной, порой скрытой реальности. По сути дела, В. Уэлби говорит о том, что теперь стало просто трюизмом: использование языка не исключительно в буквальном смысле позволяет с помощью достаточно ограниченного множеств средств порождать практически бесконечное число их сочетаний и вариантов их использования и употребления. Однако в этом случае уровень смысла, отличающийся от буквального, то есть уровень фигуральный, требует установления процедур интерпретации, поскольку множество языковых выражений с фиксированным значением ограничено. У. Майерс обращает внимание на то, что именно этот круг идей предлагался и отстаивался в статье «Смысл, значение и интерпретация», помещенной в журнале «Mind»: «... то, что она (Виктория Уэлби — К.С.) стремится обосновать... — это знакомый тезис о том, что ученые и философы уделяют слишком мало внимания нуждам интерпретации, игнорируя условия значения, и что самая большая нужда заключается в систематическом изучении значения... и его внедрения в образование» [19. Р. 13].

Систематическое изучение значения и есть цель сигнифики. Обрисуем сигнифику, опираясь и на собственные определения ее, данные Викторией Уэлби в различных работах, и используя в качестве руководства комментарии ван Данцига [20], Д. Вуйсье [21], А. Эшбаха [1] и С. Петрилли [10]. Попытка однозначного определения сигнифики достаточно непростая: хотя, по некоторым сведениям, Виктория Уэлби «приценивалась» к нему еще в 1894 году, в первый раз данный термин официально появляется в 1896 году [4] наряду с термином «сенсифика».

В «Significs and Language» (1911 г.) леди Уэлби дает следующее определение: «Сигнифика коротко и предварительно может быть определена как изучение природы значимости (Significance) во всех ее формах и отношениях и, таким образом, ее «работы» в каждой возможной сфере человеческой

целесообразной деятельности. Но тот факт, что это изучение полностью отрицалось даже в образовании, затрудняет формулировку полностью удовлетворительного определения» [12. P. vii]. Проясняя это определение, В. Уэлби пишет, что «то, что естественным образом предшествует и является самым (главным) условием человеческих взаимоотношений как подлинного занятия человека в этом мире» есть интерпретативная функция. В этом же, 1911 году, появляется определение сигнифики, согласно которому сигнифика — это «...наука и метод образования, основанные на значении понимания точной значимости терминов и понятий и их влияния на мышление и жизнь» [22. P. 38].

Практически одновременно статья «Сигнифика» появляется в Британской энциклопедии; в начале этой статьи сигнифика определяется как «наука о значении или изучение значимости при том условии, что достаточное значение придается ее практическому аспекту как методу мышления (*mind*), который включен во все виды умственной (*mental*) активности, включая логику» [9. P. 167]. После данного определения повторяется текст более ранней статьи «Сигнифика» 1902 года [23], написанной совместно Викторией Уэлби, Джорджем Стаутом и Джеймсом Болдуином, из которой приведем лишь наиболее важные фрагменты: «Сигнифика имплицитно различает между (а) смыслом, или сигнификацией, (b) значением, или интенцией, и (с) значимостью, или идеальной значимостью (ценностью, *worth*)»; «предлагаемый метод умственного обучения, нацеленный на концентрацию интеллектуальных активностей (деятельностей) на том, что по имплицитному допущению конституирует начальную и конечную цель любого обучения — то, что сейчас безразлично называют его значением или смыслом, его импортом или значимостью»; «сигнифика предоставляет также средства для привлечения внимания к отставанию языка в сравнении с другими видами человеческой коммуникации и к неотложной необходимости стимулирования мышления посредством создания широкого интереса к логической, практической, равно как и эстетической, ценности всех видов выражения» [23. P. 529].

Несмотря на естественную эволюцию концепции сигнифики, В. Уэлби сохраняла понимание значения как определенной трехсоставной или трехуровневой структуры, включающей смысл, значение и значимость. Так, в книге «Сигнифика и язык» она пишет: «Классифицированное использование терминов, выражающих ценность, утверждает три главных уровня или класса этой ценности — уровни смысла, значения и значимости. (а) Первый из них на начальном этапе естественно ассоциируется со смыслом в его наиболее примитивной референции; то есть, с органическим ответом на окружающую среду и с существенно выразительным (экспрессивным) элементом во всем опыте. Мы подвергаем остракизму бессмысленность в речи, а также спрашиваем «в каком смысле?» используется слово или может быть оправдано утверждение. (b) Но «смысл» сам по себе не является целенаправленным; последнее является главной характеристикой слова «значение», которое, собственно, и предназначено для специального смысла, выражающегося в

намерении передать. (с) Термин «значимость» полезно использовать как включающий смысл и значение, но превосходящий их по рангу и покрывающий далеко идущие следствия, импликации, конечный результат или исход некоторого события или опыта» [12. Р. 79].

Хотя все приведенные определения вряд это можно считать безупречными с логической точки зрения, из них становится ясной главная черта сигнифики, определяемая стремлением учесть динамический характер языка и знака (не только языкового), пластичность различных уровней выражения и коммуникативный характер значения в широком смысле слова, объединяющем смысл, значение и значимость. Понимание того, что значение меняется со временем, поскольку каждое слово в качестве своего «наследия» несет в себе историю своих использований, стремление учесть эти изменения в определенной степени отражали ту важную характеристику викторианской эпохи, которая связана с распространением и влиянием эволюционистских идей Ч. Дарвина. На Ч. Дарвина, в свою очередь, в значительной степени повлияли теории происхождения и развития языка от Э.Б. де Кондильяка до И.Г. Гердера: так, например, И.Г. Гердер приравнивал развитие языка к различным фазам человеческой эволюции. Сторонниками идеи эволюции языка были кузены Ч. Дарвина — Генри Холланд и Хенсли Веджвуд, находившиеся с ним в достаточно близком контакте и ставших своеобразными проводниками указанного влияния. Иными словами, сложилась очень интересная конфигурация влияний: динамическая теория значения (языкового в первую очередь) формировалась под влиянием идей эволюционной теории Дарвина, которая формировалась под влиянием результатов исследований эволюции языка. И для леди В. Уэлби не существует постоянного, раз и навсегда установленного значения, которое она называет «plain meaning»; эволюционистские идеи привлекают ее еще и в аспекте отсутствия резкой границы между животным миром и миром человека. Коммуникация животных, знаковые процессы умственной деятельности человека понимались ею как представляющие различные уровни деятельности знаков. В формировании сигнифики получил развитие «ее взгляд на значение, знание и коммуникацию в соответствии с принципом эволюционной теории, где в центре внимания находится взаимоотношение между знаком, значением и ценностью не только на уровне вербального языка, но повсюду в универсуме, что демонстрирует неразрывность между естественным и культурным мирами» [24. Р. 252].

В некоторых более ранних работах [4; 23] третий элемент значения, «следующий за» смыслом и значением, назывался иногда «интерпретацией», иногда «переводом» (в более широком смысле слова, смысле, сопряженным с «трансляцией», может быть, аналогичном тому, о котором говорит Р. Якобсон [25], называя его «трансмутацией»). Но введение понятия значимости стало гораздо более подходящим, потому что именно оно в наиболее яркой степени отражает то новое, что появляется в предложенной В. Уэлби трактовке знака, значение которого может быть адекватно воспроизведено в более широком, чем просто лингвистический или логический, аспекте: значение есть

специфическая человеческая, социальная характеристика, а иногда даже характеристика более крупного масштаба, вплоть до «космического». В первую очередь, речь идет о включении в адекватную реконструкцию значений и чувственных, и волевых, и ценностных их характеристик: «Мы уже затронули некоторые формы этой триады, — пишет В. Уэлби в книге «Что такое значение?», — которые могут также быть представлены как сигнификация, интенция и идеальная ценность. С этой точки зрения референция смысла главным образом инстинктивная, значения — волевая, значимости — моральная... Сигнифика анализирует отношение знака в широком смысле каждой из референций, признавая восходящую степень практической важности» [11. Р. 46—47].

Для того, чтобы точнее выразить смысл этих «трех уровней», трех «классов выражения», трех элементов значения, леди В. Уэлби вводит и иные тройственные единства, «триады». Так, например, со «смыслом» коррелируются «тенденция», «сигнификация», «органический ответ на окружающую среду», со «значением» — «интенция», «специфический смысл, который передается намеренно», со «значимостью» — «идеальная ценность» (иногда — «worth», иногда — «value»), «существенный интерес» и другие. Обращая внимание на то, что В. Уэлби, хотя достаточно часто и использовала триадические построения, относилась к «триадизму» вполне критично, В. Шмитц [12. Р. xcvi] сводит коррелирующие между собой различные «триады» в достаточно емкую таблицу из одиннадцати групп «триад». Так, «триада» «смысл — значение — значимость», выделяющая три главных уровня значения, в случае «референции» преобразуется в «триаду» «вербальная — волевая — моральная»; если речь идет о «типах опыта», то «триада» приобретает вид «планетарный — соляренный — космический», если об «уровнях психического процесса», то «триада» выглядит как «инстинкт — восприятие — представление».

Сам термин «сигнифика» и основания для его выбора заслуживают особого внимания тем более, что рассматривались и иные варианты названия новой науки. Среди вариантов были «семантика» и «символика» (*symbolics*), предлагались к рассмотрению и «семиотика», и «семасиология», и «сематология». Однако одни названия не устраивали, потому что уже были «обременены» определенной денотацией, другие несли излишние коннотации. Нужен был новый термин, поскольку речь шла о новом подходе к значению, подходе, который выходит за рамки лингвистического, логического, философского, психологического и иных взглядов. Новый подход связывался с формированием интегрирующего исследования значения, включающем достижения и различия всех упомянутых подходов, но обогащенным аксиологическими и даже прагматико-практическими аспектами функционирования знаков и значений. Потенциал знака, его «сигнифицирующая», означающая «сила» с самого начала несли в себе больше, чем просто использование знака: «означивать» — это не только указывать посредством знака, но и придавать значимость, ценность такому указанию. Ценность же зависит от гораздо большего числа факторов, нежели просто лингвистические, логические и

иные «измерения». Если первым уровнем значения выступает «смысл», то и он является весьма динамичной характеристикой. Так, если речь идет о смысле слова, то В. Уэлби замечает, что «строго говоря, нет такой вещи как смысл слова — есть только смысл, в котором оно используется: обстоятельства, состояние ума, референция, «универсум рассуждения» [11. Р. 5].

На новое предложение, новый термин отозвались такие британские исследователи, как Г. Сиджвик и Д. Стаут, французские — А. Бергсон, М. Брель и А. Лаланд, американец Ч. Пирс, голландцы ван Иден (Ееден) и де Хаан и другие. Так, де Хаан, благодаря которому в Нидерландах появился термин «significa» как соответствие английскому «signifcs», в одной из своих статей оценил сигнифику леди Уэлби как подлинную «философию языка», подчеркивая, что сама В. Уэлби «характеризовала сигнифику как философию значимости, то есть философию человеческой способности к выражению (expression). Язык не является единственным средством человеческого выражения, и сигнифика, следовательно, охватывает больше, чем философию языка — философию выражения. Для овладевающего сигнификой предметом интереса являются и другие средства выражения: музыка, живопись, скульптура, химические и математические формулы, геометрические фигуры и жести» [18. Р. 220].

В формировании сигнифики сыграли роль как личностные особенности ее создателя, так и интеллектуальная атмосфера викторианской эпохи; но и идеи сигнифики, и сама леди Уэлби оказали влияние на своих современников и исследователей более позднего времени. Так, нельзя не указать на слова Ч. Пирса, который в одном из писем к Виктории Уэлби замечает: «Не думаю, что я составил свои трихотомии в том виде, который они имеют, под влиянием Вашей книги и вполне убежден, что никакое подобное влияние вообще не имело места. Хотя, конечно, это могло получиться бессознательно. При чтении Вашей книги мой ум мог глубоко впитать Ваши идеи таким образом, что я этого теперь совершенно не помню» [26. С. 318]. В своей философской биографии Б. Рассел, говоря о том времени, когда он заинтересовался проблемой языка и фактов, также упоминает леди Уэлби как автора книги, посвященной этой проблеме [27. Р. 11]. Обращает на себя внимание и тот факт, что исследование связи теории знаков и значения с аксиологией, начало которого было положено автором сигнифики, получило продолжение в работе Ч. Морриса [28]. Хотя Ч. Моррис в своей книге не упоминает работы леди Уэлби, могу предположить, что он мог знать о них, принимая участие в исследованиях и семинарах, проведенных в рамках движения сигнифики в Нидерландах, о котором следует сказать особо. Название движения включает термин, авторство которого принадлежит леди Виктории Уэлби, идеи сигнифики получили известность в Нидерландах благодаря ван Идену, который был знаком с леди Уэлби еще с 1892 года. Вместе с тем, хотя идейно сигнифика Уэлби и данное движение достаточно близки, члены этого движения редко упоминают о прямом влиянии ее идей на их исследовательские интересы, за исключением, пожалуй, Г. Маннури, для которого данное влияние является

несомненным [29]. Участь данного движения, как и судьба сигнифики леди Уэлби, удивительно похожи как в том, что существовали недолгое время и были надолго забыты, так и в том, что через полвека интерес к ним возродился и привел к пониманию того, насколько большую роль они сыграли в истории исследований языка и значения. Описание и анализ их идей, взаимосвязей и связей с другими известнейшими направлениями мысли и школами — предмет и задача отдельного рассмотрения.

Заключение

Леди Виктория Уэлби сыграла серьезную роль в исследовании проблем знака и значения на рубеже XIX и XX веков. Создание ею сигнифики как действительно фундаментальной науки о значении должно рассматриваться не только как развитие теории знаков, но как вклад в более широкое исследовательское поле, в центре внимания которого находятся процессы коммуникации и общие проблемы философии языка. Значение в сигнифике рассматривается как сложная структура, чье функционирование происходит в процессе динамического изменения и развития, факторами которого является как пользователь языка, так и культурный, исторический, эпистемологический ряд иных контекстов языковой коммуникации. В меньшей степени заслугой автора сигнифики является установление связи теории знаков с теорией ценностей. Несомненно и влияние идей и самой личности леди Виктории Уэлби на ее современников, принадлежащих к широкому кругу ученых, философов и общественных деятелей. С годами идеи сигнифики приобрели новую актуальность, и их исследование послужит открытию ранее не известных взаимозависимостей между идеями, школами и исследовательскими направлениями начала прошлого века и ликвидации еще имеющихся пробелов в исследованиях по истории семиотики.

Библиографический список

1. *Eschbach A.* Significs as Fundamental Science // *Welby V.* What is Meaning? Studies in the Development of Significance. Amsterdam: John Benjamins Publ.Co, 1983. P. ix-xxxii.
2. *Welby V.* Links and Clues. London: Macmillan & Co, 1883.
3. *Welby V.* Meaning and Metaphor // *The Monist.* 1893. Vol. 3. No 4. P. 510—525.
4. *Welby V.* Sense, Meaning and Interpretation // *Mind.* 1896. Vol. V. No. 17. P. 24—37; No. 18, P. 186—202.
5. *Welby V.* Grains of Sense. London: J.M. Dent & Co, 1897.
6. *Welby V.* The Use of 'Inner' and 'Outer' in Psychology: Does the Metaphor Help or Hinder? A small collection of extracts bearing upon this question respectfully submitted to the International Congress of Experimental Psychology, August 1892. For private circulation. Grantham: W. Clarke (Late L. Ridge). (An Outsider).
7. *Welby V.* A Selection of Passages from 'Mind' (January 1876 to July 1892), 'Nature' (1870, and 1888 to 1892), 'Natural Science' (1892), bearing on changes and defects in the significance of terms and in the theory and practice of logic. (For private circulation only). August 1893. Grantham: W. Clarke (Late L. Ridge) (1893a).
8. *Welby V.* Witnesses to Ambiguity: A Collection. Grantham: W. Clarke, 1898.

9. *Hardwick Ch. S.* (ed.) *Semiotic and Significs. The Correspondence between Charles S. Peirce and Victoria Lady Welby.* Bloomington & London: Indiana University Press, 1977.
10. *Petrilli S.* *Signifying and Understanding.* Berlin: De Gruyter Morton, 2009.
11. *Welby V.* *What is Meaning?* Amsterdam: John Benjamin Publ.Co, 1983.
12. *Welby V.* *Significs and Language / Repr. of the ed. London, 1911.* Amsterdam: John Benjamin Publ.Co, 1985.
13. *Macdonald D.* *Lady Welby // The Sociological Review.* 1912. Vol. V. Reprint: 1964. P. 152—156.
14. Скрипник К.Д. Философское эпистолярное наследство: феномен леди Виктории Уэлби // *Философский журнал.* 2019. Т. 12. № 2. С. 131—143.
15. *Cust N.* (ed.) *Echoes of Larger Life: A Selection from the Early Correspondence of Victoria Lady Welby.* London: Jonathan Cape, 1929.
16. *Cust N.* (ed.) *Other Dimensions: A Selection from the Later Correspondence of Victoria Lady Welby.* London: Jonathan Cape, 1931.
17. *Lieb Irwin C.* (ed.) *Charles S. Peirce's Letters to Lady Welby.* New Haven: Whitlock's, Inc., 1953.
18. *Schmitz Walter H.* (ed.) *Essays on Significs. Papers presented on the Occasion of the 150th Anniversary of the Birth of Victoria Lady Welby.* Amsterdam: John Benjamins, 1990.
19. *Myers, W.A.* *Victoria, Lady Welby // Waithe M.E.* (ed.) *A History of Women Philosophers.* Vol. 4. Kluwer Academic Publishers, 1995. P.1—24.
20. *Dantzig, David Van.* *Significs, and Its Relation to Semiotics // M'elanges philosophiques,* Vol. 2. (Library of the Xth International Congress of Philosophy. Amsterdam, 11—18 August 1948). Amsterdam: L. J Veen Ltd, 1948. P. 176—189.
21. *Vuysje, D.* *Significs. Its Tendency, Methodology, and Applications // Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences.* 1953. Vol. 80. No 3. P. 223—270.
22. *Welby V.* *Significs // Murray A.H. et al.* (eds.) *A New English Dictionary on Historical Principles.* Vol. IX. Oxford: Clarendon Press, 1933.
23. *Welby V., Stout G., Baldwin J.* *Significs // Baldwin J.* (ed.) *Dictionary of Philosophy and Psychology in Three Volumes.* Vol. 2. New York-London: Macmillan, 1902.
24. *Neubauer D.* *Lady Welby: Significs and the Interpretative Mind // Semiotica.* 2013. Issue 196. P. 243—260.
25. *Якобсон П.О.* *О лингвистических аспектах перевода // Избранные работы.* М.: Прогресс, 1985. С. 361—368.
26. *Пурс Ч.* *Начала прагматизма.* СПб.: Алетейя, 2000.
27. *Russell B.* *My Philosophical Development.* London: Georg Allen & Unwin Ltd., 1959.
28. *Morris Ch.* *Signification and Significance. A Study of the Relations of Signs and Values.* Cambridge: MIT Press, 1964.
29. *Mannoury G.* *A Concise History of Significs // Methodology and Science.* 1969. Vol. 2. P. 171—180.

References

1. Eschbach, A. (1983). *Significs as Fundamental Science.* In: *Welby, V. What is Meaning? Studies in the Development of Significance.* Amsterdam: John Benjamins Publ.Co. pp. Ix—xxxii.
2. Welby, V. (1883). *Links and Clues.* London: Macmillan & Co.
3. Welby, V. (1893). *Meaning and Metaphor. The Monist,* 3(4), 510—525.
4. Welby, V. (1896). *Sense, Meaning and Interpretation. Mind,* V(17), 24—37; 18, 186—202.
5. Welby, V. (1897). *Grains of Sense.* London: J.M. Dent & Co.
6. Welby, V. (1892). *The Use of 'Inner' and 'Outer' in Psychology: Does the Metaphor Help or Hinder?* In: *A small collection of extracts bearing upon this question respectfully submitted to the International Congress of Experimental Psychology,* August 1892. For private circulation. Grantham: W. Clarke (Late L. Ridge). (An Outsider).
7. Welby, V. (1893). *A Selection of Passages from 'Mind' (January 1876 to July 1892), 'Nature' (1870, and 1888 to 1892), 'Natural Science' (1892), bearing on changes and defects in the*

- significance of terms and in the theory and practice of logic.* (For private circulation only). Grantham: W. Clarke (Late L. Ridge) (1893a).
8. Welby, V. (1898). *Witnesses to Ambiguity: A Collection*. Grantham: W. Clarke.
 9. Hardwick, Ch. S. (ed.) (1977). *Semiotic and Significs. The Correspondence between Charles S. Peirce and Victoria Lady Welby*. Bloomington & London: Indiana University Press.
 10. Petrilli, S. (2009). *Signifying and Understanding*. Berlin: De Gruyter Morton.
 11. Welby, V. (1983). *What is Meaning?* Amsterdam: John Benjamin Publ.Co.
 12. Welby, V. (1985). *Significs and Language*. Amsterdam: John Benjamin Publ.Co.
 13. Macdonald, D. (1964). Lady Welby. *The Sociological Review*, V, 152—156.
 14. Skripnik, K.D. (2019). Filsofskoe jepistoljarnoe nasledstvo: fenomen ledi Viktorii Ujelbi. *Philosophy Journal*, 12(2), 131—143. (In Russ.).
 15. Cust, N. (ed.) (1929). *Echoes of Larger Life: A Selection from the Early Correspondence of Victoria Lady Welby*. London: Jonathan Cape.
 16. Cust, N. (ed.) (1931). *Other Dimensions: A Selection from the Later Correspondence of Victoria Lady Welby*. London: Jonathan Cape.
 17. Lieb, Irwin C. (ed.) (1955). *Charles S. Peirce's Letters to Lady Welby*. New Haven: Whitlock's Inc.
 18. Schmitz, Walter H. (ed.) (1990). *Essays on Significs. Papers presented on the Occasion of the 150th Anniversary of the Birth of Victoria Lady Welby*. Amsterdam: John Benjamins.
 19. Myers, W.A. (1995). Victoria, Lady Welby. In: *Waithe, M.E. (ed.) A History of Women Philosophers*. Vol. 4. Kluwer Academic Publishers. pp. 1—24.
 20. Dantzig, David Van. (1948). Significs, and Its Relation to Semiotics. In: *M'elanges philosophiques. Vol. 2. (Library of the Xth International Congress of Philosophy. Amsterdam, 11—18 August 1948)*. Amsterdam: L. J Veen Ltd. pp. 176—189.
 21. Vuysje, D. (1953). Significs. Its Tendency, Methodology, and Applications. *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences*, 80(3), 223—270.
 22. Welby, V. (1933). Significs. In: *Murray, A.H. et al. (eds.) A New English Dictionary on Historical Principles. Vol. IX*. Oxford: Clarendon Press.
 23. Welby, V., Stout, G. & Baldwin, J. (1902). Significs. In: *Baldwin, J. (ed.) Dictionary of Philosophy and Psychology in Three Volumes. Vol. 2*. New York-London: Macmillan.
 24. Neubauer, D. (2013). Lady Welby: Significs and the Interpretative Mind. *Semiotica*, 196, 243—260.
 25. Jakobson, R.O. (1985). O lingvisticheskikh aspektah perevoda. In: *Selected works*. Moscow: Progress. pp. 361—368. (In Russ.).
 26. Pirs, Ch. (2000). *Issues of pragmatism*. St. Petersburg: Aletejja. (In Russ.).
 27. Russell, B. (1959). *My Philosophical Development*. London: Georg Allen & Unwin Ltd.
 28. Morris, Ch. (1964). *Signification and Significance. A Study of the Relations of Signs and Values*. Cambridge: MIT Press.
 29. Mannoury, G. (1969). A Concise History of Significs. *Methodology and Science*, 2, 171—180.

Сведения об авторе:

Скрипник Константин Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории зарубежной и отечественной философии Института философии и социально-политических наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»; *сфера научных интересов*: история семиотических учений, история аналитической философии, логика; *e-mail*: skd53@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-2150-1571; e-Library SPIN-код: 3272-4907

Information about the author:

Konstantin D. Skripnik, DSc. in Philology, Full Professor, the Department of the History of Foreign and Domestic Philosophy, Institute of Philosophy, and Social and Political Sciences, Southern Federal University *Research interests*: history of semiotics, history of analytic philosophy, logic; *e-mail*: skd53@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-2150-1571; e-Library SPIN-code: 3272-4907

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-888-904
УДК 811.161.1: 811.112.2(430)(091)

Научная статья / Research article

И.А. Бодуэн Де Куртенэ, А. Шлейхер и «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen»

О.В. Лукин

Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского,
150000, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
✉ oloukine@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена двум выдающимся лингвистам — И.А. Бодуэну де Куртенэ (13.03.1845—3.11.1929) и А. Шлейхеру (19.02.1821—6.12.1868) — и их сотрудничеству в созданном А. Шлейхером и А. Куном журнале «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen». В статье приводятся недостаточно известные факты, которые касаются взаимоотношений двух великих ученых и той научной парадигмы, в которой развивалось их сотрудничество. В статье перечислены все публикации И. А. Бодуэна де Куртенэ в журнале «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen», статьи А. Шлейхера, опубликованные в первом номере этого журнала, а также имена ученых, которые сыграли значительную роль в существовании этого журнала, и в научной жизни двух лингвистов. Один из самых авторитетных органов индоевропеистики XIX столетия журнал «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen» с момента своего основания в 1858 году стал признанной трибуной исследователей мирового уровня в области сравнительно-исторического языкознания. Кроме А. Куна, А. Шлейхера и его учеников (А. Лескина и И. Шмидта) здесь публиковали свои научные труды Т. Ауфрехт, А.Ф. Вебер, Ф. Миклошич, М. Мюллер, А.Ф. Потт, Х. Штейнталь, У.Д. Уитни, Г.В. Эбель и другие выдающиеся лингвисты. Для И.А. Бодуэна де Куртенэ сотрудничество с этим изданием стало большой научной школой и позволило ему познакомиться со своими революционными взглядами широкою лингвистическую общественность.

Ключевые слова: лингвистическая историография, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А. Шлейхер, Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen, Россия, Германия, XIX век

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.03.2021

© Лукин О.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Лукин О.В. И.А. Бодуэн де Куртенэ, А. Шлейхер и «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 888—904. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-888-904

UDC 811.161.1: 811.112.2(430)(091)

**J. Baudouin de Courtenay, A. Schleicher
and “Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung
auf dem Gebiete der arischen, celtischen
und slawischen Sprachen”**

Oleg V. Lukin

Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky,
108/1, Respublikanskaya street, Yaroslavl, Russian Federation, 150000
✉ oloukine@mail.ru

Abstract. The article is devoted to two outstanding linguists — Jan Niecisław Ignacy Baudouin de Courtenay (13.03.1845—3.11.1929) and A. Schleicher (19.02.1821—6.12.1868) — and their cooperative work in “Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen”, the journal established by A. Schleicher and A. Kuhn. The article contains some understudied facts about the relations between the two great scientists and a description of the scientific paradigm in which their interaction developed. This article provides a full list of Baudouin’s works published in the “Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen” journal and the articles by Schleicher published in its first volume. It also gives the names of scientists who supported the journal and influenced academic development of both linguists. “Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen”, one of the most authoritative bodies of Indo-European studies of the XIX century, has become a recognized tribune of world-class researchers in the field of comparative historical linguistics since its foundation in 1858. In addition to A. Kuhn, A. Schleicher and his students (A. Leskin and J. Schmidt), such outstanding linguists as T. Aufrecht, A.F. Weber, F. Miklosich, M. Müller, A.F. Pott, H. Steinthal, W.D. Whitney, H.W. Ebel and many others published their scientific works there. J. Baudouin de Courtenay’s collaboration with this scientific publication was fruitful for his development as a scientist and allowed him to introduce his revolutionary views to the general linguistic community.

Key words: linguistic historiography, J. Baudouin de Courtenay, A. Schleicher, Beiträage zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen, Russia, Germany, 19th century

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.03.2021

For citation:

Lukin, O.V. (2021). J. Baudouin de Courtenay, A. Schleicher and “Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 888—904. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-888-904

Введение

Выдающийся отечественный лингвист И.А. Бодуэн де Куртенэ (Jan Niecisław Ignacy Baudouin de Courtenay, 13.03.1845—3.11.1929) прожил долгую и многогранную жизнь в науке. На протяжении более шести десятилетий — с 1865 года до конца двадцатых годов XX столетия — он опубликовал более шестисот научных трудов на русском, польском, немецком и других языках. Поляк по происхождению, родившийся недалеко от Варшавы, величайший российский лингвист, основатель Казанской и Петербургской лингвистических школ, воспитавший целую плеяду крупнейших языковедов России, он прекрасно владел немецким языком — языком науки XIX столетия — и сотрудничал с известнейшими лингвистическими журналами Германии.

Первым среди них следует назвать орган сравнительно-исторического языкознания «Материалы по сравнительному изучению языков в области арийских, кельтских и славянских языков» (*Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen*). Первый том журнала был издан известным немецким индоевропеистом и мифологом А. Куном (Franz Felix Adalbert Kuhn, 19.11.1812—5.05.1881) и известным языковедом, основателем теории родословного древа А. Шлейхером (August Schleicher, 19.02.1821—6.12.1868). После смерти А. Шлейхера журнал издается А. Куном при участии основателя лейпцигской школы младограмматизма А. Лескина (August Leskien, 8.06.1840—20.09.1916) и автора волновой теории языкового развития И. Шмидта (Johannes Schmidt, 29.07.1843—4.07.1901).

Всего этот журнал, задуманный как приложение к «Журналу сравнительного языковедения в области немецкого, греческого и латинского языков» (*Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen*) просуществовал сравнительно недолго: первый том увидел свет в 1858 году, последний, восьмой — в 1876 году. Затем оба журнала стали издаваться вместе под названием «Журнал сравнительного языковедения в области индоевропейских языков» (*Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*).

А. Шлейхер и журнал А. Куна

Как известно, А. Кун, основавший и вплоть до своей смерти издававший эти знаменитейшие лингвистические журналы в области сравнительного языкознания, был учеником основателя сравнительного языкознания Ф. Боппа (Ворп, 14.09.1791—23.10.1867) по Берлинскому университету и всю свою жизнь проработал в одной из гимназий Берлина (биографические данные А. Куна см. [1]). В 1872 году он был избран членом Берлинской академии наук, впоследствии — иностранным членом Императорской Санкт-Петербургской академии наук. После его смерти издание журнала продолжил его сын Эрнст, известный немецкий индолог и индоевропеист (Ernst Wilhelm Adalbert Kuhn, 7.02.1846—21.08.1920) (см. [2]).

А. Шлейхер, также ученик Ф. Боппа, известен как выдающийся славист, литуанист, индоевропеист и крупнейший представитель натуралистического направления в языкознании. Его переезд из Праги в Йену в 1857 году практически совпал со многими знаменательными событиями в области сравнительно-исторического языкознания: «...окончание 1-го издания сравнительной грамматики Боппа, появление первых выпусков санскритского словаря Бетлинга и Рота (с 1853 г.), основание Куном «*Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*» (с 1852 г.) — были симптомами этого оживления, в котором принял деятельное участие и Ш. своим (и Куна) журналом «*Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen*» (с 1858 г.)» [3. С. 692].

С.К. Булич (27.08.1859—15.04.1921), ученик Бодуэна, известный лингвист и автор многочисленных статей в знаменитой энциклопедии Брокгауза и Ефрона, критиковал А. Шлейхера прежде всего за его естественнонаучное понимание языка, ср.: «Ботанические вкусы Ш. сказались и в его желании систематизировать, уложить живое разнообразие языка в немногие и, нужно сознаться, довольно деревянные рубрики. Догматизм, известная механичность и педантизм, несомненно, были присущи уму Ш. и наложили свой отпечаток и на его естественноисторический способ понимания языка, отчасти парализовав положительные достоинства этого последнего» [3. С. 693].

Впрочем, господство естественнонаучных воззрений, «...под обаянием которых находилось все прогрессивное европейское мышление того времени», как академик В. В. Виноградов, объясняло необыкновенный авторитет А. Шлейхера среди ученых того времени, ср.: «Это было время первых блестящих побед дарвинизма, развития позитивизма, подъема материалистического направления, а также распространения механистических взглядов. Естественно-научные методы исследования применялись в разных областях знания и содействовали устранению в критике старых предрассудков и суеверий» [4. С. 7].

В первом томе журнала было опубликовано тридцать две (!) работы самого А. Шлейхера (включая рецензии и десять совсем небольших статей в разделе «*Miscellen*»), а также девять статей А. Куна.

Восемь из опубликованных в первом номере работ А. Шлейхер написал еще в Праге, одну — в небольшом тюрингском городке Зоннеберге, оставшиеся — уже в Йене. Четыре работы посвящены славистике. Это «Краткий обзор истории славянского языка» [5] (именно этой работой без каких бы то ни было введений или предисловий начинается первый том журнала), «Описание кириллического алфавита латинским шрифтом» [6], «Является ли церковнославянский словацким языком?» [7] и «Закон конца слова в церковнославянском (древнеболгарском) и рассмотрение первоначально вокалического начала слова в названном языке» [8].

Самую первую рецензию А. Шлейхер посвятил речи своего учителя Ф. Боппа о языке древних пруссов, которую тот прочитал в 1853 году в Берлинской академии наук [9]. Четыре рецензии были написаны на работы

знаменитого словенского и австрийского слависта, основоположника школы сравнительно-исторического изучения грамматики славянских языков Ф. Миклошича (Franz Xaver Ritter von Miklosich, 20.11.1813—7.03.1891) (см. [10—13]).

Несомненный интерес А. Шлейхера к славянским языкам нашел свое отражение и в других его рецензиях, опубликованных в этом номере журнала. Одна из них посвящена книге крупного словацкого слависта М. Гатталы (Martin Hattala, 4.11.1821—11.12.1903) «Сравнительная грамматика чешского и словацкого языков» [14], другая — книге российского славяноведа и фольклориста А.Ф. Гильфердинга (14.07.1831—2.07.1872) «О сродстве языка славянского с санскритским» [15]. Еще одна рецензия была написана на изданный на немецком языке «Словарь славянского языка в шести диалектах: русский, болгарский, церковнославянский, сербский, чешский и польский» известного чешского писателя и лексикографа Й. Шумавского (Josef Franta Šumavský, 27.11.1796—22.12.1857) [16].

Следующие две рецензии посвящены двум частям написанной на латинском языке работы датского слависта К. Смита (Caspar Wilhelm Smith, 16.06.1811—4.09.1881) по грамматике балтийских и славянских языков [17; 18].

Разумеется, интересы знаменитого лингвиста здесь не ограничивались только славянскими языками. В первом же номере мы находим его работы по литовскому языку (в том числе небольшие статьи «-tė (т.е. tai) как окончание инфинитива в литовском языке» [19], «Местоимение lit. *szi*, slaw. *si* = goth. *hi grundf. ki*» [20], «Шипящий звук перед и после гуттурального конечного звука корня в литовском языке» [21]) и сравнительно-историческому языкознанию («Непервозданность \hat{i} и \hat{u} в индоевропейском языке» [22], «Место кельтского языка среди индоевропейских языков» [23]).

Научным трудам по литуанистике и индоевропеистике посвящены и опубликованные в этом номере рецензии А. Шлейхера. Здесь хочется обратить внимание на его рецензию на статью «Записка о книге А. Шлейхера «Handbuch der litauischen sprache»», написанную относительно малоизвестным автором, знатоком литовского языка и этнографом И.В. Юшкевичем [24].

Еще одна рецензия была составлена на «Отчеты второму отделению Императорской Академии наук о филологическом путешествии по западным краям России кандидата С.П. Микуцкаго» (7.11.1814—6.09.1890) об интереснейших наблюдениях известного российского балтиста, специалиста по сравнительно-историческому языкознанию, которые тот описывал во время своей командировки в 1853—1854 гг. [25].

Среди авторов первого тома были и другие известнейшие ученые своего времени: крупный немецкий индолог и санкритолог, сооснователь «Журнала сравнительного языковедения в области немецкого, греческого и латинского языков» Т. Ауфрехт (Theodor Aufrecht, 7.01.1822—3.04.1907), норвежский языковед, исследователь Эдды С. Бугге (Sophus Bugge, 5.01.1833—8.07.1907), немецкий лексикограф и писатель Л. Дифенбах (Georg Anton Lorenz Diefenbach, 19.07.1806—28.03.1883), немецкий кельтолог Г.В. Эбель (Hermann

Wilhelm Ebel, 10.05.1820—19.08.1875), немецкий географ и картограф Г. Киперт (Johann Samuel Heinrich Kiepert, 31.07.1818—21.04.1899), Ф. Миклошич, профессор общего языкознания в Галле, один из основателей современного индоевропейского языкознания и общего языковедения А.Ф. Потт (August Friedrich Pott, 14.11.1802—5.07.1887), швейцарский филолог-классик Г. Швейцер-Зидлер (Heinrich Schweizer-Sidler, 12.05.1815—31.03.1894), известный немецкий филолог и философ Х. Штейнталь (Heymann Steinthal, 16.05.1823—14.03.1899), крупный немецкий востоковед А.Ф. Вебер (Albrecht Friedrich Weber, 17.02.1825—30.11.1901), знаменитый американский лексикограф У.Д. Уитни (William Dwight Whitney, 9.02.1827—7.06.1894) и некоторые другие (см. [26]).

Список авторов журнала оставался относительно стабильным, отчасти пополняясь от номера к номеру. С четвертого тома (1865 г.) в журнале начинает публиковать свои работы ученик А. Шлейхера И. Шмидт, а с пятого (1868 г.) — А. Лескин, тогда еще преподававший в Геттингенском университете. После смерти А. Шлейхера, начиная с седьмого тома (1871 г.), журнал издается А. Куном совместно с А. Лескиным и И. Шмидтом.

Критика А. Шлейхера и публикации И.А. Бодуэна де Куртенэ в журнале

В некрологе, посвященном памяти своего йенского учителя, двадцатичетырехлетний И.А. Бодуэн де Куртенэ дал глубокий и всесторонний анализ лингвистических воззрений А. Шлейхера. Сам доклад «Август Шлейхер» был впоследствии прочитан 7 апреля 1870 г. на заседании Филологического общества при Петербургском университете. Здесь Бодуэн не только подверг критике отдельные черты учения Шлейхера (например: «Он 1) обращал внимание только на древние явления языка, пренебрегая новыми, видя всю задачу языкознания в воссоздании праязыка и отдельных основных языков; в связи с чем находилось 2) то, что он видел преимущественно только сродство языков, упуская из вида их различия» [27. С. 42]), но и подчеркивал его несомненные заслуги перед наукой о языке, заключив, однако: «Шлейхер не создал новой науки, ни даже не сделал переворота в уже готовой науке, как например Бопп, Гримм или Вильгельм Гумбольдт. Но он обладал строго научным умом, рвением к труду, трудолюбием, стойкостью, трезвым суждением о фактах и способностью представлять другим свои познания ясно и порядочно» [27. С. 44].

Острой критике Бодуэн подвергал именно шлейхеровское натуралистическое понимание языка как организма. Конечно же, следует заметить, что полемический запал молодого ученого едва ли соответствовал самому жанру некролога, ср., например: «Для Шлейхера язык существовал в отвлечении от человека, он родился на земле или же спал с облаков как организм, и слова, то есть часть этого организма, развивались независимо от духа человеческого (какое метафизическое значение мы бы ни приписывали этому духу)» [27. С. 38].

В 1870 году в шестом томе журнала была опубликована знаменитая статья Бодуэна «Некоторые случаи действия аналогии в польском склонении», которую двадцатитрехлетний ученый написал в 1868 году в Йене во время своей командировки под руководством А. Шлейхера [28]. В ней «...Бодуэн де Куртенэ (впервые в компаративистике!) перенес принципы исторического развития и изменчивости языка на морфологическую структуру слова: он доказал, что в склоняемых формах индоевропейские основы подвергаются сокращению в пользу окончаний. Причины же этих изменений Бодуэн усматривал в действии аналогии, вызванной психическими процессами» [29. С. 142]. Как принято считать, это положение оказалось «...настолько ошеломляющим, что А. Шлейхер потребовал убрать его из готовой к печати» [29. С. 142].

Ученик Бодуэна по Санкт-Петербургскому университету, известный лексикограф, впоследствии иностранный член-корреспондент АН СССР М. Фасмер (Max Julius Friedrich Vasmer, 27.02.1886—30.11.1962) называл этот труд, который его учитель защитил в Лейпциге как докторскую диссертацию, выдающейся работой, составившей эпоху в истории языкознания, и назвал две причины этого: «1) здесь, вопреки обычаям тогдашних лингвистов, особенное внимание обращено на *современное состояние польского языка*; 2) опять-таки вопреки обычаю тогдашних языковедов, отмечавших только фонетические изменения в языке, здесь впервые подчеркивается значительное влияние аналогии на языковые изменения, т. е. впервые обращается внимание на психологические изменения в языке» [30. С. 136—137]. Это, в свою очередь дало ему основание сказать, что «...Бодуэн в своей диссертации положил начало новому, психологическому или младограмматическому направлению в области языкознания» [30. С. 137].

В этом же номере журнала было опубликовано еще семь небольших статей, большая часть которых посвящена польскому языку. Это: «Переход глухих согласных в соответствующие им звонкие в историческом развитии польского языка» [31], «Словоформы и даже предложения, которые опростились до корней» [32], «Удвоение суффикса *-ti-* в польском и русском языке» [33], «Склонность к *e* в польском языке» [34], «Некоторые наблюдения над детьми» [35], «Зетацизм в памятниках и диалектах польского языка» [36], «Чередование *s* (*š*, *ś*) и *ch* в польском языке» [37]. Все эти работы были написаны во время пребывания ученого в Берлине, первые четыре — в мае, последние три — в июне 1868 года.

В следующем, седьмом номере была опубликована рецензия И. Шмидта на диссертацию Бодуэна «О древнепольском языке до XIV-го столетия». Разумеется, основные критические замечания рецензента были направлены в отношении воздействия аналогии на звуковые изменения в древнепольском языке. Рецензент пишет, например: «Автор вообще рискует быть обреченным на поверхностный схематизм при его восприятии звуковых процессов» [38. Р. 122]. Указывая на субъективные предпосылки, под влиянием которых находятся некоторые положения книги, И. Шмидт, однако, считает, что

«...нельзя отказать в признании всей работе как прилежному и пригодному обзору» [38. Р. 126].

В восьмом номере журнала за 1876 год были опубликованы десять (!) рецензий, написанных И.А. Бодуэном де Куртенэ, которые лишней раз свидетельствуют о несомненном разнообразии научных интересов молодого слависта.

Две из рецензируемых работ принадлежат перу польского лингвиста А.А. Крынского (Adam Antoni Kryński, 19.05.1844—10.12.1932). Первая — его магистерская диссертация «О носовых звуках в славянских языках», изданная на русском языке в 1870 году в Варшаве [39], вторая — небольшая брошюра под названием «Языковой вопрос. О безосновательном различении среднего рода от мужского в склонении прилагательных» [40].

Вторая рецензия посвящена книге известного российского слависта А.С. Будиловича (5.06.1846—26.12.1908) «Изследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи императорской публичной библиотеки XI века (С тремя литографированными снимками)» [41].

В третьей рецензии Бодуэн анализирует докторскую диссертацию польского диалектолога Л. Малиновского (Lucjan Feliks Jan Malinowski, 27.05.1839—15.01.1898) «Материалы к изучению славянской диалектологии. Об опольском диалекте в Верхней Силезии. Т. 1. Фонетика и морфология», которая была защищена в Лейпциге в 1873 году [42].

Четвертая рецензия посвящена книге польского географа и этнографа, профессора Ягеллонского университета В. Поля (Wincenty Ferreriusz Jakub Pol, 20.04.1807—2.12.1872) «Историческая область Польши. Исследование о диалектах польского языка» [43].

В пятой рецензии Бодуэн анализирует работу сербского историка и филолога С. Новаковича (Стојан Новаковић, 1.11.1842—18.02.1915) «Физиология слова человеческого и звуки сербского языка» [44].

Шестая — рецензия на работу А. Семеновича «О мнимости количественных характеристик гласных звуков в древнепольском языке», опубликованную на немецком языке в 1872 году в Лейпциге [45].

Седьмая рецензия посвящена работе известного чешского литературоведа и лингвиста Й. Иречека (Josef Jireček, 9.10.1825—25.11.1888) «Очерк старочешской грамматики» [46].

Восьмая рецензия посвящена «Молитвам Вацлава» — памятнику древнепольского языка, обнаруженному польским историком, медиевистом, издателем графом А.Н. Пршездецким (Aleksander Narcyz Przewdziecki, 29.07.1814—26.12.1871) с филологическим и лингвистическим анализом, сделанным польским филологом, профессором Карлова и Ягеллонского университетов Х.И. Сухецким (Henryk Ignacy Suchecki herbu Poraj, 1811—3.07.1872) [47].

Наконец, последняя, десятая рецензия составлена на «Описание рукописей славянских, обнаруженных в Ягеллонском университете», подготовленное польско-русским славистом Э. Калужняцким (Emil Kałużniacki,

11.01.1845–3.07.1914) и опубликованное гимназией святой Анны в Кракове [48].

Следует отметить, что некоторые из названных рецензий в разное время были опубликованы на русском языке в Журнале министерства народного просвещения (см. [49—53]).

Заключение

В заключение следует, очевидно, заметить, что пребывание в Германии, в особенности стажировка в Йенском университете под руководством профессора А. Шлейхера, не могли не оказать значительного влияния на становление И.А. Бодуэна де Куртенэ как лингвиста. Непростые отношения с его йенским учителем не помешали однако российскому ученому развиваться в избранном направлении. Активное участие Бодуэна в созданном А. Шлейхером и А. Куном крупнейшем органе индоевропеистики своего времени помогло молодому слависту войти в научный мир Европы XIX столетия и сделать достоянием широкой общественности свои во многом революционные взгляды.

Библиографический список

1. *Leskien A. Kuhn, Franz Felix Adalbert* // Allgemeine Deutsche Biographie (ADB). Bd. 17. Leipzig: Duncker & Humblot, 1883. P. 335—336.
2. *Wilhelm F. Kuhn, Ernst* // Neue Deutsche Biographie. Bd. 13. Berlin: Duncker & Humblot, 1982.
3. *Булич С.К. Шлейхер, Август* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. XXXIXA (78). СПб.: Типография Акционерного Общества Брокгауз — Ефрон, 1903. С. 691—694.
4. *Виноградов В.В. И.А. Бодуэн де Куртенэ* // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 6—20.
5. *Schleicher A. Kurzer abrifs der geschichte der slawischen sprache* // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 1—7.
6. *Schleicher A. Umschreibung des cyrillischen alphabets in lateinische schrift* // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 30—32.
7. *Schleicher A. Ist das altkirchenslawische slowenisch?* // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 319—327.
8. *Schleicher A. Das auslautsgesetz des altkirchenslawischen (altbulgarischen) und die behandlung ursprünglich vocalischen anlantes in der genannten sprache* // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 401—426.
9. *Schleicher A. [Anzeige:] Franz Bopp über die sprache der alten Preussen in ihren verwandtschaftlichen beziehungen. Gelesen in der akademie der wissenschaften u. s. w. Berlin. 1853* // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 107—116.
10. *Schleicher A. [Anzeige:] Franz Miklosich, Formenlehre der altslovenischen sprache. Zweite auflage. Wien. 1854. VIII u. 179 pag. gr. 8* // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 116—124.

11. *Schleicher A.* [Anzeige:] Barth. Kopitars kleinere schriften sprachwissenschaftlichen, geschichtlichen, ethnographischen und rechtshistorischen inhalts. Herausgegeben von Fr. Miklosich. Wien. 1857. gr. 8. // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 376—377.
12. *Schleicher A.* [Anzeige:] Slavische bibliothek oder beiträge zur slavischen philologie und geschichte, herausgegeben von Fr. Miklosich und J. Fiedler. Zweiter band. Wien. 1858. gr. 8 // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 378—380.
13. *Schleicher A.* [Anzeige:] Miclosichs neueste arbeiten // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 380—385.
14. *Schleicher A.* [Anzeige:] Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského. Sepsal Martin Hattala (vergleichende grammatik der böhmischen und der slowakischen sprache. Von M. H.). Prag. 1857. XIX u. 330 pag. und mehrere nicht paginierte blätter. 8 // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 245—255.
15. *Schleicher A.* [Anzeige:] O srodstvé jazyka slavjanskago sŭ sanskritskimŭ. Sostavilŭ A. Giliferdingŭ (über die verwandtschaft der slawischen sprache mit der sanskritischen, zusammengestellt von A. Hilferding). St. Petersburg. 1853. Aus dem zweiten bande der beilagen zu den berichten der II. abtheilung der akademie der wissenschaften. gr. 8. VI pag // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 265—266.
16. *Schleicher A.* [Anzeige:] Wörterbuch der slawischen sprache in den sechs hauptdialecten: russisch, bulgarisch, kirchenslawisch, serbisch, böhmisch und polnisch, von Josef Franta Šumavský. Erster theil deutsch-slawisch. Erste lieferung. Praga. Carl Bellmann's verlag. 1857. gr. 8 // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 377—378.
17. *Schleicher A.* [Anzeige:] De locis quibusdam grammaticae linguarum balticarum et Slavonicarum. Scripsit Casp. Guil. Smith. Particula I. de elementis inprimis vocalibus. Havniae 1857. 8. 130 s. // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 385—388.
18. *Schleicher A.* [Anzeige:] De locis quibusdam grammaticae linguarum balticarum et Slavonicarum. Scripsit Casp. Guil. Smith. Particula II. De nominum declinatione. Havniae 1857. 8. IV u. 83 pag. // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 496—498.
19. *Schleicher A.* -tė (d. i. tai) als endung des infinitivs im litauischen // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 27—29.
20. *Schleicher A.* Das pronomen lit. *szi*, slaw. *sĭ* = goth. *hi* grundf. *ki* // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 48—49.
21. *Schleicher A.* Ein zischlaut vor und nach gutturalem wurzelauslaute im litauischen // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 49—50.
22. *Schleicher A.* Die unursprünglichkeit von *î* und *û* im indogermanischen // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 328—333.
23. *Schleicher A.* Die stellung des celtischen im indogermanischen sprachstamme // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 437—448.
24. *Schleicher A.* [Anzeige:] Zapiska o knigě A. Šlejchera: Handbuch der litauischen sprache. Prag 1856. J. Juškeviča. Sanktpeterburgŭ 1857. Aus dem 5ten bande der berichte der II. abtheil. der

- kaiserl. akad. der wissenschaften. gr. 8. 20 seiten // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 263—265.
25. *Schleicher A.* [Anzeige:] Otčety vtoromu otděleniju Imperatorskoj Akademii nauk o filologičeskom putešestvii po zapadnym krajam Rossii kandidata S. P. Mikuckago (berichte an die zweite abtheilung der kaiserl. akademie der wissenschaften über eine philologische reise durch die westlichen provinzen Rußlands vom kandidaten S. P. Mikuzky), gr. 8. In drei heften, I. heft St. Petersburg 1855, 27 pag. II. heft ebendas. 39 pag. III. heft ebendas. 1856, 42 pag. Besondere abdrücke aus dem II., III. u. IV. bande der nachrichten (Izvěstija) der zweiten abtheilung der kaiserl. akademie der wissenschaften // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I. P. 233—245.
26. Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1858. Bd. I.
27. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Август Шлейхер // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. P. 35—44.
28. *Baudouin de Courtenay J.* Einige fälle der wirkung der analogie in der polnischen declination // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1870. Bd. VI. P. 19—88.
29. *Шулежкова С.Г.* История лингвистических учений. М.: Флинта: Наука, 2004.
30. *Фасмер М.Р.* И.А. Бодуэн-де-Куртенэ // Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии Императорского русского географического общества. 1906. вып. II. P. 135—146.
31. *Baudouin de Courtenay J.* Uebergang der tonlosen consonanten in die ihnen entsprechenden tönenden in der historischen entwicklung der polnischen sprache // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1870. Bd. VI. P. 197—204.
32. *Baudouin de Courtenay J.* Wortformen und selbst sätze, welche in der polnischen sprache zu stämmen herabgesunken sind // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1870. Bd. VI. P. 204—210.
33. *Baudouin de Courtenay J.* Doppelung des suffixes -ti- in der polnischen und russischen sprache // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1870. Bd. VI. P. 211—212.
34. *Baudouin de Courtenay J.* Hinneigung zu e im polnischen // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1870. Bd. VI. P. 212—215.
35. *Baudouin de Courtenay J.* Einige beobachtungen an kindern // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1870. Bd. VI. P. 215—220.
36. *Baudouin de Courtenay J.* Zetazismus in den denkmälern und mundarten der polnischen sprache // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. Bd. VI. — Berlin: Ferd. Dümmler's verlagsbuchhandlung. 1870. P. 220.
37. *Baudouin de Courtenay J.* Wechsel des s (š, ś) mit ch in der polnischen sprache // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1870. Bd. VI. P. 221—222.
38. *Schmidt J.* О древне-польском языкѣ до XIV. столѣтія. Сочиненіе И. Бодуэна-де-Куртенэ. Лейпцигъ 1870. (Ueber die altpolnische sprache bis zum XIV. jahrhundert, von Baudouin de Courtenay. Leipzig 1870. 96 und 84 ss. 8.) // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1871. Bd. VII. P. 119—125.
39. *Baudouin de Courtenay J.* [Anzeige:] O nosovychŭ zvukachŭ vŭ slavjanskichŭ jazykachŭ. Dissertacija Magistra istoriko-filologičeskichŭ naukŭ Adama-Antona Krynskago. Vypuskŭ I-j.

- Varšava. Vů tipografii Varšavskago učebnago okruga. 1870. (Ueber die nasallaute in den slawischen sprachen. Dissertation vom Magister Adam Anton Kryński. 1es heft.). Warschau. 1870. 80 s. 11 // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1876. Bd. VIII. P. 174—196.
40. *Baudouin de Courtenay J.* [Anzeige:] Kwestyja jęzikowa. O bezzasadnym odróżnieniu rodzaju nijakiego od męskiego w deklinacyi przymiotników. Przez Ad. Ant. Kryńskiego, etc. (Eine sprachliche frage. Ueber die grundlose unterscheidung des neutrum vom masculinum in der declination der adjektiva. Von Ad. Ant. Kryński, etc.) Warschau, 1873, 80. s. 60 // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1876. Bd. VIII. P. 237—241.
 41. *Baudouin de Courtenay J.* [Anzeige:] Izslědovanie jazyka drevneslavjanskago perevoda XIII slovŭ Grigorija Bogoslova po rukopisi imperatorskoj publičnoj biblioteki XI věka. A. Budiloviča. (Sů tremja litografirovannymi snimkami). Sanktpeterburgŭ. Tipografija Imperatorskoj Akademii Naukŭ. 1871. Untersuchung über die sprache der altslawischen übersetzung der XIII reden des Gregorius Theologus nach der handschrift der kaiserlichen öffentlichen bibliothek aus dem XI. jhd., von A. Budilovič. Mit 3 lithographirten facsimile. St. Petersburg, 1871. 80 VI. u. 152 s. // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1876. Bd. VIII. P. 196—198.
 42. *Baudouin de Courtenay J.* [Anzeige:] Beiträge zur slavischen dialectologie von Lucian Malinowski. I. Ueber die Oppelnsche mundart in Oberschlesien. (1. Heft: Laut- und Formenlehre). Inauguraldissertation zur erlangung der philosophischen doctorwürde an der Universität Leipzig. Leipzig, 1873. 80. s. VII. 55 // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1876. Bd. VIII. P. 199—209.
 43. *Baudouin de Courtenay, J.* [Anzeige:] Historyczny obszar Polski. Przez Wincentego Pola etc. Kraków. 1869. Rzecy o dijalektach mowy polskiěj. (Das historische gebiet Polens. Von Vincentius Pol. Krakau. 1869. Abhandlung über die dialecte der polnischen sprache). 80 s. 74 // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1876. Bd. VIII. P. 210.
 44. *Baudouin de Courtenay J.* [Anzeige:] Fiziologija glasa i glasovi srpskoga jezika. Lingvistička studija Stojana Novakoviča etc. U Beogradu 1873. (Lautphysiologie und die laute der serbischen sprache. Linguistische studie von Stojan Novaković. (Besonderer abdruck aus den »Berichten der serbischen gelehrten Gesellschaft« XXXVII.) Belgrad 1873). 80 s. 108 // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1876. Bd. VIII. P. 211.
 45. *Baudouin de Courtenay J.* [Anzeige:] Ueber die vermeintliche quantität der vocale im Altpolnischen. Von Anton Semenovitsch. Leipzig, 1872. 80 s. 70 // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1876. Bd. VIII. P. 212—226.
 46. *Baudouin de Courtenay J.* [Anzeige:] Nákres mluvnice staročeské. Sepsal Josef Jireček. (Abriss der alttöechischen Grammatik von Joseph Jireček). Prag, 1870. 80. s. VIII. 104 // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1876. Bd. VIII. P. 226—234.
 47. *Baudouin de Courtenay J.* [Anzeige:] Modlitwy Waclawa. Zabytek mowy staropolskiěj, odkryty przez Aleksandra hr. Przezdzieckiego. Wiadomosé o nich z rozbiorem lingwistycznym podaje Henryk Suhecki etc. (Die Gebete des Wenceslaus. Ein denkmal der altpolnischen sprache, entdeckt von Alexander gr. Przezdziecki. Nachricht von denselben mit einer philologischen und linguistischen analyse, von Heinrich Suheckij etc.). Krakau, 1871. 80 s. 35 // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1876. Bd. VIII. P. 234—237.
 48. *Baudouin de Courtenay J.* [Anzeige:] Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibliotheca universitatis Jagiell. inveniuntur, cura et opera Aemmiliani Kałuzniacki confecta etc. a.

- MDCCLXXI. 80 s. 38, mit zwei blättern facsim. Im gymnasialprogramm : Sprawozdanie s. k. Dyrekcji gimnasyalnej przy ś. Annie w Krakowie z roku szkolnego 1871. (Bericht der gymnasialdirection zur heil. Anna in Krakau von schuljahre 1871). Krakau 1871 // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. 1876. Bd. VIII. P. 241—244.
49. Бодуэн де Куртенэ И. А. [Рецензия на]: Исследования языка древне-славянского перевода XIII Слов Григория Богослова по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI века. А. Будиловича. 1871. Стр. VI. 152 // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. CLXII. P. 342—363.
50. Бодуэн де Куртенэ И. А. [Рецензия на]: Исследования языка древне-славянского перевода XIII Слов Григория Богослова по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI века. А. Будиловича. 1871. С. VI. 152 // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. CLXIV. P. 166—189.
51. Бодуэн де Куртенэ И. А. [Рецензия на]: Физиологија гласа и гласови српскога језика. Лингвистичка студија Стојана Новаковића. (Физиология слова человеческого и звуки сербского языка. Лингвистическое исследование Стояна Новаковича). У Београду, 1873. (Особый оттиск из Гласника српског ученог друштва, XXXVII) // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. CLXXVI. P. 182—193.
52. Бодуэн де Куртенэ И. А. [Рецензия на]: Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibliotheca universitatis Jagiell. inveniuntur, cura et opera Aemiliani Kałużniacki confecta etc. a. MDCCLXXI. (Описание славянских рукописей, находящихся в библиотеке Ягеллонского университета, труд Эмилиана Калужняцкого, изд. 1871 г.), с двумя листками снимков. В гимназической программе: Sprawozdanie s. k. Dyrekcji gimnazyalnej przy św. Annie w Krakowie z roku szkolnego 1871. (Отчет дирекции гимназии св. Анны в Кракове за учебный 1871 год) // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. CLXXVI. P. 193—195.
53. Бодуэн-де-Куртенэ И. А. [Рецензия на]: Nákras mluvnice staročeské. Sepsal Josef Jureček. (Очерк старо-чешской грамматики. Написал Осип Иречек). v Praze. 1870 // Журнал Министерства народного просвещения. 1876. CLXXXIV. P. 212—219.

References

1. Leskien, A. (1883). Kuhn, Franz Felix Adalbert. In: *Allgemeine Deutsche Biographie (ADB)*. Bd. 17. Leipzig: Duncker & Humblot. pp. 335—336. (In German).
2. Wilhelm, F. (1982). Kuhn, Ernst. *Neue Deutsche Biographie*. Bd. 13. Berlin: Duncker & Humblot. (In German).
3. Bulich, S.K. (1903). Schleicher, August. In: *Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 vols. V. XXXX (78)*. St. Petersburg: Joint-Stock Company Brockhaus-Efron. pp. 691—694. (In Russ.).
4. Vinogradov, V.V. (1963). I. A. Baudouin de Courtenay. In: *Baudouin de Courtenay I.A. Selected works on general linguistics*. Vol. I. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. pp. 6—20. (In Russ.).
5. Schleicher, A. (1858). Kurzer abrifs der geschichte der slawischen sprache. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 1—7. (In German).
6. Schleicher, A. (1858). Umschreibung des cyrillischen alphabets in lateinische schrift. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 30—32. (In German).
7. Schleicher, A. (1858). Ist das altkirchenslawische slowenisch? *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 319—327. (In German).
8. Schleicher, A. (1858). Das auslautsgesetz des altkirchenslawischen (altbulgarischen) und die behandlung ursprünglich vocalischen anlantes in der genannten sprache. *Beiträge zur*

- vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 401—426. (In German).
9. Schleicher, A. (1858). [Review of:] Franz Bopp über die sprache der alten Preussen in ihren verwandtschaftlichen beziehungen. Gelesen in der akademie der wissenschaften u. s. w. Berlin, 1853. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 107—116. (In German).
 10. Schleicher, A. (1858). [Review of:] Franz Miklosich, Formenlehre der altslovenischen sprache. Zweite auflage. Wien, 1854. VIII u. 179 pagg. gr. 8. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 116—124. (In German).
 11. Schleicher, A. (1858). [Review of:] Barth. Kopitars kleinere schriften sprachwissenschaftlichen, geschichtlichen, ethnographischen und rechtshistorischen inhalts. Herausgegeben von Fr. Miklosich. Wien, 1857. gr. 8. 380 s. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 376—377. (In German).
 12. Schleicher, A. (1858). [Review of:] Slavische bibliothek oder beiträge zur slavischen philologie und geschichte, herausgegeben von Fr. Miklosich und J. Fiedler. Zweiter band. Wien, 1858. gr. 8. 312 s. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 378—380. (In German).
 13. Schleicher, A. (1858). [Review of:] Miclosichs neueste arbeiten. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 380—385. (In German).
 14. Schleicher, A. (1858). [Review of:] Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského. Sepsal Martin Hattala (vergleichende grammatik der böhmischen und der slowakischen sprache. Von M.H.). Prag, 1857. XIX u. 330 pag. und mehrere nicht paginierte blätter. 8. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 245—255. (In German).
 15. Schleicher, A. (1858). [Review of:] O srodstvé jazyka slavjanskago sŭ sanskritskimŭ. Sostavilŭ A. Giliferdingŭ (über die verwandtschaft der slawischen sprache mit der sanskritischen, zusammengestellt von A. Hilferding). St. Petersburg, 1853. Aus dem zweiten bande der beilagen zu den berichten der II. abtheilung der akademie der wissenschaften. gr. 8. 288 u. VI pag. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 265—266. (In German).
 16. Schleicher, A. (1858). [Review of:] Wörterbuch der slawischen sprache in den sechs hauptdialekten: russisch, bulgarisch, kirchenslawisch, serbisch, böhmisch und polnisch, von Josef Franta Šumavský. Erster theil deutsch-slawisch. Erste lieferung. Praga. Carl Bellmann's verlag, 1857. gr. 8. 80 s. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 377—378. (In German).
 17. Schleicher, A. (1858). [Review of:] De locis quibusdam grammaticae linguarum balticarum et slavonicarum. Scripsit Casp. Guil. Smith. Particula I. de elementis inprimis vocalibus. Havniae, 1857. 8. 130 s. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 385—388. (In German).
 18. Schleicher, A. (1858). [Review of:] De locis quibusdam grammaticae linguarum balticarum et Slavonicarum. Scripsit Casp. Guil. Smith. Particula II. De nominum declinatione. Havniae, 1857. 8. IV u. 83 pag. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 496—498. (In German).
 19. Schleicher, A. (1858). -të (d. i. tai) als endung des infinitivs im litauischen. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 27—29. (In German).
 20. Schleicher, A. (1858). Das pronomen lit. szi, slaw. sŭ = goth. hi grundf. Ki. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 48—49. (In German).
 21. Schleicher A. (1858). Ein zischlaut vor und nach gutturalem wurzelauslaute im litauischen. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 49—50. (In German).

22. Schleicher, A. (1858). Die unursprünglichkeit von î und û im indogermanischen. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 328—333. (In German).
23. Schleicher, A. (1858). Die stellung des celtischen im indogermanischen sprachstamme. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 437—448. (In German).
24. Schleicher, A. (1858). [Review of:] Zapiska o knigě A. Šlejchera: Handbuch der litauischen sprache. Prag, 1856. J. Juškeviča. Sanktpeterburgū, 1857. Aus dem 5ten bande der berichte der II. abtheil. der kaiserl. akad. der wissenschaften. gr. 8. 20 seiten. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 263—265. (In German).
25. Schleicher, A. (1858). [Review of:] Otčety vtoromu otděleniju Imperatorskoj Akademii nauk o filologičeskom putešestvii po zapadnym krajam Rossii kandidata S.P. Mikuckago (berichte an die zweite abtheilung der kaiserl. akademie der wissenschaften über eine philologische reise durch die westlichen provinzen Rufslands vom kandidaten S.P. Mikuzky), gr. 8. In drei heften, I. heft St. Petersburg, 1855, 27 pag. II. heft ebendas. 39 pag. III. heft ebendas. 1856, 42 pag. Besondere abdrücke aus dem II., III. u. IV. bande der nachrichten (Izvěstija) der zweiten abtheilung der kaiserl. akademie der wissenschaften. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, I, 233—245. (In German).
26. Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen (1858). Bd. I. (In German).
27. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). August Schleicher. In: *Baudouin de Courtenay, I.A. Selected works on General linguistics*. Vol. I. Moscow: Publ. house of the USSR Academy of Sciences. pp. 35—44. (In Russ.).
28. Baudouin de Courtenay, J. (1870). Einige fälle der wirkung der analogie in der polnischen declination. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VI, 19—88. (In German).
29. Shulezhkova, S. G. (2004). *History of linguistic studies*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
30. Fasmer, M.R. (1906). I.A. Baudouin-de-Courtenay. *Zhivaya starina. Periodical of the Department of Ethnography of the Imperial Russian Geographical Society*, II, 135—146. (In Russ.).
31. Baudouin de Courtenay, J. (1870). Uebergang der tonlosen consonanten in die ihnen entsprechenden tönenden in der historischen entwicklung der polnischen sprache. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VI, 197—204. (In German).
32. Baudouin de Courtenay, J. (1870). Wortformen und selbst sätze, welche in der polnischen sprache zu stämmen herabgesunken sind. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VI, 204—210. (In German).
33. Baudouin de Courtenay, J. (1870). Doppelung des suffixes -ti- in der polnischen und russischen sprache. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VI, 211—212. (In German).
34. Baudouin de Courtenay, J. (1870). Hinneigung zu e im polnischen. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VI, 212—215. (In German).
35. Baudouin de Courtenay, J. (1870). Einige beobachtungen an kindern. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VI, 215—220. (In German).
36. Baudouin de Courtenay, J. (1870). Zetazismus in den denkmälern und mundarten der polnischen sprache. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VI, 220. (In German).
37. Baudouin de Courtenay, J. (1870). Wechsel des s (š, ś) mit ch in der polnischen sprache. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VI, 221—222. (In German).

38. Schmidt, J. (1871). Of the old Polish language till the fourteenth century. Essay by I. Baudouin-de-Courtenay. Leipzig, 1870. (Ueber die altpolnische sprache bis zum XIV. Jahrhundert, von Baudouin de Courtenay. Leipzig 1870. 96 und 84 ss. 8.). *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VII, 119—125. (In German).
39. Baudouin de Courtenay, J. (1876). [Review of:] O nosovychü zvukachü vü slavjanskichü jazykachü. Dissertacija Magistra istoriko-filologičeskichü naukü Adama-Antona Krynskago. Vypuskü I-j. Varšava. Vü tipografii Varšavskago ucčebnago okruga. 1870. — (Ueber die nasallaute in den slawischen sprachen. Dissertation vom Magister Adam Anton Kryński. 1es heft.). Warschau, 1870. 80 s. 11. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VIII, 174—196. (In German).
40. Baudouin de Courtenay, J. (1876). [Review of:] Kwestyja językowa. O bezzasadnym odróżnieniu rodzaju nijakiego od męskiego w deklinacyi przymiotników. Przez Ad. Ant. Kryńskiego, etc. (Eine sprachliche frage. Ueber die grundlose unterscheidung des neutrums vom masculinum in der declination der adjektiva. Von Ad. Ant. Kryński, etc.) Warschau, 1873. 80. s. 60. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VIII, 237—241. (In German).
41. Baudouin de Courtenay, J. (1876). [Review of:] Izslėdovanie jazyka drevneslavjanskago perevoda XIII slovü Grigoriya Bogoslova po rukopisi imperatorskoj publichoj biblioteki XI vėka. A. Budiloviča. (Sü tremja litografirovannymi snimkami). Sanktpeterburgü. Tipografija Imperatorskoj Akademii Naukü. 1871. — Untersuchung über die sprache der altslawischen übersetzung der XIII reden des Gregorius Theologus nach der handschrift der kaiserlichen öffentlichen bibliothek aus dem XI. jhd., von A. Budilovič. Mit 3 lithographirten facsimile. St. Petersburg, 1871. 80 VI. u. 152 s. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VIII, 196—198. (In German).
42. Baudouin de Courtenay, J. (1876). [Review of:] Beiträge zur slavischen dialectologie von Lucian Malinowski. I. Ueber die Oppelnsche mundart in Oberschlesien. (1. Heft: Laut- und Formenlehre). Inauguraldissertation zur erlangung der philosophischen doctorwürde an der Universität Leipzig. Leipzig, 1873. 80. s. VII. 55. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VIII, 199—209. (In German).
43. Baudouin de Courtenay, J. (1876). [Review of:] Historyczny obszar Polski. Przez Wincentego Pola etc. Kraków, 1869. Rzecz o dijalektach mowy polskiėj. (Das historische gebiet Polens. Von Vincentius Pol. Krakau, 1869. Abhandlung über die dialecte der polnischen sprache). 80 s. 74. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VIII, 210. (In German).
44. Baudouin de Courtenay, J. (1876). [Review of:] Fiziologija glasa i glasovi srpskoga jezika. Lingvistička studija Stojana Novakoviča etc. U Beogradu 1873. (Lautphysiologie und die laute der serbischen sprache. Linguistische studie von Stojan Novaković. (Besonderer abdruck aus den »Berichten der serbischen gelehrten Gesellschaft« XXXVII.) Belgrad, 1873). 80 s. 108 // *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*. Bd. VIII, 211. (In German).
45. Baudouin de Courtenay, J. (1876). [Review of:] Ueber die vermeintliche quantitāt der vocale im Altpolnischen. Von Anton Semenovitsch. Leipzig, 1872. 80 s. 70. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VIII, 212—226. (In German).
46. Baudouin de Courtenay, J. (1876). [Review of:] Nákres mluvnice staročeské. Sepsal Josef Jireček. (Abriss der altčechischen Grammatik von Joseph Jireček). Prag, 1870. 80. s. VIII. 104. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VIII, 226—234. (In German).
47. Baudouin de Courtenay, J. (1876). [Review of:] Modlitwy Waclawa. Zabytek mowy staropolskiėj, odkryty przez Aleksandra hr. Przewdzieckiego. Wiadomosé o nich z rozbiorem lingwistycznym podaje Henryk Suchecki etc. (Die Gebete des Wenceslaus. Ein denkmal der

- altpolnischen sprache, entdeckt von Alexander gr. Przewdziecki. Nachricht von denselben mit einer philologischen und linguistischen analyse, von Heinrich Sucheckij etc.). Krakau, 1871. 80 s. 35. *Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VIII, 234—237. (In German).
48. Baudouin de Courtenay, J. (1876). [Review of:] *Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibliotheca universitatis Jagiell. inveniuntur, cura et opera Aemmiliani Kałużniacki confecta etc. a. MDCCCLXXI. 80 s. 38, mit zwei blättern facsim. Im gymnasialprogramm: Sprawozdanie c. k. Dyrekcyi gimnazyalnej przy ś. Annie w Krakowie z roku szkolnego 1871. (Bericht der gymnasialdrection zur heil. Anna in Krakau von schuljahre 1871). Krakau, 1871. Beitrüge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen*, VIII, 241—244. (In German).
49. Baudouin de Courtenay, I. A. (1872). [Review of:] *Studies of the language Ancient Slavic translation of the XIII Words of Gregory the Theologian from the manuscript of the Imperial Public Library of the XI century. 1871. page VI. 152. Journal of the Ministry of National Education*, CLXII, 342—363 (In Russ.).
50. Baudouin de Courtenay, I.A. (1872). [Review of:] *Studies of the language of the Ancient Slavic translation of the XIII Words of Gregory the Theologian from the manuscript of the Imperial Public Library of the XI century. 1871. page VI. 152. Journal of the Ministry of National Education*, CLXIV, 166—189 (In Russ.).
51. Baudouin de Courtenay, I.A. (1874). [Review of:] *Physiologija glasa i glasovi srpskoga jezika. Lingvisticka studija Stojana Novakoviha. (Physiology of the human word and sounds of the Serbian language. Linguistic research by Stoyan Novakovich). U Beogradu, 1873. (Special reprint from Glasnik srpskoga ucenoga drustva, XXXVII). Journal of the Ministry of National Education*, CLXXVI, 182—193 (In Russ.).
52. Baudouin de Courtenay, I.A. (1874). [Review of:] *Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibliotheca universitatis Jagiell. inveniuntur, cura et opera Aemmiliani Kałużniacki confecta etc. a. MDCCCLXXI. (Description of Slavic manuscripts in the library of the Jagiellonian University, work by Emilian Kaluzhnyatsky, ed. 1871), with two sheets of photographs. In the gymnasium program: Sprawozdanie c. k. Dyrekcyi gimnazyalnej przy św. Annie w Krakowie z roku szkolnego 1871. (Report of the Directorate of the Gymnasium of St. Anna in Krakow for the academic year 1871). Journal of the Ministry of National Education*, CLXXVI, 193—195 (In Russ.).
53. Baudouin-de-Courtenay, I.A. (1876). [Review of:] *Nákres mluvnice staročeské. Sepsal Josef Jureček. (An essay on old czech grammar. written by Josef Jureček). v Praze, 1870. Journal of the Ministry of National Education*, CLXXXIV, 212—219. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Лукин Олег Владимирович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка факультета иностранных языков Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского; *сфера научных интересов*: лингвоисториография, теория частей речи, лингвистическая типология; *e-mail*: oloukine@mail.ru ORCID 0000-0001-9101-9134, eLibrary SPIN-код: 4642-0331

Information about the author:

Oleg V. Lukin, DSc. in Philology, Full Professor, the Head of the Department of Linguistic Theory and German Language, Faculty of Foreign Languages, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. *The sphere of research* includes linguistic historiography, linguistic typology, parts of speech theory; *e-mail*: oloukine@mail.ru ORCID 0000-0001-9101-9134, eLibrary SPIN-code: 4642-0331

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-905-917

UDC [811.161.1:811.581]’373’374

Research article / Научная статья

The Structure of the Dictionary Entry of the Educational Linguoculturological Dictionary of Russian Paremiias Against the Backdrop of Chinese Language Equivalents: Description Problems

Nadezhda Ye. Yakimenko✉, Xueying Qiu

St. Petersburg State University,
11, University Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 199034
✉yak.nadega@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the description of structure and content peculiarities of the dictionary entry of the educational linguoculturological dictionary. The originality of the research concerns the development of the structure and semantics of the dictionary entry of the educational linguoculturological dictionary of paremiias representing the concept of BUSINESS in the Russian language. The description takes into account semantic gaps of the culture that the dictionary is focused on. In this article attention is paid to cultural mental attitudes, which are expressed by Russian and Chinese language paremiias. Which is why cultural settings were the subject of a linguoculturological description and were offered as one of the main parameters of the educational dictionary. It is the mental attitudes of culture that have become the subject of linguoculturological description and we offer them as one of the main elements of the educational dictionary. The object of the study is the paremiias of the two languages that characterize the concepts of business, work, labor, and craft. The aim of the study is to identify and describe the general and national-specific mental attitudes of culture and their representation in the educational linguoculturological dictionary. Russian and Chinese dictionaries of paremiias (e.g. the “Big Dictionary of Russian Proverbs”, V.M. Mokienko, T.G. Nikitina, E.K. Nikolaeva, collection of proverbs by A.I. Dal, “Big Dictionary of Chinese Proverbs” by Wen Duanzheng) served as the sources of the material. The analysis of bilingual linguoculturological dictionaries is carried out, which helps to identify the basic principles of constructing a dictionary article, and a model of a dictionary article of a linguoculturological educational dictionary aimed at native speakers of the Chinese language is proposed. The creation of the educational linguoculturological dictionaries will help improve the process of intercultural communication.

Key words: linguoculturology, lexicography, linguoculturological dictionary, microconcept, dictionary article model, axiology

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 15.05.2021

© Yakimenko N.E., Qiu Xueying, 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

For citation:

Yakimenko, N.E. & Qiu, Xueying. (2021). The Structure of the Dictionary Entry of the Educational Linguoculturological Dictionary of Russian Proverbs Against the Backdrop of Chinese Language Equivalents: Description Problems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 905—917. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-905-917

УДК [811.161.1:811.581]’373’374

Структура словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря русских паремий на фоне китайских языковых эквивалентов: проблемы описания

Н.Е. Якименко✉, Сюэин Цю

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11
✉yak.nadega@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию особенностей структуры и содержания словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря. Объектом исследования стали паремии русского и китайского языков, характеризующие понятия ДЕЛО, РАБОТА, ТРУД и РЕМЕСЛО. Цель исследования — выявить и описать общие и национально-специфические ментальные установки культуры и их представление в учебном лингвокультурологическом словаре. Новизна исследования заключается в разработке структуры и семантики словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря паремий, представляющих понятие ДЕЛО на русском языке. Описание учитывает семантические пробелы предметной сферы, которой посвящен словарь. В статье рассматриваются ментальные основы двух лингвокультур, которые явились предметом лингвокультурологического описания и были предложены нами в качестве одного из основных параметров словаря образования, и их выражение паремиями русского и китайского языков. Являясь предметом лингвокультурологического описания, ментальные установки культуры стали одним из основных элементов учебного словаря. Источниками сборника послужили русский и китайский словари паремий (например, «Большой словарь русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой, сборник пословиц А.И. Даля, «Большой словарь китайских пословиц» Вэнь Дуаньчжэна). Проведенный анализ двуязычных лингвокультурологических словарей позволяет выявить основные принципы построения словарной статьи, на основании анализа предложена модель словарной статьи лингвокультурологического учебного словаря, ориентированного на носителей китайского языка. Создание учебных лингвокультурологических словарей поможет улучшить процесс межкультурного общения.

Ключевые слова: лингвокультурология, лексикография, лингвокультурологический словарь, микроконцепт, модель словарной статьи, аксиология

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 15.05.2021

Для цитирования:

Якименко Н.Е., Цю Сюэин. Структура словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря русских паремий на фоне китайских языковых эквивалентов: проблемы описания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 905—917. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-905-917

Introduction

Linguoculturology is the science of the interaction of language and culture, which intensively develops recently, gradually makes its own conceptual framework, devises different ways of describing linguistic material. RAS academician V.V. Vorobiev gives the following definition of this branch of linguistics: “Linguoculturology is a complex scientific discipline of a synthesizing type that studies the correlation and interaction of culture and language in its functioning and captures this process as a complete structure of units in the unity of linguistic and extra-linguistic content, using systemic methods and focusing on modern priorities and cultural attitudes” [1. P. 37]. The object of linguoculturological study is various kinds of phraseological units (bonuses, periphrases, stable comparisons, phraseological units) [for example, 5; 6; 14; 18].

Today the topic of describing phraseological material in linguoculturological educational dictionary is in the spotlight of academics. One of the methods of representing paremias (as a type of phraseological units) in dictionaries like this is highlighting mental attitudes of a certain culture.

Like any other discipline, linguoculturology does not exist in a vacuum only for satisfying the scientific interest of a few persons. First, it deals with the pressing issues of ordinary people. That is what V.V. Vorobiev highlights in his definition, speaking of “modern priorities and cultural attitudes” [1]. Today, in the world of globalization and unification, there is not enough information about the characteristics in the way various ethnic groups feel and experience. This problem leads to a lot of conflicts and misunderstandings between people. The creation of different kinds of linguoculturological dictionaries targets to solve these issues.

Dictionary is a cultural and historical phenomenon, as Yu.D. Apresyan wrote, this is a snapshot of an ever-renewing and ever-changing language [2. P. 18]. In the other definition, T.A. Demeshkina notes, “dictionaries have great informative feature and serve as a source of theoretical constructions and development of other aspects of analysis. There is also an inverse connection between “scientific development — dictionary”, during which the dictionary is a field of the implementation of a particular scientific concept (for example, the theory of motivation, linguistic personalology)” [10. P. 31]. The task of linguoculturological dictionaries, according to the well-known Soviet linguist V.N. Teliya’s opinion, comes down to fairly comprehensive reflect all kinds of aspects of the certain culture through selected examples of linguistic units [20. P. 5]. In addition to this, she pays attention to such linguoculturological dictionaries characteristic: they represent how the “cultural factor in language and the language factor in a person” is displayed [20. P. 222].

Today linguoculturological dictionaries occupy an intermediate position between linguistic and encyclopedic dictionaries, and “linguoculturography is considered as a modern development stage of linguistic encyclopedic lexicography” [12. P. 43—44]. T.B. Bankova and G.V. Kalitkina presume, “dictionaries of the linguoculturological type should be closer to encyclopedic ones than to explanatory

dictionaries. The difference is that encyclopedic dictionaries contain only extra-linguistic information, but linguoculturological ones focus their attention on a cultural connotation as an element of cultural significance” [3. P. 135].

The structural unit of the linguoculturological dictionary is a dictionary entry. It describes and explains the heading. However, the specificity of the lexicographic description is that in the entries of such dictionaries there is a culturological commentary that represent the interrelation between a particular linguistic unit and the culture of a particular society. This peculiarity is directed towards “objectification of the certain fragment of national world view connections and its structure” [3. P. 136].

It is necessary to emphasize, that a specificity of educational linguoculturological dictionaries of paremias is a remark, which is intended to correlate proverbs with the appropriate sphere of culture, as a special sign system: etymological commentary, information about region, culturological commentary. That is all aims to describe the connection between the figurative meaning of the paremia with different symbols and stereotypes of culture layers and codes. An educational dictionary is a lexicographic work of any type and volume, intended to help with learning language for direct communication [21. P. 123].

The description of most dictionaries is based on traditional approaches in the theory of language and lexicography, which were formulated during the compiling following dictionaries: “The Encyclopedic Dictionary of Linguistics” by V.N. Yartseva of 1990, “Experimental System Explanatory Dictionary of Stylistic Terms. Principles of Compilation and Selected Dictionary Articles” by S.Y. Nikitina and N.V. Vasilyeva of 1996, “Dictionary of Sociolinguistic Terms” by V.A. Kozhemyakin, N.G. Kolesnik and T.B. Kryuchkov, which has been release in 2006, other works of such kind. If we try to formulate the basic principles very briefly, then the most important thing in the compiling linguoculturological dictionaries is a necessity in using linguistic material as an object of description, implementation of the effective description principles, completeness and simple, concise presentation [11. P. 85].

The methodological base of the mentioned dictionaries does not fully help understand how exactly bilingual linguoculturological dictionaries are needed to be completed. The main question arises: how exactly this dictionary entry should describe the specificity of a certain language picture of the world, so that a foreign reader will be able to completely understand the main idea. The analysis of bilingual linguoculturological dictionaries will help identify the basic principles of their compilation.

Let’s review the “Linguoculturological Dictionary of English Surnames” by S.V. Garagulya, released in 2018. This dictionary analyzes the history of the appearance and transformation of various proper names that have ever appeared on the territory of Great Britain and have stayed on people’s minds. The entries contain the information about connection between local surnames and the cultural characteristics of the region and mentality, and follow the history of borrowing proper names from other languages. Dictionary entries are given in alphabetical

order and cover over 150 culturally significant surnames [8]. What is also important to note, that this linguoculturological dictionary does not explore surnames from other regions but with similar meaning to English ones. In fact, it represents only one linguoculturological picture of the world.

The next dictionary mentioned is similar in some aspects to the previous one. Essentially, they have the same object of their entries. This is the “China. Names of all times. Well-known characters. Linguoculturological dictionary-reference book for Chinese language, culture, history and literature learners”. compiled by N.N. Voropaev. The dictionary is mainly aimed at describing the names of the most famous historical and literary characters in China, and also represents and explains Chinese language fundamental idiomatics and colloquial metaphors, which associated with them. This dictionary has three sections: 1) National precedent characters of the Chinese-speaking cultural space; 2) The names of the most authoritative historical figures of China and the invariants of acceptance — epithets connected with them; 3) Precedent characters and comment by foreigners about them in the Chinese-speaking cultural space. The first and third sections are internally grouped only in the order of the Latin alphabet. The second one is divided into parts according to the type of activity of a particular person: politicians, military leaders, scientists, writers, famous merchants, masters of arts, philosophers and heroic figures [7]. Speaking about advantages of the dictionary, it is important to note that there is a whole section devoted to the quotations of people of different nationalities. That allows readers understand the linguoculturological picture of Chinese people and look at it from a different angle as a foreigner, which came to China for the first time.

Further on, let's analyze “Linguoculturological Dictionary of Geographical Names of Great Britain and the USA” compiled by S.I. Garagul. This work is a collection of the main culturally significant geographical names of Great Britain and the United States. Entries are arranged alphabetically. Certain geographic names take on the role of an object of dictionary description, its headings. The content of the entry usually gives a brief description of the specificities of the city, explains, if possible, the origin of the name, and provides with various English-language sources links, where this area was mentioned [9]. The disadvantage of this dictionary is an incompleteness of the internal systematization. The names of American and British geographic points are mixed that can brings some inconveniences during the use of the dictionary. The information is more of country studies rather than linguoculturological ones.

The “Names of animals in proverbs and sayings of the Russian and Indonesian languages: Linguoculturological dictionary” (2020); “Phytonyms in proverbs and sayings of the Russian and Indonesian languages: A Linguoculturological dictionary” (2021), edited by Ani Rahmat. In these dictionaries, the title unit of a dictionary entry is the name of an animal or plant is also of particular interest. In this dictionary, the heading unit of the dictionary entry is the name of the animal. The working classification of the material is based on the criterion of grouping the names of animals according to the differential system ‘the degree of tameness of

the animal by person'. Dictionary entries are structured as follows: the meaning (direct and figurative) and the etymology of the noun — the name of the animal, and if it has, the mythological component is also mentioned. Searching of constructing culturological structure information is conducted at the entry of the dictionary of educational type: proverbs are divided depending on binomial conceptual units reflecting most frequent association of native speakers. Russian proverbs have translation into Indonesian, and translation from Indonesian into Russian is also given. At the end of the entry there are showed the cultural attitudes contained in the mentioned proverbs [16; 17]. Thus, the correlation of the paremia components with the culture codes is established, which the role of the paremia component plays in the concept of a sphere of a given linguistic community throughout symbols, stereotypes or standards.

As a disadvantage of this dictionary can be named the fact that Russian and Indonesian proverbs are considered separately, the authors do not set themselves the goal of making parallels between them and identifying the general and nationally specific in the cultural ideas of the two nations, leaving it to the mind of the reader.

Having studied the experience of constructing linguoculturological dictionaries of various types, as well as the principles of their compilation, we have developed the sample entry of an educational linguoculturological dictionary of paremias, united by the concept of DEAL (and microconcepts of work, labor, craft) with the background of their Chinese counterparts. The combination of the paremic material within one concept allows us demonstrate significant life guidelines developed by society, which are associated with value guidelines and are fixed in proverbs and sayings, playing the “role of prescriptions for life practices.” [19. P. 18] The system of cultural attitudes “forms the basis of the core of culture.” [19. P. 19]. The selection of cultural attitudes on the basis of paremic concepts allows us compare fragments of the national pictures of the world of two languages at the higher level.

During the description of proverbial material, a correlation of paremias with thematic groups of culture codes is established, the role of paremias in conceptosphere of culture is defined. Rethinking of different types of figurative bases of paremias within the thematic groups allows distinguish *mental culture attitudes* (as a certain level of generalization of cognitive meanings).

The cultural attitudes are an additional linguocultural description parameter for the paremias, phraseological units with the structure of a word collocation cannot express a complete thought on their own, in comparison, paremias usually have the structure of a complete sentence and represent a complete judgment of not only direct, but often of figurative meaning. Thus, the paremias: “*Like father, like son*”, “*As the tree, so the fruit*”, “*A pig does not give birth to a beaver, and an owl does not hatch an eagle*” can be combined with the idea that children take after their parents; from the dirty will not come out clean; bad will not make good. Symbols, stereotypes or standards make a background for emphasizing mental culture attitudes and correlation with culture codes.

We offer the following dictionary entry of linguocultural learner's dictionary targeted at native Chinese speakers.

In accordance with the *thematic* principle of compiling the dictionary, it is suggested to use the following headings: **BUSINESS, WORK, LABOR, HANDCRAFT**, which are printed in bold Roman type. Under the thematic headings in the *alphabetical* order in bold straight timid type, have to be placed the names of the subheadings:

- 1) If work poorly that can lead to negative consequences;
- 2) Bad work is better than idleness or unfair labor;
- 3) No need to try to do someone else's work;
- 4) There are people who demand a reward regardless of what and how they did;
- 5) Sooner or later, but the work has to be done;
- 6) More work, less talk.

Under the headings of subheadings, there are dictionary entries, which also include several sections. The semantics of the paremia continue by giving its synonyms, and in the linguoculturological sense, these are units that have the same mental cultural settings as the heading unit. In contradistinction to other dictionaries, this section is not optional, because all units have one characteristic, express one mental setting of a culture. For example:

Work

No need to work too hard.

(Positive axiological assessment)

Horses can die because of work;

Working you cannot become rich, but easily can develop a slouch;

Workaholic will not live a long life;

The overzealous horse and the lazy one eat the same, but work differently;

Each person should do the work that he likes.

(Positive axiological assessment)

Everyone do the work they can do and earn their living;

Who cannot work properly, cannot rest;

If you like working can become a master;

Have to work with fun;

Working can earn for living.

(Positive axiological assessment)

Hardworking person can get everything, sluggard get nothing;

Working hard, eating good meal;

No work and the oven is cold;

Work hard, but it is nice to get paid;

Work more, talk less.

(Positive axiological assessment)

Listen, but do not quit your work;

Do not talk about how to finish the work, but do it;

Work with teeth, and laziness with the tongue [13].

The first section contains the proverb (s) — the heading (s), which is printed in light italics in lowercase letters: *Work is not a wolf, it will not run away into the forest* [13]. The lexical variants of the paremias (if there are any) are given in parentheses. Nearby to the heading there are functional and stylistic labels (*book, common, playful, disapproving*). They are printed in light italic, lowercase letters.

The second section contains information about the axiological value / anti-value of proverbial units: **Positive axiological assessment / Negative axiological assessment**. Positive one: *If you like working can become a master*; negative one: *Working you cannot become rich, but easily can develop a slouch* [13]. If it is possible to combine paremias into microgroups within the section of axiological assessment, have to add supplementary markers.

The third section is for semantization of paremic units. Here is given the descriptive interpretation of a proverb meaning (printed in Roman type without highlight). For example, the proverb “*Working you cannot become rich, but easily can develop a slouch*” can be taken as a warning for someone: you do not have to work too much, because there is always the chance to fail, will not get rich, but get sick.

In the fourth section, there is a cultural commentary. For this commentary, have to select the material that expresses an interesting, non-trivial point of view, draws an attention to the culture of the target language country.

Cultural commentary

In this case, the fragment of the literary text of the modern writer O.P. Yunyazova has been offered. Through the art, were shown the differences between the meanings of the concepts *business* and *work*.

Work is the realization of the creativity of the soul, it helps to fill the time, and therefore it helps fill the life. This is a game that contain setting tasks and solving them. *Work* is like a kitten or a foal. Born, lives, loves his master. *Work* is an integral and essential part of a creator. A company is only the result of that process. You can sell the company, but you cannot sell the business itself. The person who bought your company will start his business, and you will have to finish yours. Otherwise, you have to start some other, the one you at present are interested in [22. P. 264].

WORK.

Work is a cosmic energy, the very “electricity” that flows through a person. The sound “b” means “to be”. РаВ (Russian word in the meaning of “slave”) is the one who manifests Divine energy in being. Hence, the word “work” appear — that means to create what God has not yet created, but continues to create with the hands of man.

People built beautiful palaces, planted gardens, forged plows, baked bread and did many other work that made their lives more beautiful, more pleasant, more human. Moreover, all this they did, of their own accord, but not because someone order them. Everyone chose for himself the work that seemed useful and exciting

to him. With pleasure, the creator served the public good, and proudly called himself a servant of God.

About the word *slave*.

If a person obeys someone else's will, then he is a slave. A person who voluntarily does other people's tasks is a mercenary, volunteer, servant, and a person who, by his own will and because of his creative impulse, help to realize someone else's plan, is an assistant. Only a person, who of his own free will with creativity in his soul realize his own plan, can be considered as the Servant of God.

Happiness is when there is enough Ra energy. If you work for a creativity, and not only for a wealth, the process will definitely bring happiness [22. P. 234].

In the fifth section provides with illustrations (if they are):

1. Phenomenon of this attitude can be clearly seen in the countries of Eastern Europe that took place in the 15th—19th centuries during the period of secondary enslavement. In Russia, it is reflected in such proverbs as “***Work is not a wolf, it will not run away into the forest***”, “***Work loves fools***” and, finally, in the fact that “slave” and “work” have the same root in Russian language. There are many examples of folk wisdom that show the attitude towards forced labor in Russian folklore, as in the folklore of other Eastern European peoples. Since the early 1930s, there has been a process of work ethic extinction that had been started in Russia even earlier in the 1860s—1920s [24].

2. This is because it fixes the attitude of different people to the same phenomena, actions, therefore, there are directly opposite judgments on the same occasion. For example: “***Work is not a wolf, it will not run away into the forest***”, and next to it “***Talk less, work more***”. You can continue by yourself the selection of such judgments of folk wisdom. Now let us turn to what common sense is [25].

3. Truthfully, in people's minds there was not pretty strong set of doctrines about the assignment “live for work”: the proof is the proverb “***Work is not a wolf, it won't run away into the forest***” [26].

4. One thing need to say: farm laborer, sometimes say to him: that is enough, leave it, ***work is not a wolf, it will not run away into the forest*** [27].

5. In the sixth section, there are units that correlate in terms with the mental attitudes of culture in the Chinese language value. This description area is not constant, so, for example, for the setting ***WORK that allows you to gain respect in others*** in the Chinese language, there are a number of units: For example, “***谁工作的好，谁就受尊敬***”: “*The best worker could have all honor*”; “***做活没技巧，出力不讨好***”: “*Hardworking, talented person is always respected by others, but a lazy one is always despised*”. The paremias of this section are typed in light italics. There are a number of units common in the meaning with following setting “***Work more, talk less***”: “***有本事的埋头苦干，没能力的吹牛许愿***”: “*Good worker just work more, bad one only boast and promise*”; “***说千道万，不如做事一件***”: “*Talk a lot, but do nothing*” [23].

6. For a number of settings of the Russian language, there are no analogues in the Chinese language. They are lacunar in relation to the Chinese language. Therefore, for example, the following setting **SHOULD NOT BE HURRY TO DONE WITH WORK, BECAUSE IT CAN ALWAYS BE FINISH LATER**. In Russian is expressed by a number of units: *Work is not devil — will not run away into the forest; Work is not a bear — you can view from the side; Work is not a wolf, it will not run away into the forest; The work is not devil, it will not go under the water.*

This cultural setting has not been found in the Chinese language.

It is worth noting that some settings of the culture of the Chinese language do not have similar representations in the meaning in the Russian language. For example, “公事归公事 · 友谊归友谊”: *Despite the fact, we are friends, but at work we hold down our day job, follow strict rules of the company* [23].

We can also mention this Chinese proverb “脸蛋漂亮不算好 · 工作出色才算好”: *It does not matter if a person is handsome or not, the main thing is that he works well* [23], in which it is noted that a person's ability to work well is much more valuable than his good appearance.

Thus, our proposed entry of the educational linguocultological dictionary includes the following elements: headings (*business, work, labor, craft*); sub-headings (mental attitudes of culture derived in the work); heading unit (s); section of axiological assessment; interpretation of the heading unit; mental attitude of culture; cultural commentary; linguistic and cultural commentary of individual words — components of paremia; illustrations; Chinese counterparts.

The definition of paremia contains a number of elements, necessary for the usage of this unit in written or spoken language. The image of this unit and its inner form point out speaker's emotive attitude towards the object of speech and reflect his/her attitude towards culture's moral and ethical norms which mean cultural connotations, typical for paremia.

Conclusions and generalizations

Illustrative zones reflect the features of paremia's functioning in modern speech. The examples from 1950s fiction rarely seen in modern Internet texts and NCRL (National Corpus of the Russian Language) point out that given unit probably goes into passive stock of language. Examples from newspapers, journalistic texts, articles published through Internet testify that given unit is widely used and demonstrate that tendency of speech democratization has grown.

The main feature of the educational linguistic and cultural dictionaries of paremia is cultural notes, which aim is to match paremia with the sphere of culture as the special system: etymological analysis, regional reference, cultural note — aimed at the description of *paremia's figurative content interaction* through cultural norms, symbols, and stereotypes, with different cultural layers and codes.

References

1. Vorobiev, V.V. (2008). *Linguoculturology*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
2. Apresyan, Y.D. (1992). About the new dictionary of Russian language synonyms. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 1, 18—39. (In Russ.).
3. Bankova, T.B. & Kalitkina, G.V. (2000). Lexicographic description of the ritual word. To the problem statement. In: *Actual problems of Russian language studies: collection of articles*, T.A. Demeshkina (Ed.). Tomsk. pp. 128—144. (In Russ.).
4. Berkov, V.P. (1975). *Dictionary and people culture. Mastery of translation*. Moscow: Sovetskij pisatel'. pp. 407—420. (In Russ.).
5. Aleshin, A.S. & Zinovieva, E.I. (2020). Stable expressions of comparative structure: linguocognitive aspect (based on the material of the Russian and Swedish languages). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 7—21. (In Russ.).
6. Vorobiev, V.V. & Polyakova, G.M. (2012). Comparative linguoculturology as a new scientific direction. *RUDN Journal of Informatization in Education*, 7(3), 13—18. (In Russ.).
7. Voropaev, N.N. (2018). *China. Names of all times. Well-known characters. Linguoculturological dictionary-reference book for Chinese language, culture, history and literature learners*. Moscow: Zapadnaja kniga. (In Russ.).
8. Garagulya, S.I. (2018). *Linguoculturological dictionary of English surnames*. Moscow: URSS. (In Russ.).
9. Garagulya, S.I. (2019). *Linguoculturological Dictionary of Geographical Names of Great Britain and the USA*. Moscow: Infa-M. (In Russ.).
10. Demeshkina, T.A. (2011). Lexicographic direction in the Tomsk dialectological school. *Tomsk State University Journal of Philology*, 3(15), 31—37. (In Russ.).
11. Zinovyeva, E.I. (2010). Linguoculturography in the theory and practice of RFL. In: *Russian language and literature in the modern humanitarian general educational space: materials of reports and messages of the international XV scientific and methodological conference*. St. Petersburg: SPGUTD. pp. 126—133. (In Russ.).
12. Lukyanova, N.A. (2005). Typology of Russian linguistic dictionaries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 3(1), 43—44. (In Russ.).
13. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *A large dictionary of Russian proverbs*. Moscow: OLMA. (In Russ.).
14. Nikitina, T.G. (2020). Structural and semantic modeling in the field of phraseology: forty years of experience and prospects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 175—197. (In Russ.).
15. Ozhegov, S.I. (1989). *Dictionary of the Russian language*: N.Y. Shvedova (Ed.). Moscow: Russian language. (In Russ.).
16. Rakhmat, A., Banit, S.V. & Yakimenko, N.E. (2020). Names of animals in proverbs and sayings of the Russian and Indonesian languages: Linguoculturological dictionary. St. Petersburg: Unpad Press. (In Russ.).
17. Rakhmat, A., Banit, S.V. & Yakimenko, N.E. (2021). *Phytonyms in proverbs and sayings of the Russian and Indonesian languages: A linguoculturological dictionary*. St. Petersburg: Unpad Press. (In Russ.).
18. Seliverstova, E.I. (2020). Levels of typological similarity in proverbs of various languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 198—212. (In Russ.).
19. Telia, V.N. (1999). Priority tasks and methodological studies of the phraseological composition of the language in the context of culture. In: *Phraseology in the context of culture*. Moscow. pp. 13—25. (In Russ.).
20. Telia, V.N. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.).
21. Educational lexicography, M.A. Shakhmatov (Ed.). (2011). St. Petersburg. (In Russ.).
22. Yunyazova, O.P. (2012). *It's just a dream*: [novel]. Moscow: Astrel. (In Russ.).

23. Wen, Duanzheng. (2011). *The Great Dictionary of Chinese Proverbs*. Shanghai: Shanghai Dictionary Publ. House. (In Chinese.).
24. Gaidar, Yegor. (2006). *The death of the empire*. [Electronic resource] URL: <https://clck.ru/Tpr94> (accessed: 20.03.2021). (In Russ.).
25. Textbook on social studies. Profile level. 10th grade. (2007). [Electronic resource] URL: <https://clck.ru/Tpr9N> (accessed: 20.03.2021). (In Russ.).
26. Leontyeva, S. (2003). Labor childhood. “Home notes”. [Electronic resource] URL: <https://clck.ru/TprBJ> (accessed: 20.03.2021). (In Russ.).
27. Sheller-Mikhailov, A.K. (1900). Palace and monastery. [Electronic resource] URL: <https://clck.ru/Tps6z> (accessed: 20.03.2021). (In Russ.).

Библиографический список

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008.
2. Апресян Ю.Д. О новом словаре синонимов русского языка // Вестник Российской академии наук: Литературно-языковые исследования. 1992. 1. С. 18—39.
3. Банкова Т.Б., Калиткина Г.В. Лексикографическое описание ритуального слова. К постановке задачи // Актуальные проблемы изучения русского языка: сборник статей. Изобразительное искусство / под ред. Демешкина Т.А. Томск, 2000. С. 128—144.
4. Берков В.П. Словарь и народная культура. Мастерство перевода. М.: Сов. Писатель, 1975. С. 407—420.
5. Алешин А.С., Зиновьева Е.И. Устойчивые выражения сравнительной структуры: лингвокогнитивный аспект (на материале русского и шведского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 1. С. 7—21.
6. Воробьев В.В., Полякова Г.М. Сравнительная лингвокультурология как новое научное направление // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Серия: Информатизация образования. 2012. Т. 7. № 3. С. 13—18.
7. Воропаев Н.Н. Китай. Имена на все времена. Известные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих китайский язык, культуру, историю и литературу. М.: Западная книга, 2018.
8. Гарагуля С.И. Лингвокультурологический словарь английских фамилий. М.: УРСС, 2018.
9. Гарагуля С.И. Лингвокультурологический словарь географических названий Великобритании и США. М.: Инфа-М, 2019.
10. Демешкина Т.А. Лексикографическое направление в Томской диалектологической школе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. Т. 3. № 15. С. 31—37.
11. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология в теории и практике РКИ // Русский язык и литература в современном гуманитарном общеобразовательном пространстве: материалы докладов и сообщений XV международной научно-методической конференции. СПб.: СПбГУТД, 2010. С. 126—133.
12. Лукьянова Н.А. Типология русских лингвистических словарей // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История и филология. 2005. Т. 3. № 1. С. 43—44.
13. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА, 2010.
14. Никитина Т.Г. Структурно-семантическое моделирование в области фразеологии: сорокалетний опыт и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 175—197.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка: под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989.
16. Рахмат А., Банит С.В., Якименко Н.Е. Названия животных в пословицах и поговорках русского и индонезийского языков: Лингвокультурологический словарь. Санкт-Петербург: Unpad Press, 2020.

17. *Рахмат А., Банит С.В., Якименко Н.Е.* Фитонимы в пословицах и поговорках русского и индонезийского языков: Лингвокультурологический словарь. СПб.: Unpad Press, 2021.
18. *Селиверстова Е.И.* Уровни типологического сходства пословиц разных языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11 № 2. С. 198—212.
19. *Телия В.Н.* Приоритетные задачи и методологические исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. Сборник статей РАН. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13—25.
20. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
21. Учебная лексикография: под ред. М.А. Шахматова. СПб., 2011.
22. *Юнязова О.П.* Это просто мечта: [роман]. М.: Астрель, 2012.
23. Вэнь Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц. Шанхай: Shanghai Dictionary Publ. House, 2011.
24. *Гайдар Е.* Гибель империи. 2006. [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/Trp94> (дата обращения: 20.03.2021).
25. Учебник по обществознанию. Уровень профиля. 10-й класс. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/Trp9N> (дата обращения: 20.03.2021).
26. *Леонтьева С.* Трудовое детство. «Домашние заметки». 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/TrpVJ> (дата обращения: 20.03.2021).
27. *Шеллер-Михайлов А.К.* Дворец и монастырь. 1900. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://clck.ru/Trp6z> (дата обращения: 20.03.2021).

Information about the authors:

Yakimenko Nadezhda Yegorovna, PhD of Pedagogical Sciences, Associate-Professor, Associate-Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching Faculty of Philology of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “St. Petersburg State University”; *research interests*: phraseology and paremiology of the Russian language, aphoristics of the Russian language, phraseography; *e-mail*: yak.nadega@mail.ru ORCID: 0000-0002-4191-6774 SPIN-code: 5376-8660

Qiu Xueying, Post-graduate Student, the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of its Teaching, “St. Petersburg State University”; *research interests*: phraseology and paremiology of the Russian language, *e-mail*: cyuein.tziu@yandex.ru

Информация об авторах:

Якименко Надежда Егоровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; *научные интересы*: фразеология и паремиология русского языка, афористика русского языка, фразеография; *e-mail*: yak.nadega@mail.ru ORCID: 0000-0002-4191-6774 eLIBRARY: 5376-8660

Цю Сюэин, аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета; *научные интересы*: фразеология и паремиология русского языка, *e-mail*: cyuein.tziu@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-918-933
УДК 81:001.8

Научная статья / Research article

Актуальные направления современной лингвистики с позиций системного подхода. Некоторые размышления об итогах научной стажировки в РУДН «Общая и частная методология филологической науки» 2019 года

О.И. Валентинова, В.Н. Денисенко, М.А. Рыбаков✉

Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
✉rybakov_ma@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена обсуждению типовых для современной научной парадигмы вопросов с позиций системной лингвистики, мощный объяснительный потенциал которой остается вне поля зрения массовых направлений лингвистической науки, и постановке новых научных проблем как результата плодотворной экстраполяции системного подхода на области филологии, не рассматриваемые основоположниками системной лингвистики. Рассмотрения в понимании объекта, предмета и метода в отечественной когнитивной лингвистике и зарубежной, приводящие к утрате международного характера языкознания, обсуждение крайне болезненных для российской «когнитологии» вопросов о познавательной бесперспективности термина «концепт» и применения «когнитивного» подхода в исследовании дискурса и текста, нарушения преемственности между высшими достижениями отечественной и зарубежной научной мысли и популярными современными направлениями лингвистических исследований — вопросы, рассматриваемые в первой части статьи. Далее с позиций системной типологии языков рассматриваются активные процессы современной русской речи. В свете предпринятого подхода факты, кажущиеся разрозненными с позиций культуры речи, с позиций системной типологии языков предстают подчиненными общей тенденции — деформации морфологического типа русского языка в направлении разрушения флективности. Результатом наблюдаемых типологических перестроек становится снижение возможности передавать высокоинтеллектуальные смыслы. Объяснение принципов организации стихотворной речи в соотнесении с системной типологией языков — пример успешного применения С.Ю. Преображенским теории основателя современной лингвистики в области, крайне далекой от научных интересов Г.П. Мельникова. Если совпадение границ стиха с границами словосочетания внутри предложения означает превалирование естественного, то есть свойственного типу естественного языка, на котором написано стихотворение, принципа членения, то несовпадение границ говорит о стихотворной технике, стремящейся подчеркнуть, что стихотворное высказывание призвано выполнять особые коммуникативные задачи, приводящие к перенастройке стихотворного синтаксиса на другие типы языков. Перспективность актуализации системного подхода в современных семантических исследованиях грамматики и

© Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Рыбаков М.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

лексики обсуждается в заключительной части статьи. Полученные в ходе исследований, представленных в статье, результаты становятся доказательной базы высокой перспективности использования достижений системной лингвистики в современных исследовательских практиках.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, семантика, системный подход, современные языки, типология, функционирование языка

Финансирование. Благодарности

Работа выполнена в рамках Гранта РФФИ 19-012-00014 «Реконструкция концептуального содержания понятийных полей системной лингвистики»

История статьи:

Дата поступления: 01.12.2020

Дата приема в печать: 01.06.2021

Для цитирования:

Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Рыбаков М.А. Актуальные направления современной лингвистики с позиций системного подхода. Некоторые размышления об итогах научной стажировки в РУДН «Общая и частная методология филологической науки» 2019 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 918—933. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-918-933

UDC 81:001.8

Topical Trends of Modern Linguistics with the Positions of the Systemic Approach. Some Thoughts on the Results of a Scientific Internship at RUDN University “General and Specialized Methodology of Philological Science”, 2019

Olga I. Valentinova, Vladimir N. Denisenko, Mikhail A. Rybakov✉

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198
✉rybakov_ma@rudn.ru

Abstract. The article describes disputes about current issues of the modern scientific paradigm from the standpoint of systemic linguistics, whose powerful explanatory potential remains beyond the scope of the mass trends of linguistic science, and the formulation of new scientific issues as a result of a fruitful extrapolation of the systemic approach to the fields of philology that are not considered by the founders of systemic linguistics. In the first part of the article we considered differences in understanding the object, subject and method in Russian and foreign cognitive linguistics, leading to the loss of the international nature of linguistics, discussion of extremely painful issues for the Russian “cognitive science” about the cognitive futility of the term “concept” and the application of the “cognitive” approach in the study of discourse and text, violation of the continuity between the highest achievements of Russian and foreign scientific thought and the popular modern areas of linguistic research. Further in the article, the standpoint of a systemic typology is applied to the active processes of modern Russian speech. In the light of the approach taken, the facts that seem disparate from the standpoint of the culture of speech, from the standpoint of the systemic typology of languages, appear interconnected and determined by a general

tendency — the deformation of the morphological type of the Russian language in the direction of the destruction of inflectivity. The result of the observed typological changes is the reduction in the possibility transfer highly intellectual meanings. An explanation of the principles of the organization of poetic speech in relation to the systemic typology of languages is an example how successfully S.Yu. Preobrazhensky applied the theory of the founder of modern systemic linguistics in the field which is far from interests of G.P. Melnikov. If the coincidence of the boundaries of the verse with the boundaries of the phrase within the sentence means the prevalence of the natural, that is, characteristic of the type of natural language in which the poem is written, principle of division, then the mismatch of boundaries speaks of a poetic technique that seeks to emphasize that the poetic statement is called upon to perform special communicative tasks leading to reconfiguring poetic syntax to other types of languages. The prospects of updating the systemic approach in modern semantic studies of grammar and vocabulary are discussed in the fourth and final part. The obtained results, which are set out in the article become the evidence base of the high potential for using the achievements of systemic linguistics in modern research practices.

Key words: cognitive linguistics, semantics, systems approach, modern languages, typology, language functioning

Financing. Acknowledgments

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-012-00014 “Reconstruction of the conceptual content of the conceptual fields of systems linguistics”

Article history:

Received: 01.12.2020

Accepted: 01.06.2021

For citation:

Valentinova, O.I., Denisenko, V.N. & Rybakov, M.A. (2021). Topical Trends of Modern Linguistics with the Positions of the Systemic Approach. Some Thoughts on the Results of a Scientific Internship at RUDN University “General and Particular Methodology of Philological Science”, 2019. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(3), 918—933. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-3-918-933

Введение

Состояние современной лингвистической науки, причины формирования ставших массовыми приоритетных направлений на фоне резкого ослабления интереса к типологическому и историческому языкознанию — наукоемким и материалоемким отраслям языкознания, сформировавшим науку о языке, — таков круг вопросов, предложенных коллегам для обсуждения организаторами стажировки в 2019 году.

Анализ расхождения в понимании объекта, предмета и методов исследования когнитивной лингвистики в российской науке и в западной гуманитарной традиции, оценка происходящего с позиций системной лингвистики, в основании которой лежит фундаментальное положение В. фон Гумбольдта о необходимости всестороннего анализа любого языка как манифестации некоторого языкового типа, элементы, характеристики и связи внутри которого детерминированы общим организующим принципом, были представлены М.А. Рыбаковым.

Понимание активных процессов, происходящих в современной русской речи, с позиций системной лингвистики, анализ причин и последствий типологической деформации русского языка, проблема возможного рассогласования внешней и внутренней детерминант были представлены О.И. Валентиновой.

Концепцию С.Ю. Преображенского, в основании которой лежит экстраполяция объяснительных возможностей системной типологии языков — раздела системной лингвистики, формулирующего типологическое своеобразие языкового строя через установление особенностей внутренней формы каждого из типов, на организацию стихотворной речи, обобщила и впервые в полноте изложения представила научной общественности для обсуждения О.Я. Бараш.

Исследовательский потенциал системного метода стал предметом обсуждения и на научной конференции, которой заканчивается программа стажировки, ставшая публичной площадкой для обмена опытом постановки и исследования научных проблем.

Какой подход к языку может называться когнитивным?

В эпоху, когда техническая возможность стремительного обмена информацией, в том числе научной, стала фактом повседневной жизни, а естественное стремление — в общем движении к пониманию — обсудить с коллегами новые идеи все более вытесняется побуждением (хотя точнее было бы говорить о принуждении) к тиражированию условно научной мысли в списках рекомендуемых изданий, наука, как это ни парадоксально, уверенно теряет международный характер.

В гуманитарной мысли этот процесс проявляется не только в сферах, далеких от массового интереса, но и в магистральных направлениях современных исследований, к каковым относится отчетливо выделившийся на рубеже XX—XXI веков «когнитивный подход» в психологии, географии... и лингвистике.

Несовпадение объекта, предмета и методов исследования в российской и западной «когнитивных лингвистиках», породив терминологическую омонимию в отношении самого понятия «когнитивная лингвистика», спровоцировало ситуацию устойчивого непонимания.

Зарубежная когнитивная лингвистика возникла в начале 1980-х годов в полемике с теоретическими положениями генеративной теории языка. Если генеративная грамматика ставила в центр исследований внутреннюю формальную структуру языка и прежде всего его синтаксическую структуру, полностью исключая из сферы интересов языкознания вопросы семантики, то когнитивная лингвистика привлекла внимание к семантическим вопросам, а-соотнося их с проблемой взаимосвязи языка и мышления, точнее, с ролью языка в восприятии и познании действительности, в структурировании мыслительной деятельности человека. Когнитивный подход был противопоставлен генеративному как семантический — асемантическому.

В зарубежной когнитивной лингвистике язык, а не корпус всех созданных текстов, как в дескриптивной лингвистике, стал рассматриваться как часть сознания, а исследование языка стало пониматься как способ изучения

сознания. В Соединенных Штатах Америки и других англоязычных странах выделились основные объекты когнитивных исследований:

- исследование процессов порождения и понимания речи, использование полученных психолингвистикой экспериментальных данных в построении общей теории языка;

- исследование принципов категоризации, то есть формирования в естественных человеческих языках понятий и границ между понятиями, отражающими некоторый фрагмент внешнего мира: при этом языковые значения и понятия как единицы сознания принципиально не разграничиваются и по-английски именуется единым термином *concept*;

- исследование типов понятийных структур: фреймов [2], идеализированных когнитивных моделей и прототипических эффектов [3. С. 99—110], позициональных структур [4], образно-схематических структур [5], когнитивно-семантических суперкатегорий [6];

- исследование пространственных отношений и типов концептуализации движения в языке. Дж. Лакофф считает значимыми для сознания некоторые из образных схем (вместилище, часть-целое, путь, связь) и уделяет им особое внимание. Л. Талми [6] наиболее подробно разработал категорию конфигурационной структуры, подробно исследуется пространственное сознание в публикациях Р. Джэкендоффа [7] и Р. Лангакера, считающего пространственные категории универсальным образным фундаментом для концептуализации более абстрактных явлений окружающей человека реальности [5];

- исследование телесного базиса человеческого сознания и языка, то есть исследование зависимости категоризации от физических и биологических характеристик человека как вида [8];

- исследование метафорических и метонимических отношений в языке [8].

Необходимо отметить, что мысль о связи языка с психическими, в том числе познавательными процессами, которая стала и продолжает оставаться революционной для американской лингвистики второй половины XX века, в которой генеративное направление является господствующим и сегодня, в отечественной науке, продолжающей традиции А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ и других основоположников системного подхода к языку, была исходно основополагающей. На эту связь отрасли лингвистики, изучающей соотношение языка и сознания, с трудами основоположников системной лингвистики обратили внимание Л.А. Араева и ее соавторы: «Внутреннюю форму языка можно рассматривать как мирозерцание, систему знаний, репрезентирующую национальный характер данного языка» [9. С. 33], указав на следующее высказывание И.А. Бодуэна де Куртенэ: ««в языке, или речи человеческой, отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих» [10. С. 79]. Многие в исследовании связей речевых и мыслительных процессов было сделано советской школой психолингвистики [1. С. 15]. В определенном смысле можно утверждать, что российская лингвистика XX века, не называя себя таковой, уже была когнитивной.

Примером успешной интеграции традиционных исследований в области словообразования и лексикологии русского языка и когнитивных методик анализа является разработанное Л.А. Араевой и коллегами пропозиционно-фреймовое моделирование, которое «позволяет представить исследуемое явление как продукт речемыслительной деятельности индивида, активно функционирующий в коммуникации», а «в перспективе обеспечивает возможность создания пропозиционно-фреймового словаря синонимов, что позволит расширить горизонты видения познавательных возможностей человека и его креативности» [11. С. 44].

В последние 20 лет в российском знании «когнитивный подход», о котором только изредка упоминали в публикациях 1990-х годов, провозглашается регулярно и в нарастающем количестве.

Однако в современных русскоязычных публикациях основной и чаще всего единственной задачей подхода, объявляемого когнитивным, становится описание так называемых концептов, по сути — специфических лексических значений и соотносимых с ними культурных реалий. В то же время в зарубежной когнитивной лингвистике понятие концепта отсутствует как таковое. В переводе на русский язык книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона в примечании редактора специально отмечается: «Здесь и далее английский термин *concept* переводится и словом «концепт», и словом «понятие». Синонимично используются и производные прилагательные «концептуальный» и «понятийный» [8. С. 25]. Такое решение представляется вполне обоснованным, поскольку в английском языке *concept* и означает ‘понятие’. Не существует в англоязычной научной литературе и противопоставления понятия и лексического значения, так как тезис о единстве языковых и ментальных категорий является одним из фундаментальных положений зарубежной когнитивной лингвистики. Скажем, в учебнике по когнитивной лингвистике В. Эванса и М. Грин отдельная глава посвящена обоснованию тезиса о том, что «значение энциклопедично по своей природе» [12. С. 206]. Сторонники зарубежной когнитивной лингвистики настаивают на психическом тождестве понятия и значения, семантики и прагматики, смысла и референции, словарного и контекстуального смысла [12. С. 206—213]. Никак не комментируя и даже не упоминая эти положения, авторы многочисленных отечественных публикаций последних лет приводят длинные списки определений концепта и уделяют значительное место построению трехэтажной конструкции «концепт — понятие — значение» и обоснованию различий между этими терминами.

Характерный пример толкования понятия *концепт* в отечественной лингвистике: «Концепт, имеющий, в отличие от логического понятия сублогическую природу, понимается как обобщенное мыслительное отображение какого-либо фрагмента физической или психической реальности в картине мира этноса, социума или личности, реализующееся в иерархии языковых знаков естественного языка» [13. С. 176]. Очевидно, что из этого определения невозможно вывести отличие концепта от понятия: понятия тоже отражают фрагменты действительности и выражаются в иерархии языковых знаков, то

есть не всегда словами, а иногда их лексико-семантическими вариантами или словосочетаниями.

Необходимо отметить, что различие между двумя «когнитивными» лингвистиками уже отмечалось [14], однако трудно согласиться с выводом о том, что изложение принципов и методов когнитивной лингвистики «следовало бы проводить не в рамках сопоставления с теорией и практикой генеративизма и бихевиоризма, которые малоизвестны нашей научной молодежи, а с позиций сопоставления с теорией и практикой отечественной лингвистики» [14. С. 298]. Представляется, что любое научное направление имеет смысл рассматривать прежде всего в исторических условиях, в которых оно возникло, а далее — восприятие этого направления в других научных традициях. Что же касается генеративизма, то независимо от оценки его объяснительных возможностей, с ним было бы полезно хотя бы познакомиться. Точно так же по меньшей мере странно обсуждать проблемы когнитивной лингвистики, не имея представления о том, когда, где и почему возникло направление, названное когнитивным много ранее.

Американская когнитивная лингвистика сформировалась, как мы уже говорили, во-первых, как оппозиция генеративному направлению по вопросам об автономности языка и его уровневой структуре, а также по вопросу о характере человеческого мышления. Когнитивная лингвистика противопоставляет модулярному подходу (представлению о языке как об автономном модуле человеческого мышления и поведения) холистический подход, основанный на понимании языка как открытой системы и как человеческой способности, имеющей когнитивную природу и входящую в общий ряд с иными формами познания мира [1. С. 26]. Когнитивная лингвистика рассматривает язык как целостную систему, в которой онтологически нет деления на уровни (фонетику, морфологию, синтаксис) или модули (фонологию, грамматику, семантику) [1. С. 27]. Человеческое мышление с позиций когнитивного подхода считается не алгоритмом обработки абстрактных символов, а воплощенным (зависимым от человеческой телесности) и опирающимся на опыт восприятия. Понятия не противопоставляются образам и характеризуются как имеющие целостную структуру (гештальтные) [1. С. 13].

Во-вторых, когнитивная лингвистика оспаривает не только основы генеративного подхода, но и отдельные общепринятые положения классической философии, а точнее, такие ее проявления, как объективизм и субъективизм [8. С. 210—212]. В когнитивной лингвистике критикуется представление о том, что мышление абстрактно, логично и нематериально, а понятия атомарны и отчетливо отделены друг от друга [3. С. 13], и доказывается прежде всего на основе наблюдений и экспериментов (нейрофизиологических, психологических и лингвистических), что мысль материальна, образна и не всегда логична, а категории (понятия) не являются закрытыми и изолированными множествами признаков или объектов, опираются на принцип фамильного сходства и включают центральные (прототипические) и нецентральные

элементы. Дж. Лакофф перечисляет традиционные представления, которые он считает важным исключить из методологических оснований науки:

«— Значение основано на истинности и референции, оно имеет дело с отношением между символами и вещами в мире.

— Биологические виды являются естественными родами, выделенными на основе общих признаков.

— Разум отделен и независим от тела.

— Эмоции лишены концептуального содержания.

— Грамматика имеет дело с чистыми формами.

— Мышление трансцендентально <...>

— Все люди, мысля, используют одну и ту же понятийную систему» [3. С. 24—25].

Вместо приведенных выше положений Дж. Лакофф выдвигает следующие:

— значение является языковым понятием, а «мышление в целом есть нечто большее, чем простое оперирование абстрактными символами» [3. С. 13];

— «биологические виды демонстрируют прототипические эффекты» [3. С. 252], то есть научная классификация сталкивается с той же проблемой, что и обыденное сознание: наличие в категории типичных представителей и периферийных элементов [3. С. 28—85];

— «мышление является *воплощенным*. Это означает, что структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт и осмысляются в его терминах; более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера» [3. С. 13];

— эмоции тесно связаны с мышлением, и структура категорий, находящихся в центральной зоне мышления «обусловлена механизмами человеческого воображения — способностью формировать ментальные образы, хранить знания на определенном уровне категоризации и осуществлять коммуникацию» [3. С. 482];

— «между грамматикой и лексиконом имеется континуум переходов» [3. С. 599] и сама грамматика включает концептуальное содержание, организованное по тем же принципам, что и в лексике, в частности, «синтаксические категории и грамматические отношения имеют радиальную структуру, с прототипическим центром, который является семантически предсказуемым» [3. С. 598];

— «мышление не является абстрактным и нематериализованным явлением, в котором проявляется некая трансцендентальная рациональность» [3. С. 480];

— понятия и системы понятий в сознаниях разных индивидов отличаются, так возникают на основе индивидуального опыта [3. С. 260—287].

Понятно, что в современном российском языкознании имело место не заимствование выработанных западной лингвистикой принципов и подходов, а беспринципное заимствование термина, который стал употребляться для иных по своим задачам и методам исследовательских программ —

лингвокультурологической и дискурсивной. В отличие от языкознания, в психологии термин используется целесообразно — для наименования одного из разделов этой науки, а именно психологии восприятия, а также для наименования нового междисциплинарного подхода, связывающего проблемы восприятия с проблемами языка и сознания.

Если в 90-е годы XX века о когнитивной лингвистике речь идет большей частью в обзорах зарубежных публикаций, то позднее — с расширением популярности термина — снижается его смысловое наполнение: термин «когнитивная лингвистика» все больше превращается в модную этикетку. Результатом маркетингового подхода в науке становится бессмысленное усложнение лингвистической терминологии и «украшение» традиционных терминов модным определением: *когнитивная фразеология, паремиология, дериватология, морфология...*

Какие тенденции в функционировании языка должны вызывать беспокойство? (о соотношении проблем культуры речи и типологии языков)

Культура речи — еще одно направление массового профессионального интереса, питаемое субъективно — простотой оценки «верно/неверно», и объективно — наблюдаемым в последние десятилетия катастрофическим падением речевой культуры носителей русского языка.

Ограниченность массово применяемого дидактического подхода не позволяет осознать общее направление погрешностей, усиленно распространяющихся во всех разновидностях литературного языка: недифференцированное употребление падежных форм, затемнение смысловых отношений в последовательностях родительных падежей, множественное число отвлеченных существительных, различие действующего лица сказуемого и деепричастия, замена существительных в косвенных падежах, выражающих сложные атрибутивно-обстоятельственные значения формой согласованного определения.

Однако факты, кажущиеся разрозненными с позиций культуры речи, с позиций системной типологии языков предстают подчиненными общей тенденции — деформации морфологического типа русского языка в направлении разрушения флективности.

Если сложная синтетическая флективная грамматика формируется в ведущих оседлый образ жизни сверхбольших культурно однородных языковых сообществах, то есть в условиях, когда надо обеспечить достоверную передачу информации, несмотря на длинную цепь ретрансляций, то изменение каких условий общения, определяющих типологию языка, стало причиной наблюдаемых сейчас типологических подвижек русского языка, внешне проявляющихся как речевые и грамматические ошибки? В направлении какого морфологического типа начал трансформироваться русский язык и каковы последствия происходящего?

Флективный язык, как показал основатель современной системной лингвистики Г.П. Мельников [20; 21], развивает предсказательную технику.

Простое двусоставное распространенное предложение флективного языка представляет собой первообразный текст, состоящий из простейших предложений, представленных падежами. Падеж понимается как средство обеспечения компрессии и формального выражения смысловой связности первообразного текста. Таким образом, простое предложение предстает особой синтаксической единицей, состав и структура элементов которой отображает состав участников события, схему их связей, иерархию их ролей, характер и степень их включенности в данное причинно-следственное взаимодействие. В простом двусоставном распространенном предложении, как, например, *Мама варит кашу детям* окончание существительного в именительном падеже –а (*мам-а*) обозначает инициатора события ‘она’ (*мам-а*: ‘мама делает’); основа глагола *вар-ит* обозначает суть события, а личное окончание закрепляет указание на инициатора действия (*вар-ит*: суть события + она — ‘тот, кто делает’), окончание существительного винительного падежа без предлога обозначает объект, претерпевающий на себе действие (*каш-у*: ‘каша делается’, *здесь* ‘варится’), окончание существительного дательного падежа –ям обозначает получателя результата действия (*дет-ям*: ‘дети имеют кашу’).

Ставшие массовыми нарушение согласования падежей, образование конструкций с несколькими существительными в родительном падеже с неясными семантическими отношениями, подмена согласованными определениями косвенных падежей существительных, выражающих тонкие оттенки атрибутивно-обстоятельственных отношений свидетельствуют о тенденции к утрате падежом функции обозначения точного места субъекта или объекта в схеме развивающегося события, а значит, свидетельствуют о сбое свойственной флективному языку предсказательной техники.

Эти факты не имеют ни жанровых, ни функционально-стилистических, ни социальных ограничений, все чаще формируют высказывания, отражающие результат решения, исключая досадную случайность, как, например, название учебной (филологической!) дисциплины (*Язык и межкультурные коммуникации*) или профессионального объединения (*Федерация психологов образования*).

Усиливающаяся свободная кореференция деепричастного оборота (*Выходя на улицу, вам вдвойне холодно* — реклама на федеральном канале телевидения) отражает только весьма условное соположение событий, а не их связь: *улица — вы — холодно — больше*.

Необходимо отметить, что в ином историческом контексте — вне ослабления функции падежа — свободная кореференция деепричастного оборота может выступать как проявление полисинтетизма, характерного для инкорпорации, а не растущего аналитизма, достигающего предела в корнеизоляции. Выдающийся славист П.М. Бицилли, противопоставляя дидактическому подходу, сформулированному в отношении деепричастного оборота еще М.В. Ломоносовым, типологический, видел в рассогласовании действующих лиц сказуемого и деепричастия, к слову, часто встречающемуся в и в переписке, и в литературных сочинениях классиков русской литературы, крайнее

проявление синтетичности языка, объясняя, что в сознании говорящего эти конструкции воспринимаются неразложимо, как один образ [15].

В текущей же ситуации установление значения даже содержательно не сложного высказывания часто невозможно вне обширного контекста.

Очень ценными в свете обсуждаемой проблемы представляются наблюдения профессора И.В. Труфановой, высказанные в ходе дискуссии, над изменившимся характером ошибок среди школьников: если раньше ошибки школьников поддерживали флективность русского языка, то сейчас — ее разрушают.

Если язык представляет собой саморегулируемую адаптивную систему, то почему наблюдаемое разрушение флективности русского языка вызывает такую озабоченность? Не следовало бы считать, что язык приспосабливается к меняющимся характеристикам внешней детерминанты, чтобы в новых условиях наиболее эффективно обеспечивать общение? Или возможно рассогласование внешней и внутренней детерминант? Но тогда к чему может привести это рассогласование?

Массовое снижение запроса на интеллектуальное общение постепенно может привести сначала — к сбою, а потом и к невозможности передавать культурный опыт посредством языка.

Ограничиваются ли объяснительные возможности системной типологии языков исследованием естественно складывающихся языковых систем?

Открытие С.Ю. Преображенского показало, что мощный объяснительный потенциал раздела системной лингвистики, выявляющего детерминанты, а значит, доказывающего и объясняющего системные взаимодействия и взаимосвязи всех ярусов языка и в четырех основных типах естественных языков, выделенных В. фон Гумбольдтом, и в их модификациях, обнаруживает себя и за пределами естественно складывающихся языковых систем — в стихотворной технике.

И вопрос, и парадоксальный ответ относятся к областям, крайне далеким от магистральных направлений современной лингвистики: теория Г.П. Мельникова слишком сложна для массового воспроизведения, круг профессиональных стиховедов — крайне ограничен.

Долгое и очень дружеское сотрудничество с Г.П. Мельниковым, возможность учиться у основателя современной системной лингвистики и работать вместе с ним, и поэтическое и научное дарования С.Ю. Преображенского сделали возможным появление того нового взгляда на понимание стиха, которого нашло свое выражение в концепции С.Ю. Преображенского.

На программе 2019 года концепция С.Ю. Преображенского впервые была представлена и раскрыта как завершенное целое его супругой и соавтором многих работ О.Я. Бараш. Полнотой впечатления от идей С.Ю. Преображенского мы обязаны именно О.Я. Бараш. В программах 2016, 2017 годов и в монографической работе «Системный анализ стиха» 2016 годах [16] концепция С.Ю. Преображенского не была отражена в полной мере.

С.П. Преображенский понимал стих как отрезок речи, имеющий некий внешний показатель границы, из тех, что не входят в число показателей границы высказывания или предложения, применяемых в данном языке, но, тем не менее, конвенциональный в указанной функции.

Хотя стих не обязательно равен предложению, в силу яркой выраженности своих границ, подчеркиваемых супraseгментными средствами — просодическими, а в большинстве случаев и графическими, с точки зрения семантического устройства стих стремится к наиболее полной конкуренции с высказыванием. С другой стороны, регламентированность, присущая стиху, придает ему свойства, сближающие его со словом.

Каждый стих рассматривается как подобие предложения, в пределах которого референция с неким событием осуществлена вне зависимости от формальной синтаксической полноты стиха. Совпадение границ стиха с границами словосочетания внутри предложения будет означать превалирование естественного принципа членения. Чем в большей степени этот принцип соблюдается, тем ближе стихотворная коммуникативная техника к апробированной самим языком. Несовпадение границ говорит о стихотворной технике, стремящейся подчеркнуть, что стихотворное высказывание призвано выполнять особые коммуникативные задачи.

Таким образом, предмет стихотворного синтаксиса во многом состоит в увязывании сведений об эволюции стиха, да и всего формального своеобразия стихотворной речи с представлением об изменении коммуникативных задач. Это подталкивает к обращению к опыту системной лингвистической типологии, решающей по сути дела сходные задачи, правда на гораздо более стабильном материале.

Иллюстрацией этих общих положений может служить такое явление, как enjambements у И. Бродского, для которого характерна минимальная собственно языковая полупредикативность: единицы внутри стиха — по большей части имена; отрезки не образуют правильного словосочетания; число глагольных сказуемых сокращается в пересчете на стиховой отрезок; грамматические свойства слова демонстративно подчиняются семантическим; сигнификативно маркируются коннотированные лексемы.

Это типологические характеристики инкорпорации, коммуникативный ракурс которой Г.П. Мельников назвал обстановочным (расчет на малый коллектив хорошо информированных о предмете сообщения адресатов).

Поэзия же А. Крученых и других футуристов, обращенная к толпе, к массам, звучащая на площадях, воспроизводит типологические свойства корнеизоляции.

В зависимости от коммуникативной задачи стихотворная речь может воспроизводить особенности каждого из морфологических типов языка.

Схемы и системы в грамматической и лексической семантике

Общение в ходе научной стажировки 2019 года исследователей из 30 университетов и образовательно-исследовательских организаций России,

Польши, Казахстана, Ирака позволило актуализировать еще один аспект лингвистической системологии — семантику (в том числе семантику терминов), проблемы которой Г.П. Мельников ставил во многих работах, в том числе в публикациях, специально посвященных этому вопросу: «О типах дуализма языкового знака» [17], «Языковой знак, значение и термин» [18], «Семантика и системная типология» [19], «Системная лингвистика и семиотические основания решения проблем семантики» [20; 21].

Внимание к вопросам семантики определяет глубину и качество научной мысли. Исследования И.В. Труфановой, представленные на программе научной стажировки, обращены к вопросам семантики в области лингвистики, наиболее пострадавшей и продолжающей страдать от формализации и схематизма, — в грамматике. В разработанных И.В. Труфановой лексикографических парадигмах русских местоимений [22, 23], в отличие от академических и вузовских грамматик, не просто учитывается тот факт, что для местоимений типичен переход из разряда в разряд, но и разрабатывается принцип определения исходного разряда (разряда, из которого местоимение переходит в другой разряд) и «вторичного» — того, в который местоимение переходит. Тонкая работа с контекстами, позволяющими точно установить значение, в том числе разные значения в пределах одного разряда, выявление общего и различного между местоимениями, близкими по значению, внимание к историческим изменениям значения, соотносит научную позицию И.В. Труфановой с принципами изучения грамматики, заложенными в работах Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, И.И. Срезневского, в основании которых лежит связь грамматики со смыслом.

Терминологические расхождения провоцируют ситуацию непонимания или недопонимания в самых разных областях знания и жизни. Исследования Т.В. Амосовой [24; 25] направлены на прояснение, а значит, в перспективе и преодоление этого расхождения в сфере переживающего стремительную глобализацию права: многие правовые понятия, англосаксонские по своему происхождению, воспринимаются как универсальные, входят в национальные правовые системы без учета культурных особенностей субъектов права: «Масштабные заимствования институтов, понятий и терминов англо-американского права в постсоветский период, как известно, порождали многочисленные проблемы и были связаны с существенными рисками для правовой системы России» [25. С. 39].

Заключение

Объяснительный потенциал системной лингвистики позволяет скорректировать или изменить отношение к магистральным направлениям языкознания рубежа XX—XXI веков, предлагать новое решение казавшихся решенными проблем, ставить новые вопросы в том числе в тех областях филологического знания, которые не затрагивались основоположниками классической и современной системной лингвистики В. фон Гумбольдтом,

И.И. Срезневским, А.А. Потебней, И.А. Бодуэном де Куртенэ, Г.П. Мельниковым. Понимание как единого целого типа языка, текста, типа текста, стиля, объяснение особенностей каждого уровня языка и текста и принципа согласования всех уровней между собой одним выявленным в результате применения системного метода свойством остаются в фокусе интереса авторов и участников программы научной стажировки.

Библиографический список

1. *Скребцова Т.Г.* Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: ЯСК, 2018.
2. *Minsky M.A.* Framework for representing Knowledge // P.H. Winston (ed.). *The Psychology of Computer Vision*. New York: McGraw-Hill, 1975.
3. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. *Fillmore Ch.* Frames and the Semantics of Understanding // *Cuaderni di Semantica*. 1985. № 6(2). P. 222—253.
5. *Langaker R.* Foundations of Cognitive Grammar. Stanford: Stanford University Press, 1986.
6. *Talmy L.* Towards a Cognitive Semantics. Cambridge, MA: The MIT Press, 2000.
7. *Jackendoff R.* Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution. Oxford and New York: Oxford University Press, 2002.
8. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
9. *Араева Л.А., Булгакова О.А., Калентьева Л.С., Керексибесов У.В., Крейдлин Г.Е., Крым И.А. и др.* Языковая картина мира телеутов. Кемерово: КГУ, 2016.
10. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
11. *Араева Л.А., Шумилова А.А.* Фреймовое моделирование словообразовательно-пропозициональной синонимии (на материале русских народных говоров) // *Филологическая регионалистика*. 2012. № 2(8). С. 41—45.
12. *Evans V., Green M.* Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
13. *Радбиль Т.Б.* Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: ЯСК, 2017.
14. *Чудинов А.П.* Две когнитивных лингвистики // *Политическая лингвистика*. 2011. № 4(38). С. 296—299.
15. *Бицилли П.М.* Заметки о некоторых особенностях развития русского литературного языка // *Избранные труды по филологии*. М.: Наследие, 1996. С. 249—340.
16. *Преображенский С.Ю.* Системный анализ стиха // *Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А.* Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: ЯСК, 2016. С. 303—376.
17. *Мельников Г.П.* О типах дуализма языкового знака // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 1971. № 5. С. 54—69.
18. *Мельников Г.П.* Языковой знак, значение и термин // *Место терминологии в системе современных наук*. М.: МГУ, 1969. С. 89—92.
19. *Мельников Г.П.* Семантика и системная типология // *Вопросы семантики*. М.: Наука, 1971. С. 123—126.
20. *Мельников Г.П.* Системная лингвистика и семиотические основания решения проблем семантики (Статья первая) // *Вестник РУДН: серия Лингвистика*. 2003. № 4. С. 5—14.
21. *Мельников Г.П.* Системная лингвистика и семиотические основания решения проблем семантики (Статья вторая) // *Вестник РУДН: серия Лингвистика*. 2003. № 5. С. 11—20.

22. Труфанова И.В. К каким лексико-грамматическим разрядам относится местоимение который? (статья) // Филологическая наука и школа: Диалог и сотрудничество: сб. тр. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Л.В. Дудова. М.: Флинта: Наука, 2016. С. 18—28.
23. Труфанова И.В. Лексикографический портрет местоимения *иной* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 509—518.
24. Амосова Т.В. Эволюция термина «верховенство права» в условиях глобализации. Лингвистический аспект // Государственная служба и кадры. 2018. № 4. С. 36—39.
25. Амосова Т.В. Принцип правовой определенности в зеркале лингвокультуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 773. С. 106—118.

References

1. Skrebtsova, T.G. (2018). *Cognitive linguistics: classical theories, new approaches*. Moscow: LRC. (In Russ.).
2. Minsky, M. (1975). *A Framework for representing Knowledge*. In: *The Psychology of Computer Vision*, P.H. Winston (ed.). New York: McGraw-Hill.
3. Lakoff, G. (2004). *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Moscow: LRC Publishers. (In Russ.).
4. Fillmore, Ch. (1985). Frames and the Semantics of Understanding. *Cuaderni di Semantica*, 6 (2), 222—253.
5. Langaker, R. (1986). *Foundations of Cognitive Grammar*. Stanford: Stanford University Press.
6. Talmy, L. (2000). *Towards a Cognitive Semantics*. Cambridge, MA: The MIT Press.
7. Jackendoff, R. (2002). *Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution*. Oxford and New York: Oxford University Press.
8. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004). *Metaphors We Live By*. Moscow: URSS. (In Russ.).
9. Araeva, L.A., Bulgakova, O.A., Kalentieva, L.S., Kereksibesov, U.V., Kreidlin, G.E., Crimea, I.A. et al. (2016) *Language picture of the world of teleuts*. Kemerovo: KGU. (In Russ.).
10. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). *Selected works on linguistics*. 2. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House. (In Russ.).
11. Araeva, L.A. & Shumilova, A.A. (2012). Frame modeling of word-formation-propositional synonymy (on material of Russian dialects). *Philological regional studies*, 2(8), 41—45. (In Russ.).
12. Evans, V. & Green, M. (2006). *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
13. Radbil', T.B. (2017). *Language and the world: Paradoxes of reflection*. Moscow: LRC Publishers. (In Russ.).
14. Chudinov, A.P. (2011). Two Cognitive Linguistics. *Political Linguistics*, 4(38), 296—299. (In Russ.).
15. Bicilli, P.M. (1996). *Notes on some features of the Russian literary language development*. In: *Selected works on philology*. Moscow: Nasledie. pp. 249—340. (In Russ.).
16. Preobrazhenskij, S.Ju. (2016). *Systemic analysis of the verse*. In: Valentinova, O.I., Denisenko, V.N., Preobrazhenskij, S.Ju. & Rybakov, M.A. *A systemic view as the basis of philological thought*. Moscow. pp. 303—376. (In Russ.).
17. Mel'nikov, G.P. (1971). On the types of linguistic sign dualism. *Philological Sciences. Scientific reports of higher education*, 5, 54—69. (In Russ.).
18. Mel'nikov, G.P. (1969). Language sign, meaning and term. In: *Place of terminology in the system of modern sciences*. Moscow: Moscow State University. pp. 89—92. (In Russ.).
19. Mel'nikov, G.P. (1971). Semantics and systemic typology. In: *Questions of semantics*. Moscow: Nauka. pp. 123—126. (In Russ.).

20. Mel'nikov, G.P. (2003). Systemic linguistics and semiotic foundations for solving the problems of semantics (Article One). *Russian Journal of Linguistics*, 4, 5—14. (In Russ.).
21. Mel'nikov, G.P. (2003). Systemic linguistics and semiotic foundations for solving the problems of semantics (Article Two). *Russian Journal of Linguistics*, 5, 11—20. (In Russ.).
22. Trufanova, I.V. (2016). What lexico-grammatical categories does the pronoun “kotoryj”? // Philological science and school: Dialogue and cooperation: According to the materials of the VIII International scientific-practical conference / L.V. Dudova (ed.). Moscow: Flinta: Nauka. pp. 18—28. (In Russ.).
23. Trufanova, I.V. (2017). Lexicographic portrait of a pronoun “inoj”. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(3), 509—518. (In Russ.).
24. Amosova, T.V. (2018). The evolution of the term “rule of law” in the context of globalization. Linguistic aspect. *Public administration and personnel*, 4, 36—39. (In Russ.).
25. Amosova, T.V. (2017). The principle of legal certainty in the mirror of linguistic culture. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching*, 773, 106—118. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Валентинова Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), руководитель программы научной стажировки «Общая и частная методология филологической науки». *Сфера научных интересов*: системная лингвистика, филологическая герменевтика, история литературного языка, история и теория поэтического языка; *e-mail*: valentinova-ov@rudn.ru

Денисенко Владимир Никифорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), руководитель образовательных программ магистратуры «Языкознание», «Русский язык». *Сфера научных интересов*: семантические и когнитивные исследования языка; теория семантического поля; контрастивный и сравнительный языковой анализ; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

Рыбаков Михаил Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов (РУДН), руководитель образовательной программы бакалавриата «Филология». *Сфера научных интересов*: лингвистическая типология, история языкознания, системная теория языка; *e-mail*: rybakov_ma@pfur.ru

Information about the authors:

Olga I. Valentinova, DSc in Philology, Full Professor, Professor at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), the Head of the scientific training program “General and specific methodology of philological science”. Her research interests include systemic linguistics, philological hermeneutics, history of the literary language, history and theory of poetic language; *e-mail*: valentinova-ov@rudn.ru

Vladimir N. Denisenko, DSc in Philology, Full Professor, the Head of the General and Russian Linguistics Department at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), the Head of the master's degree programs “Linguistics” and “Russian Language”. The sphere of research interests includes semantic and cognitive language studies, theory of semantic fields, contrastive and comparative linguistic analyses; *e-mail*: denisenko-vn@rudn.ru

Mikhail A. Rybakov, PhD in Philology, Associate-Professor at Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), the Head of the bachelor's degree program “Philology”. His research interests include linguistic typology, the history of linguistics, and a systemic theory of language; *e-mail*: rybakov_ma@rudn.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
